

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных трудов

Выпуск 5

Хабаровск
ДВЮИ МВД России
2020

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных трудов
по итогам научно-представительских мероприятий

Выпуск 5

Хабаровск
ДВЮИ МВД России
2020

ISBN 978-5-9753-0288-5

© ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России

УДК 34+35+37+15+004+005
ББК я54(67)
А437

Издается по решению редакционно-издательского совета
Дальневосточного юридического института МВД России

A437

Актуальные проблемы науки и практики [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. – Электрон. науч. изд. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018– .

Вып. 5. – 2020. – Режим доступа к вып.: https://mvd.ru/upload/site134/folder_page/012/627/311/Aktualnye_problemy_nauki_i_praktiki_ENI_Sbornik_nauchnykh_trudov_5.pdf. – ISBN 978-5-9753-0288-5.

В выпуске представлены материалы научно-представительских мероприятий, проводившихся Дальневосточным юридическим институтом МВД России в ноябре 2019 г. – марте 2020 г. В статьях с теоретической и практической точек зрения рассматриваются актуальные проблемы деятельности полиции, в частности в области раскрытия и расследования преступлений разных видов, борьбы с преступностью, в том числе с коррупцией, и др.; вопросы современной андрагогики; теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза.

Издание может представлять интерес для научно-педагогического состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций системы МВД России, для преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов иных образовательных организаций, для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Статьи изданы в авторском варианте (с сохранением графических выделений и примечаний), **без редакторской и корректорской обработки**. Ответственность за содержание материалов, в том числе за их соответствие лексическим и стилистическим нормам русского языка, за подбор и точность фактов, цитат, статистических данных, верность и полноту библиографических описаний, перевод на английский язык и т. п., несут авторы.

УДК 34+35+37+15+004+005
ББК я54(67)

Является самостоятельным электронным изданием.

Минимальные системные требования: 1) браузер Internet Explorer 6 или более поздней версии; 2) скорость подключения к сети Интернет – 1 Мбит/с и выше; **дополнительные программные средства:** Acrobat 6.0 и Adobe Reader 6.0, а также их более поздние версии.

ISBN 978-5-9753-0288-5

© ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России, 2020

Электронное научное издание выполнено с помощью пакета программ семейства Adobe (Adobe InDesign CC 2020, Adobe Acrobat DC).

Подготовка издания: *И. В. Кравцова*

Компьютерная верстка, дизайн: *А. В. Ковалев*

Объем издания: 5 Мбайт

Подписано к использованию 30.06.2020.
Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.
Тел.: 8 (4212) 46-52-17, e-mail: dvui@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖВУЗОВСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА

«УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ» (15 НОЯБРЯ 2019 ГОДА)..... 16

Антонов И. М. Субъект коррупционных преступлений по уголовному праву Франции 16

Антонова Е. Ю. Меры по противодействию коррупции..... 23

Базарова Ю. И. Коррупция в деятельности конкурсного управляющего 28

Велиев Я. П. Характеристика лиц, совершающих должностные преступления в процессе оформления и регистрации автотранспортных средств 32

Дряглина С. А. Коррупция в сфере налогообложения..... 38

Карпенко Н. А., Власюк (Денежкина) Д. И. Вопросы совершенствования организации работы по выявлению преступлений коррупционной направленности (на примере Хабаровского края) 42

Ким Е. П., Костенко К. А. К вопросу о внешнем противодействии при расследовании коррупционных преступлений 48

Кравченко К. М. Коррупция как детерминанта экстремизма и национализма в России 54

Литовченко В. В. Коррупция в современном спорте..... 59

Луценко Н. С. К вопросу об эффективности назначения судебного штрафа за коррупционные преступления..... 63

Нескородова И. С. К вопросу о ратификации Российской Федерацией статьи 20 Конвенции ООН против коррупции 69

Осипова Т. В. Понятие должностного лица как субъекта коррупционного преступления 74

Тюнин В. И., Радошинова Н. В. Очерк о борьбе с коррупцией в дореволюционной России 79

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ» (29 НОЯБРЯ 2019 ГОДА)..... 84**

Васильева Н. А., Игнатъева И. А. Проверка сообщения
о преступлении как этап стадии возбуждения уголовного дела..... 84

Волженин В. В. Уголовно-правовая характеристика
статьи 273 Уголовного кодекса Российской Федерации.
Рекомендации по расследованию преступлений данного вида 91

Воробей С. Н. Уголовно-процессуальные аспекты
производства обыска: проблемы теории и правоприменительной
практики..... 97

Воронин С. Э. Процессуальное положение следователя
в Китайской Народной Республике 101

Горчакова Е. В. Начальник органа дознания в уголовно-
процессуальном законодательстве Российской Федерации 106

Кузнецова С. М. Организационно-правовые аспекты
участия адвокатов в уголовном судопроизводстве и их роль
в реформировании уголовно-процессуального законодательства 110

Лунёва А. В. К вопросу об ограничении некоторых
прав обвиняемого (подозреваемого) при расследовании
уголовного дела..... 116

Мамошин М. А. Проблемы вызова специалиста для участия
в следственных и иных процессуальных действиях..... 121

И. Н.-о. Нуриев, Нагалеvская А. В. Проблемные вопросы
назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения
уголовного дела..... 125

Осипова Т. В. Вопросы пресечения злоупотреблений со стороны
обвиняемого и его защитника при ознакомлении с материалами
уголовного дела..... 129

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА» (29 НОЯБРЯ 2019 ГОДА) 134**

Кожина Ю. Г., Ван Си Обучение русскому языку как иностранному с профессиональными целями..... 134

Кожина Ю. Г., Лю Юнь Хун Практика проведения занятий по русскому языку как иностранному с курсантами Хэйлунцзянского института профессиональной подготовки милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики 139

Кочетова И. Д., Лю Вэньсюй Российско-китайское сотрудничество в сфере образования в условиях глобализации 148

Аблецова Н. В. Преподавание немецкого языка как второго иностранного на Дальнем Востоке России 154

Акенина А. В. Процесс взросления как особый правовой статус человека..... 160

Анохина А. И. О необходимости формирования языковой корректности у сотрудников ГИБДД в рамках делового профессионального общения 166

Ахметшина Ю. В. Цифровые технологии на занятиях по иностранному языку..... 170

Белинская Г. П., Стрелкова Е. А. Обучение иностранному языку в неязыковых вузах в аспекте лингводидактики..... 174

Богомаз З. А. Образовательная событийность как условие формирования профессионально-педагогической позиции преподавателей и мастеров производственного обучения 179

Варзанова В. Ю. Лексические способы реализации информативной функции в заголовках медиатекстов (на материале заголовков сетевых версий изданий The Telegraph и The Independent)..... 185

Васкина Е. А. Современные средства обучения иностранному языку и их роль в процессе формирования нравственных ценностей 190

Гордиенко В. А. Новая норма английского языка? 193

Дежина Т. П. О соотношении терминов «арго», «жаргон», «сленг»	198
Евдокимова М. Г. Принцип субъективного обучения профессиональному иностранному языку в проектной методике	204
Игумнова Г. Г. Языковая стажировка как форма обучения иностранному языку (из опыта проведения языковых стажировок в Китайской Народной Республике)	209
Калашикова С. В. Формирование социокультурной компетенции у обучаемых образовательных организаций МВД России	215
Котова Г. В. Обучение иностранному языку в вузе МВД России: понятийные составляющие	218
Кравчук А. С. Основные векторы развития языковой подготовки в образовательных организациях нефилологического профиля	224
Крадожён-Мазурова Е. М. Лингвистическая экспертиза по вопросу защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию	231
Лариошин А. С. О поликультурности образовательного пространства высшей школы: авторский взгляд на проблематику	237
Лесникова Н. А., Пичугина Е. И. Иностранный язык как средство междисциплинарной интеграции	242
Лукашёва Н. Ю. Воспитание высокой профессионально-нравственной культуры как метод профилактики профессиональной деформации у сотрудников полиции	246
Лукина О. А. Язык как инструмент воздействия в учебном процессе	251
Маленкович Т. М. Формирование soft skills при изучении иностранного языка	254
Мартынова Н. А. Обучение неконфликтному общению при формировании коммуникативной компетенции	259
Морковин А. М. О проблемах и перспективах преподавания иностранных языков в неязыковых образовательных организациях высшего образования	263

Музыка Ю. В. Культура как «орудие воспитания» и средство развития личности и нации в педагогических концепциях рубежа XIX–XX веков	267
Павлова Г. Б. Кейс-технология в образовательном процессе и ее влияние на развитие познавательного потенциала личности	272
Павлова Я. А. К вопросу о понятии юридического дискурса в современной лингвистике	277
Пак С. М. Лингвокультурные характеристики песни как учебного материала и аспекта межкультурной коммуникации.....	283
Петрова Н. А. Формирование умений вести светскую беседу при обучении английскому языку для делового общения.....	289
Подольская О. С. Метафора как способ отражения реальности.....	294
Помченко М. А., Резанова Н. В. Проблема методов фиксации и коррекции ошибок при обучении говорению.....	298
Селиверстова О. В. Интеллектуализация языкового образования в экономическом вузе.....	302
Скоринова Ю. А. К вопросу совершенствования языковой компетентности сотрудников полиции в процессе изучения дисциплины «Русский язык в деловой документации. Культура речи»	307
Солдатова О. Б. Развитие навыков монологического высказывания у обучающихся неязыковых вузов.....	312
Соломенко Н. И. Средства создания комического в интернет-постерах развлекательных сайтов.....	316
Стрелкова Е. Ю. Некоторые аспекты синдрома профессионального выгорания преподавателя.....	323
Стрельников И. А. Учебно-методическое обеспечение в обучении иероглифике студентов и курсантов неязыковых вузов в сфере профессиональной деятельности	328
Тямолова А. Н. Коммуникативная составляющая в обучении иностранному языку	333

Уманец И. Ф. Лингвострановедческая образовательная среда современного вуза.....	337
Ушакова И. Б. Название научной статьи на русском и английском языках: современные тенденции	342
Федотова И. П. Адаптация и интертекстуальность: концепция Томаса Лейча	347
Цюпко И. Н., Балюк Н. И. Принцип преемственности в процессе обучения иностранному языку: от среднего профессионального к высшему образованию.....	361
Шашкова В. Н. Лингвистический анализ компонентов концептуального поля «задержание подозреваемого» в английском и русском языках	368
 МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОГО КРУГЛОГО СТОЛА	
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АНДРАГОГИКИ» (11 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА)	374
Древаль А. Н. Об оптимизации получения образования по заочной форме обучения	374
Зинятова М. Н., Шелковникова А. Е. Особенности мотивации к обучению граждан старшего поколения: социологический анализ.....	378
Солдаткина Н. В. Проблемы и противоречия в системе образования взрослых.....	383
 МАТЕРИАЛЫ МЕЖВУЗОВСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА	
«ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ» (25 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА)	389
Костенко К. А. Некоторые процессуальные особенности производства по уголовным делам о ятрогенных преступлениях	389
Осипова Т. В. Процессуальные особенности досудебного производства по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними	397

Петров С.А. К вопросу о пересмотре сроков приостановления предварительного следствия	402

Трубчик И. С. Некоторые тактические особенности раскрытия убийств прошлых лет	408

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА «ПРИАМУРСКИЙ МИНАРЕТ» (26 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА)	412

Власов К.А. Профилактика религиозного экстремизма в подростково-молодежной среде органами внутренних дел: вопросы пропаганды и воспитания	412

Дьяченко Е.А. Воспитательный потенциал ислама.....	423

Ищенко О.А. Квалификация мусульманского брака в романо-германской правовой традиции	427

Лада А. С. Религиозный аспект в трудовых отношениях как средство предотвращения межконфессиональных конфликтов	432

Мазитов Р.Р. Современное образование в свете социально-правовой доктрины российских мусульман как основа развития традиционного ислама	438

Мусинова М.А. Политизация ислама: конструктивные и деструктивные формы.....	442

Салтыков К. Г. Религиозно-юридическое значение речевой формулы обращения к султану Мехмеду II Фатиху (после 1453 года)	449

Трофимчук Н. В. Свобода совести и вероисповедания в России (исторический аспект).....	455

Турчина О. В. Соотношение светских и духовных основ в законодательстве России.....	460

Шабловская Д.А. К вопросу о взаимодействии религиозных объединений и органов внутренних дел в процессе формирования профессиональных компетенций	464

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ» (24 МАРТА 2020 ГОДА)..... 467**

Антонов И. М. Наказуемость торговли людьми: вопросы теории и законодательной регламентации 467

Антонова Е. Ю. Ответственность за домашнее сексуальное насилие по российскому уголовному законодательству 471

Базарова Ю. И. Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства: «сопутствующие» преступления и конкурирующие нормы 479

Брюхнов А. А., Морунова П. В. Киберпреступность как новая криминальная угроза..... 486

Дряглина С. А. К вопросу о детерминантах налоговой преступности..... 491

Ермакова О. В. Обещание и предложение посредничества во взяточничестве как формы преступного деяния 494

Замалеева С. В. Преступления против жизни и здоровья по уголовному законодательству Франции..... 499

Иванов А. Г. К вопросу осознания общественной опасности как интеллектуального элемента умысла в условиях субъективной реальности..... 505

Корзун И. Г. Организатор как вид соучастника преступления, предусмотренный законодателем (часть 1 статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации)..... 512

Костенко К. А. Выявление преступлений, подследственных Следственному комитету Российской Федерации, путем мониторинга средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет 516

Кравченко К. М. Неонацизм в молодежной среде России..... 522

Лащенко Р. А. Современные способы легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем 530

Литовченко В. В. К вопросу о субъективной стороне преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации	537
Луценко Н. С. Судебный штраф: характеристика, проблемы законодательной регламентации и пути их преодоления	541
Никитенко И. В. Преступления, связанные с незаконной добычей и оборотом водных биологических ресурсов	546
Путинцева А. В. Кибербуллинг как современная криминальная угроза	552
Пшеничных А. В. Особенности противодействия правонарушениям в сфере незаконного изготовления и сбыта поддельных и контрафактных автозапчастей	557
Романовская М. Н. Потерпевший от преступлений экономической направленности в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами	563
Самойлюк Н. В. Преступления против жизни и здоровья по законодательству Болгарии	568
Сливко Н. К. Международно-правовые стандарты возмещения вреда потерпевшим от преступлений	575
Сорокун Н. С., Трофимова О. А. Психология преступности несовершеннолетних	581
Тепляков В. П. Эффективность уголовно-правовых средств борьбы с вандализмом	587
Цыганова Е. И. К вопросу об обусловленности криминализации вовлечения несовершеннолетних в совершение действий, опасных для их жизни	592
Швейгер А. О. Вопросы квалификации статьи 312 Уголовного кодекса Российской Федерации	597
Якоб Е. И. Проблемы противодействия домашнему насилию	602

МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ» (27 МАРТА 2020 ГОДА).....	606

<i>Велиев Я. П.</i> Проблемы проведения оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка» при выявлении и раскрытии мошенничества в сфере купли-продажи автотранспортных средств	606

<i>Гирийчук В. В.</i> Проблемные вопросы получения оперативной информации современными специальными техническими средствами	611

<i>Карпенко Н. А.</i> Проблемные вопросы нормативно-правового регулирования оперативно-разыскного мероприятия «Наведение справок»	615

<i>Котельвин М. О.</i> Пределы прокурорского надзора за оперативно-разыскной деятельностью органов внутренних Российской Федерации	620

<i>Крапива И. И., И. В. Прудникова</i> Уголовно-правовая характеристика киберпреступности	624

<i>Наливайко Е. О.</i> Совершенствование мер оперативно-разыскного характера как одно из основных направлений противодействия дистанционным мошенничествам	630

<i>Полушин В. Е.</i> Законодательство об административных правонарушениях: баланс убеждения и принуждения в достижении цели	634

<i>Ситкина М. Н.</i> Административная преюдиция как мера предупреждения преступлений в области дорожного движения	641

<i>Филимонов И. А.</i> Оперативно-разыскное обеспечение уголовно-процессуальной меры пресечения в виде запрета определенных действий	646

<i>Шишкина О. Е.</i> Административная ответственность и контрольно-надзорная деятельность: актуальные проблемы реформирования	651

МАТЕРИАЛЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО КРУГЛОГО СТОЛА «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ И СОБСТВЕННОСТИ» (27 МАРТА 2020 ГОДА).....	658

<i>Дорохова Е. В.</i> К вопросу об участии врача иной специальности в осмотре трупа на месте происшествия.....	658

<i>Жердев П. А., Белозерова А. Д.</i> Криптовалюта как предмет преступления: проблемы правового регулирования.....	663

<i>Звягин Д. С.</i> Порядок назначения фоноскопических экспертиз	669

<i>Мерецкий Н. Е.</i> Закономерности объективной действительности, влияющие на разработку тактических приемов и комбинаций	673

<i>Серебрянникова М. В., Драганюк А. Ю.</i> Значение габитоскопии в раскрытии и расследовании преступлений	679

<i>Усенко О. В.</i> Особенности следственного эксперимента в расследовании дорожно-транспортных преступлений	686

МАТЕРИАЛЫ МЕЖВУЗОВСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА «УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ» (15 НОЯБРЯ 2019 ГОДА)

УДК 343

СУБЪЕКТ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ФРАНЦИИ

И. М. Антонов, доцент кафедры уголовного права и криминологии Хабаровского государственного университета экономики и права, кандидат юридических наук, доцент

В статье на примере Франции рассматривается вопрос о субъектах коррупционных преступлений. Автор акцентирует внимание на том, что субъектами коррупционных преступлений во Франции являются не только физические, но и юридические лица.

Ключевые слова: коррупционное преступление; субъект преступления; должностное лицо; юридическое лицо; опыт зарубежных стран.

SUBJECT OF CORRUPTION CRIMES UNDER CRIMINAL LAW OF FRANCE

I. M. Antonov, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Khabarovsk State University of Economics and Law, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

The article on the example of France addresses the issue of the subjects of corruption crimes. The author focuses on the fact that the subjects of corruption crimes in France are not only individuals but also legal entities.

Keywords: corruption crime; subject of crime; official; legal entity; experience of foreign countries.

Франция оценивается экспертами как страна с умеренным уровнем коррупции. Так, данные исследований международной неправительственной организации Transparency International показывают, что в 2018 г. Франция заняла 21 место из 180 стран, набрав 72 балла (в 2017 г. – 23 место, 70 баллов) [4].

Уголовный кодекс Франции [9] регламентирует ответственность за такие коррупционные преступления как активное и пассивное взяточничество, в том числе иностранных должностных лиц, торговлю влиянием, вымогательство и растрату со стороны должностных лиц, а также коррупцию в частном секторе.

Субъектом коррупционных преступлений в первую очередь являются публичные должностные лица, к которым относятся:

1) лица, обладающие публичной властью (высшие должностные лица Франции);

2) лица, состоящие на государственной службе (чиновники четырех иерархических категорий, каждая из которых включает несколько рангов государственных служащих);

3) лица, обладающие избирательным мандатом (выборные должностные лица) [8, с. 220].

В соответствии с Законом о правах и обязанностях государственных служащих от 13 июля 1983 г. на государственного чиновника возложена обязанность «посвятить себя только службе». Как верно отмечает Н. Е. Крылова, названный закон является своеобразным «кодексом чести» государственного служащего, который не должен быть корыстным [6, с. 147].

Ответственность за пассивную коррупцию и торговлю влиянием, совершенных лицами, занимающими публичную должность, регламентируется ст. 432-11 УК Франции. Субъектами данного коррупционного преступления признаются лица, обладающие публичной властью, выполняющие обязанности по государственной службе или наделенные избирательным мандатом. Суть преступления заключается в деянии, выразившемся в вымогательстве или принятии, без законных на то оснований, в любой момент, прямо или косвенно, подношений, обещаний, подарков, презентов или каких бы то ни было преимуществ:

– либо для совершения или воздержания от совершения какого-либо действия, входящего в круг его полномочий или обязанностей или обусловленного его мандатом, или действия, совершение которого облегчено его должностью, обязанностями или мандатом (п. 1);

– либо для злоупотребления своим влиянием, действительным или мнимым, с целью получения от государственного органа власти или управления наград, должности, выгодных сделок или любого другого благоприятного решения (п. 2).

Примечательно, что законодатель одинаково оценивает степень общественной опасности вымогательства взятки и принятия взятки. Оба этих деяния предусматривают в качестве основных наказаний 10 лет тюремного заключения и штраф. Отметим, что по российскому законодательству вымогательство взятки расценивается в качестве квалифицирующего признака и влечет за собой более строгое наказание.

Кроме того, УК Франции запрещает лицам, обладающим публичной властью, выполняющим обязанности по государственной службе или наделенным избирательным мандатом, принимать, получать или сохранять, прямо или косвенно, какую-либо выгоду в предприятии или операциях, по которым лицо на момент совершения действия обязано по службе обеспечить полный или частичный надзор, управление, ликвидацию или производство расчета. Содеянное влечет за собой наказание в виде 5 лет тюремного заключения и выплату штрафа.

Дополнительно субъектам пассивной коррупции и незаконного получения выгоды могут быть назначены такие наказания, как:

- запрещение пользоваться политическими, гражданскими и семейными правами;
- запрещение занимать публичную должность или выполнять профессиональную или общественную деятельность, при осуществлении или в связи с осуществлением которой преступное деяние было совершено;
- конфискация денежных сумм или предметов, незаконно полученных исполнителем преступного деяния, за исключением предметов, подлежащих реституции;
- афиширование или иное распространение вынесенного решения (осуществляется за счет осужденного лица).

Активная коррупция (ст. 433-1 УК Франции) заключается в деянии, выразившемся в прямом или косвенном предложении без законных на то оснований в любой момент подношений, обещаний, подарков, презентов или каких бы то ни было преимуществ с тем, чтобы добиться от пассивного коррупционера совершения вышеназванных действий (бездействия).

Активная коррупция влечет за собой такое же наказание, что и пассивная коррупция, – 10 лет тюремного заключения и штраф. Кроме того, физические лица, признанные виновные в активной коррупции, могут быть подвергнуты таким дополнительным наказаниям, как:

- запрещение пользоваться политическими, гражданскими и семейными правами;
- запрещение продолжительностью не более 5 лет занимать публичную должность или выполнять профессиональную или общественную деятельность, при осуществлении или в связи с осуществлением которой преступное деяние было совершено;
- афиширование или распространение решения;
- конфискация вещи, которая служила или была предназначена для совершения преступного деяния, или вещи, которая была получена в результате преступного деяния, за исключением предметов, подлежащих реституции.

В отличие от российского уголовного законодательства французский законодатель расширил сферу уголовной деликтоспособности за коррупцион-

ные преступления, включив в число их субъектов корпоративные образования [3, с. 192–220]. Основным условием привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, в том числе за коррупционные деяния, является совершение преступления в их пользу органами или представителями юридического лица (ст. 121-2 УК Франции).

Отметим, что французское законодательство различает юридических лиц публичного и частного права. Публичными юридическими лицами считаются государство, департаменты, государственные учреждения, государственные учебные заведения, торговые палаты, благотворительные организации и др. При этом, регламентируя корпоративную уголовную ответственность, французский законодатель исходит из того, что:

- 1) вне зависимости от того является ли юридическое лицо частного права коммерческой или некоммерческой компанией, оно может быть привлечено к уголовной ответственности;
- 2) учитывая невозможность взыскания штрафов с государства в государственный же бюджет, распространить действие уголовного закона на такой субъект, как государство не представляется возможным;
- 3) уголовной ответственности подлежат муниципальные образования и их объединения при совершении деяний при исполнении полномочий, которые делегировались частным лицам;
- 4) все иные юридические лица публичного права могут быть субъектами уголовной ответственности [7, с. 59–60].

Юридические лица признаются субъектами активной коррупции и на основании ст. 433-25 УК Франции им назначается штраф (равный пятикратному размеру штрафа, предусмотренного за такие же деяния для физических лиц). К ним могут также применяться продолжительностью не более 5 лет:

- запрещение осуществлять прямо или косвенно один или несколько видов профессиональной или общественной деятельности; помещение под судебный надзор;
- закрытие всех заведений или одного или нескольких из заведений предприятия, служивших совершению вменяемых в вину деяний;
- исключение из участия в договорах, заключаемых от имени Государства; запрещение обращаться с публичным призывом к размещению вкладов или ценных бумаг;
- запрещение пускать в обращение чеки иные, нежели те, которые позволяют получать средства векселедателем в присутствии плательщика по переводному векселю, или те, которые удостоверены, либо пользоваться кредитными карточками.

Кроме того, в отношении юридического лица могут быть применены такие наказания, как конфискация вещи, которая служила или была предназначена для

совершения преступного деяния, или вещи, которая была получена в результате преступного деяния, за исключением предметов, подлежащих реституции; а также афиширование или распространение решения.

В связи с введением в действие на территории Франции Конвенции Совета Европейского союза от 26 мая 1997 г. (принята на основании ст. К.3 (2)(с) Договора о Европейском союзе) о борьбе с коррупцией, к которой причастны служащие европейских сообществ или служащие государств – членов Европейского союза, УК Франции был дополнен специальными нормами о пассивной и активной коррупции. К числу субъектов пассивной коррупции (ст. 435-1 УК Франции) законодатель отнес функционера сообщества или государственного функционера какого-либо иного государства – члена Европейского союза или какого-либо члена Комиссии европейских сообществ, Европейского парламента, Судебной палаты (Cour de Justice) и Счетной палаты европейских сообществ. Суть пассивной коррупции заключается в требовании или принятии без законных на то оснований в любой момент прямо или косвенно, подношений, обещаний, подарков, презентов или каких бы то ни было преимуществ для того, чтобы совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия, входящего в круг полномочий указанных субъектов или обязанностей или обусловленных их мандатом, или действия, совершение которого облегчено их должностью, обязанностями или мандатом.

Пассивная коррупция влечет за собой наказание в виде тюремного заключения на срок десять лет и штрафа.

Такое же наказание предусмотрено и для субъектов активной коррупции, которая, согласно ст. 435-2, 435-3, 435-4 УК Франции, заключается в совершении деяния, выразившегося в предложении без законных на то оснований в любой момент прямо или косвенно подношений, обещаний, подарков, презентов или каких бы то ни было преимуществ с тем, чтобы добиться субъектов пассивной коррупции того, чтобы он совершил или воздержался от совершения какого-либо действия, входящего в круг его полномочий или обязанностей или обусловленного его мандатом, или действия, совершение которого облегчено его должностью, обязанностями или мандатом.

Наряду с теми же дополнительными наказаниями, которые назначаются публичным должностным лицам и физическим лицам, виновным в активной коррупции и незаконном получении выгоды, физическим лицам, виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 435-1, 435-2, 435-3, 435-4 УК Франции, может быть запрещено пребывать на французской территории бессрочно либо сроком не более 10 лет. Данная мера назначается в отношении любого иностранца, виновного в совершении какого-либо из рассматриваемых преступных деяний. Субъектами активного подкупа функционеров Европейских сообществ,

функционеров государств – членов Европейского союза, членов учреждений европейских сообществ могут быть и юридические лица.

В Российской Федерации, как уже было отмечено, юридические лица не привлекаются к уголовной ответственности, но могут быть субъектами административных правонарушений. Одним из таких правонарушений является незаконное вознаграждение от имени юридического лица (ст. 19.28 КоАП РФ). При этом к административной ответственности за данное правонарушение привлекаются лишь юридические лица, а физические лица, действовавшие от имени или в интересах юридического лица, будут подлежать уголовной ответственности. В теории уголовного права такое раздвоение ответственности за одно и то же деяние получило название квазиуголовной ответственности, то есть когда применяются административно-правовые меры воздействия за деяния, объявленные законодателем преступлением [2, с. 55–61]. Научные исследования, зарубежный опыт, а также практика применения административно-правовых мер воздействия в отношении юридических лиц демонстрируют возможность признания таковых в качестве субъекта преступления [1, с. 81–87].

Отметим и то, что французский законодатель не ограничивается лишь уголовно-правовыми мерами для сдерживания коррупционных преступлений. Например, в 2016 г. во Франции был принят Закон № 2016-1691 «О прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизации экономической жизни». Данный закон внес новшества в борьбу с коррупцией в рассматриваемой стране. В частности, законом предусмотрено использование соглашений об отсрочке судебного разбирательства, установление обязанности организаций, численность которых превышает 500 человек, а годовой оборот – 100 млн евро (7 млрд рублей), принимать меры по предупреждению коррупции, создание Антикоррупционного агентства с расширенным по сравнению с предшествующим органом перечнем полномочий, усиление мер по защите заявителей о коррупции и иные. В стране также действует Высшее ведомство по обеспечению прозрачности общественной жизни, контролирующее сбор и опубликование деклараций активов и интересов должностных лиц, в ведении которого с 1 июля 2017 г. находится еще и реестр лоббистов [5].

Представляется, что опыт Франции может быть полезен при конструировании эффективного механизма по предупреждению преступлений коррупционной направленности.

Список источников

1. Антонова Е. Ю. Административная ответственность юридических лиц – «испытательный полигон» для корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // Законодательство. 2011. № 5. С. 81–87.
2. Антонова Е. Ю. Квазиуголовная корпоративная ответственность // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Даль-

- невосточном регионе: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 29–30 мая 2014 / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2014. С. 55–61.
3. Антонова Е. Ю. Уголовная ответственность корпоративного (коллективного) субъекта за коррупционные преступления // Вопросы права и политики. 2013. № 4. С. 192–220.
 4. Индекс восприятия коррупции за 2018 год // Transparency International: [сайт]. URL: https://www.transparency.org/news/pressrelease/2018_Corruption_Perceptions_Index_RU (дата обращения: 30.10.2019).
 5. Коррупция в Евросоюзе: новый доклад исследовательского центра Европарламента // yuki.org: [сайт]. URL: https://yuki.org/main/news_page/korruptsiya_v_evrosoyuze_novyy_doklad_issledovatel'skogo_tsentra_evroparlamenta (дата обращения: 25.10.2019).
 6. Крылова Н. Е. Уголовный кодекс Франции: учеб. пособие. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 159 с.
 7. Румянцева Ю. Н. Злоупотребление должностными полномочиями в России и Франции (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Иркутск, 2018. 231 с.
 8. Уголовное право зарубежных стран: в 3 т. Т. 3. Особенная часть: учеб. / отв. ред. Н. Е. Крылова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 397 с.
 9. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крыловой; пер. с фр. и предисловие Н. Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. 650 с.

УДК 343

МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

***Е. Ю. Антонова**, завкафедрой уголовного права и криминологии Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, доцент*

В статье ставится вопрос о выработке эффективных мер, направленных на противодействие коррупции. Автор приходит к выводу о том, что принятие новых законов, усиливающих ответственность за коррупционные деяния, а также создание новых ведомств по борьбе с коррупцией не способствуют снижению уровня коррупции.

Ключевые слова: коррупция; индекс восприятия коррупции; уровень коррупции; противодействие коррупции; комплаенс-программа; защита осведомителей.

MEASURES TO COUNTER CORRUPTION

***E. Yu. Antonova**, chair head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Khabarovsk State University of Economics and Law, Doctor of Law, Associate Professor*

The article raises the question of developing effective measures aimed at combating corruption. The author comes to the conclusion that the adoption of new laws that increase responsibility for corruption, as well as the creation of new anti-corruption agencies does not reduce corruption.

Keywords: corruption; corruption perception index; level of corruption; anti-corruption; compliance program; whistleblower protection.

Одной из актуальных проблем современности является противодействие коррупции. По данным исследований международной неправительственной организации Transparency International, в 2018 г. страны (исследование велось в отношении 180 стран) практически не продемонстрировали прогресса в вопросе противодействия коррупции. В частности, более 2/3 стран получили меньше 50 баллов (согласно методологии исследования, чем меньше баллов получает страна, тем более коррумпированной она является), а средний результат по всем странам составил 43 балла.

Наименее коррумпированными странами были признаны Дания, Новая Зеландия, Финляндия, Сингапур, Швеция и Швейцария, набравшие от 85 до 88 баллов. Наиболее коррумпированными, согласно представленному рейтин-

гу, являются Северная Корея, Йемен, Южный Судан, Сирия и Сомали (10–14 баллов). Россия заняла в рейтинге 138 строчку, получив 28 баллов и ухудшив свои результаты по сравнению с 2017 г. (в 2017 г. страна заняла 135 место, набрав 29 баллов) [4].

Таким образом, общая картина в мире по уровню коррупции свидетельствует о том, что ни одна страна не выработала надежных и эффективных способов по противодействию данному явлению.

Основные меры по противодействию коррупции в основном сводятся либо к принятию новых законов (как правило, усиливающих ответственность за коррупционные деяния), либо к созданию новых ведомств по борьбе с коррупцией. Такие меры не приносят должных результатов.

Например, опыт КНР показывает, что применение суровых мер наказания (длительные сроки лишения свободы, пожизненное лишение свободы, конфискация имущества, крупные штрафы и даже смертная казнь) не является эффективным средством в противодействии с коррупцией [1, с. 42–52].

В последние годы в КНР принимаются и иные меры. В частности, 20 марта 2018 г. по итогам первой сессии 13-го Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в КНР был принят Закон о надзоре (Supervision Law). Данным нормативным правовым актом была регламентирована деятельность таких новых подразделений, как Национальная надзорная комиссия (National Supervision Commission) и надзорные антикоррупционные органы во всех муниципальных образованиях страны, которые являются независимыми от центрального правительства и органов местного самоуправления, а также от судебной системы и органов прокуратуры.

Комиссию и муниципальные антикоррупционные органы наделили значительными полномочиями по борьбе с коррупционными преступлениями, а также со злоупотреблениями служебными полномочиями, халатностью и растратой государственного имущества, включая практически полный контроль над инициацией и проведением расследований, возможность задерживать любых подозреваемых лиц и собирать доказательства наличия преступления [3].

Основные результаты деятельности таких органов в основном сводятся к выявлению деяний коррупционной направленности.

Так, из доклада Центральной комиссии по проверке дисциплины ЦК КПК и Национальной надзорной комиссии следует, что в первом полугодии 2019 г. в КНР соответствующие контролирующие дисциплинарные органы по всей стране получили 1,6 млн жалоб и доносов, осуществили более 168 тыс. бесед и письменных запросов, возбудили свыше 351 тыс. дел, распорядились принять меры за коррупционные и дисциплинарные правонарушения в отношении 254 тыс. чиновников, из которых 215 тыс. получили партийное взыскание. К ответственности были привлечены 20 чиновников министерского уровня и уровня

руководства провинций, 2 тыс. управленцев в госпредприятиях и госучреждениях, порядка 11 тыс. руководителей различных отделов в госучреждениях и госпредприятиях уездного уровня [2].

Отметим, что 30 марта 2016 г. Верховная народная прокуратура Китая (ВНП), Министерство общественной безопасности КНР и Министерство финансов КНР издали несколько постановлений о защите осведомителей за сообщения о тяжких преступлениях, направленных на борьбу с коррупцией, взяточничеством, растратой и должностными преступлениями чиновников. В соответствии с данными положениями осведомителям предоставляются социальные льготы и денежное вознаграждение до 500 тыс. юаней. Информатор, который сделал «важное сообщение», может рассчитывать и на более высокое вознаграждение с одобрения ВНП. В отношении осведомителей запрещаются «акты мести» (не только угрозы в отношении безопасности осведомителей и их близких родственников или их имущества, но и другие неправомерные акты, такие как клевета, увольнение с работы, понижение в должности, невыплата заработной платы или премии либо их задержка без уважительных причин) [7, с. 46].

Вместе с тем говорить о том, что уровень коррупции в стране снижается, пока не приходится. Более того, Индекс восприятия коррупции показывает, что в 2018 г. КНР ухудшила свои позиции, набрав 39 баллов (87 место) по сравнению с 2017 г. – 41 балл (77 место).

Согласимся с мнением о том, что попытки бороться с коррупцией никогда не приносят результата, если они узко направлены и сосредоточены на традиционных инициативах, таких как принятие очередного закона о борьбе с коррупцией, неисполняемого на практике, проведение новой антикоррупционной кампании или создание еще одного ведомства по борьбе с коррупцией. Требуется комплексный подход к управлению, меняющий стимулы и решающий проблему коррупции системно, с устранением «захвата» и коррумпированных сетей. Важное место в таком подходе должны занимать усиление судебной системы наряду с реформированием финансирования политической деятельности, созданием меритократических систем и обеспечением прозрачности и подотчетности. В нем должны участвовать все ветви государственного управления, равно как и гражданское общество, средства массовой информации и частный сектор [5, с. 22].

Так, известным является факт того, что участники коррупционных сделок часто обоюдно не заинтересованы в том, чтобы информация об их взаимодействии стала известна третьим лицам; в значительной части случаев недобросовестное поведение так и остается скрытым, а окружающие могут лишь наблюдать его неблагоприятные последствия. В этой связи для выявления и расследования коррупционных правонарушений немалое значение приобретает внедрение специальных механизмов, позволяющих своевременно получать сведения о го-

товящихся или совершенных злоупотреблениях от лиц, которым в силу тех или иных обстоятельств стало о них известно. В частности, большую ценность имеет информация, полученная служащими или работниками в ходе исполнения ими должностных обязанностей и касающаяся предполагаемых нарушений, планируемых или допущенных их руководителями, коллегами или органом (организацией) в целом. Раскрытие такой информации в англоязычной литературе обозначается термином *whistleblowing* [6, с. 11–12]. Отметим, что многие страны уже стали разрабатывать и принимать нормативные правовые акты, регулирующие защиту осведомителей. На необходимость принятия таких нормативных правовых актов и политик было обращено внимание и на саммите Группы двадцати (G20), который состоялся 28–29 июня 2019 г. в Осаке (Япония).

Кроме того, государства должны разрабатывать методику по формированию в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, а также вырабатывать меры по стимулированию антикоррупционного поведения. Среди стимулирующих мер особое внимание, на наш взгляд, необходимо обратить на разработку в организациях так называемых комплаенс-программ, которые регламентируют внутренние механизмы и процедуры обеспечения неподкупности, контроль и поощрение заявителей о недобросовестном поведении, эффективное применение кодексов этики и поведения. Целью комплаенс-программы является снижение коррупционных действий от имени и (или) в интересах корпоративного образования.

Сказанное позволяет заключить, что репрессивные методы воздействия на лиц, допускающих коррупционное поведение, не всегда являются эффективными. Лишь комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер способно оказать сдерживающее воздействие на действия коррупционной направленности.

Список источников

1. Антонова Е. Ю. Ответственность за преступления коррупционной направленности по уголовному законодательству Китайской Народной Республики // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию со дня образования Дальневосточного юридического института МВД России): сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 22–23 сентября 2016 г. / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. С. 45–52.
2. В Китае с начала года более 250 тысяч чиновников наказали за коррупцию // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20190723/1556787527.html> (дата обращения: 15.10.2019).

3. В Китае создана национальная система антикоррупционных органов // yuki.org: [сайт]. URL: https://yuki.org/main/news_page/v_kitae_sozdana_natsionalnaya_sistema_antikorrupsionnyh_organov (дата обращения: 15.10.2019).
4. Индекс восприятия коррупции за 2018 год // Transparency International: [сайт]. URL: https://www.transparency.org/news/pressrelease/2018_Corruption_Perceptions_Index_RU (дата обращения: 15.10.2019).
5. Кауфманн Д. Коррупция имеет значение // Финансы и развитие. 2015. Сентябрь. С. 20–23 // International Monetary Fund: [сайт]. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2015/09/pdf/kaufmann.pdf> (дата обращения: 16.10.2019).
6. Конов А. В., Маскалева О. С., Горбачева Н. С. Служебные разоблачения и защита заявителей: опыт США, Великобритании и Канады: доклад. М.: ООО «ФТБС консалтинг», 2018. 236 с.
7. Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Сухаренко А. Н. Противодействие коррупции в Китае. Законодательство и правоприменение: моногр. М.: Проспект, 2019. 176 с.

УДК 343.3/.7

КОРРУПЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНКУРСНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

*Ю. И. Базарова, адъюнкт Дальневосточного юридического института
МВД России*

Автор рассматривает некоторые способы совершения коррупционных преступлений конкурсным управляющим на разных стадиях конкурсного производства в отношении имущества лица, признанного банкротом. Предлагаются пути противодействия описанным видам коррупционного поведения с целью улучшения качества защиты прав кредиторов при банкротстве юридических и физических лиц.

Ключевые слова: конкурсный управляющий; конкурсное производство; коррупция; противодействие; банкротство; торги; имущество должника; право кредитора; уголовное право; уголовная ответственность.

CORRUPTION ACTIVITY OF BANKRUPTCY TRUSTEE

*Yu. I. Bazarova, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

The author considers some methods of committing corruption crimes by the bankruptcy trustee at different stages of bankruptcy proceedings in relation to the property of a person declared bankrupt. There are ways to combat corruption behavior in order to improve the quality of protection of the rights of creditors in the event of bankruptcy of legal entities and individuals.

Keywords: bankruptcy trustee; bankruptcy proceedings; corruption; opposition; bankruptcy; tendering; debtor's property; creditor right; criminal law; criminal liability.

Очевидно, что коррупция остается одной из наиболее значимых проблем современной России. И хотя общее количество преступлений коррупционной направленности постепенно снижается, о чем свидетельствуют данные судебной статистики за 2016–2018 гг. [4], темпы этого снижения все же незначительны и не мешают коррупции по-прежнему оказывать негативное влияние на общество и государство.

Взяточничество, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп представляют далеко не полный перечень коррупционных преступлений, совершаемых в различных сферах экономической деятельности [1].

В настоящем исследовании представлены некоторые из коррупционных проявлений в деятельности при проведении конкурсного производства в отношении должника, признанного банкротом.

При признании должника несостоятельным он становится обязанным удовлетворить требования кредиторов из средств, вырученных от реализации своего имущества и активов. Однако на основании требований законодательства о банкротстве отчуждать принадлежащее ему имущество он может лишь опосредованно, через конкурсного управляющего. Согласно нормам Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ [2] данное должностное лицо призвано установить все имеющиеся у должника активы и имущество, оценить и реализовать их на аукционе, а вырученные средства распределить между кредиторами в соответствии с их очередностью. Однако на практике не всегда все складывается именно так. Ввиду широких полномочий и относительной независимости кризисный управляющий обретает большое поле для коррупционной деятельности.

Рассмотрим вероятные проявления коррупции на примере каждого этапа реализации имущества должника.

Первый этап деятельности конкурсного управляющего при осуществлении процедур, связанных с отчуждением обремененной обязательствами собственности, – оценка имущества, подлежащего реализации.

На данной стадии конкурсный управляющий может намеренно занижить оценочную стоимость имущества, дав недостоверную оценку рыночной стоимости. В последствие такое имущество приобретается по заниженной стоимости третьими лицами, что причиняет ущерб кредиторам, лишаящимся возможности получить причитающиеся им денежные средства. Еще одним способом совершения коррупционного преступления на данном этапе является признание предметом торгов имущества, которое в реальности изъято из оборота. Например, оценка незаконной постройки как строительных материалов. Такие противоправные действия чаще всего совершаются конкурсным управляющим в сговоре с должником.

Вторым этапом процесса реализации имущества должника является представление предложения о порядке, условиях и сроках продажи. В данном предложении указываются требования, предъявляемые к потенциальному покупателю имущества [1], которые, по сути, определяют, в какой форме будут проходить торги – открытой или закрытой. Коррупционное поведение конкурсного управляющего на этой стадии может выражаться в принятии положения, выдвигающего необоснованные особые требования к покупателям

с целью организовать закрытые торги и ограничить количество приглашаемых кандидатов. Такая преступная схема применяется в случае, если конкурсный управляющий находится в сговоре с одним или несколькими покупателями, которые планируют приобрести имущество должника по заниженной цене в условиях искусственно сниженного спроса. Результатом таких преступных действий снова является опосредованный имущественный вред кредиторам, которые лишаются возможности в полной мере удовлетворить свои законные требования, предъявляемые к должнику.

Еще одним способом совершения коррупционного преступления конкурсным управляющим, состоящим в сговоре с покупателями, является заведомо ненадлежащее объявление о предстоящих торгах. Так, согласно распоряжению Госкомимущества № 660-р, объявление должно быть опубликовано в определенных периодических изданиях, содержать строго оговоренный перечень информации и должно быть подано за 2–6 месяцев до начала торгов [3]. На практике же недобросовестные конкурсные управляющие публикуют объявление не во всех указанных газетах либо подают объявление, содержащее неверные данные о времени, виде, предмете, сроках или условиях торгов. Таким образом, они заведомо сужают круг потенциальных участников, увеличивая шансы совершения сделки для покупателей, находящихся с ними в сговоре. Данные действия также нарушают права кредиторов, так как сокращают сумму, вырученную с реализации имущества должника, а следовательно, и сумму выплат кредиторам.

Третьим этапом реализации имущества должника является непосредственное проведение торгов. Эта стадия также богата возможностями для совершения коррупционного преступления. Например, недобросовестный конкурсный управляющий может намеренно ввести закрытую форму представления предложений о цене. При такой форме покупатель вместе с заявкой на участие подает данные о том, какую сумму он готов уплатить за предмет торгов. Данные сведения содержатся в тайне и не разглашаются до конца торгов, с ними знакомится только организатор (которым может быть конкурсный управляющий). Таким образом, зная все предложенные цены, он имеет возможность сообщить их аффилированному участнику и обеспечить его возможностью предложить наивысшую цену и недобросовестно победить в торгах. Такое коррупционное поведение не вредит кредиторам или должнику, однако нарушает права участников торгов, что является не менее значимым последствием.

На четвертом этапе производится заключение сделки купли-продажи с победившим участником торгов, и этот этап также не лишен преступных возможностей для коррупционеров. Если конкурсный управляющий находится в сговоре с участниками торгов, они могут совершить преступление, влекущее причинение вреда кредиторам. Согласно данной преступной схеме победитель торгов намеренно отказывается от заключения договора купли-продажи и право

приобретения имущества переходит лицу, предложившему меньшую цену, чем изначальный победитель. Таким образом, сумма, вырученная от реализации имущества, становится необоснованно заниженной.

Список перечисленных коррупционных схем не является исчерпывающим, однако даже устранение пробелов законодательства, обеспечивающих их существование, приведет к значительному оздоровлению процедуры реализации активов должника, признанного банкротом, и позволит улучшить защиту прав кредиторов при банкротстве хозяйствующих субъектов, обремененных долговыми обязательствами в отношении них.

Таким образом, представляется целесообразным изменить статус конкурсного управляющего, который в настоящее время является индивидуальным предпринимателем, чья заработная плата зависит от добросовестности должника, что как следствие вызывает заинтересованность в дополнительном обогащении за счет коррупционной деятельности. По мнению автора, эффективнее было бы создать институт государственных управляющих, чье денежное вознаграждение будет обеспечиваться за счет бюджета. Такая мера обеспечит профилактическое воздействие на данное проявление преступности. Кроме того, предлагается ужесточить уголовное наказание за коммерческий подкуп в части запрета заниматься определенной деятельностью для конкурсных управляющих.

Список источников

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ: ред. от 27.06.2019 // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/be7f337d9b35705ac035531878c8d15c2b09b36d/ (дата обращения: 01.10.2019).
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ: ред. от 03.07.2019 // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 01.10.2019).
3. Об утверждении Положения о подрядных торгах в Российской Федерации: распоряжение от 13.04.1993 Госкомимущества России № 660-р, Госстроя России № 18-7: ред. от 18.10.1994 // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1894/ (дата обращения: 01.10.2019).
4. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 01.10.2019).
5. Никитенко И. В. Должностная преступность в системе обеспечения миграционной безопасности // Вестн. Моск. ун-та МВД России: науч.-популяр. журн. 2009. № 6. С. 159–162.

УДК 343

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОФОРМЛЕНИЯ И РЕГИСТРАЦИИ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

***Я. П. Велиев**, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье рассматриваются наиболее распространенные коррупционные преступления, совершаемые лицами, занимающими должностное положение в государственных органах, осуществляющих регистрацию автомобилей. Автор дает характеристику данных лиц, выявляя причины, оказывающие влияние на коррупционное поведение.

Ключевые слова: автотранспорт; коррупция; регистрация; преступление.

DESCRIPTION OF PERSONS COMMITTING MISCONDUCT IN THE PROCESS OF REGISTRATION AND REGISTRATION OF VEHICLES

***Ya. P. Veliev**, lecturer of the Department of Crime Detection Activities of the law enforcement agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article discusses the most common corruption crimes by persons holding official positions in government bodies that register cars. The author gives a description of these individuals, identifying the causes that influence corruption behavior.

Keywords: motor vehicles; corruption; registration; crime.

В результате развития рыночных отношений и увеличения числа выпускаемых автомобилей предприятиями на территории Российской Федерации за последние 10 лет выросло количество автотранспортных средств, и на 1 января 2019 г. этот показатель составил 50,6 млн единиц, из них 61 % – автомобили, ввозимые с территории иностранных государств [1].

Оформлением и проверкой импортных автотранспортных средств занимается Федеральное таможенное управление (далее – ФТУ), в структуре которого находятся управления по регионам. При прохождении иностранного автомобиля через границу оформляются следующие документы: паспорт транспортного средства (ПТС), грузовая таможенная декларация (ГТД), таможенный приходной ордер (ТПО), свидетельство о безопасности конструкции транспортного средства (СБТКС), в случае если грузополучатель является юридическим лицом, оформляется договор купли продажи и акт передачи транспортного средства [2].

В дальнейшем регистрацию и постановку на учет автотранспортных средств осуществляет межрайонный отдел технического осмотра и регистрации Управления Государственной инспекции безопасности дорожного движения, проводится также техническая проверка автотранспортного средства.

На каждой из стадий оформления и регистрации автотранспортного средства могут совершаться должностные преступления. В рассматриваемых правоотношениях, возникающих в процессе перевозки, оформления, регистрации, наиболее распространенными преступлениями являются: получение и дача взяток (ст. 290 и 291 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ). Такие преступления являются должностными, поскольку лица, их совершающие, обладают особым правовым статусом, наличием служебных обязанностей, установленных нормативными актами: федеральными законами от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации». Права и обязанности сотрудников указываются в должностном регламенте, утвержденном руководителем, с обязательным ознакомлением. При назначении на должность издается ведомственный приказ о зачислении на службу с указанием занимаемой должности сотрудника.

Для должностных преступлений субъект преступления – это специальный субъект, и его определение устанавливает необходимые требования по сбору доказательств для принятия процессуального решения в рамках материала проверки и возбуждения уголовного дела. Все коррупционные преступления закреплены в перечне № 2 статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности, утвержденном генеральной прокуратурой и МВД России 1 февраля 2016 г. № 65/11/1.

Понятие коррупции закреплено в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В. Ф. Ширяев дает определение коррупции как системы отношений, связанных с противоправным использованием полномочий лицами, наделенными функциями государственной или

муниципальной власти, в корыстных, личных или групповых интересах [7, с. 166]. Схожее определение предлагает А. И. Гуров, который рассматривает коррупцию как «систему определенных отношений, основанных на противоправных и иных сделках должностных лиц в ущерб государственным и иным интересам» [4, с. 262]. Согласимся с мнениями авторов, поскольку данное девиантное поведение носит системный характер и состоит из различных элементов.

Одним из элементов коррупционных преступлений является личность преступника. Характеристика личности преступника рассматривается с позиции различных наук: криминалистики, уголовного права, криминологии, уголовно-процессуального права, оперативно-разыскной деятельности. Каждая наука изучает различные аспекты преступности и связанные с ней явления с позиций «собственных интересов» и для решения стоящих перед ней теоретических и практических задач.

Криминологическая характеристика личности преступника представляет собой целостную систему взаимосвязанных личностных характеристик (признаков, черт, свойств), которые в своей совокупности закономерно порождают преступное поведение, проявляются в нем, помогают понять его причины.

По мнению Е. Р. Пудакова, к определяющим характеристикам, присущим коррупционеру, обязательно относится признак обладания властью над распределением каких-либо ресурсов (как материальных, так и нематериальных) по своему усмотрению. Под ресурсами в данном случае он понимает какой-либо интерес как некое материальное благо, которое он намерен получить в свое обладание, причем понимание ресурса не может исчерпываться только какими-либо материальными категориями (деньги, иные вещи, услуги), оно также может иметь и нематериальное содержание: незаслуженное поощрение государственной наградой или продвижение по службе [5].

Изучая уголовные дела, связанные с мошенничеством при оформлении сделок купли-продажи автотранспорта, установлено, что сотрудники ГИБДД, занимающиеся регистрацией и (или) проверкой, совершают незаконные действия, связанные с постановкой на учет автотранспортных средств, являющихся «распилами», либо средств с измененными идентификационными номерами их агрегатов. В дальнейшем данные нелегальные автотранспортные средства продаются добросовестным покупателям, которые при совершении повторных сделок купли-продажи обнаруживают изменение идентификационных номеров.

Примеры совершения коррупционных преступлений можно найти в уголовных делах, например, возбужденных в 2016 г. в Республике Бурятия в отношении сотрудников и ряда руководителей ГИБДД, занимавшихся регистрацией автомобилей, по ст. 290 УК РФ, ст. 286 УК РФ [3]. В общей сложности в течение двух лет было незаконно зарегистрировано более 700 «распилов». После вскры-

тия преступной схемы их регистрация была аннулирована, а ПТС признаны недействительными и изъяты.

Сотрудники ФТУ могут совершать следующие противоправные действия при процедуре оформления «растаможивания» автотранспортного средства: занижение «возраста», объема двигателя автомобиля; увеличение экологического класса с целью уменьшения пошлины; выдача таможенных деклараций, не соответствующих действительности.

Специфика ФТУ и ГИБДД предполагает, что в данных подразделениях служат в основном мужчины. В ходе изучения уголовных дел не было выявлено ни одного факта коррупции со стороны сотрудников женского пола.

В целом, изучив результаты анализа, проведенного Д. С. Суховым, А. Ю. Смирновым, А. А. Тирфских и др., можно сделать вывод, что преступления совершают сотрудники, обладающие определенной зрелостью и опытом. Наибольший удельный вес коррумпированности сотрудников приходится на возрастные группы от 26 до 30 лет и от 31 года до 40 лет. Именно ими совершается свыше 80 % коррупционных преступных деяний. Как правило, данные сотрудники имеют высшее образование.

Еще одним из элементов социально-демографической характеристики является семейное положение. Так, при опросе осужденных сотрудников ГИБДД было установлено, что 79,5 % на момент разоблачения состояли в брачных отношениях, а 20,5 % были холостяками [6, с. 12–14]. В связи с этим можно сделать вывод, что наличие семьи не является сдерживающим фактором совершения преступлений с использованием должностного положения. В рассматриваемых преступлениях более чем у половины осужденных сотрудников стаж работы составлял от 5 до 10 лет.

Важнейшими факторами, детерминирующими распространение коррупции среди вышеуказанных должностных лиц, являются: социально-экономическое (материальное) положение сотрудников; отсутствие морально-нравственных принципов, служебной мотивации; слабое кадровое обеспечение и т. д.

При оформлении и регистрации автотранспортных средств коррупционные преступления обладают высокой латентностью и, как правило, выявляются при документировании преступной деятельности организованных групп, занимающихся нелегальным автобизнесом.

В ходе работы по указанному направлению у оперативных подразделений возникают проблемы на стадии выявления коррупционных преступлений в связи с тем, что граждане не заинтересованы участвовать в проведении множества оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, участвовать в длительном уголовном процессе, в ходе которого их законные интересы и личные проблемы, для решения которых они и обратились к должностному лицу либо

посреднику, не решаются, а часто усугубляются (ввиду противодействия со стороны взяткополучателя за разглашение факта коррупционного посягательства).

Как правило, граждане обращаются в правоохранительные органы для пресечения фактов взяточничества, имея 100-процентную гарантию осуществления в дальнейшем своей законной деятельности.

Исправить сложившуюся ситуацию может проработка на законодательном уровне вопроса о материальном стимулировании заявителей о фактах коррупции (как вариант – определенный процент от суммы штрафа, назначенного должностному лицу за коррупционное преступление), а также гарантированная реализация законным путем интересов заявителя, нарушенных в результате коррупционных посягательств.

С целью повышения эффективности мер по противодействию коррупции в рассматриваемой сфере, а также формирования у должностных лиц основ антикоррупционного поведения необходимо:

1) провести мониторинг порядка сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, о сдаче и оценке подарка, реализации (выкупе) и зачислении в доход соответствующего бюджета средств, вырученных от его реализации;

2) активизировать работу по формированию у сотрудников отрицательного отношения к коррупции, привлекать для этого общественные объединения, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции, и другие институты гражданского общества. Каждый установленный факт коррупции в соответствующем органе предавать гласности;

3) по каждому случаю несоблюдения ограничений, запретов и неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, нарушения ограничений, касающихся получения подарков и порядка их сдачи, осуществлять проверку в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации и применять соответствующие меры ответственности;

4) осуществлять комплекс организационных, разъяснительных и иных мер по соблюдению сотрудниками ограничений и запретов, а также по исполнению ими обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции;

5) проводить мероприятия по формированию у сотрудников государственных органов негативного отношения к дарению подарков.

Список источников

1. Аналитика // Автостат. Аналитическое агентство: [сайт]. URL: <https://www.autostat.ru/analytics/> (дата обращения: 17.10.2019).
2. Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» // Федеральная таможенная служба: [сайт]. <http://customs.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 17.10.2019).

3. Железнодорожный районный суд г. Улан-Удэ Республики Бурятия. URL: <http://zheleznodorozhniy/> (дата обращения: 18.10.2019).
4. Гуров А. И. Организованная преступность и меры борьбы с ней // Криминология: учеб. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М.: Юрист, 1997. Гл. 12.
5. Пудаков Е. Р. Характеристика лиц, привлеченных к уголовной ответственности за коррупционные преступления (анализ уголовных дел) // Человек: преступление и наказание. 2017. № 4. С. 603–604.
6. Смирнов А. Ю. Уголовно-правовая и криминологическая характеристики корыстных должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел (по материалам Сибирского федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Омск, 2009. 19 с.
7. Ширяев В. Ф. Коррупция: понятие, характеристика, системные проявления // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 1. С. 165–170.

УДК 343.352

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

С. А. Дряглина, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматривается коррупция в налоговых органах, ее причины и способы борьбы с ней.

Ключевые слова: налоговый орган; коррупция; взятка; государство; налогоплательщик; налоговые отношения.

CORRUPTION IN THE FIELD OF TAXATION

S. A. Dryaglina, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article discusses corruption in tax authorities, points out the causes of corruption and ways to combat it in the tax authorities.

Keywords: tax authority; corruption; bribe; state; taxpayer; tax relations.

Налоговые взыскания представляют собой традиционные формы вмешательства государства в рыночные отношения с целью изъятия средств на государственные нужды, которые расходуются на обеспечение системы государственного управления, национальной безопасности, законности и правопорядка, финансирование образования, здравоохранения и т. д.

Известно, что только государство обладает полномочиями устанавливать состав и величину налоговых отчислений, а также права и обязанности участников налоговых правоотношений. Тем самым оно распространяет свой налоговый суверенитет на любые доходы и имущество частных лиц. Обеспечить же соответствующего уровня уплату установленных законом налогов и сборов призваны федеральные органы Федеральной налоговой службы Российской Федерации (ФНС России) и ее территориальные подразделения.

В условиях роста теневого сектора экономики проблема коррупции в сфере налогообложения не утратила актуальности.

Феномен коррупции известен человечеству с глубокой древности и продолжает существовать в настоящее время. Формы проявления коррупции эволюционировали с развитием человеческого общества. Вследствие того, что коррупция является сложным социально-культурным явлением, для нее не существует единого определения [5, с. 72].

В приказе ФНС России от 31 декабря 2009 г. № ММ-7-4/737 «Об утверждении Методических рекомендаций по выявлению налоговыми органами коррупционных преступлений» под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование работником налогового органа своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному работнику налогового органа другими лицами, либо совершение названных деяний от имени или в интересах юридического лица [1].

Данным положением подчеркивается общественная опасность коррупционного поведения должностных лиц, которые должным образом не обеспечивают необходимый уровень взимания налогов и сборов из-за получения взяток, недобросовестного отношения к своим служебным обязанностям либо злоупотребления своими должностными полномочиями.

Следует отметить и то, что коррупционное поведение должностных лиц часто приводит к совершению налоговых преступлений субъектами налогообложения, что также свидетельствует о высокой степени общественной опасности подобных явлений [4].

Известно и то, что среди преступлений коррупционной направленности преобладает злоупотребление должностными полномочиями и превышение таких полномочий, различные формы взяточничества и служебные подлоги [3].

В настоящее время одним из распространенных видов коррупции является взяточничество, которое регламентировано ст. 290–291.2 УК РФ.

Так, суд г. Москвы в отношении Г., Б., Т. вынес обвинительный приговор по уголовному делу. Г. был осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, а Б. и Т. – осуждены за совершение преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ. Суд установил, что Г., являясь государственным налоговым инспектором одной из столичных налоговых инспекций, из корыстных побуждений договорился с генеральным директором коммерческой организации о предоставлении за денежное вознаграждение информации об имеющейся у компании задолженности по налогам и сборам, а также штрафам и пеням. Во исполнение договоренности в январе 2019 г. он передал информацию в отношении коммерческой организации, направив генеральному директору фотографии изображений из базы электронного оборота документов УФНС России по г. Москве, получив за это взятку в размере 15 тыс. рублей путем перечисления денег на расчетный счет с привязанной банковской картой, которой Г. имел возможность пользоваться. В дальнейшем он договорился с генеральными директорами коммерческих организаций Б. и Т., что за

ежемесячное денежное вознаграждение в размере 50 тыс. рублей будет предоставлять информацию об имеющейся задолженности их компаний по налогам и сборам, штрафам и пеням, а также передавать иную информацию, связанную с его служебной деятельностью, то есть оказывать общее покровительство по службе. И получил от них взятку в общей сумме 350 тыс. рублей, которые коммерсанты перечислили на указанные расчетные счета [2].

Учитывая, что большинство налогоплательщиков стремится к минимизации своих налоговых платежей, с сожалением приходится сделать вывод, что не всегда эти действия осуществляются правомерными способами. Некоторые из них способствуют коррупционному поведению сотрудников налоговых органов. Также причинами, по нашему мнению, могут являться:

- 1) низкий уровень заработной платы сотрудников налоговых органов;
- 2) высокий уровень инфляции и безработицы;
- 3) недостаточный уровень уголовного наказания;
- 4) психологическое давление, которое заключается в постоянных попытках со стороны налогоплательщиков «отблагодарить» налоговых инспекторов;
- 5) пробелы в налоговом и бюджетном законодательстве;
- 6) недостаточное взаимодействие с правоохранительными органами;
- 7) расценивание некоторыми сотрудниками налоговых органов своих полномочий как средств дополнительного заработка.

В связи с этим следует отметить, что необходимо применить комплексную систему мер правового, экономического, технического и психологического характера, для того чтобы снизить факторы и причины рисков коррупционных деяний в налоговых органах.

Шагами в этом направлении, как нам представляется, могут быть:

- 1) усовершенствование налогового законодательства, направленное на внесение изменений в нормы о подаче налоговых деклараций и правила проведения налоговых проверок;
- 2) принятие мер, направленных на уменьшение возможностей контакта налогоплательщиков и сотрудников налоговых органов, путем компьютеризации;
- 3) совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за налоговые преступления, направленное на исключение возможности содействия сотрудниками налоговых органов налогоплательщикам в целях уклонения от уплаты налогов;
- 4) поднятие авторитета государственной службы в налоговых органах;
- 5) повышение заработной платы, внедрение системы поощрений и доплат сотрудникам налоговых органов;
- 6) компьютеризация и материально-техническое снабжение;
- 7) усиление ответственности работников налоговых органов за выполнение служебных обязанностей.

Эти шаги, по нашему мнению, будут способствовать искоренению коррупции и теневой экономики в области налоговых отношений. Проблематика данного вопроса на сегодняшний день является открытой и не изученной в полной мере. Нарушение закона давно стало всеобщем «недугом» для нашей страны, и, к сожалению, прежде всего со стороны представителей власти и бизнесменов.

Список источников

1. Об утверждении Методических рекомендаций по выявлению налоговыми органами коррупционных преступлений: приказ ФНС России от 31.12.2009 № ММ-7-4/737. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бывший сотрудник налоговой службы и двое коммерсантов осуждены за совершение коррупционных преступлений // Прокуратура города Москвы // URL: https://www.mosproc.ru/news/counteractioncorruption/byvshiy_sotrudnik_nalogovoy_sluzhby_i_dvoe_kommersantov_osuzhdeny_za_sovershenie_korrupsionnykh_prestupleniy (дата обращения 07.10.2019).
3. Никитенко И. В. Должностная преступность в системе обеспечения миграционной безопасности // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2009. № 6. С. 159–162.
4. Никитенко И. В. Преступления в сфере налогообложения: некоторые уголовно-правовые и криминологические вопросы // Органы внутренних дел в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке: сб. науч. тр. по материалам межвуз. науч.-практ. конф., 18–19 апреля 1997 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 1998. С. 60–62.
5. Шедий М. В. Основные теоретические подходы исследования коррупции // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2011. № 2. С. 72–82.

УДК 343

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Н. А. Карпенко, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук;

Д. И. Власюк (Денежкина), слушатель Дальневосточного юридического института МВД России

В статье анализируется и оценивается деятельность оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции на территории Хабаровского края, а также сделан акцент на совершенствовании мер по выявлению преступлений коррупционной направленности.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; борьба с коррупцией; преступление коррупционной направленности; антикоррупционные меры.

ISSUES OF IMPROVING THE ORGANIZATION OF WORK ON THE DETECTION OF CORRUPTION-RELATED CRIMES (ON THE EXAMPLE OF THE KHABAROVSK REGION)

N. A. Karpenko, associate professor of the Department of Crime Detection Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law;

D. I. Vlasjuk (Denezhkina), the cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyses and assesses the activities of operational units of economic security and anti-corruption in the territory of the Khabarovsk region, as well as emphasizes the improvement of the measures taken to detect corruption-related crimes.

Keywords: corruption; anti-corruption; fight against corruption; crime of corruption orientation; anti-corruption measures.

Универсальных методов борьбы с коррупцией, как известно, в мире нет, и, видимо, вряд ли они будут найдены. На сегодняшний день в целом антикоррупционное законодательство сформировано и позволяет достаточно эффективно бороться с коррупционными правонарушениями. Однако методы противодействия коррупции нуждаются в постоянном совершенствовании, что нередко обусловлено изменением форм коррупционных проявлений, новыми лазейками в законодательстве, которые постоянно выискивают коррупционеры.

Мы согласны с мнением В. П. Алехина и Н. Г. Ситько о том, что «антикоррупционное законодательство нуждается в детализации, в постоянном взаимодействии с научными учреждениями и профессиональными научными сотрудниками, а также необходимо активно вовлекать ученых в консультирование, анализ коррупционных мероприятий» [3, с. 10].

Обращая внимание на последние изменения в вопросах уголовной ответственности за взяточничество, стоит отметить достаточно жесткие меры наказания. В июне 2016 г. ст. 204, 204.1, 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ были существенно реформированы в целях ужесточения ответственности. Однако прежняя и последующая практика применения УК РФ показывает, что до 3/4 лиц, привлекающихся к ответственности за такие преступления, давали либо получали взятку в размере, не превышающем 10 тыс. рублей. По социальному составу среди взяточников преимущественно представлены врачи, преподаватели, а также чиновники низших ступеней иерархии.

Также в июле 2016 г. в уголовное законодательство были введены ряд новых статей, в том числе за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), ответственность за которые предусмотрена при передаче суммы, не превышающей 10 тыс. рублей.

Так, по состоянию на 20 октября 2019 г. на территории Хабаровского края было зарегистрировано 180 преступлений коррупционной направленности, из них: коммерческий подкуп – 1, злоупотребление должностными полномочиями – 6, превышение должностных полномочий – 1, получение взятки – 37, дача взятки – 47, посредничество во взяточничестве – 10, мелкое взяточничество – 34¹.

В г. Хабаровске по истечении 9 месяцев 2019 г. подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел было выявлено 278 преступлений экономической направленности (за 9 месяцев 2018 г. – 76, 2017 г. – 353), из которых 41 должностное преступление (за 9 месяцев 2018 г. – 3, 2017 г. – 13), в том числе 38 фактов взяточничества (за 9 месяцев 2018 года – 1, 2017 г. – 11). В текущем году в Хабаровске произошло резкое увеличение количества выявляемых преступлений и случаев регистрации заявлений граждан, поступающих в подразделения по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции, – 1851 (за 9 месяцев 2018 г. –

¹ Статистические данные предоставлены УМВД России по Хабаровскому краю.

1260, 2017 г. – 1121)¹, в связи с чем более 70 % рабочего времени сотрудники этих подразделений заняты рассмотрением поступивших материалов проверки, фактически исполняя обязанности дознавателя, что негативно влияет на осуществление ими оперативно-разыскной деятельности, связанной с выявлением преступлений экономической направленности.

Оценивая реальное состояние коррупционной преступности, нельзя руководствоваться только представленным выше статистическим анализом состояния преступности. Как отмечается многочисленными исследователями, обязательным элементом криминологической характеристики коррупционной преступности выступает ее высочайшая латентность, что не позволяет оценить действительную структуру и фактическую распространенность данного вида преступности и, соответственно, разработать адекватные меры противодействия и профилактики этого явления. По оценкам криминологов, выявляется и регистрируется менее 1 % от совершаемых коррупционных преступлений [5].

Вместе с тем приоритетным направлением деятельности подразделений по борьбе с коррупцией определено выявление и пресечение наиболее значимых системных коррупционных преступлений, фактов взяточничества в крупном и особо крупном размерах высокопоставленными должностными лицами, группой или организованной группой лиц. С целью активизации работы по данному направлению оперативно-служебной деятельности в подчиненные территориальные органы МВД России даются указания с разработанным алгоритмом документирования преступлений коррупционной направленности.

Ввиду совершения преступлений в сфере освоения бюджетных средств С. Д. Гринько в научных трудах обращает внимание на необходимость принятия дополнительных мер, способствующих активизации и повышению результативности контроля и надзора за исполнением законодательства о государственной и муниципальной службе, направленных на борьбу с коррупцией, например таких, как «проверка ведомств, отвечающих за оформление прав на объекты интеллектуальной собственности, созданных за счет федерального бюджета; использование земли, находящейся в федеральной собственности; проверка наиболее значимых федеральных объектов и приоритетных национальных программ» [4, с. 20].

На постоянной основе ведется информирование населения о результатах работы по выявлению значимых коррупционных преступлений в средствах массовой информации. Эта мера должна способствовать формированию в обществе атмосферы нетерпимости и реального неприятия коррупции, вследствие чего коррупционная модель поведения будет повсеместно подвергаться общественному порицанию, станет экономически невыгодной.

¹ Статистические данные предоставлены УМВД России по г. Хабаровску.

Кроме того, в круглосуточном режиме организована работа телефона доверия и официального сайта УМВД, на который любой гражданин может сообщить о данных фактах.

Основными нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность органов внутренних дел, являются: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] и Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 37 [2]. Данные акты отнесли к основным задачам органов внутренних дел повышение эффективности противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти и государственных органах субъектов Российской Федерации, активизацию деятельности подразделений федеральных государственных органов и органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

На данный момент совершенствование системы и структуры государственных органов, создание механизмов общественного контроля за их деятельностью и механизмов взаимодействия правоохранительных и иных госорганов с общественными и парламентскими комиссиями, а также с гражданами и институтами гражданского общества определены действующим законодательством в качестве приоритетных направлений антикоррупционной деятельности, а развитие общественного и парламентского контроля признается одной из основных профилактических антикоррупционных мер.

В соответствии с постановлением губернатора Хабаровского края от 9 октября 2015 г. № 101 «Об утверждении Положения о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Хабаровском крае» и распоряжением губернатора Хабаровского края от 24 ноября 2015 г. № 612-р «Об утверждении состава комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Хабаровском крае» был утвержден состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Хабаровском крае, в состав которой вошли сотрудники управления экономической безопасности и противодействия коррупции Управления МВД России по Хабаровскому краю, был определен порядок рассмотрения комиссией вопросов, касающихся соблюдения требований к служебному (должностному) поведению лиц, замещающих государственные должности Хабаровского края в правительстве края, а также лиц, замещающих государственные должности края уполномоченного по правам человека в Хабаровском крае, уполномоченного по правам ребенка в Хабаровском крае, уполномоченного по защите прав предпринимателей в Хабаровском крае, председателя, заместителя председателя и аудиторов Контрольно-счетной палаты Хабаровского края, членов избирательной комиссии Хабаровского края, работающих на постоянной (штатной) основе, и урегулирования конфликта интересов.

В целях совершенствования организации работы по выявлению и расследованию преступлений коррупционной направленности, повышения уровня эффективности координации совместной деятельности в сфере противодействия коррупции и дальнейшего усиления взаимодействия между службами и подразделениями Управления МВД России по Хабаровскому краю и Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю совместным приказом было утверждено Положение о межведомственной рабочей группе по координации совместной деятельности в сфере противодействия коррупции и рассмотрению материалов оперативно-разыскной деятельности.

В целях повышения эффективности взаимодействия Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю, Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Хабаровскому краю, Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Хабаровскому краю в сфере борьбы с коррупцией был утвержден совместный приказ № 153/319/559 от 11 декабря 2015 г. «О повышении эффективности деятельности и взаимодействия по противодействию коррупции».

В рамках работы по противодействию коррупции с целью активизации работы по данному направлению оперативно-служебной деятельности в подчиненные территориальные органы МВД России были направлены соответствующие критериям приказа МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 указания.

В целях повышения результатов оперативно-служебной деятельности были проведены следующие мероприятия:

1) личному составу была дана установка на выявление квалифицированных, тяжких и особо тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности, совершенных группой лиц и организованной преступной группой, а не на достижение количественных валовых показателей;

2) был обеспечен строгий контроль за планированием и результатами оперативно-разыскной деятельности в подразделении, организовано еженедельное заслушивание личного состава по перспективе выявления и раскрытия преступлений (заслушивание проводится по средам, после занятий по служебной подготовке);

3) лицам, оказывающим содействие, дана установка на сбор информации по тяжким и особо тяжким составам преступлений, произведена ревизия источников оперативной информации;

4) проверка имеющейся оперативной информации проводится в рамках соответствующих дел и находится на постоянном еженедельном контроле за выполнением запланированных оперативно-разыскных мероприятий;

5) в рамках оперативных дел при проведении оперативно-разыскных мероприятий в полном объеме используются возможности оперативно-поисковых

подразделений и подразделений специальных технических мероприятий УМВД России по Хабаровскому краю¹.

Таким образом, по истечении трех лет заметна эффективность принятых мер по выявлению и раскрытию экономических преступлений, в частности коррупционной направленности. Совершенствование мер – это прежде всего комплекс правовых, технических, финансовых, организационных, политических, как государственных, так и региональных, мероприятий, направленных на профилактику коррупции и борьбу с ней.

Список источников

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ: ред. от 26.07.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 29.06.2018 № 3778 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 27, ст. 4038.
3. Алехин В. П., Ситько Н. Г. Способы борьбы с коррупцией в России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. С. 1–12.
4. Гринько С. Д. Особенности борьбы с коррупцией // Актуальные проблемы современной науки. 2013. С. 20.
5. Елисеева С. Н. Уголовная политика в сфере противодействия коррупции // Наука и общество. 2015. № 1 (20). С. 66–72.

¹ Данные представлены УМВД России по г. Хабаровску.

УДК 34.096

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

***Е. П. Ким**, завкафедрой уголовного права Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;*

***К. А. Костенко**, завкафедрой уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*

В статье изучаются сущность и содержание противодействия расследованию коррупционных преступлений. Авторы акцентируют внимание на наиболее опасной – внешней – форме такого противодействия.

Ключевые слова: внешнее противодействие; коррупционное преступление; конфликт интересов на службе.

ON THE ISSUE OF EXTERNAL COUNTERACTION IN THE INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES

***E. P. Kim**, head of the Department of Criminal Law of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;*

***K. A. Kostenko**, head of the Department of Criminal Procedure of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

The article examines the nature and content of counteraction to the investigation of corruption crimes. The authors focus on the most dangerous – the external form of such opposition.

Keywords: external opposition; corruption crime; conflict of interest in the service.

В современном российском обществе преступления коррупционной направленности являются одной из угроз национальной безопасности: они угрожают верховенству закона и социальной справедливости, препятствуют развитию экономики, способствуют росту преступности на территории субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО).

В юридической науке существуют различные понятия преступления коррупционной направленности. Одно из лаконичных определений опубликовано в 10-м номере (2013 г.) журнала «Российский следователь» [1, с. 33–34]. Между тем именно установление следственными органами противоправного разрешения конфликта интересов на службе вызывает активное противодействие со стороны обвиняемого.

Внешнее противоправное воздействие на установление противоправного разрешения конфликта на службе, особенно там, где проявляется корыстный мотив или иная личная выгода, по мнению авторов, является самой опасной формой противодействия расследованию коррупционных преступлений.

Данные социологических опросов, криминальной статистики и оценки ряда экспертов свидетельствуют, что коррупция, прочно закрепившись в таких сферах нашей жизни, как государственная служба и правоохранительные органы, образование, жилищно-коммунальная сфера и здравоохранение, превратилась в систему противоправных отношений, основанных на противозаконных сделках должностных лиц в ущерб интересам общества и государства.

Рассматриваемый тезис дает объективную оценку повышенной общественной опасности коррупции и представление о сложности не только ее выявления, но и выработки мер противодействия ей.

Анализ расследуемых уголовных дел в следственных органах СК России по ДФО свидетельствует, что часто объективному установлению противоправного разрешения конфликта интересов на службе при расследовании преступлений коррупционной направленности препятствует не только наличие у некоторых категорий граждан коррумпированных связей в органах власти и управления, но и присутствие, в связи с их должностным положением, законодательного иммунитета. Такой иммунитет имеется у различных категорий служащих: депутатов всех уровней, судей, работников прокуратуры, отдельные должностных лица исполнительных органов и др.

Законодательный иммунитет часто является препятствием к своевременному проведению неотложных следственных действий, таких как обыск, выемка, задержание лица и др., что нередко позволяет коррупционеру уничтожить улики либо скрыться от следствия.

Является очевидным, что преступления коррупционной направленности нередко носят организованный характер, порой исключая открытые конфликты между их участниками. Несомненно, это лишь только способствует сокрытию их преступной деятельности.

Необходимо отметить, что такие преступления имеют высокую латентность и их сложно раскрывать в связи с тем, что к уголовной ответственности привлекаются не только коррумпированные лица, но и те, кто берет последних на содержание либо ставит их в зависимость. Все задействованные в коррупции

онных схемах лица заинтересованы сохранять свою преступную деятельность в тайне, оказывая противодействие расследованию в самых различных формах: они часто принимают меры к сокрытию либо уничтожению следов преступления, часто действуют без очевидцев. При этом, в случае выявления признаков их противоправной деятельности и возбуждения уголовного дела, не выдают своих соучастников, дают ложные показания, стараясь направить расследование по ложному пути, а также фальсифицируют доказательства, подкупают и запугивают соучастников, свидетелей и т. п. [2, с. 43].

Рассматриваемые факторы существенно затрудняют процесс выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с коррупцией.

Фундаментально, и в то же время очень понятно для правоприменителя, произведено исследование рассматриваемой проблемы Р. С. Белкиным, который по отношению к процессу расследования конкретных преступлений различает «внешнее» и «внутреннее» противодействие.

В целом под «внешним» противодействием он понимает противодействующую деятельность лиц, либо вообще не связанных с расследуемым событием и лицом, осуществляющим расследование, либо связанных с таким лицом в силу процессуальной, служебной или иной зависимости. Под «внутренним» противодействием – противодействие, оказываемое лицами, в любой форме причастными к расследованию: подозреваемыми и обвиняемыми, свидетелями и потерпевшими, специалистами и экспертами, случайными лицами, оказавшимися на месте происшествия, и др. [3, с. 130].

Проведенные в 2018–2019 гг. кафедрой уголовного права Хабаровского филиала Московской академии СК России (далее – Хабаровский филиал) опросы следователей показывают, что при расследовании преступлений коррупционной направленности в последние одно-два десятилетия произошла трансформация форм противодействия. На второй план уходят такие простейшие формы, как отказ от дачи любых показаний, неявка по повесткам следователя, направление следователю немотивированных ходатайств о производстве следственных действий, подача многочисленных жалоб в органы прокуратуры и суд на действия следователя по незначительным поводам и т. п. Нередко преступники используют различные изощренные способы противодействия, тщательно маскируя и легендируя свою деятельность. Они прибегают к шифрованию своего общения, применяя только им понятные условные обозначения, в том числе используя для этого всякого рода компьютерные источники информации (ПК, электронные записные книжки, планшеты, мобильные телефоны и т. д.).

Преследуемая в таких случаях цель – это воспрепятствование нормальной деятельности органов предварительного расследования, направленное на снижение эффективности работы следственного аппарата по изобличению всех

участников коррумпированной преступной группы, раскрытию и расследованию всех эпизодов их преступной деятельности.

Постановка указанных целей вполне понятна. Ведь такое противодействие расследованию коррупционного преступления впоследствии позволяет не обеспечить один из основных принципов российского правосудия – принцип неотвратимости наказания.

В связи с наибольшей опасностью внешнего противодействия предлагается более детально обсудить его сущность и содержание.

Сущность выдвигаемых требований со стороны преступников-коррупционеров в основном предопределяется тем, какая категория лиц участвует в сфере уголовного судопроизводства. При этом в перечне основных целей оказания такого воздействия, как правило: применение по возможности наиболее мягкой меры пресечения; ввод в дело подложных официальных документов с ложными сведениями; сокрытие или уничтожение важных документов уличающих лицо в совершении коррупционного преступления; получение информации о персональных данных потерпевших, свидетелей с целью возможности воздействовать на них; вступление в преступную связь с лицом, производящим расследование в целях прекращения или приостановления производства по уголовному делу, изменения и уничтожения важных улик и документов, предоставление необходимой информации о ходе расследования, перекалфикация преступления на менее тяжкое деяние.

Практика расследования уголовных дел в отношении коррупционеров свидетельствует, что следователи часто получают прямые угрозы со стороны оставшихся на свободе соучастников, в отношении которых не добыто достаточных доказательств о причастности к преступлению. Это заставляет принимать неотложные дополнительные меры для обеспечения безопасности следователей и членов их семей.

Проведенные в 2015–2018 гг. кафедрой уголовного права Хабаровского филиала опросы 111 следователей и руководителей следственных органов СК России, расследующих дела о должностных и коррупционных преступлениях, показали, что лишь только каждый четвертый из них не сталкивался с противодействием при расследовании коррупционных преступлений. При этом половина опрошенных (почти 50 %) как на наиболее распространенную форму противодействия указали на незаконные или необоснованные действия адвокатов и самих обвиняемых, и только 10 % слушателей отметили внешние формы противодействия, такие как подкуп, запугивание, насилие в отношении потерпевших, свидетелей, членов их семей, в том числе 5 % указали на попытки повлиять на ход расследования через средства массовой информации.

Несомненно, наиболее эффективными способами предупреждения противодействия по делам о коррупции является предупреждение адвокатов об

уголовной ответственности за разглашение данных предварительного следствия, а также непрерывное оперативное сопровождение на всех этапах расследования преступлений. Рассматриваемые меры в большинстве случаев существенно снижают активность противодействия расследованию коррупционных преступлений и одновременно снижают эффективность противоправных действий, направленных на разрушение собранных доказательств по уголовному делу.

Как ранее уже отмечалось, только 10 % слушателей отметили такие внешние формы противодействия, как насилие, подкуп или запугивание в отношении ключевых свидетелей, потерпевших, членов их семей. Между тем указанные формы воздействия крайне опасны и, в том числе, могут также сопровождаться: шантажом, в виде угроз разглашения, позорящих участника процесса или его близких сведений, угрозами убийством, причинением телесных повреждений различной степени тяжести, уничтожением или повреждением имущества вышеуказанных участников.

Реализация преступного замысла, связанного с противодействием, не ограничивается единичными формами воздействия. Часто, если конкретное воздействие не дало ожидаемого результата, прибегают к другому, более эффективному.

В случаях, когда добросовестный участник уголовного процесса занимает позицию противостояния различным формам воздействия, например в виде отказа выполнить предъявляемое требование, то субъекты воздействия или ужесточают воздействие или мнимо смягчают его. В том случае, если указанные методы оказываются малоэффективными, как правило, субъекты воздействия применяют новые способы, в числе которых могут быть: предложения вознаграждения (с постепенным увеличением суммы), частичная и полная реализация высказанных ранее угроз. При этом иногда субъект воздействия отказывается от какого-либо воздействия, выдерживает таким образом паузу, чтобы спланировать новый алгоритм воздействия.

По уголовным делам коррупционной направленности преступное внешнее воздействие на добросовестных субъектов процессуальной деятельности может осуществляться либо непосредственно подозреваемыми или обвиняемыми, находящимися на свободе, или, как правило, их родственниками или знакомыми. Работники органов предварительного следствия нередко в таком воздействии замечали лиц из окружения подозреваемых или обвиняемых, в том числе латентных соучастников. Особенно опасным внешнее воздействие может быть со стороны специально нанятых лиц, работников административных или правоохранительных органов. Насколько такое противоправное воздействие опасно, свидетельствует следующий пример.

Неизвестный, предъявив подложное удостоверение адвоката, проник в народный суд по Индустриальному району города Хабаровска, откуда похитил уголовное дело в отношении К., обвинявшегося в злоупотреблении должностными

полномочиями и получении взятки в сумме 14,5 тыс. долларов США. Буквально через считанные дни после похищения уголовного дела в качестве дополнительного устрашения был совершен поджог двери квартиры одного из свидетелей. Будучи напуганным этими действиями, он и другие свидетели спешно выехали из Хабаровска в неустановленном направлении. В результате такого внешнего воздействия удалось восстановить лишь один эпизод преступной деятельности обвиняемого [2, с. 46].

На основании полученных результатов настоящего исследования следует сделать вывод о том, что субъектами преступных посягательств на участников уголовного процесса при расследовании коррупционных преступлений могут быть любые лица, в разной степени заинтересованные в принятии необоснованных или незаконных решений по уголовным делам. При этом внешнее воздействие остается наиболее опасной формой противодействия установлению противоправного разрешения конфликта интересов на службе, в частности может непосредственно угрожать жизни и здоровью субъекта расследования или его близким, что крайне негативно сказывается на ходе и результатах раскрытия и расследования преступления. Здесь же следует признать, что для отражения внешнего воздействия участникам уголовного процесса должны предоставляться надежные гарантии, а также способы и средства государственной защиты, позволяющие эффективно осуществлять им свои процессуальные обязанности по уголовным делам.

Список источников

1. Ким Е. П. Быков А. В. Конфликт интересов на службе как основа коррупционного преступления (криминологический аспект) // Рос. следователь. 2013. № 10. С. 33–38.
2. Ким Е. П., Костенко К. А. О формах противодействия расследованию преступлений, связанных с проявлениями коррупции // Проблемы противодействия расследованию преступлений и пути их преодоления: сб. материалов межведомств. науч.-практ. семинара (г. Хабаровск, 25 мая 2017 г.). Хабаровск: Пятый ФПК (с дисл. в г. Хабаровске) ИПК ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации». 2017. С. 12–13.
3. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учеб. / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Т. В. Аверьяновой и Р. С. Белкина. М.: Новый юрист, 1997. 398 с.

УДК 343.3

КОРРУПЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭКСТРЕМИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

К. М. Кравченко, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В работе рассматриваются особенности влияния коррупции в России на мотивационную сферу совершения преступлений экстремистской направленности и действий по реабилитации нацизма. Автором проанализированы изменения в социальной и экономической сфере, влекущие за собой появление у субъектов преступления экстремистского мотива.

Ключевые слова: коррупция; социальное неравенство; социальная несправедливость; ненависть и вражда; экстремизм; реабилитация нацизма.

CORRUPTION AS A DETERMINANT OF EXTREMISM AND NATIONALISM IN RUSSIA

К. М. Kravchenko, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The paper considers the features of the corruption's influence on the motivational sphere of committing extremist crimes and actions for the rehabilitation of Nazism. The author analyzes the changes in the social and economic sphere that entail the emergence of an extremist motive in the subjects of the crime.

Keywords: corruption; social inequality; social injustice; hatred and enmity; extremism; rehabilitation of Nazism.

Проблема противодействия коррупции в России была и остается одной из самых острых, актуальных и обсуждаемых на уровне как государственных деятелей, так и простых граждан.

Нынешнее состояние коррупции в России, характеризующейся всеобъемлющим, системным характером и высокой степенью латентности, во многом обусловлено переходным этапом истории развития государства, который сопровождался стремительным ее ростом. Из числа наиболее важных факторов, имеющих исторические корни и определяющих рост коррупции в стране,

можно отметить дисфункцию государственной машины, надломленность ряда исторических и культурных традиций нашего народа, быстрый переход к новой экономической системе, неподкрепленный должной правовой базой, а также низкие темпы развития правовой культуры общества.

Нормативно законодатель определяет явление коррупции злоупотреблением служебным положением и полномочиями, взяточничеством, коммерческим подкупом и другими противоправными действиями, связанными с использованием служебного положения в корыстных целях [1].

В научной литературе имеется множество трактовок понятия коррупции. Многообразие совершенно разных точек зрения на определение и проблему коррупции свидетельствует о сложности этого явления.

Так, А. И. Кирпичников, характеризуя коррупцию, называет ее коррозией власти: «Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества» [8, с. 4].

По мнению В. А. Номоконова, коррупция представляет собой «коммерциализацию власти». Коррупционная сущность заключается в защите частных интересов чиновников, предавших свое государство и граждан, что, безусловно, является причиной подрыва доверенности населения к авторитету действующей власти [10, с. 62]. Происходит деформация общественного сознания, формирование стереотипа, что коррупция, взяточничество – это естественное и вполне приемлемое явление.

Коррупция разрушает все сферы общества. В частности, на экономическом уровне чиновники-коррупционеры способствуют развитию «теневого» бизнеса, ослаблению рыночных механизмов, стимулируют монополизацию производства и сокращают отдельные секторы экономики [10, с. 62]. В результате – резкое падение производства, сужение рынка рабочей силы, большая часть населения страны оказывается за чертой бедности, в то время как «верхушка власти» в полной мере может реализовывать свою потребность «на роскошь».

Среди чиновников возникает свой «корпоративный» стиль нравственности, противоречащий интересам общества; продажность государственных деятелей, повсеместное взяточничество особенно сильно обостряют ощущение социального неравенства граждан, вызывая чувства неприязни и раздражения к властным структурам, ощущение несправедливости и обиды [13, с. 2].

Так, Следственным комитетом Российской Федерации по Чувашской Республике было возбуждено уголовное дело в отношении И., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ, – реабилитации нацизма [5]. И. опубликовал в социальной сети фотографию немецкой листовки, адресованной советским гражданам, с текстом об обещании выдачи им в собственность земельных участков, а также восстановления в Советском Союзе свободы религии. Он дополнил изображение комментарием «Когда

Третий рейх относится к советскому народу лучше, чем Путин к российскому» [12], который, на наш взгляд, выражает явное неуважение к действующей власти, по всей вероятности, вызванное обидой, разочарованием, неудовлетворенной потребностью в социальной реализации и ощущением несправедливости.

Крайне болезненно реагируют на условия бедности, социально-экономического неравенства, нестабильности и предвзятости лица подросткового и молодежного возраста в виду их психофизиологических возрастных особенностей: эмоциональной возбудимости, вспыльчивости, максимализма, заниженной самооценки, внушаемости [2, с. 36]. Дефицит средств на обучение или невозможность получения образования на бюджетной основе по причине отсутствия «блата», безрезультатность в отыскании работы по профессии и реализации себя как специалиста, низкий уровень жизни могут привести подростка не только к правому нигилизму, отрицанию авторитета коррупционной власти, но и к аморальному и безнравственному поведению, нередко сопряженному с насилием. Часто вербовке идеологами экстремистских сообществ, в том числе профашистского и неонацистского толка, поддаются именно юноши и девушки, не сумевшие найти свое место в жизни, так называемые «исключенные», которые ищут способы выхода своего недовольства и злости на окружающих, подыскивают тех людей, на кого можно перенести ответственность за свои нерешенные проблемы [3 с. 79; 7 с. 69].

Чаще всего образ «врага» создается для социально незащищенных групп людей: мигрантов, бездомных, представителей национальных меньшинств, лиц нетрадиционной ориентации и др. [4, с. 78]. Усиление нелегальных миграционных процессов, чему также способствуют проявления коррупции в миграционной сфере, негативным образом влияет на мирное урегулирование национальных интересов. По данным информационно-аналитического центра «СОВА», доминирующей группой жертв от рук националистов являются так называемые «этнические чужаки»; в 2018 г. было зафиксировано 20 нападений по этническому признаку, в 2017 г. – 28 подобных случаев, при этом большинство потерпевших являлись выходцами из Средней Азии [9, с. 43].

По официальным данным Министерства юстиции, на 3 октября 2019 г. в России запрещена деятельность 74 экстремистских организаций, в том числе обладающих нацистской идеологией [11].

Часто действия по реабилитации нацизма, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 354.1 УК РФ, сопряжены с мотивом ненависти или вражды к группе лиц, объединенных какими-либо признаками, чаще всего общностью признаков расы, национальности или этноса, что позволяет говорить о схожести реабилитации нацизма с преступлениями экстремистской направленности не только по субъективному признаку, но и по одинаковым детерминирующим факторам.

В заключение отметим, что коррупция внутри государственного управленческого аппарата, а также среди коммерческого сектора негативно влияет на все сферы жизни общества. Коррупционные проявления сами по себе не только выступают как вид опасной противозаконной деятельности, но и становятся главным фактором, обостряющим межнациональные отношения, способствующим возникновению ксенофобии, национализма и экстремизма.

Согласимся с мнением Я. И. Гилинского о невозможности полного устранения коррупции в виду ее прочных основ, заложенных в различных сферах общества [6, с. 133]. Тем не менее, нынешняя коррупциогенная обстановка страны требует принятия мер, направленных на сужение масштаба негативного действия коррупции и снижение ее уровня до минимума.

Список источников

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ: ред. от 26.07.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Антонова Е. Ю. Детерминанты инцидентов на почве ненависти (предубеждений) и преступлений экстремистской направленности // Вестн. Дальневост. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 4 (41). С. 32–39.
3. Антонян Ю. М. Экстремизм и его причины. М., 2010. 288 с.
4. Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России. 2011. № 1. С. 74–87.
5. В Чебоксарах возбуждено уголовное дело о реабилитации нацизма // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Чувашской Республике: [сайт]. URL: <https://chuvashia.sledcom.ru/news/item/1260542/> (дата обращения: 03.10.2019).
6. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. 520 с.
7. Гилинский Я. И. Социальное насилие: моногр. СПб., 2013. 185 с.
8. Голик Ю. В., Карасев В. И. Коррупция как механизм социальной деградации. 2005. 329 с.
9. Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2018 году: сб. ежегод. докл. инф.-аналит. центра «Сова» / под. ред. А. М. Верховского. М., 2019. 173 с.
10. Номоконов В. А. Коррупция в России: социальные последствия и особенности причин // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 61–66.
11. Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиции Российской Федерации: [сайт]. URL: https://minjust.ru/nko/perechen_zapret/ (дата обращения: 03.10.2019).

12. Против оппозиционера из Чебоксар возбуждено дело о реабилитации нацизма // СОВА: информационно-аналитический центр: [сайт]. URL: <https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2018/10/d40124/> (дата обращения: 03.10.2019).
13. Шекультиров Б. И. Коррупция в России: право, власть и нравственность // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. 2011. № 4. С. 1–7.

УДК 343.57

КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ СПОРТЕ

В. В. Литовченко, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматриваются аспекты борьбы с асоциальным явлением – коррупцией – в сфере спорта при помощи действующего административного и уголовного законодательства. Рассматриваются субъекты, участвующие в коррупционных схемах.

Ключевые слова: коррупция в спорте; антикоррупционное законодательство; спортивная сфера; спортсмен; допинг.

CORRUPTION IN MODERN SPORT

V. V. Litovchenko, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with the aspects of combating anti-social phenomenon – corruption, in the field of modern sports, with the help of the current administrative and criminal legislation. Subjects participating in corruption schemes are considered.

Keywords: corruption in sports; anti-corruption legislation; sports sphere; athlete; doping.

Проблема коррупции является одним из глобальных вопросов современного общества. Такое негативное явление очень сильно воздействует своим существованием и последствиями на состояние социума, политики и экономики, в конце концов снижает имидж страны.

Федеральный закон от 12 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции» устанавливает понятие коррупции, основные принципы противодействия, правовые основы предупреждения и борьбы с коррупцией. В его основе лежит принцип общей ответственности за всевозможные проявления коррупционного поведения, такие как: запрет отдельным категориям открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, обязанность представлять сведения о доходах, об имуществе, о расходах и т. д.

Согласно ст. 1 Федерального закона № 273 под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное

использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [1].

Коррупция в спорте существует уже более 100 лет. Если говорить о сфере физической культуры и спорта в мире, то здесь коррупция выражена в таких действиях, как строительство спортивных объектов, подкуп судей, спортсменов, влияние на результаты спортивных матчей и др. Спортивная отрасль – это плодородная почва для коррупционных проявлений, фальсификации итогов соревнований, что подрывает базовые спортивные ценности, которые основываются на принципах этики и взаимоуважения. Подобные действия вызывают сомнения у обычных людей в честности спортивных результатов, что создает почву для подрыва авторитета спортивного движения, формируя мнение, что спорт – это сфера, где процветают финансовые манипуляции. Коммерциализация современного спорта меняет его традиционную сущность, которая строилась на таких принципах, как приобщение человека к физическому и духовному развитию как личности, а также честность и открытость при проведении соревнований [2].

9 ноября 2017 г. в г. Вене на Конференции государств – участников Конвенции ООН против коррупции состоялся круглый стол, посвященный проблемам коррупции в спорте. Накануне принятия резолюции представители Олимпийского комитета, ФИФА и других негосударственных организаций отметили глобальную проблему коррупции в спорте и ее слабую изученность. Спикеры обсудили основные тренды коррупции в спорте. В ходе обсуждений было выяснено, что в большинстве стран отсутствует специальное законодательство о предупреждении коррупции в спорте. При этом Российская Федерация была отмечена с положительной стороны, потому что ст. 184 Уголовного кодекса устанавливает ответственность за «оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» [3].

Появление коррупции в спорте, по устоявшемуся мнению, связано прежде всего с материальным интересом, жадой весомой финансовой наживы. Правило второй Олимпийской хартии заключает, что одна из основных функций международного олимпийского движения и Международного олимпийского комитета – противостоять любым политическим или коммерческим злоупотреблениям, связанным со спортом и спортсменами.

На примере нашей страны рассмотрим нормативную базу, которая существует для борьбы с коррупцией в спорте. Статьей 184 УК РФ установлена ответственность за «оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса».

Диспозиция статьи включает в себя активные действия в виде передачи денег, ценных бумаг, иного имущества, оказания услуг, предоставления, принуждения, склонения к оказанию противоправного влияния. Анализируя вышеперечисленные действия, мы приходим к выводу, что ст. 184 УК РФ имеет прямое отношение к антикоррупционному поведению.

В 2011 г. была установлена административная ответственность ст. 6.18 КоАП РФ «за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним» [4].

Следует обратить внимание на понятие допинга, который имеет непосредственное отношение к проявлениям коррупционной направленности. Прежде всего допинг – это запрещенные препараты и субстанции, которые принимаются для искусственного завышения спортивных результатов посредством воздействия на организм спортсмена. Цель его применения – влияние на спортивные показатели. Финансовая заинтересованность прежде всего самого тренера в победах подготовленного им спортсмена порождает коррупционные махинации при прохождении допинговых тестов, медицинских комиссий по получению допуска к соревнованиям. Какова цель таких действий? Дело в том, что победы различного уровня ознаменовывают собой большие финансовые инвестиции как в перспективного спортсмена, так и в тренера. На деле мы получаем не открытый и честный спорт, а бизнес по заработку.

В 2016 г. после громких допинговых скандалов в отношении российской олимпийской сборной была установлена уголовная ответственность, предусмотренная ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, за «склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, а также использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» [5]. Важно отметить, что спортсмен рассматривается как лицо, которое на постоянной основе занимается спортом профессионально. Здесь речь не идет о спортсменах-любителях, тренирующихся в спортивных залах для своего удовольствия. Субъектами ответственности выступают тренер, специалист по спортивной медицине, врач, то есть обеспечивающий персонал, который довольно часто склонен к коррупционному поведению в силу должностного положения.

В 2019 г. в ст. 6.18 КоАП РФ были внесены изменения, касающиеся субъекта ответственности за правонарушения, связанные с употреблением допинга. Теперь ответственность за употребление запрещенных препаратов несет и сам спортсмен.

Установлено, что основной причиной коррупционных преступлений была возможность легкого обогащения за счет ставок на заранее известные результаты

спортивных матчей. Именно поэтому долгое время такие командные игры, как футбол и хоккей, считались самыми доходными видами спорта.

В заключение хотелось бы отметить, что антикоррупционная политика государства должна носить всеобъемлющий характер превентивных мер во всех отраслях современного общества, не оставляя в стороне современный спорт. Поскольку эту сферу отношений можно считать латентной, необходимо не в теоретической части совершенствовать механизм нормативного регулирования, а добиваться соблюдения хотя бы норм действующего законодательства.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 02.08.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 02.08.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ: ред. от 26.07.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Барышев И. А., Ким Н. В. Борьба с коррупцией в сфере физической культуры и спорта в Республике Казахстан // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). Чита: Молодой ученый, 2017. С. 118–120. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/226/12109/> (дата обращения: 18.10.2019).
5. Коррупция в спорте останется в тренде // Pismi.ru. Первое антикоррупционное СМИ: [сайт]. URL: <https://pismi.ru/archive/196114/> (дата обращения: 18.10.2019).

УДК 343.2

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

***Н. С. Луценко**, адъюнкт Дальневосточного юридического института
МВД России*

В статье рассматривается вопрос о назначении судебного штрафа при освобождении лица от уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности. Автор анализирует статистические сведения и нормативные правовые акты, связанные с данной категорией преступлений, и делает вывод о необходимости введения количественного ограничения при применении норм об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в отношении конкретного лица с целью исключить злоупотребление положениями об исследуемой иной мере уголовно-правового характера в борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: коррупционное преступление; освобождение от уголовной ответственности; судебный штраф; иная мера уголовно-правового характера; получение взятки; дача взятки.

TO THE QUESTION OF EFFECTIVENESS OF APPOINTMENT OF JUDICIAL FINE FOR CORRUPTION CRIMES

***N. S. Lutsenko**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

The article discusses the issue of imposing a judicial fine when exempting a person from criminal liability for committing crimes of a corruption nature. The author analyzes the statistical information and legal acts related to this category of crimes, and concludes that it is necessary to introduce a quantitative restriction on the application of the rules on exemption from criminal liability with a judicial fine for a specific person in order to exclude abuse of the provisions on a different measure of criminal legal in the fight against corruption.

Keywords: corruption crime; exemption from criminal liability; judicial fine; another criminal law measures; receiving a bribe; giving a bribe.

Коррупционные преступления являются одними из распространенных и опасных, имеющих международный масштаб. Борьбе с коррупцией посвящены многочисленные документы международного характера, многие из которых ратифицированы Российской Федерацией (например, Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и др.). В приведенных актах указывается на необходимость принятия государствами всех мер по борьбе с различными формами коррупции и взяточничества [5, с. 83–84].

В Российской Федерации (далее – РФ) противодействие коррупции занимает одно из важнейших направлений политики, а обозначенные в Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы «систематизация и актуализация нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции» являются актуальными и насущными среди представителей научных и практических кругов [2].

Наиболее распространенными формами коррупции являются получение и дача взятки.

Согласно статистическим сведениям Генеральной прокуратуры РФ, в 2017 г. было выявлено 29634 (–10 %) преступления коррупционной направленности, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 1,4 %. При этом число преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ (получение взятки), за указанный год в РФ снизилось на 40,3 % (с 5344 до 3188 преступлений) и число преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ (дача взятки), также снизилось на 51 % (с 4640 до 2272) [12, с. 7]. По итогам же 2018 г. наблюдалось увеличение коррупционных преступлений на 2,9 % (30495). Их удельный вес в общем числе всех выявленных преступных деяний за 2018 г. составил 1,5 %. При этом за указанный год в целом по стране число преступных деяний, предусмотренных ст. 290 и ст. 291 УК РФ, увеличилось соответственно на 9,8 % (с 3188 до 3499) и 15 % (с 2272), а количество преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве), по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. увеличилось на 20,9 % (с 810 до 979) [13, с. 7].

Согласно статистическим данным за 2019 г. (с января по август), число преступлений коррупционной направленности продолжает незначительно увеличиваться, их прирост составил 3,6 % (23508), а удельный вес в массе всех выявленных преступных деяний – 1,7 %. При этом по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. число преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, возросло на 11,9 % (с 2746 до 3072), число преступных деяний, предусмотренных ст. 291

УК РФ, увеличилось на 35,4 % (с 1709 до 2314 преступных деяний), а количество преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ, увеличилось на 46,4 % (с 702 до 1028) [14, с. 7].

Приведенные статистические сведения свидетельствуют о ежегодном незначительном росте коррупционных преступлений. Такая отрицательная динамика может быть связана с проводимой государством политикой либерализации и гуманизации уголовно-правовых норм в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, которая выражается в отказе государства от реализации уголовной ответственности. За последние восемь лет УК РФ расширил перечень положений, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности. Одним из последних таких новшеств стало введение в уголовное законодательство вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) [1].

Так как значительное количество норм Особенной части УК РФ закрепляют ответственность за совершение преступлений коррупционной направленности небольшой и средней тяжести (например, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 289, ч. 1 ст. 290, ч. 1, ч. 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291.1, ст. 291.2, ст. 292 УК РФ и др.), то, соответственно, преступления, предусмотренные указанными статьями, подпадают под действие ст. 76.2 УК РФ, и лица, их совершившие, могут быть освобождены от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, что является мерой уголовно-правового характера.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, за 2017 г. было прекращено:

- 1) 22 уголовных дела по преступлениям, предусмотренным ст. 290 УК РФ, из которых с назначением судебного штрафа – 3 уголовных дела;
- 2) 181 уголовное дело по преступлениям, предусмотренным ст. 291 УК РФ, из которых с назначением судебного штрафа – 21 уголовное дело;
- 3) 1156 уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 285–288, 291.1–293 УК РФ, из которых с назначением судебного штрафа – 404 уголовных дела [7].

Согласно статистическим сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2018 г. было прекращено:

- 1) по преступлениям, предусмотренным ст. 290 УК РФ, – 24 уголовных дела, из них с назначением судебного штрафа – 3 уголовных дела;
- 2) по преступлениям, предусмотренным ст. 291 УК РФ, – 113 уголовных дел, из них с назначением судебного штрафа – 11 уголовных дел;
- 3) по преступлениям, предусмотренным ст. 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество), – 479 уголовных дел, из них с назначением судебного штрафа – 154 уголовных дела [8].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о достаточно широком применении судами уголовно-правовой меры в виде судебного штрафа к лицам, совершившим коррупционные преступления. В научной литературе встречается мнение о необходимости выведения статей, устанавливающих ответственность за совершение преступлений коррупционной направленности, за пределы действия положений об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [10, с. 113]. Кроме того, ряд авторов (М. Ю. Юсупов, А. Н. Ильина, Н. Ю. Скрипченко) полагают, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа невозможно по преступлениям, фактически не причиняющим вреда, который мог бы быть заглажен [4, с. 29; 11, с. 111–112; 15, с. 126]. К числу таких преступлений относят получение и дачу взятки, а также другие коррупционные преступления [9, с. 67].

Вместе с тем в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76² УК РФ), утвержденном Президиумом Верховного суда 10 июля 2019 г., сформулирована правовая позиция, согласно которой «закон не содержит запрета на возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при соблюдении предусмотренных ст. 76² УК РФ условий и в тех случаях, когда диспозиция соответствующей статьи Уголовного кодекса РФ не предусматривает причинение ущерба или иного вреда в качестве обязательного признака объективной стороны преступления (преступления с формальным составом)» [6]. Руководствуясь принципами справедливости и равенства всех граждан перед законом, поддерживаем позицию Верховного суда РФ.

Однако, если учесть широкое толкование категории «лица, впервые совершившего преступление», согласно которому ранее освобожденное от уголовной ответственности лицо также признается совершившим преступление впервые, приведенная выше правовая позиция Верховного суда РФ может способствовать злоупотреблению положениями ст. 76.2 УК РФ и позволять применять нормы об освобождении от уголовной ответственности неограниченное количество раз, поскольку в случае совершения освобожденным от уголовной ответственности лицом нового преступления оно вновь считается несудимым [3].

Подводя итог, отметим, что анализ правовых источников, судебной практики и статистических данных свидетельствует о применении положений об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в отношении лиц, совершивших преступления коррупционной направленности. Вопрос о том, эффективна ли данная мера уголовно-правового характера в борьбе с коррупцией, остается открытым: институт судебного штрафа в российском уголовном законодательстве еще достаточно молод.

Вместе с тем выделим отрицательный аспект положений ст. 76.2 УК РФ, выражающийся в законодательной возможности применения норм о судебном

штрафе неограниченное количество раз, так как правовые последствия для лица в виде судимости не наступают и оно каждый раз считается вновь впервые совершившим преступление. Этот факт может вызвать проблему злоупотребления данным основанием освобождения от уголовной ответственности. Поэтому считаем целесообразным, с целью ограничения злоупотребления нормами освобождения одного и того же лица от уголовной ответственности, дополнить ст. 76.2 УК РФ примечанием, которое содержало бы указание на то, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с применением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа не более двух раз, поскольку, на наш взгляд, недопустимо применять к виновному лицу с устойчивым криминальным поведением превентивную уголовно-правовую меру – судебный штраф.

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. II, ст. 4256.
2. О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: указ Президента Рос. Федерации от 29.06.2018 № 378 // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301352/ (дата обращения: 15.10.2019).
3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 27.06.2013 № 19: ред. от 29.11.2016 // Рос. газ. 2013. № 145.
4. Ильина А. Н. О понятии возмещения ущерба и заглаживания вреда, причиненного преступлением // Рос. юстиция. 2017. № 12. С. 27–29.
5. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право: учеб. пособие для магистрантов. М.: Проспект, 2019. 112 с.
6. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ): утв. Президиумом Верхов. суда Рос. Федерации 10.07.2019 // Верховный суд Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/all/28088/> дата обращения: 15.10.2019).
7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 года // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 15.10.2019).
8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 года // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 15.10.2019).

9. Плаксина Т. А. Некоторые проблемы применения норм об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (уголовно-правовые аспекты) // Алтайс. юрид. вестн. 2019. № 1 (25). С. 64–71.
10. Савин Д. В., Сутурин М. А. Судебный штраф в уголовном праве // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: сб. науч. ст. 6-й междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 22–23 сентября 2016 г.). М., 2016. С. 111–114.
11. Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журн. рос. права. 2017. № 7. С. 106–114.
12. Состояние преступности в России за январь – август 2019 года. М., 2019. 52 с.
13. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года. М., 2018. 52 с.
14. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года. М., 2019. 52 с.
15. Юсупов М. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 122–128.

УДК 343.35

К ВОПРОСУ О РАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ СТАТЬИ 20 КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ КОРРУПЦИИ

***И. С. Нескородова**, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России*

Статья посвящена анализу статьи 20 Конвенции ООН против коррупции, предполагается возможность имплементации ее положений в уголовное законодательство Российской Федерации, а также рассматриваются экспертные мнения по данной проблеме. Автор приходит к выводу, что ратификация статьи 20 Конвенции ООН против коррупции может являться действенным инструментом противодействия коррупционной преступности в отечественном праве.

Ключевые слова: Конвенция ООН против коррупции, незаконное обогащение, законопроект, ратификация, международный опыт.

TO THE QUESTION OF THE RATIFICATION OF THE RUSSIAN FEDERATION OF ARTICLE 20 OF THE UN CONVENTION AGAINST CORRUPTION

***I. S. Neskorodova**, adjunct, Department of criminal law and criminology
of the Krasnodar University of the MIA of Russia*

The article is devoted to the analysis of article 20 of the UN Convention against corruption, the possibility of implementing its provisions in the criminal legislation of the Russian Federation, as well as expert opinions on this issue. The author comes to the conclusion that the ratification of article 20 of the UN Convention against corruption can be an effective tool to counter corruption crime in domestic law.

Key words: UN Convention against corruption, illegal enrichment, bill, ratification, international experience.

Проблема существования коррупции имеет очень глубокие исторические корни. Коррупция существует столько, сколько существует государство и чиновничество, и каждая страна мира, так или иначе, сталкивается с ее проявлениями. Четкое осознание того, что коррупция давно вышла за рамки отдельных госу-

дарств и превратилась в глобальную угрозу, пришло во второй половине XX века. Несмотря на различия в стратегиях и методах борьбы с коррупцией в различных странах, международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций (далее – ООН) стремится сформировать единые подходы и стандарты антикоррупционной политики. Результатом этого стало принятие резолюцией Генеральной Ассамблеи 31 октября 2003 года Конвенции ООН против коррупции (далее – Конвенция). Согласно данной Конвенции, противодействие коррупции является важнейшим аспектом международного сотрудничества, так как данное негативное явление порождает серьезные проблемы и угрозы для стабильности и безопасности общества, подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку [1]. В настоящее время Конвенцию ратифицировали 172 государства, в числе которых и Российская Федерация. 8 марта 2006 года был принят Федеральный закон «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» № 40-ФЗ [2], который состоит из двух статей, содержащих в себе заявления по отдельным пунктам и статьям Конвенции. В п. 1 ч. 1 ст. 1 рассматриваемого Федерального закона содержится перечень статей и пунктов, по которым Россия обладает юрисдикцией и которые обязательны к исполнению. В данный перечень не вошли следующие статьи Конвенции: ст. 20 «Незаконное обогащение», ст. 26 «Ответственность юридических лиц», ст. 54 «Механизмы изъятия имущества посредством международного сотрудничества в деле конфискации», ст. 57 «Возвращение активов и распоряжение ими».

Мнения исследователей относительно необходимости ратификации данных положений, а также степени выполнения уже ратифицированных статей Конвенции, кардинально отличаются друг от друга. Так, например, доктор экономических наук Елена Румянцева, эксперт в области изучения проблемы коррупции, считает, что требования ст. 7 (принципы эффективности и прозрачности работы государственных служащих) в современных российских реалиях не выполняются [3].

Но на наш взгляд, наиболее дискуссионным является вопрос ратификации Россией статьи 20 Конвенции ООН против коррупции. Так, депутатами Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) в декабре 2010 года в Государственную думу был внесен законопроект о ратификации данной статьи. Однако данный законопроект не был принят. В официальном отзыве Верховного суда РФ от 26 мая 2011 г. № 2/общ-2521 на проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» содержатся следующие указания на недостатки данного законопроекта:

А) Подписание Россией Конвенции ООН против коррупции не обязывает её принимать такой закон;

Б) Согласно ч. 2 ст. 49 Конституции РФ возложение на обвиняемого в преступлении бремени доказывания своей невиновности недопустимо. Одним из принципов уголовного судопроизводства в Российской Федерации является презумпция невиновности (статья 14 УПК РФ);

В) Незаконное обогащение, безусловно, является следствием конкретных, в том числе должностных, преступлений корыстной направленности, таких как получение взятки (статья 290 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (статья 285 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (статья 289 УК РФ) и иных. Однако в пояснительной записке к законопроекту не приведены причины, по которым лицо не может быть (не должно быть) привлечено к уголовной ответственности за само деяние, послужившее основанием незаконного обогащения [4].

Позже, в марте 2013 года, лидер КППРФ Геннадий Зюганов и первый вице-спикер Государственной думы Иван Мельников (КППРФ), внесли на рассмотрение еще один законопроект – о назначении уголовного наказания за незаконное обогащение, которым предлагалось дополнить УК РФ статьей 290.1, устанавливающей ответственность за незаконное обогащение, то есть приобретение должностным лицом имущества, стоимость которого значительно превосходит его законные доходы и происхождение которого он не может объяснить разумным образом.

Также в 2013 году премьер-министр Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев на встрече с представителями средств массовой информации заявил, что: «Статья 20 исходит из предположения, что лицо (должностное) предполагается виновным в совершении коррупционного правонарушения и должно само оправдываться, доказывать, что оно не коррупционер. Это вопрос выбора. На это можно пойти. И сейчас, кстати, предложения по статье 20-й Минюстом готовятся. Но мы должны взвесить все «за» и «против». «За» – борьба с коррупцией, это хорошо, пусть объяснят, откуда дворцы, как вы говорите, это нормально для всех. Но есть и аргумент против. Мы же понимаем, что наша правоохранительная система несовершенна. И если речь идёт о том, что сначала лицо предполагается виновным, а потом должно доказать, что оно не совершало этого, это вообще-то выход за основополагающий принцип уголовного права, который у нас сложился» [5].

В 2014 году создатель «Фонда борьбы с коррупцией» российский политик и оппозиционер Алексей Навальный призвал всех желающих поддержать инициативу по ратификации статьи о незаконном обогащении. В своем интервью корреспонденту ВВС он подчеркнул, что: «Весь наш опыт борьбы с коррупцией говорит о том, что мы, к сожалению, не сможем сейчас доказать, что конкретный чиновник брал взятки. ... Но мы можем доказать, что чиновник, получая какое-то

определенное количество денег, жил богаче, чем он получал на самом деле. И это и будет основанием для уголовного преследования» [6].

В апреле 2017 года депутаты фракции «Справедливая Россия» во главе с Сергеем Мироновым внесли законопроект, аналогичный тому, что был предложен в 2013 году депутатами КПрФ. В документе предлагается считать незаконным обогащением значительное превышение стоимости активов чиновника над размером его законных доходов. В качестве наказания предусматривается штраф или лишение свободы на срок от пяти до семи лет [7]. Однако, Государственной думой в первом чтении данный законопроект также был отклонен.

Как отмечалось выше, мнению ряда специалистов, статья 20 Конвенции не входит в список ратифицированных норм по причине ее противоречия законодательству РФ. Также приверженцы данной точки зрения ссылаются на международный опыт применения данной нормы. В странах, занимающих лидирующее положение в борьбе с коррупцией, таких как Дания, Финляндия, Швеция и некоторых других, фактически требования статьи 20 Конвенции не реализовываются, статья, предусматривающая ответственность за незаконное обогащение, уголовным законодательством данных стран не предусмотрена.

Не смотря на это, мы считаем верным согласиться с мнением экспертов, определяющих, что ратификация статьи 20 Конвенции и имплементация нормы, предусматривающей ответственность за незаконное обогащение, в российское законодательство представляется эффективным методом борьбы с коррупционными проявлениями. Таким образом, предлагается дополнить главу 30 УК РФ статьей 289.1 «Незаконное обогащение» в следующей редакции:

«1. Умышленно совершенное незаконное обогащение должностного лица, состоящее в значительном увеличении активов, превышающем его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать, – наказывается ...

Деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления лицом, а также в особо крупном размере, – наказывается...».

Оставляя пробел в санкции, тем не менее, мы думаем, что данный состав должен относиться к преступлениям средней тяжести, в целях избегания проблемы низкой судебной перспективы уголовных дел, которая также присутствует при выявлении ряда преступлений коррупционной направленности, например незаконного участия в предпринимательской деятельности, а значит максимальным наказанием за совершение данного противоправного деяния будет лишение свободы на срок до пяти лет. Кроме того, на наш взгляд, будет обоснованным применение такой меры уголовно-правового характера, как конфискация имущества.

Несомненно, перед введением данной нормы в перечень статей, по которым Российская Федерация обладает юрисдикцией, а также нормы, устанавливающей уголовную ответственность должностных лиц за незаконное обогащение, необходима тщательная проработка отечественной законодательной базы. Во избежание неверного трактования положений вышеуказанных норм, а также предупреждая возможные следственные и судебные ошибки, необходимо дополнить уголовное законодательство юридическим определением незаконного обогащения, а также законодательным описанием и подробным раскрытием понятий, входящих в данное определение: «значительное повышение активов», «законные доходы», «разумным образом». Представляется необходимым постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации с разъяснением указанных выше и иных терминов и вопросов по рассматриваемой проблеме. Кроме того, обязательным будет составление и издание методических рекомендаций для практических органов по выявлению и доказыванию фактов незаконного обогащения, доказыванию умысла на совершение указанного деяния, установление причинно-следственной связи и пр.

Список источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
2. Федеральный закон РФ от 08.03.2006 «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» № 40-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=59047&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6069925110657288#007505284560048464>
3. Свободная пресса. Интервью Е. Румянцевой. Чиновникам – «золотые парашюты», народу – макаронки //
4. URL: <https://svpressa.ru/society/article/217249/#mc-container>
5. Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 26.05.2011 № 2/общ-2521 «На проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PRJ; n=90453; fld=134; dst=4294967295; rnd=0.17380275879986584#07661531662207626>
6. РИА Новости. Медведев: РФ готовит предложения по коррупционной статье Конвенции ООН // URL: <https://ria.ru/20131206/982436132.html#ixzz2rnsLlel7>
7. Навальный: Путин воюет, чтобы отвлечь всех от коррупции // URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2014/12/141217_navalny_bbc_interview
8. Депутаты отклонили законопроект о наказании за незаконное обогащение // URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/01/17/138696-deputyaty-otklonili-zakonoproekt-o-nakazanii-za-nezakonnnoe-obogashenie>

УДК 343

ПОНЯТИЕ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА КАК СУБЪЕКТА КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

***Т. В. Осипова**, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*

Статья посвящена сложным уголовно-правовым проблемам, касающимся понятия должностного лица, его признаков, видов. Проводится отграничение субъекта должностных преступлений от лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях.

Ключевые слова: должностное преступление; должностное лицо; злоупотребление должностными полномочиями; превышение должностных полномочий; управленческие функции.

OF THE CONCEPT OF OFFICIAL PERSONS AS A SUBJECT OF CORRUPTION CRIMES

***T. V. Osipova**, senior lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

The article is devoted to complex criminal-legal problems of the concept of an official, his signs, types. It distinguishes the subject of official crimes from persons performing managerial functions in commercial and other organizations.

Keywords: official crime; official; abuse of official powers; abuse of official powers; managerial functions.

Расследование уголовных дел о злоупотреблении и превышении должностных полномочий уже длительное время привлекает особое внимание как представителей теории уголовно-правовой науки, так и практиков – работников правоохранительных и судебных органов. Преступления, включенные в гл. 30 УК РФ, представляют особую опасность для общества, так как основным субъектом этих преступлений выступают должностные лица.

Должностные лица, являющиеся субъектами в названных статьях, как правило, занимают высшие должности в государственном аппарате и в органах местного самоуправления. По их деятельности и результативности работы

в органах население судит о состоянии нашего общества и государства, ведь использование полномочий, предоставленных государством должностным лицам, не вопреки интересам службы призвано обеспечивать порядок, законность и справедливость [4].

Еще в апреле 2010 г. Президент России Д. Медведев издал Указ «О национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» [1], в котором были обозначены направления на устранение коррупции в обществе с учетом требований времени на соответствующий период в планах по противодействию коррупции федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов РФ и муниципальных образований.

Далее последовал Указ Президента РФ В. Путина от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» [2].

Но принятие законодательства по противодействию коррупции президентами России в названные годы до настоящего времени, исходя из статистики правоохранительных органов, ведущих борьбу против коррупции, все еще свидетельствует о высокой латентности должностных преступлений и высокой коррупцированности должностных лиц.

В своем интервью «Российской газете» 25 июля 2019 г. председатель СК России А. И. Бастрыкин констатировал, что за годы работы ведомства в суды было направлено почти 80 тыс. уголовных дел о коррупционных преступлениях. Только за 9 месяцев 2018 г. было направлено в суд 6123 уголовных дела коррупционной направленности в отношении почти 7 тыс. обвиняемых в коррупции.

Изучая практику досудебного производства по должностным преступлениям, можно утверждать, что эти преступления имеют высокую общественную опасность. При организации работы по проведению процессуальных проверок названной категории дел, расследовании уголовных дел следователь сталкивается не только со сложными служебными отношениями между его субъектами, но и с детальным изучением множества нормативных актов, регулирующих отношения и деятельность этих субъектов. Виновные лица, являющиеся фигурантами таких дел, обладающие высоким интеллектуальным и волевым уровнем, часто противодействуют следователю на предварительном следствии. Расследование такого рода дел идет непросто, часто подозреваемые и обвиняемые, а нередко свидетели меняют свои показания, защитники ходатайствуют о вызове новых свидетелей, стороны по-разному интерпретируют законы и должностные инструкции, имеющие отношение к обстоятельствам совершенного преступления. Особую трудность при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории представляет установление того обстоятельства, является ли субъект, в деянии которого предусматривается состав перечисленных преступлений, должностным лицом.

Однако если рассматривать должностных лиц, совершающих коррупционное преступление как злоупотребление должностными полномочиями с использованием своих служебных полномочий вопреки интересам службы, такие лица перечислены в пункте первом примечаний к статье, и также разъяснено, какие функции они осуществляют как представители власти. Если же рассматривать должностное лицо, совершившее коррупционное преступление, занимающее государственную должность, также необходимо обратиться к п. 2 и 3 примечаний к ст. 285 УК РФ, где дается разъяснение функций лиц, занимающих государственные должности РФ и государственные должности субъектов РФ.

Необходимо также отметить, что к преступлениям коррупционной направленности относятся и противоправные деяния, совершаемые лицами, наделенными управленческими полномочиями, в связи с осуществлением этих полномочий, при наличии следующих четырех критериев:

1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся лица, указанные в примечании к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечании к ст. 201 УК РФ;

2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступившего от его прямых прав и обязанностей;

3) обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

4) совершение преступления только с прямым умыслом.

Наглядным примером неправильного определения субъекта коррупционного преступления как должностного лица может служить отмена приговора одного из судов субъектов по Дальневосточному федеральному округу в отношении Ф., которая была осуждена в совершении преступления за служебный подлог и присвоение чужого имущества с использованием служебного положения. Будучи заместителем начальника отделения почтовой связи, Ф. присвоила денежные переводы на 2 тыс. 500 р., 3 тыс. 100 р., 4 тыс. 200 р. на имя получателя Х. путем внесения заведомо ложных сведений в официальные документы, а именно собственноручно от своего имени подписала извещение о почтовом переводе, указав паспортные данные адресата, после чего представила отчет – реестр оплаченных переводов в районное отделение почтовой связи, указав, что данный денежный перевод оплачен.

Решение суда было отменено, поскольку начальник отделения почтовой связи выполняет управленческие функции в коммерческой организации, какой согласно п. 1 ст. 114 ГК РФ является федеральное государственное унитарное

предприятие (ФГУП) «Почта России». Следовательно, данное лицо не является субъектом служебного подлога.

Кроме того, наряду с установлением, является ли субъект, в деянии которого предусматривается состав перечисленных преступлений, должностным лицом, необходимо рассматривать, может ли деяние, совершенное должностным лицом, быть признано преступным при определенных существующих условиях. Такие условия могут быть связаны с устранением опасности, крайней необходимостью (ст. 39 УК РФ), исполнением приказа или распоряжении (ст. 42 УК РФ).

Одно из главных и неопровержимых доказательств, которое следователь должен предоставить в суд по должностному преступлению, это то, что использование должностным лицом своих служебных полномочий имело корыстную, иную или личную заинтересованность, а также протекционизм либо иное покровительство. Необходимо четко понимать, что доказательством корыстной заинтересованности рассматриваемой категории преступлений будет являться стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц. Примером таких имущественных выгод будут являться незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и др.

Расследуя такие преступления, как хищение чужого имущества, связанное с использованием служебного положения, злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности, следователь должен отграничивать такие преступления от вышеперечисленных составов. Такие преступления образуют деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества, а именно с получением имущественной выгоды от использования имущества по назначению, либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества.

Применительно к таким преступлениям Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 разъясняет, как поступить. В тех случаях, когда должностное лицо, используя свои служебные полномочия, наряду с хищением чужого имущества совершило другие незаконные действия, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями из корыстной или иной заинтересованности, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности ч. 3 ст. 159 УК РФ или ч. 3 ст. 160 УК РФ, и дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ не требуется [3].

Таким образом, понятие должностного лица, данное в статьях гл. 30 УК РФ, закон соотносит прежде всего с двумя основными критериями: функциональными обязанностями лица и видом органов или учреждений, где данное лицо осуществляет свою деятельность.

Следователю при расследовании коррупционных преступлений целесообразно, устанавливая должностное лицо, начать с определения статуса соответствующих органов и учреждений, так как функциональный признак для всех должностных лиц одинаков, вне зависимости от места их службы.

Список источников

1. О национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы: указ Президента Рос. Федерации от 13.04.2010 № 460: ред. от 13.03.2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы: указ Президента Рос. Федерации от 01.04.2016 № 147. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень Верхов. суда Рос. Федерации. 2009. № 12.
4. Бриллиантов А. В. Понятия и признаки субъекта должностных преступлений: лекция / Ин-т повышения квалификации руковод. кадров Ген. прокуратуры. М., 2007. 51 с.

УДК 343.244

ОЧЕРК О БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В. И. Тюнин, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Н. В. Радошнова, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат юридических наук

Статья посвящена борьбе с коррупцией в дореволюционной России. Поскольку борьба с коррупцией является одной из важнейших проблем международного сообщества, то авторы считают, что научное изучение такого сложного явления, как коррупция, необходимо основывать на исследовании борьбы с коррупцией на протяжении всей истории России, начиная с самых первых нормативных актов, в которых был установлен уголовно-правовой запрет на совершение чиновниками того времени коррупционных преступлений.

Ключевые слова: борьба с коррупцией; коррупционное преступление; дореволюционная Россия.

SKILL ON THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

V. I. Tyunin, professor of the Department of Criminal Law of the Saint Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor;

N. V. Radoshnova, senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Saint Petersburg State University of Economics, kandidat nauk, degree in Law

The article is devoted to the fight against corruption in pre-revolutionary Russia. Because combating corruption is a major problem not only Russian but also the international community, the authors believe that the scientific study of such complex phenomena as corruption must be based on the study of anti-corruption throughout Russia's history, beginning with the first regulations, which was established criminally-legal prohibition of Commission officials of that time corruption crimes.

Keywords: fight against corruption; corruption crime; prerevolutionary Russia.

По мнению современных ученых, борьба с коррупцией является одной из наиболее актуальных проблем не только России, но и мирового сообщества. Несмотря на исследования, посвященные борьбе с современной коррупцией, для исследователей историко-правовые аспекты этой борьбы по-прежнему представляют не только исторический, но и практический интерес. Как писал дореволюционный ученый-криминалист Н. Д. Сергеевский, «всякая сторона, всякое слово уголовного закона связано с плотью и кровью целых десятков поколений; для того, чтобы понять и оценить по достоинству, необходимо проследить его происхождение, всю его генеалогию, насколько хватает средства истории...» [13, с. 240–241].

Как явление борьба с коррупцией имеет многовековую историю в России. Изначально она воспринималась законодателем только как борьба со взяточничеством. В Судебнике 1497 г. устанавливался прямой запрет на получение каких-либо посулов (взяток) должностным лицам, которые занимались рассмотрением судебных дел и жалоб. Однако какие-либо санкции за такие деяния отсутствовали [10, с. 344].

В XVI в. после губной реформы Ивана Грозного актам и грамотам, исходящим из стен правительственных учреждений, придавалось огромное значение, и только они являлись надлежащими доказательствами в судах и делах, рассматривавшихся в приказах. Поэтому в Судебнике 1550 г. были предусмотрены наказания за злоупотребления при составлении и выдаче грамот («волочение», «взятие посулов»), за составление подложных грамот и подделку подписей [7, с. 22]. Именно с этого времени в русский язык вошло слово «волокита».

До XVI в. под лихоимством подразумевались скупость и корыстолюбие. Мздоимством занимались сборщики податей (мзды). В Судебнике 1550 г. у перечисленных слов появилось юридическое значение: «Под лихоимством понималось выполнение должностных обязанностей лицом, получившим вознаграждение при рассмотрении дела или жалобы в суде вопреки интересам правосудия. Мздоимство – это получение из корыстных побуждений должностным лицом установленных законом пошлин сверх нормы» [10, с. 344–345].

Однако практической роли наказание за взяточничество в русском государстве того времени не играло. Выборные власти черносошных крестьян при раскладке на крестьянские дворы государственных налогов включали в сбор на общинные расходы «поминки» и «посулы» приказным чином в Москве. Некоторые из приказных использовали свое положение для насильственного «вымучивания» у отдельных лиц их земель и имущества [7, с. 23].

В период правления Ажедмитрия I с 1605 по 1606 гг. мздоимство было запрещено его именным указом. Взятчиков приказывалось водить по городу, повесив на шею денежную мошну, меха, жемчуг или даже соленую рыбу – то, чем бралась взятка – и бить палками [12, с. 17].

Последствия «смутного времени» открыли широкий простор для всякого рода злоупотреблений и произвола, что вызвало огромное недовольство в обществе. В 1649 г. принимается Соборное уложение – первый уголовный кодекс в его современном понимании [9, с. 324–325].

В Соборном уложении 1649 г. был расширен круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за взятки из числа должностных лиц. В Уложении предусматривалась ответственность за «мнимое посредничество во взяточничестве, когда кто-либо будто бы для передачи судье берет от взяткодателя предмет взятки в целях принятия для взяткодателя выгодного решения, а фактически присвоит его» [10, с. 345]. Вымогательство взятки стало считаться преступлением.

Приказный характер государственного управления создавал благоприятные условия для коррупции. Иногда рассмотрение дел тянулось годами, например, 34 года рассматривалось дело о захвате стольником Фефиантьевым части земель Угрешского монастыря [9, с. 316].

Для эффективности борьбы с взяточничеством именными указами 1713, 1714 гг. Петра I вводится уголовное наказание вплоть до смертной казни за взяточничество и злоупотребление должностными полномочиями из корыстных побуждений. Создается институт фискалов, в чью компетенцию входил контроль за деятельностью государственных учреждений и администрации. В деятельности фискалов, продолжавшейся до 1730 г., переплелись и ревностное служение государю и личные корыстные интересы. Донесениями обер-фискала А. Я. Нестерова удалось уличить в лихоимстве сибирского губернатора М. П. Гагарина, который в 1720 г. был повешен перед окнами юстиц-коллегии за то, что «он скопил столь безмерные богатства, что после того, как распродали только его движимое имущество и сибирские и китайские товары, остается еще несколько домов, набитых непроданным, не считая драгоценных камней, золота и серебра...» [2, с. 457].

В судьбе самого А. Я. Нестерова отразилась сила и слабость института фискалов. По доносу, сделанному перед казнью Ярославским провинциал-фискалом С. Попцовым, сам обер-фискал был обвинен во взяточничестве и приговорен к смертной казни. С годами деятельность фискалов, направленная против должностных преступлений, стала отождествляться с доношительством и наушничеством [3, с. 157].

Императрица Екатерина II нередко спускала вольное обращение с казенными деньгами своим приближенным, она только следила за тем, чтобы они не крали слишком много. Проверка заемного банка, инициированная государыней,

показала, что вместо денег в пакетах лежали полоски чистой бумаги. Директор заемного банка граф Завадовский немедленно доложил о пропаже императрице. А поздно вечером того же дня увез из банка к себе домой два сундука – один с золотом, другой – с серебром.

Благодаря настойчивости президента коммерц-коллегии Державина следственная комиссия собрала доказательства вины не только одного кассира, но и всего банковского начальства. Наказан, впрочем, был только кассир, сосланный на поселение в Сибирь [4, с. 161–162].

По указу императора Николая I в 1826 г. было создано Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии. Возглавил эту государственную службу генерал А. Бенкендорф – один из теоретиков и практиков борьбы с коррупцией [14, с. 9].

Российская империя нуждалась в новом уголовном законе. «Последний русский кодекс – Соборное уложение царя Алексея Михайловича – был составлен в 1649 г. и в эпоху империи безнадежно устарел. Насущно требовалась кодификация законодательства. Эту задачу удалось решить только со вступлением в силу Свода законов Российской империи и введении его в силу 1 января 1835 г., XV том которого составляло Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» [11, с. 49]. В ст. 401 и 402 главы шестой «О мздоимстве и лихоимстве» были сформулированы составы лихоимства, или взяточничества в современном понимании [10, с. 347].

Насколько действие установленных уголовно-правовых запретов было эффективно, узнаем из дневников современников Ф. М. Достоевского. Из дневника А. В. Никитенко: «Теперь весь город (Санкт-Петербург) занят толками о казенных воровствах... например, представитель здешней Управы благочиния Клевенский украл полтораста тысяч рублей серебром...» [5, с. 176].

Для подрядов на строительство железных дорог в России «каждый подрядчик имел тайного или явного высокопоставленного акционера, лоббирующего в Зимнем дворце интересы своего «наперсника»... фактически шел конкурс влиятельных покровителей» [8, с. 77–78].

История хранит примеры, когда в сговор с подрядчиками вступали великие князья из дома Романовых. Покровителем заводчика Н. И. Путилова являлся великий князь Константин Николаевич. Любимцу Константина был выдан огромный кредит и выделено место для строительства завода, получившего название «Путиловский». «Большой бизнес, особенно оборонка, в России невозможен без благосклонного внимания государства. Даже не государства, конкретного чиновника» [8, с. 72].

В Уголовном уложении 1903 г. круг коррупционных преступлений существенно расширился. Несмотря на архаичный стиль формулирования диспозиций статей, их содержание является актуальным и в настоящее время. Поскольку

Уголовное уложение 1903 г. не вступило в силу в рассматриваемой части, сказать что-либо о его эффективности в борьбе с коррупцией нельзя.

Термин «коррупция», широко использовавшийся в литературе, в России в научный оборот был введен в 1913 г. А. Я. Эстриным [1, с. 73; 6, с. 803], что является подтверждением развития научного осмысления такого сложного и многостороннего явления, как коррупция, учеными в начале XX столетия.

Список источников

1. Астанин В. В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода. М., 2003. 92 с.
2. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1991. 679 с.
3. Вдовина Л. Н. Право и суд // Очерки русской культуры XVIII века / под ред. Б. А. Рыбакова Ч. 2. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1987. 408 с.
4. Гордин М. А. Екатерининский век: Панорама столичной жизни. Книга 1-я (Серия: Былой Петербург). СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2004. 312 с.
5. Длуголенский Я. И. Век Достоевского. Панорама столичной жизни. Книга 1-я (Серия: Былой Петербург). СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2005. 280 с.
6. Криминология: учеб. / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 1008 с.
7. Леонтьев А. К. Государственный строй, право и суд // Очерки русской культуры XVI века / под ред. А. В. Арциховского. Ч. 2. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1977. 445 с.
8. Лурье Л. Я. Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. 288 с.
9. Мартысевич И. Д., Шульгин В. С. Право и суд // Очерки русской культуры XVII века / под ред. А. В. Арциховского. Ч. 1. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1979. 350 с.
10. Наумов А. В. Российской уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Особенная часть. 4-е изд., перераб и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. 656 с.
11. Пушкирев С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество. М.: Посев, 2001. 672 с.
12. Роткевич К. Федор Великий // Тайный советник. 2019. № 1 (55). С. 16–17.
13. Сергеевский Н. Д. Избранные труды / Отв. ред. и автор библиографического очерка А. И. Чучаев. М.: Буквоед, 2008. 606 с.
14. Тростин Е. А., Холодов С. А. ОБХСС, МВД, КГБ. Краткий курс экономической преступности. М.: Алгоритм, 2019. 288 с.

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ» (29 ноября 2019 года)**

УДК 34

**ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ
КАК ЭТАП СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

***Н.А. Васильева**, доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук;*

***И.А. Игнатьева**, преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук*

В статье рассматривается сущность и значение проверки сообщения о преступлении как этапа стадии возбуждения уголовного дела. Определяются и рассматриваются проблемы, характерные для этого этапа, предлагается их решение.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; сообщение о преступлении; проверка сообщения о преступлении; следственное действие; участник проверки сообщения о преступлении.

**CHECK CRIME MESSAGE AS A PHASE
OF THE STAGE OF EXCITING A CRIMINAL CASE**

***N.L. Vasilyeva**, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law;*

***I.L. Ignatyeva**, lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article discusses the essence and significance of verifying a crime report as a stage in a criminal case. The problems characteristic of this stage are identified and considered, their solution is proposed.

Keywords: criminal proceeding; reporting a crime; checking a crime report; investigative action; crime report verification participant.

Возбуждение уголовного дела представляет собой начальную стадию уголовного судопроизводства. Ее особенностью является то, что она является единственной стадией, когда уголовное дело как таковое еще отсутствует, и с помощью предварительной проверки можно обеспечить обоснованное принятие одного из трех альтернативных процессуальных решений:

- о возбуждении уголовного дела;
- об отказе в возбуждении уголовного дела
- о передаче сообщения по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения – в суд [1, ст. 145–148].

Системный анализ ст. 140–145 УПК РФ показывает, что стадия возбуждения уголовного дела включает в себя такие этапы, как:

- получение сведений о наличии вероятно совершенного либо готовящегося преступления и их регистрация;
- проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

Содержательный анализ названных этапов позволяет сделать вывод, что проверка сообщения о преступлении – это важнейший элемент стадии возбуждения уголовного дела. Именно по результатам такой проверки у должностного лица, ее проводившего, формируется внутреннее убеждение о том, имеются ли повод и основания для возбуждения уголовного дела.

О значимости рассматриваемого этапа наглядно свидетельствуют статистические данные о результатах рассмотрения зарегистрированных в органах внутренних дел заявлений.

Так, общее количество зарегистрированных заявлений в органах внутренних дел в 2015 г. составило 28090 505, в 2016 г. – 28282 043, в 2017 г. – 27982 556, в 2018 г. – 28519 201, за 7 месяцев 2019 г. – 19066 190.

По итогам проведенной проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлениях в 2015 г. о возбуждении уголовного дела было принято 1761 312 решений, в 2016 г. – 1712 371 решение, в 2017 г. – 1600 192 решения, в 2018 г. – 1524 086, за 7 месяцев 2019 г. – 973387 решений. Об отказе в возбуждении уголовного дела в 2015 г. было принято 6293 314 решений, в 2016 г. – 6240 267, в 2017 г. – 5742 714, в 2018 г. – 5501 648, за 7 месяцев 2019 г. – 3462 284 решения.

Показательно, что доля решений об отказе в возбуждении уголовного дела принятых по таким основаниям, как отсутствие события (состава) преступления,

в 2015 г. составила 94,86 % (5970 004), в 2016 г. – 95,02 % (5929 641), в 2017 г. – 97,01 % (5570 963), в 2018 г. – 97,97 % (5389 964), за 7 месяцев 2019 г. – 98,12 % (3397 245) [12].

Следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не дает понятия проверки сообщений о преступлении, только описывает процессуальный порядок действий уполномоченных должностных лиц. Ответы на вопросы о сущности данного этапа можно найти лишь в юридической литературе.

Так, по мнению В. М. Тарзиманова, проверка сообщения о преступлении представляет собой регламентированную законом деятельность уполномоченных должностных лиц, направленную на установление наличия или отсутствия признаков преступления по полученному сообщению о совершенном, совершаемом или готовящемся преступлении в целях вынесения законного и обоснованного процессуального решения [9, с. 39].

С. Б. Мартыненко понимает проверку сообщений о преступлении как комплекс процессуальных действий и решений, направленных на установление наличия или отсутствия фактических и юридических оснований для дальнейшего производства по возбужденному уголовному делу [6, с. 61].

И. Н. Зиновкина считает проверку сообщений о преступлении процессуальной деятельностью установленных уголовно-процессуальным законом ее субъектов при содействии иных лиц, осуществляемую в определенные сроки путем проведения как процессуальных, так и непроцессуальных действий по регистрации заявления, сообщения о преступлении, его проверке и принятию по нему должностными лицами органов предварительного расследования и органов дознания предусмотренного УПК РФ процессуального решения [4, с. 28].

Приведенные определения позволяют нам выделить основные элементы проверки сообщений о преступлении. Ключевой категорией является «сообщение о преступлении».

Законодатель в УПК РФ трактует сообщение о преступлении как заявление о преступлении, явку с повинной, рапорт об обнаружении признаков преступления [1, ст. 5]. На наш взгляд, данное определение видится несовершенным, поскольку в нем не усматривается сущность сообщения, а только перечисляются виды сообщений, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством. В этой связи обращают на себя внимание определения рассматриваемой категории, которые имеют место в науке уголовного процесса.

Так, по мнению Л. А. Сиверской, сообщение о преступлении – это доведение сведений (информации) о виновно совершенном общественно опасном деянии, запрещенном уголовным законом под угрозой наказания (ст. 14 УК РФ) [8, с. 72].

И. С. Дикарев под сообщением о преступлении понимает информирование уполномоченных должностных лиц о совершенном или готовящемся преступле-

нии, при поступлении которого приводится в движение уголовно-процессуальный механизм и возникают правоотношения между заявителем и наделенными специальными полномочиями представителями органов государственной власти [3, с. 8].

П. А. Lupinskaya раскрывает данное понятие как источник информации о совершенном или готовящемся преступлении, которому закон придает значение юридического факта, обязывающего дознавателя, орган дознания, следователя в пределах, установленных УПК РФ, рассмотреть его и решить вопрос о возбуждении уголовного дела при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления [5, с. 534].

Приведенные определения позволяют сделать вывод о сущности сообщения как информационном источнике сведений, которые сообщили некие лица, позволяющие инициировать уголовно-процессуальную деятельность. Именно после регистрации сообщения о преступлении в соответствующих органах и его проверки оно может рассматриваться как повод для возбуждения уголовного дела.

Другой важной составляющей исследуемого института является понятие проверки. Следует отметить, что в УПК РФ не дается его определение. Более того, статья 144 УПК РФ имеет наименование «Порядок рассмотрения сообщений о преступлении». Фактически часть 1 указанной статьи вменяет в обязанность уполномоченным лицам проведение проверки по сообщению о преступлении и принятие по нему решения. В этой связи понятие «проверка сообщения о преступлении» можно найти только в юридической литературе.

Так, исходя из семантического значения самого слова «проверка» («проверить») следует, что ее основное предназначение состоит в том, чтобы удостовериться в правильности чего-нибудь.

Л. А. Сиверская определяет проверку сообщения о преступлении как регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа по сбору, изучению, анализу и оценке информации, содержащейся в сообщении о преступлении, получению дополнительных сведений, проводимую указанными в законе способами, с целью установления наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела, а также принятия законного и обоснованного решения по поступившему сообщению о преступлении [8, с. 40].

Отдельно следует остановиться на рассмотрении ряда проблем, которые характерны как для данного этапа, так и стадии возбуждения уголовного дела в целом.

Во-первых, законодатель не определил четкий процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении.

В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ можно найти упоминание о «лицах, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о престу-

плении», «участниках проверки сообщения о преступлении», «участнике досудебного производства». Как соотносятся эти понятия и кто относится к этим участникам, законодатель не раскрывает.

Исходя из анализа гл. 19 и 20 УПК РФ, а также п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ и ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, можно определить, что к числу субъектов проверки сообщения о преступлении можно отнести: заявителя, очевидца, лица, явившегося с повинной, прокурора (ст. 140 УПК РФ), дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), эксперта, специалиста (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), понятого (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ).

Перечень субъектов позволяет заметить, что процессуальный статус участника уголовного судопроизводства имеют лишь уполномоченные лица, а также эксперт и специалист. Что касается других лиц, то соответствующие права и обязанности они приобретут в случае положительного решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Придание участнику соответствующего правового статуса обязывает следователя (дознавателя) разъяснять предусмотренные ст. 42, 46, 47, 56 УПК РФ права и обязанности, а также обеспечивать возможность осуществления этих прав [7].

На стадии же возбуждения уголовного дела, как верно отмечают некоторые авторы, фактически можно говорить лишь о разъяснении прав, которые непосредственно указаны в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ [9, с. 104–108]. Прежде всего, на всех участников уголовно-процессуальной деятельности распространяются права, предусмотренные в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и вытекающие из ряда конституционных положений (ч. 1 ст. 20 ст. 46, ч. 1 ст. 48, ст. 51 Конституции РФ):

- право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ;

- право пользоваться услугами адвоката;

- право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ;

- право требовать обеспечения безопасности в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Во-вторых, ч. 1 ст. 144 УПК РФ предполагает право уполномоченных на то лиц получать объяснения при проведении проверки по сообщению о преступлении. При этом процессуальный порядок его получения уголовно-процессуальным законодательством не регулируется, что является пробелом в праве и приводит к трудностям в использовании данного процессуального действия. Фактически

на данный момент получение объяснений должно строиться на общих принципах производства вербальных процессуальных действий.

Главной проблемой является возможность использования объяснений в качестве доказательств.

Как верно отмечают Е. Ю. Фролова, А. В. Горбань, возможность использовать объяснения в качестве доказательств возникает в случае, если процессуальные права опрашиваемого не были нарушены, например, когда свидетелю будут разъяснены все предусмотренные права и предоставлена возможность ими воспользоваться, включая право являться на допрос с адвокатом в соответствии с ч. 5 ст. 189 УПК РФ [10, с. 112]. Подозреваемому и обвиняемому, даже если они пока не получили официально данный статус, при получении объяснений у них следователь (дознатель) должен разъяснить и предоставить (обеспечить) право на защиту.

Таким образом, сущность проверки сообщения о преступлении состоит в комплексе следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых уполномоченными лицами до возбуждения уголовного дела на основании и в порядке, предусмотренном законом, и направленных на установление наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В целях совершенствования данного института необходимо, во-первых, дать в УПК РФ определение понятия «проверка по сообщению о преступлении». Во-вторых, определить, как следует именовать субъектов, которые принимают участие или задействованы в проверке сообщения о преступлении, дать их определение в УПК РФ, определить их круг, а также процессуальный статус. В-третьих, определить процессуальный порядок получения объяснений.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 02.08.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Варнавский Д. А. Понятия «сообщение о преступлении» и «повод для возбуждения уголовного дела» // Рос. следователь. 2017. № 2. С. 13–15.
3. Дикарев И. С. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: моногр. М., 2012. 408 с.
4. Зиновкина И. Н. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2015. 262 с.
5. Лупинская П. А., Воскобитова Л. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. М., 2018. 1008 с.
6. Мартыненко С. Б. К вопросу об эволюции уголовно-процессуального регулирования предварительной проверки сообщений о преступлении // Lex russica. 2018. № 7. С. 98–113.

7. Машинская Н. В. Проблемы законодательного регулирования прав лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении // Legal Concept. 2018. Т. 17. № 1. С. 147–151.
8. Сиверская Л. А. Рассмотрение сообщений о преступлениях: правовое регулирование и процессуальный порядок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2014. 249 с.
9. Тарзиманов В. М. Процессуальные аспекты проведения проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2017. 227 с.
10. Фролова Е. Ю., Горбань А. В. Правовая обеспеченность доказательственной силы объяснения в уголовном процессе России // Уголов. право. 2015. № 3. С. 112–118.
11. Чердынцева И. Проблемы реализации права на квалифицированную юридическую помощь при проверке сообщения о преступлении // Уголов. право. 2014. № 4. С. 104–108.
12. О результатах работы органов внутренних дел по обеспечению учетно-регистрационной дисциплины: сводный отчет по России. М.: ГИАЦ МВД России, 2019.

УДК 343.3/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАТЬИ 273 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДАННОГО ВИДА

***В. В. Волженин**, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика создания, распространения или использования компьютерных программ либо иной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации, а также предлагаются некоторые рекомендации по расследованию данного вида преступлений.

Ключевые слова: уголовная ответственность; компьютерный вирус; вредоносная программа; IT-технологии; расследование.

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS ARTICLE 273 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION. RECOMMENDATIONS FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES OF THIS TYPE

***V. V. Volzhenin**, senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article deals with the criminal-legal characteristics of the creation, distribution or use of computer programs or other information, deliberately designed for unauthorized destruction, blocking, modification, copying of computer information, as well as some recommendations for the investigation of this type of crime.

Keywords: criminal liability; computer virus; malware; IT-technologies; investigation.

Статья 273 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации. Под такими программами правоприменители понимают в основном программы, известные как компьютерные вирусы: троянские кони, черви, кейлоггеры, руткиты, ботнеты, фишинги, спамы.

Стоит немного остановиться на понятии некоторых вредоносных программ и их свойствах.

Трояны. Под троянскими программами принято понимать вредоносные программы, которые имеют вид нормальных файлов. Если вы запустите «троянского коня», он начнет функционировать в фоне совместно с обычной утилитой. Таким образом, разработчики трояна могут получить доступ к компьютеру своей жертвы. Еще трояны позволяют «мониторить» активность на компьютере, соединять компьютер с бот-сетью. Трояны используются для открытия шлюзов и скачивания различных видов вредоносных приложений на компьютер. Рассмотрим основные отличительные моменты. Троян скрывается в виде полезных приложений и во время запуска функционирует в фоне, открывает доступ к компьютеру. Можно провести сравнение с троянским конем, который стал главным персонажем произведения Гомера. Троян не копирует себя в различные файлы и не способен к самостоятельному распространению по Интернету, подобно червям и вирусам.

Вирус – это самовоспроизводящийся программный код, который внедряется в установленные программы без согласия пользователя. Вирусы можно подцепить разными способами: от нажатия вредоносной ссылки или файла в неизвестном письме до заражения на вредоносном сайте. При этом вирус может выполнять множество разных задач, направленных в первую очередь на принесение вреда операционной системе. В настоящее время вирусы довольно редки, так как создатели вирусов стараются держать свои программы и их распространение под контролем. В противном случае вирус довольно быстро попадает в руки антивирусных компаний.

Черви – в некотором роде вирусы, так как созданы на основе саморазмножающихся программ. Однако черви не могут заражать существующие файлы. Вместо этого червь поселяется в компьютере отдельным файлом и ищет уязвимости в Сети или системе для дальнейшего распространения себя. Некоторые черви существуют в виде сохраненных на жестком диске файлов, а некоторые поселяются лишь в оперативной памяти компьютера.

Руткиты представляют собой особую часть вредоносных программ, разработанных специально, чтобы скрыть присутствие вредоносного кода и его действия от пользователя и установленного защитного программного

обеспечения. Это возможно благодаря тесной интеграции руткита с операционной системой. А некоторые руткиты могут начать свою работу прежде, чем загрузится операционная система. Таких называют буткитами.

Фишинг (англ. *phishing* от *fishing* – «рыбная ловля, выуживание») – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям. Это достигается путем проведения массовых рассылок электронных писем от имени популярных брендов, а также личных сообщений внутри различных сервисов, например, от имени банков или внутри социальных сетей. В письме обычно содержится прямая ссылка на сайт, внешне неотличимый от настоящего. После того как пользователь попадет на поддельный сайт, мошенники пытаются разными психологическими приемами вынудить ввести на поддельной странице свои данные, логин, пароль, которые он использует для доступа к сайту, – это дает возможность мошенникам получить доступ к аккаунтам и банковским счетам.

Кейлоггер – вредоносная утилита. Запускается в фоновом режиме и фиксирует нажатие всех кнопок. Эта информация может содержать пароли, имена пользователей, реквизиты кредитных карт и другие конфиденциальные данные. Кейлоггер чаще всего сохраняет варианты нажатия кнопок на собственном сервере, где их анализирует человек или специальное программное обеспечение.

Спам – почтовая рассылка коммерческой или иной рекламы лицам, не выражавшим желания ее получать. В общепринятом значении термин «спам» в русском языке впервые стал употребляться применительно к рассылке электронных писем. Доля спама в мировом почтовом трафике составляет от 60 до 80 % [1].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, является компьютерная информация – сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Объективная сторона может состоять в виде одного или нескольких действий:

- создания вредоносных программ;
- распространения носителей таких программ;
- использования таких программ или носителей программ.

Под созданием вредоносной программы понимается деятельность, направленная на разработку, подготовку программ, которые способны без разрешения владельца информации уничтожать, блокировать, модифицировать, копировать компьютерную информацию, а также обходить средства защиты информации. Причем написана программа может быть не только в электронном виде, но и на бумаге.

Под *распространением* вредоносных программ понимается предоставление доступа к ним постороннему лицу любым способом (продажа, прокат, дарение, обмен и т. д.).

Использование программы – работа с программой, применение ее по назначению (любым лицом), при котором активизируются их вредоносные свойства.

Состав преступления формальный, то есть преступление считается оконченным с момента создания, использования или распространения вредоносных программ или информации, создающих угрозу наступления вреда. В случае наступления последствий в виде крупного ущерба (более 1 млн руб.) или тяжких последствий преступление квалифицируется по ч. 2 или ч. 3 данной статьи соответственно.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом (ч. 1 ст. 273 УК РФ), в случае наступления общественно опасных последствий вина может выражаться в неосторожности по отношению к ним. Использование вредоносной программы для своих личных нужд (например, для уничтожения собственной компьютерной информации) ненаказуемо.

Субъектом данного преступления является вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Следует отметить, что часто вредоносные программы используются преступниками как средство совершения иных преступлений, а именно различного рода хищений денежных средств. Поэтому в большинстве поводами для возбуждения уголовных дел по ст. 273 УК РФ являются заявления граждан или юридических лиц по фактам хищения у них денежных средств с использованием вредоносных программ. Тем не менее, в последние годы возрастает количество уголовных дел, поводами для возбуждения которых стали материалы, содержащие результаты оперативно-разыскных мероприятий, проведенных специализированными подразделениями (подразделения «К») МВД России и ФСБ России.

Ростом количества преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий, озабочено и руководство МВД России. Так, по итогам заседания коллегии МВД России 1 ноября 2019 г. было принято решение о создании в структуре Министерства подразделений, которые будут специализироваться на противодействии преступлениям, совершаемым с использованием ИТ-технологий. Новые подразделения будут сформированы по отраслевому принципу в пределах штатной численности как в центральном аппарате МВД России, так и в территориальных органах внутренних дел, их сотрудники будут тесно взаимодействовать с органами прокуратуры и Роскомнадзора. Приказ о создании таких подразделений должен быть подготовлен до конца текущего года. Ответственные за подготовку приказа назначены руководители главных управлений оперативных подразделений, Следственного департамента

и Управления организации дознания. Решение о создании таких подразделений обусловлено ростом количества преступлений, совершенных с применением информационных технологий. Так, за 2018 г. их количество увеличилось вдвое по сравнению с 2017 г., а за 9 месяцев 2019 г. было зарегистрировано 205 116 преступлений, что на 70 % больше, чем в 2018 г. По данным Генеральной прокуратуры России, каждое седьмое преступление совершается в сфере ИТ-технологий.

Помимо создания специализированного подразделения по расследованию киберпреступлений планируется существенно увеличить штатную численность подразделений специальных технических мероприятий [2].

Причина принятия таких решений руководством МВД России очевидна. Сложность расследования преступлений в сфере информационных технологий заключается в необходимости применения специальных познаний в данной области, особенностями документирования преступного деяния, сбора доказательственной базы, установления причинно-следственной связи между деяниями и последствиями.

В качестве рекомендаций сотрудникам, которые будут расследовать преступления, предусмотренные ст. 273 УК РФ, можно выделить следующее:

- 1) необходимо тщательное изучение материалов, послуживших поводом для возбуждения уголовного дела, на наличие оснований к возбуждению, их полноту, законность проведения оперативно-разыскных мероприятий;
- 2) обязательно участие специалиста в области ИТ-технологий на всех этапах расследования уголовного дела, в том числе на стадии доследственной проверки;
- 3) при допросе свидетелей из числа представителей потерпевшей стороны следует выяснить следующее: какая информация подвергалась неправомерному воздействию; ее назначение и содержание; как осуществляется доступ к компьютерной системе, к сети, кодам, паролям и другой компьютерной информации; как организована противовирусная защита; каким образом ведется учет пользователей компьютерной системы;
- 4) важно изымать компьютерную технику со следами вредоносных программ таким образом, чтобы исключить возможность уничтожения содержащейся на ней информации;
- 5) требуется назначение специальных судебных экспертиз – информационно-технологических и информационно-технических.

В заключение следует сказать, что решение проблемы компьютерных преступлений возможно лишь при слаженных совместных действиях правоохранительных органов на международном уровне. Поэтому следует всемерно поддерживать сотрудничество различных стран в законодательной и правоприменительной области при противодействии киберпреступности.

Список источников

1. Виды компьютерных вирусов // Welcom-comp.ru: [сайт]. URL: https://welcom-comp.ru/antivir_pc/58-vidy-kompyuternyh-virusov.html (дата обращения: 03.11.2019).
2. МВД РФ создаст подразделения для борьбы с преступлениями в IT-сфере // Хабр: [сайт]. URL: <https://m.habr.com/ru/news/t/474214/> (дата обращения: 03.11.2019).

УДК 343.13

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

С. Н. Воробей, доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается законодательное регулирование производства обыска. Выделяются законодательные пробелы, которые обуславливают различные нарушения, ошибки при проведении обыска, что в конечном итоге сказывается на общем результате предварительного расследования по конкретному уголовному делу.

Ключевые слова: обыск; следственное действие; собирание доказательств; обеспечение прав личности; обыск в жилище; личный обыск.

CRIMINAL PROCEDURAL ASPECTS OF SURVEY MANAGEMENT: PROBLEMS OF THEORY AND LAW PRACTICE

S. N. Vorobey, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

The article discusses the legislative regulation of the search. Existing legislative gaps are identified that cause various violations, errors during the search, which ultimately affects the overall result of the preliminary investigation in a particular criminal case.

Keywords: search; investigative action; collection of evidence; ensuring the rights of an individual; search of a home; personal search.

Одним из следственных действий, которое в наибольшей степени затрагивает права граждан и требует особо четкого соблюдения законодательных предписаний закона и норм морали, является обыск.

В научной литературе под обыском понимается проведение визуально-поисковых мероприятий различных мест с целью отыскания объектов, имеющих значение для уголовного дела [4, с. 246]. В связи с его ярко выраженным принудительным характером важно, чтобы его проведение, с одной стороны, позволяло обеспечивать полное и эффективное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, а с другой – требуется, чтобы права и свободы личности при собирании доказательств не ограничивались бы больше, чем это необходимо для обеспечения решения задач уголовного процесса. К сожалению, в правовой регламентации производства обыска имеются пробелы и спорные положения, которые часто влекут за собой значительное количество нарушений в правоприменительной практике, в том числе связанных с обеспечением прав личности в уголовном судопроизводстве.

Так, согласно ч. 8 ст. 182 УПК РФ следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска. В последнее время нередкими стали случаи, когда в период проведения данного следственного действия лица, находящиеся в месте обыска, пытаются воспользоваться мобильными телефонами с целью передачи информации третьим лицам. Обладая лишь абстрактной правовой возможностью на запрет пользования ими, следователь не имеет право на их изъятие для исключения повторных попыток позвонить. В этой связи предлагается внести дополнения в ч. 8 ст. 182 УПК в части пользования средствами связи, в том числе мобильными, а также наделения следователя правомочием на их временное изъятие на период проведения обыска с отражением данного факта в протоколе обыска.

Далее, отметим, что согласно ч. 1 ст. 184 УПК РФ при наличии достаточных данных полагать, что у подозреваемого, обвиняемого находятся предметы и документы, которые могут иметь значение для дела, в целях их обнаружения и изъятия на основании судебного решения производится личный обыск. Одновременно с тем в ч. 2 той же статьи указаны ситуации, когда он может проводиться без судебного решения: 1) при задержании; 2) аресте; 3) наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в месте, где проводится обыск, скрывает при себе предметы и документы, которые могут иметь значение для дела.

В этой связи в последнем случае встает вопрос о возможности личного обыска в отношении лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым: потерпевшего, свидетеля, члена семьи подозреваемого и др.. Указанное положение не является однозначным, однако правоприменительная практика воспринимает его как допускающее возможность проведения анализируемого следственного действия при данных условиях в отношении любого лица. В этой связи, на наш взгляд, ч. 1 ст. 184 УПК РФ следует дополнить положением о том, что произ-

водство личного обыска при наличии соответствующих оснований возможно в отношении любого лица.

Что касается ч. 11 и 15 ст. 182 УПК РФ, то они непоследовательно и бессистемно указывают на лиц, присутствие которых требуется при производстве обыска: 1) лицо, в помещении которого производится обыск либо совершеннолетнего члена его семьи; 2) представителя администрации организации, где проводится обыск. Часть 4 той же статьи констатирует, что до начала обыска следователь должен предъявить постановление либо судебное решение о его производстве, но не указывает кому. В этой связи вполне логичным было бы отразить лиц, которым предъявляются данные документы, именно в ч. 4 ст. 182 УПК РФ.

Кроме того, возникает вопрос: возможно ли проведение обыска в жилище, если проживающие в нем лица отсутствуют? УПК РФ не дает ответа на этот вопрос, что порождает правомерную дискуссию в научном мире.

Так, А. Победин считает, что в случае невозможности выполнить требования ч. 11 ст. 182 УПК РФ достаточно обеспечить присутствие представителя жилищно-эксплуатационной организации [3, с. 363]. Аналогичной точки зрения придерживается и ряд других ученых, таких как Т. Аверьянова, Р. Белкин, Ю. Россинская, но, помимо представителя местного самоуправления, указанные авторы выделяют представителя местного самоуправления [1, с. 403].

Однако в правоприменительной деятельности случаи, когда следователю необходимо провести обыск в отсутствие вышеуказанных лиц, являются нередкими. К таким случаям можно отнести, например, наличие угрозы уничтожения, сокрытия объекта поиска; розыск лица, совершившего преступление [2, с. 66].

Как это ни парадоксально, исходя из буквального толкования норм закона, это является недопустимым, поэтому предлагается дополнить ст. 182 УПК РФ, наделив следователя таким правом в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, тем более что предотвращение нарушений при проведении обыска обеспечивается присутствием понятых.

На наш взгляд, более предпочтительно по аналогии с п. 6 ст. 177 УПК РФ («Осмотр помещения организации производить в присутствии представителя администрации соответствующей организации. В случае невозможности обеспечить его участие в осмотре об этом делается запись») дополнить ст. 182 УПК РФ пунктом 11.1: «Обыск помещения организации производить в присутствии представителя администрации соответствующей организации. В случае невозможности обеспечить его участие в обыске об этом делается запись».

Список источников

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Россинская Ю. Г. Криминалистика: Учебник для вызов. 2-е изд. / Под общ. Ред. А. В. Смирнова. СПб., 2005. 990 с.

2. Коршунов А. В. Сложные вопросы производства обыска // Уголовный процесс. 2019. № 5. С. 66–69.
3. Победкин А. В. Следственные действия // Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой, Е. Н. Клещиной М., 2014. 363 с. Гл. 13.
4. Уголовный процесс России: учеб / А. С. Александров [и др.]. М. 2010. 821 с.

УДК 343.13

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

С. Э. Воронин, доктор юридических наук, профессор

Статья посвящена анализу процессуального положения современного следователя в Китайской Народной Республике. В результате сравнения российской и китайской правовых систем автор выявляет в УПК КНР схожие черты с УПК РСФСР 1961 г., делает вывод о процессуальной самостоятельности следователя в КНР.

Ключевые слова: следователь; мера принуждения; следственное действие; кодекс.

PROCEDURAL SITUATION OF THE INVESTIGATOR IN THE CHINESE PEOPLE'S REPUBLIC

S. E. Voronin, Doctor of Law, Professor

The article is devoted to the analysis of the procedural situation of a modern investigator in the People's Republic of China. As a result of comparing the Russian and Chinese legal systems, the author identifies similarities with the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1961 in the Code of Criminal Procedure of the People's Republic of China. At the end of the article, a conclusion is drawn about the procedural independence of the investigator in China.

Keywords: investigator; coercive measure; investigative action; code.

В условиях все более развивающегося международного сотрудничества с Китайской Народной Республикой в борьбе с трансграничной преступностью особое научно-практическое значение приобретает компаративный (сравнительно-правовой) анализ уголовного судопроизводства КНР. Даже поверхностный сравнительный анализ российской и китайской правовых систем позволяет сделать обоснованный вывод, что в основе уголовно-процессуального законодательства Китая лежит УПК РСФСР 1961 г. Попытаемся доказать этот тезис на примере процессуального положения китайского следователя [9, с. 211].

Согласно действующему УПК КНР 1979 г. к государственным органам, имеющим в своем составе следственные подразделения, относятся: орган общественной безопасности, орган государственной безопасности, таможня, военный

орган защиты, тюрьма и народная прокуратура [1]. В уголовном судопроизводстве Китая эти органы обладают правом осуществлять как дознание, так и предварительное следствие. Это, примерно, соответствует структуре следственного аппарата по УПК РСФСР 1961 г., согласно которой следственные подразделения имелись в МВД, прокуратуре и органах государственной безопасности СССР.

В соответствии со ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса Китайской Народной Республики от 1 июля 1979 г. органом государственной безопасности расследуются уголовные дела, касающиеся преступлений против безопасности государства. В соответствии со ст. 290 УПК КНР органом военной защиты и администрацией тюрьмы производится предварительное следствие уголовных дел в том случае, если преступление было совершено в войсках или тюрьме. И тогда орган государственной безопасности или орган военной защиты осуществляют те же полномочия, в соответствии с правилами Уголовно-процессуального кодекса КНР, что и орган общественной безопасности, который имеет в своем составе самый большой следственный аппарат. Кроме того, с 1998 г. на каждом уровне таможни был создан следственный отдел, отвечающий за предварительное расследование по делам о контрабанде.

Если сравнивать эту структуру следствия с предложенной в УПК РСФСР, то можно сделать обоснованный вывод, что следственный аппарат в СССР выглядел несколько иначе. Конечно, самый мощный следственный аппарат и тогда, и сейчас в России находился в МВД – аналоге Министерства общественной безопасности КНР. Преступлениями в тюрьме в СССР занимались прокуратура и территориальные органы МВД (по предметной подследственности). Таможня же у нас в СССР и России вообще никогда не имела собственного следственного органа, ограничиваясь подразделениями дознания [6, с. 157].

Меры уголовно-процессуального принуждения в современном Китае представляет собой единую систему из пяти видов принудительных мер. Мерами принуждения по УПК КНР являются: привод, гарантия ожидания судебного разбирательства, наблюдение по месту жительства, задержание и заключение под стражу. Напомним, что задержание в российском законодательстве стало мерой процессуального принуждения лишь с 2002 г., то есть после вступления в силу УПК РФ. До этого задержание входило в круг и систему следственных действий [4, с. 94].

Среди пяти мер принуждения, установленных УПК КНР, привод является самой мягкой. Привод характеризуется следующими особенностями:

- а) объектом привода является только подозреваемый и обвиняемый;
- б) целью привода является доставление лица к следователю для проведения принудительного допроса в том случае, если они не являются к следователю без уважительных причин. После допроса следователь обязан немедленно освободить подозреваемого или обвиняемого.

По ч. 1 ст. 106 УПК КНР предварительное следствие является процедурой применения специальных следственных действий и мер принуждения в уголовном судопроизводстве. В следственные действия входят допрос подозреваемого и обвиняемого, допрос свидетеля и потерпевшего, осмотр, следственный эксперимент, обыск, выемка, судебная экспертиза, опознание, замораживание банковских средств, специальные следственные мероприятия и приказ об аресте [7, с. 88].

Как и по УПК РСФСР 1961 г., санкцию на производство обыска, а также заключение под стражу в Китае дает не судья, а прокурор. В случаях, не терпящих отлагательства, следователь производит обыск без ордера прокурора, который он может спокойно и без спешки получить в течение 24 часов после проведения обыска. Понятые в производстве следственных действий в КНР традиционно не участвуют. Таким образом, можно сделать вывод, что судебный контроль за предварительным следствием в Китае полностью отсутствует. Народные судьи – шеффены – занимаются только отправлением правосудия, что, на наш взгляд, является правильным в распределении уголовно-процессуальных функций. Надзор за предварительным следствием в КНР осуществляется в полном объеме прокурором единолично [2, с. 107].

В соответствии с положениями УПК КНР личное поручительство и залог как меры принуждения применяются одновременно и называются гарантиями ожидания судебного разбирательства. Однако следователь по своему усмотрению может выбрать один из видов этих гарантий ожидания судебного разбирательства, исходя из сложившейся по уголовному делу ситуации: либо личное поручительство, либо залог. При этом срок ожидания судебного разбирательства в КНР не должен превышать 12 месяцев.

На практике наблюдение по месту жительства как мера принуждения обычно применяется как альтернативная мера заключению под стражу в особых условиях:

- а) физическое лицо страдает тяжелой болезнью и не может заботиться о себе;
- б) беременная женщина и женщина, которая кормит грудью;
- в) при наличии других особых обстоятельств, когда применение данной меры целесообразнее в интересах уголовного дела.

При расследовании преступлений против государственной безопасности, террористических преступлений и взяточничества в особом крупном размере применение меры в виде наблюдения в постоянном месте подозреваемого и обвиняемого может быть применено ввиду тяжести совершенных преступлений. Законодатель, на наш взгляд, исходит из того, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться, уничтожить улики, покончить с собой либо совершить другое преступление. Поэтому в таких случаях следователем и избирается только эта строгая мера пресечения в виде заключения под стражу [5, с. 57].

Задержание в законодательстве КНР, как и по УПК РФ, не является следственным действием. Это – одна из пяти мер уголовно-процессуального принуждения в Китае. Согласно ст. 84 УПК КНР после задержания лица в течение 24 часов производится его допрос. Если нет оснований для задержания следователь обязан немедленно освободить подозреваемого. Если после допроса орган общественной безопасности считает, что должен применить меру в виде заключения под стражу, необходимо в течение 3 дней сообщить об этом народной прокуратуре для санкционирования. В особом случае срок может продлеваться с 1 до 4 дней. В случае совершения преступления в разных местах, неоднократно либо в составе группы этот срок может быть продлен до 30 дней, то есть срок задержания в конечном итоге может продлиться до 37 дней. Напомним, что по УПК РСФСР 1961 г. срок задержания составлял 72 часа [8, с. 195].

Заключение под стражу по законодательству КНР – самая строгая мера принуждения и наиболее распространенная в Китае после меры принуждения в виде задержания. Согласно ст. 78 УПК КНР заключение под стражу подозреваемого и обвиняемого производится только органом общественной безопасности по постановлению следователя с получением ордера у народного прокурора.

По китайскому законодательству заключение под стражу в качестве меры процессуального принуждения в отношении подозреваемого и обвиняемого применяется одновременно при наличии следующих 3 условий:

- а) существуют фактические обстоятельства, доказывающие его причастность к совершению преступления;
- б) за совершенное преступление подозреваемый и обвиняемый могут быть приговорены к наказанию в виде лишения свободы;
- в) существуют факты, доказывающие совершение преступления, за которое лицо может быть приговорено к наказанию в виде лишения свободы на срок от 10 лет [9, с. 231].

После заключения под стражу подозреваемый или обвиняемый направляется в центр заключения (СИЗО), а следователь в течение 24 часов обязан уведомить родственников подозреваемого или обвиняемого о его заключении под стражу.

На стадии предварительного следствия срок содержания под стражей не может превышать 2 месяцев. В случае невозможности закончить предварительное следствие в установленный законом срок он может быть продлен до 3 месяцев после санкционирования народной прокуратурой вышестоящей инстанции, а затем и до 4 месяцев, если возникла такая необходимость по уголовному делу.

Основными задачам предварительного следствия в Китае являются собирание доказательств и расследование фактических обстоятельств уголовного дела. По мнению профессора Пекинского университета Шю Цинцун, собирание доказательств – неотъемлемый и важнейший элемент уголовно-процессуального доказывания в современном китайском уголовном судопроизводстве. Отметим,

что теория доказательств в академической науке КНР берет начало с 50-х гг. прошлого столетия, когда под руководством профессора М. С. Строговича в СССР параллельно тоже начала формироваться и бурно развиваться теория уголовного процесса. Поэтому для досудебного производства КНР также характерно деление процесса доказывания на 3 этапа: собирание, проверку и оценку доказательств [3, с. 56].

Резюмируя изложенное в настоящей статье, можно сделать обоснованный вывод, что схожесть действующего УПК КНР с УПК РСФСР 1961 г. дала возможность сохранить процессуальную самостоятельность современного следователя в Китайской Народной Республике, позволяющую ему эффективно и в установленные сроки решать задачи предварительного расследования.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс КНР: принят Всекитайс. Собр. нар. представителей 01.07.1979: с изм. 1996, 2012 гг. // Изд-во китайского законодательства. 2015. Ст. 362.
2. Воронин С. Э. Диалоги об уголовном судопроизводстве России: моногр. Хабаровск: Изд-во Дальневост. ин-та МВД России, 2007. 176 с.
3. Воронин С. Э. Криминалистика: практикум. Красноярск: АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2017. 125 с.
4. Воронин С. Э. Нравственно-психологические основы оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства: моногр. Красноярск: Изд-во Сиб. ин-та бизнеса, управления и психологии, 2018. 168 с.
5. Воронин С. Э. Ситуационное моделирование в судебной экспертизе. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-та, 2013. 159 с.
6. Воронин С. Э., Ахмедшин Р. Л., Алексеева Т. А. Психотипологический подход в системе криминалистического знания: моногр. Красноярск: Изд-во Сиб. ин-та бизнеса, управления и психологии, 2015. 323 с.
7. Воронин С. Э., Воронина Е. С., Железняков А. М. Организация преступного сообщества: уголовно-правовые и криминалистические аспекты. Красноярск: Изд-во Сиб. ин-та бизнеса, управления и психологии, 2015. 328 с.
8. Воронин С. Э., Никитенко И. В., Степаненко Д. А. Актуальные проблемы современной криминалистики. Красноярск: Изд-во АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2016. 277 с.
9. Воронин С. Э., Токарев М. Н. Теория и практика расследования преступлений, связанных с незаконной добычей водных биоресурсов. Красноярск: Изд-во Сиб. ин-та бизнеса, управления и психологии, 2014. 278 с.
10. Теория и практика расследования преступлений в сфере миграционной безопасности: моногр. / С. Э. Воронин, И. В. Никитенко, Д. Д. Каплун, В. Н. Скорик. Красноярск: Изд-во Сиб. ин-та бизнеса, управления и психологии, 2015. 488 с.

УДК 343

НАЧАЛЬНИК ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Е. В. Горчакова, старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института МВД России*

Статья посвящена анализу процессуальных полномочий начальника органа дознания на стадии возбуждения уголовного дела, предусмотренных ст. 40.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а именно праву поручать проверку сообщения о преступлении, продления срока и принятия по нему решения. Автор акцентирует внимание на проблемах данных полномочий в органах внутренних дел, отсутствии ведомственного контроля за рассмотрением сообщения о преступлении.

Ключевые слова: начальник органа дознания; уголовно-процессуальные полномочия; заявление; сообщение; процессуальная проверка.

CHIEF OF THE INQUIRY BODY IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

*E. V. Gorchakova, senior lecturer of the Department of Criminal Procedure
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
kandidat nauk, degree in Law*

The article is devoted to the analysis of the procedural powers of the head of the body of inquiry at the stage of initiating a criminal case, provided for by Art. 40.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation – the right to entrust the verification of a report of a crime, extension of a term and decision on it. The author focuses on the problems of applying these powers in law enforcement practice, the lack of departmental control over the consideration of a crime report.

Keywords: head of the body of inquiry; criminal procedural powers; petition; statement; procedure check.

Ежегодно главой государства на расширенных заседаниях коллегии МВД России по подведению итогов оперативно-служебной деятельности указывалось на необходимость повышения качества предварительного расследования и обеспечения высокого уровня раскрываемости преступлений [6].

На сегодняшний день, несмотря на пристальное внимание Министерства внутренних дел Российской Федерации в указанных направлениях, видимого улучшения ситуации не наблюдается.

Так, в ходе выездов сотрудников центрального аппарата УОД МВД России в территориальные органы МВД России были выявлены серьезные упущения в организации работы подразделений дознания, в первую очередь со стороны начальников полиции МВД по республикам, главных управлений, управлений МВД России по иным субъектам Российской Федерации [5].

В соответствии с п. 17 ст. 5 УПК РФ начальником органа дознания является должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель.

На указанных должностных лиц, в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – УПК РФ), статьей 40.2 возложена обязанность по осуществлению контроля за деятельностью подразделений дознания, в том числе по изучению материалов процессуальных проверок, материалов уголовных дел, обоснованности принимаемых процессуальных решений, даче указаний о направлении и ходе расследования [1].

Отсутствие должного контроля со стороны начальника органа дознания стало одной из причин снижения уровня законности и обоснованности принимаемых процессуальных решений.

Подтверждением этому стали результаты оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел УМВД России по Хабаровскому краю за 8 месяцев 2019 г., согласно которым за указанный период было принято 24 решения о возбуждении уголовных дел по материалам проверки, по которым первоначально было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела [3].

Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, в соответствии с ч. 1 ст. 44 УПК РФ [1].

Однако в нарушение указанной нормы уголовно-процессуального законодательства в производстве органов дознания УМВД России по Приморскому краю находятся заявления о нарушении гражданами тишины, порядка в подъезде многоквартирного дома, которые должны подлежать приобщению к специальному номенклатурному делу либо рассмотрению в порядке, установленном Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2].

Так, вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела проверены заявления граждан о том, что один гражданин не пускает домой жену, а второй не может найти соседей, которые оставили на парковке во дворе автомобиль и давно им не пользовались, то есть по информации, которая изначально не содержит сведений о преступлении [5].

При этом необходимо учитывать, что согласно п. 41 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, именно начальником территориального органа определяется порядок и сроки разрешения заявления [2].

То есть именно начальник органа дознания для определения должностного лица, компетентного рассмотреть поступившее сообщение, должен лично изучить сообщение и дать ему правовую оценку, после чего установить срок проведения проверки.

Однако в нарушение действующего порядка отсутствует надлежащая реализация руководителем органа внутренних дел полномочия по изучению находящихся на рассмотрении у подчиненных сотрудников материалов процессуальной проверки до принятия по ним процессуальных решений и дачи по ним письменных указаний о проведении конкретных проверочных действий в целях установления имеющих значение обстоятельств, что приводит к росту фактов нарушения законодательства.

Анализ законности и обоснованности вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела показал, что руководителями органов дознания должным образом не контролируется ход проведения проверок и законность принимаемых процессуальных решений.

Установленные факты нарушения законодательства прежде всего говорят о бесосновательном проведении доследственных проверок, отвлечении сотрудников органа дознания от выполнения основных задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, а также влекут искажение государственной статистической отчетности.

Кроме того, считаем, что данные факты стали возможными в силу сложившейся негативной практики в органах внутренних дел по принятию решения о продлении сроков процессуальной проверки, когда ее проведение вовсе не требовалось. Так, данное решение начальник органа дознания выносит без тщательной проверки законности и обоснованности принятого решения, по принципу «не успели».

Проведенный выборочный анализ материалов проверок заявлений (сообщений) о преступлении, поступивших за 6 месяцев 2019 г., показал, что на 1240 зарегистрированных заявлений (сообщений) только 536 проверяются

в отведенный законом срок в трое суток. Остальные проверки сообщений о преступлении продляются на срок до 10 дней [4]. При этом необходимо заметить, что не все постановления о продлении являются мотивированными.

Одним из основных видов гаранта соблюдения законности в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности является ведомственный контроль. В рамках органов внутренних дел данным гарантом должен быть начальник органа дознания. Однако, при наличии такого объема уголовно-процессуальных, административно-хозяйственных полномочий, необходима детальная регламентация.

Считаем необходимым предложить законодательное закрепление в УПК РФ определенного перечня причин, на основании которых начальник органа дознания будет уполномочен продлить срок проведения проверки заявления (сообщения).

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федер. закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 // Рос. газ. 2014. № 260.
3. В УМВД России по Хабаровскому краю подвели итоги оперативно-служебной деятельности за 2019 год // Управление МВД России по Хабаровскому краю: [сайт]. URL: <https://27.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/19418105/> (дата обращения: 20.10.2019).
4. Горчакова Е. В. Уголовно-процессуальная регламентация некоторых полномочий начальника органа дознания в органах внутренних дел РФ // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. по материалам выступлений междунар. науч.-практ. конф. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова. С. 134.
5. О результатах выезда сотрудников УОД МВД России в территориальные органы в 2019 году: аналит. справка.
6. Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 20.10.2019).

УДК 343.131

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ИХ РОЛЬ В РЕФОРМИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

***С. М. Кузнецова**, начальник кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент*

В статье анализируются произошедшие в последние годы изменения законодательных и организационных правил участия адвокатов в уголовном судопроизводстве по назначению органов предварительного расследования и суда, на основании чего делаются выводы о целесообразности принятия отдельных законопроектов, направленных на реализацию принципа обеспечения права на защиту в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: адвокат; защитник; оплата труда адвоката; процессуальные издержки; законопроект; смягчение наказания.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF LAWYERS PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND THEIR ROLE IN THE REFORM OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

***S. M. Kuznetsova**, head of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article analyzes the recent changes in the legislative and organizational rules of participation of lawyers in criminal proceedings by appointment of preliminary investigation and court. On the basis of what conclusions about expediency of adoption of the separate bills directed on realization of the principle of ensuring the right to protection in criminal proceedings are drawn.

Keywords: lawyer; defender; attorney's pay; procedural costs; bill; commutation.

В последние годы отмечается повышенный интерес законодателя к институту участия в уголовном деле защитника по назначению органов предварительного следствия, дознания и суда.

Так, Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был внесен ряд изменений, направленных не только на повышение процессуального статуса защитника, но и на реформирование порядка распределения поручений на защиту по назначению органов предварительного расследования и суда.

В частности, в соответствии с изменениями, внесенными в ст. 50 УПК РФ, порядок назначения адвоката в качестве защитника определяется Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации был утвержден Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, согласно которому были разработаны способы распределения поручений на защиту по назначению. В качестве таковых, в частности, были предусмотрены: график дежурств адвокатов, распределение поручений на защиту координаторами, распределение поручений путем случайной выборки с использованием специализированных компьютерных программ, смешанный тип при одновременном использовании нескольких способов распределения либо их элементов¹.

Представляется, что основной целью указанного нововведения явилась организационная упорядоченность деятельности адвокатов по оказанию квалифицированной юридической помощи, установление единообразных подходов к их назначению, исключение внепроцессуального взаимодействия адвоката с органами, осуществляющими предварительное расследование, и судом, недопущение использования знакомства или иной заинтересованности при распределении поручений на защиту по назначению.

Адвокатское сообщество строго следит за выполнением адвокатами указанных правил, их нарушение и участие в уголовном деле, по собственной воле и без поручения координатора, влекут за собой дисциплинарные взыскания.

Так, к одному из адвокатов по решению адвокатской палаты республики Мордовия за нарушение требований Федерального закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации» [1], Кодекса профес-

¹ Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве: утв. решением Совета Федерал. палаты адвокатов от 05.10.2017, протокол № 5 // Вестн. Федерал. палаты адвокатов Рос. Федерации. 2017. № 4. На данный момент утратил силу, вместо него действует: Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве: утв. решением Совета Федерал. палаты адвокатов от 15.03.2019 // Вестн. Федерал. палаты адвокатов Рос. Федерации. 2019. № 2.

сиональной этики адвоката [3] и Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве была применена мера дисциплинарной ответственности.

Суть нарушения заключалась в том, что координатору адвокатской палаты поступило требование о предоставлении адвоката по одному уголовному делу для осуществления защиты на одного подозреваемого. Данное поручение было адресовано адвокату Н., которая, прибыв в следственный отдел по Ленинскому району СУ УМВД России по г. Саранску, участвовала в следственных действиях в отношении еще двух подозреваемых, на защиту интересов которых она не была направлена координатором. За несоблюдение установленных правил на адвоката было наложено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения с исключением из списка адвокатов, участвующих в защите по назначению [6, с. 21–22].

Представляется, что наделение адвокатских палат (их органов) контрольными и управленческими полномочиями по порядку организации участия адвокатов по назначению органов предварительного расследования и суда оправдано и положительно сказывается на создании условий для оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве.

Осознавая необходимость повышения качества и эффективности осуществления защиты, адвокатское сообщество на VIII Всероссийском съезде адвокатов приняло Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, содержащий минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу [4].

Реформирование деятельности защитника по назначению в уголовном судопроизводстве было продолжено.

В мае 2019 г. в Госдуму Российской Федерации был представлен разработанный Министерством юстиции законопроект о внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в части возмещения процессуальных издержек по уголовному делу [7].

Проектные изменения в УК РФ предполагают, что в случае неисполнения осужденным обязанности по возмещению процессуальных издержек, в том числе сумм, выплаченных адвокату за оказание им юридической помощи по назначению дознавателя, следователя или суда, последний может принять решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, или продлить испытательный срок, или не применять условно-досрочное освобождение осужденного от отбывания наказания.

В соответствии с этим в УПК РФ предлагается закрепить обязанность суда указывать в числе процессуальных издержек, взыскиваемых с осужденного, суммы, подлежащие выплате адвокату, участвовавшему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда.

Суммы, подлежащие выплате адвокату за оказание юридической помощи по назначению органов, осуществляющих предварительное расследование, по

мнению разработчиков законопроекта, также должны быть отдельно зафиксированы в справке, прилагаемой к обвинительному заключению (обвинительному акту, обвинительному постановлению). В случае же отсутствия данной информации уголовное дело подлежит возвращению следователю или прокурору для устранения выявленных недостатков или препятствий его рассмотрения судом.

Представляется, что отдельные положения данного законопроекта являются дискуссионными, требуют анализа и более детальной проработки.

Согласно ч. 8 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации» труд адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, оплачивается за счет средств федерального бюджета. Расходы на эти цели учитываются в федеральном законе о федеральном бюджете на очередной год в соответствующей целевой статье расходов.

Размер и порядок вознаграждения адвокату, участвующему в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, устанавливаются Правительством Российской Федерации [2]. Оплата труда адвоката производится по его заявлению на основании постановления органа дознания, органа предварительного следствия или суда.

В соответствии с п. 29 Положения денежные суммы, причитающиеся адвокату, участвующему в деле по назначению дознавателя, следователя или суда, перечисляются на текущий (расчетный) счет адвокатского образования в течение 30 суток со дня получения постановления уполномоченного государственного органа об оплате его труда.

Вместе с тем, как отмечает аудитор Счетной палаты Российской Федерации Т. Блинова, с 2016 г. Судебный департамент не соблюдал установленный правительством порядок возмещения процессуальных издержек, превышая установленные сроки оплаты. Всего за 2016–2018 гг. несвоевременно оплаты получили 1254 адвоката, 60 переводчиков и 5 экспертов на общую сумму в 102,8 млн рублей [6].

Дополним к этому, что с 1 июня 2019 г. начали действовать новые правила исчисления размера оплаты труда адвокатов, участвующих в уголовном деле по назначению органов предварительного расследования и суда. Теперь сумма вознаграждения зависит от подсудности, количества и тяжести совершенных преступлений, численности подозреваемых (обвиняемых) и других критериев уголовного дела, при этом также необходимо учитывать, что новые правила распространяются на правоотношения, возникшие с 1 января 2019 г. [2].

Анализ содержания постановления позволяет прийти к выводу об увеличении ставок оплаты труда адвокатов, а это дополнительная нагрузка на государственный бюджет страны.

Согласно информации, представленной Федеральной службой исполнения наказаний, объем взыскиваемых с осужденных процессуальных издержек, связанных с оплатой вознаграждения адвокатов, участвующих в делах по назначению дознавателя, следователя или суда, в 2017 г. составил 61 792,2 тыс. рублей. В 2017 г. на исполнении находилось 221,1 тыс. исполнительных производств о взыскании с должников процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, в том числе по взысканию в доход государства расходов на оплату вознаграждения адвокатов, на общую сумму 1,4 млрд рублей. В результате принятых судебными приставами-исполнителями мер принудительного исполнения было взыскано 160,5 млн рублей [7].

В связи с этим нельзя говорить о том, что назначение адвоката для осужденного всегда является бесплатной услугой.

Как видим, суммы процессуальных издержек, которые удастся взыскать, несоизмеримы с расходами, которые понесло государство на оплату труда адвокатов по назначению.

Представляется, что предложения разработчиков законопроекта направлены прежде всего на дополнительное стимулирование осужденных к выплате процессуальных издержек в расчете на условно-досрочное освобождение и возможность максимально возместить расходы федерального бюджета, связанные с оплатой труда адвоката по назначению.

Однако при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении должны учитываться обстоятельства, влияющие на исправление осужденного, а не то, добровольно или нет им были погашены процессуальные издержки, тем более что их неуплата может быть связана не с уклонением от указанной обязанности, а с финансовыми затруднениями, вызванными, в том числе, и объективными причинами.

Представляется, что решение суда о смягчении наказания или условно-досрочном освобождении является своего рода мерой стимулирования правопослушного поведения лиц, совершивших преступления. В указанной связи считаем недопустимым ставить судебное решение в зависимость от материального положения осужденных, так как это будет создавать для них неравные возможности, нарушать принцип равенства всех перед законом и судом, искажать саму сущность правосудия.

Таким образом, можно констатировать, что совместными усилиями адвокатского сообщества и законодателя процесс обеспечения права на защиту по назначению органов предварительного расследования и суда в последние годы был во многом упорядочен.

Выработка оптимальных правовых и организационных способов участия адвокатов в уголовном судопроизводстве положительным образом отражается на качественном осуществлении защиты интересов подозреваемых и обвиняемых в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем анализ отдельных законопроектов дает основание полагать, что просматривается попытка проведения законов, направленных прежде всего на решение узкокорпоративных интересов в ущерб интересам правосудия и конституционных прав граждан. Поэтому любое изменение в уголовно-процессуальное законодательство требует не только глубокой проработки и критической оценки со стороны законодателя, но и серьезного научного рецензирования учеными и практиками.

Список источников

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ: ред. от 29.07.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 21.05.2019 № 634. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003: ред. от 20.04.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве: принят VIII всерос. съездом адвокатов 20.04.2017 // Вестн. Федерал. палаты адвокатов Рос. Федерации. 2017. № 2.
5. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат // Уголовный процесс 2019. № 9. С. 21–22.
6. Куликов В. Защита под расчет // Рос. газ. 2019. 22 июля.
7. Проект Федерального закона № 703384-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части возмещения процессуальных издержек по уголовному делу» // Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения: [сайт]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects?type=Grid> (дата обращения: 01.10.2019).

УДК 343.13

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

А. В. Лунёва, доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье проводится исследование некоторых процессуальных прав обвиняемого (подозреваемого), поднимается дискуссионный вопрос о праве обвиняемого (подозреваемого) на дачу заведомо ложных показаний, делается вывод о необходимости законодательного закрепления запрета на оговор обвиняемым (подозреваемым) заведомо невиновного. Также анализируется проблема ограничения права подозреваемого на своевременное информирование о возможности реализации права на защиту, формулируются предложения, связанные с совершенствованием института прав обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе.

Ключевые слова: обвиняемый; подозреваемый; ограничение права; ложные показания; заведомо невиновный; право на защиту; разъяснение прав.

TO THE QUESTION OF THE RESTRICTION OF SOME RIGHTS OF THE DEFENDANT (SUSPECTED) IN THE INVESTIGATION OF THE CRIMINAL CASE

A. V. Luneova, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

The article studies some of the procedural rights of the accused (suspect), raises the debatable question of the right of the accused (suspect) to give false evidence, concludes that it is necessary to legislatively establish a ban on the reservation of the obviously (innocent) by the accused (suspect). The work also analyzes the problem of restricting the right of the suspect

to be informed in a timely manner about the possibility of exercising the right to defense, formulates proposals related to improving the institution of the rights of the accused (suspect) in criminal proceedings.

Keywords: accused; suspect; restriction of law; false testimony; knowingly innocent; right to defense; clarification of rights.

В контексте обеспечения прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого) при производстве по уголовным делам в настоящее время особую актуальность приобретает вопрос об их ограничении в целях соблюдения прав других участников уголовного процесса.

Права обвиняемых (подозреваемых) равно как и других участников закреплены в УПК РФ, в частности в ст. 46, 47 и других нормах. Несоблюдение этих прав дознавателем, следователем, прокурором и судом будет квалифицировано как существенное нарушение уголовно-процессуального законодательства [9, с. 87].

В научной литературе высказывается мнение о том, что обвиняемому (подозреваемому) предоставляется гораздо более широкий перечень прав, чем, скажем, потерпевшему [4, с. 40; 5, с. 104]. Данный факт ставит обвиняемого (подозреваемого) в положение «неприкасаемого», чем нарушается назначение уголовного судопроизводства, где на первом месте стоит защита прав и законных интересов потерпевших в результате преступления (ст. 6 УПК РФ). Верно по этому вопросу высказался А. И. Бойко, сравнив потерпевшего со сказочным персонажем – «золушкой» уголовного процесса [3, с. 46]. При этом, несмотря на неоднократные высказывания о наделении потерпевших дополнительными правами, полагаем целесообразным рассмотреть возможность ограничения в правах обвиняемого (подозреваемого), которыми он, как участник уголовного процесса, злоупотребляет, причиняя вред нормальному процессу расследования уголовного дела и ущемляя права других участников.

Рассмотрим право обвиняемого (подозреваемого) на дачу показаний. Ученые-процессуалисты неоднократно затрагивали возникающий в связи с этим правом вопрос о «праве» обвиняемого на заведомо ложные показания [7, с. 17; 8, с. 11]. И действительно, отсутствие ответственности за это побуждает большую часть обвиняемых (подозреваемых) препятствовать нормальному ходу производства по уголовному делу посредством дачи ложных и постоянно меняющихся показаний. Понятно и объяснимо, что ложь в данном случае является способом защиты от обвинения, но в то же время она оказывает негативное влияние на расследование и рассмотрение уголовного дела в суде, ущемляя интересы других участников процесса. Согласимся с мнением авторов, что право на защиту не может быть беспредельным и должно быть ограничено в установленном законом порядке в целях обеспечения прав и законных интересов иных субъектов уголовно-процессуальной деятельности [6, с. 25–26]. Даже «субъективное право

обвиняемого на ложь» [7, с. 17] должно иметь границы, которые проходят там, где начинаются интересы других лиц. И в уголовно-процессуальном праве такая граница должна отождествляться с уголовным запретом на оговор заведомо невиновного для обвиняемого лица [2, с. 81].

Еще одним ярким примером злоупотребления является ситуация, в которой на практике часто оказываются следователи, дознаватели при реализации обвиняемым (подозреваемым) своего права на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы, с заключением эксперта и постановкой своих вопросов эксперту (п. 12 ч. 4 ст. 47, ч. 3 ст. 195 УПК РФ).

Так, следователь, составив постановление о назначении экспертизы, приглашает обвиняемого и его защитника для ознакомления с ним. Явившись и ознакомившись с постановлением, указанные участники уголовного процесса сначала заявляют ходатайства о включении дополнительных вопросов для разрешения экспертом, а затем отказываются от подписания протокола ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, заявляя, например, что им необходимо еще подумать над вопросами и конфиденциально обсудить их. И эта ситуация может длиться неограниченный промежуток времени, в течение которого следователь не может отправить объекты на экспертное исследование. Налицо затягивание и противодействие расследованию, но процессуально не предусмотрен порядок ограничения ознакомления с данным постановлением. Полагаем в сложившейся ситуации следователю необходимо использовать процессуальный порядок обращения в суд, предусмотренный для получения разрешения на ограничение ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ.

Одним из важнейших прав обвиняемого (подозреваемого) является право защищаться от обвинения всеми не запрещенными законом средствами и способами.

Разъяснение и обеспечение возможности реализации данного права лежит на должностных лицах, осуществляющих уголовное преследование, а в дальнейшем и правосудие по уголовным делам (суд, прокурор, следователь, дознаватель – ч. 2 ст. 16 УПК РФ).

Нужно учитывать, что для использования права на защиту лицу должно быть предоставлено время до начала производства с ним процессуальных действий. Однако в уголовно-процессуальном законодательстве не указано, в какой именно момент производства по уголовному делу лицо должно быть уведомлено о праве, например, воспользоваться помощью защитника и, соответственно, получить возможность для реализации своего права.

По мнению И. О. Воскобойник [4, с. 41], такая возможность должна быть обеспечена обвиняемому (подозреваемому) в разумные временные промежутки (согласно ст. 6.1 УПК РФ), что подразумевает принятие достаточных и эффективных мер в целях своевременного осуществления уголовного преследования.

При этом указанная норма не раскрывает, как и когда должен быть уведомлен подозреваемый, задержанный в порядке ст. 91, 92 УПК РФ о праве защищаться с помощью адвоката (защитника). УПК РФ допускает защитника к участию в уголовном деле с момента фактического задержания лица – то есть с момента фактического лишения свободы передвижения задерживаемого (п. 15 ст. 5 УПК РФ).

В правоприменительной практике фактическое задержание осуществляют, как правило, очевидцы преступления либо сотрудники полиции, прибывшие первыми к месту происшествия, поэтому ни о каком разъяснении права задержанному на приглашение защитника говорить не приходится. Только после соблюдения необходимых процессуальных процедур – проведения доследственной проверки и возбуждения уголовного дела – допустимо будет осуществить уголовно-процессуальное задержание и, соответственно, следователю (дознавателю) разъяснить право подозреваемому на приглашение защитника.

На основании изложенного презумируем, что обязанность следователя (дознавателя) разъяснять задержанному право пользоваться помощью защитника может быть реализована только в момент фактического доставления лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, к следователю (дознавателю), а не с момента фактического задержания, как декларативно прописано в УПК РФ. Полагаем данный факт можно расценивать как ограничение права подозреваемого на защиту. Поэтому, присоединяясь к мнению О. И. Андреевой [1, с. 16–17], считаем целесообразным предусмотреть в уголовно-процессуальном законе момент и способ фиксации факта разъяснения права задерживаемому лицу защищать себя лично или с помощью защитника.

Таким образом, права обвиняемых (подозреваемых), предусмотренные УПК РФ, нуждаются в дальнейшем изучении с целью исключения проблемных вопросов, возникающих в процессе их реализации.

Список источников

1. Андреева О. И. К вопросу об ограничении права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе // Уголов. юстиция. 2015. № 2 (6). С. 16–19.
2. Андреева О. И. Право обвиняемого на дачу заведомо ложных показаний – субъективное право или злоупотребление правом? // Правовые проблемы укрепления российской государственности. М., 2015. С. 76–81.
3. Бойко А. И. О золушке уголовного правосудия замолвите слово // Южнорос. адвокат. 2005. № 4 (15).
4. Воскобойник И. О. Некоторые аспекты обеспечения прав подозреваемого либо обвиняемого в досудебных стадиях уголовного процесса // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: материалы IV всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2018. С. 35–42.

5. Зяблина М. В. К вопросу о соотношении процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) в российском уголовном процессе // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2018. № 3 (65). С. 103–106.
6. Кобелева М. М. Процессуальные права обвиняемого в уголовном процессе // Вестник юрид. фак-та Южного федерал. ун-та (г. Ростов-на-Дону). 2019. Т. 1, № 1. С. 25–26.
7. Коробеев А. И., Кулешов Ю. И. Лжесвидетельство: наболевшие проблемы правовой ответственности. М., 2015.
8. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен. М., 2016.
9. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учеб. М., Кронус, 2018.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ ВЫЗОВА СПЕЦИАЛИСТА ДЛЯ УЧАСТИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ

М. А. Мамошин, доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России

Статья посвящена процедуре вызова специалиста органами предварительного расследования для участия в следственных и иных процессуальных действиях. Автор обращает внимание на проблемы, регламентирующие данный порядок, несовершенство действующего законодательства, и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: специалист; специальные знания; следственные действия; постановление; вызов.

PROBLEMS OF INVOCATION A SPECIALIST TO PARTICIPATE IN INVESTIGATIVE AND OTHER PROCEDURAL ACTIONS

М. А. Mamoshin, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law

The article is devoted to the procedure of invocation a specialist by preliminary investigation bodies to participate in investigative and other procedural actions. The author draws attention to the problems regulating this order, the imperfection of the current legislation, and makes proposals aimed at solving them.

Keywords: specialist; expertise; investigative action; resolution; invocation.

На сегодняшний день отечественными учеными подготовлено множество работ, посвященных проблемам использования специальных знаний в уголовном процессе. Тема участия специалиста в производстве следственных и иных процессуальных действий исследовалась авторами на протяжении не одного десятилетия. В исследованиях обращалось внимание на необходимость совершенствования законодательных норм в целях оптимизации деятельности данного участника.

К сожалению, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) продолжает вызывать вопросы по поводу обеспечения участия специалиста в расследовании преступлений, и одним из них является правовая неопределенность вызова специалиста следователем, дознавателем.

Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Несмотря на то, что деятельность специалиста известна российскому уголовному судопроизводству достаточно давно и его специальные знания востребованы на практике, до сих пор не утихают дискуссии по поводу необходимости в уголовном процессе данного участника, целесообразности его вовлечения в раскрытие и расследование преступлений. Постоянно проводится параллель между специалистом и экспертом для выяснения различий в их процессуальном статусе. На наш взгляд, будет ошибкой позиционировать специалиста как некоего «дублера» эксперта, так как это абсолютно разные участники, каждый из которых решает свои непосредственные задачи.

Следует отметить, что вопреки всем скептическим высказываниям действующий УПК РФ существенно расширил возможности использования специальных знаний в расследовании преступлений, закрепив в п. 3.1 ч. 2 ст. 74 в качестве самостоятельных источников доказательств показания и заключения специалиста. Отдельные авторы по этому поводу сподобились на критические высказывания, полагая, что отнесение заключения специалиста к числу источников доказательств стирает грань, отделяющую специалиста от эксперта [2, с. 137].

Направления деятельности специалиста в уголовном процессе разнообразны и включают в себя: консультативно-справочную деятельность; проведение исследований и дачу заключений по их результатам; применение технических средств в исследовании материалов уголовного дела; использование технических средств в расследовании преступлений (при производстве следственных и иных процессуальных действий); оказание содействия следователю в постановке вопросов эксперту.

Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73 внес изменения в ч. 2 ст. 58 УПК РФ, указав, что вызов специалиста и порядок его участия в следственных и иных процессуальных действиях, судебных заседаниях определяются ст. 168 и 270 УПК РФ. В предыдущей редакции речь шла об участии специалиста в уголовном судопроизводстве.

Следует заметить, что произошедшие изменения по-прежнему не вносят ясность в процедуру вызова специалиста. Так, ст. 168 УПК РФ, к которой отсылает законодатель, содержит право следователя привлечь к участию специалиста в следственных действиях и указывает на необходимость перед началом следственного действия удостовериться в компетенции специалиста, разъяснить ему его права и ответственность, предусмотренные ст. 58 УПК РФ.

Примечательно, что в вышеупомянутой норме ничего не говорится об участии специалиста в иных процессуальных действиях, то есть порядок его вызова при их производстве остается вне рамок правового поля. Что касается ст. 270 УПК РФ, то в ней речь идет лишь о разъяснении председательствующим специалисту его прав в рамках судебного разбирательства.

Анализ действующей редакции ст. 58 УПК РФ позволяет прийти к выводу, что в ней нет указания на необходимость следователю, дознавателю выносить письменное процессуальное решение об участии специалиста в следственных и иных процессуальных действиях. Данный пробел негативно сказывается на правоприменительной практике, а также затрагиваемых в ходе производства предварительного расследования интересах участников уголовного процесса.

Решение следователя, обличенное в форму постановления, предоставит возможность всем заинтересованным участникам уголовного процесса обжаловать его в случае их несогласия с принятым решением.

Полагаем, что в ст. 58 УПК РФ должны быть внесены дополнения, регулирующие порядок и процедуру процессуального оформления решения следователем о привлечении специалиста.

Данную необходимость мы обосновываем тем, что специалист является самостоятельным и независимым участником, наделенным определенными правами и обязанностями. Поэтому юридический статус данному лицу может придать только соответствующий процессуальный документ, которым является постановление следователя.

На сегодняшний день вызов специалиста на практике осуществляется по-разному. Это может быть уведомление по телефону, запрос, требование, адресованное руководителю соответствующего учреждения, выделить необходимого специалиста и т. д. Очень часто подобный вызов специалиста остается без удовлетворения, а в последующем лицу, делавшему вызов, сложно доказать, что специалист умышленно уклоняется от выполнения своих обязанностей. Но данная проблема может быть решена, если следователю, дознавателю вменить в обязанность оформление специального постановления с указанием в нем на конкретное следственное или иное процессуальное действие, в котором специалист будет участвовать; профиль (профессию) специалиста; характер действий, которые он будет выполнять; научно-технические средства, которые ему необходимо взять; время и место прибытия и другие данные.

В любом случае, решая вопрос о вызове специалиста, следователь должен иметь представление о категории доказательств, которые он рассчитывает получить в ходе следственного действия, о наличии у специалиста необходимой профессиональной подготовки, адекватной задачам планируемого следственного действия, а также убедиться в наличии у специалиста необходимых технико-криминалистических средств, от которых зависит эффективность его работы [1, с. 51–57].

Вышеупомянутый федеральный закон № 73 внес дополнение в ст. 58 УПК РФ, введя ч. 2.1 следующего содержания: «Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных ст. 71 настоящего Кодекса».

В свете изложенной проблемы считаем, что данная норма должна быть дополнена указанием на необходимость вынесения следователем, дознавателем постановления о приглашении специалиста. Также в данном процессуальном документе необходимо уточнить, что приглашение специалиста инициировано стороной защиты.

Таким образом, учитывая возросшую роль специалиста за последние годы, его значимость в процессе доказывания по уголовным делам, законодателю стоит усовершенствовать процессуальный порядок вызова специалиста для участия в следственных и иных процессуальных действиях, что позволит решить ряд проблем, в основе которых лежит обеспечение прав личности и эффективность расследования уголовного дела.

Список источников

1. Скорченко П. Т. Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. М., 1999.
2. Якимович Ю. К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: формы и критерии допустимости // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвящен. 75-летию З.З. Зинатуллина. Ижевск, 2013.

УДК 343

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

***И. Н.-о. Нуриев**, преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России;*

***А. В. Нагалеvская**, заместитель начальника следственного отдела МВД России на ст. Уссурийск Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу*

В статье на основе анализа практики органов предварительного расследования рассматриваются проблемные вопросы назначения судебной экспертизы в ходе досудебного производства, а именно на стадии возбуждения уголовного дела. На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства авторы делают предложения по совершенствованию процесса назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: органы предварительного расследования; экспертиза; участник уголовного судопроизводства; постановление.

PROBLEMATIC ISSUES OF APPOINTMENT OF FORENSIC EXPERT AT THE STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

***I. N-o. Nuriev**, lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia;*

***A. V. Nagalevskaya**, deputy head of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the Management station Ussuriysk on Transport of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation across the Eastern Federal District*

The article, on the basis of an analysis of the practice of preliminary investigation bodies, addresses the problematic issues of the appointment of forensic expertise during pre-trial proceedings, namely the stage of initiation of criminal proceedings. On the basis of an analysis of the rules of criminal procedure legislation, the authors make proposals to improve the process of appointing a forensic expert at the stage of criminal proceedings.

Keywords: preliminary investigation bodies; expert examination; participant in criminal proceedings; resolution.

В 2013 г. законодателем были внесены существенные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который значительно расширил полномочия должностных лиц на стадии проведения доследственной проверки для возможности реализовать осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок. Однако введение новых норм привело к возникновению проблем в правоприменительной практике.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ были внесены изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении», где органам предварительного расследования было предоставлено право назначать и истребовать заключение любой судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела в рамках проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144–145 УПК РФ.

С введением права проведения органами предварительного расследования судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела законодатель проигнорировал регламентацию процессуального порядка ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и в последующем с полученным заключением эксперта лиц, чьи интересы затрагиваются при проверке сообщения о преступлении.

Таким образом, законодатель предоставил возможность назначения и проведения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, но не урегулировал права лиц, чьи интересы затрагиваются проведением такой экспертизы.

УПК РФ предусмотрено, что лица приобретают процессуальный статус (подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя) только после возбуждения уголовного дела и вынесения определенных процессуальных решений. А лица, не имеющие правового статуса до возбуждения уголовного дела, ограничены в правах при назначении судебной экспертизы.

В связи с этим должностные лица органов предварительного расследования сталкиваются с проблемой правоприменения, когда экспертиза проведена на стадии проверки сообщения о преступлении, однако после возбуждения уголовного дела лицо, приобретая статус участника уголовного судопроизводства и права, предусмотренные п. 2–5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, заявляет о них, что приводит к спорам о законности проведения такой судебной экспертизы. Нередко сотрудники органов предварительного расследования назначают повторные экспертизы, целью которых является не установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а только устранение споров и соблюдение порядка назначения и производства судебной экспертизы, что приводит к затягиванию сроков расследования уголовного дела [1].

Как верно отмечает профессор В. М. Быков, необходимость назначения дополнительной или повторной экспертизы объясняется в первую очередь тем, что экспертиза проводилась на стадии возбуждения уголовного дела и участники уголовного судопроизводства не могли воспользоваться своими правами, предусмотренными ст. 198 УПК РФ [2, с. 48].

Некоторые авторы, рассматривающие указанную проблему, предлагают интересные пути решения данного вопроса.

Так, профессор А. В. Лазарева в своем исследовании указывает на необходимость назначения судебных экспертиз в рамках осуществления проверки сообщения о преступлении только в случаях, когда без судебной экспертизы невозможно вынести законное решение о возбуждении уголовного дела. В остальных случаях автор предлагает принимать решение о назначении судебной экспертизы уже непосредственно после возбуждения уголовного дела [5].

Аналогичного мнения придерживается и профессор Е. А. Зайцева, которая, рассматривая процесс назначения судебной экспертизы в рамках доследственной проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ, указывает, что некоторые виды судебных экспертиз вообще не следует назначать до возбуждения уголовного дела [3].

Указанные позиции авторов представляют особый интерес для решения указанной проблемы, однако, на наш взгляд, законодателю необходимо закрепить процессуальный порядок ознакомления участников уголовного судопроизводства с назначенной экспертизой до ее непосредственного проведения, то есть в ходе осуществления проверки сообщения о преступлении в порядке, установленном ст. 144–145 УПК РФ.

Таким образом, для соблюдения прав лиц как на стадии процессуальной проверки сообщения о преступлении, так и на стадии предварительного расследования для обеспечения успешной реализации положений ст. 6.1 УПК РФ о соблюдении разумного срока уголовного судопроизводства, полагаем, необходимо внести изменения в ст. 195 и ст. 198 УПК РФ [4].

А именно: дополнить ст. 195 УПК РФ замечанием следующего содержания: «Следователь или дознаватель знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, а также лицо, если имеются основания полагать, что противоправными деяниями ему причинен физический, имущественный, моральный вред, в случаях, когда о таких лицах известно на стадии проведения проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ».

Дополнить ст. 198 УПК РФ замечанием следующего содержания: «При назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, представитель, а также лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном

ст. 144 УПК РФ, а также лицо, если имеются основания полагать, что противоправными деяниями ему причинен физический, имущественный, моральный вред, в случаях, когда о таких лицах известно на стадии проведения проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ...».

Список источников

1. Бахта А. С., Нуриев И.Н-о. Поведение участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования как одна из причин нарушения разумного срока // Тр. Акад. управления МВД России. 2017. С. 36–40.
2. Быков В.М. О назначении судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 46–50.
3. Зайцева Е. А. Судебно-психиатрическая экспертиза на стадии возбуждения уголовного дела: «За или против»? // Вопросы эксперт. практики. 2019. № 1. С. 217–220.
4. Кузнецова С. М., Нуриев И.Н-о. Право участников уголовного судопроизводства на осуществление проверки сообщения о преступлении в разумный срок // Вестн. Дальневост. юрид. ин-та МВД России. 2019. С. 13–19.
5. Лазарева Л. В. Производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы регулирования и реализации // Судеб. экспертиза. 2015. № 3. С. 10–20.

УДК 343.985

ВОПРОСЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ СО СТОРОНЫ ОБВИНЯЕМОГО И ЕГО ЗАЩИТНИКА ПРИ ОЗНАКОМЛЕНИИ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

***Т. В. Осипова**, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*

В статье исследуются проблемы ознакомления с материалами уголовного дела. Рассматриваются способы затягивания с ознакомлением и варианты разрешения путем внесения изменений в законодательство.

Ключевые слова: защитник; обвиняемый; материалы уголовного дела; ознакомление; затягивание.

QUESTIONS OF SUPPRESSION OF ABUSES BY THE ACCUSED AND HIS DEFENDER AT ACQUAINTANCE WITH MATERIALS OF CRIMINAL CASE

***T. V. Osipova**, senior lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

The article investigates the problems of familiarization with the materials of the criminal case. Ways of «delay» with acquaintance and ways of permission, by modification of the legislation are considered.

Keywords: defender; accused; criminal case materials; familiarization; «delaying».

В данной статье автор предлагает рассмотреть теоретические и практические проблемы, связанные с ознакомлением с материалами уголовного дела.

К сожалению, при разработке УПК РФ не было уделено особого внимания следственному действию, которым завершается предварительное следствие, – ознакомлению с материалами уголовного дела.

Следовательно, являясь фигурой процессуально независимой, по своему внутреннему убеждению оценив, что собранных доказательств достаточно для направления уголовного дела в суд, приступает к выполнению ст. 217 УПК РФ.

О данном решении следователь уведомляет об этом сторону обвинения и сторону защиты. Также разъясняет нормы данной статьи. Суть данной нормы заключается в том, что работает принцип состязательности, который разрешает возникающие конфликты между двумя сторонами.

После ознакомления со всеми материалами уголовного дела законом стороне защиты предоставлено право выступить с опровержением позиции обвинения, заявить новые ходатайства о сборе дополнительных доказательств. На практике нередко встречаются случаи возобновления предварительного расследования по ходатайству защиты и в большинстве случаев не по надуманным основаниям.

Чаще всего возникает ситуация, когда сторона защиты не желает вести диалог с органами предварительного расследования, не хочет должным образом знакомиться с материалами уголовного дела, искусственно любыми способами затягивая эту стадию предварительного следствия.

Рассмотрим так называемые способы затягивания со стороны защиты и обвиняемого при совместном ознакомлении с материалами уголовного дела.

Одним из способов затягивания можно назвать отказ обвиняемого и защитника от явки для ознакомления с материалами уголовного дела и отказ от подписи протокола. Но выбранный способ стороны защиты и обвиняемого не дает право следователю зафиксировать в протоколе ст. 217 УПК РФ такой отказ без мотивации поведения обвиняемого и его защитника. В данном случае суд признает действия следователя незаконными, так как последний не разъяснил положения ч. 4, 5, 5.1 ст. 217 УПК РФ, п. 1 ч. 2 ст. 315 УПК РФ, ч. 3 ст. 229 УПК РФ, касающиеся обвиняемого, что является обязанностью следователя.

Второй способ явного затягивания с ознакомлением с материалами уголовного дела – когда в уголовном деле имеется два или более двух обвиняемых, находящихся под стражей, и более одного защитника у каждого из обвиняемых. Такие ситуации очень часто встречаются на практике, особенно при расследовании должностных коррупционных, налоговых и экономических преступлений, так называемых «беловоротничковых» преступлений. Например, обвиняемых двое, один из них выбирает раздельное с защитником ознакомление с материалами уголовного дела, другой – совместное. Закон не ограничивает во времени ознакомление с материалами уголовного дела, сколько бы томов не содержало уголовное дело, но следователь, приступив к выполнению ст. 217 УПК РФ, надеется на разумные сроки выполнения данной процедуры. Когда же эти разумные сроки затягиваются, следователь выходит в суд с ходатайством на ограничение находящихся под стражей обвиняемых и их защитников об установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела. И если в этот срок, обвиняемый и защитник (защитники) не укладываются, практика идет по пути направления уголовного дела в суд, то есть в случае неокончания ознакомления в установленный судом срок следователем будет вынесено постановление об окончании

ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 217 УПК РФ.

Также согласно ст. 216 УПК РФ обязанностью следователя является ознакомление с материалами уголовного дела до окончания всех следственных действий других участников судопроизводства: потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их законных представителей. Ознакомление проводится в порядке, установленном ст. 217 и 218 УПК РФ. Перечисленным участникам судопроизводства предоставляется право выписывать любые сведения и в любом объеме, снимать копии с документов, в том числе с помощью технических средств. Но и здесь работники сталкиваются с недобросовестным затягиванием процесса ознакомления со стороны названных лиц. В этом случае следователь также вправе ходатайствовать перед судом об ограничении срока.

На основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ, судом устанавливается определенный срок, и, если без уважительных причин перечисленные лица не ознакомились с материалами уголовного дела, следователь вправе принять решение об окончании производства данного процессуального действия.

И еще одним способом недобросовестного затягивания можно назвать такой вид злоупотреблений стороной защиты, когда в уголовное дело в последний день установленного судом срока вступает новый защитник, и обвиняемый отказывается от услуг ранее привлеченного.

В связи с этим приведем следующий пример. В производстве следователя находилось уголовное дело, по которому было предъявлено обвинение двум обвиняемым. Уголовное дело состояло из трех томов, каждый по 250 листов, один из которых составляли бухгалтерские документы. Обозначим обвиняемых условно: обвиняемый 1 и обвиняемый 2. У каждого из них было по одному защитнику: А. и Б. Обвиняемый 1 и его защитник А. заявили о совместном ознакомлении. Обвиняемый 2 и его защитник Б. – о раздельном. Оба обвиняемых имели меру пресечения – содержание под стражей. Обвиняемый 2 и его защитник Б. ознакомились с материалами уголовного дела в течение 4 дней. Обвиняемый 1 и его защитник А. затягивали ознакомление: в день читали не более 1 часа по 20 листов. Следователь, понимая, что не укладывается в срок окончания предварительного следствия, который уже был продлен до 3 месяцев, принял решение о выходе в суд с ходатайством об установлении срока для ознакомления. Постановлением суда обвиняемый 1 был ограничен в ознакомлении. От совместного ознакомления с защитником А. обвиняемый 1 не отказался. В свою очередь защитник А. объяснил подзащитному необходимость уложиться в срок, установленный судом, мотивируя это тем, что один из томов, содержащий бухгалтерские документы, им известен, так как они сами предоставляли бумаги следователю. В ответ на данное предложение обвиняемый 1 отказался от защитника А. и заявил следова-

телю ходатайство о предоставлении ему другого защитника. После вступления в уголовное дело нового защитника Р. в уголовное дело обвиняемый 1 заявил, что желает знакомиться с материалами уголовного дела, вернувшись к первому тому.

Как быть следователю? Окончить ознакомление в установленном судом порядке или начинать знакомить нового защитника, выполняя при необходимости процедуру ограничения заново? Но ведь так может продолжаться без конца! Процедура ознакомления с материалами уголовного дела даже при небольших объемах может затянуться на месяцы, а то и годы. О сложившейся ситуации, описанной в примере со сменой защитника в последний день ознакомления с материалами уголовного дела, закон умалчивает.

Какие у следователя есть выходы из обозначенных выше ситуаций? Почему представителям защиты «нелегально» можно усложнять работу следователя, вынуждая своими действиями, например:

- изменить или отменить меру пресечения в виде содержания под стражей;
- пытаться «дотянуть» до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности;
- заставить сторону обвинения пойти на уступки необоснованно исключить из объема обвинения указание на какой-либо эпизод преступной деятельности (статью).

Имеют место случаи переписывания документов обвиняемым от руки, что требует также определенного количества времени, хотя сторона обвинения предлагает качественные копии или электронные версии документов.

В ситуации, когда на стадии ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый несколько раз меняет защитников, никак не мотивируя свои действия, тем самым затягивая стадию ознакомления, следователь также вправе ходатайствовать перед судом об ограничении времени для ознакомления.

По жалобе защитника, вступившего в уголовное дело на стадии ознакомления, в соответствии со ст. 125 УПК РФ судья может предоставить дополнительное время для ознакомления, определив разумные сроки, с учетом объема материалов дела, так как в соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ защитник не может ограничиваться во времени, необходимым для ознакомления с материалами уголовного дела.

Также возможно применение аналогии ч. 3 ст. 217 УПК РФ по просьбе других участников судопроизводства (потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их законных представителей) – предоставление судьей права дополнительного ознакомления с материалами дела с определением разумных сроков для этого с учетом объема материалов дела, которые заявитель желает дополнительно изучить [2, с. 112]. В иных же случаях недобросовестного затягивания с ознакомлением с материалами уголовного дела законодатель ничего не предусматривает.

Таким образом, автор видит выход из сложившейся ситуации во внесении в ст. 162 УПК РФ изменений о том, что время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении срока следствия не учитывается, то есть, иными словами, оно не должно входить в сроки предварительного расследования. Причем в предыдущей редакции Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 18 мая 1995 г. [1] время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении срока следствия не учитывалось.

Представляется, что предложенные изменения действующей редакции ст. 162 УПК РФ способны оптимизировать практику применения уголовного закона.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Верхов. Советом РСФСР 27.10.1960: ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002. Документ утратил силу. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».
2. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2008. 356 с.

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА» (29 НОЯБРЯ 2019 ГОДА)**

УДК 378

**ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ЦЕЛЯМИ**

***Ю. Г. Кожина**, завкафедрой иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент;*

***Ван Си**, Хэйлунцзянский институт профессиональной подготовки милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики*

Статья посвящена вопросам освоения дисциплины «Русский язык как иностранный» в процессе кратковременной стажировки. Обращено внимание на ряд педагогических и методических особенностей, которые должны быть учтены в учебном процессе; на необходимость одновременного решения комплекса задач по погружению в языковую среду, восстановлению навыков русской грамматики, освоению лексики профессионального назначения, формированию навыка коммуникации на иностранном языке, что в сумме составляет речевую профессиональную компетенцию полицейского.

Ключевые слова: профессиональная компетенция; русский язык как иностранный; погружение в языковую среду; речевая коммуникация.

**TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
WITH PROFESSIONAL AIMS**

***Yu. G. Cozhina**, head of the Foreign Languages Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor;*

Van See, Heilongjiang Institute of Professional Training of the Public Security Militia of China

The article deals with the issues of mastering the discipline «Russian as a Foreign Language» in the short-term training. Particular attention is paid to some pedagogical and methodical features, which should be considered in educational process. The necessity of solving tasks of plunging into the verbal environment, renewal of Russian grammar skills, mastering professional terminology, the formation of the foreign language communication skills is considered to be of great importance. All this constitute professional police speech competence.

Keywords: professional competence; Russian as a foreign language; verbal environment plunging; speech communication.

黑龙江省大庆市公安局 王晰
俄罗斯内务部远东法律学院 科日娜 Ю. Г.
专业俄语教学

外语教学是将普通教育、发展教育、专业教育和修养等各个方面进行综合，并达到以下目的：完善作为外语知识体系，掌握交流基本形式和言语功能（信息功能、规范功能、激励功能、情感评价功能），掌握外语作为交流手段在人际交往和文化交流中的口头和书面形式的运用。

当俄语作为外语，并作为专业组成部分时，俄语课程的教学任务包括：扩大学生的专业视野，在口语练习实践中发展使用外语知识的能力。此外，还需要提高学生的修养，即提升积极的情感和意志素质，培养诸如爱国主义、道德情操、责任意识等公民素质，培养学生如何交流，认识到在日常生活和职业活动中使用外语的必要性。教材中的学习任务可视为知识、技能技巧的列表，这些知识与技能侧重于特定结果并体现了学习的个别阶段和不同学习条件下的目标。

外语在需要外语交流的专业人员的专业学习中占有特殊的位置。鉴于其特殊用途，它在培养专业技能人员、调节人际关系、文化间和专业交流能力以及形成世界文化图景和职业图景等方面起着重要作用。外语是大学教育体系中不可或缺的组成部分，它通过多种方式促进学生提高教育水平和自身修养。

完成俄语（作为外语）课程后，俄语应达到一定的水平，以便后期形成专业能力，如逻辑思维能力，推理能力和清晰的口头表达能力，辩论和讨论能力；能够用俄语进行书面和口头交流。

要重视词汇的实际应用，这与词性条件，语言修辞功能和功能语体特殊性及其使用领域都有关系。

在听力训练中，应特别注意扩大听力材料的范围。为实现语言环境沉浸式教学，课程中广泛使用了散文和戏剧作品摘录、公众人物和

政治家演讲、科学和文化名人演讲、故事片音频材料，并组织学生进行讨论。通过训练，提高学习者独白式和对话式语言能力，强化创造性表达的能力。对阅读材料、听力文本和电影相关问题的讨论，都有助于促进训练。

应特别重视通过讨论促进语言的学习，因为正是通过这种类型的训练能够促进掌握即兴演讲能力。

在俄语（作为外语）课堂教学过程中，我们完全相信，自学原则对于培养未来的专家非常重要，例如，依靠学生在实践过程中解决遇到问题的经验而进行的自主学习。向学生提供有关如何建立互动、如何提出问题以及如何与外国公民交流的具体建议。学习环境对于学生价值观的形成非常重要。事实证明，获取或更新外语知识的目的是履行社会角色，提升人格（完善自我）。比如学生的旅游经历，现代人希望认识世界，提前对在外语社交环境中进行交流时可能出现的困难做出准备。

自愿学习的效果是最显著的，因为成年学习者能主动意识到自己知识的不足，例如发音问题、词汇量欠缺等，因此会努力克服这些不足。

在课程结束时，我们邀请学生填写一份调查问卷，以评估他们对外语的大致了解程度、外语课程理论和实践部分内容掌握情况、对使用教学技术设备的满意度、口语掌握程度、外语课程授课质量以及对小组互动的满意度。反馈显示，教师和学生的教学成果均得到正面评价。

因此，解决培养能正确履职的专业技能人员所面临问题的关键，在于完善学习实践，使学生掌握工作中所必须的语言技能。

普通教育补充课程的培养目的是按照俄罗斯内务部院校俄语基础专业教育课程的要求，掌握相应的知识、技能和能力。

Цель обучения иностранному (английскому, китайскому) языку представляет собой комплексное единство практического общеобразовательного, развивающего, профессионального и воспитательного компонентов, предусматривающих следующие результаты: совершенствование знаний русского языка как иностранного, овладение основными формами общения и речевыми функциями (информативной, регулятивной, побудительной, эмоционально-оценочной), овладение иностранным языком как средством общения в устной и письменной форме на межличностном и межкультурном уровне.

Выполнение задач, которые обозначены в программе курса русского языка как иностранного в качестве профессионального компонента, включает расширение профессионального горизонта обучаемых, развитие способностей использования иноязычных знаний в устной речевой практике в рамках профессионально направленного обучения. Кроме того, необходимо обеспечение воспитательного компонента – это стимулирование позитивных качеств эмоционально-волевой сферы, культивирование таких гражданских качеств, как патриотизм, нравственность, ответственность, воспитание культуры общения,

формирование познавательной активности и потребности в применении иностранного языка в жизни и профессиональной деятельности. Задачи обучения в учебно-методических материалах рассматриваются как перечень знаний, умений и навыков, ориентирующих на конкретный результат и отражающих цели обучения применительно к отдельным этапам и учебным условиям.

Иностранный язык занимает особое место в профессиональной подготовке, которому необходимо иноязычное общение. Ввиду целевого назначения он играет важную роль в становлении специалистов, опосредуя развитие у них способности к межличностной, межкультурной и профессиональной коммуникации, а также в формировании культурной и профессиональной картин мира. Иностранный язык является интегральным компонентом образовательной системы вуза, способствуя своими разносторонними средствами воспитанию и образованию обучающихся.

Результатом освоения программы должно стать приобретение навыка владения русским языком как иностранным для последующего формирования профессиональных компетенций: способности логически мыслить, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь, вести полемику и дискуссии; способности осуществлять письменную и устную коммуникацию на русском языке.

Большое внимание на практических занятиях уделяется словоупотреблению, зависящему как от фразеологической обусловленности, так и от функционально-стилистических особенностей речи и сфер ее употребления.

При обучении аудированию важно постепенное увеличение объема материала, предназначенного для восприятия на слух и отражающего основную проблематику, предусмотренную для данного курса.

Для погружения в языковую среду широко привлекаются отрывки из прозаических и драматических произведений, выступления общественных и политических деятелей, деятелей науки и культуры, фонограммы художественных кинофильмов, они прослушиваются и обсуждаются. В результате достигается развитие монологической и диалогической речи, усиливается роль творческого высказывания, оригинального как по форме, так и по содержанию. Достижению этой цели способствует проблемное обсуждение прочитанных материалов прессы, текстов для аудирования и кинофильмов.

Особое внимание уделяется проведению дискуссий в рамках изучаемой тематики, так как именно этот вид работы обеспечивает овладение неподготовленной речью.

В процессе проведения занятий по русскому языку как иностранному мы в полной мере убедились в том, что андрагогические принципы обучения значимы в условиях работы с будущими специалистами.

Например, обучающиеся отдавали приоритет самостоятельности обучения, опоре на опыт в решении конкретных задач, которые возникали в их практической деятельности.

Студентам даются конкретные советы о том, как выстраивать взаимодействие, как спросить, как обратиться к иностранному гражданину. Контекстность обучения связана с реализацией важных для обучающегося ценностей. Получение или актуализация знаний по иностранному языку оказалось ориентировано на выполнение социальных ролей, совершенствование личности (самосовершенствование). Примером может служить туристический опыт обучающихся, стремление современного человека ознакомиться с миром, предупреждение затруднений, которые могут возникнуть при общении в иноязычной социальной среде.

Наиболее ярко реализуется принцип осознанности обучения, так как взрослый обучающийся осознает свои пробелы в знаниях, особенности своего произношения, недостаточность своего лексического запаса, а значит, прикладывает особенные усилия для преодоления недостатков обученности.

Студентам при завершении курса предлагается заполнить анкету по оценке удовлетворенности своими исходными знаниями по иностранному языку, содержанием теоретической и практической части курса иностранного языка, использованием технических средств обучения, овладением разговорной речью, качеством преподавания иностранного языка на курсах и взаимодействием в группах. Обратная связь показала, что результаты деятельности преподавателя и обучаемого оценены положительно.

Таким образом, решение задач подготовки специалистов, способных успешно выполнять функциональные обязанности, состоит в совершенствовании практической направленности обучения и освоения обучающимися языковыми навыками, необходимых им в профессиональной деятельности.

Целью подготовки по дополнительной общеобразовательной программе является формирование у слушателей знаний, умений и навыков, необходимых для освоения соответствующих основных профессиональных образовательных программ на русском языке в образовательных организациях МВД России.

УДК 378

ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ С КУРСАНТАМИ ХЭЙЛУНЦЗЯНСКОГО ИНСТИТУТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ МИЛИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ю. Г. Кожина, завкафедрой Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент;

Лю Юнь Хун, Хэйлунцзянский институт профессиональной подготовки милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики

В статье раскрывается содержание опыта преподавания иностранного языка, цель которого – развитие у будущих полицейских навыка эффективного культурного взаимодействия с иностранными гражданами. Изучение иностранного языка является фактором развития и расширения профессионального мировоззрения будущего специалиста сферы правоохранения.

Ключевые слова: профессиональное мировоззрение; профессиональная подготовка; воспитание культуры общения; гуманистические принципы педагогики; самоактуализация личности; субъективная удовлетворенность.

PRACTICE OF CONDUCTING CLASSES IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE WITH CADETS OF THE HEILONGJIANG INSTITUTE OF PROFESSIONAL TRAINING OF THE PUBLIC SECURITY MILITIA OF CHINA

Yu. G. Cozhina, head of the Foreign Languages Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor;

Lyu Yun Hun, Heilongjiang Institute of Professional Training of the Public Security Militia of China

The article deals with the issues of practical experience content of the foreign language police officers teaching aimed at the development of effective cultural skills of communication with the foreign citizens. Learning foreign language is a factor of development and widening of professional world outlook of the future law enforcement worker.

Keywords: professional world outlook; professional training; professional culture bringing up; humanistic principles of pedagogics; self-actualization of personality; subjective satisfaction.

黑龙江公安警官职业学院 刘云红

俄罗斯内务部远东法律学院 科日娜 Ю. Г.

黑龙江公安警官职业学院 刘云红

摘要：本文讲述了旨在发展未来警察与外国人进行文化互动能力的有效外语教学实践经验。学习外语是发展和扩大未来执法人才职业世界观的因素。

关键词：职业世界观，专业培养，交际文化培养，教学人文原则，个性的自我实现，主体自信

黑龙江公安警官职业学院和俄罗斯内务部远东法律学院具有独特的外语教学经验。

现阶段中俄关系处于历史发展的最好阶段，其特点是合作领域广泛，包括高层的密切接触、经贸和人文交流、包括联合国安理会在内的国际领域的合作，共同参与国际和区域组织（上合组织，金砖国家），两国公民教育和旅游的接触、交流等。中国国家主席习近平和俄罗斯总统普京多次会见并达成共识，促进两国青年交流是加深两国人民世代友谊的重要途径，同时也是全面提升中俄战略协作伙伴关系的重要途径。中俄两国国家领导人展望未来，期待青年人能担负起发展中俄两国战略协作伙伴关系和加深中俄两国人民友谊的重任。

青年是我们两国和世界的未来。未来两国关系如何发展取决于两国的青年如何发展相互关系。我希望能够举办更多的青年交流活动，让两国的青年切实建立起日常交流，以便更好的互相了解、加深友谊。

我们两个学院很早就开始培养两国青年的友好感情。近些年交流的范围扩大了，我们的友谊加深了。两个学院为发展中俄关系做出了应有的贡献。我们相信，这些年友好交流种下的种子，未来一定会长出丰收的庄稼。

习近平和普京支持两国青年关系的全面发展，支持青年在各个领域的交流。青年，是民族的未来，是中俄关系和两国人民的未来。我希望，两国青年继续保持这一代人战略协作伙伴关系的发展趋势，希望他们为了助力中俄两国的共同发展和繁荣，为加深两国人民的友谊和创造两国人民的美好未来做出自己的贡献。普京总统指出，举办中俄主题年和大型人文活动，在很大程度上扩大了两国在教育、科学、文化、旅

游、体育和其它领域的合作，青年友好交流年使两国青年人和大学生们建立了更积极有效的联系，这些将有助于保持中俄传统友谊并促进中俄全面战略协作伙伴关系的进一步发展。

中俄两国相继举办国家年、语言年、旅游年和友好青年交流年等活动。以青年作为外国年的主题，表明了中俄两国要继续加深全面战略协作伙伴关系的坚定决心。中俄交往有着悠久的历史，我们希望，两国青年能够继承这一传统和两国元首达成的共识，全力实施人文领域的合作，创造机会打开更广泛的合作渠道，交流经验、共同成长、助力两国人民友谊，造福两国和世界人民。

我们两个学院——黑龙江公安警官职业学院和俄罗斯内务部远东法律学院互派学员学习外语，也是促进青年交流的一种方式。青年合作是国家关系中最积极的组成部分，青年代表未来。习近平主席曾说，青年是民族的希望，中俄关系的未来和两国人民的未来掌握在他们手中。我们非常赞同习近平主席的话，语言进修活动可以使两国的青年人确立更积极有效的联系，保持中俄传统友谊并促进中俄全面战略协作伙伴关系的进一步发展。我们希望，两国的青年人应当借着两国友好关系发展的契机，展示才能，巩固两国的合作，加深两国的友谊。

现阶段，两院国际合作包括互派学员、教师进修外语，互派教师和科研人员参加学术会议，互派教师讲学等。我们将进一步加深合作，共同进行教学基础性应用研究，共同出版学术文章、教材和教辅。

2005年，两院开始进行语言进修项目——黑龙江公安警官职业学院的俄语教师郝建到俄罗斯内务部远东法律学院外语教研室进修。至2019年，两院互派人员进修外语已达18次，人员共计80人次。中俄双方人员凭借他们自身的外语知识和想要学习外语的热情，进修都取得了很好的效果。进修者不仅学习了外语，还了解了中俄两国的历史、文化和文学。他们积极参与对方学院的教学过程，参加教研室会议，分享各自的教学经验。

进修期间，中方进修者着重学习俄语的语法，包括：《词汇》、《词法》、《句法》和《文体》，还借助于俄语电子学习软件学习《正式公文语体》。结业时，进修者都顺利通过测试。为了完善俄语知识，进修者还利用俄语电子学习软件、电子词典和电子教学材料努力聆听俄罗斯文学作品。“日常口语”课中有关“城市”和“休息”主题的上课地点设在市内的水池边，不仅能使进修者学习课程主题的相关内容，还能让他们熟悉哈巴罗夫斯克居民休息日的休息场所和习惯，组织他们去哈巴罗夫斯克历史博物馆参观，现场讲述“19世纪城市人的日常生活”这一题目。远东法律学院还专门为进修者组织活动和开设课程，让他们更多的了解学院各部门的工作，如熟悉心理保障部门，熟悉并交流警察心理学的观点。

来自黑龙江公安警官职业学院的进修者还积极参加远东法律学院汉语班的教学。除传统模式的实践课，还有各种不同形式的互动课，

互动包括各种主题，如：《语言的使用者是语言知识的来源》、《去外国旅游——预期和意外》、《我的学院》和《口语中的动词时态》。在这些课程的框架内，中方进修者教俄方学员汉字声调和语音的发音特点、标准口语和日常口语词汇的使用特点。在写字课上，教俄方学员新的汉字，重点教笔画笔顺，以及印刷体和手写体的特点。还着重教礼貌用语：根据人的地位和年龄使用不同的尊称，表示欢迎、告别、祝贺、祝愿等的用语。语言文化也是课程的重要部分，中方进修者还讲述中国的传统和习俗，国家传统节日的祝贺，各地菜系的特点等等。还与俄方师生交流公安院校的工作特点，如入警选拔、职业教育机构和培养计划，并与俄罗斯警察教育培养进行比较。

俄罗斯内务部远东法律学院外语教研室从2005年开始设立汉语课，每年约有80名学员学习汉语。除了组织中方进修者参与汉语课堂教学，还组织双方人员进行交流和座谈。

俄方教师们认为，与外语母语者现场交流、座谈对于提高学员学习外语积极性非常重要。学员有机会直接与中国人交流，给他们创造了自然的语言环境。这样的座谈具有毫无疑问的优势，因为无论是外语教师，还是各种语言教学手段的运用，都不能完全弥补缺乏与外语母语者直接交流的缺陷。学员有机会熟悉所学习外语的母语者的文化价值观，克服因各种文化碰撞而产生的困难，形成宽容意识。

应该指出的是，这些座谈不仅限于让学员了解中国，还能帮助学员确定俄罗斯文化和语言的作用和地位。例如，有一次座谈的主题是《汉语和俄语中的谚语和俗语》。座谈中还讨论了在哪些情景下使用这些俗语的问题。正是通过这种文化语境下的对话，形成了对本国文化和其他国家文化的认知，要知道，认识“外国的”文化只能通过认识本国文化实现。

我们认为，组织这些座谈是培养教育青年一代不可或缺的组成部分。在准备和进行座谈时，我们设立了以下目标：学会合理表达自己的看法，文明交谈和辩论；教育学员要宽容，即培养他们学会理解他人不同于自己的观点，找到折衷的方案；在培养学员尊重自己传统的同时，培养他们对其他国家文化和历史的兴趣和尊重。将新获得的经验与现有知识进行比较，与另一种文化代表交流后可得出的个人经验，从而使我们的毕业生在现代世界中变得灵活、自由，并且有文化、有教养。

总之，我们两个学院之间的外语进修，是中俄教育机构之间的密切接触，是两国公民之间的密切接触，是两国青年之间的密切接触，同时也是一种人文交流。两院之间的外语进修能够有力促进两院的警务外语教学

Уникальным опытом для двух образовательных организаций России и Китая – Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (ДВЮИ МВД России) и Хэйлунцзянского института

профессиональной подготовки милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики (ХИППО МОБ КНР) – является практика проведения по программам обмена языковой стажировки по китайскому языку и русскому языку.

Российско-китайские отношения – взаимоотношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой – на современном этапе характеризуются широким спектром областей сотрудничества, включающих интенсивные контакты на высшем уровне, торгово-экономические и гуманитарные связи, сотрудничество на международной арене, в том числе в Совете безопасности ООН, совместное участие в международных и региональных организациях (ШОС, БРИКС). Граждане наших стран имеют возможность образовательных, туристических контактов, обменов.

В настоящее время китайско-российские отношения находятся на высоком уровне. Председатель КНР Си Цзиньпин и Президент РФ В. В. Путин неоднократно встречались и провозгласили, что мероприятия, организованные для молодежного общения, являются важными мерами на пути укрепления дружбы между поколениями нашего народа, а также всестороннего повышения уровня российско-китайских отношений, стратегического сотрудничества.

Молодежь – это будущее наших стран и всего мира. На данный момент руководители Китая и России, исходя из перспективы, хотят передать ответственность за развитие отношений стратегического сотрудничества между Россией и Китаем и поддержание дружбы между народами России и Китая в руки молодежи.

От того, насколько хорошо развито взаимопонимание между молодежью, зависит, как в дальнейшем будут развиваться отношения между нашими странами. Мы надеемся, что в рамках годов общения между молодежью будет проведено больше мероприятий, которые позволят молодежи двух стран действительно наладить повседневное общение и лучше узнать друг друга, укрепить дружбу и взаимопонимание.

Си Цзиньпин с Владимиром Путиным отмечают необходимость дружественного молодежного обмена, направленного на поддержание высокого уровня всесторонних отношений, стратегического сотрудничества и взаимодействия во всех сферах. Молодежь – это будущее нации, будущее китайско-российских отношений и народов двух стран. Важно, чтобы молодежь обеих стран сохранила тенденцию нынешнего поколения к развитию всесторонних отношений стратегического партнерства и взаимодействия, чтобы ее мечты были направлены на содействие совместному развитию и процветанию Китая и России, чтобы она внесла свой вклад в прекрасное будущее. В. Путин в поздравительном послании отметил, что проведение российско-китайских годов и других крупных мероприятий гуманитарного характера значительно расширило сотрудничество между двумя странами в сферах образования, науки, культуры, туризма, спорта

и многих других, а организация годов обмена позволит молодежи и студентам двух государств устанавливать более активные и плодотворные связи, поможет сохранить традиционную российско-китайскую дружбу и стимулировать дальнейшее развитие российско-китайских всесторонних отношений стратегического партнерства и взаимодействия.

Проведение китайско-российских годов дружественного молодежного обмена – следующее важное мероприятие после Года Китая в России и Года России в Китае, годов языка и годов туризма. Для Китая впервые главной темой года иностранного государства становится молодежь, что говорит о твердой решимости и далее укреплять китайско-российские всесторонние отношения стратегического партнерства и взаимодействия. Китайско-российские связи имеют долгую историю, и мы надеемся, что молодежь обеих стран продолжит эту эстафету, и консенсус, достигнутый лидерами двух государств, будет полностью реализован в гуманитарной сфере, создаст больше возможностей и откроет более широкие каналы взаимодействия, будет способствовать молодежному обмену и деловому сотрудничеству между двумя странами, обмену опытом и совместному росту, позволит дружбе между Китаем и Россией принести благо народам двух стран и народам всего мира.

В настоящее время наши страны проводят годы молодежных обменов, а институты ХИППО МОБ КНР и ДВЮИ МВД России участвуют в этой работе. Взаимодействие молодежи – это наиболее актуальный аспект межгосударственных отношений. Молодежь – это активная часть населения, устремленная в будущее. Председатель Си Цзиньпин сказал, что молодежь – это будущее нации, в ее руках будущее китайско-российских отношений и народов двух стран. Мы также считаем, что подобные стажировки позволят молодым людям двух государств установить более активные и плодотворные связи, сохранить традиционную российско-китайскую дружбу и стимулировать дальнейшее развитие российско-китайских всесторонних отношений стратегического партнерства и взаимодействия. Надеемся, что молодые люди двух стран должны, используя шанс благоприятного развития двусторонних отношений, показать свои таланты, укрепить взаимопонимание и дружбу между странами.

ХИППО МОБ КНР и ДВЮИ МВД России давно начали прививать дружеские чувства молодежи двух стран. За последние годы общение во множестве сфер расширилось, дружба укрепилась. Институты внесли должный вклад в развитие двусторонних отношений. Семена, которые посеют годы дружеского общения между российской и китайской молодежью, в будущем обязательно принесут богатый урожай.

Международная деятельность институтов закреплена в их уставах как базовых документах, определяющих направления деятельности. ДВЮИ МВД России осуществляет международное сотрудничество в следующих формах:

направление по программам двустороннего обмена курсантов, преподавателей и научных сотрудников на языковую стажировку, участие в научных конференциях и публикации в совместных научных сборниках, обмен опытом, проведение учебных лекций и других мероприятиях. Будущее сотрудничества состоит в проведении фундаментальных и прикладных научных исследований совместно со специалистами из КНР по направлениям деятельности института, в продолжении практики совместного издания научных трудов, учебной литературы.

Опыт работы по проведению языковых стажировок начался с 2005 г.: преподаватель русского языка ХИППО МОБ КНР Хао Цзянь проходила стажировку на кафедре иностранных языков ДВЮИ МВД России. Все стажировки китайских специалистов, которых было четыре, учитывали готовность к восприятию русского языка на основе уже имеющегося уровня, что давало определенный результат. Стажеры, изучая русский язык, знакомились с историей, культурой, литературой России. Они интересовались организацией учебного процесса в ДВЮИ МВД России, принимали участие в заседаниях кафедры иностранных языков, делились опытом преподавания в ХИППО МОБ КНР.

Во время стажировки большое внимание уделялось изучению грамматики русского языка, разделов «Лексика», «Морфология», «Синтаксис», «Стилистика» (тема «Официально-деловой стиль»), шла работа с электронными обучающими программами по русскому языку, в итоге проводилось тестирование, которое стажеры проходили положительно.

С целью совершенствования владения русским языком стажеры работали над аудированием текстов русской литературы. Стажеры были обеспечены материалами: электронными обучающими программами по русскому языку, электронными словарями, учебниками и учебными пособиями.

Стажеры из ХИППО МОБ КНР активно участвовали в преподавании китайского языка в группах курсантов, изучающих китайский язык.

Преподаватели кафедры проводили практические занятия как в традиционной форме, так и в различных интерактивных формах. Например, совместно с курсантами, изучающими китайский язык, проходили занятия по темам «Носитель языка – источник знания языка», «Путешествие в другую страну – ожидаемое и неожиданное», «Мой институт», «Временные формы глагола в разговорно-бытовой речи».

В рамках данных занятий отрабатывались фонетические особенности произношения тонов и звуков, особенности современного употребления слов и выражений в разговорной официальной и бытовой речи. Одним их аспектов обучения письменной речи стала работа по введению новой иероглифики – особое внимание было уделено порядку черт в написании иероглифа, а также особенности печатного и рукописного изображения. Обратили внимание и на

этический аспект речи – формы вежливого обращения в зависимости от статуса или возраста лица, приветствие, прощание, поздравление, пожелание и др.

Важной составляющей обучения стал лингвокультурологический аспект: обычаи и традиции Китая, особенности празднования государственных и традиционных праздников, особенности кухни в зависимости от территории страны и др.

Специфика профессии отразилась в информации, которая осветила проблемы службы в МОБ КНР: служба и отбор на службу, профессиональные образовательные учреждения и программы подготовки специалистов для МОБ КНР, сравнение с российской профессиональной подготовкой.

Также были проведены мероприятия и занятия со стажерами по ознакомлению их с работой отделов института, в частности отделения психологического обеспечения, с которым состоялся обмен мнениями о преподавании психологии сотрудникам полиции.

Занятия в рамках дисциплины «Разговорно-бытовая речь» по теме «Город», «Отдых» проходили на городских прудах, что познакомило стажеров не только с лексикой по теме, но и с традицией проведения выходного дня хабаровчанами, а по теме «Быт горожанина в XIX веке» – в музее истории города Хабаровска.

На кафедре иностранных языков ДВЮИ МВД России китайский язык преподается с 2005 г. Ежегодно в учебном процессе изучают китайский язык до 80 курсантов.

Преподаватели считают, что живое общение, встречи с носителями языка очень важны для повышения мотивации к изучению дисциплины. Курсанты имеют возможность непосредственно общаться с носителями языка, то есть создается естественная языковая среда. Такие встречи имеют бесспорное преимущество, так как ни преподаватель, владеющий иностранным языком, ни средства обучения с использованием аутентичных материалов не могут в полной мере восполнить отсутствие непосредственного взаимодействия с носителями языка. У курсантов появляется возможность приобщиться к культурным ценностям носителей языка, преодолеть трудности, возникающие при столкновении разных культур, формируется толерантное сознание. Межличностное общение курсантов и китайских стажеров имеет обоюдную заинтересованность в результатах изучения языка, поэтому после встреч происходит их дальнейшее общение, в том числе по телефону, с помощью интернет-переписки, организуется взаимопомощь при изучении китайского и русского языков, получение информации в интересующих областях знания.

Нужно отметить, что встречи не ограничиваются только познанием страны изучаемого языка. Они помогают определить роль и место родной культуры и родного языка. Например, тема одной из встреч – «Пословицы и поговорки

в китайском и русском языках», где обсуждается, в каких ситуациях употребляются определенные идиомы.

Именно в таком диалоге культур формируются умения по познанию собственной культуры и культуры других народов, ведь познание «чужой» культуры может осуществляться только через собственную.

Мы считаем организацию таких встреч составной частью учебно-воспитательного процесса по воспитанию молодого поколения. При подготовке и проведении встреч стоят следующие цели: сформировать умение аргументировано излагать свою точку зрения, цивилизованно вести беседы, диспуты; воспитать курсантов в духе толерантности, то есть сформировать умение воспринимать другую, отличную от своей, точку зрения, находить компромиссы; воспитать уважение к своим традициям при параллельном формировании интереса и уважения к культуре, истории другой страны.

Сопоставление нового, приобретаемого, опыта с уже имеющимися знаниями порождает индивидуальный опыт общения с представителями другой культуры, чтобы выпускники были мобильными и свободными в современном мире, а также культурно развитыми и воспитанными.

Таким образом, ДВЮИ МВД России и ХИППО МОБ КНР реализуют российско-китайские взаимоотношения, включаются в интенсивные контакты на уровне взаимодействия образовательных организаций, граждан наших стран, осуществляют гуманитарные связи.

УДК 37.378

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

***И. Д. Кочетова**, преподаватель кафедры русского языка Хэйлуньцзянского восточного университета, кандидат педагогических наук, доцент;*

***Лю Вэньсюй**, Хэйлуньцзянский восточный университет*

Статья посвящена обзору сотрудничества между Россией и Китаем в области образования. Рассматриваются требования к современному специалисту в условиях глобализации, одним из которых является знание иностранного языка.

Ключевые слова: сотрудничество; образование; глобализация; требование; иностранный язык.

RUSSION-CHINESE COOPERATION IN THE SPHERE OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

***I. D. Kochetova**, instructor of the Russian Language Department of the Heilongjiang East University, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor;*

***Liu Wenxu**, Heilongjiang East University*

The article deals with the Russian-Chinese cooperation review in the sphere of education. The requirements to modern specialists in the context of globalization are examined. Foreign language knowledge is one of these requirements.

Keywords: cooperation; education; globalization; requirement; foreign language.

全球化背景下的中俄教育领域合作

依·德·科切特娃

刘文旭

黑龙江东方学院

本文面向中国与俄罗斯在教育领域合作的全景视域，文中主要研讨全球化背景对现代专家提出的新要求。其中，首要的是对其外语知识的要求。

关键词：合作；教育；全球化；要求；外语。

当前，全球化过程包括所有国家和人民。全球化影响人类活动的各个领域（社会，政治，经济），这些变化导致加强国家之间的交流。

在这种情况下，最大的价值指标是知识，新技术，教育水平和创造这种知识的能力。现代社会的全球化增强了在国际间高等教育的干部和熟练人员的流动性。

现在，各国必须扩大信息流，有意者都能得到知识和需要的信息。这样可以确保形成将国家的经济状况提高到更高的水平的高级人力资本。

现代世界共同体的迫切需要是专家准备在全球多元文化世界中开展合作，平等参与多元文化交流中，并能够在多元文化环境中进行有效互动。

在21世纪，现代专家利用国际联系和用各种语言研究专业信息。这全都改变了对学习外语的态度。21世纪初开始俄中关系的新阶段。签署了《睦邻，友好与合作条约》历史性的双边文件。在签署的条约和协定的框架内，举行了以下活动：在俄罗斯举行中国文化日（1997、2004、2006），在中国举行俄罗斯文化日（1998、2003），在俄罗斯举行中国年（2006），在中国举行俄罗斯年（2007），在中国举行俄语年（2009年），在俄罗斯举行汉语年（2010年）。今天，俄罗斯和中国在睦邻，战略互动和伙伴关系的基础上建立关系。

把全球化进程与工业化步伐的加快，技术的发展，国家，宗教，语言边界的侵蚀有关结合起来。人道主义合作是在双边关系中最重要领域之一。

在2001年在教育领域合作内的小组委员会开始运作，还有在研究俄语和汉语学习和教学中的互动问题和发展大学之间的双边学术交流和科学合作的工作组。这些工作组主要内容是监测教育领域的双边合作。以支持俄语中心在中国的活动和孔子学院及班级在俄罗斯的活动，旨在制定一份机构间备忘录，俄罗斯与中国达成了一项协议。制定了实施该到2020年将学生和研究生交流增加到10万人的计划。

Д. О. 贡博耶娃突出显示：中俄关系在教育领域发展的三个主要阶段

1. 第一阶段。从在北京成立起了俄罗斯东正教精神使命，俄罗斯与中国之间的正式关系就开始形成。在此期间，奠定了语言学的基础，创建了第一本中文教科书，建立了俄中联合学校，并且在中国也开始发行俄文的杂志和书籍。

2. 第二阶段。苏联时期是两国之间最活跃和最富有成果的合作时期。这时，苏联文化和教育工作者培训了他们的中国同事，许多中国学生和研究生在苏联学习。

3. 第三阶段。在全球化阶段，俄中关系成为在新的发展条件下更牢固的合作关系。两国的教育改革都证明了这些事实。

С. В. Ма凱娃突出显示:两国教育机构的国际活动在现代高等教育体系中,正在成为首要任务之一。1990年代是教育领域的新发展阶段。1992年12月18日,俄罗斯联邦和中国政府在北京签署了文化合作协定。

这份文件是发展文化和教育互动的最初文件。自2000年以来,由于两国融入全球教育领域,教育领域的发展时期是多种多样的。

在现阶段,俄中互动的特点是合作领域广泛,科教领域的合作正在增加。在现阶段,俄中互动的特点包括广泛各种领域的合作,正在增加科学和教育领域的合作。因为出现合资企业和公司越来越多,正在发展商务旅游,所以扩大两国之间的国际联系。正因为如此,在俄罗斯以及在中国,培训现代专家的时候掌握语言技能成为必不可少的要求之一。

我们希望两国在这个方向继续合作。

В настоящее время все страны и народы охвачены единым процессом – процессом глобализации. Понятие глобализации характеризует новый этап международных отношений и затрагивает все сферы человеческой деятельности (социальную, политическую, экономическую), соответственно, происходящие изменения ведут к расширению контактов между народами.

В этих условиях переход развитых мировых держав к информационному обществу показал, что самой большой ценностью стали знания, новые технологии, уровень образованности и способность эти знания создавать. Глобализация современного общества способствует повышению мобильности высокообразованных кадров и умелых людей на международном уровне.

Это привело страны к необходимости расширять потоки знаний, доводить их до всех желающих, где бы они не находились и какие бы формы образования ни выбирали, тем самым гарантируя себе формирование высококлассного человеческого капитала, способного не только поддержать то положение, которое занимает страна на мировой арене, но и поднять его на еще более высокий уровень [4].

Особенности развития современного мирового сообщества вызвали острую потребность общества в специалистах, готовых к сотрудничеству в глобальном мультикультурном мире, равноправных участников межкультурной коммуникации, способных эффективно взаимодействовать в поликультурной среде.

Современные требования к специалисту, деятельность которого происходит в XXI в., когда расширение производственных и научных проблем невозможно без разносторонних международных контактов и изучения профессиональной информации на различных языках, несомненно, изменили отношение к изучению иностранных языков. Спрос на специалистов, владеющих иностранным языком, резко возрос и будет возрастать по мере активизации контактов между странами и народами. В условиях глобализации иностранный язык становится универсальным средством профессиональной жизни делового человека. Это

обусловлено сложившейся современной социокультурной ситуацией. В последнее время в России возрос интерес к изучению восточных языков (в том числе к китайскому языку), в равной мере, всё больше китайских студентов стремятся выучить русский язык. Сотрудничество России и Китая в сфере культуры и образования имеет исторически закономерный характер. В советской историографии всегда были актуальны проблемы развития культурных связей России и Китая, прослеживающихся с середины XVII в. После Октябрьской революции культурные и образовательные контакты развивались эффективно, начало работу «Общество культурной связи Китая и СССР» (1935 г.) [6].

Начало XXI в. ознаменовало новый этап в российско-китайских отношениях. Был подписан исторический двусторонний документ – «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». В рамках подписанных договоров и соглашений были проведены: Дни культуры Китая в России (1997, 2004, 2006), Дни культуры России в Китае (1998, 2003), Год Китая в России (2006) и Год России в Китае (2007), Год русского языка в Китае (2009), Год китайского языка в России (2010) и др. Сегодня Россия и Китай строят свои отношения на основе добрососедства, стратегического взаимодействия и партнерства.

Процесс глобализации связан с усилением темпов индустриализации, развитием технологий, размыванием национальных, конфессиональных, языковых границ. Теоретики Дин Пэйхуа, Чэнь Бэньцзай, Ли Ядин, Лю Цзиншань представляют культурный диалог как один из способов стимулирования торгово-экономического сотрудничества и укрепления региональных связей по другим направлениям [5]. Сотрудничество в гуманитарной области является одним из наиболее заметных широкой общественности направлений двусторонних отношений.

В рамках подкомиссии по сотрудничеству в области образования, функционирующей с 2001 г., действует рабочая группа по вопросам взаимодействия в изучении и преподавании русского и китайского языков, развития двусторонних академических обменов и научного сотрудничества вузов, основным содержанием деятельности которой является мониторинг двустороннего сотрудничества в области образования. С Китаем была достигнута договоренность о разработке межведомственного меморандума о поддержании деятельности центров русского языка в Китае и институтов, и классов Конфуция в России. Были рассмотрены вопросы увеличения обмена студентами и аспирантами до 100 тысяч человек к 2020 г. и разработан план реализации данной инициативы [3].

Д. О. Гомбоева выделяет три основных этапа развития российско-китайских отношений в сфере образования:

1) этап империй: официальные отношения между Россией и Китаем начинают складываться с момента основания в Пекине русской православной духовной миссии. В этот период были заложены основы языкознания, созданы

первые учебники китайского языка, совместные российско-китайские школы, а также в Китае начали выпускать журналы и книги на русском языке;

2) советский период стал временем наиболее активного и результативного сотрудничества двух стран. В это время работники культуры и образования обучали китайских коллег, много китайских студентов и аспирантов обучалось в СССР;

3) на этапе глобализации, когда весь мир становится чем-то единым, отношения России и Китая стали своеобразным стартом построения новых более крепких отношений сотрудничества уже на принципиально новых условиях развития. Об этом свидетельствуют реформы в сфере образования в обеих странах [1].

С. Б. Макеева отмечает, что в системе современного высшего образования международная деятельность образовательных учреждений двух стран становится одним из ключевых и приоритетных направлений [2]. Новым этапом развития в области образования можно считать 1990-е гг. 18 декабря 1992 г. в Пекине правительства РФ и КНР заключили соглашение о культурном сотрудничестве. Этот документ является начальным в развитии культурного и образовательного взаимодействия. Период развития в образовательной сфере с 2000 г. носит разносторонний характер, этому способствовала интеграция двух стран в мировое образовательное пространство.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на современном этапе российско-китайское взаимодействие характеризуется широким спектром областей сотрудничества, и сотрудничество в научно-образовательной сфере переживает подъем. Это обусловлено расширением международных контактов между двумя странами, так как возникают все больше совместных предприятий и фирм, развивается деловой туризм. В этой связи владение иностранным языком стало одним из неперенных требований в профессиональной подготовке современного специалиста, как в России, так и в Китае. Будем надеяться и на дальнейшее взаимодействие между двумя странами в данном направлении.

Список источников

1. Гомбоева Д. О. История российско-китайских отношений в сфере образования в аспекте и их современное состояние в аспекте академической мобильности // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1318–1322.
2. Макеева С. Б. К вопросу о динамике российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК. 2012. С. 112–116.
3. Марина Боровская приняла участие в работе 20-го заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству // Министерство науки и высшего

- образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=1870 (дата обращения: 03.11.2019).
4. Панибратцев А. В. Глобализация и проблемы высшего образования в России // Науч. вестн. МГГУТА. 2014. № 203. С. 50–54.
 5. Пономарёв М. А. Сотрудничество России и Китая в культурной, образовательной и научной сферах // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление / Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова. 2009. № 2. С. 117–121.
 6. Рушанин В. Я., Гревцева Г. Я. Россия и Китай: диалог в сфере культуры и образования // КиберЛенинка: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kitay-dialog-v-sfere-kultury-i-obrazovaniya> (дата обращения: 03.11.2019).

УДК 811.112.2: 371.3

ПРЕПОДАВАНИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

***Н. В. Аблецова**, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного университета экономики и права, кандидат филологических наук, доцент*

Статья посвящена некоторым факторам мотивации студентов, изучающих немецкий язык в качестве второго иностранного. Большое внимание уделяется фактической краеведческой информации, представляющей вклад немцев в развитие Дальнего Востока России в XIX в. как особому фактору мотивации обучающихся немецкому языку.

Ключевые слова: немецкий как второй иностранный язык; мотивация при обучении второму иностранному языку; краеведческий аспект как фактор мотивации.

TEACHING GERMAN AS THE SECOND FOREIGN LANGUAGE IN THE RUSSIAN FAR EAST

***N. V. Abletsova**, associate professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Khabarovsk State University of Economics and Law, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor*

The article deals with some factors, motivating students, who study German as the second foreign language. Much attention is paid to the information, presenting the contribution of the Germans to the development of the Russian Far East in the XIX century, which is considered as a special factor of students' motivation.

Keywords: German as the second foreign language; motivation; regional studies as motivation factor.

Для преподавания второго иностранного языка – немецкого на Дальнем Востоке России – нужна особая мотивация. Важной предпосылкой успешности изучения немецкого языка является интенсификация обучения с самого начального этапа. Краеведческая информация, представляющая историю заселения Дальнего Востока, историю первых исследований Дальнего Востока, становление административного управления, развитие предпринимательства и торговли и участие во всех этих процессах немцев – это, как показывает опыт, великолепный

фактор, служащий мотивации обучающихся на первом этапе знакомства с немецким языком. Подобный материал может как послужить хорошей основой для формирования содержания обучения второму иностранному языку – немецкому, так и использоваться для работы над различными проектами, рассчитанными на самостоятельную исследовательскую работу студентов, подготовку студентов к участию в студенческих научных конференциях и конкурсах докладов на немецком языке. Краеведческая информация, затрагивающая многие аспекты деятельности немецких предпринимателей, купцов, чиновников на Дальнем Востоке России, имеет, кроме образовательного, также большой воспитательный эффект, который упоминается в представленной статье. В статье представлены некоторые факты, позволяющие преподавателям немецкого языка заинтересовать студентов, пробудить у них интерес к родному краю и к страницам истории, связывающими его с немецкой культурой.

XIX век характеризовался влиянием Европы на Россию, что отразилось на формировании русской культуры; Дальний Восток России, несмотря на близость к азиатским странам, также находился под влиянием западной, европейской культуры. Изучая библиографический словарь деятелей Восточной Сибири З. В. Востокова [3], энциклопедические справочники «Немцы России» [8; 9], находим имена этнических немцев, исследователей природы, путешественников, чиновников, купцов и предпринимателей, проживавших в дальневосточных городах и внесших большой вклад в развитие Дальнего Востока России. Знакомство с их судьбами и процессами, которые они олицетворяли, помогает укрепиться в мысли о необходимости продолжения европейских традиций в данном регионе, в том числе, изучая немецкий язык.

Как пишет Илларионова в своем исследовании «Немцы на государственной службе России: к истории вопроса на примере освоения Дальнего Востока»: «Многие из иностранцев стали ключевыми фигурами в развитии судьбоносных для страны процессов [...]. Ход освоения Дальнего Востока ярко свидетельствует об этом» [4, с. 4]. В круг деятелей, которые действовали на дальневосточном направлении, входят сотни иностранцев, прежде всего немцев. Это и российские дипломаты – посланцы в Китай, и государевы слуги на дальних рубежах России, и специалисты по международно-правовым вопросам МИДа, и губернаторы – немцы в Приамурье, и военные на Дальнем Востоке в XIX – начале XX веков, и адмиралы российского флота в XVIII–XIX веках, а также ученые-исследователи дальних земель по велению царя [4, с. 14–17].

Поскольку у обучающихся немецкому языку как второму иностранному интерес непосредственно к обучению языку не столь ярко выражен, необходимо формировать содержание обучения таким образом, чтобы студент мог извлечь определенную пользу для своего интеллектуального или профессионального развития. Через обучение немецкому языку возможно и необходимо обращать

внимание студентов на элементы предпринимательской и общей культуры. Деятельность немецких предпринимателей дает хороший повод, привлечь внимание к данным вопросам. Немецкие предприниматели во 2-й половине IX – начале XX в. играли видную роль в экономической жизни российского Дальнего Востока. Основной сферой их деятельности была торговля. Однако немцы, одновременно с организацией торгового дела создавали и промышленные предприятия, привлекая немецкий капитал [7]. Самым крупным и прибыльным предприятием с участием германского капитала стало Акционерное общество «Тетюхе». В 1896–1902 гг. купец из Владивостока Ю. И. Бриннер произвел геологическую разведку и получил право на разработку полиметаллических руд в Приморской области. Ю. И. Бриннер обратился к германским инвесторам, так как для разработки месторождения требовались значительные капиталы [7, с. 56].

Представляя страноведческую информацию, необходимо, на мой взгляд, также делать некоторые важные акценты, например, на том, что помимо непосредственной цели бизнеса – извлечения прибыли, немецкие предприятия уделяли большое внимание социальным вопросам, заботе о работниках, являясь (на фоне других иностранных компаний, а также российских купцов и предпринимателей) носителями социальных идей. Что касается предприятия «Тетюхе», то оно начинало свою деятельность в местности, где отсутствовали дороги, крупные населенные пункты. Владельцы предприятия делали значительные капиталовложения в развитие инфраструктуры района и создание условий для работающих. Ими были построены узкоколейная железная дорога, канатно-воздушная дорога, грунтовые дороги, пристани, лесопильный завод. Численность сотрудников на этом предприятии составляла около 2 тыс. человек. Для них в рудничном поселке были построены дома, больница, школа и библиотека. Затраты акционеров на создание объектов социально-бытового назначения и строительство дорог составили более 1 млн рублей. Вкладывались средства и в развитие производства. В 1914 г. была построена и пущена в эксплуатацию обогатительная фабрика стоимостью 1 млн руб. [7, с. 55–57].

Продолжая тему предпринимательской культуры, особенно хотелось бы отметить деятельность торгового дома «Кунст и Альберс», бывшего в течение 60 лет поставщиком всевозможных товаров на Дальний Восток России, начиная от простых бытовых, заканчивая оборудованием для электропромышленности и строительства дорог. Штейнберг, бывший руководителем делами фирмы в Хабаровске, оборудовал в помещении торгового дома ясли на 15 детских кроватей, он же пожертвовал 200 руб. на устройство богадельни для престарелых [2, с. 28].

В конце с начала XX в. еще одной сферой деятельности немецких предпринимателей на российском Дальнем Востоке стал экспорт рыбы в Европу. Оснащенность российских предприятий рыбообрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке была низкой. Немецкие предприниматели доставляли на

российский Дальний Восток из-за границы баржи – рефрижераторы, а также строили здесь специальные холодильные установки для замораживания и хранения рыбы. В 1912 г. с участием германской ассоциации предпринимателей в Хабаровске было образовано «Товарищество рефрижераторов для Хабаровска и Николаевска» [7, с. 58]. Одно из зданий рефрижератора находится в Хабаровске, на улице Кавказской, являясь примером качества и архитектурного стиля, украшающего город.

Немецкие предприятия были представлены и в нескольких отраслях обрабатывающей промышленности. Это мукомольный завод К. Хагемайера, хлебопекарня и булочная К. Момбрея, колбасное и гастрономическое заведение братьев Эльвангер, кирпичный завод Г. Бернике. Но наиболее известными были пивоваренные предприятия Г. Штейнбаха, А. Рика во Владивостоке, Б. Люббена в Хабаровске [5, с. 6–7]. Здесь варилось пиво разных сортов из высококачественного сырья. Хмель доставлялся из Баварии, Гамбурга; сухие дрожжи – из Японии. Ячмень приобретался как за границей, так и в Южно-Уссурийском крае. В городе Хабаровске также сохранились некоторые здания, доходные дома, принадлежавшие ранее Б. Люббену, в одном из них сегодня находится археологический музей. Наличие в городах Дальнего Востока России зданий, архитектурных сооружений, построенных немцами, – прекрасный повод для экскурсий по городу, подготовленных как преподавателем, так и самими обучающимися, что может послужить дополнительным мотивом изучения немецкого языка.

Отметим, что благодаря тому, что немецкие предприниматели не руководствовались только лишь идеей получения сверхприбыли, они постепенно теснили позиции США на Дальнем Востоке, удерживая второе место в структуре предпринимательства в регионе. Конкуренция немецких и американских предпринимателей способствовала снижению цен на товары, а это было в интересах населения региона. Немаловажны социальные аспекты деятельности немецких предпринимателей: они выступали инициаторами создания инфраструктуры для торговли, платили местные налоги. Вступая в гильдию русских купцов, они несли повинности по благоустройству портов, участвовали в местном самоуправлении [1, с. 52–53].

Особое внимание хотелось бы уделить генерал-губернаторам и их деятельности на дальних рубежах на благо Российской империи. Барон Корф – происходил из немцев – государственных служащих империи. Родился в 1831 г., и сделал успешную карьеру Приамурского генерал-губернатора. Следует отметить, что на посту губернатора барон Корф заботился о поднятии экономического и образовательного уровня края, при нем было открыто много школ, также увеличилась численность жителей края. Именно он организовал первые съезды «Сведущих людей», своего рода научные конференции, на которых создавались комиссии по разным отделам: сельскому хозяйству, путям сообщения, промышленности

и торговле, школам и горному промыслу, золотопромышленности; на съездах разрабатывались и принимались важные для развития края решения. Генерал-губернатор ездил по краю и проверял выполнение этих решений, таким образом, отслеживая и отстаивая русские интересы на Дальнем Востоке [4, с. 144].

Еще одним губернатором немецкого происхождения был Павел Унтербергер. За открытый характер, отеческую заботу о жителях края его называли «немцем с русской душой». Он был убежден, что именно русские люди должны заселять Приамурский край. Он активно занимался вопросами миграции, при этом прилагал усилия для сокращения корейской миграции в Приамурский край и не позволял получения корейцами российского подданства. «Практикуемый способ ведения хозяйства путем отдачи земель в аренду корейцам – развращает русское сельское население, которое, отвыкая от самостоятельного крестьянского труда, предается безделью и пьянству», – писал он в одном из своих отчетов [4, с. 148–158]. В конце 1870-х годов, когда Хабаровка из небольшого поселения стала превращаться в город, стали активно строиться грунтовые дороги, телеграфная связь, а также церкви, приюты, школы. Павел Унтербергер принимал в строительстве самое активное участие, руководя многими участками работ. Многие каменные здания были спроектированы и построены во время правления П. Унтербергера, в их числе – канцелярия генерал-губернатора, расположенная на ул. Муравьева-Амурского 27 [6, с. 44]. За девять лет губернаторства Унтербергеру удалось сделать многое: его стараниями появились порт и Уссурийская железная дорога, множество учебных и медицинских учреждений, жилых домов и служебных зданий, дорог, береговой и плавучий доки, основывались и развивались населенные пункты. Значительно улучшилась экономика в регионе – активизировалась торговля, появились новые водные маршруты, были открыты большие запасы природных ископаемых. Так как после аграрной реформы Столыпина на Дальний Восток России на поиски лучшей жизни отправилось множество людей, стоит отметить, что П. Унтербергер заботился о том, чтобы новоселам выделялись деньги, предоставлялись участки, строились школы и медицинские пункты; он уделял большое внимание культуре, медицинской помощи и доступному образованию [6, с. 45–46].

Подводя итоги сказанному выше, отметим важность «правильного», а также интенсивного начала обучения немецкому языку, создания условий для заинтересованности обучающихся в изучении немецкой культуры и немецкого языка на Дальнем Востоке России, чему во многом способствует знакомство с краеведческой информацией, связанной с деятельностью немцев в этом регионе. Краеведческая информация подобного плана может быть использована как на начальном этапе в качестве создания предпосылок для выбора студентами второго иностранного языка для изучения, так и на более поздних этапах, предполагающих самостоятельную работу студентов, а также проведение ими

исследований. Содержание краеведческой информации, представляющей деятельность немецких компаний, чиновников и политиков на Дальнем Востоке России, может быть адаптировано к целям обучения второму иностранному языку студентов экономического вуза, к которым относится не только обучение «лингвистическому» аспекту, но и обучение культуре и предпринимательской культуре будущих специалистов-экономистов.

Список источников

1. Анисимов А. А. Становление германо-российской торговли в Приамурье (1856–1870 годы) // Вестн. Центра по изучению международных отношений в Тихоокеанском регионе. Хабаровск, 2001. № 2. С. 46–54.
2. Бурилова М. Ф. Хабаровск купеческий в фотографиях и документах. Хабаровск. 1999. 47 с.
3. Востоков З. В. Библиографический словарь деятелей Восточной Сибири. Хабаровск, 1994.
4. Илларионова Т. С. Немцы на государственной службе России: к истории вопроса на примере освоения Дальнего Востока. М.: Ин-т энергии знаний, 2009. 224 с.
5. Крадин Н. Пивоваренный завод Люббена // Хабаровская недвижимость. 1997. № 30 (авг.). С. 6–7.
6. Михалева Ю. Немец с русской душой // Образ жизни. 2013. № 8. С. 42–46.
7. Молчанова Е. Г. Вклад немецких предпринимателей в развитие промышленности российского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. // Записки городского музея / Хабар. краев. краевед. музей. Хабаровск, 2007. Вып. 16. С. 54–64.
8. Немцы России: энцикл. Т. 1. М.: ЭРН, 1999. 822 с.
9. Немцы России: энцикл. Т. 2. М.: ЭРН, 2004. 750 с.
10. Шерстобоев О. Н. Участие немецких фирм в торговле на российском Дальнем Востоке (вторая половина 19 – начало 20 в.) // Немецкий этнос в Сибири: альм. гуманит. исследований. Новосибирск, 199. Вып. 1. С. 79–84.

УДК 378.048.2

ПРОЦЕСС ВЗРОСЛЕНИЯ КАК ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА

А. В. Акенина, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат педагогических наук

Статья посвящена проблеме педагогической поддержки в период активного взросления учащихся как особого правового статуса человека. Понятие «педагогическая поддержка» соотносится в работе с определением понятия «образование» как часть и целое. Рассматривается идея лично-ориентированного подхода в педагогической поддержке как альтернативы авторитарному воспитанию.

Ключевые слова: педагогическая поддержка; взросление как самодостаточный и социально значимый период; воспитание; образование.

THE PROCESS OF GROWING UP AS A SPECIAL LEGAL STATUS OF A PERSON

A. V. Akenina, associate professor of the Foreign Languages Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy

The paper views some issues of pedagogical support of the students' dynamic growing up period. The author addresses the problem of becoming adult as a special legal status of the person. The concept "pedagogical support" is related to the definition "Education" as a part and a whole. The idea of personally oriented approach in pedagogical support as an alternative to the authoritarian education is considered.

Keywords: pedagogical support; growing up as a valuable and socially significant period; upbringing; education.

В данной работе мы обращаемся к понятию «педагогическая поддержка» в соотношении с определением понятия «образование», которое объясняет его место и идеи в современном мире. Мы ссылаемся на исследования отечественных педагогов Л. А. Степашко, Н. Б. Крыловой, которые рассматривали понятие образования индивида в заданных внешних и внутренних условиях для его развития в процессе усвоения культуры, анализировали глубинный смысл образования

в раскрытии человеческой сущности, которое имеет два контекста: в смысле трансляции культуры от поколения к поколению и как процесс ее усвоения.

Для педагогической поддержки важны вопросы взрослеющего индивида: «Каким быть именно мне?» и «Кем быть?». Кроме этого, поддержка выделяет самостоятельный вопрос «Как жить?». Чтобы ответить на эти вопросы, пройдя определенный период, необходимо иметь понимание о построении индивидуального образа жизни, выборе оптимального режима интеллектуальных, эмоциональных, физических нагрузок, выработать возможность адекватной реакции на невзгоды и удачи. При этом педагогический смысл понятия поддержки заключается в том, что поддерживать можно лишь то, что уже сформировалось, запущено как процесс развития «самости», самостоятельности человека.

Н. Б. Крылова рассматривает взросление как процесс «душевно-духовного роста» человека, его обращение к гуманности, движение к человеческому идеалу дорогами культуры. «Дороги эти прокладывает человек самостоятельно, устремляясь к осуществлению истинного человека. При этом образование предоставляет человеку бесконечную возможность, из которого он постоянно себя наполняет. Взросление в этом случае как сущность человека отрицает себя как нечто утвердившееся и статичное» [5, с. 94].

Исходя из этого, образование можно понимать как процесс взросления человека с социально обусловленными изменениями, влекущими непрерывную реализацию возможностей человека, его актуализацию и самоосуществление в пространстве культуры. А целью образовательного процесса является создание условий для «личностной свободы и ответственности», которые лежат в основе осознания человеком своей «способности влиять на события» [6, с. 78–80].

Феномен образования следует рассматривать в широком антропологическом смысле как непрерывно-дискретный процесс становления человека. Г. Б. Корнетов в связи с этим полагает, что человек уже образован в каждый момент своей жизни, поскольку «обладает неким образом, и еще образовывается, ибо его образ меняется, имеет определенную динамику. Этот процесс и составляет антропологическую природу образования» [4, с. 78].

Вслед за Л. А. Степашко мы размышляем о важности обладания человеком «личностным стержнем» – осознанием себя как индивидуальности, свободной, самостоятельной, нравственно-автономной личности, как существа социального и, наконец, космического, что означает «лично ответственного» за судьбы Земли и Вселенной» [8, с. 17]. Этот стержень необходим, «чтобы не превратиться в конформиста, не «потерять себя», быть способным к самоидентификации и самореализации. Успешность этого обретения, превращения опыта и представлений взрослеющего человека о мире в «стержень» (интеллектуальный, эмоциональный, нравственный и т. п.) будет зависеть от педагогической помощи

и поддержки значимых взрослых, как создания условий жизнедеятельности, процесса учения.

При этом необходимо отметить и согласиться с отечественными педагогами в том, что не существует «готовых способов действия в педагогических ситуациях трансляции культуры» (В. И. Слободчиков), необходим поиск путей и способов поддержки «проявления детской Я-самости». Этот процесс помогает и педагогу развить «особую зоркость, чуткость, восприимчивость», взрослеющий молодой человек в этом процессе является равноправным участником – «советчиком в общем деле». Многомерность этого процесса определяется «богатством внутреннего мира взрослых» который, являясь мудрым наставником в этом процессе, не отказывается от собственной траектории развития, постоянно находится в поисках способов «совмещения этих траекторий», сам идет по пути развития, взросления [7, с. 16].

Предмет педагогической поддержки – процесс совместного с учащимся определения его собственных интересов, целей, возможностей и путей преодоления проблем, мешающих ему формировать свое человеческое достоинство и самостоятельно достигать успешности в обучении, самовоспитании, коммуникации, стиле жизни.

Следует помнить о том, что педагогическая поддержка не заменит воспитания, так как оно является процессом формирования культуры воспитанника, а «сам из себя человек не может вырастить культуру, создаваемую веками» [4, с. 27].

Далее, следует конкретизировать и проблемы, в решении которых молодому человеку в период процесса взросления может понадобиться индивидуальная помощь в рассматриваемый возрастной период. К ним могут относиться такие, как конфликтность с взрослыми, в семье, агрессивность по отношению к ним; возможное агрессивное поведение в организации; внутриличностные конфликты, в основе которых лежит неуспех в тех или иных сферах жизнедеятельности, и вытекают из них соответственно потеря ощущения самооценности, низкое самоуважение, неприятие себя и потеря перспектив.

Эффективной индивидуальная помощь взрослому человеку может стать при наличии и соблюдении ряда условий, на которые указывают Н. Н. Михайлова, С. М. Юсфин. Это наличие установки на необходимость оказания помощи; определенный уровень психолого-педагогической подготовки специалиста; использование личностного, дифференцированного, возрастного и индивидуального подхода [6, с. 27].

Идею личностно ориентированного подхода в педагогической поддержке детей как альтернативы авторитарному воспитанию рассматривают В. П. Бедерханова и другие, которые признают за учащимися право выбора направления

саморазвития, проживания своего возрастного периода как самоценного и социально значимого для самореализации [3, с. 41].

Серьезной дискуссионной проблемой остается проблема того, что следует поддерживать во взрослеющем индивиде. Е. И. Исаев и В. И. Слободчиков считают, что поддерживать и развивать следует субъектность, то есть способность личности к преобразующему отношению к собственной жизнедеятельности, а также индивидуальность (неповторимость, особенность человека, которая выделяет его из всех других и тем самым позволяет ему оставаться самим собой). При таком подходе содержание педагогической поддержки шире, чем «работа с проблемой человека», но более узко, чем принцип. Особенно важным педагогам представляется выявление трудностей человека, потому что трудности всегда связываются с тем, что наиболее актуально для каждого. Они тем самым означают осмысление возникшей проблемы и принятие ее к разрешению (Н. Н. Михайлова, С. М. Юсфин).

Обращаясь к понятиям «индивидуальность человека» и «индивидуализация», мы глубже понимаем проблему педагогической поддержки через определение В. И. Слободчикова. Ученые верно подчеркивают, что индивидуальность – это не только и не столько включенность индивида в систему общественных отношений, интеграция их как личностно значимых, сколь его выделенность из этих отношений. «Индивидуальность – это всегда внутренний диалог с самим собой, выход в уникальную подлинность самого себя» [7, с. 43].

Рассмотрение педагогической поддержки как процесса, обеспечивающего развитие индивидуальности человека, его субъектности, обуславливает важность требований, предъявляемых к педагогу, осуществляющему этот процесс. Прежде всего, речь идет о личностной и профессиональной позиции педагога, оказывающего поддержку, позволяющей ему работать в гуманистической парадигме. Под позицией понимается «устойчивая система отношений человека к определенным сторонам действительности, проявляющаяся в соответствующем поведении и поступках» [7, с. 45].

Осуществление педагогом своей профессиональной деятельности как педподдержки процессов взросления ребенка признается педагогами возможной при следующих условиях: принятие идеи ценностей и превращения их в педагогическое «кредо»; стремление понять и принять «Я-концепции», «поддерживаемого» как его самоценность, уникальность его индивидуальности.

Изучение проблемы педагогической поддержки в период взросления и возвращение к рассмотрению этого феномена через анализ работ отечественных педагогов по данному вопросу позволяет сделать вывод о том, что педагогическая поддержка – сложная, высокотехнологическая специальная педагогическая (при этом психологемкая) деятельность, в основе которой лежит гуманистическая парадигма.

Изменения, происходящие в период взросления ребенка при обращении к себе самому как человеку образующемуся, определяются как движение к собственной свободе, а обретение субъектных качеств и субъектной позиции – как обретение свободоспособности. В этом контексте отечественные педагоги понимают индивидуализацию в образовании как систему подходов, способствующую осознанию взрослеющим индивидом своего отличия от других: своей слабости и своей силы – физической, интеллектуальной, нравственной, творческой. А педагогическая поддержка – это процесс совместного с взрослеющим индивидом определения его собственных интересов, целей, возможностей и путей преодоления проблем, мешающих ему достигать желаемых результатов в обучении, самовоспитании, межличностных взаимодействиях, стиле жизни.

Педагогу, значимому взрослому необходимо помнить, что ребенок на всех этапах взросления нуждается в поддержке, которая строится как процесс перевода его жизненной ситуации в проект образовательной ситуации и позволяет ему занять рефлексивную позицию по отношению к окружающему миру. Педагогическая поддержка индивидуальна, она необходима и должна оказываться взрослеющему индивиду, когда у него возникают «проблемы в решении возрастных задач» и с «источниками опасностей».

При условии, когда педагогическая поддержка обеспечивает взрослеющему ребенку встречу наиболее важных процессов, организованных взрослыми для его развития – процесса обучения и процесса воспитания, право сохранения себя при овладении им общественно необходимым и ценным, она становится особенно актуальной и ценной. По мнению Н. Б. Крыловой, «педагогическая поддержка – это еще «целинное» поле современной отечественной педагогики. Об этом свидетельствует недопонимание учителями, преподавателями педагогических вузов, управленцами, чиновниками среднего звена тех глубинных смыслов, которые несет технология педагогической и психологической поддержки в решении задач реформирования образования, углубления его гуманистического содержания и индивидуализации методов» [5, с. 100].

Мы можем смело сказать, что явление взросления не имеет в педагогике окончательного определения. Отечественные ученые (В. П. Бедерханова, В. И. Слободчиков) полагают, что это совершенно особый качественный период в развитии человека, с юридической точки зрения – «особый правовой статус человека», обусловленный «неполнотой его социальных функций» и ответственности перед обществом. С социальных позиций – это определенная временная мера. Общество отводит взрослеющему индивиду время для подготовки и реализации всей полноты гражданских прав и обязанностей, обеспечивая на этот период заботу об этой подготовке в той мере, в которой оно способно ее предоставить. Взросление в культурологическом смысле представляет собой особенное по своему содержанию и функциям пространство, своего рода

субкультуру, которая во многом «производна» от культуры мира взрослых, достаточно самостоятельна и не совсем открыта.

Список источников

1. Акенина А. В. Педагогическая XX взросления учащихся в отечественных и американских исследованиях второй половины XX века: дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2006. 206 с.
2. Газман О. С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. М.: Инноватор, 1995.
3. Бедерханова В. П. Педагогическая поддержка индивидуальности ребенка // Классный руководитель. 2000. № 3. С. 39–50.
4. Корнетов Г. Б. Гуманистическое образование: традиции и перспективы. М.: ИТ-ПиМИО РАО, 1993. 135 с.
5. Крылова Н. Б. Культурология образования. М., 2000. 272 с.
6. Михайлова Н. Н., Юсфин С. М. Педагогика поддержки: учеб.-метод. пособие. М.: МИРОС, 2002. 208 с.
7. Слободчиков В. И. Деятельность как антропологическая категория (о различении онтологического и гносеологического статуса деятельности) // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 48–57.
8. Степашко Л. А. Философия образования: онтологический аспект. Хабаровск: ХГПУ, 2002. 71 с.

УДК 378

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОРРЕКТНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ГИБДД В РАМКАХ ДЕЛОВОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

***Л. И. Анохина**, профессор кафедры иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат филологических наук, доцент*

Основополагающее междисциплинарное понятие «корректность» служит выработке у специалистов в области обеспечения безопасности дорожного движения как общекультурных, так и профессиональных компетенций. Языковая корректность государственного служащего в этой области заключается в умении прогнозировать возможные последствия своих речевых действий и включает в себя тактичность в обращении с людьми, вежливость и учтивость; точность, правильность и четкость при формулировании мысли на родном, русском и иностранном языках, а также при определении степени тяжести правонарушения.

Ключевые слова: языковая корректность; дискурс; сотрудник ГИБДД; моделирование профессионального делового общения.

THE NECESSITY OF FORMING LANGUAGE CORRECTNESS OF THE EMPLOYEES OF THE STATE ROAD SAFETY INSPECTION IN THE FRAMEWORK OF BUSINESS PROFESSIONAL COMMUNICATION

***L. I. Anokhina**, professor of the chair of Foreign and Russian Languages of Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor*

The fundamental interdisciplinary concept 'correctness' serves to develop both general cultural and professional competencies of the specialists in the field of road safety. The language correctness of a public servant in this area lies in the ability to predict the possible consequences of his speech actions and includes tact in dealing with people, politeness and courtesy; accuracy, correctness and clarity when formulating thoughts

in the native, Russian and foreign languages, as well as in determining of the misdemeanor degree.

Keywords: language correctness; discourse; the employee of road safety inspection; modeling of professional business communication

Личностно ориентированная модель познавательной деятельности нацелена на приобретение начинающим специалистом как общекультурных, так и профессиональных компетенций, одной из важнейших среди которых является общение, тесно связанное с основополагающим междисциплинарным понятием «корректность».

Неотъемлемый инструмент профессиональной деятельности инспектора дорожно-патрульной службы (ДПС) Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) – корректное профессиональное устное и письменное общение с участниками дорожного движения (ДД), включающее в себя обширный спектр жанровых разновидностей. По значению и по объёму использования основной сферой функционирования профессиональной речи является сфера официальных отношений. Следовательно, языковое профессиональное общение, другими словами – профессиональный дискурс, определяется как общение специалистов между собой или с теми, с кем они обязаны контактировать по долгу службы. Для специалиста в области обеспечения безопасности дорожного движения (ОБДД) таковыми, чаще всего, являются нарушители правил дорожного движения (ПДД) или группы лиц, с которыми проводится профилактическая работа. Такой тип делового профессионального общения мы признаём, вслед за Л. С. Бейлинсон, собственно институциональным дискурсом [1].

Деловое общение как профессиональную коммуникативную деятельность характеризуют такие качества, как стандартизованность и конвенциональность, обеспечивающие регулируемость, управляемость общения. Под конвенциональностью понимается система прагматических конвенций, регулирующих диалоговое взаимодействие коммуникантов на различных речевых уровнях (от речевого акта до сценария). Это взаимодействие проявляется на социально-психологическом уровне как отношения социальных групп (инспектор ДПС ГИБДД – участник ДД), а на межличностном – как взаимные контакты между отдельными представителями этих групп. Деловое профессиональное общение в области ОБДД предполагает, таким образом, как владение специалистом институциональным дискурсом при формальном или функционально-ролевом общении, так и неформальным персональным дискурсом при межличностном общении. Противопоставление этих видов дискурса до определённой степени является условным, поскольку абсолютно безличного общения практически не существует. Обучающиеся должны осознать, что каждому виду институциональ-

ного дискурса присуща своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами в связи с тем, что в основе делового профессионального общения лежат потребность и цель. Потребность инспектора ДПС ГИБДД в общении с участником ДД возникает, когда ему необходимо сообщить или получить от него ту или иную информацию для выполнения профессиональных задач. Цель – это то, что он ожидает получить в результате реализации профессиональной деятельности. В ней заложена потребность, к удовлетворению которой он стремится.

В связи со сказанным выше особое значение приобретает речевая ответственность государственного служащего в этой области, заключающаяся в умении прогнозировать возможные последствия своих речевых действий. Главное требование речевой этики – корректность, под которой понимается, с одной стороны, тактичность в обращении с людьми; вежливость, учтивость, а, с другой, – точность, правильность и чёткость при формулировании мысли на родном, русском и иностранном языках. Не менее значимой является и корректность определения степени тяжести правонарушения, а также приведения аргументов, доводов и доказательств таковой. Осмысление, освоение и обобщение этих и других подобных аспектов деятельности позволит реализовать единый подход в подготовке к самостоятельному несению службы специалистом в области ОБДД и сформировать у него профессиональную компетенцию, обеспечивающую успешность решения возникающих перед ним задач. Это свидетельствует о необходимости для преподавателей всех без исключения дисциплин образовательных организаций МВД России уделять особое внимание формированию и совершенствованию корректного профессионального общения при подготовке специалистов в учебно-воспитательном процессе. Конечно, особая роль отводится при этом преподавателям филологических дисциплин и, прежде всего, преподавателям русского языка, риторики и иностранного языка (ИЯ). Преподаватель должен целенаправленно объяснять курсантам и демонстрировать им, прежде всего, на собственном примере, что освоение навыков предельной точности, правильности и четкости формулировки вопросов участникам ДД и собственных ответов на их вопросы является ключом к успешному овладению инспектором ДПС ГИБДД корректной деловой профессиональной речью. Именно эта форма существования сознания (мыслей, чувств, переживаний) одного человека для другого служит средством эффективного общения между ними. Обучающиеся должны осознать, что в процессе их делового профессионального общения наряду с предметной информацией, отражающей сведения об обсуждаемых фактах, всегда наличествует и информация, демонстрирующая их отношение к сложившейся ситуации или к партнёру по общению. Следовательно, корректным будет только такое использование языка инспектором ДПС ГИБДД которое ведёт к взаимопониманию и достижению поставленных целей – пресечение административных правонарушений в условиях ДД или

профилактика дорожно-транспортных нарушений. Протекающему в условиях ДД и характеризующемуся спецификой профессиональной деятельности специалистов в области ОБДД процессу общения присущи определённые психологические и лингвистические особенности. Прежде всего, инспектор ДПС ГИБДД должен проявлять корректность, сохраняя баланс между негативной и позитивной вежливостью, являющимися наиболее распространёнными типами этикетного поведения [2]. Языковая корректность традиционно определяется как совокупность фонетических, грамматических, лексических и стилистических знаний. а в случае межкультурного общения и с корректностью перевода. Её формирование и совершенствование подразумевает развитие навыков оперирования таковыми в процессе использования в устной и письменной речи, основной единицей которой является высказывание. Основной задачей преподавателя ИЯ полицейской образовательной организации в этом случае становится научение обучающихся моделированию и воспроизведению на ИЯ ситуаций профессионального делового общения. При этом следует предварительно оговаривать и учитывать в ходе реализации диалогов такие структурные компоненты, как хронотоп ситуации общения (место, время), её видение участниками, соотношение их целей и интересов. Особое внимание следует обратить на правила взаимодействия инспектора ДПС с участниками ДД, личные позиции и проблемы взаимодействующих субъектов, их жизненный опыт, а также на коммуникативные действия участников общения и композиции их действий, направленных на конкретные цели. Мы полностью разделяем мнение Л. А. Ярославовой и Л. В. Филипповой о том, что в процессе формирования языковой корректности необходимо фокусировать внимание обучающихся на технике общения, формулах речевого и неречевого этикета, стратегии и тактике диалогического и группового общения, разрешении различных коммуникативных задач, способности выступать речевыми партнерами [3, с. 110].

Список источников

1. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 145–149.
2. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвотодического исследования: моногр. М.: Изд-во РУДН, 2004. 322 с.
3. Ярославова Л. А., Филиппова Л. В. Профессиональная подготовка студентов (на материале иностранного языка): моногр. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2004. 150 с.

УДК 372.882

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ю. В. Ахметшина, доцент кафедры методики и иностранных языков Тихоокеанского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент

В статье рассматриваются возможности использования современных цифровых разработок в обучении иностранному языку в вузе, позволяющие повысить мотивацию студентов к обучению, стимулировать развитие навыков самостоятельного изучения языка, снизить уровень тревожности. Анализируются проблемы и перспективы использования образовательных технологий, основанных на цифровых и мобильных приложениях.

Ключевые слова: цифровые технологии; компьютерные технологии; инновационное обучение; язык; коммуникация; информационные технологии.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Iu. V. Akhmetshina, associate professor of the Methods of Teaching and Foreign Languages Department of the Pacific State University, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor

The article examines the possibilities to use modern digital developments in foreign language teaching at a higher school. The mentioned technologies allow raising students' motivation for teaching, stimulating the development of the autonomous learning skills, use modern digital developments in foreign language teaching at a higher school. The mentioned technologies allow raising students' motivation for teaching, stimulating the development of the autonomous learning skills, reducing the anxiety level. The authors analyze the problems and prospects for the use of educational technologies based on the digital and mobile applications.

Keywords: digital technologies; computer technologies; innovative teaching; foreign language; communication; information technologies.

Интерактивный подход в обучении иностранных языков позволяет организовать процесс овладения навыками базового иноязычного общения и сделать его более эффективным в условиях высшего учебного заведения на основе разнообразных стимулирующих методов. Модернизация высшего образования в связи с действием федеральных образовательных стандартов предполагает дальнейшую разработку теоретико-методологических и технологических проблем проектирования и организации образовательного процесса в вузах на основе компетентностного подхода. Данный подход позволяет преодолеть недостатки сциентистски ориентированного образовательного процесса в высшем образовании и готовить специалистов не с узко функциональной ориентацией в будущей профессиональной деятельности, а профессионалов, способных самостоятельно вычленять и решать типовые и креативные профессиональные и жизненные задачи, готовых к профессиональному переобучению на протяжении всей жизни. Индивидуализация и активное педагогическое взаимодействие преподавателя и обучающихся возвращают познавательную деятельность участников рассматриваемого процесса. На сегодняшний день создаются многомерные оптимальные условия для творческого использования информации в практическом применении усвоенных языковых конструктов в речи. Стоит отметить, что для развития навыков межкультурного общения, безусловно, важно изучение мира носителей языка, направленное на то, чтобы помочь понять особенности употребления, дополнительные смысловые нагрузки, различного рода коннотации единиц языка и речи. Однако этот процесс занимает продолжительное время и невозможен в полном объеме, поэтому наряду с ним, необходимо развивать общие коммуникативные навыки, помогающие адаптироваться к любой культуре. Актуальность темы не вызывает сомнений: несмотря на то, что в научном сообществе по данной проблеме предпринимаются попытки определения понятия, особенностей развития социальных компетенций обучающихся на основе социально-медиа-ресурсов как отечественных, так и зарубежных исследований, продолжает вызывать острую необходимость в понимании сущности и практической реализации исследуемого феномена на занятиях. Особую актуальность проблема исследования представляет в современных условиях, когда в контексте происходящих дополнений в системе образования наращивается потенциал будущих выпускников в содействии становлению компетентного специалиста через использование социальных медиа ресурсов в процессе кооперативного обучения. Проводимое исследование направлено на расширение международных контактов, приобщение исследователей из разных предметных областей, объединенных задачей: обоснованное привлечение современных социально-медиа технологий в образовательный процесс. В представляемом анализе выстраивается индивидуальная траектория развития каждого обучающегося с учетом его возможностей и способностей, в связи с этим необходимо

оказать педагогическую поддержку во взаимодействии с инновационными технологиями, которые модернизирует процесс обучения на занятиях с одной стороны, а с другой стороны суметь найти ответы на актуальные вопросы: «как часто», «в какой взаимозависимости», «в какой «дозе» и на каких фазах обучения в предмете использование медиа ресурсов обучения» оправдывают активизацию кооперативного взаимодействия на занятиях, способствующих развитию социальных компетенций у обучающихся.

Активизация ролевой игры с внедрением цифровых технологий предоставляет участникам образовательного процесса использование перспективных форм для изучения ситуаций на уровне побуждения к интерактивным действиям для переживания состояния успеха и мотивации организации групп. Ведущим мотивом мы считаем определить тот факт, что «студенты ещё не всегда готовы предоставить возможность своим сокурсникам во время деловых ролевых игр самостоятельно решать конфликты, что объясняется нехваткой опыта или тем, что они не уверены в позиции одноклассника, в его способности проявить себя корректно в разрешении искусственной конфликтной ситуации» [1, с. 68].

Цифровая технологизация учебной среды обеспечивает внедрение студента в среду межкультурной коммуникации и активного вращивания языковых компетенций. Проявление активности и активизирование познавательной деятельности в процессе обучения иностранным языкам усиливает реальные возможности для преподавателя предоставить и разработать условия практического овладения языком на основе интерактивных методов обучения [2]. Реализация индивидуального подхода посредством внедрения актуальных педагогических технологий через сотрудничество в проектной методике и тесное соотношение с информационными технологиями позволит обеспечить индивидуализацию и дифференциацию обучения. Визуализация учебной информации возможна также на основе разработки обучающихся компьютерных программ с целью индивидуализации подхода к учению и обеспечиванию самоконтроля и самокоррекции учебно-познавательной деятельности обучающихся. Понятия «цифровые технологии», «мультимедиа», «цифровые образовательные ресурсы» через активное использование цифровых образовательных ресурсов определяют его практикосообразный характер и включают: раскрытие лексических возможностей, улучшение произношения, развитие диалогической и монологической речи, обучение письму, дрилл грамматических явлений. Активная позиция обучающегося в процессе усвоения знаний исключает пассивное восприятие информации в обучении иностранным языкам и идентифицирует развитие познавательной деятельности обучающихся в информационном потоке [3]. Считаем важным подчеркнуть, что визуализация учебного материала развивает потребность в усвоении языкового материала через использование мультимедийных программ, стимулирующих у обучающихся ряд аспектов восприятия для

поддерживания внимания и снижения утомляемости. Данные этапы сочетают образы зрительного восприятия текста и звукового ряда для многомерного развития речевой компетенцией на иностранном языке [4]. Этот процесс приобретает интерактивный характер благодаря диалогизированной двусторонней связи посредством компьютера через вопросно-ответный постановочный режим вопросы, получая на компьютере подготовленный преподавателем ответы и внедряя корректирующие наводящие указатели. Основопологающей формой организации процессе обучения выступает проектная технология с целью поиска решения задач комплексного уровня, представляющая собой многоаспектный подход к изучению языка, охватывая аудирование и говорение [5]. В процессе проектного обучения, прослеживается неразрывная связь между обучением и воспитанием, заключающаяся в использовании методов коммуникативного обучения иноязычной культуре, проектной методики, а также организации интерактивных занятий.

Кроме того, нами предлагается разработать и реализовать программу опытно-экспериментальной работы, результатом которой станет выявление комплекса педагогических условий, обеспечивающих успешное развитие социальных компетенций обучающихся посредством использования социально-медиа-ресурсов.

Список источников

1. Ахметшина Ю. В. Мотивационная направленность личности студента посредством разрешения конфликтных ситуаций в рамках курса «Деловой иностранный язык» // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1. С. 66–68.
2. Боброва С. П., Смирнова Е. Л. Основы теории коммуникации: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005.
3. Воробьева В. Л. Основы социально-бытовых знаний: учеб. пособие для учащихся групп коррекционно-развивающего обучения в системе начального профессионального образования. М.: Колледж сферы услуг, 2005.
4. Головлева Е. Л., Дивненко О. В., Журко В. И. Основы формирования межкультурной компетентности у молодежи. М.: Институт международных социально-гуманитарных связей, 2005.
5. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. М.: Гнозис, 2007.

УДК 372.8:81–13

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Г. П. Белинская, завкафедрой лингвистики и международного права Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат филологических наук, доцент;

Е. А. Стрелкова, старший преподаватель кафедры лингвистики и международного права Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматривается круг проблем педагогики, связанных с отбором содержания обучения в рамках лингводидактики как составной части педагогики. Авторы придерживаются определения лингводидактики, предложенного Н. А. Шанским, который считает, что лингводидактика – это наука, изучающая и оформляющая общие закономерности способов усвоения иноязычных знаний, навыков и умений. В статье анализируется отбор содержания обучения с точки зрения многоуровневого подхода как непрерывного процесса обучения с целью формирования языковой личности, под которой понимается индивидуум (обучающийся), владеющий тремя уровнями: вербально-семантическим, лингво-когнитивным, мотивационно-прагматическим – применительно к языку.

Ключевые слова: лингводидактика; языковая личность; содержание обучения; профессионально ориентированный компонент; многоуровневое образование; аутентичный текст.

TACHING A FOREIGN LANGUAGE AT NON-LINGUISTIC INSTITUTIONS

G. P. Belinskaya, the head of the Chair of Linguistics and International Law of the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor;

E. A. Strelkova, senior lecturer of the Chair of Linguistics and International Law of the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation

The article is concerned with the problem of teaching content selection as a constituent part of pedagogics. The authors of the article stick to the definition of lingvodidactics, introduced by N. A. Shansky who considers lingvodidactics to be the science studying the general ways in acquiring practical knowledge and skills of a foreign language. The article is considering the experience stored by the teaching staff of the Far-Eastern institute of management. In preparing teaching materials, the authors stick to the opinion, that the teaching content of a foreign language at a non-linguistic institution should include professionally-oriented component. So while selecting materials one should take into consideration not only linguistic but also professional competence.

Keywords: lingvodidactics; linguistic personality; content of teaching; professionally-oriented component; multilevel education; authentic text.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с основной проблемой педагогики – чему учить и как учить в аспекте лингводидактики как составной части педагогики.

В статье авторы придерживаются определения лингводидактики, предложенного Н. А. Шанским, который считает, что лингводидактика – это наука, изучающая и формирующая общие закономерности способов усвоения иноязычных знаний, навыков и умений [6, с. 5]. К этому определению можно добавить существенный тезис – с целью формирования языковой личности. Под термином «языковая личность» понимается индивидуум, владеющий тремя уровнями – вербально-семантическим, лингво-когнитивным, мотивационно-прагматическим применительно к языку [1].

На первый план лингводидактики выносятся вопросы, связанные с отбором содержания обучения. Нас интересует вопрос содержания обучения в неязыковом вузе в связи с ограниченным количеством часов, которые отводятся на изучение дисциплины «Иностранный язык». На данный момент среди ученых нет единой точки зрения на ряд вопросов отбора содержания обучения, его составляющих, а также последовательности этого отбора. Иностранный язык в неязыковых вузах предполагает включение в содержание обучения профессионально ориентированного компонента, что заставляет преподавателей, работающих над составлением рабочих программ по тому или иному направлению (экономика,

юриспруденция, социология и др.), подходить к отбору содержания с учетом не только языковых, но и профессиональных компетенций.

Проблеме отбора содержания обучения иностранному языку, включая профессионально ориентированное обучение, посвящено большое количество работ таких исследователей, как Л. Е. Алексеева, И. Л. Бим, Р. К. Миньяр-Белоручев, В. А. Скалкин и др. В статье авторы опираются на точку зрения Л. А. Лапидуса, который отмечает, что содержание обучения – это «совокупность того, что студенты должны усвоить для достижения такого качества и такого уровня владения языком, которые соответствуют задачам конкретного учебного заведения», в пределах количества часов, отводимых на данную дисциплину [4, с. 10].

Основываясь на данной точке зрения, коллектив кафедры лингвистики и международного права Дальневосточного филиала РАНХиГС накопил достаточный практический опыт преподавания иностранных языков, что позволяет, опираясь на данный опыт, делать учебный процесс более эффективным. Отбор содержания происходит с учетом непрерывного многоуровневого профессионального образования и ориентирован на насыщенное содержание учебного процесса. Одним из принципов непрерывного многоуровневого образования является профессиональная направленность, что вызывает необходимость интеграции со специальными кафедрами с целью отбора профессионально ориентированного материала.

Учитывая систему многоуровневого образования, которое включает бакалавриат, магистратуру, аспирантуру, коллектив авторов кафедры лингвистики и международного права были разработаны три вида пособий, которые удовлетворяют потребности каждого уровня образования и содержат в себе информацию по степени нарастания сложности. Для примера рассмотрим учебные пособия для направления «Экономика» факультета «Экономика и право».

Первый уровень пособий «English for economists», подготовленный для обучающихся 1–2 курсов, ориентирован не только на развитие навыков устной речи у слушателей, но и на развитие профессиональных знаний через иностранный язык.

Пособие включает блок тем, начиная с общих («Моя семья», «Хабаровский край», «Экологические проблемы») и заканчивая специализированными («Future profession», «Foreign trade» и др.) После работы с базовым текстом – чтение, перевод, обучающемуся необходимо выполнить ряд лексико-грамматических упражнений, которые содержат необходимую лексику и развивают навыки устной речи.

Второй уровень пособий – «Developing Economic knowledge through English» – предназначен для обучающихся по магистерской программе. Основная цель пособия – сформировать у обучающегося навыки чтения профессионально ориентированных текстов, которые позволяют не только совершенствовать

языковую компетенцию, но и предоставляют сведения, которые расширяют их профессиональные знания.

Структурно пособие включают в себя три раздела. Основной раздел содержит аутентичные тексты для поискового чтения. Работа с такими текстами предполагает наличие определенных знаний предметной области. Во втором разделе обучающимся предлагаются тексты профессионально ориентированного характера для устного или письменного перевода, а также тексты для реферирования. Третий раздел включает аутентичные публицистические тексты для аналитического чтения. Результатом аналитического чтения является краткое изложение основного содержания прочитанного (brief summary).

Третий уровень пособий – «Discussing Economic Issues» – разработан для аспирантов. Цель данного пособия – формирование умений и навыков свободного чтения оригинальной литературы на иностранном языке в области экономики, формирование навыков оформления извлеченной из иноязычных источников информации в виде резюме.

Необходимость публикации пособия обусловлена отсутствием специальных учебно-методических материалов для аспирантов по дисциплине «Иностранный язык».

Пособие состоит из 10 блоков различной экономической направленности, таких как: «The Basic Task of Economy», «Economic Theory and Models», «Focus on Safety and Income», «Monopoly» и другие. Каждый из блоков включает серию упражнений, направленных на формирование навыков подготовки сообщений, докладов и презентаций на иностранном языке, связанных с предметной сферой аспиранта. Также были разработаны два вида аналогичных пособий для направления «Юриспруденция», которые на данный момент включают два уровня. Первый уровень – пособие, предназначенное для студентов 1–2 курсов – «English for Lawyers».

Второй уровень для магистров – пособие «Developing Legal Knowledge through English», состоящее из 10 блоков, каждый из которых содержит текст юридической направленности и задания к нему. Выполнение заданий предполагает освоение юридической лексики, детальную работу студентов с текстом и развитие умений аналитического чтения.

Помимо этого, для обучающихся, которые стремятся к углубленному изучению английского языка, были разработаны пособия «Discussing Sociopolitical Problems» и «English Identity».

Следует отметить, что у обучающихся, зачисляемых на первый курс обучения, очень часто бывает разный уровень подготовки по английскому языку. Поэтому, на первом занятии проводится тестирование, охватывающее программу средней школы, которое позволяет сформировать группу студентов по уровню знаний. Тестирование проводится на материале учебного пособия

«Basic English» и включает базовый курс грамматики английского языка, в соответствии с программой средней школы.

Результаты тестов сохраняются на протяжении двух лет, и по завершении курса обучения обучающимся предлагается выполнить этот же тест повторно. Затем им выдаются старые тесты двухгодичной давности, что позволяет сделать сравнительный анализ знаний на «входе» и на «выходе». Обучающиеся могут проследить уровень своих знаний и увидеть прогресс или регресс.

Таким образом, при подготовке специалистов в неязыковых вузах в системе многоуровневого образования необходимо учитывать, что каждое занятие по иностранному языку предполагает не только закрепление лингвистического знания, но и расширения профессиональной области знания, прежде всего через получение информации из аутентичных текстов. Поэтому крайне важно уделять внимание отбору содержания обучения, которое бы способствовало усвоению не только лингвистических, но и экстралингвистических знаний.

Список источников

1. Белинская, Г.П., Гапонова Г.Я., Стрелкова Е. А. Формирование языковой личности в аспекте межкультурной коммуникации // Экономика, управление, общество: история и современность: материалы XVI всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск: Дальневост. ин-т упр. – филиал РАНХиГС, 2018.
2. Бим И. А. Личностно ориентированный подход – основная стратегия общественной школы // Иностранные языки в школе. М., 2002. № 2. С. 11–15.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
4. Липидус, Б. А. Проблемы содержания обучения языку в языковом вузе. М.: Высшая школа, 1986.
5. Основы методики обучения иностранным языкам: учеб. пособие / , Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. Ф. Коряковцева, Н. В. Акимова. М.: КноРус, 2018.
6. Шанский, Н. М. Русское языкознание и лингводидактика. М., 1985.

УДК 377.4

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И МАСТЕРОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ

***З.А. Богомаз**, проректор по учебно-методической работе Хабаровского краевого института развития образования*

В статье представлены аспекты проявления событийности в образовании, подходы по организации образовательного процесса профессиональной переподготовки педагогов учреждений среднего профессионального образования с учетом профессионального стандарта и событийного подхода. Рассматриваются организационно-педагогические условия, влияющие на формирование профессионально-педагогической позиции преподавателей и мастеров производственного обучения. В качестве одного из них выступает организация процесса профессиональной переподготовки как совокупности образовательных событий.

Ключевые слова: профессиональный стандарт; профессионально-педагогическая позиция; профессиональная переподготовка; образовательное событие; организационно-педагогические условия; образовательный процесс.

EDUCATIONAL EVENTUALITY AS A CONDITION OF FORMING A PROFESSIONAL PEDAGOGICAL POSITION OF TEACHERS AND MASTERS OF PRODUCTION TRAINING

***Z. A. Bogomaz**, Vice-rector for educational and methodological work of the Khabarovsk Regional Institute of Education Development*

The article presents the aspects of the manifestation of events in education, the approaches to organizing the educational process of professional retraining of teachers of secondary vocational education institutions taking into account the professional standard and the event approach.

Organizational and pedagogical conditions that influence the formation of the professional and pedagogical position of teachers and masters of production training are considered in the article. As one of them, we consider the organization of the process of professional retraining as a set of educational events.

Keywords: professional standard; professional pedagogical position; professional retraining; educational event; organizational and pedagogical conditions; educational process.

Необходимым условием развития инновационной экономики является модернизация системы среднего профессионального образования (далее – СПО), становящейся фактором развития общества. Происходящие изменения в социальной, экономической сферах страны привели к трансформации представлений о целях, функциях системы СПО в России. Возникла потребность в педагогах, способных эффективно организовать образовательный процесс, умеющих быстро ориентироваться в быстро меняющемся информационном пространстве, постоянно самосовершенствоваться, готовить выпускников, соответствующих мировым стандартам.

Перечень необходимых педагогу СПО знаний и умений, компетенций, которые обеспечивают эффективность его педагогической деятельности, представлен в профессиональном стандарте «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», утвержденном 8 сентября 2015 г. приказом Минтруда России № 608н [1] (далее – профессиональный стандарт педагога). Мы считаем, что эти знания, умения, компетенции обеспечивают эффективность педагогической деятельности и они «встроены» в профессиональный профиль преподавателей профессиональных дисциплин (далее – преподаватели) и мастеров производственного обучения, смысловым ядром которого выступает профессионально-педагогическая позиция.

Профессионально-педагогическая позиция преподавателя и мастера производственного обучения – интегральная характеристика личности, выражающаяся в осознании личностью значимости своей педагогической профессии, в ценностном отношении к себе как педагогу, к личности обучающегося, к окружающему миру и проявляющаяся в профессиональной мотивации, профессиональной деятельности, профессиональных отношениях, профессиональном мышлении, рефлексии. Позиция рассматривается в единстве внутренней работы над обретением собственного смысла и реализацией этого смысла в непосредственной деятельности и всей системе профессиональных отношений. Структура профессионально-педагогической позиции представляет совокупность компонентов:

мотивационно-смысловой, содержательный, организационно-деятельностный и рефлексивно-аналитический.

Как показал анализ литературы, документов и практического опыта, представленного в периодических изданиях, согласно профессиональному стандарту педагога для выполнения трудовых функций педагогический работник СПО должен обладать достаточно разнообразными знаниями и умениями.

Согласно статистике, половина мастеров производственного обучения и преподавателей обладают явно недостаточными знаниями по методике обучения, по общей, педагогической, возрастной, психологии, применяемые ими способы педагогического взаимодействия не в полной мере эффективны, и все это отражается на качестве подготовки обучающихся.

Из профессионального стандарта педагога выбрано описание общетрудовой функции (ОТФ) по должностям «преподаватель» и «мастер производственного обучения». Результатом анализа каждой ОТФ является карта ОТФ, которая включает направления: области компетентности, требуемые знания, требуемые умения, требуемые действия. Следующим этапом стало выявление соответствия содержания компонентов и критериев профессионально-педагогической позиции с требуемыми знаниями, умениями, действиями, включенными в карту ОТФ. Например, в профессиональном стандарте педагога по должности «мастер производственного обучения» область компетентности «методика преподавания дисциплин» выражена через требуемые знания «требования к программно-методическому обеспечению практического обучения»; требуемые умения «взаимодействовать с преподавателем профессионального модуля или преподавателями смежных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) при разработке программно-методического обеспечения учебно-производственного процесса, обсуждать разрабатываемые документы»; трудовые действия «разработка и обновление рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) СПО, профессионального обучения и (или) ДПП», которые проявляются через критерий «взаимодействие с коллегами при разработке рабочей программы», соответствующий содержательному компоненту профессионально-педагогической позиции.

Таким образом, ориентируясь на требования профессионального стандарта педагога, мы конструируем дополнительную профессиональную программу профессиональной переподготовки. Осуществленная методологическая подготовка позволит повысить не только качество разработки образовательной программы на основе требований профессионального стандарта, но и будет способствовать формированию профессионально-педагогической позиции преподавателей и мастеров производственного обучения.

Мы считаем, что вхождение преподавателя и мастера производственного обучения, не имеющего специального педагогического образования, в профес-

сиональное педагогическое сообщество через обретение им профессионально-педагогической позиции происходит более продуктивно, если принятие ценностей и освоение норм педагогической деятельности происходит внутри этого сообщества. В условиях вхождения в педагогическую деятельность мы определяем профессионально-педагогическую позицию как его личностное и профессиональное самоопределение на основе понимания ее компонентов: смысла и назначения профессии педагога; сущности взаимодействия со студентами; норм педагогической деятельности. Профессионально-педагогическая позиция является результатом осознания:

- «Кем я являюсь для своих студентов?»
- «С какой целью чего я иду к ним?»
- «Кем являются студенты для меня?».

В качестве организационно-педагогического условия, влияющего на изменение подготовки мастеров производственного обучения и преподавателей к педагогической деятельности, и формирование профессионально-педагогической позиции мы рассматриваем образовательную событийность. Организацию процесса профессиональной переподготовки преподавателей и мастеров производственного обучения представляем как совокупность образовательных событий («сессий-встреч»).

Современные исследователи, исследуя природу события, выделяют его признаки:

- А.А. Грякалов – актуальную организацию субъективности, выстраивание смысла [3];
- А.П. Киященко, П.Д. Тищенко – смысл, значение [5];
- Т.В. Щитцова – событие, смысл как событие, прибыльность и прирост в бытии, становление, участно-действенное переживание, диалогичность [6].
- В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев – событие, ценности и смыслы, субъективность, развитие, полноту связей и отношений [4];
- Б.Д. Эльконин – становление субъекта, переход, переживание, событие как действие [7].

Обратимся к более детальному рассмотрению понятия «образовательное событие». Образовательное событие – это такая форма организации образовательной деятельности, которая выстроена как интенсивная встреча реальной и идеальной форм. Событие – это обучение в действии. В событийном подходе единицей проектирования выступает образовательное событие. Образовательное событие – специальная форма организации и реализации образовательной деятельности, выстроенная как встреча реальной и идеальной форм порождения и оформления знания.

Исходя из этого, носителем «события» может стать:

а) совместная творческая деятельность, превратившаяся в событие, то есть в совместное проживание действительности;

б) образовательный проект или программа, которые помогут неожиданно найти ответ на важный для личностного профессионального роста вопрос при выражении собственного отношения к миру через продукт творческой деятельности;

в) «встреча» со значимым человеком, которая может оставить заметный след в профессиональной жизни.

Все названные признаки и уровни событий могут иметь место и при организации процесса профессиональной переподготовки с целью формирования профессионально-педагогической позиции. Вслед за Н. В. Волковой мы используем понятие «образовательное событие» для того, чтобы выделить потенциал образовательного события и использовать его при формировании профессионально-педагогической позиции [2].

Образовательное событие – это организованное участие в совместной деятельности, открывающее (обучающегося, «себя», совместную деятельность, «себя» в педагогической профессии), порождающее действия по созиданию (личного отношения к профессиональной педагогической деятельности; сильных переживаний), как участие в создании «нового».

При этом «открытие» – это то, что человек открывает для себя; «порождение» – это то, что появляется в результате личного действия; участие в создании «нового» – при этом человек становится причиной новых связей и отношений; становления педагогического опыта.

Образовательное событие «открывает» педагогическую профессию; «открытие» мастером производственного обучения и преподавателей в профессии происходит событийно. На образовательном событии происходит открытие «себя» в профессии, педагоги профессию открывают совершенно по-новому. Через образовательные события возникает выделение самой предметности педагогической деятельности.

Группировка данных признаков позволила говорить о трех группах характеристик образовательной событийности, таких как открытие, порождение (появление), создание нового опыта. Все названные признаки событий могут иметь место при организации процесса формирования профессионально-педагогической позиции в процессе профессиональной переподготовки.

Качественные изменения в отношении преподавателей и мастеров производственного обучения к способам реализации ценностей педагогической деятельности происходят через проживание нового опыта взаимодействия с участниками программы профессиональной переподготовки в период образовательных событий (сессий-встреч): «встреча с собой», «встреча с обуча-

ющимися», «встреча с собой другим в профессии». Анализ эссе, написанных мастерами производственного обучения и преподавателями в процессе обучения на программе профессиональной переподготовки, показывает, что происходит открытие «себя» как педагога, порождение новых связей, отношений к студенту, то есть именно таких педагогических связей, где они участвуют, куда они вовлечены. Процесс обучения с учетом событийного подхода осуществлялся в режиме мини-лекций, тренингов, работы в малых группах, создания презентаций, круглых столов и других форм.

Взаимодействие педагогов в процессе профессиональной переподготовки, построенного в формате совокупности образовательных событий («сессий-встреч»), проходит в области смыслов и ценностей. Ценности личности, как и отношения, являются основой профессионально-педагогической позиции. Обретение ценности есть обретение педагогом самого себя в профессии. Смыслы способствуют созданию образа профессии и оценке педагогической деятельности с ее нравственной, смысловой стороны.

Список источников

1. Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования: проф. стандарт: утв. приказом Минтруда и соцзащиты от 08.09.2015 № 608н // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования: [сайт]. URL: <http://fgosvo.ru/01.004.pdf> (дата обращения: 03.11.2019).
2. Волкова Н. В. Образовательная событийность инновационного опыта гуманитарной школы // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 113. С. 17–25.
3. Грякалов А. А. Письмо и событие. Эстетическая топография современности. СПб.: Наука, 2004.
4. Слободников В. И., Исаев, Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: учеб. пособие для вузов. М.: Школьная пресса, 2000.
5. Событие и смысл (синергетический опыт языка) / под ред. А. П. Киященко, П. Д. Тищенко. М.: ИФ РАН, 1999.
6. Щитцова Т. В. События в философии Бахтина. Минск: И. П. Логвинов, 2002.
7. Эльконин, Б. Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского). М.: Тривола, 1994.

УДК 316.77:323

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИАТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ СЕТЕВЫХ ВЕРСИЙ ИЗДАНИЙ THE TELEGRAPH И THE INDEPENDENT)

***В. Ю. Варзапова**, старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета*

В статье рассматриваются лексические способы раскрытия информативного потенциала заголовка медиатекста, главной задачей которого является информирование читателя о событиях или явлениях действительности. Лексическое наполнение заголовков исследуется через призму таких категорий лексико-фразеологического анализа, как коннотативность/неконнотативность и клишированность, которые прежде всего способствуют раскрытию информационного содержания заголовка, а не реализации его воздействующей функции.

Ключевые слова: заголовок; информативная функция; категория коннотативности/неконнотативности; денотативное значение; категория клишированности.

LEXICAL MEANS OF REALISATION INFORMATIVE FUNCTION IN MEDIA TEXT HEADLINES (BASING ON THE MATERIAL OF ONLINE EDITIONS' TITLES OF THE TELEGRAPH И THE INDEPENDENT)

***V. Yu. Varzapova**, senior lecturer of the Chair of Foreign Philology and Intercultural Communication of the Pedagogical Institute of the Pacific National University*

The article deals with the lexical means of revealing informative potential of media text headline, the high priority of which is to inform the reader about the events or phenomena of reality. Lexical content of the headlines is analyzed through such categories of lexical and phraseological analysis as connotation / nonconnotation

and cliché which first of all help to convey the information content of the headline and not to implement its affective function.

Keywords: headline; informative function; category of connotation / nonconnotation; denotative meaning; category of cliché.

Рассмотрение функционального аспекта заголовка медиатекста позволяет сказать, что исследователи неединодушны в выделении функций, которые он выполняет. Однако, разделяя мнения А. Н. Агаповой [1], А. Э. Долгиревой [3] и В. Г. Костомарова [4], все они, на наш взгляд, расположены в рамках двух основных функций: функции, направленной на раскрытие информативного потенциала заголовка (информативная функция), и функции, направленной на реализацию его воздействующего потенциала (прагматическая функция). Информативная функция служит для передачи интеллектуально-информативного содержания, а прагматическая оказывает воздействие на эмоционально-волевую сферу психики и поведения адресата-получателя информации.

Цель данной статьи – рассмотреть некоторые лексические особенности заголовков сетевых версий изданий The Telegraph и The Independent, способствующие реализации информативной функции заголовка. Для этого мы прибегли к использованию методики лексико-фразеологического анализа [2], предполагающего рассмотрение словосочетаний, входящих в состав заголовка через призму категорий, направленных на раскрытие семантики заголовка: категории коннотативности/неконнотативности и категории клишированности.

Прежде всего, информативный потенциал заголовка раскрывается через использование лексем, актуализирующих свои денотативные значения, то есть лексических единиц, не маркированных с точки зрения коннотативности. Под коннотативностью понимается наличие дополнительного значения, придающего основному (денотативному) значению эмоционально-оценочную окраску.

В тексте заголовков такие лексические единицы могут представлять тему сообщения: London bus strike: *Which companies and routes will be affected?* (Ind. 12/01/2015); Savings trick: *act now to get 20pc boost on savings interest* (Tel.13/05/2015); Alzheimer's disease: *'My mum's alive but she may as well be dead* (Tel. 17/02/2015) и т. д.

Лексические сочетания, актуализирующие свои денотативные значения, могут также сигнализировать о соотносённости заголовка с основными медиатопиками, присущими британской качественной прессе: Brexit: *EU says real negotiations will begin after UK general election* (Ind. 19/04/2017); General Election: *Farage claims 'hammer blow' to Tories* (Tel. 06/04/2015); UK weather: *Snow, ice and 70mph gale force winds expected across Britain this week* (Ind. 12/01/2015) и др.

Единицами, реализующими в тексте заголовка денотативные значения, могут являться также слова или словосочетания, маркированные в плане социолингвистической обусловленности. Такими лексическими единицами могут

быть имена известных людей, названия политических партий, исторических мест, явлений, событий и т. п. Понимание основной части таких лексических единиц не вызывает особых затруднений у читателей. Данные слова и словосочетания находятся на слуху, благодаря их частому употреблению в текстах и заголовках средств массовой информации (*MPs, Liberal Democrats, Manchester United, Tories, Ukip* и др.)

Тогда как понимание некоторой части культуроспецифичных лексических единиц требует от читателя наличия соответствующего фонового знания. Такими лексическими единицами в тексте заголовка могут реалии свойственные британской культуре, например: *Why is Gallipoli so important?* (Tel. 23/03/2015). Включение в текст заголовка лексемы *Gallipoli* предполагает наличие у читателей знаний о Галлипольском сражении – масштабной военной операции, длившейся с 19 февраля 1915 по 9 января 1916 г. и развернутой по инициативе Уинстона Черчилля с целью захвата Константинополя, во время которой Британская империя потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 119,7 тыс. человек.

Prince Charles 'black spider' letters: Memos put an end to ludicrous idea that Britain's monarchy is politically neutral (Ind. 13/05/2015). Этот заголовок содержит культуроспецифичное словосочетание *'black spider' letters* («записки черного паука»). Для понимания смысла заголовка читателю необходимо знать, что под «записками черного паука» подразумеваются скандальные письма принца Чарльза, адресованные британскому правительству, получившие такое название из-за практически нечитаемого почерка члена британской королевской семьи.

В текстах заголовков анализируемых британских сетевых изданий могут встречаться культуроспецифичные лексические единицы, относящиеся к реалиям других стран, для понимания которых также необходимы соответствующие фоновые знания. В качестве примеров приведём несколько заголовков, содержащих культуроспецифичные лексемы, не принадлежащие британской культуре: *An artist created Donald Trump piñatas for Mexicans to beat up on* (Ind. 22/06/2015). Данный заголовок содержит испанское слово *piñatas* («пиньята» – полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой обёрточной бумаги с орнаментом и украшениями). Обычная для мексиканцев игра подразумевает подвешивание пиньяты с целью ударить по ней с завязанными глазами и разбить её для того, чтобы достать конфетное содержимое.

Еще один пример заголовков подобного рода: *Saudi Arabia 'fatwa' over building of snowmen* (Tel. 12/01/2015). Лексема *fatwa* (фетва (фатва) – в исламе решение по какому-либо вопросу, выносимое муфтием, основанное на принципах ислама и на прецедентах мусульманской юридической практики) маркирована в плане категории социолингвистической обусловленности и относится к слою культуроспецифичной лексики, описывающей особенности стран, исповедующих ислам. Семантика подобных культуроспецифичных единиц, актуализирующих

в тексте заголовка денотативный компонент лексического значения, объясняется в страноведческих словарях, представляя собой основы базового знания о жизни того или иного народа.

Использование лексических единиц, маркированных в плане категории клишированности, также способствует реализации информативного потенциала заголовка. Под клишированностью понимается воспроизводимость лексических единиц, имеющих в языковом опыте коммуникантов в готовом виде. При отнесении слова или словосочетания к данной категории основными параметрами служат: статистическая частота употребления словосочетания в заголовке и «неидиоматическая глобальность», под которой понимается направленность словосочетания в целом на объект, что обуславливает его способность выступать в номинативной функции. Так, следующий заголовок полностью построен на использовании словосочетаний, маркированных в плане категории клишированности:

David Blanchflower: Deep cuts, downside risks, questionable forecasts – haven't we been here before? (Ind. 23/02/2015).

Тематическая открытость заголовков обуславливает использование в них большого числа клишированных лексических единиц, которые служат в качестве средств номинации многообразных явлений действительности, а также различных проявлений физической и духовной деятельности человека:

The loss of Scottish salmon is cultural catastrophe (Ind. 06/04/2015);

Pensions minister Steve Webb reassures on the on the first day of pension reforms (Ind. 06/04/2015);

Chinese taxi drivers drink pesticide and lie in the street to protest government contracts (Ind. 06/04/2015);

Priti Patel refuses to say whether she wants to bring back death penalty (Tel. 13/05/2015) и т. д.

Кроме собственно клише и клишированных словосочетаний, в лексический состав заголовков входит значительное число устойчивых коллокаций – синтагматических соединений, обладающих высокой степенью клишированности, которые не обладают явной соотнесённостью с какой-либо определенной темой. Чаще всего это устойчивые глагольные словосочетания, которые получают широкую распространённость в текстах заголовков, так как они играют роль своего рода канвы или основы, способствующей раскрытию информативного потенциала заголовка:

Drones in the US: FFA proposes regulations for drone flights (Ind. 12/01/2015);

Angela Merkel calls for European unity in face of growing challenges (Ind. 29/05/2017);

Isis claims responsibility for Karachi bus attack that killed 43 passengers (Ind. 13/05/2015);

Majority of Britons don't think David Cameron will get good deal for EU negotiations (Ind. 13/05/2015);

French students concerned they're not coping with English exam questions (Ind. 22/06/2015);

Ferrari call on Formula One fans to give views on new F1 concept car (Tel. 17/02/2015);

Apple changes policy on paying artists after criticism from Taylor Swift (Tel. 22/06/2015) и т. д.

В текстах заголовков встречаются словосочетания, маркированные в плане категории идиоматичности, основным параметром которой служит невыводимость значения целого из значения его частей:

Al-Qaeda gains ground in Yemen as country descends into civil war (Ind. 12/01/2015);

Sport England launch 'This Girl Can' campaign to knock down the barriers that is preventing women in participating in regular sport (Ind. 12/01/2015);

Copenhagen shootings: Scandinavia at crossroads after latest terror attack (Ind. 12/01/2015);

Homophobia alive and well in the US as pizzeria raises \$800000 (Ind. 06/04/2015) и т. д.

Характерной особенностью приведенных лексических сочетаний является то, что они утратили свою первоначальную коннотативность в связи с их частым использованием в СМИ и превратились в стертые метафоры или штампы журналистского стиля, которые в большей мере способствуют раскрытию информативного, нежели воздействующего потенциала заголовка.

Список источников

1. Агапова А. Н. Заголовок в современной русской прессе: эпистемический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 185 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
3. Долгирева А. Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2002. 298 с.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений за речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.

УДК 378:37.016

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

***Е. А. Васкина**, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи
Восточно-сибирского института МВД России, кандидат педагогиче-
ских наук, доцент*

В статье анализируется необходимость создания современных средств обучения, соответствующих современным воспитания и способных формировать нравственные ценности у обучающихся в образовательных организациях высшего профессионального образования, выполняя тем самым основную задачу – формирование целостной личности. Рассматриваются современные учебные пособия с точки зрения соответствия средств обучения целям воспитания, определены основные тенденции и подходы, которые необходимо учитывать при составлении учебных пособий нового поколения.

Ключевые слова: средства обучения; нравственные ценности; система ценностей; учебное пособие по иностранному языку; социокультурный и интеркультурный подходы.

MODERN MEANS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AND THEIR ROLE IN THE MORAL VALUES FORMATION PROCESS

***E. A. Vaskina**, associate professor of the Department of Foreign Languages and Speech Culture of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

The article deals with the analysis the need to create modern teaching aids that meet modern educational goals and are able to form moral values of students in educational institutions of higher professional education, thereby fulfilling the main task – the formation of a holistic personality. Modern textbooks are examined from the point of view of the correspondence of teaching aids to educational goals. The author determines the main trends and approaches that must be taken into account when compiling new generation textbooks.

Keywords: teaching aids; moral values; value system; a foreign language textbook; sociocultural and intercultural approaches.

Известно, что успех функционирования любой учебно-воспитательной системы зависит от нескольких факторов: правильно поставленных целей обучения и воспитания, средств, методов, условий, контингента. Не только наличие данных условий, но их взаимосоответствие, принятие равносильной значимости всех составляющих и комплексное функционирование обеспечат выполнение поставленных целей. Согласно программным документам, дополняя друг друга, обучение и воспитание должны служить единой цели: целостному развитию личности. Построение процесса обучения в организациях высшего профессионального образования, имея перед собой конкретные цели, не всегда учитывает значимость других компонентов системы и обеспечивает их эффективную работу. Средства и методы обучения иногда не соответствуют поставленным целям и, следовательно, такая воспитательная система даёт сбой, не приводя, в конечном итоге, к выполнению поставленной цели. Мы считаем, что помимо образовательных целей учебные пособия нового поколения должны преследовать и воспитательные цели.

Во-первых, необходима опора на нравственные ценности, традиции, культуру родного народа, создаваемые веками. Данные положения не исключают возможности и необходимости изучения культуры другого народа, кросскультурную коммуникацию. Но чрезмерное увлечение ценностями другой культуры ведёт к перекоосу не в пользу русского народа [3].

Во-вторых, нельзя не учитывать ценностей современной эпохи развития общества. Система ценностей имеет свои отличительные особенности для каждой эпохи, каждого поколения. Ценности, считавшиеся в одну эпоху отрицательными, могут быть признаны приемлемыми в другую. Определить набор современных ценностей и способствовать их воспитанию – вот одна из целей при подготовке любого средства обучения.

В-третьих, при подготовке пособий нового поколения, способствующих формированию духовно-нравственных качеств и отвечающих современным требованиям, будут проследиваться не только отмеченные выше тенденции: опора на нравственные ценности родного народа и учёт ценностей современной эпохи, но и прагматизация обучения, предполагающая учёт нескольких факторов (международного общения, кросскультурной коммуникации, интегративного подхода, установление государственной системы уровней владения иностранным языком для русскоговорящих граждан, межпредметные связи, наличие фоновых знаний), систематичность обучения, учёт индивидуальных психологических особенностей обучающихся, компьютеризация обучения.

Средства обучения, являясь отражением ценностей народа, должны проводить государственную воспитательную политику того общества, в котором производится обучение и воспитание, выполнять их цели. Например, проводя анализ учебных пособий предшествующего периода развития нашего общества мы можем отметить ряд отрицательных моментов, прежде всего это политизированность, отрицательный эмоциональный фон. Полагаем, что эти тенденции в подготовке средств обучения в будущем помогут избежать ошибок прошлого.

Учебное пособие по иностранному языку, являясь педагогическим средством, которое предъядается обучающимся, должно снабжать их информацией способной не только дать системные знания о языке, способствовать обучению языковых навыков, но и развивать их внутренний мир на основе наглядно-действенной или знаково-символьной форме. Главное педагогическое средство в учебном процессе образовательной организации высшего профессионального образования, является основой, на которой строится совместная учебно-воспитательная деятельность, где оно (средство) выступает объектом, включённым в эту деятельность. Система средств разрабатывается преподавателем соответственно цели воспитания.

Социокультурный и интеркультурный подходы являются ведущими в целостном процессе воспитания и обучения иностранным языкам как способные в сопоставительном порядке определить основные ценности родной страны и его народа и сравнить их с ценностями стран изучаемого языка [1]. Интеркультурный подход является наиболее приемлемым, т. к. фокусирует внимание на ценностях родной страны, сопоставляя их с ценностями инокультурными, предполагая при этом их адекватное восприятие и освоение лишь некоторых из них во избежание укрепления отрицательной тенденции превращения обучаемых во вторичную языковую или инокультурную личность. Нам импонирует также предполагаемое данным подходом развитие индивидуальности в интеркультурном сотрудничестве и учет создания новых ценностей как условие развития человечества, что соответствует нашему представлению о ценностях как категориях временно-исторических, закономерно изменяющихся каждые 10–20 лет [2].

Список источников

1. Ремизова А. П. Культурно-образовательный потенциал иностранных языков в системе подготовки специалистов в вузе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00. 08. Комсомольск-на-Амуре, 2002.
2. Тучкова Т. У. РИвИС – концепция развития индивидуальности в интеркультурном сотрудничестве // Проблемы оптимизации обучения иностранным языкам в школе, колледже, вузе в системе непрерывного образования. Липецк, 1998.
3. Tomalin B, Stempleski S. Cultural Awareness. Oxford University Press, 1993.

УДК 811.111

НОВАЯ НОРМА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА?

В. А. Гордиенко, преподаватель иностранного языка кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

Статья посвящена некоторым из изменений, наблюдающихся в настоящее время в грамматическом строе английского языка. Также затрагивается вопрос правильности присвоения рассматриваемым грамматическим изменениям статуса нормы.

Ключевые слова: английский язык; грамматика; изменения; языковая норма.

A NEW NORM OF THE ENGLISH LANGUAGE?

V. A. Gordienko, lecturer of foreign language of the Department of Humanities Disciplines of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article deals with some changes that currently may be seen in the grammar structure of the English language. It also touches upon the issue of acceptability of treating the grammatical changes in question as a linguistic norm.

Keywords: English language; grammar changes; linguistic norms.

Как известно, язык человеческого общения представляет собой исторически обусловленную знаковую систему, причем систему изменяющуюся и динамичную [1]. Эволюция языка влечет за собой, в частности, изменение языковых норм. Английский язык в этом смысле исключением не является. Происходящие в нем изменения обусловлены прогрессом технологий (особенно в области средств коммуникаций), тенденциями в социальной сфере, переменами в общественно-политической ситуации и т. д.; они затрагивают как словарный состав, так и грамматический строй английского языка, а также его стилистику.

Наиболее активно обсуждаемым изменением в современном английском языке, видимо, следует считать употребление личного местоимения *they* и притяжательного местоимения *their* в значении единственного числа, то есть вместо *he/she* и *his/her* (соответственно, их производных форм *them*, *theirs*, *themselves* вместо *him*, *her*, *hers*, *himself*, *herself*). Тенденция к такому использованию перечисленных

местоимений возникла в англоязычных странах около 30 лет назад, но долгое время носила субъективный или факультативный характер.

Попытки наделения упомянутой тенденции статусом языковой нормы наблюдаются в последние годы. Например, в 2015 г. «Вашингтон пост», одна из старейших и влиятельных американских газет, официально закрепила в своем издательском стандарте (так называемом «Style Guide») политику использования *they* для обозначения единственного числа [19]. Впоследствии ее примеру последовали другие СМИ [4] и организации, в частности Американская ассоциация психологов (АРА), издающая рекомендации по оформлению научных публикаций [11].

Еще раньше, в 2014 г., австралийская компания «Федерейшен пресс», специализирующаяся на издании юридической, социологической и учебной литературы, в своем «Руководстве по оформлению рукописей» также рекомендовала отдавать предпочтение «гендерно-нейтральному языку», допуская, среди прочего, использование *they* и *their* в качестве местоимений единственного числа [17]. Европарламент еще в 2008 г. обнародовал указания по использованию в нем «гендерно-нейтрального языка», выпустив в 2018 г. обновленную редакцию этих указаний [8].

Наконец, в сентябре 2019 г. самый старый в США Словарь английского языка Мерриам – Уэбстера (Merriam – Webster Dictionary) добавил в свою онлайн-версию 533 новых слова, при этом у местоимения *they* появилось четвертое значение, гласящее: «употребляется в отношении отдельно взятого лица с небинарной гендерной идентичностью» [10].

В других известных онлайн-словарях английского языка, таких как словарь английского языка «Американское наследие» (The American Heritage Dictionary of the English Language), словарь Коллинза (The Collins English Dictionary), Оксфордский словарь (The Oxford Advanced Learner's Dictionary) и Кембриджский словарь (The Cambridge English Dictionary), подобное значение в настоящее время отсутствует.

Вместе с тем во всех перечисленных словарях приводится еще одно значение местоимения *they*, а именно: «используется с предшествующим неопределенным местоимением третьего лица единственного числа» [10]; «используется в качестве личного местоимения единственного числа для обозначения какого-либо человека, принадлежность которого к мужскому или женскому полу не уточняется» [13]; «*they* используют вместо '*he*' и '*she*' по отношению к одному человеку, не уточняя, является ли этот человек мужчиной или женщиной» [16]; «используется вместо *he* и *she* по отношению к одному человеку, пол которого не упоминается либо не известен» [18]; «используется, чтобы избежать произнесения "*he*" или "*she*"» [14] (из предложения, сопровождающего последнее определение в качестве примера, следует, что пол человека неизвестен).

Что касается России, то сходное определение встречается в словарях крайне редко. Есть оно, например, в Новом Большой англо-русском словаре в 3-х томах, подготовленном под общим руководством Ю. Д. Апресяна: «they... 4. в грам. знач. личного мест. он» [3].

Именно на приведенные выше значения ссылаются ряд авторов как на доказательство допустимости замены местоимений he и she местоимением they. При этом, по их словам, примеры такого употребления, хотя и не многочисленные, встречаются в классической английской литературе начиная с XIV в. Дополнительное подтверждение своей правоты она находят, например, в словаре «Американское наследие», в котором упоминаются случаи использования местоимений множественного числа they, them, themselves, their после антецедентов, имеющих грамматическое единственное число, в произведениях многих писателей, в частности у У. М. Теккерея, Дж. Б. Шоу, Энн Морроу Линдберг [13]. Подобные же случаи употребления называет британская телерадиовещательная организация «Би-би-си», упоминая такие произведения, как «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, «Гамлет» У. Шекспира, «Гордость и предубеждение» Дж. Остин [4]. Произведения У. Шекспира, У. М. Теккерея, Дж. Остин, Дж. Б. Шоу, Уистена Хью Одена упоминаются также словарем Мириама – Вебстера [10].

Данная аргументация представляется, однако, не вполне корректной, поскольку местоимение they употреблялось вышеупомянутыми и другими писателями в функции единственного числа в тех случаях, когда пол человека, с которым ассоциировалось they, не упоминался либо не имел значения, то есть такие случаи использования названного местоимения вряд ли можно считать примерами, свидетельствующими в пользу «гендерно-нейтрального языка».

Рассматриваемое изменение в грамматике является предметом активного обсуждения в средствах массовой информации и сети Интернет [12]. Примечательно, что в начале 2016 г. газета «Вашингтон Пост» опубликовала сообщение, согласно которому Американское диалектологическое общество признало местоимение they «словом года» [9]. При этом к рекомендации во всех ситуациях употреблять местоимение they и его производные для обозначения единственного числа заметная часть участников дискуссии относится неоднозначно: одни предлагают использовать they и его производные только в отношении людей, не относящих себя к определенному полу, либо «проявлять осторожность, когда дело доходит до возвратной/эмфатической формы» [8]; другие, такие как авторитетный Справочник по стилю «Ассошиэйтед пресс» 2017 г., считают they, them, their приемлемыми «в ограниченных случаях в качестве местоимения единственного числа и (или) гендерно-нейтрального местоимения, когда альтернативная формулировка слишком нелепа или неуклюжа» [6], либо, подобно известному Чикагскому руководству по стилю 17-го издания, считают употребление they с целью обозначения единственного числа более

характерным для «устной и неофициальной письменной речи» [15], допуская такое использование в официальных документах лишь в особых случаях.

Как представляется, такое неоднозначное отношение к использованию личного местоимения *they*, притяжательного местоимения *their* и их производных на текущий момент не позволяет считать их нормой, так как, по мнению современных лингвистов, термин «норма» имеет два значения: «во-первых, нормой называют общепринятое употребление разнообразных языковых средств, регулярно повторяющееся в речи говорящих (воспроизводимое говорящими); во-вторых, предписания, правила, указания к употреблению, зафиксированные учебниками, словарями, справочниками» [3].

Как следует из нашего краткого обзора, упомянутое использование *they* с его производными в настоящее время вряд ли можно считать общепринятым и регулярно повторяющимся, причем оно зафиксировано лишь в одном словаре и включено в авторитетные справочники с рядом оговорок.

Тем не менее, обращать внимание учащихся, регулярно обращающихся к услугам сети Интернет, на особенности употребления *they*, *them*, *their* в современном английском языке следует, по-видимому, уже сейчас.

Список источников

1. Горбунова Л. И. Язык как знаковая система особого рода: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013.
2. Плещенко Т. П., Федотова Н. В., Чечет Р. Г. Стилистика и культура речи: учеб. пособие / под ред. П. П. Шубы. Мн.: ТетраСистемс, 2001.
3. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. Около 250000 слов. / Ю. Д. Апресян [и др.]; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1994.
4. A brief history of gender neutral pronouns // BBC: [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/newsbeat-49754930> (дата обращения: 07.11.2019).
5. Academic Style Guides on the Singular Pronoun “They” // Indiana University Bloomington: [сайт]. URL: <https://libraries.indiana.edu/academic-style-guides-singular-pronoun-they> (дата обращения: 07.11.2019).
6. Andrews T. M. The singular, gender-neutral ‘they’ added to the Associated Press Stylebook // The Washingtonpost: [сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/morning-mix/wp/2017/03/28/the-singular-gender-neutral-they-added-to-the-associated-press-stylebook/> (дата обращения: 07.11.2019).
7. Berendzen Gerri. AP style for first time allows use of they as singular pronoun // ACES: [сайт]. URL: <https://aceseditors.org/news/2017/ap-style-for-first-time-allows-use-of-they-as-singular-pronoun> (дата обращения: 07.11.2019).
8. Gender-Neutral Language in the European Parliament // European Parliament: [сайт]. URL: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/151780/GNL_Guidelines_EN.pdf (дата обращения: 07.11.2019).
9. Guo Jeff (8 January 2016). Sorry, grammar nerds. The singular “they” has been declared Word of the Year. The Washington Post. Retrieved 9 January 2016 //

- The Washingtonpost: [сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 07.11.2019).
10. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/they> (дата обращения: 07.11.2019).
 11. Publication Manual of the American Psychological Association. URL: <https://apastyle.apa.org/> (дата обращения: 07.11.2019).
 12. Son Vivienne. The pronoun 'they' still divides // RMIT university: [сайт]. URL: <https://www.rmit.edu.au/news/all-news/2018/sep/the-pronoun-they-still-divides> (дата обращения: 07.11.2019).
 13. The American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <https://ahdictionary.com/word/search.html?q=they> (дата обращения: 07.11.2019).
 14. The Cambridge Academic Content Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/they> (дата обращения: 07.11.2019).
 15. The Chicago Manual of Style Online. The University of Chicago, 2010, <http://www.chicagomanualofstyle.org/home.html> (дата обращения: 07.11.2019).
 16. The Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/they> (дата обращения: 07.11.2019).
 17. The Federation Press. Style Guide for Use in Preparation of Manuscripts // The Federation Press: [сайт]. URL: <http://www.federationpress.com.au/StyleGuidelinesforFederationPress.pdf> (дата обращения: 07.11.2019).
 18. The Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/they?q=they> (дата обращения: 07.11.2019).
 19. Walsh Bill. The Post drops the 'mike' – and the hyphen in 'e-mail' // The Washingtonpost: [сайт]. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-post-drops-the-mike-and-the-hyphen-in-e-mail/2015/12/04/ccd6e33a-98fa-11e5-8917-653b65c809eb_story.html (дата обращения: 07.11.2019).

УДК 81.11

О СООТНОШЕНИИ ТЕРМИНОВ «АРГО», «ЖАРГОН», «СЛЕНГ»

Т. П. Дежина, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного университета экономики и права, кандидат социологических наук

В статье рассматриваются взгляды исследователей на возникновение и развитие терминов «жаргон», «арго», «сленг». Автор рассматривает различные социальные диалекты с точки зрения их сходств и отличий. Предпринята попытка разграничить понятия сленга и жаргона, осуществлен краткий сравнительный анализ данных номинаций.

Ключевые слова: арго; жаргон; сленг; социолингвистика; социальный диалект; тайный язык; общий жаргон.

CORRELATION OF THE TERMS "ARGO", "JARGON", "SLANG"

T. P. Dezhina, associate professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Khabarovsk State University of Economics and Law, kandidat nauk, degree in Sociology

The views of researchers on the origin and development of the terms "jargon", "argo", "slang" are discussed in this article. The author considers various social dialects in terms of their similarities and differences. The article attempts to distinguish the concepts of slang and jargon, a brief comparative analysis of these nominations is carried out.

Keywords: argo; jargon; slang; sociolinguistics; social dialect; secret language; general jargon.

В современной социолингвистике в последнее время все чаще рассматривается такое понятие, как «социальные диалекты». В первую очередь это обусловлено тем, что в речи определенных слоев населения появляются элементы, отклоняющиеся от нормы литературного языка.

В связи с растущим интересом к социальным диалектам появляется большое количество специальных терминов, которые способны описать все многообразие ненормативных слоев языка. Целью данной статьи является рассмотрение взглядов языковедов XIX в. – начала XXI в. на вопросы терминологии социальных

диалектов, в частности арг, жаргона и сленга. Вопрос терминологии социальных диалектов не случайно находится в поле зрения ученых, так как без понимания проблематики соответствующей терминологии невозможно в дальнейшем глубокое исследование социальной диалектологии и ее компонентов.

В отечественном языкознании существует несколько научных школ, занимающихся разработкой данной проблематики. Это свидетельствует о том, что существует несколько подходов к терминологии. Однако можно говорить и о существовании общей номинативной базы, трактовка которой меняется в зависимости от школы. По мнению А. В. Овчинниковой, за основу берутся понятия, заимствованные из зарубежных лингвистических школ, либо термины, которые образованы по аналогии с иностранными, либо происходит переосмысление традиционных понятий отечественной лингвистики [5, с. 59].

Термин «арго» (франц. argot) – французского происхождения и первоначально понимался как язык деклассированных слоев общества – нищих, воров, цыган. Многие исследователи по поводу происхождения понятия арг ограничиваются следующим пояснением «по своему происхождению неясное» и при этом ссылаются на толкование А. Доза, который считал, что слово «арго» имеет общее происхождение с разговорной лексемой *hargoter* – «бранить, ругать». П. Тихонов (1899–1900) приводит три версии этимологии термина: арг происходит: 1) от названия города Арго; 2) от имени Ragot; 3) от *rotwälsch*. По мнению М. А. Грачева, лексема представляет собой искаженное «эрго» (фран. *ergo*), что в переводе означает «шпора петуха» как символ воровского ремесла [7, с. 127].

В русский язык лексема «арго» в значении «воровской язык» приходит в 60-е гг. XIX вв. В российской науке термин активно используется с начала XX в. для наименования тайных, условных языков, связанных с воровским языком. Как мы уже отмечали выше, арг, или тайный язык, изначально понимался как язык низших слоев общества, деклассированных элементов и криминального мира. Позднее термину, кроме узкого, придается еще и широкое значение. Один из первых отечественных социолингвистов Б. А. Ларин под термином «арго» понимает язык определенной профессии или социальной группы [3, с. 175–176]. Схожее понимание термина было предложено В. С. Истоминым, который рассматривает арг как особый язык определенной ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящий из произвольно избираемых видоизмененных элементов одного или нескольких языков [7, с. 128]. Данная трактовка совпадает с определением, которое приводит В. Н. Ярцева [11, с. 43]. В. В. Химик указывает, что помимо явлений, традиционно оцениваемых как «арготические» (язык мошенников, воров, бродяг), возможно использование данного термина к языкам других, «легальных профессий», что свидетельствует о существовании арг компьютерщиков, спортсменов, профессиональных водителей [5, с. 60].

Еще одним из наиболее частотных терминов социолингвистики считается термин «жаргон», который традиционно трактовался гораздо шире, чем арг. Слово жаргон было заимствовано из французского языка в середине XIX в., предположительно от «галло» – романского *gargone*, которое означает «болтовня». Лексема *арго* также была заимствована из французского и впервые появилась в романе Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» (1866) в качестве варваризма. Однако в научный обиход оба понятия попадают только к началу XX в., приходя на смену терминам *условное наречие*, *условный язык*, *тайное наречие*, *тайный язык*, которые использовались в XIX в.

В русистике термин жаргон часто трактуется как синоним арг. Так, согласно определению Лингвистического энциклопедического словаря, под жаргоном понимается «разновидность речи, используемая преимущественно в устном общении отдельной социальной группой, которая объединяет людей по признаку профессии, их положения в обществе, интересов или возраста» [4, с. 360].

У А. Н. Булыко толкования данных понятий также практически идентичны. Отличие заключается лишь в том, что автор называет арг языком, а жаргон – речью, а сленг – совокупностью жаргонных слов и выражений. Также арг и жаргон отличает от сленга непонятность для непосвященных носителей языка.

О. С. Ахманова в словаре лингвистических терминов предлагает следующие критерии разграничения этих терминов. Автор отмечает, что арг – это то же, что и жаргон, главное отличие арг заключается в том, что у термина отсутствует пейоративное пренебрежительное значение [1, с. 53]. О. С. Ахманова считает данные лексемы синонимами. Единственное отличие в употреблении состоит в стилистической коннотации: у арг она нейтральная, у жаргона – уничижительная. Л. И. Скворцов понимает под жаргоном социолекты немаргинальных социальных групп и рассматривает жаргон как социальную разновидность речи, отличающейся профессиональной лексикой и фразеологией общенародного языка. Под жаргоном понимается речь относительно открытых социальных объединений, связанных общностью интересов, привычек, занятий и социального положения (например, жаргон моряков, спортсменов) [8, с. 82–84].

В качестве особенностей этого языкового явления Д. В. Чистяков выделяет его людическую функцию, то есть частое употребление новых словообразовательных моделей и склонность к нарушению языковых норм, что создает определенную образность, в которой передается отношение к описываемому предмету, эмоции, оттенок. Жаргон отличается от общеразговорного языка специфической лексикой и экспрессивностью оборотов.

По мнению В. В. Химика, границы жаргона относительно обширны и прозрачны, так как жаргон как «лексический индикатор» выделяет ту или иную социальную группу, стремящуюся к обособлению от остальной части языкового пространства.

Стоит отметить, что жаргонная лексика строится на основе литературного языка разными способами, например, путем переосмысления («чайник» – начинающий), метафоризации («тачка» – такси), звукового усечения («препод», «художка», «комп», «общага»), а также в результате усвоения иностранных лексем («спойлерить» – портить удовольствие от книги или фильма, заранее рассказав концовку, «чекать» – проверять).

В конце XX в. русистику входит новый термин – *общий жаргон*. По мнению М. Ю. Руденко, это такой корпус лексики и фразеологии, который утратил такой признак, как корпоративность, то есть закрепленность за речевой практикой ограниченных социальных групп. Такой пласт современного русского языка достаточно часто встречается в языке средств массовой информации и употребляется, в частности, образованными носителями русского литературного языка [7, с. 130].

Еще одним из наиболее часто обсуждаемых понятий является сленг. В настоящее время существует достаточно большое количество дефиниций сленга, часто противоречащих друг другу.

Эти противоречия касаются прежде всего объема понятия «сленг» и правомерности его употребления. Спор идет, в частности, о том, включать ли в сленг одни лишь выразительные, шуточные лексемы, которые являются синонимами литературных слов, или же включать всю субстандартную лексику, употребление которой, в свою очередь, осуждается в кругу образованных людей.

Следует обратить внимание на то, что термин сленг чаще используется в англистике, хотя в последнее время широко применяется и в отношении русского языка. Нередко термин «сленг» употребляют в качестве синонима слову «жаргон». В связи с тем, что номинация «сленг» вошла сравнительно недавно в понятийный аппарат отечественной науки и ее значение не устоялось, считаем целесообразным дать более четкое определение сленгу и выявить различие или сходство понятий сленга и жаргона.

Происхождение слова «сленг» – это один из наиболее спорных и до конца не ясных вопросов в английской лексикографии. Безусловно, сленг зародился с давних времен, когда возникло человеческое общество и впоследствии социальное расслоение и профессиональная принадлежность. По одной из версий, сленг берет свое начало от глагола *sling*, что означает «метать, швырять», использующийся в выражении *to sling one's jaw* и переводится как «говорить оскорбительные вещи». Согласно другой версии, сленг восходит к *slanguage*, причем первая буква *s* была якобы добавлена к слову *language* в результате исчезновения лексемы *thieves*, то есть изначально речь шла о языке воров. (*thieves' language*) [6].

В российском языкознании термин сленг трактуется по-разному в рамках различных школ и направлений.

И. Р. Гальперин в статье «О термине сленг» [2, с. 105–112] указывает на неопределенность данного термина и полностью отрицает его существование. Его аргументы основаны на результатах исследований английских ученых-лингвистов, которые свидетельствуют о том, что одно и то же слово в словарях имеет разную лингвистическую интерпретацию. И. Р. Гальперин отрицает существование сленга как самостоятельной речевой разновидности и предлагает в качестве синонима слову сленг использовать номинацию «жаргон». По мнению ученого, сленг – это такой пласт лексики, который проявляется в сфере живого разговорного языка в качестве разговорных неологизмов, которые легко переходят в слой общепринятой разговорной литературной лексики.

По мнению А. И. Смирницкого, номинация сленг тесно связана с понятием о яркой эмоционально-экспрессивной окраске слова. Слова по происхождению в большинстве случаев представляют лексику, которая свойственна одной ограниченной социальной или профессиональной группе. Будучи применяемым в рамках определенной специальной области, слово имеет небольшую эмоционально-экспрессивную окраску. Особую эмоциональную выразительность слово приобретает тогда, когда оно не употребляется в ограниченном кругу людей, а выходит на более широкую арену, то есть используется людьми, которые не имеют прямого отношения к данной профессиональной или социальной группировке. Схожее определение сленга дает О. С. Ахманова. По мнению исследователя, слова становятся эмоционально-экспрессивными, когда употребляются за пределами той или иной профессиональной или социальной группы.

Т. А. Соловьева считает, что номинация сленг до сих пор не получила четкого определения и разводит термины «жаргон» и «сленг» по признаку социально-профессиональной ограниченности. По мнению Т. А. Соловьевой, «сленг не относится к социально-диалектно ограниченной лексике, поскольку он только создается представителями разных профессиональных групп, а существует и употребляется за пределами этих профессий в разговорно-бытовой лексике» [9, с. 109].

В. А. Хомяков указывает, что сленг понятен и распространен для всех слоев общества. Исследователь отмечает, что сленг обладает ярко выраженной экспрессивной окраской и является устойчивым лексическим пластом для определенного исторического периода [10, с. 37].

На наш взгляд, наиболее точно суть термина «сленг» отображает определение, данное М. В. Араповым. По мнению М. В. Арапова, сленг – это то же самое, что и жаргон (в отечественной литературе используется преимущественно по отношению англоязычным странам), сленг представляет собой совокупность жаргонизмов, составляющих пласт разговорной лексики, отличающейся грубовато-фамильярным, иногда шутивным, ироническим отношением к предмету речи [7, с. 132].

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что «арго», «сленг», «жаргон» – достаточно схожие понятия, обладающие рядом идентичных черт. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: в исследовании терминологии социальных диалектов до сих пор царит некий хаос и неупорядоченность и при выборе понятий «арго», «жаргон», «сленг» существует терминологическая путаница, в то же время стоит отметить определенные тенденции относительно данных номинаций, например, называть арго – тайный язык, а сленгом – молодежный и общий жаргон.

Список источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969. 608 с.
2. Гальперин И. Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. 1956. № 6.
3. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание // Избранные работы. М., 1977.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2008.
5. Овчинникова А. В. Понятийный объем терминов, обозначающих социальные диалекты в русской и испанской филологических традициях // Вестн. РУДН. Серия «Лингвистика». 2011. № 2.
6. Орлова Н. О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции // Ярослав. пед. вестн. 2004. № 3 (40) // Cyberleninka: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sleng-vs-zhargon-problema-definitsii> (дата обращения: 09.11.2019).
7. Руденко М. Ю. Исследование арго, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59): в 3-х ч., ч. 3. С. 127–134.
8. Скворцов Л. И. Об оценках языка молодежи (жаргон и языковая политика) // Вопросы культуры речи. М., 1964. Вып. 5.
9. Соловьева Т. А. К проблеме сленга // Уч. зап. Иванов. гос. пед. ин-та. Иваново, 1961.
10. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1971.
11. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.

УДК 378.147.227

ПРИНЦИП СУБЪЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ПРОЕКТНОЙ МЕТОДИКЕ

***М. Г. Евдокимова**, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье рассматривается вопрос о реорганизации учебного процесса, цель которого должна носить креативный характер. В контексте творческого подхода у обучающихся развиваются интеллектуальные способности, формируется культура умственного труда, самообразования, самоорганизация речевого поведения. Творчество как субъективность в речевой деятельности способствует не только становлению языковой личности средствами профессионально иностранного языка и ее взаимодействию в коллективе, но и формированию ответственности за качество организации речевой продуктивной деятельности в рамках проектной методики.

Ключевые слова: субъективность обучения; профессиональный язык; становление личности; продуктивная деятельность; конкуренция успешности; проектная методика.

PRINCIPLE OF SUBJECTIVE TEACHING SPECIAL FOREIGN LANGUAGE IN PROJECT METHODOLOGY

***M. G. Evdokimova**, associate professor of the Department of Foreign Languages and Speech Culture of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

The article deals with the issue of reorganizing the educational process, the purpose of which should be creative. In the context of a creative approach, students' intellectual abilities, a culture of mental work are developed and self-education, self-organization of speech behavior are formed. Creativity as a subjectivity in speech activity contributes not only to the formation of a linguistic personality by means of a specific foreign language and its interaction in the team, but to the formation of

responsibility for the quality of speech productive activity organization in the framework of the project methodology

Keywords: subjectivity of training; special language; formation of personality; productive activity; competition of success; project methodology.

Владение иностранным языком в России на современном этапе является не привилегией, а составляющей любой профессиональной деятельности. Конкурентоспособность на рынке труда исчисляется не только сформированными профессиональными компетенциями, но и владением межкультурной и профессиональной коммуникацией.

По последним статистическим данным, 7 октября 2019 г. было проведено глобальное исследование по выявлению уровня владения иностранным языком в мире. В опросе приняло участие более 1 млн человек из 80 стран, в котором Россия заняла 38 место. Если сравнивать с 2015 г., то Россия держалась на 39 месте.

В связи с падением курса владения иностранным языком была принята программа 5/100, цель которой – представить 5 значимых российских университетов в рейтинге «100 лучших университетов мира» к 2020 г. Безусловно, Россия далека от достижения цели: в 2017 г. она занимала 188 место в рейтинге университетов мира Times. Структура построения рейтинга Times преимущественно основывается на научно-исследовательской деятельности, цитировании и «международном образе университетов», в каждом пункте требуется свободное владение английским языком. Для улучшения позиций и достижения цели 5/100, определенные российские университеты увеличивают количество предметов, преподаваемых на английском языке, и вводят обязательные программы подготовки преподавателей на английском языке [1].

Рассмотрим картину уровня владения английским языком в разрезе по регионам. Среди 11 регионов России Восточно-Сибирский регион занимает 7 позицию и уровень владения составляет 51,93 %. В сравнении с Центральным регионом (54,75 %) Восточно-Сибирский регион уступает на 2,92 %, при этом превышает уровень Поволжского региона (49,13 %) на 2,8 % [1]. Вместе с тем уровень владения английским языком, как и любым иностранным, лишь перешел черту 50 %, но не приблизился к рубежу 100 %.

Как не странно звучит, обучение иностранному языку проходит курс непрерывного образования: 11 лет – в среднеобразовательных учреждениях и далее 2 года – в среднеобразовательных и высших образовательных учреждениях. Качество обучения не оправдывает средства потраченного времени.

Начиная со времен великих дидактов: Я. А. Коменского, К. Д. Ушинского, – обучение иностранному языку преследовало практически одни и те же цели, принципы обучения. Однако обучение до сих пор «прихрамывает» и не дает желаемых результатов – свободного владения иностранным языком.

Рассматривая традиционное образование в «постиндустриальный период», мы сталкиваемся с тем, что любая функция (системность, энциклопедичность, научность, наглядность) сводится к контролю понимания, «получению суммы знаний, умений и навыков, необходимых для профессиональной и социальной реализации. Таким образом, закрепление материала сводилось к трансмиссионно-репродуктивным методам обучения, от «частного к общему». Фактически в учебном процессе работали субъектно-объектные отношения (преподаватель – студент). Вид образовательной подготовки был выражен в технократической ориентации!» [2, с. 71], «Спрос не порождает предложение». Желание владеть иностранным языком носило потребительский характер.

При введении непрерывного обучения на рынке труда возникла потребность не только в свободном владении иностранным языком, но и в определении принципа конкурентоспособности. А это значит, каждый выпускник любого образовательного учреждения должен сам заниматься самообразованием, самоактуализацией и самоопределением всех процессов, связанных с его профессиональной деятельностью. Как же это сделать, если все традиционное обучение было построено на контроле и шаблоне выполнения простейших инструкций. Контроль, безусловно, нужен, но он не должен носить доминирующий характер со стороны преподавателя. В этом процессе могут принимать участие и сами обучающиеся. Когда обучающийся несет ответственность за решение коммуникативных задач, он может сам определить качество освоения материала. И только на полном осознании своих действий, он может говорить об уровне владения определённым видом речи. В данном случае речь идет об субъектно-субъектных отношениях, когда преподаватель перестает быть контролером и становится партнером в учебном процессе.

В нашем понимании обучение иностранному языку не должно быть формализованным, достижение ради достижений, а нести функцию субъективности, где обучающийся становится субъектом учебной деятельности. На основе «субъектно-деятельностного подхода системы обучения иностранному языку ориентирована на становление личности: формирование личностного опыта, мировоззрения, учета учебных и вне учебных интересов курсанта для организации его коммуникативной деятельности» [3, с. 3]. Таким успехом давно уже пользуется проектная методика в учебном процессе, которая способствует формированию не только лингвистической составляющей, но и развитию межличностных отношений, умению работать в одной команде, нести ответственность за собственный и общий успех.

В рамках изучения темы «Транспортные средства и их техническое состояние» для курсантов 2 курса специальности 40.02.03 «Судебная экспертиза» были разработаны задания для выполнения проектной работы. Цель проведения проектной работы: совершенствование лексических навыков направленности

посредством анализа, сопоставления компилирования текстов; развитие навыков восприятия речи аутентичного текста; формирование навыков говорения: развитие навыков логически выстроенного монологического высказывания. Группа делится на две команды, каждая из которой составляет экспертизу состояния повреждённого транспортного средства в результате дорожно-транспортного происшествия и возникновения пожара. Подготовка аргументированной базы экспертизы зависит от слаженности работы команды. Роль каждого участника определяется по распределению обязанностей: общее состояние автомобиля, изучение вещественных доказательств, опрос свидетелей и заполнение соответствующего документа, анализ и компилирование полученных фактов для составления экспертизы.

Задание 1.1. Работа с документами по ДТП и пожарам на транспортном средстве.

Задания выполняются на основе раздаточного материала, содержащие данные: фотографии повреждённого транспортного средства, бланки внешнего осмотра транспортного средства и бланк технического состояния после вынесения экспертной оценки.

Методические рекомендации по организации просмотрового чтения текста: курсантам предлагается заполнить две формы бланков на основе изучения фотоматериалов, определить участки и характер повреждения транспортного средства и дать заключение экспертизы в письменном виде.

Задание 1.2. Развитие навыков устной речи.

Задание включает подготовленную речь с определением причины и характера повреждения транспортного средства, а также рекомендации для возможного восстановления транспортного средства, о правилах его эксплуатации, правилах соблюдения дорожного движения.

Методические рекомендации по организации просмотрового чтения текста: выполнение задания основано на сформированных навыках владения профессиональной лексикой и построения английского утвердительного и отрицательного предложения.

Курсантам необходимо дать заключение по двум направлениям: причина повреждения транспортного средства, особенности и характер повреждения. Правильная оценка экспертизы позволит курсантам дать соответствующие рекомендации по возможному восстановлению транспортного средства и формулированию правил поведения на дорогах для водителя.

В заключении экспертная комиссия подводит итоги об успешности выполнения проектной работы, каждая команда обсуждает преимущества и недостатки совместного творческого труда.

Подводя итог выше сказанному следует отметить, что личностный смысл деятельности в изучении иностранного языка приобретает в командном

единстве, когда сама задача приближена к продуктивной деятельности, когда есть конкуренция успешности, как в профессиональном осмыслении, так и лингвистическом. Субъективизм не ограничивает возможности каждого участника, а наполняет смыслом речевую деятельность, поведение, взаимоотношения в коллективе. Формируется принцип сознательности и активности у курсантов в изучении профессионального иностранного языка. Проектная методика является не единственным методом и основанием субъективности в обучении иностранному языку, существует множество авторских методик, основанных на применении как диалоговых, так и информационно-коммуникационных технологий.

Список источников

1. Инициативы по изучению английского языка в России // EF EPI: [сайт]. URL: <https://www.ef.ru/epi/regions/europe/russia/> (дата обращения: 07.10.2019).
2. Кваша Б. Ф., Олейников В. С., Щеглов А. В. Акмеология: методологический аспект: учеб. пособие / под ред. В. С. Олейникова. СПб: СПбГУ, СПб Академия МВД России, 1998.
3. Яруллина А. Ш., Мухаметзянова Ф. Г. Субъектный подход в процессе преподавания иностранного языка в вузе // Казан. пед. журн. 2013. № 2 (97) // Cyberleninka: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektnyy-podhod-v-protse-ss-prepodavaniya-inostrannogo-yazyka-v-vuze> (дата обращения: 15.10.2019).

УДК 378.147: 811.111

ЯЗЫКОВАЯ СТАЖИРОВКА КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СТАЖИРОВОК В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ)

*Г. Г. Игумнова, старший преподаватель кафедры иностранных языков
Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье описывается опыт проведения языковой стажировки по китайскому языку в Китайской Народной Республике. Стажировка в языковой среде дает курсантам возможность лучше освоить все виды речевой деятельности, познакомиться со страной изучаемого языка, ее культурой, традициями и людьми.

Ключевые слова: вид речевой деятельности; китайский язык; учебно-методическое обеспечение; коммуникативный метод; прием обучения.

LANGUAGE INTERNSHIP AS A FORM OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE (SUMMARIZING THE EXPERIENCE OF CONDUCTING LANGUAGE INTERNSHIPS IN CHINA)

*G. G. Igumnova, senior lecturer of the Foreign Languages Department of
the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia*

The article describes the experience of conducting a language internship in the Chinese language in the People's Republic of China. The training in the language environment gives the cadets the opportunity to better master all kinds of speech activity, to get acquainted with the country of the language studied, its culture, traditions and people.

Keywords: type of speech activity; Chinese language; educational and methodical support; communicative method; teaching technique.

В образовательных стандартах высшего образования определены требования к специалисту – профессионалу в области овладения иностранным языком. В связи задача высшей школы – подготовить обучающихся к межкультурной коммуникации. Для решения этой задачи лингвистической педагогикой накоплен

большой теоретический и практический опыт преподавания иностранного языка, который постоянно расширяется. Но даже самое качественное образование не может заменить стажировки в стране изучаемого языка.

Такая стажировка позволяет полностью погрузиться в языковую среду носителей языка, познакомиться с культурой и традициями страны, снять трудности в общении, так называемый языковой барьер, и сделать качественный скачок в изучении языка.

В этом контексте большую роль играет тот факт, что в рамках международного сотрудничества Дальневосточный юридический институт МВД России заключил договор с Хэйлунцзянским институтом милиции общественной безопасности КНР в области учебно-методической, научно-исследовательской и культурно-спортивной деятельности. Сотрудничество реализуется различными способами, в том числе и через проведение языковых стажировок.

Благодаря действующим условиям этого договора наш институт накопил многолетний опыт проведения языковых стажировок и имеет уже налаженную и сложившуюся форму их организации. Курсанты института выезжают в КНР для совершенствования своих лексико-грамматических навыков, навыков чтения письма и аудирования, в свою очередь китайские курсанты приезжают к нам в институт для изучения русского языка как иностранного.

Логично, что перед каждой стажировкой проводится тщательный отбор кандидатов на право получить возможность на выезд в страну изучаемого языка. При этом обращается внимание не только на уровень владения иностранным языком, но и на коммуникабельность, конформность, толерантность кандидата. Надо отметить, что, как правило, выбранные кандидаты выдерживают серьезную конкурентную борьбу за право пройти языковую стажировку.

Прежде всего надо отметить, что повышение эффективности обучения определенного национального контингента относится к задачам этнопедагогики: обучение людей различной этнической принадлежности требует учета закономерностей проявления их национальной психики, поскольку они влияют на восприятие и усвоение получаемых знаний. Используя знание национальной психологии, необходимо находить такие приемы, которые будут способствовать более быстрой социальной адаптации курсантов обеих стран. Основной целью социальной адаптации является создание благоприятных условий, обеспечивающих приспособление курсантов к образовательной среде страны, куда они приехали учиться.

Отметим, что по прибытии в страну группа наших курсантов переживает серьезный адаптационный период и проходит через несколько видов социальной адаптации: учебную (приспособление курсантов к особенностям организации учебного процесса, к формам и методам обучения); ролевую (овладение социальными требованиями, предъявляемыми к ним); социокультурную (включение

курсантов в культурную среду окружающего их сообщества); социально-психологическую (включение курсантов в среду межличностного общения); социально-бытовую (поведение в быту, сфере досуга).

Для решения проблемы социальной адаптации, безусловно, положительным моментом является совместное проживание наших курсантов с китайскими. При этом отбор китайских курсантов не бывает случайным. Это, как правило, лица одной возрастной группы, ранее изучавшие русский язык в школе и/или изучающие русский язык в институте. Организация быта, совместная подготовка к проведению спортивных и культурных мероприятий, помощь в подготовке к занятиям, участие в совместно организованном отдыхе являются, бесспорно, важным элементом в социальной адаптации наших курсантов к условиям жизни в стране изучаемого языка.

Отдельной необходимо отметить учебно-методическое обеспечение учебного процесса в обоих институтах. Нашим курсантам предоставили комплекс, состоящий из учебника «Новый практический курс китайского языка» и учебной рабочей тетради для выполнения практических заданий самостоятельно в виде домашнего задания. Учебно-методический комплекс издан Пекинским университетом языка и культуры для русских студентов, изучающих китайский язык. Он рассчитан на четыре уровня языковой подготовки.

Структурно сам учебник включает в себя:

а) текстовый материал, который содержит различные тексты, некоторые из них в диалоговой форме, для первого и второго уровня он включает тексты облегченного варианта;

б) новые слова с комментариями, где представлены морфемы (иероглифы), которые формируют новые слова. Комментарий также содержит объяснение новых слов и особенности их употребления;

в) раздел по разговорной практике, в котором представлены ключевые предложения и фразы, отражающие фундаментальные структуры и функции языка;

г) задания на чтение и пересказ, которые содержат ранее изученные модели предложений и лексические фразовые единицы, позволяющие отрабатывать навыки устной речи;

д) раздел по фонетике и произношению, в котором представлены особенности китайской системы произношения, то есть правила фонетики и правила произношения, позволяющие достичь базовых навыков произношения;

е) материал по грамматике, который знакомит с самыми важными грамматическими структурами и правилами по построению предложений;

ж) иероглифику, где дается объяснение иероглифов, рассматриваются их комбинации, формирующие другие иероглифы. Для облегчения изучения приведены многочисленные правила о структуре и написании.

В конце учебника расположен раздел, который содержит страноведческие тексты о культуре страны. Для первого и второго уровня – это тексты на русском языке, для третьего и четвертого – на китайском.

Завершается учебник приложением с различного рода языковыми сведениями и словарем.

Учебная рабочая тетрадь представляет собой сборник упражнений для самостоятельной работы на внеаудиторных занятиях. Он содержит упражнения по иероглифике, фонетике, моделям предложений и новым словам, а также упражнения по говорению, аудированию, чтению и письму.

В соответствии с договоренностью с Хэйлунцзянским институтом МОБ КНР кафедрой иностранных языков ДВЮИ МВД России подготовлено учебное пособие по русскому языку как иностранному, в свою очередь, для работы с китайскими курсантами.

Как правило, при обучении китайскому языку используется коммуникативный метод, который предполагает обучение разным видам речевой деятельности, и активной речи на китайском языке – при условии знания законов построения и употребления коммуникативных единиц, умения продуцировать свободные высказывания и репродуцировать устойчивые формулы, а также понимания законов общения на языке [1, с. 3]. Главная цель обучения наших курсантов китайскому языку – формирование и развитие коммуникативной компетенции, то есть способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями изучаемого языка.

Учебная тематика следующая: «Знакомство», «Представление», «Приветствия», «Первая встреча», «Личные данные» «Поздравление с днем рождения и другими праздниками, приглашение», «Время», «Покупки», «Вопрос о гражданстве», «Адрес, местожительство», «Разговор о здоровье», «Жалоба и извинение», «Разговор о профессии», «Разговор о семье», «Разговор об университете» и др.

Каждое практическое занятие проводится при полном погружении в язык, так как некоторые преподаватели, ведущие занятия, вообще не владели русским языком, а некоторые из них владели на очень ограниченном уровне. Курсанты в некоторых случаях испытывали трудности в понимании материала, и в этой ситуации их очень выручали электронные переводчики, которые не только помогали переводить письменные фразы, но и давали возможность голосового перевода как с китайского языка на русский язык, так и с русского языка на китайский. При этом необходимо, однако, отметить, что электронный переводчик не всегда дает качественный перевод, а порой вводит в заблуждение переведенными фразами и ставит в тупик обе стороны общения. Здесь, видимо, все зависит, во-первых, от объема информации, заложенной в переводчик, во-вторых, от того, что в наше время большинство электронных переводчиков обладают

способностью самокоррекции, и, если пользователь не редактирует неверно переведенный материал, автопереводчик использует эту форму и в дальнейшем, в-третьих, при использовании Google-переводчика перевод с китайского языка сначала происходит на английский язык и только затем на русский, что приводит к искажению передаваемой информации.

Одним из интересных приемов и, вероятно, очень продуктивным является прием проведения практических занятий разными преподавателями. У носителей языка разный темп речи и фонетическое звучание, тембр голоса, разный стиль подачи материала. И, конечно, у каждого из них имеется своя «изюминка» в методике проведения практического занятия. Такой прием позволяет курсантам постигать разнообразные стили говорения, воспринимать на слух речь носителей языка. Отметим, что такое переключение на начальном этапе не всегда воспринимается достаточно легко. И поэтому попытки курсантов понять и усвоить материал имеют больший практический результат только при условии, если они прикладывают больше усилий. В дальнейшем курсанты уже, как правило, бывают готовы к общению с учетом особенностей каждого из преподавателей.

При проведении занятий китайские преподаватели опираются на традиционную методику. Большая часть занятия отводится фонетике, отработке правильного тонального произношения через многократное хоровое произношение за преподавателем и индивидуальную отработку звука и тона с каждым курсантом.

Введение новых лексических единиц осуществляется без голосового перевода на русский язык, но лишь с опорой на иероглиф и в форме пиньинь, а также на комментарий в учебнике. В таких ситуациях курсанты обращаются к словарю. Голосовой перевод на занятиях не применяется, за тем редким исключением, когда преподаватель сам владеет русским языком. При этом уровень владения русским языком таков, что трудности перевода, как правило, только усугубляют ситуацию.

В основе методики обучения чтению лежит прочтение текстов по теме занятия, где проверяются правильность произношения предложений и понимание текста. После прочтения курсанты должны были ответить на вопросы преподавателя о содержании текста. При этом задание на перевод текста отсутствует. На завершающем этапе курсанты должны были передать основное содержание текста через пересказ.

Аудирование осуществляется через чтение незнакомого текста преподавателем и передачу курсантами основного его содержания.

Грамматике отводится незначительная часть времени на каждом практическом занятии, поскольку, по мнению преподавателей, грамматический материал выполняет прикладную задачу: поясняет трудности, возникающие при рассмотрении той или иной темы, и нацеливает на правильное построение разного рода предложений.

На каждом практическом занятии весь материал сопровождается написанием иероглифов. Преподаватели не только пишут иероглифы, но и транскрибируют их в форме пиньинь. Таким образом, курсанты не только учатся воспринимать новый материал на слух, но и запоминают его графическое изображение.

Языковая стажировка завершается выпускным квалификационным экзаменом. Для него разработаны тесты разного уровня, которые содержат все пройденные виды речевой деятельности. Надо отметить, что курсантов специально не готовят для предполагаемого тестирования, так как они должны показать свой уровень владения китайским языком за период стажировки и ответить на максимально большое количество заданий разного уровня сложности. И хотя итог сданного экзамена не влияет на получение сертификата о пройденной языковой подготовке, курсанты стараются показать лучший результат.

Подводя итог, важно отметить, что языковые стажировки имеют очень важное и ни с чем не сравнимое значение для улучшения качества знаний языка, дают импульс для его дальнейшего изучения, возможность понять важность и значимость его изучения, а знание методических особенностей преподавателей – носителей языка, в свою очередь, способствует более эффективному овладению китайским языком.

Источник

Формановская Н. И., Акишина А. А., Акишина Т. Е. Спросите, попросите...: справочник. М.: Русский язык, 1989.

УДК 378.634

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ОБУЧАЕМЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

***С. В. Калашикова**, доцент кафедры иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент*

Статья посвящена развитию социокультурной компетенции у обучаемых образовательных организаций МВД России. Автор рассматривает организацию образовательного процесса, направленного на формирование знаний об изучаемом языковом обществе. Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты могут быть использованы при организации процесса обучения иностранному языку в образовательных организациях МВД России.

Ключевые слова: коммуникация; социокультурная компетенция; лингвокультурологический факт; медиатекст; ценность.

FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE OF TRAINEES IN EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIAN FEDERATION

***S. V. Kalashnikova**, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

The article is devoted to the formation of socio-cultural competence of trainees of educational organizations Russian Interior Ministry. The author describes the organization of educational process aimed to form knowledge about studied linguistic society. The practical value of investigation is that its results may be used in the formation of educational process in educational establishments of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: communication; socio-cultural competence; linguocultural fact; mediatext; value.

Интенсивные процессы, происходящие в экономической, социальной, политической, культурной сферах, способствуют расширению деловых, научных, образовательных контактов между представителями различных стран. Система высшего профессионального образования отвечает требованиям современного общества и стремится осуществлять подготовку специалистов, владеющих иностранным языком с целью осознания общечеловеческих ценностей стран изучаемого языка.

Формирование социокультурной компетенции является фактором успешной профессиональной деятельности специалиста, приобретает ценностное значение как аспект содержания обучения. О. В. Дроздова понимает социокультурную компетенцию как совокупность знаний, умений и способностей и качеств личности, которые обеспечивают межличностное и профессиональное общение на иностранном языке в соответствии с нормами языка и речи, а также культурными традициями носителей языка [1, с. 76].

В процессе обучения иностранному языку социокультурным знаниям следует уделять особое внимание, потому что они являются для обучающихся новыми, и именно от их восприятия зависит формирование представления об изучаемом языковом обществе. Источником социокультурной информации является текст, который обладает определенной структурной организацией, содержит языковые образцы, устанавливает взаимосвязь языковых и внеязыковых факторов. Он становится с одной стороны критерием отбора и организации лексических единиц, с другой – средством упорядочивания и подачи информации и содержания. Текст должен отражать реалии современного мира, обогащать лингвистические и энциклопедические знания обучающихся. Перевод текста нацелен на углубление социокультурной компетенции за счет расширения знаний о специфике культуры стран изучаемого языка, совершенствовать умения понимать и интерпретировать лингвокультурологические факты. При переводе текста могут возникнуть ошибки, связанные с интерпретацией языковых реалий страны изучаемого языка. Преподаватель должен подбирать учебный материал (тексты) по понятийно-жанровому принципу, учитывать уровень языковой подготовки обучающихся, предвосхищать возможные лексические и грамматические ошибки в речи. Обсуждение прочитанного должно быть направлено на привитие уважения к культуре чужой страны, толерантности к проявлениям национальных особенностей иностранных граждан, формирование способности уважать достоинство личности, защищать права и свободы гражданина.

Другим средством приобщения к мировой культуре является использование ресурсов сети Интернет. Он позволяет определить пути взаимодействия

и взаимопроникновения культур, способствует достижению плодотворного сотрудничества при непосредственном и опосредованном общении. Используя Интернет, преподаватель может организовать следующие виды заданий:

- поиск дополнительной информации в рамках работы над заданной темой;
- чтение текстов разной степени сложности;
- аудирование аутентичных звуковых текстов;
- обсуждение проблемных материалов;
- переписку с иностранными партнерами;
- просмотр видеофильмов или видеофрагментов, отражающих современный этап развития культуры другого народа, правовую систему стран изучаемого языка и др.

Активная деятельность обучающихся на практических занятиях способствует формированию критической оценки содержания иноязычных медиатекстов, развитию личностных качеств таких как открытость новым знаниям, готовность к саморазвитию и самосовершенствованию, способность к рефлексии.

Формирование социокультурной компетенции в образовательных организациях МВД России направлено на организацию взаимодействия с представителями различных культур. Оно предполагает обмен информацией как непосредственно, так и через аутентичные тексты с одной стороны, но и деятельность, которая ограничивается не только знанием норм языка, но и требует знаний материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений и т. д.

Список источников

1. Дроздова О. В. Формирование профессионально-направленной социокультурной компетенции в процессе обучения французскому языку // Иностранные языки в школе. М., 2006, № 8.
2. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Филоматис, Омега-А, 2010.

УДК 378.016:811.161.1

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ МВД РОССИИ: ПОНЯТИЙНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Г. В. Котова, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России, доцент

Предметом рассмотрения статьи является обучение как процесс, направленный на повышение образовательного уровня и формирование этико-профессиональных качеств обучаемых. Подчеркивается, что важным условием достижения образовательных целей является современная полипарадигмальная модель обучения. Предлагаются методико-содержательные аспекты учебной работы и анализируется их дидактическая ценность в контексте реализации системного подхода при подготовке грамотных и высоконравственных специалистов для органов МВД России.

Ключевые слова: учебно-образовательная деятельность; полипарадигмальная модель; ценностно-смысловой подход; компетентностная основа; нравственная позиция.

TEACHING FOREIGN LANGUAGE IN THE COLLEGE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: CONCEPTUAL COMPONENTS

G. V. Kotova, associate professor of the Foreign Languages Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Associate Professor

The subject of the article is teaching as a process aimed at improving the educational level and building up the ethical and professional qualities of trainees. An important condition is the modern polyparadigm teaching model. Methodical and substantial aspects of educational work are offered, their didactic value is analyzed in the context of training of competent specialists of high moral standards working in the system of the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: teaching and educational activity; value and sense approach; competency base; moral position.

Обучение иностранному языку (ИЯ) в учебном заведении высшего образования, в том числе юридическом институте системы МВД России, как любое обучение иностранному языку вообще, как известно, есть процесс передачи знания (в нашем случае иностранного языка) в целях практического овладения обучаемыми данным языком, которое протекает в тесной связи с повышением их образовательного (общеобразовательного) уровня и содействует воспитанию в личности (в контексте целенаправленного воздействия) широкого спектра мировоззренческих и этико-эстетических качеств, убеждений, профессионально-нравственных установок, включая мотивационно-волевой и эмоциональный аспект подготовки специалиста.

Понятно и общеизвестно, что такая многоаспектная деятельность, как обучение ИЯ, осуществляется в рамках детерминированного целевым комплексом структурно-содержательного пространства, которое обеспечивает успешное осуществление учебно-познавательной деятельности благодаря той образовательной парадигме, что наиболее оптимальна на данном социально-историческом этапе. Правомерно отметить, что – и это тоже непреложная данность – в современном отечественном образовании в области обучения ИЯ господствует полипарадигмальная модель, органично сочетающая в себе, прежде всего, когнитивный, коммуникативно-деятельный, культурологический и ценностно-смысловой подходы. Этой дидактической модели присущи также такие характеристики, как интерактивность и системность, реализующиеся в практике обучения ИЯ, изучения всех аспектов языковой системы (фонетической, лексической, грамматической) и всех видов речевой деятельности (говорение, письмо, аудирование, чтение).

Не требует особых комментариев и то, что все эти подходы нацелены на формирование компетентностной основы, где компетенция (коммуникативная и др.) выступает как «совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения иностранному языку, а также способность пользоваться языком как средством общения» [8, с. 221].

В практике преподавания (обучения) априори учитываются все названные исходные положения, поскольку они в своей совокупности являют собой ту методологическую квинтэссенцию, которая составляет сегодня самую понятийно-сущностную базу лингводидактики. При этом конкретизация проявляет себя на уровне образовательных программ и стандартов, разработанных для подготовки специалистов определенного профиля, и опирается на фундаментальные основы указанной науки.

Например, обращение к лексическому аспекту, изучению лексического состава базируется на универсальном понимании того, что «лексика – это особая форма объективизации языкового сознания носителей языка (А. А. Уфимцева)» [9, с. 2]. Предложенная трактовка объясняет необходимость изучения самых

различных разрядов лексики, начиная от словарных единиц общего вокабуляра и специальных юридических терминов, заканчивая лексикой из таких разделов, как фразеология и афористика, так как такие слова есть «средоточие фоновых знаний о стране и народе – носителе языка» [7, с. 5].

Необходимо также добавить, что это надежное средство постижения языковой и концептуальной картин мира носителей изучаемого языка.

Так или иначе, изучая лексику, обучающийся должен исходить из понимания того, что язык «является средством формирования и затем формой существования и выражения мысли об объективной действительности...» [2, с. 42].

В этой связи особой ценностью обладают разнообразные задания, стимулирующие работу с самыми разными общими, толковыми и специальными (юридическими) словарями, так как в результате этой работы у обучаемых неизбежно формируется иноязычная коммуникативная компетенция «в совокупности ее составляющих – речевой, языковой, социокультурной, компенсаторной, учебно-познавательной компетенций» [1, с. 9]. В этом комплексе последний из названных видов компетенции является чрезвычайно важным условием для саморазвития, самообразования и самосозидания обучаемых.

В свою очередь, формирование способности к вербальной коммуникации невозможно без освоения грамматических знаний: правил образования грамматических форм, формальных признаков определенных категорий (например, формулы образования страдательного залога) и синтаксических структур, поскольку очевидно, что язык, будучи «конституирующим началом жизненного мира», есть упорядоченная система, существующая в «семантико-синтаксических полях» языка [5, с. 40]. Из этого следует, что презентация и работа с грамматическим материалом обязательно должны опираться на системное видение, взаимосвязи, взаимозависимости и детерминации.

Наконец, текстовый материал должен рассматриваться не только как средоточие языковых элементов и структур, но как информационно-познавательный источник знаний, средство приобщения, как уже указывалось, к языковой и концептуальной картинам мира носителей изучаемого языка, включая его профессионально отмеченные сегменты, релевантные для обучающихся.

Не менее важен в этом контексте воспитательно-нравственный аспект, связанный – особенно в условиях режимного вуза системы МВД России – с необходимостью «формировать будущего специалиста как носителя правовых ценностей, как субъекта, моделирующего свою профессиональную деятельность на основе нравственных категорий, способного передать эти ценности в своей профессиональной деятельности» [4, с. 127].

Подчеркнем, что непростые современные реалии существования российского государства на международной арене, разнообразные деструктивные вызовы западной цивилизации, нацеленные на агрессивное воздействие и пересмотр

исконных человеческих ценностей, умаление роли СССР, а сегодня России, обеспечивших мир в Европе в результате победы над гитлеровским фашизмом, попытки посеять вражду и дискредитировать российское государство и, наконец, противодействовать борьбе с терроризмом и экстремизмом – все это требует от нашего государства в целом и в нашем случае от институциональной образовательной системы четких и целенаправленных усилий по осознанию и преодолению обучаемыми названных негативных влияний и развенчанию ложных мифов, что, в свою очередь, требует также активизации в сфере воспитательной работы, так как только «духовная мощь» (В. В. Путин) народа способна преодолеть отрицательное и разрушающее воздействие такого масштаба.

На первый план здесь выдвигается культивирование в сознании обучаемых традиционных моральных ценностей, высоконравственных идеалов, которые должны реализовываться в мотивациях, убеждениях и нормах поведения, что у сотрудников органов внутренних дел должно выражаться на уровне «преданности, верности, честности, ответственности, эмоциональной стабильности» [6, с. 219] во имя надлежащего исполнения служебного долга перед государством и обществом. Выработке такой нравственной позиции способствует в контексте обучения иностранному языку также и работа с разговорными темами, поскольку их спектр охватывает широкий тематический корпус и включает в себя темы, связанные не только с работой полиции, но и с историей и современностью России, ее устройством, а также темы краеведческого звучания (российский Дальний Восток, Хабаровский край, родной город и др.).

Чрезвычайно важное значение имеет и такой аспект, как работа по реферированию и аннотированию иноязычных текстов, в том числе профильного содержания. Этот вид учебной деятельности в полном объеме соответствует тем целям, которые обозначены во ФГОС на уровне формирования таких компетенций, в основе которых лежат способности к логическому мышлению, аргументированному построению речи, мышлению, аргументированному построению речи, выделению взаимосвязей, адекватной квалификации информации, осуществлению анализа, оценки и дальнейшего применения получаемых информативных данных в целях добросовестного осуществления профессионального долга (см., например, ПК-11).

Именно выполнение этих операций предполагает подготовка аннотации к профессиональным текстам, поскольку такая работа, сопряженная с мыслительной активностью (обзор содержания, выделение базовых положений/тезисов, выбор аннотационных клише и др.), имеет своим результатом создание речевого продукта (коммуникативная составляющая).

Написание/подготовка аннотаций тесно связаны не только с развитием языковых навыков, но с совершенствованием умения системно мыслить и способностью точно излагать свои мысли, и именно недостаточное развитие

этих профессионально важных качеств способно привести к разрушительному результату. Более того, в дальнейшей профессиональной жизни это «может обернуться... ущемлением прав и законных интересов граждан», что «приводит... к негативным последствиям, которые отрицательно влияют на судьбу отдельного человека, и на правосознание и правовую культуру общества в целом» [3, с. 155–156]. В данном случае никакого значения не имеет тот факт, в каком языковом регистре осуществляется подобная работа, так как закон взаимодействия языка и мышления един применительно к любому языку, и имению он реализуется здесь на уровне основополагающего фактора.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо еще раз выделить многомерный и многоаспектный характер процесса обучения ИЯ вообще и в образовательных учреждениях высшего образования системы МВД конкретно. Эта многогранная работа, однако, несомненно будет успешной лишь при условии, если постоянные усилия, нацеленные на положительный результат, будут прилагать оба субъекта учебного процесса (преподаватель и обучаемый), а также если они будут – в единстве долга и морали – мотивированы и ориентированы на созидательную учебно-образовательную деятельность.

Список источников

1. Гальскова Н. Д. Современная система обучения иностранным языкам: понятия и особенность // Иностран. язык в школе. 2018. № 5. С. 2–12.
2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2006.
3. Губаева Т. В. Языка и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2007.
4. Дворянкина Е. К., Емельянова О. В. Системный подход к интеллектуальному и духовно-нравственному развитию обучающихся в высшем образовательном учреждении // Социально-психологические и педагогические детерминанты формирования и развития профессиональной мотивации курсантов и слушателей в процессе обучения в образовательных организациях системы МВД России: материалы всерос. науч.-практ. конф. / редкол.: А. А. Андреев [и др.]; Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИМВД России, 2017. С. 125–129.
5. Колыхалова О. А. Роль языковой коммуникации в диалоге культур // Иностран. язык в школе. 2016. № 12. С. 39–45.
6. Котова Г. В. Подготовка специалистов для ОВД: профессионально и духовно-ценностные корреляции // Формирование и совершенствование поликультурной языковой личности специалистов средствами родного и иностранного языков: сб. материалов / Орлов. юрид. ин-т МВД России. Орел, 2013. С. 218–221.
7. Мальцева Д. Г. Страноведение через фразеологизмы: пособие по немец. языку. М.: Высшая школа, 1996.

8. Методика преподавания иностранных языков: общий курс: [учеб. пособие] / отв. ред. А. Н. Шамов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ Москва: Восток – Запад, 2008.
9. Шамов А. Н. Лексическая сторона иноязычной речи: технологии обучения // Иностран. язык в школе. 2018. № 9. С. 2–11.

УДК 378.147

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

***А. С. Кравчук**, завкафедрой иностранных языков Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, доцент*

Инновационные образовательные стратегии, рациональные организационные механизмы функционирования системы подготовки полицейских обуславливают качественное выполнение сотрудниками правоохранительных органов профессиональных обязанностей, высокую эффективность деятельности. Большую роль в развитии новой парадигмы профессиональной подготовки сотрудников полиции играет иностранный язык. Автор статьи обосновывает тезис о том, что обучение иностранному языку в системе профессионального полицейского образования на основе компетентностного и коммуникативного подходов рассматривается сегодня не только как средство решения языковых задач, но и как инструмент для решения социальных и профессиональных задач.

Ключевые слова: профессиональная подготовка; иноязычная речевая компетентность; лингвистическая образовательная стратегия; коммуникативный подход; инновационная технология обучения; инновационная образовательная технология.

THE MAIN LANGUAGE TRAINING DEVELOPMENT VECTORS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF NON-PHILOLOGICAL PROFILE

***L. S. Kravchuk**, head of the Department of Foreign Languages of the Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Associate Professor*

Innovative educational strategies, rational organizational mechanisms for the functioning of the police training system determine the quality of the professional duties implementation by law enforcement officers, high efficiency of activities. Foreign language plays an important role in the development of a new paradigm of police officers professional training.

The author of the article substantiates the thesis that teaching a foreign language in the system of professional police education on the basis of competence and communicative approaches is considered today not only as an instrument of solving language problems, but also as a tool for solving social and professional problems.

Keywords: professional training; foreign language speech competence; linguistic educational strategy; communicative approach; innovative learning technology; innovative educational technology.

Роль и статус иностранного языка в профессиональной подготовке инновационных кадров в настоящее время приобрели особое значение. Современные специалисты решают инновационные задачи, носящие комплексный характер, что требует интеграции в их профессиональной подготовке специальных, социальных, общекультурных и междисциплинарных компонентов, формирующих соответствующие компетенции. Иностраный язык приобретает статус системообразующего компонента в профессиональной подготовке, являясь средством проектно-аналитической деятельности, ведущими составляющими которой выступают продуктивная, когнитивная, аксиологическая деятельность. Таким образом, в системе языкового образования в вузах нефилологического профиля возникают противоречия между преобладающей моделью преподавания иностранных языков и направленностью на подготовку специалистов, обладающих способностью осуществлять деловое общение в профессионально значимых ситуациях. Исследователи считают, что «сложившаяся модель преподавания иностранных языков носит дискретный характер – содержание обучения, учебные и контрольно-оценочные материалы традиционно структурированы по видам речевого общения (чтение, говорение, аудирование, письмо). При этом, несмотря на использование аутентичных профессионально ориентированных материалов и заданий, у студента не всегда складывается целостная картина использования изучаемого языка в профессиональных целях и актуализируются личностно значимая мотивация и ценностные ориентиры изучения иностранных языков в корреляции с профессиональным образованием» [3, с. 24]. Формируемые в ходе изучения иностранных языков компетенции часто не объединены единой профессиональной задачей «направленной на конкретный информационно-аналитический продукт, ценность которого, равно как и ценность использования изучаемого языка, студент должен осознать и соотносить с задачами своего профессионального развития» [3, с. 24–25].

Учебная дисциплина «Иностранный язык», предполагающая изучение языка с целью использования его в профессиональных целях, успешно зарекомендовала себя как обязательный компонент профессиональной подготовки обучающихся в образовательной системе МВД России, целью которой является

формирование и «совершенствование иноязычной коммуникативной профессионально направленной компетенции, подразумевающей совершенствование владения иностранным языком и его использование в профессиональной деятельности в рамках достижения универсальных и профессиональных компетенций» [1, с. 28]. В условиях становления современной образовательной парадигмы речь идет не просто о профессионально ориентированной иноязычной подготовке сотрудников полиции, сегодня назрела необходимость создания концептуальной основы иноязычного образования с опорой на развитую психолого-педагогическую теорию.

Иноязычное образование занимает сегодня ведущее место в структуре компетентностной модели подготовки сотрудников полиции. Задачи профессионально ориентированного курса иностранного языка определены коммуникативными, познавательными и социокультурными потребностями специалиста. Профессионально ориентированное обучение основано на учете потребностей сотрудников полиции в изучении иностранного языка, диктуемых особенностями профессии, и «одновременно совершенствования знаний в области родного языка, умения продуктивно использовать эти знания в деятельностино-коммуникативном дискурсе в социокультурной реальности и дальнейшей профессиональной деятельности» [4, с. 71].

Основным фактором при определении содержания обучения являются профессиональные потребности специалиста, следовательно, формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся является составной частью профессиональной подготовки сотрудников полиции. Процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции сотрудников полиции в контекстном обучении предполагает создание и реализацию эффективной концепции, базирующейся на модели организации образовательного процесса овладения профессиональной иноязычной компетенцией, подбора и подготовки профессионально ориентированных учебно-методических материалов, рациональной организации учебных занятий: «практика организации занятия должна приводить к формированию и совершенствованию навыков рефлексии и саморазвития личности, необходимых для осуществления эффективной профессиональной деятельности» [2, с. 65]. Следовательно, обучение иностранным языкам существенно меняет вектор своего развития: если раньше дисциплина «Иностранный язык» воспринималась как средство формирования общекультурной компетенции, то сейчас иностранный язык должен стать неотъемлемым компонентом профессиональной компетенции специалиста с высшим образованием.

Реализация языковой подготовки в таком контексте ставит перед преподавателями кафедры иностранных языков задачу моделирования процесса профессиональной межкультурной коммуникации. Особое значение при этом

приобретают интерактивные, проектно-исследовательские и другие инновационные технологии, определяющие современный уровень преподавания иностранных языков. Среди наиболее существенных направлений концепции языковой подготовки можно отметить следующие.

1. Профессионально ориентированный характер курса иностранного языка концентрируется на достижении профессиональной адекватности. Иностранный язык обеспечивает выпускников эффективным средством коммуникации и самообразования в сфере будущей профессиональной деятельности. Практически все федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования в России предполагают формирование у обучающихся способности и готовности к общению с носителями иных языков. Фактически речь идет не об обучении собственно языку, а о подготовке коммуникантов в совершенно конкретной профессиональной среде.

2. В связи с изменением содержания курса иностранного языка подлежат изменению форм и методов оценки и контроля уровня владения иностранным языком на определенных этапах обучения. Компетентностный подход в обучении учитывает контроль не только языковых знаний, но интеграционные умения и навыки, с помощью которых выпускники будут решать с помощью иностранного языка профессионально обусловленные задачи. Создание фондов оценочных средств такого межпредметного уровня – серьезная задача для кафедры, поскольку необходимо менять и привычную структуру итогового экзамена по иностранному языку.

3. Индивидуализация высшего образования вкупе с гуманизацией и демократизацией требуют коренного изменения роли самостоятельной работы обучающихся. Традиционные виды этой учебной деятельности (в первую очередь репродуктивные – чтение, конспектирование, обработка текстов и др.) все чаще уступают место познавательно-поисковым и креативным (работа с Интернет – ресурсами, подготовка мультимедийных презентаций, докладов, рефератов, подбор иноязычных материалов для использования в курсовых работах и научных публикациях, проектные работы и т. д.).

4. Инновационные аспекты профессионально ориентированной языковой подготовки предполагают активное использование электронного обучения, формирующего информационно-коммуникативную компетенцию специалиста. В процессе обучения иностранному языку обычно выделяются следующие функции мультимедийных средств: справочно-информационная, собственно обучающая и мотивационная. Нельзя не отметить и тот факт, что в последние годы функция контроля усвоения знаний и степени сформированности конкретных компетенций также сместилась в сторону компьютерных средств. Дидактическое тестирование, онлайн – экзамены и др. должны стать неотъемлемыми компонентами языковой подготовки.

Профессорско-преподавательским составом кафедры иностранных языков Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина разработана и реализуется концепция развития лингвистического образования, нацеленная на качественное улучшение деятельности в области подготовки кадров, научно-исследовательской работы, использования инновационных достижений и современных педагогических технологий в сфере преподавания иностранных языков.

Данная концепция имеет главную цель: формирование и развитие профессионально ориентированной иноязычной компетенции выпускников и направлена на организацию профессионально ориентированной языковой подготовки обучающихся на основе компетентностного подхода; повышение профессионально ориентированной иноязычной компетенции профессорско-преподавательского состава на основе дифференцированного подхода; формирование активной информационно-обучающей языковой среды.

Основными задачами деятельности профессорско-преподавательского состава кафедры являются:

- реализация требований федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения к результатам освоения основной образовательной программы подготовки специалистов для органов внутренних дел;
- моделирование процесса профессиональной межкультурной коммуникации с использованием интерактивных, проектно-исследовательских и других инновационных технологий, определяющих современный уровень преподавания иностранных языков;
- формирование профессиональной компетенции курсантов и слушателей;
- осуществление профессионализации курса обучения иностранному языку;
- исследование потребностей курсантов и слушателей в изучении иностранного языка и условий применения его выпускниками института в профессиональной деятельности;
- определение содержания курса обучения иностранному языку на базе предметного и социокультурного контекстов профессии полицейского;
- осуществление моделирования в учебном процессе ситуаций профессионального общения;
- повышение преподавателями лингвистической и педагогической квалификации.

Важным направлением деятельности кафедры является создание дидактических и методических инструментов, обеспечивающих формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции сотрудников полиции в условиях контекстного обучения для обеспечения эффективного общения в профессиональной среде.

Профессорско-преподавательским составом кафедры разработаны и успешно внедряются в образовательный процесс профессионально ориентированные пособия, обеспечивающие решение задачи моделирования процесса профессиональной межкультурной коммуникации с применением инновационных технологий, в том числе электронного обучения: практические курсы английского и немецкого языков, русско-английские и русско-немецкие разговорники для сотрудников полиции, обеспечивающих безопасность и правопорядок при проведении массовых мероприятий спортивного характера, профессионально ориентированные словари, лексические минимумы для полицейских, хрестоматии для внеаудиторного чтения, методические пособия для самостоятельной работы обучающихся.

Данные учебные пособия направлены на активизацию иноязычного профессионально ориентированного общения, развитие и автоматизацию иноязычных речевых навыков в диалогической и монологической речи, усвоение профессиональной лексики и формирование коммуникативных компетенций. Наряду с этим они призваны способствовать развитию нравственных качеств сотрудников органов внутренних дел, необходимых им при осуществлении служебных полномочий.

При создании пособий авторами сделан упор на реализацию коммуникативно-функционального принципа в отборе и организации учебного материала, а также на соблюдение ряда дидактических, методических, специальных принципов, обеспечивающих достижение поставленной цели приобретения общекультурной и общепрофессиональной компетенций в результате освоения образовательной программы.

Поскольку преподаватель сегодня должен обладать творческой независимостью, готовностью к поиску, анализу, активному внедрению в свою деятельность новых образовательных технологий важную роль в реализации концепции лингвистического образования в институте играет повышение научного потенциала профессорско-преподавательского состава кафедры: развитие научно-образовательных коммуникативных компетенций педагогов в ведущих научных центрах в форме участия в вебинарах, видеоконференциях и дистанционных курсах повышения квалификации; повышение научной активности профессорско-преподавательского состава кафедры, публикация статей в рецензируемых научных изданиях и зарубежных журналах.

Будущее международного полицейского взаимодействия связано с электронными коммуникациями, что вызывает необходимость формирования иноязычной электронной коммуникации, обеспечивающей освоение сотрудниками полиции современных форматов иноязычного профессионального общения в целях продуктивной профессиональной деятельности в условиях современной реальности. В рамках обновления материально-технической инфраструктуры

кафедры осуществляется создание оптимальных информационно-библиотечных условий для реализации образовательных программ.

Итогами работы коллектива кафедры по реализации концепции лингвистического образования в институте являются: расширение содержания и концентрация профессионально ориентированного курса иностранного языка на достижении профессиональной адекватности выпускников института; моделирование профессионально обусловленных ситуаций в учебном процессе; изменение формы и методов оценки и контроля уровня знаний; качественные изменения параметров самостоятельной работы обучающихся; реализация инновационных аспектов лингвистической подготовки с применением мультимедийных технологий; повышение научного потенциала профессорско-преподавательского состава кафедры.

Таким образом, можно сделать вывод, что успешность в реализации концепции формирования иноязычной коммуникативной компетенции сотрудников полиции в контекстном обучении определяется использованием в организации обучения принципов непрерывности и системности, коммуникативной и профессиональной направленности обучения с применением в четкой взаимосвязи. Обучение профессиональной коммуникации на иностранном языке является значимой частью профессиональной подготовки специалиста.

Список источников

1. Акенина А. В. Роль межкультурного компонента в развитии языковой личности при обучении английскому языку в адъюнктуре // Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза: материалы междунар. науч.-метод. конф. (Хабаровск, 25 ноября 2016 г.). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2017.
2. Кожина Ю. Г. Из опыта использования воспитательного потенциала дисциплины «Русский язык в деловой документации» в юридическом вузе МВД России // Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза: материалы междунар. науч.-метод. конф. (Хабаровск, 25 ноября 2016 г.). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2017.
3. Коряковцева Н. Ф. Роль и статус иностранного языка в профессиональной подготовке инновационных кадров // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. Образование и педагогические науки. Вып. 1 (830). М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019.
4. Котова Г. В. Нарративные практики в сфере иноязычного образования // Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза: материалы междунар. науч.-метод. конф. (Хабаровск, 25 ноября 2016 г.). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2017.

УДК 81'42:342.9

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОТ ИНФОРМАЦИИ, ПРИЧИНЯЮЩЕЙ ВРЕД ИХ ЗДОРОВЬЮ И РАЗВИТИЮ

***Е. М. Крадожён-Мазурова**, доцент кафедры лингвистики и международного права Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат филологических наук, доцент*

В статье представлен анализ последствий распространения среди детей и подростков Дальнего Востока информации, размещение которой нарушает Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В статье проанализированы виды деструктивной информации и способы ее популяризации среди несовершеннолетних. За последние пять лет на территории Хабаровского края обозначили присутствие в информационном пространстве Интернета представители АУЕ – молодежного сообщества, которое пропагандирует среди несовершеннолетних традиции криминального мира; «колумбайнеры» – сторонники массовых школьных убийств; представители группы ЛГБТ+. Методами лингвистической экспертизы показано, что отрицание моральных и семейных ценностей, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений в детской и молодежной среде порождают отрицательные тенденции в демографической ситуации на территории страны, отдельного региона, в частности Хабаровского края.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза; Хабаровский край; подросток; информация, причиняющая вред здоровью и развитию детей.

LINGUISTIC EXPERTISE ON THE ISSUE OF PROTECTING CHILDREN FROM HARMFUL INFORMATION TO THEIR HEALTH AND DEVELOPMENT

***E. M. Kradozhon-Mazurova**, associate professor of the Department of Linguistics and International Law of the Far Eastern Institute of Manage-*

ment – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor

The article presents an analysis of the consequences of the dissemination of information among children and adolescents in the Far East, the placement of which violates the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-ФЗ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development". The article analyzes the types of destructive information and means of its popularization among minors. Over the past five years, representatives of A.U.E, a youth community that promotes the traditions of the criminal world among minors, have indicated their presence in the Khabarovsk Territory on the territory of the Internet; "Columbiners" – supporters of mass school killings; representatives of the LGBT + group. Linguistic examination methods have shown that the denial of moral and family values, the promotion of non-traditional sexual relations in children and young people generate negative trends in the demographic situation in the country, a separate region, and, in particular, the Khabarovsk Territory.

Keywords: linguistic expertise; Khabarovsk region; adolescent; Information harmful to the health and development of children.

Состояние общества оценивается развитием человеческого капитала, в котором главным является молодежный ресурс. Особенно остро проблема сохранения, закрепления молодежи стоит в малонаселенных районах дальневосточного пограничья. Об этом шла речь и на Пятом Восточном экономическом форуме в сентябре 2019 г. во Владивостоке.

Статистика безжалостна и объективна: 7 ноября 2019 г. на Interfax.ru были опубликованы данные Счетной палаты по исполнению бюджета на 2019 г. В документе указано, что естественная убыль населения в России нарастает с 2016 г.: в январе – августе 2019 г. она составила 219,2 тыс. человек. Это на 50,1 тыс. человек (в 1,3 раза) больше, чем в соответствующем периоде 2018 г. [9].

Хабаровский край также теряет население, что усугубляется миграционным оттоком взрослого населения и молодежи в центральные и южные регионы России. На начало 2019 г., по данным сайта государственной статистики Хабаровского края, в Хабаровском крае численность молодежи в возрасте от 15 до 29 лет составляла 244,716 тыс. человек, то есть 18,5 % населения края, а число пенсионеров превысило численность молодых людей в 1,2 раза [7].

По мнению И. А. Алтуховой, в последние годы «...стремительно сокращается доля молодежи в общей численности населения Дальневосточного региона, которая является стратегическим ресурсом развития регионального сообщества

и носителем инновационного потенциала региона. В этой связи сохранение и развитие молодежного потенциала – приоритетная задача государственной политики» [2, с. 65].

Цифры свидетельствуют: ситуация тревожная. При этом тревогу вызывает не только количество, но и «качество» молодежи, составляющей человеческий капитал региона. Как показывает практика, немногочисленные дети и подростки Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) нередко становятся мишенью различных деструктивных сообществ, распространяющих информацию, которая может причинить вред их здоровью и развитию. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [1, ст. 5] указывает виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей.

Оценивают и анализируют информацию, которая может быть потенциально опасна для формирования ценностей детей и подростков, эксперты. Как правило, в экспертизе материалов, носящей комплексный характер, задействованы лица, обладающие специальными знаниями, в том числе в области педагогики, возрастной психологии, возрастной физиологии, детской психиатрии. В Хабаровске производство данного вида экспертиз обычно инициируется аппаратом Уполномоченного по правам ребенка в Хабаровском крае; отделом «К» УМВД России по Хабаровскому краю; сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Остановимся на одном из аспектов проведения комплексных экспертиз по вопросам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, а именно, на лингвистических экспертизах, в производстве которых участвует автор данной публикации.

2016–2017 гг. отмечены распространением «информации, побуждающей детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к самоубийству» [1, ст. 5], либо направленной «на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий», как указано в редакции Федерального закона от 18 декабря 2018 г. № 472-ФЗ [1, ст. 5]. Это период работы экспертов по материалам интернет-игры «Синий кит», «суицидальных пабликов», «групп смерти». Одновременно на рубеже 2016–2017 гг. активизировалось сообщество, обозначенное аббревиатурой АУЕ (А. У. Е.), которая пропагандирует через социальные сети, в том числе среди детей школьного возраста, криминальную субкультуру, положительно оценивает образ жизни преступников, криминальный мир, его законы и порядки.

Одной из задач эксперта-лингвиста являлось доказательство наличия в представленных материалах пропаганды ценностей криминального сообщества. Эксперт-лингвист в соответствии с методиками производства лингвистической экспертизы опирался на лексикографическую базу словарей XXI в. С точки зрения

современного русского литературного языка, «пропаганда – это распространение и разъяснение каких-нибудь идей, учения, знания с целью воздействия на широкие массы» [5, с. 601]; «ознакомление широких масс с чем-либо с целью распространения чего-либо, формирования определенных навыков, привычек, вкусов, потребностей и т. п.» [6, с. 940]. Эксперты доказали, что размещение в Интернете на странице сообщества в социальной сети «ВКонтакте» 225 текстово-визуальных объектов (креолизованных текстов) с аббревиатурой А. У. Е. и положительной оценкой образа жизни лиц, преступивших закон, является пропагандой, включая пропаганду участия детей в азартных играх, потребления табачных изделий, алкогольной продукции несовершеннолетними.

Отметим, что А. У. Е. – агрессивное сообщество. 2019 г. характеризуется ростом его активности не только в социальных сетях. Так, в июне 2019 г. произошло нападение подростков на полицейского на проспекте Мира в подмосковном Фрязине. Сотрудник полиции получил ножовое ранение, которое ему нанес несовершеннолетний. Через некоторое время подростков задержали на трассе. По сообщению корреспондента «Московского Комсомольца», они выкрикивали «А. У. Е.» и другие тюремные аббревиатуры [8].

Терроризм в XXI в. – одна из глобальных угроз безопасности. На заседании Национального антитеррористического комитета в июне 2019 г. в Москве обсуждалось состояние профилактической работы в ДФО, эффективность работы органов власти и местного самоуправления. Специалисты отметили, что в настоящее время распространена анимация как средство привлечения внимания молодежи к террористическим идеям. Интернет-наставники регулярно проводят тренинги по подготовке и осуществлению терактов. В 2017–2019 гг. эксперты выявили рост активности «колумбайнеров» в Хабаровском крае: 21 апреля 2017 г. несовершеннолетний Антон Конев в приемной УФСБ по Хабаровскому краю застрелил двух человек, одного ранил. 21 февраля 2019 г. сотрудниками Федеральной службы безопасности был задержан выпускник 2018 г. школы № 30 Хабаровска Александр Онуфриенко 2001 года рождения. Он готовил теракт в школе № 30.

Сравнительно новым явлением для Хабаровского края в 2019 г. стало вовлечение детей и подростков через Интернет в ЛГБТКИАП-сообщества. Аббревиатура ЛГБТ+, или LGBTQIA обозначает сообщество гомосексуалов, бисексуалов, трансгендеров, интерсексуалов и асексуалов. «Квир» (Q) означает человека, который не вписывается в традиционные рамки сексуальной ориентации и гендерной идентичности, «Р» – значок полисексуала. Дети сталкиваются с «информацией, отрицающей семейные ценности, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения и формирующей неуважение к родителям и другим членам семьи» [1, ст. 5].

В ноябре 2019 г. главный внештатный специалист Минздрава России по репродуктивному здоровью Олег Аполихин в эфире радио «Говорит Москва» высказал мнение: «Чтобы у нас росла численность населения, приоритеты должны быть связаны с семьей, с тем, чтобы человек хотел иметь детей, хотел бы создавать для себя определенный социум» [Цит. по: 4]. Вред информации, распространяемой для подростков в социальных сетях («Поддержка для ЛГБТ-подростка», «Как жить и работать в России ЛГБТ-педагогам и всем педагогам небезразличным к ЛГБТ» и пр.), – в нацеленности на сокращение роста населения в однополый союз без детей, что для Дальнего Востока катастрофично. По мнению Н. М. Байкова, «социально-экономические и геополитические последствия «опустынивания» малонаселенных территорий несут вызовы и угрозы для национальной безопасности страны» [3, с. 102].

Лингвистическая экспертиза представленных на исследование материалов, содержащих информацию, размещение которой может нанести вред здоровью и развитию несовершеннолетних, помогает выявить факторы дестабилизации обстановки в Дальневосточном регионе, факторы риска в демографии. Анализ результатов экспертных заключений позволяет не только предотвратить дальнейшее распространение деструктивной информации, но и скорректировать поведение детей и подростков, оказавшихся в зоне риска вследствие получения вредной информации. В школах к коррекции могут быть привлечены педагоги, психологи, специалисты в области медиации, вне школы – киберволонтеры.

Список источников

1. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ: ред. от 01.05.2019. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс».
2. Алтухова И. А. Анализ тенденций развития молодежного потенциала Дальневосточного региона // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 65–72.
3. Байков Н. М. Социальные представления городских жителей как фактор миграционных намерений и поведения // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 101–112.
4. Во всем виновата молодежь. Минздрав раскрыл причину убыли населения в РФ // Миртесен: [сайт]. URL: https://temydnaya.mirtesen.ru/blog/43466493621/Vo-vsyom-vinovata-molodyozh-Minzdrav-raskryil-prichinu-ubyili-na?utm_referrer=mirtesen.ru&page=3 (дата обращения: 16.11.2019).
5. Лопатин В. В., Лопатина А. Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2013.
6. Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века, 2017.
7. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований // Управление Федеральной службы государственной статистики по

- Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу: [сайт]. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/20717> (дата обращения: 16.11.2019).
8. Полицейского в Подмоскovie резали под крики «А. У. Е.» // МКРУ: [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/incident/2019/06/19/policeyskogo-v-podmoskove-rezali-pod-kriki-aue.html> (дата обращения: 16.11.2019).
 9. Счетная палата сообщила об ускоряющейся четвертый год подряд убыли населения // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/683256> (дата обращения: 16.11.2019).

УДК 378

О ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМАТИКУ

*А. С. Лариошин, доцент кафедры лингвистики и международного права
Дальневосточного института управления – филиала Российской ака-
демии народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, кандидат педагогических наук*

Научная статья посвящена выявлению противоречий, повлиявших на возникновение педагогической проблематики взаимодействия в поликультурном образовательном пространстве. Автор статьи ориентируется на общенаучный – проблемный – подход научно-исследовательской деятельности. Согласно этому подходу смыслообразующим элементом любого исследования является (научная) проблема. Постановка научной проблемы, в свою очередь, осуществляется путем выявления противоречий. Интегрирующие процессы, развивающиеся в последнее десятилетие во всех сферах деятельности, способствовали появлению пространства с резким количественным и качественным ростом межкультурных (поликультурных) контактов. Интенсивность общения между представителями разных культур в его рамках сформировала социальный заказ – быть готовым к межличностному и профессиональному взаимодействию в условиях поликультурного пространства. Социальный заказ породил научный заказ, который заключается в необходимости теоретико-педагогического и практического поиска эффективной системы (или систем) подготовки будущих специалистов (бакалавров и магистров) в условиях противоречивого поликультурного образовательного пространства.

Ключевые слова: педагогическая проблема; поликультурное образование; принцип поликультурности в образовании; принцип культуросообразности в образовании; поликультурное образовательное пространство.

ABOUT MULTICULTURALISM OF MODERN HIGHER EDUCATION: AUTHOR'S VIEW ON THE ISSUE

A. S. Larioshin, associate professor of the Department of Linguistics and International Law of the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Pedagogy

The article is devoted to the identification of contradictions, influenced on the formation of pedagogical problems of interaction in multicultural educational space. The author uses the problematic scientific approach. According to this approach, any scientific problem arises from contradictions. Modern integrative processes have contributed to the creation of a contradictable multicultural space. The growth of communication intensity between representatives of different cultures has formed a social demand – to get ready for interpersonal and professional interaction in multicultural conditions. It forms a scientific demand – pedagogical searching for an effective system (or systems) of training within a contradictable multicultural educational space.

Keywords: pedagogical problem; multicultural education; educational principle of multiculturalism; educational principle of cultural diversity; multicultural educational space.

Интегрирующие процессы, разворачивающиеся в последнее десятилетие во всех сферах деятельности, поспособствовали появлению пространства с резким количественным и качественным ростом межкультурных (поликультурных) контактов. Интенсивность общения между представителями разных культур в его рамках сформировала социальный заказ – быть готовым к межличностному и профессиональному взаимодействию в условиях поликультурного пространства.

Педагогика как социальная наука находится в тесной взаимосвязи с социальными изменениями – любые явления общества (социальные факторы) создают педагогические волнения. Поликультуризация российского общества с последующими качественными требованиями к его субъектам порождает аналогичные характеристики у педагогического пространства и субъектов этого пространства. Иными словами, названный выше социальный заказ побуждает пересмотреть классический педагогический принцип культуросообразности, предложенный А. Дистервегом. Здесь мы делаем акцент на необходимости именно пересмотреть принцип культуросообразности, а не изменить его или попытаться убрать из педагогической реальности. Напомним, что принцип культуросообразности гласит, что в процессе обучения (воспитания) нужно

учитывать особенности культуры (ценностей), в которой человек родился, вырос, будет жить и работать.

Иными словами, образование должно быть культуросообразным. Но, если мы чётко будем следовать этому классическому принципу, а также учитывая постепенную (но стремительную) поликультуризацию российского общества, можно утверждать, что российское образование должно быть поликультурным (если культура несет признаки поликультуры) с вытекающими из этого требованиями ко всем педагогическим системам и процессам.

В своей работе мы ориентируемся на общенаучный – проблемный – подход научно-исследовательской деятельности, согласно которому смыслообразующим элементом любого исследования является проблема, постановка которой, в свою очередь, осуществляется путем выявления противоречий. Базируясь на этом подходе, поликультурность современного российского образования не является педагогической проблемой. Поликультурность – это объективно заданная характеристика образования под влиянием современной действительности. Однако, изучение исследований [1], связанных с постановкой проблем межкультурного взаимодействия (в том числе в рамках педагогического пространства), позволило нам вскрыть ряд взаимосвязанных противоречий: между стремительной поликультуризацией общества и определенной стереотипизацией педагогических систем; между социальным и государственным заказами в специалистах, готовых осуществлять свои профессиональные обязанности в поликультурном пространстве, и отсутствием эффективной системы для их подготовки.

На основании обозначенных противоречий мы можем обозначить проблематику (а, следовательно, и цель для педагогов-исследователей), которая заключается в необходимости теоретико-педагогического и практического поиска эффективной системы подготовки будущих специалистов (бакалавров, магистров) в условиях противоречивого поликультурного образовательного пространства.

Постановка названной проблематики в педагогической науке (как и ее оформление) происходит последовательно, как постепенный процесс накопления знания о природе поликультурности во взаимосвязи с усилением количественно-качественных педагогических трудностей поликультурного характера. Начиная с 70-х годов XX века, накопленные фундаментальные знания из области коммуникативистики, культурологии, психологии и теории межкультурной коммуникации стали «перетекать» в педагогику и приобретать прикладные свойства. Они вооружили преподавателей иностранных языков ведущих лингвистических вузов страны инструментарием для создания достаточно эффективных педагогических систем по подготовке специалистов-межкультурников (политиков, лингвистов, переводчиков, дипломатов, военных и прочих) [3]. Однако, несмотря на заметный прогресс в подготовке специалистов по линг-

вистическим программам, студенты нелингвистических факультетов выпускаются с минимальными межкультурно-коммуникативными знаниями, навыками и умениями. Этот тезис также подкрепляется низкой аудиторной (контактной) нагрузкой на освоение дисциплин, направленных на формирование культурно-ценностных и межкультурно-коммуникативных компетенций (политология, история, философия, русский язык и культура речи, этика, иностранные языки и другие), а также отсутствием эффективного прямого доступа для каждого субъекта образовательного пространства к качественным аутентичным информационным ресурсам. Стоит заметить, что общее количество контактных часов, отводимых на такие дисциплины, продолжает снижаться – в среднем до двух академических часов в неделю (по одной зачетной единице) по каждому направлению подготовки (специальности).

Тем самым мы можем дополнить обозначенный выше ряд взаимосвязанных противоречий следующим: между необходимостью разработки (или адаптации, если взять опыт лингвистических школ за эталон) и внедрения в педагогическую практику эффективной общедоступной педагогической системы подготовки специалистов, владеющих навыками поликультурного взаимодействия, и несоответствием объема аудиторной (контактной) нагрузки для ее (системы) реализации.

Возможным выходом из сложившейся ситуации может стать соответствие требованиям культурной синхронизации, которая нами рассматривается, прежде всего, как признание всестороннего равенства всех субъектов образовательного пространства вне зависимости от культурной (или поликультурной, согласно принципу культуругенеза в образовании [1]) принадлежности. Такая синхронизация возможна через развитие у каждого субъекта образования поликультурного сознания (или поликультурной компетенции) позволяющего адекватно реагировать на любые внешние вопрошания, возникшие в результате культурно-ценностного несоответствия. Формирование и развитие поликультурной компетенции, на наш взгляд, имеет ряд трудностей, обусловленных невозможностью дать однозначные ответы на классические педагогические вопросы – чему учить? кого учить? как учить? и другие. Педагогическая наука еще не нашла конкретный ответ на вопрос содержания (ЗУН) поликультурной компетенции, предназначенной для студентов нелингвистических вузов, а, следовательно, не имеет и четкой технологии по ее формированию. Стоит также учитывать, что поликультурная компетенция обязательно должна включать в себя четвертый элемент содержания образования – опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений (В. В. Краевский, И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин) [2], который просто не прописан в содержании любых компетенций. Очевидно, что формирование и развитие поликультурной компетенции должно осуществляться через привитие совокупности общечеловеческих ценностей как возможного связующего звена

между источником и реципиентом в условиях межкультурной коммуникации, как своеобразного «дешифровщика культурного кода» (Э. Холл) [5].

Мы не берем на себя смелость рассуждать об общечеловеческих ценностях современного образования, однако, стоит признать, что такой ценностью может стать сам человек (гуманность). Иными словами, обучение должно следовать установке личностно ориентированного, гуманного, доверительного, открытого и равного отношения между всеми участниками процесса обучения. Мы признаем личностноориентированность современного образования, но мы также признаем, что такая ориентация не всегда приобретает позитивные (или негативные, но конструктивные) формы. В частности, не каждый субъект образования способен признать ценностное равенство своей и другой личности. Здесь мы выделяем следующие формы личностно-ценностного отношения: признание доминанты ценности своей личности, не признавая ценностного равенства других личностей; признание доминанты ценности своей личности и ценностного равенства других личностей; признание ценностного равенства всех личностей.

Стоит также учитывать и потенциальные риски культурной синхронизации. Её результатом может стать (и станет) потеря (или так называемое «уравнивание») культурных ценностей, что неминуемо приведет к утрате культурной идентичности. Тем самым, мы снова оказываемся перед извечным выбором «доброго молодца», символизирующего Россию (в нашем случае – российское образование), стоящего перед камнем у развилки: «налево пойдешь – коня потеряешь, себя спасешь; направо пойдешь – коня спасешь, себя потеряешь...». Остается путь прямо, но «...прямо пойдешь – себя и коня потеряешь», да и не ходит русский витязь прямо.

Список источников

1. Данилюк А. Я. Принцип культурогенеза в образовании // Педагогика: науч.-теорет. журн. 2008. № 10. С. 3–8.
2. Лариошин А. С. Формирование готовности к межкультурной коммуникации в теории и практике обучения иностранному языку в отечественных вузах второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тверь, 2017.
3. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. М.: Гнозис, 2007.
4. Юдина Н. П. Проблемы исследования историко-педагогического процесса в свете особенностей постнеклассической рациональности (конец XX века): моногр. Хабаровск: ТОГУ, 2016.
5. Hall E. The Hidden Dimension. N.Y.: L., 1990.

УДК.378.811

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Н. А. Лесникова, доцент кафедры лингвистики и международного права
Дальневосточного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, доцент;

Е. И. Пичугина, доцент кафедры лингвистики и международного права
Дальневосточного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, доцент

Анализируются требования положений, лежащих в основе программ обучения иностранным языкам в неязыковых вузах, в условиях модернизации высшего образования. Обращается особое внимание на принцип интегративности в обучении иностранному языку и отбор содержания при разработке пособий для учебно-методического комплекса с использованием профессионально ориентированной лексики, что способствует формированию профессиональной компетенции и обучению профессиональной деятельности.

Ключевые слова: непрерывность образования; принцип интегративности; отбор содержания; УМК; профессионально ориентированная лексика; профессиональная компетенция; профессиональная деятельность.

FOREIGN LANGUAGE AS A MEANS OF INTERDISCIPLINARY INTEGRATION

N. A. Lesnikova, associate professor of the Department of Linguistics and International Law of the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Associate Professor;

E. I. Pichugina, associate professor of the Department of Linguistics and International Law of the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Associate Professor

The authors analyze the requirements to provisions underlying the programs of teaching foreign languages in the context of modernization of higher education. Special attention is paid to the issue of integration and content selection in teaching foreign languages when developing manuals for educational complexes using vocational vocabulary that contribute to the formation of professional competence and professional training.

Keywords: integration in teaching foreign languages; means of interdisciplinary integration; content selection; educational complexes; professional competence; professional training.

Положение о непрерывном образовании, на котором основана вся система образования, проецируется и на изучение иностранных языков. Следует отметить, что на второй ступени образования (бакалавриат) продолжается не только дальнейшее развитие компетенций, сформированных на первой ступени развития, но изучение дисциплины «Иностранный язык» выходит на новый уровень.

На уровне бакалавриата обучение иностранному языку связано с профессиональным циклом [2]. Поэтому при составлении рабочей программы дисциплины необходимо учитывать такие основополагающие принципы как:

- владение иностранным языком является неотъемлемой частью профессиональной подготовки всех бакалавров (специалистов) в вузе.
- изучение иностранного языка строится на междисциплинарной интегративной основе.
- обучение иностранному языку направлено на комплексное развитие коммуникативной, профессиональной и общекультурной компетенций студентов [3].

Кроме того, устанавливая промежуточные и конечные цели обучения и соответственно определяя требуемый объем, характер и тематику занятий, следует принимать во внимание общий объем часов, их распределение по годам обучения, общеобразовательную и языковую компетенции обучающихся.

Принцип интегративности предполагает интеграцию знаний из различных предметных дисциплин, одновременное развитие как собственно коммуникативных, так и профессионально-коммуникативных компетенций, которые предполагают владение иностранным языком в сфере профессиональной деятельности, применение основных способов построения аргументации в устных и письменных текстах, умение использовать потенциал языка для достижения коммуникативных целей [1].

Следует отметить, что принцип интегративности предполагает, что иностранный язык выступает не как цель обучения другим дисциплинам, а как средство организации обучения профессиональной деятельности, которая способствует обеспечению взаимодействия в ситуациях профессионального общения [1].

В связи с этим встает вопрос об отборе содержания. Необходимо разработать учебно-методический комплекс профессионально ориентированного обучения иностранному языку с учетом личностных потребностей будущих бакалавров, специалистов. При подборе и разработке пособий для УМК всех направлений подготовки особое место должно уделяться тематике речевых видов деятельности (чтение, говорение, аудирование, письмо). Особое внимание следует уделять профессионально ориентированной лексике.

В свете принципа коммуникативности обучение лексике подчинено овладению другими аспектами языка – грамматикой и фонетикой, но особенно активизируется при работе над профессионально ориентированным текстом, при развитии навыков говорения, чтения и восприятия речи на слух.

Развитие коммуникативно-профессиональной компетенции в рамках предлагаемых пособий должно обеспечиваться за счет ситуативно-тематического представления материала. Необходимо включать задания, которые воссоздают наиболее вероятные ситуации делового, профессионального общения, способствующие коммуникативной активности студентов, стимулирующие самостоятельную речевую деятельность. Эти задания предполагают как индивидуальные, так и коллективные формы работы, решение проблемных задач.

Тематика устных разговорных тем, текстов для устного и письменного переводов должна быть направлена так же и на решение воспитательных задач. Воспитательная цель реализуется через формирование сознательного отношения к выбранной профессии и использование полученных знаний по иностранному языку в будущей профессиональной деятельности.

Стоит отметить, что грамматические задания играют не меньшую роль для формирования коммуникативно-профессиональной компетенции. Грамматические связи и отношения, определяющие структуру любого предложения, очень важны для понимания высказывания. Осознание грамматических явлений, связей – обязательное условие скорейшего овладения языком. Следовательно, вопрос не в том, обучать или не обучать грамматике на уровне бакалавриата, а в том, какое место отвести ей и как ее преподавать в практическом курсе иностранного языка. Грамматика должна являться не целью обучения или изучения, а средством и подчинена коммуникативно-профессиональной деятельности, приобретая служебную роль в процессе овладения профессиональным языком.

В понятие коммуникативная компетенция включаются умения не только слушать и говорить, но и читать и письменно излагать свои мысли. Чтение и говорение – это разные виды деятельности. Для их выполнения нужны разные навыки и умения. Обучение чтению на втором этапе формирования коммуникативно-профессиональной компетенции должно быть направленно на развитие навыков ознакомительного, просмотрового и поискового чтения, с выходом на

формирование навыков письменной речи через написание делового письма, эссе, перевода, составления резюме, реферата, тезисов доклада.

Следовательно, УМК по развитию профессионально– коммуникативной компетенции должен включать в себя учебники, пособия, методические рекомендации, направленные на развитие всех видов речевой деятельности.

Список источников

1. Иванова М. А., Кузнецова Е. И. Технология обучения иностранным языкам на основе междисциплинарного подхода // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 2. С. 160–162.
2. Колыхалова, О. А., Шварц Е. С. Рабочая программа дисциплины «Иностранный язык» для направлений подготовки кадров высшей квалификации // Иностран. язык в школе. 2016. № 2. С. 33–34.
3. Лариошин, А. С. Разработка дидактической модели содержания учебной дисциплины «Иностранный язык» для формирования у студентов неязыковых отечественных вузов навыков межкультурного общения в 1969–1986 гг. // Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2016.

УДК 378

ВОСПИТАНИЕ ВЫСОКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК МЕТОД ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Н. Ю. Лукашёва, преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России

Автор рассуждает об особо ценном значении воспитания высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции как метода профилактики разных видов профессиональной деформации. Система данного воспитания сотрудников полиции исходит из тех этико-правовых фундаментов, которые были заложены обществом и государством, а также сущности взаимодействия морально-нравственных и правовых норм.

Ключевые слова: воспитание; высокая профессионально-нравственная культура; профилактика профессиональной деформации; самовоспитание; сотрудник полиции.

EDUCATION OF HIGH PROFESSIONAL AND MORAL CULTURE AS A PREVENTIVE METHOD OF PROFESSIONAL DISTORTIONS OF POLICE OFFICERS

N. Yu. Lukashova, lecturer of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The author discusses the particularly valuable value of education of high professional and moral culture among police officers as a method of prevention various types of professional distortion. The system of this education of police officers is based on the ethical and legal foundations that have been laid by society and the state, as well as the essence of the interaction of moral and legal norms.

Keywords: education; high professional and moral culture; prevention of professional deformity; self-education; police officer.

Воспитание высокой профессионально-нравственной культуры занимает особое место в системе методов профилактики профессиональной деформации у сотрудников полиции. В рамках рассматриваемой нами темы уместно вспомнить о правовом значении терминов «профессиональная деформация» и «профилактика профессиональной деформации». Раскроем их содержание ниже.

Профессиональная деформация у сотрудников полиции является искажением профессиональных навыков и личности, означает приобретение ими анти-социальных характеристик, которые формируются вследствие отрицательных свойств содержания, управления и обстоятельств реализации профессиональной деятельности.

Профилактику профессиональной деформации у сотрудников полиции следует рассматривать в качестве системы превентивных мероприятий, главной целью реализации которых выступает снижение численности психологических девиаций у сотрудников полиции, а также минимизация вероятностных условий их появления и развития.

Воспитание высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции, будучи методом профилактики разных видов профессиональной деформации, означает развитие у сотрудников полиции личностных качеств широкого свойства, что позволит хорошо разбираться в таких сложных категориях, как мораль, этика и право. Следует иметь в виду, что мораль выступает особым фундаментом соблюдения принципов законности, а сама законность – важнейшим элементом нравственности любого человека, в том числе осуществляющего служебную деятельность в органах полиции.

Некоторые ученые верно отмечают, что показатели воспитания высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции зависят от двух основных факторов:

- 1) уровня качества преподавания потенциальным и действующим сотрудникам полиции дисциплин, связанных с педагогической этикой;
- 2) самовоспитания сотрудника полиции, то есть его внутренней работы над своими негативными морально-нравственными качествами [1, с. 184].

Воспитание высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции является сложносоставным явлением социально-правового характера. В общем виде его сущность заключается в том, что воспитание трансформирует устоявшиеся в социуме нормы, идеальные модели поведения в убеждения конкретного человека, а также развивает у людей желание следовать положительным тенденциям социального поведения, привыкать к ним, участвовать в их совершенствовании [4, с. 222].

На основании общих представлений о воспитании высокой профессионально-нравственной культуры можно выделить его основные задачи относительно деятельности сотрудников полиции:

1) формирование у сотрудников полиции понимания необходимости следовать высоким морально-нравственным принципам, моделям поведения, принимать самое активное участие в их внешней реализации;

2) развитие у сотрудников полиции таких высоких морально-нравственных качеств, как честность, порядочность, гуманизм, ответственность за свою работу;

3) укрепление таких качеств, как умение контролировать свои эмоции, жертвовать собственными интересами во благо интересов общества и государства;

4) закрепление у сотрудников полиции понимания служебного долга, роли полиции в защите прав и свобод человека [3, с. 95].

Успешность выполнения упомянутых задач зависит не только от конкретного сотрудника полиции, но и его коллектива, руководства, общественных организаций, поскольку именно эти субъекты способны положительно воздействовать на развитие и укрепление у сотрудников полиции образцовых морально-нравственных качеств.

Выше нами было подчеркнуто, что одним из факторов успешного воспитания высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции выступает преподавание дисциплин, связанных с педагогической этикой. Указывая данный фактор, мы подчеркнули, что преподавание должно касаться не только потенциальных, но и действующих сотрудников полиции. Иначе говоря, процесс образования и воспитания высокой профессионально-нравственной культуры как его части не должен ограничиваться одним лишь вузовским обучением.

Необходимо помнить, что одной из самых значимых составляющих нравственного воспитания сотрудников полиции является реализация образовательного процесса на постоянной основе. Детальное исследование теоретических и практических положений, раскрывающих сущность и значение высокой профессионально-нравственной культуры, позволяет сотрудникам полиции преобразовать в конечном итоге свои знания в этой области в собственные убеждения. Кроме того, это помогает сотруднику полиции развить свои профессиональные навыки таким образом, чтобы служебная деятельность в полной мере согласовывалась с интересами полиции как структурной части системы государственного управления.

Можно утверждать, что образовательный процесс выступает фундаментом высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции. Получение новых знаний в рамках образовательного процесса способствует активному развитию чувства моральной ответственности за свои поступки, в том числе касающихся служебной деятельности. Данное качество впоследствии помогает сотруднику полиции анализировать свое поведение с наиболее объективной точки зрения, то есть сопоставлять его с действующими установками в обществе.

Безусловно, воспитание высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции возможно лишь при наличии способности у конкретных полицейских осуществлять нравственное самовоспитание, которое представляет собой в первую очередь внутреннюю сознательную работу над собой и своими морально-нравственными установками. Нравственное самовоспитание предполагает совершенствование человеком своих нравственных качеств:

- 1) формирование положительных установок, соответствующих идеальным моделям поведения с точки зрения общества и государства;
- 2) замену имеющихся отрицательных качеств на положительные.

Самовоспитание любого сотрудника полиции базируется на критическом анализе собственного поведения, а также поведения других лиц, в том числе коллег. Его сущность заключается в реализации регулярного внутреннего контроля (то есть самоконтроля) за собственными позициями, чувствами, поведением. Определяя свою точку зрения относительно какого-либо обстоятельства, свободно принимая то или иное решение, сотрудник полиции сам себя контролирует, дает оценку не только своим внешне выраженным поступкам, но и внутренне сформированным позициям. В такой ситуации достаточно ярко проявляется такая функция морали, как оценивание. Предметом такого оценивания выступают поступки человека, уже имеющие место или только планирующиеся, желания, цели, морально-нравственные качества и др.

Продуктивность воспитания высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции во многом зависит от поведения руководства, особенно в тех ситуациях, когда воспитательные процессы реализуются индивидуально. В данном случае начальник конкретных сотрудников полиции должен правильно анализировать поведение своих подчиненных, а также уметь выявлять причины, способствовавшие такому поведению. Кроме того, важно принимать во внимание то обстоятельство, что внешне абсолютно схожее поведение может характеризоваться принципиально разными мотивами. Так, первый полицейский выполняет поставленную служебную задачу из чувства долга перед своими коллегами, второй – из-за страха показаться нерешительным, трусливым, третий – чтобы получить премию от руководства и др. В зависимости от того, какой именно мотив имеет место в конкретном случае, нужно использовать меры воздействия индивидуального характера [2, с. 262].

Нужно понимать, что целостно достичь выполнения задач воспитания высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции можно посредством активного использования в правоприменительной деятельности теоретических разработок профессиональной этики сотрудников полиции.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы.

1. Воспитание высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции, будучи методом профилактики профессиональной деформации,

означает развитие у сотрудников полиции личностных качеств широкого свойства, что позволит сотрудникам полиции хорошо разбираться в таких сложных категориях, как мораль, этика и право.

2. Сущность воспитания высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции заключается в том, что воспитание трансформирует устоявшиеся в социуме нормы, идеальные модели поведения в убеждения конкретного человека, а также развивает у людей желание следовать положительным тенденциям социального поведения, привыкать к ним, участвовать в их совершенствовании.

3. Воспитание высокой профессионально-нравственной культуры у сотрудников полиции возможно лишь при наличии способности у конкретных полицейских осуществлять нравственное самовоспитание, которое представляет собой в первую очередь внутреннюю сознательную работу над собой и своими морально-нравственными установками. Нравственное самовоспитание предполагает совершенствование человеком своих нравственных качеств:

- 1) формирование положительных установок, соответствующих идеальным моделям поведения с точки зрения общества и государства;
- 2) замену имеющихся отрицательных качеств на положительные.

Список источников

1. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Морально-нравственное воспитание сотрудников полиции: основные проблемы, особенности и пути их решения // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2014. № 11.
2. Никоноров Е. А., Вохонцева Н. С. Профессионально-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел МВД России // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2014. № 6.
3. Овчарова А. И. Профессионально-нравственная деформация сотрудников органов внутренних дел как социально-философская проблема // Философия права. 2018. № 3 (86).
4. Морально-нравственное воспитание сотрудника полиции как основа национальной безопасности России / А. П. Чеботарев, Е. С. Караваев, В. Ю. Заикин, А. В. Лавренко // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72).

УДК 808.5

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

***О. А. Лукина**, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат филологических наук, доцент*

В настоящее время изменилось отношение к языковому образованию, особенно в нелингвистическом вузе. Поэтому роль преподавателя-филолога в современном высшем учебном заведении – не только обучить своему предмету, но и убедить студентов в необходимости владеть в совершенстве своим и хотя бы одним иностранным языками, так как это является показателем образованности любого человека. Для достижения данной цели предлагается использовать различные коммуникативные стратегии и тактики, а также средства и приемы речевого воздействия.

Ключевые слова: речевое воздействие; неориторика; аргументация; персуазивность; суггестивность.

LANGUAGE AS A TOOL OF INFLUENCE IN THE EDUCATIONAL PROCESS

***O. A. Lukina**, associate professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor*

At present, the attitude towards language education has changed, especially in nonlinguistic university. Therefore, the role of a teacher-philologist in a modern higher education institution is not only to teach their subject, but also to convince students of the need to master their own and at least one foreign language perfectly, since this is an indicator of the education of any person. To achieve this goal, it is proposed to use various communicative strategies and tactics, as well as means and techniques of speech influence.

Keywords: speech influence; new rhetoric; argumentation; persistence; suggestion.

В последнее десятилетие в языковом образовании наметились две противоположные тенденции: во-первых, с каждым годом растет интерес к изучению иностранных языков, в основном английского; во-вторых, падает речевая грамотность в рамках родного, русского языка. Последнее обстоятельство приводит к сильной обеспокоенности ученых-филологов, учителей-языковедов и т. п.

Английский язык также изучается односторонне, только как средство коммуникации. Остается без внимания культурный пласт, лежащий в основе каждого языка.

Чтобы вернуть наукам о языке, языковому образованию былую роль, преподавателю часто приходится пользоваться на занятиях способами речевого воздействия.

В последние десятилетия прошлого века много говорится о появлении неориторики, аргументативной риторики. Неориторика – это теория и практика эффективного и результативного речевого общения, учитывающего все средства, и речевые, и неречевые, для достижения целей коммуникации [3, с. 28]. Как писал А. А. Ивин в 2002 г., неориторика – это «наука о способах убеждения, о тех многообразных приемах воздействия на аудиторию, которые позволяют изменить убеждения последней» [2, с. 3].

Используя способы, приемы неориторики, преподаватель может изменять отношение к языковому образованию у своих студентов. Это довольно трудная задача в неязыковом вузе, где нам необходимо внедрить в сознание молодых людей, что отличное владение родным языком и хотя бы одним иностранным – обязанность любого образованного человека.

Еще Аристотель в античной риторике указывал на два рычага воздействия на слушателя – ум и чувства. Поэтому мы также стараемся использовать убеждение, опору на аргументы, на интеллектуальную сферу человека и внушение, опору на эмоциональные оценки, стереотипы, воображение.

С целью внесения изменений в убеждения адресата («я буду милиционером / биологом / инженером – зачем мне язык русский / белорусский / английский» на «хорошее знание языка – показатель общей культуры человека») нами в повседневной работе с курсантами используется аргументация – речевой акт, состоящий из взаимосвязанных утверждений, предназначенный оправдать или опровергнуть выраженное мнение и призванный убедить адресата в правильности отстаиваемой позиции [3].

Приведем пример. Можно задать вопрос курсантам, кого можно считать самыми образованными людьми в истории России. Вместе мы приходим к выводу, что это дворяне. Они в совершенстве владели несколькими языками: по-французски разговаривали родители, на русском общались дворовые, а фехтованию и музыке обучал немец; в семье также жила гувернантка-француженка.

Успешность аргументации зависит от умения преподавателя вести критическую дискуссию и уровня кооперации учебной группы.

С 1990-х годов в активный научный оборот вошли два термина: персуазивность и суггестивность.

Персуазивность предполагает воздействие автора сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то, призыва к совершению или несомнению им определенных действий [3].

Персуазивный коммуникативный процесс включает ситуации, в которых люди сознательно продуцируют сообщения либо тексты, нацеленные на то, чтобы вызвать определенное поведение адресата (в нашем случае группы адресатов) или повлиять на его оценки, установки.

В связи с этим на занятиях по английскому языку даются тексты о роли иностранного языка в жизни отдельного человека и общества в целом, приводятся факты о том, что в пожилом возрасте людям рекомендуется изучать иностранные языки, так как это способствует развитию у них мышления и т. п.

Суггестивность – скрытое словесное воздействие, принимаемое на веру, внушение, апеллирует к иррациональному и эмоциональному в психике слушателя [3].

В. М. Бехтерев в книге «Внушение и его роль в общественной жизни» еще в начале XX века писал о так называемой «психической заразе», микробы которой «передаются через слова, жесты и движения окружающих лиц, через книги, газеты и пр.» [1, с. 5].

Чтобы воспользоваться суггестией для изменения отношения к языку, преподаватель сам должен быть энтузиастом своего дела, а также может отправлять курсантов на различного рода конференции, в среду, которая пропитана любовью, уважением и бережным отношением к языку.

Таким образом, речевое воздействие в учебном процессе можно считать успешным, когда адресат (студент, курсант) «присвоил» те значения, цели, оценки, которые были приписаны определенным сообщением адресанта (преподавателя) в условиях свободы выбора.

Список источников

1. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1903. 144 с.
2. Ивин А. А. Риторика: искусство убеждать. М.: ФАИР Пресс, 2002. 304 с.
3. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе: учеб. для магистратуры. М.: ЛЕНАНД, 2017. 176 с.

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ SOFT SKILLS ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

***Т. М. Маленкович**, доцент кафедры методики и иностранных языков Тихоокеанского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент*

Развитие коммуникативной компетенции как главной цели курса «Иностранный язык» связано с развитием других навыков обучающихся, так называемых soft skills, которые являются ключевым ресурсом и основным конкурентным преимуществом будущих профессионалов.

Ключевые слова: профессиональный навык; «мягкий» навык; развитие «мягких» навыков; система высшего образования; обучение иностранному языку.

SOFT SKILLS BUILDING WHEN LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

***T. M. Malenkovich**, associate professor of the Department of Methods of Teaching and Foreign Languages of the Pacific State University, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

The development of communicative competence as the main goal of the course “Foreign Language” is associated with the development of other students' skills, the so-called soft skills, which are a key resource and the main competitive advantage of future professionals.

Keywords: professional skill; soft skill; development of soft skills; higher education system; teaching of the foreign language.

Динамичный темп развития современного общества, смена поколений, а вместе с ней и потребностей субъектов обучения послужили толчком к реформированию системы высшего образования.

В рамках данного процесса внедряются новые образовательные стандарты, системы оценки качества образования, разрабатываются модули основных

образовательных программ, при этом в качестве методологической основы содержания современного высшего образования используется компетентностная модель обучения. Данные изменения призваны способствовать повышению качества высшего профессионального образования и, как следствие, конкурентоспособности выпускников.

По результатам исследования, проведенного в Гарвардском университете и Стэнфордском исследовательском институте, профессиональную успешность сотрудника определяет наличие у него *hard skills* и *soft skills* в соотношении 15 % и 85 %.

Именно поэтому переориентация образования на развитие у студентов «гибких» навыков является ключевым звеном к решению успешности в будущей трудовой деятельности. Мотивированный человек с развитыми навыками адаптивности, кооперативной работы и критического мышления остается, и еще долгое время будет оставаться, востребованным. Например, по данным исследований *Wall Street Journal*, около 90 % руководителей испытывают нехватку именно таких работников.

В одном из своих трудов А. А. Вербицкий [1], рассматривая особенности новой образовательной парадигмы, выявляет ряд противоречий, препятствующих ее внедрению в российское образование. Одно из таких противоречий связано с существующим расхождением между общественной формой существования культуры и индивидуальной формой ее присвоения человеком.

Суть данного противоречия заключается в том, что психическое развитие человека происходит в диалоге и взаимодействии людей. Таким образом, успешное формирование социальной компетенции возможно лишь в условиях сотрудничества субъектов обучения и является результатом их совместной учебной деятельности. Однако традиционная система организации учебного процесса, называемая также лекционно-семинарской, отличается доминированием фронтальных форм работы, носящих индивидуальный характер.

Раскрывая суть противоречия между индивидуальным характером преподавания при традиционном способе обучения, и коллективной сущностью современного воспитания, следует отметить, что коллективное обучение не формирует у студентов тех качеств личности, которые особенно необходимы в современной жизни. К таким качествам относятся *soft skills* (ответственность, способность брать на себя руководящую роль и порождать в людях энтузиазм, креативность, критическое мышление, коммуникабельность и способность излагать свои мысли, учтивость и т. д.)

Решение этой проблемы сегодня затрагивает современное образование, которое должно быть направлено на развитие у студентов компетенций XXI в. Сложенная веками педагогическая система не должна разрушаться, а должна эволюционировать, должны смещаться педагогические акценты. В первую очередь,

от учащихся требуется не заучивание материала и не отработка однообразных методов решения задач, а развитие универсальных компетенций.

В связи с этим возникает обоснованный вопрос – возможно ли успешно сформировать soft skills в рамках основной учебной деятельности студентов? Отвечая на этот вопрос, необходимо сказать, что это не только возможно, но и необходимо делать, так как согласно ФГОС ВПО 3++ основной целью обучения становится формирование у студентов вузов определенного набора компетенций:

1) системное и критическое мышление:

– УК-1 – способность осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач. Разработка и реализация проектов;

– УК-2 – способность определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений;

2) командная работа и лидерство:

– УК-3 – способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде;

– УК-4 – способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном и иностранном(ых) языке;

3) межкультурное взаимодействие: УК-5 – способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах;

4) самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение):

– УК-6 – способность управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни;

– УК-7 Способность поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности.

5) безопасность жизнедеятельности: УК-8 – способность создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Проанализировав формулировку некоторых из них, можно утверждать, что большинство мягких навыков имплицитно включены в состав общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, на примере организации учебной деятельности дисциплины общего цикла, иностранный язык.

Таким образом, очевидно, что помимо формирования иноязычной речевой компетенции преподаватель иностранного языка должен уделять внимание работе над такими гибкими навыками и способностями XXI в., как командная работа, коммуникация (навыки ведения диалога) и эмоциональный интеллект.

Именно групповые формы обучения способствуют формированию данных навыков. Помимо упомянутых преимуществ групповых/парных форм работы они также позволяют преподавателю наиболее эффективно использовать аудиторное время, решая при этом максимальное количество методических задач. Рассмотрим их подробнее.

1. Воспроизведение реальной ситуации общения. При правильном выборе заданий, ситуативности и функциональности отбора языкового материала групповая и парная работа позволяет создать атмосферу реального общения.

2. Создание эмоционально комфортной атмосферы, способствующей свободному обмену мнениями и активному участию всех студентов в работе на занятиях. Нередко из-за невысокого уровня владения иностранным языком или в силу ряда личностных психологических особенностей студенты не готовы выражать свою точку зрения перед многочисленной аудиторией, или, опасаясь допустить ошибку и, думая, что это неминуемо повлечет потерю баллов, даже перед преподавателем. Обмениваться мнениями и вести дискуссию для таких студентов гораздо легче в паре или мини-группе.

3. Перераспределение ролей учителя и учащегося. Парная/групповая работа способствует ограничению ведущей роли учителя. Используя зарубежную методическую терминологию, мы можем говорить о сокращении так называемого *teacher talking time* (время, отведенное речи учителя на уроке) и увеличении *student talking time* (время речи учащихся).

4. Использование альтернативных методов контроля. Парная и групповая формы работы позволяют эффективно применять такие альтернативные формы оценки, как оценочные рубрики (*rubrics*), самооценка (*self-assessment*) и взаимооценка (*peer-assessment*). Данные методы способствуют развитию критического мышления и формированию навыков анализа собственных достижений, являющихся чрезвычайно важными для дальнейшего профессионального успеха.

На современном этапе развития общества существует острая нехватка профессионалов с хорошо развитыми гибкими навыками. Таким образом, перед преподавателями высшей школы стоит задача обеспечить высокий уровень сформированности надпрофессиональных компетенций. Одним из эффективных способов, не требующих масштабных изменений всей системы образования, является методически грамотная и тщательно организованная микрогрупповая работа. Она позволяет преодолеть противоречия, связанные с применяемым способом обучения и доминированием фронтальных режимов работы, повышает мотивацию к изучению предмета, отвечая требованиям и соответствуя ожиданиям современного поколения студентов, способствует развитию важнейших гибких навыков, определяющих профессиональный успех выпускников высшей школы.

Список источников

1. Вербицкий А. А. Становление новой образовательной парадигмы в российском образовании // Образование и наука. 2012. № 60. С. 5–18.
2. Волосков И. В. Инновационные технологии организации работ с молодежью // Актуальные проблемы инновационного развития образования. М., Ритм, 2019.

УДК 378

ОБУЧЕНИЕ НЕКОНФЛИКТНОМУ ОБЩЕНИЮ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

***Н. А. Мартынова**, завкафедрой иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат филологических наук, доцент*

Эффективной коммуникации в настоящее время отводится важная роль во многих отраслях деятельности человека, так как коммуникативные навыки способствуют более результативному решению многих проблем, возникающих в профессиональной сфере. Формирование коммуникативной компетенции предполагает не только языковую подготовку, но и овладение навыками общения с коллегами и гражданами.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; профессионально обусловленная коммуникация; неконфликтное общение; формирование навыка коммуникации.

TEACHING NON-CONFLICT COMMUNICATION IN THE PROCESS OF COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION

***N. A. Martynova**, head of the Russian and Foreign Languages Department of the Lykyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor*

Effective communication currently plays an important role in many areas of human activity, as communication skills contribute to a more effective solution of many problems arising in the professional sphere. The formation of communicative competence involves not only language training, but also mastering the skills of communication with colleagues and citizens.

Keywords: communicative competence; professionally conditioned communication; non-conflict communication; formation of communication skills.

В связи с тем, что коммуникативные навыки способствуют более результативному решению многих проблем, возникающих в профессиональной сфере, возникает потребность исследования процесса профессионально обусловленной коммуникации сотрудников полиции и выявления основных тактик и стратегий эффективного коммуникативного взаимодействия.

При формировании коммуникативной компетенции специалиста необходимо рассмотрение процесса общения в целом, условий его успешности, а также основных составляющих эффективного неконфликтного общения сотрудников полиции.

Профессиональная компетентность становится значимой, жизненно необходимой для сотрудника полиции, что в результате влияет на его общую коммуникативную компетентность.

Соблюдение правил эффективной коммуникации требует от сотрудника полиции (в том числе от инспектора ГИБДД) умения принять и понять взгляды и поведение другого человека в условиях общения с участниками дорожного движения. При этом традиционно от него ждут, что он будет образцом поведения. От него требуется быть гуманным, справедливым, сознательным, добросовестным, соблюдать моральные принципы и границы дозволенного. В такой ситуации ему могут помешать некоторые личные особенности, не все сотрудники готовы управлять эмоциями, проявлять гибкость и идти на сближение с людьми.

Значимость наличия коммуникативных навыков и умений у сотрудника полиции важна, необходимо рассмотреть какие именно профессиональные качества являются коммуникативно значимыми для представителей полиции.

Сотрудники получают помощь со стороны гражданского населения, например, в виде необходимой информации, в процессе общения, более того, чтобы достичь этого полицейский должен использовать в процессе диалога соответствующие тактики, способствующие воздействию на информатора. Таким образом, сотрудник пользуется профессионально значимыми коммуникативными навыками и умениями с целью проникновения в сокрытые процессы формирования преступного умысла, а в дальнейшем – преступного поведения.

У сотрудников часто встречается низкий уровень принятия другого человека, что характеризуется излишней подозрительностью. Это обусловлено профессиональной настороженностью, которая обязывает сотрудников быть готовыми к различным агрессивным реакциям, обману и мошенническим действиям. Эта черта провоцирует профессиональную деформацию, то есть появляется некий стереотип отношения к правонарушителям, с преобладанием настороженности и недоверия. Однако исследования и опросы говорят о том, что сотрудники в преобладающем числе склонны больше доверять гражданам, чем граждане кому-либо. По-видимому, это происходит в силу принадлежности

полиции к властным структурам и наличия у них уверенности, что законопослушная часть населения не склонна к обману.

При общении сотрудников с гражданами коммуникативная толерантность не может возникнуть без согласия и определенного сходства мнений и оценок. Взаимные симпатии и антипатии несут эмоциональную нагрузку в возникающих межличностных отношениях, а также выполняют регулятивную функцию в восприятии и понимании друг друга общающимися партнерами. Совпадения мнений во всем быть не может, однако их близость сохраняет благоприятную деловую дистанцию между любым сотрудником (в том числе инспектором ГИБДД) и гражданами.

Существуют некоторые личностные ограничения, препятствующие эффективному общению, в качестве которых могут выступать: неумение управлять эмоциями, проявление неадекватных эмоций, негибкость, внутреннее нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе. Сотрудник полиции должен стремиться развивать в себе необходимые профессионально значимые коммуникативные качества, так как это играет важную роль в эффективности общения с гражданами, и соответственно, влияет на результат профессиональной деятельности полицейского в целом.

Особенности профессиональной коммуникации сотрудников полиции применимы и к инспекторам ГИБДД, однако следует учитывать специфичные аспекты общения сотрудников ДПС, обусловленные особыми ситуациями общения.

Культура общения полицейского с гражданами напрямую зависит от языковой подготовки сотрудника. Эти принципы отражены в методах вербовки и отбора департаментов, политике и процедурах, обучении и развитии и, в конечном счете, в действиях его сотрудников в ситуациях правоохранительной деятельности. Очевидно, что все полицейские подразделения имеют определенную культуру общения. Как отмечает А. С. Кравчук: «Целью профессионального образования, в том числе полицейского, является формирование профессионально квалифицированной, устойчивой, сознательной личности, действующей самостоятельно во всех жизненных ситуациях и несущей ответственность за свои действия» [1, с. 43].

Кроме того, при овладении иностранным языком полицейские получают наиболее полные возможности личностного роста, как собственно языкового, так и профессионального в силу возросших профессиональных возможностей, приобретаемой интеллектуальной гибкости, самооценки собственных достижений и успехов в контексте национальных культур. И это первый этап становления языковой личности.

Известно, что культура общения полицейского отдела в значительной степени определяет эффективность правоохранительной деятельности. Эта

культура определяет, как офицеры видят не только свою роль, но и роль людей, которым они служат. Ключевой проблемой является характер этой культуры и отражает ли она систему убеждений, способствующих ненасильственному разрешению конфликта.

Существует общий набор полицейских ценностей, которые могут служить основой для формирования коммуникативной компетенции. Разработка набора организационных ценностей не составляет труда. Прежде всего, необходимо четко определить, что такое ценности людей в форме. Это отправная точка для создания набора ценностей, являющихся основой для неконфликтного общения. Каждый специалист должен сохранять и продвигать принципы неконфликтного общения. Все общества должны иметь систему поддержания порядка. Однако полицейские должны не только знать, как поддерживать порядок, но и должны уметь общаться с общественностью.

Источник

Кравчук Л. С. Об организации лингвистической подготовки сотрудников полиции Германии // Формирование и совершенствование поликультурной языковой личности специалистов средствами родного, русского и иностранного языков: сб. материалов. Орел, 2018. С. 42–48.

УДК 378.634

О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

***А. М. Морковин**, завкафедрой иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье представлена информация о проблемах и перспективах обучения иностранным языкам. Рассматриваются возможные к применению формы и методы обучения иностранным языкам в неязыковых образовательных организациях высшего образования.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам; формы и методы обучения; образовательный процесс; эффективность; образовательная организация высшего образования.

SOME ASPECTS ON PERSPECTIVES OF FOREIGN LANGUAGES TRAINING IN THE NONLINGUISTIC EDUCATIONAL ORGANISATIONS OF HIGHER EDUCATION

***A. M. Morkovin**, chair head of Foreign Languages Department of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

The article deals with the information about the problems and perspectives of languages training. The author analyzes the possible forms and methods of training of foreign languages in nonlinguistic educational organizations of higher education.

Keywords: foreign languages training; forms and methods of training; educational process; effectiveness; educational organization of higher education.

Современное общество, исходя из требований времени, ставит перед образовательными организациями задачи по поиску новых форм и методов подготовки специалистов, в том числе и в правоохранительной сфере. Исходя

из этого возникает необходимость в организации профессиональной подготовки обучающихся в образовательных организациях высшего образования в соответствии с реалиями развития социума. Неоспоримым является тот факт, что организация образовательного процесса напрямую затрагивает все дисциплины, преподаваемые в образовательных организациях высшего образования, однако, мы рассмотрим этот вопрос на примере обучения иностранным языкам.

К проблематике преподавания иностранных языков в разное время обращались многие отечественные исследователи: Р. П. Мильруд, И. А. Бим, Н. Н. Гез, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, Е. И. Пассов, М. А. Давыдова, и др. Рассматривая вопрос обучения иностранным языкам разносторонне, например, как средству общения, как формированию коммуникативных умений и навыков, как обучению, имеющему профессиональную направленность, остается достаточно много вопросов, требующих часто периодического решения, поскольку постоянно развивающееся общество предъявляет к выпускникам образовательных организаций всё новые и новые требования, не учитывать которые при выстраивании образовательного процесса, просто недопустимо, потому что обучающиеся, на наш взгляд, должны не только получать определенный объем знаний по специальности, но и формироваться разносторонне развитыми специалистами, способными выполнять поставленные перед ними задачи на высоком уровне. На наш взгляд, качественное владение иностранным языком будет только способствовать получению дополнительных специальных умений и навыков из зарубежных источников с целью их последующего применения на практике.

В настоящее время иностранный язык входит в перечень квалификационных требований по многим специальностям, что, в свою очередь, позволяет сделать заключение о желании организаций видеть в своих рядах не только специалиста, имеющего качественную профессиональную подготовку, но и достойно владеющего и применяющего на практике иностранные языки.

Анализ зарубежных источников показывает, что «в объединенной Европе почти четверть молодых людей в возрасте от 26 до 35 лет сталкиваются с необходимостью владения иностранным языком в профессиональной деятельности» [3].

Считаем, что похожая ситуация прослеживается и в нашей стране, когда организации или отдельные работодатели при трудоустройстве предъявляют молодому специалисту в качестве одного из основных требований владение иностранным языком. В то же время, мы понимаем, что сложно отнести данный показатель к основополагающим для выпускников образовательных организаций системы МВД России, тем не менее, качественное применение навыков владения иностранным языком при осуществлении должностных обязанностей может способствовать более успешному выполнению поставленных задач и, как результат, быстрому продвижению по карьерной лестнице. Наряду с этим следует

заметить, что использование иностранного языка способствует более плодотворному решению вопросов с зарубежными коллегами в правоприменительной сфере, поскольку многие из них сегодня приходится решать на международном уровне в связи со свободным перемещением граждан и открытыми границами между многими государствами.

Как отмечается отдельными педагогами и исследователями, далеко не многие обучающиеся понимают значимость владения иностранным языком во время обучения в неязыковых образовательных организациях высшего образования. Здесь следует выделить, по нашему мнению, важную роль преподавателя, который должен выступать как заинтересованное лицо в поддержании и последующем развитии интереса к изучению своего предмета у обучающихся. Для этого необходимо осуществлять подбор таких учебных материалов, которые бы выступали дополнительным мотивационным стимулом к изучению обучающимися иностранных языков, в том числе и из числа тех, кто до этого периода не проявлял к данной дисциплине особой заинтересованности.

Считаем уместным заметить, что при организации воспитательно-образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования педагогу следует помнить о первичности профессионально ориентированной языковой подготовки, а также плодотворной профессиональной коммуникации. Подобное утверждение встречается в трудах отдельных отечественных ученых, которые считают, что при изучении профессионально ориентированного языкового материала у обучающегося возникает стремление к приобретению специальных знаний и успешным овладением иностранным языком [1].

Если обратиться к рабочим программам учебной дисциплины «Иностранный язык» в образовательных организациях высшего образования, то прослеживается, что большинство тем, подлежащих изучению, в основном имеют профессионально ориентированную направленность, исходя из чего, применение профессионально ориентированного подхода в обучении иностранным языкам является, по нашему мнению, наиболее актуальным, целесообразным и способствующим более качественной языковой подготовке обучающихся.

Не менее важной составляющей плодотворного обучения иностранным языкам выступает, на наш взгляд, учет индивидуальных особенностей обучающихся. При этом под индивидуальными особенностями, основываясь на трудах выдающегося австрийского педагога, философа, антропософа Рудольфа Штайнера, работавшего в конце 19 начале 20 веков, следует понимать особенности памяти, типы темперамента, глубокое понимание которых должно занимать большое место во всей педагогической практике [2].

Считаем возможным согласиться с данным утверждением, поскольку преподаватель, зная с представителем какого типа темперамента и типа памяти ему предстоит осуществлять педагогическую деятельность, получает возможность

выстраивания наиболее продуктивного образовательного процесса, при этом выступая его инициатором.

Исходя из того, что обучение иностранным языкам в неязыковых образовательных организациях высшего образования с каждым годом становится всё актуальнее, существует необходимость в апробации новых, интересных, соответствующих современным реалиям методов и форм обучения данной учебной дисциплины, с целью подготовки высококвалифицированных специалистов.

Список источников

1. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранному языку: пособие для учителя. М: АРКТИ-Глосса, 2000. 165 с.
2. Steiner R. Die Erziehung des Kindes vom Gesichtspunkte der Geisteswissenschaft / Einzelausg., 66. –85. Tsd. – Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1984. – 162 s.
3. R+V: [сайт]. URL: <http://www.ruv.de> (дата обращения: 20.11.2019).

УДК 31.01

КУЛЬТУРА КАК «ОРУДИЕ ВОСПИТАНИЯ» И СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И НАЦИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

Ю. В. Музыка, преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматривается русская культура как средство и основа воспитания современного ребенка в условиях кризиса. Анализируются взгляды педагогов рубежа XIX–XX вв. в отношении процесса наполнения воспитания и образования ребенка ценностями русской культуры.

Ключевые слова: культура; духовная ценность; становление и развитие человека; истинная ценность.

CULTURE AS A "TOOL OF EDUCATION" AND DEVELOPMENT MEANS OF THE INDIVIDUAL AND NATION IN PEDAGOGICAL CONCEPTS OF THE XIX–XX CENTURIES

Yu. V. Muzyka, lecturer of Foreign Languages Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article considers Russian culture as means and basis for the education of a modern child in crisis. The article analyzes the views of teachers of the XIX–XX centuries in relation to the process of filling the upbringing and education of the child with the values of Russian culture.

Keywords: culture; spiritual value; human formation and development; true value.

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.
Дальний плач тальянки, голос одинокий –
И такой родимый, и такой далекий...
А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу...

С. Есенин

4 октября 2019 г. в Сергиевском зале кафедрального соборного храма Христа Спасителя в Москве под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла прошло заседание Патриаршего совета по культуре, на котором Предстоятель Русской Церкви выступил с докладом, посвященным современной ситуации в области национальной культуры. «Культура любого народа – это живой организм со своими родовыми особенностями, организм, хранящий память и традиции предков» [8]. Патриарх в своих размышлениях актуализирует мысль о том, что «забота общества о культуре своей страны» приводит к тому, что она (культура) расцветает и приносит благие плоды, в противном случае, она загнивает, порождает уродства, приводит к моральному кризису общества, подменяется антикультурой.

В процессе воспитания современного ребенка обществу, по словам патриарха, предстоит сделать выбор между живыми, подлинными ценностями и суррогатной продукцией, подменяющей собой настоящую культуру, поскольку культура, как средство воспитания, имеет в том числе и духовное измерение. Сегодня государству и обществу необходимо создавать такие условия, при которых молодежь (в первую очередь) будет в состоянии отказываться от пошлости, от «засилья того, что сейчас называется псевдокультурой» [8].

М. В. Богуславский отмечает, что на сегодняшний день единство воспитания и духовных ценностей, соответствующее традиционной для российского общества культурной модели, которой всегда был присущ «напряженный интерес к идеалам и духовным проблемам личности», уступило место их взаимному отчуждению. Сложившуюся ситуацию с такими признаками ученые (Л. П. Буева, Т. И. Заславская, Д. С. Лихачев и др.) обозначили как духовный кризис, опасность которого видится в том, что лишенное духовности и заданных идеалов общество теряет способность поддерживать себя как целостность.

В этих условиях необходимо обратиться к опыту предыдущих поколений, а именно к рубежу XIX–XX вв., когда вопрос о воспитании ребенка в условиях культурного кризиса был поставлен с особой остротой. По утверждению ученых, философов, педагогов рубежа веков, задача педагога и педагогики состоит в том, чтобы указать «телесные и духовные средства и пути» (П. Ф. Каптерев) к воспитанию человека, результатом которого станет развитие и становление Человека как всесторонне индивидуально развитой, сильной, жизнеспособной, социальной, самодеятельной, культурно-нравственной силы.

Для создания целенаправленного, преднамеренного педагогического влияния на формирование личности с вышеобозначенными качествами педагоги рубежа XIX–XX вв. (В. М. Бехтерев, Н. Д. Виноградов, В. И. Водовозов, П. Ф. Каптерев, П. Ф. Лесгафт, В. Н., М. М. Рубинштейн, Сорока-Росинский и др.) определяли средства воспитания, чтобы придать нужное, заданное направление склонностям ребенка, среди них: русская культура, среда, литература, музыка, труд, игра, природа (живая и неживая), праздники, традиции и т. д. Эти средства, по мнению ученых, способствуют нужному воспитанию, результатом которого становится правильное «развитие общественной жизни и хорошей государственности» (В. М. Бехтерев) с одной стороны и «цельнее, красивее проявления самой личности и ее жизнь» – с другой [4, с. 114].

Н. Ф. Бунаков, Н. Д. Виноградов, П. Ф. Каптерев, М. М. Сорока-Росинский, М. М. Рубинштейн считали, что в основу воспитания ребенка должна быть положена «культура национального чувства».

Рассмотрим культуру как средство и «орудие» воспитания» ребенка более подробно.

Культура как главнейшее орудие воспитания и «путь воздействия на определенное развитие человека» (В. Н. Сорока-Росинский), по мнению ученых, обогащается индивидуальными проявлениями личности. Н. Д. Виноградов считает, что именно влияния жизни, связанные с цивилизацией и культурой, отражаются во внешних условиях воспитания человека и находят отражение в развитии человеческой личности.

В своих работах педагоги трактуют культуру как своеобразный мост между воспитанием и фактором прогрессивного развития как самой личности, так и нации в целом.

Культура как средство воспитания способна оказать как положительное, так и отрицательное влияние на ребенка.

С одной стороны, культура признавалась педагогами (Н. Ф. Бунаков, П. Ф. Каптерев, М. М. Рубинштейн, Н. Д. Виноградов, В. Н. Сорока-Росинский) как высшее проявление гения народа, общечеловеческое достояние, источник неисчерпаемых запасов энергии, творчества. М. М. Рубинштейн, рассуждая о культуре, отмечает, что культура – это дело школы и выучки. При этом русская культура (она же – иная культура) имеет качественное отличие от других культур. По мысли педагогов, школа должна наполнить воспитание и образование ценностями русской культуры.

С другой стороны, Н. Ф. Бунаков, рассуждая о русской народной культуре, отмечает, что «нездоровые городские привычки и наклонности» мало-помалу отрицательным образом влияют на особенности национального русского характера, чистоту деревенских нравов, «русской народной песни и национального костюма» и т. д. Поэтому в воспитании ребенка следует придерживаться русской деревенской культуры, которая остается «чистой, простой, полной поэзии, наивности, патриархальной простоты попадает под влияние своевольной и распущенной городской молодежи в уродливых городских нарядах» [7, с. 112].

П. Ф. Каптерев, рассматривая вопрос о культуре своего времени как средстве воспитания, предупреждает об опасности таких явлений, как «культурная авантюра» и «мнимая культурность». Ученый дает свою оценку проблеме недоступности истинных культурных ценностей для среднего человека. «Степень культуры, внешняя обстановка, пышные города, галереи, музеи, литература, современная техника (все чем гордится современный человек) – это есть «блестящая мишура», которая легко обманывает массу, невнимательного наблюдателя, вознеся «царей природы» на головокружительную высоту мнимой культурности». Современная культура, по мнению педагога, за кулисами обладает «мразью отвратительной атмосферы звериных инстинктов, грубых вкусов, которые низводят людей на «степень животных атмосферой физического и духовного разврата, утонченного грабежа, господства грубейших похотей, ради удовлетворения коих люди не останавливаются перед убийством». Истинные ценности, продолжает педагог, остаются для массы либо вовсе чужими, либо знакомыми ей только понаслышке.

Итак, педагоги рубежа XIX–XX вв., акцентируя внимание на культуре как средстве воспитания, приходят к выводу, что культура развивает эстетическое чувство в ребенке, которое следует воспитывать, взращивать с раннего детства, поскольку эстетичность не может быть «ранним достоянием дитяти», так как для ее возникновения требуется наличие определенных условий: физическое развитие органов «внешних чувств» (П. Ф. Каптерев), развитие способности воспринимать гармонию впечатлений, способность отрешаться от эгоистических чувствований и соображений. Отсутствие способности у ребенка младшего возраста воспринимать гармонию впечатлений П. Ф. Каптерев подтверждает следующим примером: ребенок 5 лет при виде картины, изображающей общество дачников за столом, тоже попросил выпить чаю; при виде картины, изображающей сцену проводов на вокзале, попросился поехать с ними и т. д. Его точку зрения разделяет В. Н. Сорока-Росинский, который сравнивает уровень умственного и эстетического развития ребенка с уровнем первобытных народов (и те, и другие любят оглушительную музыку, яркие цвета, невнятную речь). В доказательство своих размышлений В. Н. Сорока-Росинский приводит рисунки детей, которые, по мнению педагога, очень похожи на рисунки первобытных людей. Дети, по его мнению, рассматривая рисунки, обращают внимание прежде всего на их содержание, а не на художественность, их привлекает яркость красок. П. Ф. Каптерев считает, что приведенные выше примеры – это доказательства того, что ребенок в возрасте раннего детства глубоко погружен в личную жизнь, «его мирок тесен и мал», он повсюду видит себя, свои потребности и удовольствия и ничем кроме своей личной сферы не интересуется. Поэтому самостоятельное постижение «сферы общего и прекрасного» не по плечу маленькому ребенку, продолжает педагог, ребенок до них не дорос.

Выход из данной ситуации педагоги рубежа XIX–XX вв. видят в оказании помощи ребенку в его умственном развитии со стороны родителей, школы, об-

щества, расширении кругозора ребенка, постижении внешнего мира и общества, признании самостоятельности и зависимости от социума, наконец, в проявлении симпатии к русской культуре и природе родной страны.

Список источников

1. Антология педагогической мысли России второй половины XIX–XX вв. / сост. П. А. Лебедев. М.: Педагогика, 1990.
2. Бехтерев В. М. Вопросы общественного воспитания. М.: Кушнарев и К, 1910.
3. Бехтерев В. М. Избранные труды по психологии личности. В 2 т. Т. 1. Психика и жизнь / отв. ред.: Г. С. Никифоров, Л. А. Коростылева. СПб.: Алетейя, 1999.
4. Бехтерев, В. М. Избранные труды по психологии личности. М.: СПб: Алетейя, 2018.
5. Богуславский М. В. Аксиологические приоритеты культурно-антропологической парадигмы в отечественной педагогике первой трети XX века. Теоретические и прикладные проблемы педагогической антропологии: материалы III междунауч.-практ. конф. (18–20 октября 2006 г., СГПИ) / под ред. А. Л. Редько, Е. Н. Шуанова. Ставрополь, 2006.
6. Богуславский, М. В., Куликова С. В., Романов А. А. Формирование и деятельность учителя: исторический опыт передачи образованности и культуры // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 2 (38).
7. Бунаков, Н. Ф. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущества провинциальной. 1837–1905. – СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. [4], XXIV.
8. Выступление Предстоятеля Русской церкви на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре // Православие.ru: [сайт]. URL: <https://pravoslavie.ru/51745.html> (дата обращения: 15.11.2019).
9. Каптерев П. Ф. Семья и ее задачи // Рус. школа. 1904. № 4.
10. Каптерев П. Ф. Современное воспитание в отношении к возрастам // Наблюдатель. 1889. № 5.
11. Каптерев, П. Ф. Избранные педагогические сочинения / под ред. А. М. Арсеньева; сост. П. А. Лебедев; Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1982.
12. Каптерев, П. Ф. Педагогический процесс. СПб: Типолитография Б. М. Вольфа, 1905.
13. Корнетов Г. Б. Педагогические институции: историко-теоретический аспект // Институты образования, педагогические идеи и учения в истории человеческого общества: моногр. М.: АСОУ, 2017.
14. Лесгафт П. Ф. Избранные труды. М.: Гостехиздат, 2017.
15. Лесгафт П. Ф.: Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 2015. 400 с.
16. Мардахаев Л. В. Семейное воспитание: проблемы и особенности // Вестн. ЧелГУ. 2014. № 13 (342).
17. Юдина Н. П. История педагогики сквозь призму личности // История педагогики сегодня: материалы Первого национального форума российских историков педагогики. М.: Изд-во АСУ, 2013.
18. Юдина Н. П. Константин Николаевич Вентцель – теоретик и практик свободного воспитания // Психолого-педагогический поиск. 2017. № 3 (43).

УДК 378.096

КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

*Г. Б. Павлова, старший преподаватель кафедры иностранных языков
Дальневосточного юридического института МВД России*

Статья посвящена целесообразности применения метода кейсов в преподавании иностранного языка в неязыковых вузах. Рассматривается использование коммуникативно-познавательных кейсов, способствующих поэтапному формированию самостоятельной творческой и познавательной деятельности. Особое внимание уделяется обучению речевой деятельности на основе семиотических, имитационных и социальных учебных моделей.

Ключевые слова: метод кейсов; коммуникативно-познавательный кейс; коммуникативное обучение иностранному языку; семиотическая, имитационная и социальная учебные модели.

CASE TECHNOLOGY IN THE EDUCATIONAL PROCESS AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE COGNITIVE POTENTIAL OF THE INDIVIDUAL

*G. B. Pavlova, senior lecturer of Foreign Languages Department of the Far
Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article deals with expediency for application of Case Study Method in foreign language teaching in non-linguistic universities. The application of communicative and cognitive cases facilitating gradual development of self-learning and creative activities is considered. Special attention is paid to teaching speech activities based on semiotic, simulation and social training models.

Keywords: Case Study Method; communicative and cognitive case; communicative approach in teaching a foreign language; semiotic, simulation and social training models.

В современной педагогической науке большое внимание уделяется совершенствованию педагогической поддержки развития комплексов общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, заявленных во ФГОС ВО. И особое место в этом процессе занимают инновационные технологии, способствующие наиболее эффективному решению образовательных задач в сроки, определенные рабочими учебными планами образовательных организаций.

Обучение иностранному языку в первую очередь имеет своей целью формирование иноязычной коммуникативной компетенции, обеспечивающей общение в ситуациях профессионального, межличностного и межкультурного взаимодействия.

Профессионально ориентированное обучение иностранному языку предполагает овладение знаниями получаемой специальности и основано на изучении специализированных иноязычных текстов, лексики и терминов, которые, в свою очередь, должны быть активизированы в речевой деятельности при решении задач профессионально-делового общения.

Специфической особенностью преподавания иностранного языка в неязыковом вузе является его опережающий характер. Дисциплина «Иностранный язык», как правило, изучается с первого года обучения, в то время как обучение специальным профессиональным дисциплинам начинается позднее. Следовательно, содержание иноязычного межкультурного образования должно обеспечить приобретение новых профессиональных знаний с учетом возрастных особенностей и первоначальных знаний обучающихся о своей будущей профессии.

«В учебной деятельности преобладает потребность в учении, познавательный мотив, целью является общее и профессиональное развитие личности, предметом – учебная информация, средствами – психическое отражение реальности, результатом – деятельностные способности личности, система отношений к миру, людям, себе» [2].

Коммуникативное обучение иностранному языку способствует формированию иноязычного профессионального мышления и реализации иноязычного речевого поведения в ситуациях профессионального общения. Однако, принимая во внимание особенности ознакомительного содержания учебного материала, моделирование ситуаций должно происходить с учетом таких параметров, как готовность субъектов коммуникации принимать участие в общении, их способность использовать речевые средства для организации практико-ориентированного и иного взаимодействия, а также заинтересованность обучающихся в тематическом компоненте заданной ситуации. Решение задач реализации иноязычного речевого поведения в условиях моделируемых ситуаций, активизации речевой деятельности обучающихся и возникновение потребности в иноязычном общении лежит в основе коммуникативного метода обучения.

Обучение самостоятельной речевой деятельности осуществляется на моделях, которые А. А. Вербицкий определяет как семиотические, имитационные и социальные [3].

Семиотические обучающие модели представляют собой работу с учебным текстом как источником информации и выполнение заданий, нацеленных на извлечение новых знаний и закрепление их. Речевая деятельность данного этапа обучения организуется и регулируется педагогом.

Переосмысление полученной информации в контексте будущей профессии происходит в период использования имитационных обучающих моделей, средствами которых знания, приобретенные на предыдущем этапе, качественно трансформируются в смыслообразующие коммуникативные действия, мотивирующие обучающихся на выражение личностного отношения к рассматриваемой ситуационной проблеме.

Коллективная работа, направленная на реализацию профессионального речевого общения в группах обучающихся, основывается на использовании социальных обучающих моделей, в которых актуализируются как профессиональный, так и социальный компонент коммуникативного поведения. На этапе включения в выполнение заданий социальных обучающих моделей первоначальные профессиональные знания, обеспеченные необходимыми языковыми средствами, преобразуются в реальное иноязычное коммуникативное взаимодействие, ориентированное на будущую профессиональную деятельность [4].

С целью формирования иноязычной профессионально ориентированной компетенции, которая согласно ФГОС ВО третьего поколения рассматривается как овладение коммуникативными стратегиями и формами профессионального и социального поведения, применяются многочисленные инновационные технологии проблемного обучения, одной из которых является метод кейсов (Case Study Method), включающий в себя семиотические, имитационные и социальные обучающие модели.

Этот метод способствует развитию аналитических и творческих способностей, активизации таких личностных особенностей, как самоанализ и рефлексия, без которых затруднен процесс интеграции в социальное, культурное и межкультурное пространство. Последнее предполагает уровень общения с представителями культуры изучаемого языка, достаточный для достижения эффективного взаимопонимания.

На основании исследований многих ученых можно сделать вывод о том, что метод кейсов широко применяется для решения отдельных задач, стоящих перед профессиональным образованием. Данный метод не только приближает студентов к условиям практической деятельности по специальности, но и способствует развитию творческого и критического мышления, ориентирует на успех в достижении целей, формирует систему ценностей (профессиональных,

культурных, нравственных и других), то есть оказывает определенное воздействие на качество подготовки будущих специалистов.

Успешная имплементация метода кейсов требует определенного объема информативности в области языка и профессии как у преподавателя (составителя кейсов), так и у самих обучающихся. Следствием раннего этапа изучения иностранного языка (первые и вторые курсы вузовского образования) и ограниченного количества часов аудиторных занятий, которые отводятся на изучение учебной дисциплины, является то, что студенты неязыкового вуза большей частью не способны к качественному решению кейса по причине недостаточных языковых и профессиональных знаний, а также отсутствия у них опыта практической деятельности в выбранной специальности.

Решение данной проблемы М. А. Ариян и М. И. Ключева видят в использовании в учебном процессе «коммуникативно-познавательных кейсов», под которыми предлагается понимать «динамично организованные, профессионально ориентированные иноязычные учебные тексты, которые, с одной стороны, содержат набор коммуникативно-познавательных задач, отобранных с учетом формируемых компетенций, а с другой – представляют алгоритмы и различные варианты решения наиболее типичных производственных задач» [1], то есть предпочтение отдается семиотическим обучающим моделям.

Для организации учебного процесса с использованием коммуникативно-познавательных кейсов наиболее целесообразным представляется модульный подход, при котором осуществляется последовательное моделирование будущей профессиональной деятельности студентов с учетом междисциплинарных связей.

Поэтапность обучения профессионально ориентированному иностранному языку логически соотносится с тремя видами коммуникативно-познавательных кейсов, предусматривающих различные формы и уровни проявления познавательной и творческой активности обучающихся.

Первоначальный контекст кейс-задач направлен на овладение типичными формами и алгоритмами познавательной деятельности и представляет собой выполнение заданий по аналогии, по предварительно составленному плану и т. п.

Кейс второго уровня предполагает самостоятельный выбор метода приобретения знаний и отличается от первого наличием воспроизводяще-выборочной репродукции.

Творческая самостоятельность обучающихся обеспечивается решением кейса третьего уровня и состоит в поиске индивидуальных методов познавательной деятельности на основе знаний, приобретенных в процессе работы над кейсами первого и второго уровней.

Таким образом, использование кейс-технологии в учебном процессе может выступать как эффективное средство развития и совершенствования коммуникативных компетенций. Применение коммуникативно-познавательных кейсов

способствует созданию педагогических условий для поэтапного формирования самостоятельной творческой и познавательной деятельности.

Список источников

1. Ариян М. А., Ключева М. И. Коммуникативно-познавательные кейсы в обучении студентов английскому языку: дидактический потенциал // Язык и культура. 2017. С. 135–151.
2. Бакшаева Н. А., Вербицкий А. А. Психология мотивации студентов. М.: Логос, 2006.
3. Вербицкий А. А., Дубовицкая Т. Д. Контексты содержания образования. М.: РИЦ МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2003.
4. Танцура Т. А. Применение Case-Study для развития профессиональной иноязычной компетенции студентов вуза // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75).

УДК 316.77:323

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Я. А. Павлова, преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматриваются подходы к определению понятия «юридический дискурс» в современной лингвистике. Выясняется, что существующие взгляды основаны на идеях зарубежных и отечественных ученых прошлого и позапрошлого веков. В заключение выносятся противоречия, предопределяющие дальнейшее изучение вопроса.

Ключевые слова: юридический дискурс; речь; текст; речемыслительная деятельность; вариативность.

TO THE ISSUE OF THE CONCEPT OF THE LEGAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY LINGUISTICS

Ya. A. Pavlova, lecturer of the Foreign Languages Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with the study of the approaches to the definition of the legal discourse concept in the contemporary linguistics. It is stated that the existing points of view are based on the ideas of foreign and local scientists of the twentieth and nineteenth centuries. In the conclusion the contradictions which predetermine the following research of the problem are outlined.

Keywords: legal discourse; speech; text; discourse activity; variability.

Рассмотрение вопроса о трактовке понятия юридического дискурса традиционно предваряется изучением эмпирического материала о дискурсе в целом. В ходе исследований авторы неизменно сталкиваются с той проблемой, что на данном этапе развития науки о языке дать четкое определение многим понятиям не представляется возможным. Это связано со сложностью и многоаспектностью языковых явлений, в число которых входит дискурс.

В основе лингвистических исследований лежит представление о дискурсе:

- как о речи или тексте, погруженных в жизнь;
- как о тексте, тесно связанном с экстралингвистическими факторами (прагматический, социокультурный, психологический, исторический и многие другие);
- как о тексте, взятом в событийном аспекте;
- как о целенаправленном социальном действии и неотъемлемом компоненте человеческого взаимодействия и механизмов сознания [4].

Таким образом, исследователю остается только определиться с одним из аспектов, который он возьмет за основу в своем исследовании, ввести в содержание соответствующий вариант определения и на его основе разрабатывать содержание научной работы.

В силу того, что изучение любого языкового явления не происходит отдельно от того реального процесса коммуникации, в котором оно наблюдается, в настоящей статье дискурс рассматривается в тесной связи с контекстуальными, прагматическими факторами. В данном контексте юридический дискурс выступает как смыслообразующая и смысловоспроизводящая речемыслительная деятельность, регламентируемая конкретными историческими и социокультурными условиями и традициями и направленная на нормирование, легитимацию, регулирование и контроль отношений между членами социума [2].

Соответственно, юридический дискурс изучается в социальном контексте. При этом исследовательский интерес вызывают обстоятельства речевой ситуации (причины, цели и задачи коммуникации, время и место ее проведения и др.) и характеристики участников (психологические, социокультурные, профессиональные и т. д.). В этой связи изучение того или иного типа дискурса осуществляется с точки зрения его неоднородности, известной в научных кругах как языковая или жанровая вариативность.

Под языковой вариативностью принято понимать формальное несоответствие знаков, имеющих один и тот же смысл. Это свойство языка выразить одну мысль разными способами считается одним из самых важных [5]. Обычно его можно также рассматривать как способность говорящего свободно изъясняться на том или ином языке разными способами, не искажая исходную мысль, то есть способность к перефразированию. Эта способность обеспечивает доступ к любой, даже самой сложной для восприятия информации представителям разных социальных слоев и профессиональных сфер деятельности, что в настоящее время весьма актуально с учетом междисциплинарного характера существующих сегодня научных знаний и представлений о мире.

Вариативность проявляется на всех уровнях языка: от фонетического – в пределах одного языка (фонетические варианты) – до уровня владения сред-

ствами выражения разных языков. К видам языкового варьирования относят синонимы, однокоренные слова, синонимические синтаксические конструкции и т. д.

Исследуя проблему неоднородности дискурса, В. Б. Кашкин полагал, что жанровая вариативность основана на понятии хронотопа дискурса, то есть соотношении времени и места речевой ситуации [1, с. 20]. На основе этого соотношения производится деление жанров на два главных типа: жанры коммуникативного (дискурсивного) события и собственно речевые жанры. При этом коммуникативное событие рассматривается В. Б. Кашкиным как лимитированный и регламентированный процесс социально-коммуникативного взаимодействия в определенном социокультурном контексте [1, с. 20]. С этой позиции становится очевидно, что жанры дискурсивного события гораздо шире, разнообразнее и их дифференциация производится по экстралингвистическим и социальным параметрам.

Выбор из всего разнообразия языковых вариантов осуществляется участниками речевой ситуации в зависимости от таких характеристик, как территориальная, социальная и функциональная дифференциация языка (то есть различия в территориальной и социальной принадлежности, а также разница ситуаций речевого общения).

С точки зрения языковой вариативности юридический дискурс также неоднороден. На основе определенных критериев дифференцируют его основные типы, жанры и стили.

Традиционно жанры рассматриваются в рамках конкретной разновидности институционального дискурса. Из этого следует логичный вывод, что, как и в отношении типологизации дискурсов, исчерпывающей классификации жанров даже в рамках дискурса одного типа не существует. Можно только приводить примеры или опираться на обобщенные классификации, также основанные на том или ином критерии или аспекте.

Особый интерес в этом отношении представляют выводы, сделанные Дж. Суэйлзом, который определил коммуникативную цель как идентификационный критерий жанра [6]. Соответственно, по мысли ученого, жанры можно представить как классы коммуникативных событий, которые отличаются друг от друга коммуникативной целью. Такое представление о жанрах значительно расширяет жанровое пространства дискурса.

В жанровом пространстве современного юридического дискурса, сформировавшегося в русле многолетней юридической практики, выделяют внушительное количество разновидностей жанров. Наиболее распространенными являются закон, конституция, указ, жалоба, заявление, судебное решение, особое мнение судьи, допрос, речи адвоката и обвинителя, прения сторон, последнее слово подсудимого, приговор, завещание, гражданско-правовой договор и многие другие.

Приведенные примеры жанров отражают не только институциональность юридического дискурса (например, закон, конституция, судебное решение и др.). Некоторые из них (особое мнение судьи, жалоба, указ, завещание, заключительная речь адвоката и обвинителя и др.) входят в число персонализированных жанров юридического дискурса. При этом следует помнить о том, что индивидуально-авторский подход к созданию таких текстов проявляется в разной степени. Есть тексты, в содержании которых субъект представлен как автономная личность, обладающая независимой волей; наиболее ярким примером таких текстов является завещание. Но в содержании договора, основанного на принципе согласованного волеизъявления участников, свобода воли одного субъекта до определенной степени ограничена законными правами другого и наоборот.

Таким образом, в процессе изучения сущности явления юридического дискурса можно наблюдать некий баланс между институциональностью и персональностью его текстов и высказываний. Это говорит о смешении в правовой сфере двух подсистем, которые были определены О. А. Крапивкиной как дискурс Я-субъекта и дискурс институционального субъекта [3]. В силу этого границы юридического дискурса представляются достаточно размытыми, а его жанровое пространство более разнообразным.

Нечеткость границ и насыщенное жанровое пространство, в свою очередь, актуализирует вопрос о функциональных стилях, присущих текстам, тематически соотнесенным в пределах дискурса того или иного типа.

Исходя из того, что основополагающей целью юридического дискурса является нормирование и регулирование отношений между его участниками (членами социума), доминирующее положение сохраняется за официально-деловым стилем. Однако на основании вышеизложенного можно вывести ряд факторов, предопределивших проникновение некоторых других стилей в пространство юридического дискурса.

Одним из таких факторов является интегрированность сферы права во все области человеческой жизнедеятельности. Законы, указы, распоряжения и уставы становятся предметом обсуждения, изучения и критики как в профессиональных кругах (юристы, представители правоохранительных органов и т. п.), так и в сообществах, имеющих опосредованное отношение к профессионально-правовой сфере. Следовательно, фрагменты юридического дискурса проникают в содержание дискурсов других типов разными способами.

Особенно интересен этот процесс в рамках дискурса кинофильма, начиная от художественных кинокартин (*Law and Order*, *CSI*, *Criminal Mind* и др.) и заканчивая документальными лентами (*American Experience*, *Behind Mansion Walls*, *Deadly Women* и др.). В отношении группы художественных фильмов профессионально ориентированные дискурсы вплетаются в общую канву для придания достоверности и более эффективного погружения зрителя в трех-

мерное пространство создаваемой реальности. Это многократно усиливает его впечатления, провоцируя ответную эмоциональную реакцию (начиная от элементарной оценки «нравится» – «не нравится» и заканчивая более сложной «правдоподобно» – «надуманно»).

Юридический дискурс довольно популярен в кинематографе, особенно учитывая популярность детективного жанра. Здесь он приобретает совершенно иное звучание, особенно в эпизодах, когда понятия правосудия, справедливости, чести и морали вступают в конфликт.

Документальные киноленты на юридическую тематику в значительной степени ориентированы на достоверность, в силу чего используются факты и опыт юридической практики и правоохранительной деятельности в рамках синтезируемых официально-делового, научного и публицистического стилей.

Приведенный пример демонстрирует не только возможность включения такого строго институционального языкового образования, как юридический дискурс, в разные, даже самые неожиданные дискурсивные пространства. Здесь можно наблюдать важность и обоснованность дозированной интеграции элементов юридического дискурса в разные коммуникационные ситуации, исходя из задаваемых целей и с расчетом тех функций юридического дискурса, которые выносятся на первый план. Это позволяет исключить опасность смешения дискурсов разных типов и искажения истинного научного представления о каждом из них.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что юридический дискурс представляет собой не только сложное, но и противоречивое языковое образование. Цели, функции и характеристики юридического дискурса значительно расширяют и даже размывают границы его жанрового пространства. Это понимание юридического дискурса позволяет сочетать разные регистры в контексте одной коммуникативной ситуации, а также открывает широкие возможности разноуровневого включения элементов юридического дискурса в более сложное и разноплановое дискурсивное пространство.

Список источников

1. Кашкин В. Б. Дискурс: учеб. пособие. Воронеж.: Воронеж. гос. ун-т, 2004.
2. Кожемякин Е. А. Субъект дискурса // Cyberleninka: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekt-diskursa> (дата обращения: 05.11.2019).
3. Крапивкина О. А. Жанровое пространство юридического дискурса // Cyberleninka: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhanrovoe-prostranstvo-yuridicheskogo-diskursa> (дата обращения: 18.10.2019).
4. Определение термина «дискурс» // Textologia.ru: [сайт]. URL: <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/diskurs/?q=486&n=2188> (дата обращения: 25.10.2019).

5. Хомутова Т. Н. Теория языковой вариативности: социолингвистический аспект // Cyberleninka: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/teoriya-yazykovoy-variativnosti-sotsiolingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 12.11.2019).
6. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

УДК 37

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕСНИ КАК УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА И АСПЕКТА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. М. Пак, завкафедрой иностранных языков и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор филологических наук, доцент

В статье рассматриваются лингвокультурные и лингводидактические аспекты песенного дискурса. С одной стороны, проводится обзор существующих подходов к понятию и типологии дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике и определяется место и лингвокультурные особенности современной песни в сопоставлении американской и русской лингвокультур. С другой стороны, иноязычная песня рассматривается как значимый тип учебного материала, способного существенно повысить мотивацию к изучению языка у молодых людей, а также обеспечить лучшее усвоение лексико-грамматических структур.

Ключевые слова: дискурс; типология дискурса; масс-медийный дискурс; песенный дискурс; песня.

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF THE SONG AS TEACHING MATERIAL AND THE ISSUE OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

S. M. Pak, head of Foreign Languages and Cross-Cultural Communication Chair of the Khabarovsk State University of Economics and Law, Doctor of Philology, Associate Professor

The article deals with linguocultural and linguo-didactic issues of song discourse. On the one hand, the author makes a review of current approaches to the concept and types of discourse in Russian and foreign linguistics, and on this basis identifies the place of the type of discourse under study as well as linguocultural peculiarities of contemporary Russian and American songs. On the other hand, a foreign song is regarded as a significant type of teaching materials in foreign language teaching that

enhances students' motivation and provides better mastering vocabulary and Grammar structures.

Keywords: discourse; types of discourse; Mass media discourse; song discourse; song.

В данной работе рассматриваются два аспекта песни: социоэтнокультурный – как способ существования такого специфического типа масс-медийного дискурса, как песенный дискурс, в аспекте его культурной репрезентативности, и лингводидактический – с точки зрения потенциала песни как учебного материала для усвоения лексико-грамматических структур и повышения мотивации обучающихся.

Песня как способ выражения культурных аспектов несет в себе эстетическую, а также эмоционально-нравственную репрезентацию огромного многообразия окружающего нас мира, а также является своеобразным способом художественного выражения внутреннего мира человека. Согласно концепции дискурса Н. Фэрлоу, под песенным дискурсом понимается «текст песни в его совокупности с контекстом создания и интерпретации» [12]. Другими словами, проникая в самые разнообразные сферы, песня является своего рода «зеркалом жизни», которое отражает этические воззрения, социальные представления, общественные изменения и стереотипы, создает модели поведения и культурные нормы. С помощью музыки в целом, и песен в частности человек познает и интерпретирует окружающий его мир. Поэтому представляется важным рассмотреть лингвокультурные и дидактические аспекты песенного дискурса. С одной стороны, делается обзор существующих подходов к понятию и типологии дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике и на этой основе определяется место и лингвокультурные особенности современной песни в сопоставлении американской и русской лингвокультурах. С другой стороны, иноязычная песня рассматривается как значимый тип учебного материала в процессе преподавания иностранного языка, способного существенно повысить мотивацию к изучению языка у молодых людей.

Существует множество языковедческих теорий и подходов, в основе которых лежат отдельные внеязыковые аспекты языковых феноменов: когнитивный, рассматривающий языковую репрезентацию знаний использующих язык людей, прагматический, изучающий цели и намерения, так называемые «значения говорящих» (speaker intended meanings), социолингвистический, или этнолингвографический, исследующий ареальные языковые различия. Важное место в ряду теорий и подходов, исследующих социокультурные основания языковой вариативности, занимает исследование дискурса, в центре которых вопрос о том, как язык/речь используется в социальном контексте.

Большинство современных подходов к дискурсу трактуют его как ментальную репрезентацию текста в аспекте его вовлеченности в непосредственные социальные ситуации [7, с. 26]. В литературе по дискурс-анализу рассматриваются такие понятия, представляющие научный аппарат исследований, как очередность разговора (turn-taking), маркеры дискурса, роли участников и, наконец, типы дискурса, или дискурсные жанры [12, с. 266–268]. В отечественной лингвистике вопросами типологии дискурса занимались В. И. Карасик [6], О. Г. Ревзина [9, с. 25–34], та же проблематика в аспекте функциональной стилистики с 80-х гг. 20 в. разрабатывалась О. С. Ахмановой [3], И. В. Арнольд [1], Н. Д. Арутюновой [2, с. 136–137], Н. М. Разинкиной [8], другими исследователями. С 2009 г. издается электронный научный журнал «Современный дискурс-анализ», большое внимание среди публикаций уделяется теоретическим основаниям и эмпирическим импликациям типов дискурса (discourseanalysis.org).

Наиболее известной является типология В. И. Карасика. Ученый выделяет персональный дискурс (проявляется в бытийной и бытовой сферах общения, где бытовой – генетически исходный тип дискурса, а бытийный выражается в виде художественного или же философского диалога) и институциональный дискурс (противопоставляется повседневному, неформальному общению, в котором коммуниканты действуют, исполняя определенные роли). Типами институционального дискурса исследователь считает политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, деловой, спортивный, научный, массово-информационный (в современных терминах – масс-медийный). С точки зрения В. И. Карасика, институциональный дискурс выделяется на основе двух системообразующих признаков: цели и участники коммуникации. Каждый вышеупомянутый тип в свою очередь включает несколько характерных подтипов. Поскольку в наше время крайне сложно представить свою жизнь без массовой культуры, масс-медийный дискурс выходит на передний план. Этот тип дискурса (медиадискурс) Т. Г. Доброклонская характеризует как «функционально обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [4].

В связи с тем, что сегодня песенная продукция имеет многомиллионную аудиторию потребителей, песенный дискурс можно рассматривать как один из ключевых типов современного масс-медийного дискурса и релевантный аспект моделирования реальности в современной культуре [5].

Песня является неким эталоном, «зеркалом» культуры, поскольку содержит национальные и этнокультурные стереотипы, то есть представление, которое характеризует культуру, а также весьма мощным инструментом продвижения определенных идей, стиля и образа жизни. Исходя из этих соображений, можно

проследить особенности национального песенного дискурса в сопоставительном аспекте, например, в сравнении российской и американской песенной культуры. Специфика песенного дискурса такова, что в ней находят отражения те ценности и представления, которые характерны для современной молодежи в глобальном мире, однако и здесь проявляется национальная культура. В проведенном под руководством автора исследовании в рамках выпускной квалификационной работы были рассмотрены ключевые темы российских и американских современных песен в культурном преломлении (ВКР Голощаповой Н. «Отражение российской и американской национальных культур в названиях музыкальных групп и текстах песен», Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета, 2018).

Рассмотрим вечную тему любви в указанном аспекте. Для современных русских исполнителей любовь в крайней степени трагична, они поют о несчастных, разрушительных отношениях, которые несут лишь только боль, разочарование и страдание, что вполне согласуется с такими константами русской культуры как «тоска», «печаль», «вечное, вечность» [10] (группа *HePara, Para Нормальных*). Для американских исполнителей любовь – это радость и романтика, крах в любовных отношениях не трагедия (*I Love You But I've Chosen Darkness, Chris Brown*), что увязывается с ключевыми ценностями американской культуры (напористость, уверенность в себе, оптимизм, индивидуализм).

Рассмотрение других сквозных песенных тем также демонстрирует культурно обусловленные различия при их интерпретации. Например, такие константы русской культуры как «духовность», «вера», «совестливость» понятия справедливости, страдания и терпения, самопожертвование, патриотизм, духовность и ряд других – базовые в русской картине мира [10] – проявляются как богоискательство даже в современных песнях (группы *Ария, Крематорий*, творчество *Б. Гребенщикова*), в то время как в песнях США частотны обращения к сатане (*Kiss (Knights In Satan's Service), Slipknot*). '*All hell's breakin' loose*', '*Be prepared for Hell*' – рефрены популярных песен указанных групп.

В рассмотрении лингводидактического потенциала песни как отечественные, так и зарубежные исследователи [10; 15; 16] отмечают целый ряд преимуществ использования песен в учебной аудитории, среди которых, возможность разнообразить учебный процесс («элемент радости»); мотивировать и стимулировать, а также облегчить процесс изучения иностранного языка, т. к. песня в учебной аудитории позволяет развивать навыки всех видов учебной иноязычной деятельности (аудирование, чтение, говорение).

Роль песни как бесценного источника языкового материала (современный язык, идиоматика, разговорные грамматические структуры) осмыслена давно; сегодня интернет предлагает ряд ресурсов, где представлен песенный материал

в соответствии с уровнем сложности, снабженный заданиями для усвоения лексики и грамматики, а также справками культурологического свойства:

- lyricstraining.com;
- learnenglish-online.com;
- engblog.ru;
- englishclub.com;
- ecenglish.com;
- lyricsmode.com.

Немаловажными аспектами являются также высокий потенциал песни в формировании речевой интенции, поскольку создается значимый контекст для использования языка; и наконец, этот вид учебной работы как никакой другой поощряет обучающихся к социальной интеракции.

Список источников

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учеб. для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. Ахманова О. С., Идзелис Р. Ф. What is the English We use? М.: Изд-во МГУ, 1978. 157 с.
4. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: МАКС-Пресс, 2000. 288 с.
5. Дуняшева Л. Г. Песенный дискурс как объект изучения лингвокультурологии. Казань: Изд-во КФУ, 2011. 162 с.
6. Карасик В. Н. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурсы. сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
7. Пак С. М. Имя собственное. Функционально-прагматический аспект. На материале американского дискурса XIX–XX вв. М.: МАКС-Пресс, 2003. 180 с.
8. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика. На материале английского и русского языков. М., 2004. 136 с.
9. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестн. МГУ. Сер. 9 «Филология», 1999. № 1. С. 25–34.
10. Слободина Т. И. Песня как учебный материал по иностранному языку // Вестн. Северо-Восточ. гос. ун-та. Вып. 20. Магадан: Изд-во СВГУ, 2013. С. 34–39.
11. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
12. Фэрклоу Н. Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ: [сайт]. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.shtml> (дата обращения: 04.11.19).
13. Bublitz W. Discourse Analysis: the State of the Art // Anglistentag 1990 Marburg. Proceedings. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991. С. 259–284.
14. Murphey T. 1990. The song stuck in my head phenomenon: a melodic Din in the LAD? // System 18/1: 53–64.

15. Richman B. 1993. On the evolution of speech: Singing as the middle term // *Current Anthropology* 34: 721–722.
16. Rivers W. 1997. Principles of Interactive Language Teaching. URL: http://edevaluator.org/river/10_principles_0.html (дата обращения: 04.11.19).

УДК 372.881.111.1

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ ВЕСТИ СВЕТСКУЮ БЕСЕДУ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Н. А. Петрова, и. о. завкафедрой трудового и предпринимательского права Хабаровского государственного университета экономики и права, кандидат педагогических наук, доцент

В статье исследуется жанр «светская беседа» и ее роль в деловом межкультурном общении. Изучаются особенности ведения светской беседы в условиях межкультурной коммуникации и определяются умения и навыки, необходимые для эффективного взаимодействия при деловом общении. Рассматриваются пути формирования умений вести светскую беседу при обучении английскому языку для делового общения.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; светская беседа; межкультурная коммуникативная компетенция; формирование умений вести светскую беседу.

FORMATION OF SKILLS TO CONDUCT SMALL TALK WHILE TEACHING ENGLISH FOR BUSINESS COMMUNICATION

N. A. Petrova, acting head of the Department of Labor and Business Law of the Khabarovsk State University of Economics and Law, *kandidat nauk*, degree in Pedagogy, Associate Professor

The article explores small talk as a genre and its role in the business of intercultural communication. The peculiarities of conducting small talk in the context of intercultural communication are studied and the skills necessary for effective interaction in business communication are determined. The ways of developing the skills of conducting small talk while teaching English for business communication are considered.

Keywords: intercultural communication; small talk; intercultural communicative competence; formation of small talk skills.

Проблема формирования умений вести светскую беседу *small talk* на иностранном языке активно исследуется в лингводидактической литературе. Это связано тем, что все большее число наших соотечественников вовлекается в деловое общение с зарубежными партнерами. В результате растет понимание того, что просто знание иностранного языка недостаточно для успешного межкультурного общения в различных сферах деятельности. Эффективное общение в межкультурной среде предполагает также владение речевым этикетом, включая и умение вести светскую беседу. Значение данного умения в условиях межкультурной коммуникации долгое время недооценивалось педагогами и учеными, хотя ситуации в деловом общении, требующие от их участников умений начать или вступить в беседу, поддержать разговор, не связанный с профессиональной деятельностью или установить контакты с нужными людьми происходят довольно часто. Светская беседа в условиях межкультурного делового общения рассматривается и как фактор эффективной коммуникации в сфере бизнеса и как неотъемлемый компонент делового общения [1; 7].

Исследования И. А. Стернина, В. В. Фениной и других показывают, что для представителей современной англоязычной культуры *small talk* является необходимым компонентом при деловом общении. Однако, в русской речевой культуре светская беседа почти исчезла, поэтому носители русского языка не рассматривают ее как обязательную составляющую при деловых контактах. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что, на практике, при обучении иностранному языку для делового общения развитие умений вести светскую беседу не является приоритетным.

Светская беседа является самостоятельной деятельностью общения, основная функция которой – установление контакта и взаимопонимания, поддержание отношений с другой стороной, а также соблюдение определенного ритуала, принятого в обществе. [6]. Для данного общения характерны следующие признаки:

- протекает в форме двустороннего или многостороннего диалога;
- общение не направлено на решение какой-либо практической задачи;
- происходит быстрая смена объекта разговора;
- для такого общения характерна естественность перехода от одной темы к другой;
- тематика беседы отличается нейтральностью и широтой диапазона;
- для современной англоязычной светской беседы (*small talk*) характерны стандартные клишированные фразы и определенный алгоритм общения.

Трудности, возникающие у русскоязычных участников такого общения, обусловлены как ее характеристиками (прежде всего, отличиями в русскоязычном и англоязычном коммуникативном поведении), так и недостаточной сформированностью иноязычных навыков умений. Но даже при владении английским языком на высоком уровне, русскоязычные участники общения сталкиваются

с такими проблемами как отсутствие общего этносоциокультурного опыта – опыта совместного общения и владения общими сведениями по темам, которые затрагиваются в беседе; недостаточный объем информации о лингвострановедческих реалиях; незнание и неумение того, как начать разговор или вступить в разговор, поддержать беседу, завершить ее; трудность в выборе темы для общения; отсутствие знаний о темах-табу, принятых в определенной культуре.

Участие в светской беседе на иностранном языке с представителями англоязычной культуры требует от коммуникантов специфических знаний, навыков и умений, таких как: знать лексику по темам, которые обычно являются предметом обсуждения в светской беседе; стандартизированные этикетные реплики, помогающие начать разговор или вступить в него, поддержать общение и завершить его; иметь представление о структуре беседы *small talk* и тактиках, используемых в данном виде общения при деловых контактах; социокультурные особенности речевого поведения представителей англоязычной культуры в условиях делового общения; знать темы, неуместные для обсуждения с представителями определенной культуры; владеть фонетическими и лексико-грамматическими навыками для реализации коммуникативных намерений; уметь слушать и слышать; применять речевые формулы-клише для реализации коммуникативных намерений; вести диалог в соответствии с утвердившимися традициями англоязычной коммуникативной культуры при деловых контактах; строить общение, учитывая национально-культурные особенности собеседника, то есть обладать стратегической и дискурсивной компетенцией.

Как правило, развитие умений вести беседу на иностранном языке проходит на среднем и высшем этапе овладения учащимися иностранным языком. Следовательно, для формирования у обучающихся умений вести светскую беседу на английском языке, прежде всего, необходимо актуализировать уже имеющиеся у них базовые навыки и умения диалогической речи: умения задавать вопросы разных типов; логично и последовательно отвечать на них; использовать реплики реагирования при общении; употреблять вводные структуры и клишированные выражения; знать способы реализации таких речевых функций, как вступление в общение, поддержание, завершение и возобновление его; выражение согласия или несогласия, сомнения, просьбы, вежливого отказа [3, с. 182].

Дальнейшая работа над формированием умений вести светскую беседу (*small talk*) включает в себя действия преподавателя, направленные на автоматизацию диалогических навыков и совершенствование тех умений, которые определяются особенностями данного жанра, а именно: использование клишированных фраз в определенной последовательности и следование общепринятому алгоритму общения [1].

По мнению ряда исследователей, при обучении учащихся вести беседу *small talk* необходимо уделять внимание не только развитию и совершенство-

ванию диалогических навыков и умений, но и особенностям английского стиля коммуникации и его отличиям от русского. Знание этих особенностей помогут русскоязычным участникам беседы избегать категоричности при выражении своего мнения и доминирования в беседе, превращая ее в монолог, не затягивать паузы и не перебивать партнеров, избегать говорить на табуированные темы [2].

В методике преподавания иностранного языка существуют два подхода к обучению диалогической речи: дедуктивный и индуктивный [3]. Наиболее оптимальным для решения задачи развития умений вести светскую беседу является, на наш взгляд, разумное сочетание обоих подходов. Дедуктивный подход предполагает предъявление на первом этапе ознакомления диалога-образца, демонстрирующего типичные для определенной ситуации речевые клише и модели речевого поведения. На этом этапе проводится работа, направленная на понимание текста, анализ особенностей речевого поведения его участников в конкретной речевой ситуации, его запоминание, а также частичную трансформацию. Данный подход позволяет учащимся автоматизировать навыки использования клишированных выражений и моделей речевого взаимодействия в жестко-регламентируемой типичной ситуацией общения.

Индуктивный подход направлен на обучение взаимодействию, формируя речевые умения и навыки в процессе общения. Первоначальное знакомство с типовыми фразами и клише, типичными для диалогового общения, происходит в отрыве от речевой ситуации. Затем следует этап развития умений диалогической речи в учебно-речевых ситуациях (УРС). Достоинство этого метода заключается в том, что он развивает психические механизмы диалогической речи, которые являются основой формирования способности общающихся к эвристичности, незаученности высказываний, к умению осуществлять стратегию и тактику своего поведения [5, с. 206–226].

В заключение следует подчеркнуть, что обучение ведению светской беседы small talk на иностранном языке является актуальным и востребованным современным российским социумом. В связи с этим, формирование умений вести светскую беседу на иностранном языке необходимо включать в качестве одной из задач при обучении иностранному языку для делового общения. При обучении свободной беседе small talk особое внимание следует уделять не только развитию у обучающихся диалогических навыков и умений, но и формированию прагматических знаний об особенностях речевых стратегий и тактиках, используемых при общении носителями англоязычной культуры и о способах их реализации.

Список источников

1. Перова В. М. Речевой этикет как фактор эффективного общения в сфере бизнеса // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. № 5.
2. Романова В. М. Формирование умений ведения светской беседы как компонента межкультурного делового общения (английский язык, экономический вуз): дис. ... канд. пед. наук. М., 2012.
3. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов педвузов и учителей. М.: Просвещение, 2002.
4. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе / под ред А. Д. Климентенко, А. А. Миролубова. М.: Педагогика, 1981.
5. Фенина В. В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
6. Фрицлер Н. М. Роль и значение светской беседы в межкультурном деловом общении // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. № 5 (19–2).

УДК 316.77:323

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

О. С. Подольская, доцент кафедры методики и иностранных языков Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, кандидат философских наук

Статья посвящена исследованию метафоры как формы языковой игры, как социокультурного феномена. Рассматривается феномен метафоры как механизм воздействия социума на человека, раскрываются способы отражения реальности.

Ключевые слова: метафора; социокультурный феномен; смысл; языковая игра; реальность; социум.

METAPHOR AS A METHOD OF REALITY REFLECTION

O. S. Podolskaya, associate professor of the Department of Methodology and Foreign Languages of the Pedagogical Institute of the Pacific National University, kandidat nauk, degree in Philosophy

The article is devoted to the study of metaphor, as a form of a language game, as a sociocultural phenomenon. The phenomenon of metaphor is considered as a mechanism of the society influence on a person, methods of reality reflection are analyzed.

Keywords: metaphor; sociocultural phenomenon; sense; language game; reality; society.

Осложнение социальной реальности, усиление ее динамики требует столь же сложных и динамичных форм ее отражения. Поэтому в современном культурном пространстве придается особое значение языку и не только как средству общения, но и как основе экзистенционального творчества: именуя, мы создаем и пересоздаем мир, как инструменту, постоянно претерпевающему изменения, тем самым раскрывающему смысл происходящих в обществе перемен. Для понимания этих перемен необходима языковая игра и ключевой прием создания языковых игр – метафора как многообразие способов отражения реальности.

Идея языковой игры как порождающего, творческого устройства и динамический характер языковой системы подразумевают возможность свободного, гибкого применения языковых средств и приемов речепорождения. В этом отношении нет принципиальной разницы между, скажем, поэзией, в которой «играют словами и речью», и спортивным состязанием. Образное сравнение,

как и любой другой эффектный риторический прием в языковой игре, так же высоко ценятся играющими, как хороший пас, удачно проведенная комбинация, филигранная техника исполнения в игре в футбол.

Языковая игра – «это своего рода эксперимент, обнаруживающий... скрытые резервы языка» [1, с. 8].

Именно язык дал для этого богатейший материал. В языке и, в частности, в метафоре увидели один из механизмов воздействия социума на человека, его власти над ним. Метафора переносит нас в воображаемый мир, выводит наружу парадоксы, скрытые в языке, это языковое действие, которым мы создаем мир и себя в нем.

Метафора (греч. *metaphora* – перенесение) – перенесение свойств одного предмета (явления или грани бытия) на другой по принципу их сходства, в каком-либо отношении или по контрасту. [3, с. 419].

Метафора отличается особой экспрессивностью, обладает неограниченными возможностями в сближении (нередко – неожиданном уподоблении) самых разных предметов и явлений, по существу по-новому осмысливает предмет. Метафора способна вскрыть, обнажить его внутреннюю природу. К примеру, «очарованный поток» (В. А. Жуковский), «живая колесница мироздания» (Ф. И. Тютчев), «жизни гибельный пожар» (А. А. Блок), «И Гамлет, мысливший пугливыми шагами» (О. Э. Мандельштам).

Именно в XX в. заговорили о метафоре как о познавательном процессе, способе существования человека в мире.

В число таких теорий мы можем включить модель метафоры П. Рикера. По мнению П. Рикера, метафора способна раскрыть подлинный смысл нашего пребывания в мире, она связана с глубинными структурами реальности, с творческими возможностями человека.

Дж. Р. Серль указывал, что «проблема метафоры затрагивает отношения между значением слова и предложения, с одной стороны, и значением высказывания или значением говорящего, с другой» [4, с. 308].

Джордж Лакофф, американский лингвист, в книге «Метафоры, которыми мы живем» анализирует метафору в повседневном языке. Обыденные метафоры, типа «я разбил его доводы», «она напала на мою позицию», «наш брак на распутье», по мнению Дж. Лакоффа, не требуют многословия, но они насыщают наш язык и делают его более понятным.

Открытие метафоры как познавательного средства и языка как особого мира вообще – это своеобразное «преодоление единичного и эфемерного существования» (по Э. Кассиреру), понимание условности, неточности, неполноты человеческого описания мира.

Метафора является выражением в языке способности человека к постижению глубинной тождественности различного, разнородного. Она непостижимым

образом сводит воедино понятия из различных областей, для нее нет границ. Метафорически можно говорить о человеке как «игрушке богов, увлекаемой» за шнурки и нити» к добродетелям и порокам» (Платон), о политике как «мериле справедливости» (Аристотель), о логике как «царстве теней действительности» (Гегель), о теле как «тюрьме души» (Платон) и о душе как о «темнице тела» (М. Фуко). Метафора являет нам дух, «театр, где следуют друг за другом различные восприятия» (Д. Юм), мышление как «игру речей и объектов во внутренней беседе души с самой собой» (Платон). Мы можем смело утверждать, что метафора связывает различные, а часто и весьма отдаленные сферы бытия, она связывает мир духа и природный мир, жизнь человека и жизнь Вселенной.

Языковое сознание отображает общенародные, стереотипные представления о социальных и природных явлениях, что обычно выражается посредством языковых метафор и символов, пословиц, поговорок, и фразеологических оборотов. Сравним, к примеру, лиса – «хитрый человек», медведь – «неуклюжий человек». Называя так человека, ему приписывают признаки, характерные для этого вида животных, тем самым познается сущность человека, создается образ и порождается новый смысл. Поднять (спустить) флаг – символ церемонии, огнем и мечом (меч – символ войны) и т. д. Национально-специфические образы подобных выражений пронизывают наше обыденное и языковое сознание, проникают в повседневную жизнь.

Рэймонд Джипбс, профессор психологии Калифорнийского университета, приводит интересные данные относительно частоты употребления метафоры в повседневной речи. Люди употребляют в среднем 1,80 живых и 4,08 мертвых метафор в минуту дискурса. Если предположить, что человек говорит только два часа в день, то за 60 лет жизни он употребляет в речи 4,7 млн индивидуальных и 21,4 млн стертых метафор. Другой подсчет, сделанный на основе анализа метафор, использованных в теледебатах и программах комментариев новостей, показал, что свежая метафора появляется в среднем один раз на каждые 25 слов разговора.

Метафора часто выступает как литературный прием изображения и является одним из особенностей современного стиля массовой печати. Такая метафора социальна, она способна вскрыть общественно-политические и идеологические изменения в обществе. Исследователи метафоры неоднократно отмечали, что по характеру метафоры, ее смысловой и социальной направленности можно понять менталитет самого общества.

Особым был набор метафор публицистики советского периода: рубежи пятилетки, идеологические диверсии, фронт коммунистического труда, битва за урожай и т. д. Язык СМИ наших дней еще больше расширил метафорические контексты с политическим и социальным содержанием: коридоры власти, корабль реформ, аллергия на контакты с прессой, геометрия досуга, склероз совести,

острова тоталитаризма и т. д. Все это, несомненно, отражение и государственного устройства, и нравственного состояния общества, и образовательного уровня индивидов.

Все это отражается на стиле сегодняшнего общения, который характеризуется размытостью границ между разными коммуникативными сферами, нивелировкой типов речи, в том числе и официальной. Языковая игра стала обыденным явлением, особой формой лингвокреативной деятельности, отражающей стремление говорящих к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей.

Следовательно, языковая игра – это не способ украшения речи, не уход от действительности, это средство, структурирующее наше мышление. Метафора, как и другие формы языковой игры, лежат в основе нашего мироощущения и миропонимания, а образное мышление составляет неотъемлемую часть когнитивных процессов, процессов порождения новых смыслов. Метафора, как разновидность языковой игры, способна раскрыть подлинный смысл нашего пребывания в мире, она связана с глубинными структурами реальности, с творческими возможностями человека. Это позволяет нам говорить о метафоре как о познавательном процессе, с помощью которого расшифровываются и транслируются бесконечные смыслы окружающей нас действительности, способе существования человека в мире.

Список источников

1. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1996.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия.
3. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998.
4. Серль Дж. Р. Метафора // Теория метафоры.
5. Gibbs R. W. The Poetics of Mind: Figurative Thought Language and Understanding. Cambridge, 1994.

УДК 378.016:811. III

ПРОБЛЕМА МЕТОДОВ ФИКСАЦИИ И КОРРЕКЦИИ ОШИБОК ПРИ ОБУЧЕНИИ ГОВОРЕНИЮ

М. А. Помченко, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения, кандидат психологических наук;

Н. В. Резанова, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения, кандидат психологических наук, доцент

Статья посвящена проблеме методов фиксации и коррекции ошибок при обучении говорению на иностранном языке в вузе. Эффект исправления ошибок зависит от множества факторов и может быть как положительным, так и отрицательным. Исследование показало отсутствие единого подхода к исправлению ошибок. Преподаватели выделяют разные методы и техники в коррекции и фиксации ошибок, что, в свою очередь, может по-разному повлиять на мотивацию изучения иностранного языка.

Ключевые слова: коррекция; фиксация; явное исправление; перифраз; кларификация; металингвистическая опора; стимулирование.

THE PROBLEM OF METHODS OF FIXATION AND CORRECTION OF MISTAKES IN SPEAKING

M. A. Pomchenko, associate professor of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department of the Far Eastern State Transport University, *kandidat nauk*, degree in Psychology;

N. V. Rezanova, associate professor of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department of the Far Eastern State Transport University, *kandidat nauk*, degree in Psychology, Associate Professor

The article touches upon the problem of methods of fixation and correction of mistakes while speaking a foreign language at the university. The correction effect depends on many factors and can be positive and negative as well. The research showed the absence of the common approach to mistakes correction. The teachers distinguish different techniques

of mistakes correction and fixation, which would in turn influence the motivation of learning a foreign language.

Keywords: correction; fixation; explicit correction; recast; clarification; metalinguistic cue; elicitation.

Современные требования диктуют новые идеи в практике преподавания иностранных языков: изменения целей, содержания, средств, приемов и методов обучения. В пересмотре также нуждаются способы и формы контроля, в частности исправление ошибок в речи учащихся. Ошибки являются неотъемлемой частью учебного процесса. Проблема исправления ошибок при обучении иностранному языку не является новой. Дискуссия по этому вопросу разворачивается следующим образом: надо ли исправлять ошибки или нет; когда это лучше делать; какой эффект, положительный или отрицательный, это окажет на учащихся (Т. Г. Богданова).

Данная проблема широко рассматривается в трудах отечественных ученых: Н. Г. Архаровой, Н. С. Балясниковой, Н. Д. Ивицкой, С. Г. Меркуловой, Е. Н. Солововой; а также James M. Hendrickson, V. Russel. Но, несмотря на достаточные научные и практические разработки, проблемы не нашли своего полного разрешения.

Преподаватели вузов и учителя школ уделяют большое количество времени и внимания исправлению ошибок. Они анализируют их, разрабатывают методы тренировки и отработки типичных ошибок в целях их предупреждения в будущем. Но при этом очевидно, что некоторые методы являются более успешными, чем другие. Иногда обучаемые реагируют на исправление ошибок положительно, в других случаях ошибки носят повторный характер и закрепляются в речи. Некорректное исправление ошибок может повлиять на коммуникативную функцию, формирование умения говорить на иностранном языке. Обучаемые не должны бояться говорить, волноваться, испытывать страх перед аудиторией, но при этом они все же должны говорить грамотно. Таким образом, очень важно найти необходимый баланс между исправлением ошибок и поставленными задачами обучения. Коррекция ошибок должна быть адекватна и согласована с временем, ходом урока и целями, задачами урока. Также важно выявить максимально эффективные пути исправления ошибок, включающие время исправления ошибок (отсроченное или немедленное), акцент на форме или содержании, реакцию обучающихся на исправление ошибок (эмоциональный фон, мотивационная составляющая процесса изучения иностранного языка), какие именно ошибки должны исправляться, кем должны исправляться ошибки, вопрос самоконтроля обучающегося.

Целью нашего исследования является обобщение теоретических и практических вопросов, связанных с исправлением ошибок современной научной

литературе и интерпретацией их в процессе обучения устной речи у студентов неязыкового вуза.

В целях выявления возможных методов фиксации и коррекции ошибок при обучении говорению нами была разработана анкета. В анкетировании принимали участие преподаватели кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации ДВГУПС, а также преподаватели лицея ДВГУПС и учителя школ. Ниже представлены разработанные вопросы анкеты.

1. Какие ошибки Вы видите, дифференцируете и исправляете чаще:

- 1) ошибки-оговорки (slips);
- 2) ошибки-оплошности, когда ошибка незначительна с точки зрения норм языка и обучающийся исправляет ошибку сам;
- 3) ошибки, которые были сделаны обучающимся в материале пройденных тем, при этом обучающийся показывает неполное понимание грамматических правил и употребления лексики;
- 4) ошибки, которые были сделаны обучающимся в незнакомом ему материале с незнакомыми грамматическими и лексическими конструкциями.

2. Как, по вашему мнению, должны исправляться ошибки:

- 1) Explicit Correction: преподаватель прямо называет ошибку, дает пояснения и называет правильный вариант;
- 2) Recast: перефразирование, когда преподаватель произносит или пишет исходный речевой образец в правильной форме, но при этом ничего не объясняет;
- 3) Clarification Recast: преподаватель дает знать, что он не понял ответ и обращается с просьбой о пояснении;
- 4) Metalinguistic Cues: преподаватель может использовать различную грамматическую терминологию, реакцию, но при этом не называет правильную форму;
- 5) Elicitation: преподаватель стимулирует речь обучающегося, с побуждением к исправлению и названием правильной формы. Преподаватель может выделить ошибку с помощью интонации или паузы;
- 6) Repetition: обучающийся повторяет за преподавателем, при этом преподаватель делает вербальный акцент на месте ошибки.

3. Какой, по-вашему, мнению, самый негативный метод?

4. Какой, по-вашему, мнению самый эффективный метод?

5. Какими методами вы пользуетесь чаще всего?

6. Кто должен исправлять ошибки? Какой метод вы считаете наиболее удачным:

- 1) Self-correction (самостоятельное исправление ошибок);
- 2) Peer-correction (исправление ошибок членами группы);
- 3) Teacher-correction (исправление ошибок учителем).

Анализ заполненных анкет позволил сделать следующие выводы.

1. Преобладающее большинство преподавателей не исправляет ошибки-оговорки, незначительные ошибки и ошибки в неизученном материале.

2. Среди способов исправления ошибок преподаватели выделяют:

1) Elicitation: преподаватель стимулирует речь обучающегося, с побуждением к исправлению и названием правильной формы. Преподаватель может выделить ошибку с помощью интонации или паузы;

2) Metalinguistic Cues: преподаватель может использовать различную грамматическую терминологию, реакцию, но при этом не называет правильную форму;

3) Clarification Recast – просьбу о пояснении, когда учитель дает знать, что не понял высказывания учащегося;

4) Explicit Correction: преподаватель прямо называет ошибку, дает пояснения и называет правильный вариант;

5) Recast – перефразирование, когда преподаватель произносит или пишет исходный речевой образец в правильной форме, но при этом ничего не объясняет.

3. Самым эффективным методом был выделен метод Elicitation.

4. Самым негативным методом был обозначен метод Recast.

5. Преподаватели чаще всего пользуются методами Clarification Recast, Explicit Correction, Explicit Correction, Elicitation.

6. По мнению преподавателей, исправлять ошибки должны сами обучающиеся и преподаватели.

Список источников

1. Богданова Т. Г. Роль исправления ошибок при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Науч. вестн. ЮНМ. 2014. № 4.
2. Ивицкая Н. Д. О наиболее типичных ошибках при изучении английского языка и некоторых путях и их преодоления // Иностран. языки в школе. 1995. № 3.
3. Меркулова С. Г. Современные подходы к исправлению ошибок в письменной речи при изучении иностранного языка // Первое сентября. 2003. № 9.
4. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. М.: Просвещение, 2006.
5. Hendrickson J. M. Error Correction in Foreign Language Teaching: Recent Theory, Research, and Practice // The Modern Languages Journal. 1978. Vol. 62, Issue 8.
6. Russel V. Corrective Feedback, over a decade of research since Lyster and Ranta (1997): Where do we stand today? // Electronic Journal of Foreign Language Teaching. 2009. Vol. 6, № 1.

УДК 37.013.2

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ

О. В. Селиверстова, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного университета экономики и права

Опираясь на ранние факты выдающихся ученых, показывающие преимущественный эффект теорий об интеллекте, мы рассматриваем недавние исследования, доказывающие, что процесс языкового образования характеризуется особым уровнем его интеллектуализации. Актуальность данной статьи обусловлена значимостью современных моделей в обучении иностранным языкам будущих экономистов. В статье мы опираемся на концепт «интеллектуализация» языкового образования, который позволяет нам выдвинуть интерактивные обучающие технологии: от позитивного мышления до научной строгости суждений и рационализации логических высказываний.

Ключевые слова: интеллектуализация; логическое мышление; познавательные способности; суждение; научная строгость.

INTELLECTUALIZATION OF LANGUAGE EDUCATION AT THE UNIVERSITY OF ECONOMICS

O. V. Seliverstova, senior lecturer of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department of the Khabarovsk State University of Economics and Law

Building on earlier evidence of the outstanding researches showing a beneficial effect of the theories of intellect we review recent studies showing that the process of language education is characterized by the particular level of its intellectualization. The urgency of research is shaped by the significance of the current models in teaching foreign languages. In this article we focus on the concept «intellectualization» of language education that enables us to propose some interactive teaching techniques ranging from positive thinking to scientific rigor of judgments and rational logical statements.

Keywords: intellectualization; logical thinking; cognitive abilities; judgment; scientific rigor.

Облагораживает человека только интеллект.
Оскар Уайльд

Педагогическая методология при рассмотрении проблемы интеллектуализации ориентируется на идеи ученых классиков А. Бине, С. И. Гессена, Дж. Дьюи, В. В. Зеньковского, П. Ф. Каптерева, Я. А. Коменского, В. А. Сухомлинского, К. Д. Ушинского и др.

В начале 20 века французская школа А. Бине проводила тестирования интеллекта обучающихся, которые в дальнейшем стали предпосылками для развития понятия «интеллектуализация».

Исходя из концепции Л. С. Выготского, интеллектуализация является важной концептуальной единицей, которая выражается в интеллектуальных функциях человека: в его восприятии, внимании, памяти, наглядно-действенного интеллекта.

Л. В. Занков рассматривал умственное или интеллектуальное обучение как развитие наблюдательности, мышления, способностей к анализу, обобщению и формированию мотивов познавательного интереса интеллектуального роста человека.

Авторы концепции интеллектуального обучения (Ж. Пиаже, М. Хоув, В. Штраус, Фр. Гальтон и др.) заложили научный базис для дальнейших разработок о представлении познавательной стороны обучающегося. Исходя из этих учений, В. В. Давыдов и его последователи пришли к выводу, что наиболее благоприятным для умственного развития обучающегося являются познавательные процессы личности, их мышление и творческие задатки.

Известный психолог В. П. Зинченко выделил целью обучения, развитие познавательных способностей, которые способствуют познавать и понимать самого себя, своей самооценки и дискуссионное аргументирование своего мнения.

В современных условиях в образовательной среде вуза интеллектуализация обучения представляет собой явление социальной действительности и способ интеллектуального взаимодействия специалистов в социокультурном пространстве, ориентированный на повышение меры качества «будущетворения». Концепция интеллектуализации образования в процессе подготовки специалиста раскрывает образовательный процесс как целенаправленный, систематический, ориентированный на формирование интеллектуальной культуры личности и приводящий к значительному изменению в жизнедеятельности человека и общества.

Сущностью интеллектуализации как сложного, многопланового явления с позиции системно-синергетического, философско-культурологического, личностно-деятельностного подходов представляется в единстве и взаимодополнении взаимосвязанных компонентов (интеллектуализация как ценность, цель, система, процесс, результат, средство) профессиональной подготовки будущего

специалиста. Организация самостоятельной работы студентов, создание мотивационной среды для интеллектуальной деятельности будущего специалиста (целеполагание, формирование потребности самостоятельно реализовать интеллектуально-значимые задачи), позволит более осознанно усваивать учебный материал. Горизонтальная, вертикальная, концентрическая интеллектуализация позволяет выстроить интегральные содержательные поля [1, с. 12] языкового процесса подготовки специалиста экономического вуза,

Данные исследования, так или иначе, связаны с осознанием существенной значимости интеллекта и интеллектуализации языкового образования в высшей школе.

В современных подходах в обучении иностранным языкам будущих специалистов, в частности мы рассматриваем экономический вуз, концепт «интеллектуализация» представляется в качестве процесса, в котором языковое образование важно и его можно сравнить с «умственной энергией» (Ч. Спирмен) [4, с. 16], перерастающей в достижение основных целей, включенных в содержание занятий по иностранному языку.

Интеллектуализация языкового образования позволяет обсуждать любую проблематику, применяя подход, направленный на развитие языковых навыков и стратегий. В ходе учебных занятий прослеживается попытка изучить не только иностранный язык, но и мыслительные процессы, лежащие в основе его использования. Предполагается, что студенты активно используют языковые структуры, основанные на единых процессах аргументации и интерпретации текстов, высказываний.

При этом осуществляется процесс развития поисковой активности студентов, так называемый «brain-storming». Во время практических занятий студенты выражают свои мысли в виде диалогических дискуссий, самостоятельно ищут поиски решения заданной проблематики.

Интеллектуализация языковой подготовки будущих экономистов позволяет им выстроить траекторию своей профессии во всех её взаимосвязях с деловым общением, с ведением коммерческой переписки и документации на иностранном языке, с построением стратегии международных переговоров с бизнес-партнерами. Студенты также учатся размышлять на занятиях при обсуждении кейсов, заданных бизнес ситуациями. В данном процессе интеллектуализация формирует понимание того, что такое коммерческое партнерство, человек и бизнес корпорации, системное профессиональное мышление, обобщение и применение экономических знаний междисциплинарных предметов.

Языковая стратегия занятий выступает инструментом развития содержания учебных материалов и способствует реализации их ценности и доступности для студентов. Выделяются несколько моделей построения занятия языкового характера.

1. *Дискуссионная модель* оценивает инициативность студента при выборе разговорных стратегий и демонстрации их в монологической или диалогической речи студента. В данном мыслительном процессе формируются концептуальные и познавательные способности; «crowdsourcing», то есть коллективный перевод или коллективное обсуждение проблематики; развиваются навыки построения аргументированности фактов, доводов и мнений; активно используются словообразующие структуры и фразы.

2. *Модель обобщения высказывания* при подведении выводов. При данном подходе интеллектуализация языкового образования выступает последовательным процессом, который отражает научность иноязычной речи, рефлекссию объективного мышления студента, эффективность применения экономических знаний и умений.

3. *Модель преодоления языкового барьера* позволяет учащимся развивать собственный успех в ораторском искусстве и монологической речи посредством общественных платформ для выступлений при единстве социалинговинтеллектуальных условий обучения. Студенты используют вариативные стили вербального общения, мобильные инновационные образовательные ресурсы и приложения, обучающие стратегии и привлекают коммуникационные сообщества.

Таким образом, процесс интеллектуализации языкового образования в экономическом вузе (и не только) представляет собой рационализированную адаптацию к целеполаганию учебного взаимодействия, в ходе которой развиваются такие языковые технологии, как точность высказывания, глобальные суждения, способность выражать системность содержания мысли, усиление интеллектуальной стороны речи. Интеллектуализация языкового образования достигает высшей степени в объективном научном мышлении, в котором используются концепты логических суждений.

Интеллектуализация языкового образования в экономическом вузе также основана на развитии иностранной деловой терминологии, научной строгости и уточнений, логических высказываний, являющихся результатом функционального применения иностранного языка в различных сферах экономики. Полное достижение исследуемого процесса применимо при оценивании полученных знаний в ходе дискуссионных проблем и вопросов повседневной или академической направленности.

Содержательный компонент интеллектуализации языкового образования будущего экономиста зависит от интеллекта (умственных способностей) и интеллектуальной культуры самого учащегося, гибкости и динамичности его мышления, интеллектуальной мобильности и интуиции, а также профессиональной ориентированности в иностранном языке.

Список источников

1. Егорова Г. И. Интеллектуализация профессиональной подготовки специалиста технического вуза: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2005.
2. Современный психологический словарь / Н. Н. Авдеева [и др.]; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
3. Фомина А. Н., Шабанова Т. А. Педагогическая психология: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2013. 333 с.
4. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. 2-е изд, перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
5. Havranek B. 1932. The Functions of Literary Language and its Cultivation. Havranek, B and M. Weingart (Eds.). 1932.
6. Langa Khumalo, Intellectualization through Terminology Development / Lexikos 27 (AFRILEX-reeks/series 27: 2017): 252–264.

УДК 808.2

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
«РУССКИЙ ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ.
КУЛЬТУРА РЕЧИ»

***Ю.А. Скоринова**, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент*

Низкий уровень языковой компетентности сотрудников полиции заставляет искать возможности повышения языковой способности в рамках учебного процесса. Для «запуска» процесса совершенствования необходимо включение мотивационного, учебно-методического и организационного ресурсов.

Ключевые слова: языковая компетентность; языковая компетенция; мотивация языкового развития; совершенствование методики обучения; организационно-методического сопровождение.

TO THE ISSUE OF IMPROVEMENT OF THE LANGUAGE
COMPETENCE OF THE LAW ENFORCEMENT WORKERS
IN THE PROCESS OF STUDYING DISCIPLINE
"RUSSIAN LANGUAGE IN BUSINESS
DOCUMENTATION. CULTURE OF SPEECH"

***Yu. A. Scorinova**, associate professor of the Foreign Languages Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

The low level of language competence of police officers makes them look for opportunities to improve their language skills in the educational process. To "launch" the process of improvement, it is necessary to include motivational, educational, methodological and organizational resources.

Keywords: language competence; language competence; motivation of language development; improvement of teaching methods; organizational and methodological support.

Обращаясь к вопросу языковой компетентности, сразу же поясним, что рассматриваем ее как средство становления и дальнейшего развития профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел (ОВД). Средство, которое позволит более качественно реализовывать задачи как устной, так и письменной коммуникации в рамках решения профессиональных задач.

Что же мы понимаем под языковой компетентностью? Не углубляясь в дискуссию о различии терминов «языковая компетентность» и «языковая компетенция», обозначим лишь наше понимание этого, необходимое для работы. Языковая компетентность – это свойство языковой личности, проявляющееся в готовности и способности человека к успешной коммуникации в устной и письменной форме на основе полноценной речемыслительной деятельности. Становление языковой компетентности личности происходит в процессе развития и углубления таких компетенций, как лингвистическая, языковая, коммуникативная и культуроведческая. Такой подход в разграничении терминов (как общее и частное, как результат и процесс) позволяет сохранить преемственность между школьным образованием, вузовским и послевузовским и наполнить конкретным содержанием курс дисциплины «Русский язык в деловой документации. Культура речи» в системе профессиональной подготовки. Обладать языковой компетентностью – значит быть готовым на основе названных выше компетенций находить наиболее целесообразные и эффективные пути решения профессиональных задач с помощью устной и письменной коммуникации.

Однако уровень языковой компетентности многих выпускников не только школы, но и других учебных учреждений, в том числе и высших, является достаточно низким, что является причиной неэффективной и даже затруднительной коммуникации. К сожалению, низкий уровень языковой компетентности характерен для многих слушателей факультета профессиональной подготовки (ФПП), что заставляет искать пути преодоления возникающих трудностей и возможности совершенствования языковой компетентности. В связи с этим предлагаем наше видение организации работы на факультете подготовки сотрудников ОВД.

В рамках непродолжительного погружения в дисциплину «Русский язык в деловой документации. Культура речи» (26 аудиторных часов) при слабо представленных у слушателей необходимых для языковой компетентности знаний, умений и навыков считаем актуальным сосредоточиться на языковой компетенции, которая на основе речевого опыта, накопленного в процессе общения и деятельности, а также знаний о языке на всех его уровнях, усвоенных в ходе школьного, ссузовского или вузовского обучения, и языкового чутья обеспечит

более высокий уровень письменной и устной профессиональной коммуникации. Языковая компетенция предполагает наличие достаточно широкого словарного запаса, знание и понимание грамматического строя речи, а также владение орфографическими, пунктуационными, орфоэпическими, лексическими, грамматическими, стилистическими нормами. Сформированность этой компетенции позволяет правильно, точно, ясно, логично, выразительно, уместно выражать свои мысли в устной и письменной форме.

Конечно, актуализация языковой компетенции не означает игнорирования остальных, потому что овладение нормами невозможно без лингвистической базы, на которую они опираются, а успешная и полноценная коммуникация без опоры на коммуникативную и культуроведческую базу затруднительна. Однако внимание к остальным компетенциям будет носить попутный и перемежающийся характер, позволяющий облегчить совершенствование языковой компетентности.

Для определения имеющегося уровня языковой компетентности слушателей ФПП мы предлагаем входное тестирование, включающее задания по орфографии, пунктуации и культуре речи, а также редактирование служебного документа. Кроме этого, они заполняют анкету с целью оценки собственной языковой компетентности и определения мотивации к ее совершенствованию. В основу данного выступления легли результаты 4 групп (юристы и не юристы) в количестве 70 человек.

Опрос слушателей ФПП показал, что они согласны с тем, что часто окружающие люди плохо говорят, не умеют понятно и четко сформулировать мысль, допускают много ошибок в речи и на письме. При этом 96 % опрошенных замечают ошибки у других и считают, что необходимо устранять пробелы в знаниях и умениях (87 %). Лишь 1 % опрошенных предлагают не обращать внимания на ошибки, а 12 % – исправлять ошибки лишь в том случае, если на них укажут. Казалось бы, большинство готово к совершенствованию своей языковой компетентности, однако, замечая чужие ошибки, 53 % ответили, что они не испытывают затруднения ни в устной, ни в письменной речи. Значит, потребности в совершенствовании у них не возникает, то есть мотивация у большей части отсутствует. Перед нами противоречие между высоким уровнем требований к речи окружающих и низким, неадекватно оцениваемым уровнем собственной речи.

Входное тестирование показало (статистика типичная) очень низкий уровень пунктуационной грамотности: 82 % составляют ошибки в постановке знаков препинания. Наиболее проблемными оказались задания на постановку двоеточия (100 %), на знаки препинания при прямой речи (93 %), выделение обособленных определений (90 %), на запятую перед И в сложносочиненном предложении и простом с однородными членами (88 %).

Чуть выше, но достаточно низкий уровень орфографической грамотности – 54 %. Наиболее проблемные задания на Н/НН в суффиксах причастий

(100 %), дефис в разных частях речи (100 %), НЕ с разными частями речи (72 %), непроверяемые гласные в корне (63 %).

Наибольшее количество ошибок при определении культурноречевых норм допущено при использовании слов-паронимов (70 %), при выборе грамматических форм (66 %) и постановке ударения (58 %).

Таким образом, среди 70 слушателей ФПП 11 человек выполнили правильно 65 % заданий, 22 человека – 50 %, остальные 37 человек дали от 10 до 40 % правильных ответов.

Редактирование служебного документа (рапорта) показало низкий уровень владения не только пунктуационными и орфографическими навыками, но и стилистическими. Среди «отредактированных» работ нет ни одной без тех или иных ошибок. Представленные работы нуждаются в дополнительной правке и редактировании.

Полученные результаты являются материалом для организации последующей работы по совершенствованию языковой компетенции в учебном процессе.

Анализ ошибок позволяет определить пробелы языковой компетенции слушателей и выстроить образовательный процесс с учетом восстановления необходимых знаний и умений для последующего их развития. Следовательно, на практические занятия выносятся темы, вызывающие наибольшее затруднение у обучаемых. Однако в распоряжение каждому слушателю необходимо предоставить весь необходимый для восстановления языковой компетенции материал для того, чтобы обеспечить повторение и отработку в зависимости от индивидуальных затруднений.

Анализ результатов тестирования, анкетирования, редактирования, наблюдение за работой слушателей на практических занятиях, личные беседы позволили предложить некую программу действий, развивающих языковую компетенцию, которая способствует совершенствованию языковой компетентности в условиях ФПП. Для ее реализации, на наш взгляд, необходимо следующее:

- 1) повышение мотивации к языковому развитию. Для этого предлагаем:
 - объективный срез языковых умений и навыков (тест) с целью выявления недостаточности или отсутствия необходимых компетенций;
 - составление индивидуальных рекомендаций по совершенствованию;
 - сопровождение повторения доступными справочными материалами, в том числе в электронном варианте на телефоне;
- 2) совершенствование методики преподавания и учебно-методического сопровождения. Для этого необходимо:
 - включение метода «микрообучения», когда отбираются отдельные, небольшие по объему темы (из тех, по которым самые низкие результаты тестирования), интенсивно отрабатываются до получения результата, при этом

параллельно подключаются темы разных языковых уровней: орфоэпического, лексического, орфографического, морфологического, синтаксического;

- создание алгоритмов, образцов выполнения для закрепления и обращения к ним в рамках учебного процесса и при необходимости в профессиональной деятельности;

- разработка тестового сопровождения по разным темам с целью закрепления;

- создание учебно-методического пособия для повторения и закрепления норм всех уровней языковой системы с использованием профессионально ориентированной лексики и текстов (на бумажной и электронной основе);

3) создание корпуса образцов документов профессионально значимых для работников ОВД жанров (рапорты, протоколы, заявления, постановления, объяснительные и т. п.) с рекомендациями.

Подводя итог изложенному, отметим, что совершенствование языковой компетентности сотрудников ОВД, проходящих подготовку и переподготовку на ФПП, будет успешнее, если усилия профессорско-преподавательского состава будут объединены. Повышение статуса успешно действующей языковой личности в профессии позволит усилить мотивацию слушателей, поэтому необходимы регулярные практикумы для ведущих преподавателей с целью повышения их языковой и коммуникативной способности. Кроме того, приведение в соответствие с государственными стандартами и применение отредактированных в языковом отношении документов, используемых в управлении внутренних дел, станет хорошим примером для грамотной письменной коммуникации всех нижестоящих подразделений.

УДК 372.881.111.1

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ МОНОЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

***О. Б. Солдатова**, доцент кафедры иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России, кандидат филологических наук*

Статья посвящена вопросу формирования умений и навыков монологического высказывания в процессе обучения курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования МВД России. В работе представлены рекомендации по построению монолога и по устранению наиболее распространенных ошибок обучающихся в процессе презентации монологического высказывания. Отмечается, что регулярное и корректное использование упражнений, прагматически направленных на формирование навыков и умений монологического высказывания, позволяет сформировать готовность обучающихся к межкультурному общению.

Ключевые слова: монологическое высказывание, упражнение, навык, умение, структура, логика.

DEVELOPING OF MONOLOGICAL UTTERANCES SKILLS OF CADETS OF NON-LANGUAGE UNIVERSITIES

***O. B. Soldatova**, associate professor of the Foreign Languages Department of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Philology*

The article is devoted to the issue of formation of monologue utterance skills in the process of training cadets of higher educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The paper presents recommendations for building a monologue and for eliminating cadets' most common mistakes in the process of presenting a monologue. It is noted that the regular and correct use of the exercises, pragmatically aimed at developing skills and abilities of monologue utterance, allows cadets to get prepared for intercultural communication.

Keywords: monological utterance; exercise; skill; skill; structure; logic.

Федеральный государственный стандарт третьего поколения среди основных профессиональных компетенций обучающихся неязыковых вузов обозначает иноязычную коммуникативную компетенцию, рассматриваемую в работах ряда ученых [1; 2; 3 и др.]. Под иноязычной коммуникативной компетенцией понимают уровень владения языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, навыками и умениями, позволяющими обучаемому коммуникативно приемлемо и целесообразно варьировать свое речевое поведение [4].

Согласно критериям Федерального государственного стандарта обучающиеся должны уметь осуществлять межкультурное общение на иностранном языке. Данная цель может быть реализована только при условии сформированных навыков аудирования, чтения, письма и, конечно, говорения. Что, в свою очередь, должно подкрепляться знаниями фонетики, лексики и грамматики.

Развитие у обучающихся способности межкультурного общения на иностранном языке достигается с помощью регулярного использования заданий, прагматически направленных на формирование навыка такого вида речевой деятельности, как монолог. В методике под монологом понимается продукт коммуникативной деятельности (текст), который реализует коммуникативное намерение автора. Как подчеркивает С. В. Нестерова, для монологической речи характерны «ясность и точность мысли, логическая стройность и достаточная информативность, доказательность, а также выражение собственного мнения и оценки» [3, с. 138].

Часто обучающиеся неязыковых вузов, в частности образовательных организаций системы МВД России, не обладают в должной мере навыками монологической речи. Практика показывает, что в большинстве случаев курсанты и слушатели испытывают трудности при презентации неподготовленной монологической речи. Это обусловлено низким уровнем культуры монологической речи в организациях среднего и высшего образования в целом. В процессе обучения обучающиеся изучают и заучивают тексты (темы) по изучаемым темам, что детерминирует отсутствие сформированной способности находить речевые решения самостоятельно и спонтанно.

Существует большое количество упражнений, целью которых является развитие навыков монологической речи. В методике упражнения принято классифицировать на языковые (предречевые), условно-речевые (содержащие отдельные элементы учебной речевой коммуникации), речевые (коммуникативные). В данной статье рассматривается такое речевое упражнение, как презентация монологического высказывания на основе сопоставления двух картинок / фотографий.

Для выполнения этого задания необходимо тщательно проработать формат монолога на предварительном этапе, что позволит избежать таких недочетов в ходе презентации монологической речи, как:

- 1) отсутствие введения и заключения;
- 2) описание предложенных картинок / фотографий без попытки анализа сходства и различия;
- 3) указание только одного сходства и одного отличия (необходимо выделить не менее трех сходств и различий);
- 4) отсутствие логики построения монологического высказывания;
- 5) отсутствие собственной оценки картинок / фотографий;
- 6) большое количество лексико-грамматических ошибок.

Представляется необходимым разработать основные рекомендации по выполнению данного задания и регулярно использовать его на практических занятиях английского языка:

- 1) составление плана монологического высказывания;
- 2) наличие в монологе введения и заключения. Для этого предлагается использовать клише. Введение: I would like to compare and contrast these two photos / pictures; I would like to describe these photos / pictures; the photos / pictures were taken... Заключение: to my mind...; in my opinion...; as for me...;
- 3) использование союзов, союзных слов для более связного звучания (as for..., besides, however, first, second, on the one hand, on the other hand, in addition, as last, nevertheless и т. д.);
- 4) сравнение обеих картинок / фотографий с выделением не менее трех сходных и отличительных черт;
- 5) экспликация собственного мнения по поводу ситуации, представление аргументов, подтверждающих данное мнение.

Объем монологического высказывания при выполнении задания должен составлять 12–15 распространенных предложений. В начале применения данного вида задания (в первом семестре обучения английскому языку) следует использовать его в качестве домашнего задания, чтобы курсанты и слушатели имели больше возможности продумать текст высказывания и лучше презентовать его. Важно отметить, что читать подготовленную речь при контроле задания – недопустимо, это должно быть устное высказывание без опоры на текст. В противном случае никакой прагматической ценности задание не несет – в век развитых технологий речь часто идет о переводе русского текста на английский посредством электронного переводчика. Следовательно, для обучающихся искусственно создаются условия, лишаящие их необходимости думать и составлять предложения на иностранном языке самостоятельно. Данные технические возможности, а равно наличие огромного количества решебников и готовых заданий, дают такой результат, как неспособность учащихся самостоятельно выполнять задания, особенно в рамках неподготовленного речевого общения.

В связи с этим важно со второго семестра обучения английскому языку использовать предложенный вид упражнения как задание, нацеленное на развитие способности импровизированного говорения без опоры на текст.

Формирование навыка монологической речи является сложным и многомерным процессом. Регулярное использование заданий, прагматически направленных на развитие данного навыка является необходимым условием становления иноязычной компетенции обучающихся.

Список источников

1. Ионова А. М. Проверка уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции студентов на основе микротекста // Иностран. языки в школе. 2016. № 9.
2. Коряковцева Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык. М.: АРКТИ, 2002.
3. Нестерова С. В. Способы оптимизации обучения устному иноязычному монологическому высказыванию в неязыковом вузе // Вестн. ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 2.
4. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996.

УДК 378

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ИНТЕРНЕТ-ПОСТЕРАХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ САЙТОВ

Н. И. Соломенко, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного государственного медицинского университета, кандидат филологических наук, доцент

Статья посвящена стилистическим, синтаксическим и морфологическим средствам создания комического эффекта и особенностям построения и организации интернет-постеров развлекательных сайтов, страниц и групп. Развлекательные сайты, страницы и группы чрезвычайно популярны в сети. Как правило, их основная цель – отразить жизнь и ее реалии в комическом, ироническом или саркастическом ключе. Целью данной работы является определение средств и способов создания комического эффекта в постерах, размещенных на этих сайтах.

Ключевые слова: постер, композиция, стилистическое средство, Интернет, комический эффект.

MEANS OF CREATING THE COMIC IN THE WEB-POSTERS OF ENTERTAINING AND HUMOROUS SITES

N. I. Solomenko, associate professor of the Foreign Languages Department of the Far Eastern State Medical University, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor

The article covers different compositional and stylistic, especially syntactical means of creating a comic effect in the posters published on entertaining and humorous sites, pages and in FB groups. Entertaining sites, pages and groups are very popular on the web. The main purpose of them is to reflect everyday life ironically, sarcastically or simply with humor. The author made an attempt to analyze the linguistic tools that help to create a comic effect.

Keywords: entertaining site page; group; stylistic mean; Internet; the comic.

Юмор играет чрезвычайно важную роль в жизни человека. Он неотъемлемая часть человеческого опыта, процессов коммуникации и активатор творческих способностей. Ученые разных специальностей старались понять природу юмора, его когнитивное восприятие и роль в социализации. Природу комического исследовали психологи, философы и лингвисты. Лингвостилистическое и лингвокультурологическое изучение юмористического интернет-дискурса только началось и определяется тенденциями развития современной лингвистики, уделяющей большое внимание процессам не только речевого, но и психологического воздействия самых разных типов текста. Современный Интернет – это практически неограниченное количество текстов, связанных по смыслу, по областям знаний, по интересам и потребностям различных групп людей. Функционирование текста в сети имеет свои особенности. Это интерактивность, диалоговость, персональный подход, ориентированность текста на потребителя, разностильность и разножанровость текстов, представленных на одном и том же сайте, на форуме, в блоге или группе.

В последнее время лингвисты стали обращать все больше внимания на анализ текстов малых форм различных по содержанию. Материалом для исследования все чаще выступают тексты, взятые из интернет-среды. Такие микротексты, как британские и американские интернет-постеры, размещенные на развлекательных сайтах, еще не становились предметом комплексного изучения, хотя существует огромное количество сайтов, страниц, личных блогов, ориентированных на широкий круг пользователей, основная задача которых развлечение и удовольствие.

Интернет-пространство может существовать только при активном участии пользователей. Текст в его виртуальном облике совмещает в себе не только словесное высказывание, но и цвет, звук, графику и анимацию. Кроме того, этот текст сопровождается межличностным общением, которое осуществляется через комментарии и обсуждения опубликованных постеров. Таким образом, тексты, размещенные на развлекательных сайтах или в группах, можно рассматривать как развлекательный дискурс, то есть динамическое, развивающееся во времени, не ограниченное по тематике, жанрам и стилю общения текстовое пространство.

В настоящей работе под постером понимается пространственно и текстуально ограниченный текст, состоящий из двух неоднородных элементов: вербального и визуального. В качестве объекта изучения выступают вербальные средства, реализуемые в постере на графическом, грамматическом, лексическом, и стилистическом уровнях, направленные на создание комического эффекта, положительного психологического и эмоционального воздействия на читателя.

Актуальность данной работы состоит в том, что исследуемый текстовой материал начал активно появляться в условиях интернет-дискурса: на сайтах, страницах, в индивидуальных блогах и социальных группах. Исследований, посвященных именно этому виду постеров, практически не проводились. Мы

попытаемся определить средства и способы создания комического эффекта в постерах на британских, американских и канадских развлекательных и юмористических сайтах и выяснить, какие языковые и речевые средства наиболее характерны для такого текста, рассчитанного на широкий круг респондентов.

В соответствии с основной целью исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) исследовать графические и композиционные особенности постеров и их экстралингвистические характеристики;
- 2) определить стилистические и композиционные особенности юмористического постера;
- 3) установить синтаксические особенности данного вида постеров;
- 4) исследовать средства создания комического.

Предметом исследования являются юмористические и развлекательные постеры, взятые на британских, американских и канадских интернет-сайтах, страницах и в личных блогах: Power of Positivity, Bright side, Archaeology/ History Jokes and Puns, Funny or Die, Fabiosa Belle, MIG, Diply Humor, Oldtimers, Humor down through the Ages, Canada humour eh, Canadian Jokes.

Объектом исследования в данной работе являются постеры, включающие шутки, анекдоты, смешные рекомендации, каламбуры. Следует отметить, что имеются серьезные культурологические отличия в британском, американском и канадском юморе. Британский юмор характеризуется тонким чувством слова, игрой значений, часто за иронией скрывается сарказм, и шутка может маскировать серьезные чувства. Американский юмор более прямой, часто физиологический. Канадский юмор ближе к британскому и чаще требует визуализации для создания комического эффекта.

Как пишет Грегори Майерс, американцы часто вообще не понимают британского юмора. Британский юмор – сухой и опосредованный, в то время как американский – громкий, шумный, и слушатель всегда знает, в каком месте станет смешно. По мнению Майерса, американцы более позитивны и настроены идеалистически, в то время как британцы пессимистичны и более приземленные.

Однако целью данной статьи не является определение средств создания комического в зависимости от культурологических особенностей. Это требует отдельного глубокого лингвоэтнического и лингвокультурологического исследования.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы:

- 1) социолингвистический метод корреляции языковых и социальных явлений,
- 2) сравнительно-сопоставительный метод,
- 3) структурно-семантический анализ,
- 4) метод контекстуального и аналитического анализа.

Нами было проанализировано свыше 150 постеров.

В филологической литературе принято разделять две формы комического: юмор и сатира. Это традиционные формы. Некоторые исследователи полагают, что иронию следует считать самостоятельной формой комического. Ирония, как правило, выступает средством холодной критики и чаще всего осуждает невежество. Мы не будем рассматривать сатиру в рамках данной статьи, поскольку сатира, как выражение крайней степени нетерпимости к объекту смеха, практически не используется на развлекательных сайтах и интернет-страницах.

Классическими средствами создания комического являются:

- 1) неожиданность;
- 2) остроумие;
- 3) гипербола;
- 4) каламбур;
- 5) алогизм;
- 6) разного рода несоответствия;
- 7) ирония;
- 8) необычное сочетание слов;
- 9) суждения, противоречащее здравому смыслу.

Синтаксическими и лексическими средствами создания комического выступают:

- 1) лексический повтор, изменение синтаксической роли слова;
- 2) параллельная синтаксическая конструкция, синтаксическая несоразмерность и синтаксический коллаж;
- 3) метафора и метонимия;
- 4) сравнение и сопоставление несопоставимых явлений;
- 5) семантический плеоназм;
- 6) наложение лексических значений, стандарт, штамп;
- 7) эвфемизм.

Поскольку постеры относятся к малой жанровой форме, мы не будем рассматривать и анализировать средства и приемы создания комического эффекта, которые характерны для художественного произведения: ироничные портретные характеристики, гротеск – изображение действительности в преувеличенно уродливо-комическом виде, нарушение историчности, комизм отжившего, речь персонажей, неожиданный поворот в сюжете.

Рассмотрим графическое и композиционное оформление постеров на развлекательных сайтах. Как правило, такой постер имеет либо цветовую акцентуацию, либо определенный визуальный образ, привлекающий внимание к тексту. Есть различия между постерами на сайтах и в группах. Постеры сайта могут иметь специальный цвет и строго ограниченное число строк. Постеры британского сайта Oldtimers размещаются на ярко желтом фоне и количество

строк не превышает восемь. Цветовая палитра юмористического постера достаточно ограничена. Это либо очень темный фон с текстом из светлых букв, либо наличие нескольких оттенков одного и того же цвета, чаще всего контрастного по отношению к основному фону. Цветовая палитра не должна отвлекать от рисунка или текста.

Графический образ или рисунок непосредственно связан с текстом постера, иначе комический эффект будет утерян. Юмористические постеры могут быть текстовыми, текстовыми и визуализационными и только визуализационными.

Комический эффект может создаваться разнообразными средствами выразительности на всех языковых уровнях. Эффект неожиданности и алогичного сравнения или заключения часто встречаются в комических постерах.

“There is no better feeling than someone playing with your hair or running their fingers down your back. Unless you thought you were alone”.

“Coffee is vital for survival. Dinosaurs did not have coffee, look how that turned out.”

“Going to Aldi for some bread and coming home with a two men tent, a chainsaw and a trumpet”.

“Starbucks is planning on selling beer and wine. Apparently, it’s getting difficult to sell sober people a \$12 cup of coffee”.

“Stupid people are like glow sticks. I want to snap them and shake them until the light comes on”.

Параллельные синтаксические конструкции придают экспрессивную ритмическую организацию и создают дополнительный комический эффект.

“Not in jail, Not in a hospital, Not in a grave

I’d say I’ve had a pretty good day”.

“Be silly. Be fun. Be different. Be crazy. Be you, because life is too short to be anything but happy”.

“Ignorance can be educated, crazy can be medicated, but there is no cure for stupid”.

“When a man opens the door of his car for his wife, you can be sure of one thing: either the car is new or the wife is”.

“If walking is good for your health the post man would be immortal.

A whale swims all day, only eats fish, only drinks water and is fat.

A rabbit only eats vegetables, runs and hops all day long and only lives 5 years.

A tortoise does not run and does nothing energetic, yet it lives for 450 years.

And you tell me to exercise!

I don’t think so!”

Игра слов, алогизмы высокочастотны на британских развлекательных сайтах.

“I am going to stand outside so if anyone asks, I am outstanding.”

“She threw butter out of the window. She wanted to see a butterfly.”

This is an egg-straordinary bad pun.”

“It was a terrible summer for Humpty Dumpty, but he had a great fall.”

“It was nice to meet you. Yeah, hope to see you soon so we can ketchup.”

“Why are teddy bears never hungry? They are always stuffed.”

“What kind of shorts do clouds wear? Thunderwear.”

“Before my surgery my anesthetist offered to knock me out with gas or a boat Paddle. It was an ether/oar situation.”

Для создания комического эффекта игра слов, омонимы, алогизмы используются в коротких диалогах и чаще всего сопровождаются иллюстрациями.

“I hate when people are at your house and ask “Do you have a bathroom?

No, we pee in the yard.”

“What excuse did Adam give his children about why he no longer lived in Edem?

Your mother ate us out of house and home!”

“God: “So there is this really small island”.

Angel: “Yeah”.

God: “And there is like, three different cultures on it”.

Angel: “Okay”.

God: “And they all hate each other”.

Angel: “Mmmm-hmmm”.

God: “And the weather is terrible”.

Angel: “Gotcha”.

God: “And now they’re going to conquer a quarter of the world”.

Angel: “I am sorry, what?”

Таким образом, как показывает наше исследование, основными средствами создания комического в интернет постере являются либо визуальные средства, либо сам комический дискурс. Постер представляет собой малую жанровую форму со специфическим графическим оформлением, характерной композиционной структурой, синтактико-морфологическими и стилистическими особенностями. Основными средствами комического выступают алогичное сравнение или сопоставление несопоставимых вещей, игра слов и омонимия, шуточные диалоги, метафора. Дальнейшее изучение лексических характеристик, развернутый анализ всех стилистических приемов представляются важными и интересными для понимания процессов развития языка интернет-дискурса.

Список источников

1. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
2. Карасик В. И. Языковой круг. Личность. Концепты. Дискурс. М.: Гнозис, 2004.
3. Кибрик А., Паршин П. Дискурс // Энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html (дата обращения: 12.11.2019).

4. Кланцакова А. Ю. Метафора в структуре экономического дискурса: опыт комплексного исследования (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2003. С. 55–86.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 1990.
6. Мильруд Р. П. Введение в лингвистику. М., 2005.
7. Мыркин В. Я. Текст, подтекст и контекст. М.: ВШ, 1976.
8. Фаткулина Ф. Г. Типология концепций в современной лингвистике. // Педагог. журн. Башкортостана. 2015. № 1. С. 239–243.
9. Сафонова Е. В. Особенности поэтики комического в произведениях А. П. Чехова // Молодой ученый. 2013. № 5 (52). С. 471–474.
10. Сафонова Е. В. Формы, средства и приемы создания комического в литературе // Молодой ученый. 2013. № 5 (52). С. 474–478.
11. Турдикулова Б. Т. Смысловая адекватность метафоры в переводах комедии Шекспира «Укрощение строптивой» // Молодой ученый. 2013. № 5 (52). С. 481–484.
12. Фаткулина Ф. Г. Типология концепций в современной лингвистике // Педагог. журн. Башкортостана. 2015. № 1. С. 239–243.
13. Чернышенко А. Г. Проблемы онтологии и структуры дискурса. Специфика англоязычного дискурса // Молодой ученый. 2013. № 5 (52).
14. Myers G. Ten differences between Brits and Americans. Culture. July 14. 2017 // Toptenz.net.
15. Felelova G. G. Language means of expressing the comic in humorous discourse // Philological Sciences. Issue of Theory and Practice. Tambov: Gramota, 2016. № 9. P. 170–173.
16. Zhunmaniyazov A., Akhmetbekova A. The concept of English humour and ways of its expression // library.psu.kz. 2013. С. 490–496.
17. FunnyorDie.com: [сайт]. URL: <https://www.funnyordie.com/> (дата обращения: 12.11.2019).
18. Instagram: [сайт]. URL: <https://www.instagram.com/migartnet/> (дата обращения: 12.11.2019).
19. Life Advancer: [сайт]. URL: <https://www.lifeadvancer.com/> (дата обращения: 12.11.2019).
20. Diply: [сайт]. URL: <https://www.hello.diply.com/> (дата обращения: 12.11.2019).
21. Fabiosa: [сайт]. URL: <https://fabiosa.com/> (дата обращения: 12.11.2019).
22. Bright side: [сайт]. URL: <https://brightside.me/> (дата обращения: 12.11.2019).

УДК 37.016:811

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СИНДРОМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Е. Ю. Стрелкова, старший преподаватель кафедры методики и иностранных языков Тихоокеанского государственного университета

Статья посвящена исследованию синдрома профессионального выгорания, наблюдаемого у преподавателей высшей школы. Рассматриваются основные подходы к изучению причин возникновения синдрома и возможные методы его устранения.

Ключевые слова: профессиональное выгорание; профессиональная деятельность; эмоциональное истощение; снижение эффективности работы; психосоматика; реабилитация.

SOME SAPECTS OF THE PROFESSIONAL BURNOUT SYNDROM IN COLLEGE TEACHING

E. Yu. Strelkova, senior lecturer of the Department of Methods of Teaching and Foreign Languages of the Pacific National University

The article dwells upon the professional burnout syndrome that can be revealed in college teachers. Some special approaches to the syndrome study are being described and analyzed.

Keywords: professional burnout; professional activities; emotional burnout; work efficiency reduction; psychosomatics; rehabilitation.

В сфере современной профессиональной деятельности профессиональное выгорание является серьезной проблемой.

Термин «выгорание» был введен в науку в 1974 г. американцем немецкого происхождения Гербертом Фрейденбергером. Выгорание описывалось им как состояние психического и физического истощения, которое вызвано профессиональной деятельностью.

Общепризнанно выделяются четыре этапа формирования синдрома профессионального выгорания.

1. Утрата индивидуальности. Для этого этапа характерна эмоциональная отдаленность от коллег, избегание контактов с ними.

2. Низкая оценка личного вклада. Человек не чувствует удовлетворения от выполнения функциональных обязанностей, работа не приносит удовольствие.

3. Изоляция. Основными признаками являются добровольная полная изоляция от коллектива и невыполнение порученных обязанностей. Причем такая стратегия поведения имеет свою мотивировку.

4. Эмоциональное и физическое истощение, нежелание и отсутствие сил работать на своей должности [5, с. 12].

Синдром выгорания преподавателя также представляет собой многосложное состояние, вызванное рассогласованием ценностно-смысловых характеристик личности и профессионала. Каждый второй преподаватель демонстрирует повышение раздражительности, критику по отношению к окружающим, отсутствие критического подхода к самому себе, гипертрофированное чувство собственной правоты.

Деперсонализация у преподавателей напрямую связана с высокой эмоциональной и коммуникативной перегруженностью вследствие разноуровневых контактов в рабочее время. Преподаватель одновременно является автором отношений со студенческой средой, с коллегами и управляющим персоналом, эти отношения ввиду своей неоднородности рожают определенный уровень стресса, особенно в существовании некоего формализма (отчетность, рубежный контроль успеваемости, составление рабочих программ и пр.) [7, с. 25].

Педагоги являются представителями социономических профессий, следовательно, наряду с социальными и медицинскими работниками, они находятся в некоей группе риска, подвержены профессиональному выгоранию.

М. Буриш дает более полное представление о фазах развития синдрома профессионального выгорания. Особое внимание следует уделить предупреждающей фазе, когда преподаватель-энтузиаст, ощущая собственную незаменимость и прилив энергии, выполняет большое количество обязанностей, отказываясь при этом от многих потребностей, не связанных напрямую с работой. При этом возможно и ограничение социальных контактов. С подобным образом жизни неизбежно возникает чувство усталости, бессонница, переутомление.

Вторая фаза характеризуется снижением уровня собственного участия. Здесь характерна потеря положительного восприятия коллег, процесс преподавания сводится уже не к помощи студентам, а к тотальному контролю и оценке их самостоятельных действий по изучению предмета. Причины собственных неудач приписываются окружению, коллегам, административному аппарату. Создается стереотипное ощущение, что окружающие только лишь используют индивида в собственных целях. Иногда проявляется отсутствие гуманного подхода. По отношению к окружающим исчезает чувство эмпатии. По отношению к профессиональной деятельности наблюдается нежелание исполнять должностные

обязанности, изыскиваются способы сократить рабочее время, возникает акцент на материальный аспект. Возможна потеря жизненных идеалов.

Для третьей фазы характерно наличие постоянного чувства вины, снижение самооценки, бесосновательные страхи, апатия, подозрительность, конфликты с окружением, отсутствие толерантности и способности к компромиссу.

Фаза деструктивного поведения проявляется в сфере интеллекта (снижение концентрации внимания, отсутствие желания выполнять сложные задания), мотивационной сфере (снижение эффективности деятельности, безынициативность, строгое следование инструкциям), эмоционально-социальной сфере (избегание неформальных контактов, утрата интереса к творчеству, стремление к одиночеству).

Пятая фаза характеризуется появлением негативных психосоматических реакций, таких как снижение иммунитета, повышение давления, тахикардия, боли в позвоночнике, расстройства пищеварения, бессонница.

И, наконец, наступает разочарование, выражающееся в отрицательной жизненной установке, чувстве бессмысленности жизни и деятельности [9, с. 81].

В настоящее время синдром выгорания рассматривается как долговременная реакция на стресс, возникающая в результате воздействия на человека постоянных профессиональных стрессов. Это своего рода механизм психологической защиты от перенапряжения [2, с. 12]. Выделяются по меньшей мере четыре возможные реакции организма на нервное перенапряжение.

Во-первых, достаточно долго продолжающаяся стрессовая ситуация способна привести к истощению адаптационной защитной системы организма, что может привести к возникновению психосоматических заболеваний.

Во-вторых, у человека, потенциальный резерв которого недостаточен, может возникнуть состояние беспомощности, безнадежности, депрессии.

В-третьих, возникает новая сфера деятельности как защита от стресса (новое хобби, спорт, музыка и пр.).

В-четвертых, имеет место деятельностьная релаксация, повышающая психические и физические силы организма человека.

Таким образом, основными реакциями на внешнее воздействие могут быть как атакующие, так и защитные проявления [3, с. 85].

Вмешательства в процесс профессионального выгорания подразделяются на три группы. Манипуляции первой группы воздействуют на отдельного человека, который должен изучить, как успешно справляться со стрессом, его психологическими и физиологическими последствиями. Вторая группа нацелена на взаимодействие индивида и организации, повышая способность сопротивляться определенному и конкретному набору стрессоров на рабочем месте. Третья группа соотносится с уровнем организации. В данной статье рассмотрим модели манипуляции первой группы.

Вмешательства на уровне индивида представляют собой скорее общие рекомендации по сопротивляемости стрессу, но не являются универсальными рекомендациями по преодолению синдрома профессионального выгорания.

1. Самонаблюдение. Базируется на идее осознания факторов стресса. Рекомендуется вести записи (дневник) о месте, времени возникновения стрессового состояния, отражать письменно мысли и чувства, возникающие во время стрессового состояния и при выходе из него. Подобный дневник необходимо вести по меньшей мере один месяц.

2. Самооценка. Существует множество тестов, механизмов самообследования, однако сложно определить их валидность.

3. Информационная осведомленность. Книги, газеты, журналы, телевидение и интернет предоставляют собой разнообразие фактов, способов и методик борьбы со стрессом. Однако избыток информации в свою очередь может привести к возникновению так называемого «синдрома студента-медика», когда человек начинает подсознательно находить у себя несуществующие симптомы того или иного состояния или заболевания.

4. Поощрение здорового образа жизни. 2700 лет назад Гомер сказал, что здоровый дух находится в здоровом теле. Эта идея непосредственно связана с синдромом выгорания и его предотвращением. Физиологическое благополучие является важной частью эмоционального благополучия и может помочь борьбе со стрессом. Разумные физические нагрузки (плавание, бег трусцой, велоспорт), правильное питание, контроль массы тела, достаточная продолжительность суточного сна, перерывы на отдых – все это способствует борьбе со стрессовыми состояниями.

5. Когнитивные поведенческие техники. Известно, что отдельный человек реагирует не непосредственно на события, а на собственную интерпретацию этих событий. Это означает, что чувства страха, злости, депрессии вызываются не самим происшествием, а когнитивным маркером, связанным с этим происшествием. Необходимо научиться изменять интерпретацию события, что поможет элиминировать нежелательное поведение в возникшей сложной ситуации.

6. Релаксация. Одной из характеристик, свойственных человеку с синдромом профессионального выгорания, является неспособность расслабиться, что неизбежно приводит к замкнутому кругу эмоционального и физиологического истощения. Среди разработанных методик релаксации встречаются техника глубокого дыхания, расслабление мышц, медитация и так далее, однако они требуют активного участия человека, а это поначалу не представляется простым усилием. Поэтому возможно возникновение странных и пугающих ощущений, таких как потеря контроля, неожиданное сокращение мышц, головокружение. Однако исследователи заявляют об эффективности данных методик после нескольких сеансов [11, с. 35–39].

В настоящее время нет однозначного решения вопроса о нозологической принадлежности синдрома профессионального выгорания. Не существует и однозначно эффективных методов борьбы с синдромом, особенно в отношении представителей педагогической сферы. Однако важность и актуальность исследования данного психологического феномена несомненна.

Список источников

1. Бабич О. И. Личностные ресурсы преодоления синдрома профессионального выгорания педагогов: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Хабаровск, 2007.
2. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Питер, 1999.
3. Кустова В. В. Феномен синдрома эмоционального выгорания педагогов. Иркутск, 2017.
4. Рубинштейн С. А. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999.
5. Старченкова Е. С. Личностные особенности и синдром профессионального «выгорания» // Психология XXI века: тезисы науч.-практ. студ. конф. СПб., 1998.
6. Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий: коллективная монография / под ред. В. В. Лукьянова, Н. Е. Водопьяновой, В. Е. Орла, С. А. Подсадного, Л. Н. Юрьевой, С. А. Игуманова. Курск: КГУ, 2008.
7. Сурженко Л. В. Взаимосвязь синдрома психического выгорания с ценностно-смысловой сферой личности (на примере преподавателей высшей школы): дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Краснодар, 2014.
8. Форманюк Т. В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии. 1994. № 6.
9. Burisch M. In search of a theory. Some ruminations on the nature and etiology of burn-out // Professional Burn-out. Recent Developments in Theory and Research / Eds W.B. Schaufeli, C. Maslach, N. Marek. London: Taylor and Francis, 1993. P. 75–93.
10. Byrne B. M. The Maslach Burnout Inventory: Testing for factorial validity and invariance across elementary, intermediate and secondary teachers // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 1993. Vol. 66, Issue 3.
11. Felix Ladstatter, Eva Garrosa. Prediction of Burnout. An Artificial Neural Network Approach. Hamburg, 2008.

УДК 371.3:811.521

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ОБУЧЕНИИ ИЕРОГЛИФИКЕ СТУДЕНТОВ И КУРСАНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***И.А. Стрельников**, преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного университета экономики и права*

Статья посвящена состоянию вопроса учебно-методического обеспечения предмета иероглифики учебной дисциплины «Иностранный язык (японский, дополнительный)» в усвоении японского языка студентами неязыковых вузов при их специализации в различных сферах профессиональной деятельности.

Ключевые слова: иероглифы; японский язык; иероглифика японского языка; каллиграфия; идеографическая письменность.

EDUCATIONAL AND METHODOICAL SUPPORT IN TEACHING HIEROGLYPHICS OF STUDENTS AND COURSES OF NON-LANGUAGE HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE FIELD OF PROFESSIONAL ACTIVITY

***I. A. Strelnikov**, lecturer of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department of the Khabarovsk State University of Economics and Law*

The article is devoted to the state of the issue of educational and methodological support for the subject of the hieroglyphics of the academic discipline "Foreign language (Japanese, additional) while mastering the Japanese language by students of non-linguistic universities with their specialization in various fields of professional activity.

Keywords: hieroglyphs (characters); Japanese language; Japanese language character; calligraphy; ideographic writing.

На сегодняшний день дисциплина «Иностранный язык (японский, основной)» в Хабаровске преподается только в Педагогическом институте Тихоокеанского государственного университета. В то же время дисциплина «Иностранный язык (японский, дополнительный)» имеется в других вузах Хабаровска и Хабаровского края, таких как Хабаровский государственный университет экономики и права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровский пограничный институт ФСБ России, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет в г. Комсомольске-на-Амуре, в которых японский язык представлен в качестве дополнительной учебной дисциплины для студентов различных специальностей: таможенное дело, международная экономика, международные отношения, международный менеджмент, учитель иностранного языка и других.

Рассматривая вопросы преподавания японского языка как учебной дисциплины в неязыковых вузах, можно наблюдать недостаточное объяснение и подачу материала по главному и наиважнейшему аспекту в преподавании японского языка – иероглифической письменности, в основе которой лежат идеографические знаки. Хорошо известно, что при изучении восточного языка «камнем преткновения» и наиболее трудно усвояемой частью дисциплины является письменный язык, японский или китайский [1; 2; 4; 5], а именно – необходимость запоминания (знать) и умение использовать иероглифы (уметь и владеть) в своей дальнейшей профессиональной деятельности: письменный перевод текстов различной сложности и ориентированности.

В настоящее время, у студентов, изучающих иероглифику и письменный японский язык, выявляются большие пробелы в понимании ими значимости иероглифов для овладения восточным языком, в знании ими базовых и дополнительных иероглифических черт, порядка и правил их написания. Необоснованно мало учебного времени выделяется для изучения предмета иероглифика, а в некоторых вузах специальный предмет иероглифика отсутствует в перечне учебных программ по усвоению дисциплины японского языка как дополнительного [1; 2; 5]. Соответственно, в дальнейшем возникают проблемы в усвоении детерминативов и ключевых знаков японского языка, не говоря об истории и этимологии идеографической письменности, художественной и композиционной ценности иероглифа [6], включая знания и применения каллиграфии как направления искусства, предполагающего самосовершенствование мастера [5; 6].

В сфере профессиональной деятельности возникают непреодолимые трудности в качественном переводе письменных текстов японского языка, имеющих юридическую ценность: договоры, соглашения, конвенции, протоколы, инструкции, материалы дел, товарные накладные, таможенные декларации, судебные иски, законы и другие нормативно-правовые акты и прочее. В результате

неверного перевода которых можно понести существенные финансовые потери, которые будут иметь серьезные экономические последствия.

Недостаточное внимание к письменному японскому языку может быть связано, прежде всего, с тем, что в учебниках, которые используются для преподавания иероглифической письменности, не раскрываются в должной мере основы иероглифических знаний, и студенты вынуждены самостоятельно выработать методики и способы для запоминания иероглифов [1; 2; 4; 5; 6]. Например, в учебниках российского и японского изданий, которые наиболее часто используются в преподавании японского языка: Л. Т. Нечаева «Японский язык для начинающих» [3] (2015, 2019); Е. В. Стругова, Н. С. Шефтелевич «Читаем, пишем, говорим по-японски» [4] (2004, 2018); Minna-no Nihongo [12] (1998, 2012); Nihongo shoho (1981, 2005) и в других – специальный раздел, посвященный основам иероглифики, отсутствует или раскрыт в сокращенной форме. К примеру, в учебнике Л. Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих», 2015 [3], раздел ознакомления учащегося с основами иероглифической письменности имеется, но без указания на порядок написания иероглифов, даются иероглифы целиком, с верхним и нижним чтением, в соответствии со словарем. В то же время в учебнике Е. В. Струговой, Н. С. Шефтелевич «Читаем, пишем, говорим по-японски» [7] (2004, 2018), присутствует порядок написания иероглифов, есть раздел введения в иероглифику и объяснение черт. В учебниках японского языка, изданных в Японии, часто эти объяснения вообще отсутствуют, что рождает значительные затруднения для преподавателя в пояснении правил написания иероглифов из основного текста урока.

Существенным затруднением в преподавании иероглифической письменности в неязыковых вузах, является малое количество или полное отсутствие учебных часов, отведенных на аспекты иероглифических знаний и умений, что приводит к потере полноценного образования, некачественному владению письменной японской речью в сфере профессиональной деятельности.

Исходя из вышесказанного, с целью высококачественной профессиональной подготовки студентов в неязыковых вузах требуется введение предмета иероглифика или специализированного курса «иероглифика», в рамках которого учащимися изучались бы детальные аспекты иероглифической письменности. Для учебно-методического обеспечения предмета иероглифика требуется скорейшая разработка и внедрение специализированных учебно-методических пособий и разработок по следующим направлениям: элементарные графические единицы письменного японского языка – черты, с их наименованиями, видовыми и классификационными характеристиками; правила и порядок написания графических элементов, с указанием наиболее часто встречающихся ошибок при их написании; виды радикалов с их классификацией, правила их написания, место расположения радикала в иероглифическом знаке; способы мнемонического

запоминания ключей и иероглифов; историческая и культурная составляющая письменного японского языка.

На кафедре иностранных языков ХГУЭП г. Хабаровска подготовлены к публикации в качестве учебно-методического материала для студентов: таблица ключевых знаков (214 иероглифических ключей в японской идеографии); таблица основных и составных черт идеограмм; указания о правилах и порядке чертажа иероглифических знаков и др. Это способствует легкому и эффективному восприятию, пониманию и запоминанию студентами специальностей «Таможенное дело» и «Международная экономика» японской иероглифической письменности. При объяснении письменных знаков можно также опираться на базовые учебники японского издательства Bonjinsha, «Basic Kanji Book», vol. 1, vol. 2 [8; 9]; «Intermediate Kanji Book», vol. 1, vol. 2, 2001, 2015 [10; 11], являющиеся наиболее подходящими для последовательного объяснения материала в доступной форме, с указанием порядка написания, вариантами прописывания вновь вводимых иероглифов, их отработкой и примерами их использования в различных сочетаниях иероглифов. Однако, к сожалению, в этих учебниках некоторые нюансы, связанные с использованием иероглифической письменности, раскрываются не в полной мере. Следует заметить, что существенным недостатком этих учебников является отсутствие перевода на русский язык. Подача материала и объяснение осуществляется на японском или английском языке, следовательно, самостоятельно освоить курс иероглифики для студентов неязыковых вузов не представляется возможным. Для освоения иероглифики по данному курсу потребуются совместное изучение разделов с русскоговорящим преподавателем японского языка, что существенно снижает возможности для студентов с одной стороны, и, с другой стороны, увеличивается учебная нагрузка на преподавателя японского языка и становится необходимым введение дополнительных учебных аудиторных часов, выведение иероглифики за рамки учебных часов, отведенных на самостоятельную работу.

В связи с этим разработка и внедрение новых учебно-методических пособий на русском языке для каждой конкретной специальности вуза, в которых содержались бы сведения о начертательном составе знака, мнемонических приемах изучения и запоминания, истории происхождения, классификации и этимологии иероглифов, стилях и способах их написания, и другие немаловажные аспекты, актуальна в настоящее время для кафедр иностранных языков неязыковых вузов, целью которых является воспитание специалистов в сфере профессиональной деятельности, готовых к решению самых сложных задач в условиях современного мира.

Наличие детальных учебно-методических трудов потребуется каждому вузу в соответствии с профессиональной ориентацией и направлением профессиональной деятельности. Создание научно-методической базы и подробных

учебно-методических материалов, позволит студентам эффективно усвоить тонкости идеографической письменности, что будет способствовать формированию их информационных компетенций, дальнейшему самосовершенствованию и профессиональному росту, каждому в своей сфере профессиональной деятельности, что имеет большое значение для создания надежных основ национальной безопасности.

Список источников

1. Кудряшова А. В. Практические аспекты преподавания иероглифики в контексте формирования профессиональных компетенций // Японский язык в вузе: материалы науч.-метод. конф. М., 2018. С. 121–128.
2. Лелюх Ю. В. Эффективные методы запоминания китайских иероглифов // Междунар. журн. приклад. и фундаментал. исследований. 2015. № 5–4. С. 586–588.
3. Нечаева А. Т. Японский язык для начинающих. М.: Московский лицей, 2019. Т. 1.
4. Стрельников И. А., Блинов Л. В., Панфилова В. И. Методика написания черт и их элементов в идеографических знаках восточной письменности специалистами в профессиональной деятельности // Проблемы высшего образования: материалы междунар. науч.-метод. конф. (Хабаровск, 10–12 апреля 2019 г.) / ТОГУ. 2019. С. 309–312.
5. Стрельников И. А., Блинов Л. В., Стрельникова Н. В. Методическое сопровождение в изучении графических элементов идеограмм педагогами и специалистами востоковедами // Проблемы высшего образования: материалы междунар. науч.-метод. конф. (Хабаровск, 10–12 апреля 2019 г.) / ТОГУ. 2019. С. 305–309.
6. Стрельников И. А., Панфилова В. И. Композиционные иероглифы в каллиграфическом искусстве востока для программы подготовки специалистов по предмету иероглифика // Студенческие научные достижения: сб. ст. IV междунар. науч.-исслед. конкурса. В 2 ч. Ч. 2. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2019. С. 176–182.
7. Стругова Е. В., Шефтелевич Н. С. Читаем, пишем, говорим по-японски: в 2-х т. Т. 1. М., 2018. 464 с.
8. Basic Kanji Book. V. 1 / Т. Кано, Ю. Симидзу, Х. Такэнака и др. Япония: Bonjinsha, 2015. 235 с.
9. Basic Kanji Book. V. 2 / Т. Кано, Ю. Симидзу, Х. Такэнака и др. Япония: Bonjinsha, 2015. 269 с.
10. Intermediate Kanji Book. V. 1 / Т. Кано, Ю. Симидзу, Х. Такэнака и др. Япония: Bonjinsha, 2011. 337 с.
11. Intermediate Kanji Book. V. 2 / Т. Кано, Ю. Симидзу, Х. Такэнака и др. Япония: Bonjinsha, 2014. 387 с.
12. Minna-no Nihongo. Япония: 3A Networks, 2012. 304 с.

УДК 378.016: 811.11

КОММУНИКАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

А. Н. Тямолова, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения

Статья посвящена значению бытовой коммуникативной ситуации в обучении профессионально ориентированному иностранному языку. Рассматривается один из современных методов обучения иностранному языку; анализируются учебные издания по немецкому языку с точки зрения их коммуникативной направленности.

Ключевые слова: бытовая коммуникативная ситуация; профессионально ориентированное обучение; современный метод обучения; учебное пособие.

COMMUNICATIVE COMPONENT IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

L. N. Tyamolova, senior lecturer of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department of the Far Eastern State Transport University

The article deals with the importance of everyday communicative situations in teaching of a professionally oriented foreign language. One of up-to-date methods of foreign language teaching is being considered; training manuals for the teaching of German are being analyzed in terms of communicative purposes.

Keywords: everyday communicative situation; professionally oriented teaching; up-to-date method of teaching; training manuals.

Конечная цель изучения любого иностранного языка априори проста и понятна: способность изъясняться на чужом языке, то есть развитие коммуникативной и межкультурной компетенции, которая позволит дать и получить обучающемуся ситуативную информацию на изучаемом языке, научить выражаться в соответствии с темой ситуации, получить и передать максимум информации из письменных и устных источников.

Глобализация, технологизация и демографические изменения кардинально изменили рынок труда. Межнациональные и межкультурные торговые отношения, а также цифровые информационные и коммуникационные средства связи ускорили экономическое сотрудничество. Производство товаров перемещается в регионы; производственные процессы, транспортировка и логистика должны согласовываться друг с другом. Это требует разноязычной коммуникации и взаимопонимания. Множество тем и видов текстов должно обрабатываться не только на примере таких ситуаций как «Покупки», «Маркетинг» или «Сбыт», но и затрагивать все уровни иерархической лестницы предприятия.

Приобретают также значение такие гибкие и мобильные формы труда, как дистанционная и проектная работа. Сегодня для многих работа в сменяющихся интернациональных группах, ограниченная определенным сроком, является частью трудовой биографии, как и часто через границы и языки перемещающиеся места работы, предприятия и профессии.

И, конечно, само собой разумеется, что все большему количеству людей требуется для его профессиональной карьеры знание, по крайней мере, хотя бы одного иностранного языка.

Требования к иностранному языку в настоящее время также качественно изменились. Наряду с устными и письменными текстами обучающиеся должны использовать аналоговые и цифровые средства информации, чтобы обмениваться информацией или общаться между собой. Профессионально ориентированное занятие по иностранному языку готовит обучающихся независимо от отрасли к постоянно изменяющимся коммуникативным и межкультурным запросам времени. Так как потребность в языке индивидуальна и зависит от возможно уже полученных каких-либо профессиональных знаний и опыта на рабочем месте, профессионально ориентированное занятие по иностранному языку должно быть прагматичным, то есть деловым и нацеленным на профессиональный запрос.

Исходя из уровня образования обучающихся, надо различать формы и цели обучения иностранному языку. Так профессионально-подготавливающее занятие по иностранному языку в вузе проходит до получения специальных знаний и от уровня A1 вводит в тематически широкую область общих языковых требований мира труда. Различные исследования по коммуникации на рабочем месте показывают, что профессионально ориентированная бытовая коммуникация большей частью состоит из языковых высказываний, которые в меньшей степени являются профессионально или предметно ориентированными. На рабочем месте мы говорим не только о технике, но также и о последних выходных, об отпуске или о семье. Обмен парой слов у копировального автомата или при встрече в начале рабочего дня также имеет значение. Это способствует рабочей атмосфере и часто предшествует разговору на профессионально-технические темы. Поэтому желательно, чтобы профессионально ориентированное планирование занятий

исходило из идеи, связанной с коммуникацией и направленной на ситуации, требующие языковых высказываний, то есть рассматривать обучающихся как личности, требующие иностранный язык в повседневной жизни и в профессии.

Исследования по коммуникации на рабочем месте также говорят о том, что в общении профессиональная бытовая коммуникация в большей степени состоит из языковых высказываний, которые не являются исключительно профессиональными. Прежде всего здесь требуются основные формы коммуникации, которые и без того тренируются на занятиях иностранного языка, как систематическая отработка информации из письменных или устных источников или активное участие в диалогах.

Межпрофессиональные компетенции, которые могут быть связаны частично с определенными действиями и ситуациями на будущем рабочем месте, часто являются составной частью занятия по иностранному языку и открывают профессионально ориентированные возможности для упражнений. Так речь идет в почти во всех сферах жизни о том, чтобы аргументировать, представить собственную точку зрения или собственные интересы, или убедить кого-либо в необходимости увеличения карманных денег в семье или распределениями работ перед праздниками. Построение или взвешивание аргументов можно таким образом перенести на профессиональные ситуации.

Интеграции профессионально ориентированных языковых действий или ситуаций можно часто достичь через небольшие изменения. Так, типичные темы A1/A2, такие как «Договоренность и время», можно на занятии тренировать в таких ситуациях, как «Деловой обед» или «Деловая встреча».

В целях обучения иностранному языку, изложенных в федеральном государственном образовательном стандарте, предусмотрен деятельностный подход, который соответствует требованиям настоящего времени. Используя этот метод в обучении, студент из пассивного объекта превращается в активного субъекта, что содействует всестороннему развитию интеллектуальных возможностей обучающихся, создает благоприятную атмосферу на занятии, формирует у студентов мотивацию к изучению иностранного языка.

«Системный характер сочетания различных учебно-методических компонентов открывает широкие возможности для их дифференцированного использования на определенных этапах обучения, для определенных уровней и конкретных целей обучения, при этом формируются адекватные им структуры и содержание упражнений и методических приемов» [2, с. 51].

Обучение иностранному языку, опираясь на конкретную коммуникативную ситуацию, работа в команде создает благоприятную атмосферу и обеспечивает лучшее усвоение материала. В этом случае преподаватель может использовать самые разные формы совместной работы: газета, плакат, интервью, презентация.

Таким образом, обучающиеся имеют возможность получить знания и умения, которые смогут повысить их конкурентоспособность и, что очень важно и актуально сегодня, приобретут навыки работы с современной информацией.

Анализируя современные учебники иностранного языка, нельзя не отметить их коммуникативную направленность. Например, девизом учебного пособия „Menschen“ являются слова: «Людей увлекают не факты и цифры, а чувства и истории» [4]. Основная концепция данного пособия: 1) учебные тексты, вызывающие интерес и эмоции у обучаемых; 2) систематическое введение грамматики поддерживается цветами (сигнальная грамматика); 3) многочисленные, актуальные тексты и реалии; 4) введение в тему урока происходит через представление соответствующей фотографии и часто комбинируется с упражнением на аудирование, что вызывает любопытство, эмоции и остается в памяти. Презентация учебного материала: 1) частое использование изображений; 2) включение интернета и цифровых средств информации; 3) проект.

Методы активизации индивидуальных знаний и способностей: 1) включение обучаемых в учебный процесс; 2) соединение изображений и словаря для понимания имеющегося ментального лексикона; 3) подсказки и советы по мере изучения материала; 4) интеграция других языков через сравнение, чтобы закрепить уже существующие языковые знания. Подобные учебные пособия, совместная работа преподавателя и студентов, занятие, ориентированное на интересы, цели и запросы обучающихся, создают хорошие предпосылки для последующей коммуникации в профессиональном контексте как в своей стране, так и за ее пределами.

Список источников

1. Рець М. С. Современный урок иностранного языка в условиях реализации ФГОС // Молодой ученый. 2016. № 17.1. С. 46–50. URL: <https://moluch.ru/archive/121/33516> (дата обращения: 12.11.2019).
2. Солова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс. М.: Просвещение, 2005.
3. Kuhn Christina / Sass, Anne (2018): Berufsorientierter Fremdsprachenunterricht // Fremd Sprache Deutsch – Zeitschrift für die Praxis des Deutschunterrichts Nr. 59/ 2018. S. 3–11.
4. Sabine Glas-Peters, Angela Pude, Monika Reimann. Menschen. 2016, Hueber-Verlag, GmbH ErCo.KG, Ismaning, Deutschland.

УДК 81:378.1

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

И. Ф. Уманец, завкафедрой иностранных языков Тихоокеанского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент

Статья посвящена формированию лингвострановедческой среды в современном вузе. Дано определение понятию лингвострановедческой среды через создание современной совершенной методики погружения в языковую среду.

Ключевые слова: лингвострановедческая среда; билингвальный принцип; онлайн-обучение.

LINGUISTIC AND CULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN MODERN UNIVERSITY

I. F. Umanets, the head of the Foreign Languages Department of the Pacific National University, kandidat nauk, degree in Sociology, Associate Professor

The article is devoted to the formation of a linguistic and cultural environment in a modern university. The concept of “the linguistic and cultural environment” has been defined through creation of modern perfect methods of immersion in the language environment.

Keywords: linguistic and cultural environment; bilingual approach; On-line education.

Современный уровень развития любого общества с полным основанием можно считать многоязыковым с объективной предрасположенностью разных народов к поликультурному диалогу. В гармоничных сообществах существует стремление договариваться друг с другом на основе толерантности, взаимного уважения и нахождения компромиссов, где и должна с самого начала развития данных качеств формироваться лингвострановедческая среда для воспитания граждан, способных освоить эти общечеловеческие ценности и уметь выразить свои взгляды на языке своего партнера. Одна из проблем успешного становления личности студента при обучении иностранным языкам в вузе решается при полном погружении обучаемого в лингвострановедческую среду вуза. При обобщенном определении «среда человека» объясняется как «естественное и социальное окружение, обладающее комплексом влияний и условий» [1].

Понятие лингвострановедческой среды является более узким аспектом вузовской образовательной среды, которая способствует интеграции, развитию и индивидуализации обучаемого иноязычному общению, создает новый тип образовательного пространства, обеспечивая тем самым переход от обучения к навыку усвоения. Суть данной дидактической идеи заключается в создании лингвострановедческого образовательного окружения (в первую очередь профориентационного) и неразрывном сплетении комплексного влияния и личностного развития общекультурных и профессиональных компетенций обучаемого. При этом эффективная организация учебного процесса, на кафедре иностранных языков, в частности, помогает планировать, редактировать, исправлять ошибки, погружать в» языковую среду», контролировать и создавать обратную связь: преподаватель-студент. Лингвострановедческая среда образуется через создание современной совершенной методики погружения в языковую среду и включает следующие этапы:

- обучение иноязычному общению на аутентичном материале, используя методику билингвального принципа;
- обучение межкультурной коммуникации с использованием интерактивных методов обучения;
- профессиональный рост преподавателя-наставника;
- обучение иностранным языкам в профессиональных целях с использованием методов обучения аннотированию и реферированию;
- разработку современных учебно-методических комплексов;
- активное применение онлайн обучения в цифровой обучающей среде.

Участники образовательного проекта и представители международного методического объединения отметили важность создания педагогических условий для формирования благоприятной лингвострановедческой среды, так как только «живое взаимодействие представителей разных культур в международном пространстве способно оказать положительное влияние на нравственно-эстетическое развитие личности» [2, с. 288].

Возможность непринужденной дискуссии, прямого общения со сверстниками другой страны, совместная творческая работа в рамках международного проекта готовят молодых людей к диалогу культур, способствуя нравственно-эстетическому и духовному развитию студентов [2].

Одним из эффективных методов создания лингвострановедческой среды и повышения активности иноязычной деятельности является налаживание международных и исследовательских контактов, академических обменов, международных проектов и пр.

Практическим примером инициативной деятельности кафедры иностранных языков ТОГУ явился совместный международный российско-японский

страноведческий проект «Глобальное обучение через сотрудничество» в рамках реализуемого университетом проекта «University Speaks». В подготовке и осуществлении проекта приняли участие иностранные консультанты Майкл Краус (США) – консультант по информационным технологиям, Эмико Вакуи – консультант по международным связям (Япония).

Участники образовательного проекта и представители международного методического объединения отметили важность создания педагогических условий для формирования благоприятной лингвострановедческой среды, так как только «живое взаимодействие представителей разных культур в международном пространстве способно оказать положительное влияние на нравственно-эстетическое развитие личности» [2].

Возможность непринужденной дискуссии, прямого общения со сверстниками другой страны, совместная творческая работа в рамках международного проекта готовят молодых людей к диалогу культур, способствуя нравственно-эстетическому и духовному развитию студентов [2].

Другим не менее значимым кафедральным проектом стал научно-исследовательский проект «Межкультурная коммуникация – путь к сотрудничеству и пониманию» с участием студентов-бакалавров неязыковых специальностей.

Цель проекта – развитие самостоятельных исследовательских, познавательных, коммуникативных и рефлексивных умений обучающихся в процессе обучения иностранному языку.

Задачи проекта:

- вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность; взаимодействие с выпускающими с кафедрами, руководителями образовательных программ с целью развития универсальной компетенции;
- расширение знаний по профессиональной и общекультурной тематике в ходе изучения иностранных источников;
- формирование системы межпредметных связей и целостной картины мира;
- развитие навыков применения исследовательских методов в учебной и бытовой сферах;
- формирование и развитие навыков устных выступлений перед аудиторией.

Ход реализации проекта:

- 1) постановка проблемы перед студентами, участвующими в проекте;
- 2) проектирование конечного результата;
- 3) формирование проектных групп;
- 4) выдача письменных рекомендаций участникам проектных групп;
- 5) определение источников информации;
- 6) защита лучших проектов на английском языке.

Студенты разных курсов и факультетов активно участвуют в ежегодных заседаниях дискуссионного клуба «Lingva land». Преподаватель из США Айрин Вонг подготовила занимательную видеопрезентацию по теме «Travelling», после просмотра которой все присутствующие словно побывали в увлекательном путешествии по городам Канады и США. Затем Айрин дала студентам возможность высказаться, задать интересующие их вопросы. Все желающие приняли участие в дискуссии. Надо заметить, что в клубе разрешается говорить только по-английски. Студенты показали достаточно высокий уровень владения языком.

Проект, стартовавший в прошлом году по инициативе кафедры иностранных языков, позволяет всем желающим узнать много интересного для себя и просто хорошо провести время в кругу единомышленников – любителей английского языка. Дружеская атмосфера клуба позволяет чувствовать себя раскованно и свободно обмениваться мнениями, не волнуясь о том, что кто-то тебя не поймет или сделает замечание. Ведь помимо разговорной практики на английском языке, целью клуба является и общение студентов между собой, возможность выразить себя и, конечно, обрести новых друзей. Не менее показательным и инновационным оказалось проведение открытого совместного занятия преподавателя из США Кейтлин Трейси и ее коллеги из России Малышевой Ксении (ТОГУ). Актуальность темы «Защита окружающей среды» оказалась понятной и близкой как американским, так и российским студентам. Представленные видеоматериалы на английском и русском языках оказались отличной основой для дальнейшего обсуждения на двух языках. Эти и многие другие творческие инициативы преподавателей создают и совершенствуют методики лингвострановедческого сопровождения для формирования лингвострановедческой базы образовательной среды вуза.

Лингвострановедческие методики используют аутентичный языковой и страноведческий материал для обучения иноязычному общению и межкультурной коммуникации. Лингвострановедческое сопровождение требует непрерывного профессионального роста преподавателя. Обучение иностранному языку в профессиональных целях, разработка учебных материалов, информационных технологий и пр. создают основу для формирования лингвострановедческой среды вуза. Профессорско-преподавательский состав кафедры иностранных языков, ориентируясь на ФГОС ВПО, где прописаны общекультурные и профессиональные компетенции, должен четко понимать разницу между обучением и приобретением навыков общения на иностранном языке. Лингвострановедческая образовательная среда способна максимально устранить противоречия между требованием образовательного стандарта к уровню подготовки выпускников по специальности, требованиями работодателя к выпускникам вузов и требованиями самих студентов. ТанDEM социально-педагогического и лингвострановедческого сопровождения определяет преподавателя иностранного языка как наставника,

а студента – как активного участника образовательного процесса. В этом случае сам обучаемый способен активно изменять и совершенствовать процесс обучения в целом, стремится к расширению общего кругозора, подкреплять иноязычное общение лингвострановедческим материалом, с возможностью творчества и постоянным самообразованием.

Вышеперечисленные мероприятия, безусловно, влияют на повышение успеваемости студентов, повышают их мотивацию к овладению иноязычным общением. Однако будущий профессиональный уровень обеспечивается не только качественным чтением лекций и ведением семинаров, но и эффективной работой библиотеки, комфортным проживанием, четкой работой вспомогательных служб и удовлетворенностью преподавателей условиями труда. При выполнении условий трудового договора работодателем сами сотрудники должны нести полную ответственность за порученную им работу. Заинтересованность и активное участие высшего должностного лица в вопросах успеваемости является решающим фактором успеха. Не меньшая ответственность ложится на заведующего порученным подразделением. Помимо основных должностных обязанностей заведующему необходимо разработать и усовершенствовать учебный процесс по оказанию качественных услуг. Заведующий подбирает профессорско-преподавательский состав и обеспечивает их профессиональный рост, поощряет новаторство и поиск инновационных форм обучения.

Таким образом, лингвострановедческая среда должна играть лидирующую роль при обучении иностранным языкам и стимулировать к дальнейшему самообразованию, обогащать языковую картину мира обучаемого. Формирование лингвострановедческой среды способствует приобретению студентом лингвострановедческих компетенций, стремлению повышать содержательность информации, снятию страха перед иноязычным общением и, в конечном итоге, овладению профессиональной коммуникативной компетенцией специалиста.

Список источников

1. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001.
2. Ульяновская И. С. Формирование духовно-нравственных качеств на занятиях по английскому языку у студентов, обучающихся по направлению подготовки «Зарубежное регионоведение» // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе: материалы V всерос. науч.-практ. конф. с международным участием / Тихоокеан. гос. ун-т. 2018.

УДК 81.42

НАЗВАНИЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

И. Б. Ушакова, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного университета экономики и права, кандидат филологических наук

Статья посвящена анализу названий современных научных публикаций в области лингвистики и лингводидактики на русском и английском языках. В работе отмечается, что в названиях статей на русском языке намного чаще, чем раньше, используются конструкции с двоеточием и союзом «как». В целом авторы научных статей стали более свободны в названиях своих работ, что во многом обусловлено современным активным влиянием англоязычного научного стиля.

Ключевые слова: русский научный стиль; академическое письмо на английском языке; название научной статьи.

ACADEMIC PAPER TITLES IN RUSSIAN AND ENGLISH: NEW TRENDS

I. B. Ushakova, associate professor of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department of the Khabarovsk State University of Economics and Law, kandidat nauk, degree in Philology

This article reports the results of an investigation into modern academic paper titles in Russian and English. The focus is on papers devoted to linguistics and language teaching. It is suggested that some patterns have become very popular among Russian authors. In general, nowadays Russian authors tend to be more creative and free while naming their papers. Obviously, they are inevitably influenced by trends in academic writing in English.

Keywords: academic writing in Russian; academic writing in English; academic paper titles.

Выбор названия для научной статьи, на первый взгляд, может показаться делом второстепенной важности. Ведь, бесспорно, вся ценность работы в самой статье, в её содержании, логике построения и ясной форме изложения материала

исследования и выводов. Об этом должен заботиться любой автор научной статьи. Однако не обращать внимание на «оттачивание» названия научной статьи было бы ошибкой. Название работы, наряду с аннотацией, является той «одежкой», по которой ее будут «встречать» в информационном пространстве.

Осмелюсь предположить, что подавляющее большинство читающих данную статью никогда специально не учились писать названия для своих научных работ. Это происходило, скорее всего, на интуитивном уровне, на основе наблюдений, следования традициям отечественной научной школы. И как это часто бывает, обзаведясь определенным навыком, мы автоматически его воспроизводим. В результате получаются традиционные и привычные для русского научного стиля схемы названия статей, например «К проблеме концепции понимания аутентичных текстов художественного стиля при обучении иностранным языкам».

Однако наблюдения за современным научным дискурсом в аспекте выбора названия для научной статьи или доклада свидетельствуют о некоторых новых тенденциях. Эти изменения вызваны, очевидно, двумя основными причинами. Во-первых, увеличившийся в разы поток информации и публикационной продукции требует, чтобы название научной статьи было емким, информативным и привлекательным при быстром прочтении в этом необъятном потоке. Во-вторых, глобализация мира и научного пространства, требования оформления статей в соответствии с международными стандартами, ориентированными преимущественно на англоязычную традицию, приводят к перениманию стилей научного письма в целом и названия научные статей в частности.

Выделим основные современные тенденции.

1. Значительное увеличение использования конструкции с двоеточием, например: «Война слов: риторика и поэтика пропаганды» (ЭЯКП), «Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения» (ЭЯКП), «Научно-популярный дискурс: от интеллектуальной роскоши к повседневному бытию» (СГНДВ), «Педагогическая толерантность: необходимость и возможность» (СГНДВ). В одном из последних выпусков журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» (№ 1, 2019) конструкция с двоеточием использована в названиях 10 из 27 статей (более 30 %).

В ряде работ мы находим подтверждение наших наблюдений об активном распространении в российских научных изданиях признанной на международном уровне конструкции с двоеточием [3; 4]. Стоит отметить, что, анализируя названия статей в журнале «Вопросы языкознания» (за период с 1952 по 2014 г.), исследователи обнаружили только два названия с двоеточием в период с 1952 по 1979 г., а с 2000 по 2014 г. двоеточие встречается в названиях уже 90 статей [3, с. 43]. Исследователи справедливо отмечают, что конструкция с двоеточием делает заголовок более наглядным и лаконичным, «а это необходимо для его оптимального восприятия и оперативной десемантизации» [1, с. 115].

2. Заметное увеличение числа употребления конструкции с союзом «как», например: «Публичное извинение как жанр интернет-коммуникации» (ЭЯКП), «Дискурсивные слова как эмблемы личности» (ЭЯКП), «Голосовые сообщения как источник сведений о коммуникативных нормах и ценностях» (ЭЯКП), «Эмоциональная компонента как межпарадигмальный интекст» (ЭЯКП), «Языковая политика университета как важнейший компонент формирования высококультурной воспитательной среды» (СГНДВ).

Подчеркнем, что этот вид названия характерен только для русскоязычных научных статей. Он настолько актуален, что, например, в одном из выпусков журнала «Экология языка и коммуникативная практика» (№ 2, 2019) он использован в названиях пяти из десяти статей выпуска (50 %).

Очевидно, что конструкция с союзом «как» (так же, как и конструкция с двоеточием) обеспечивает названию компактность, прозрачность и при этом смысловую насыщенность, передающую главную идею работы.

3. Более свободное и творческое отношение к названию, например, с использованием примера языкового явления, о котором пойдет речь в статье: «"Такая девочка-девочка": семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке Интернета» (КЛИТ), «"Скажи, Серега!..": "скажи" как дискурсивный маркер чужого слова» (ЭЯКП), «От коллажа до эпатажа: к оценке словотворчества в языке современных российских СМИ» (ЭЯКП), «Маг вел мот: изменения в языке на материале бытовой терминологии» (КЛИТ), «Загугли в Дале. Словари в интернет-дискуссиях»; «Так детство миновало. Ты твердила нотации, и я примерным стал... Жанр нотации как речевая форма психологического воздействия в семейном общении».

Бесспорным преимуществом подобных названий является их выразительность, способность привлечь внимание читателей к статье, особенно в потоке других менее выразительных названий. Если мы уберем элементы-примеры из приведенных выше названий, заголовков сразу же становится более стандартным и менее «аттрактивным».

4. Использование названия статьи в виде вопроса или с вопросом в качестве компонента, например: «Что мешает эффективности современной коммуникации?» (ЭЯКП), «А кто этот «этот»? Имена собственные и неопределенная определенность» (КЛИТ), «К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке?» (ЭЯКП), «Интернет-жанр или коммуникативная практика? (к вопросу о терминологическом определении текстов, функционирующих в виртуальном пространстве)» (ЭЯКП).

Последний пример интересен тем, что автор, применив более свободную форму названия в виде вопроса «Интернет-жанр или коммуникативная практика?», тем не менее, как будто не может освободиться от привычной формы и подстраховывается традиционным названием, приводя его в скобках (к вопросу

о терминологическом определении текстов, функционирующих в виртуальном пространстве). Ср. также, например, «"Перед" или "после": что проще? (понимание сложноподчиненных предложений с придаточными времени)» (ВЯ).

Заголовки статей с вопросами встречаются намного реже, чем первые две конструкции. Предположим, что это можно объяснить тем, что в английском языке (за которым мы вынуждены следовать в силу определенных необходимости) названия с вопросительными предложениями тоже встречаются реже, чем конструкция с двоеточием или сочинительным союзом *and* [5, с. 26].

Отечественные исследователи, занимающиеся вопросами научного стиля, справедливо замечают, что в целом научное изложение на английском языке отличается большей лаконичностью, прозрачностью, простотой конструкций, по крайней мере, избеганием слишком сложных синтаксических конструкций, так свойственных русскому научному стилю [2; 4, с. 35, 39]. Это отражается и в названиях научных работ на английском языке. Очень показательным будет, на наш взгляд, приведение списка названий недавно опубликованных статей (*recently published articles*) на сайте журнала «English Language & Linguistics» (Cambridge University Press):

- 1) "Proper name compounds: a comparative perspective";
- 2) "On the (non-)equivalence of constructions with determiner genitives and noun modifiers in English";
- 3) "The impact of semantic relations on grammatical alternation: an experimental study of proper name modifiers and determiner";
- 4) "From twig-skinny to Kate Moss skinny: expressing degree with common and proper nouns";
- 5) "The Obama presidency, the Macintosh keyboard and the Norway fiasco: English proper noun modifiers and their German and Swedish correspondences";
- 6) "Compound or phrase? English noun-plus-noun constructions and the stress criterion";
- 7) "How do grammatical patterns emerge? The origins and development of the English proper noun modifier construction";
- 8) "Special issue: Different perspectives on proper noun modifiers";
- 9) «'Fifty pounds will buy me a pair of horses for my carriage': the history of permissive subjects in English».

Мы видим, что: а) в 6 из 9 названий статей используется конструкция с двоеточием; б) в 3 из 9 названий вставлены примеры исследуемых языковых явлений; в) в 2 из 9 названий авторы употребили вопросительные предложения; г) в значении близком к русскому слову *аспект* в научном лексиконе (например, в диахроническом аспекте и т. п.) в английском языке используется слово *perspective*; д) один раз встречается название, начинающееся с предлога *on* в значении близком к традиционным русским формулировкам К вопросу о ...

(ср. встречающийся перевод на английский язык (To the question) about...); е) в представленных названиях нет типичных для русского языка слишком сложных именных конструкций с множественными зависимыми компонентами (ср., например, название статьи на английском языке, предложенное русскоговорящим автором: The development of the methods of the cognitive analysis in the study of the occasional compounds in the radio play "Under Milk Wood" by D. Thomas).

В заключение еще раз подчеркнем, что в современной русской научной речи отмечается тенденция к более ясному изложению и более творческому подходу к выбору названий научных статей. В качестве рекомендаций можно предложить: а) внимательнее относиться к такому этапу работы над статьей как ее название; б) обращать внимание на удачные названия, встречающиеся в научных журналах, сборниках конференций (как на русском, так и на английском языке). Перефразируя слова русского классика, можно сказать, что в научной статье все должно быть прекрасно: и содержание, и название...

Список источников

1. Иноземцева Н. В. Парцелляция как основная синтаксическая модель заголовков англоязычных статей по методической проблематике // Вестн. ОГУ. 2011. № 11 (130). С. 114–118.
2. Короткина И. Б. Академическое письмо: процесс, продукт и практика: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2015.
3. Куликова И. С., Салмина Д. В. Заголовок научной статьи как речевой жанр // Междунар. науч. ин-т «Educatio». 2015. 3 (10). С. 41–44.
4. Рябцева Н. К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 2. С. 33–43.
5. Hartley J. Academic Writing and Publishing: A practical handbook. New York: Taylor&Francis, 2008.

УДК 81'42

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ: КОНЦЕПЦИЯ ТОМАСА ЛЕЙЧА

***И. П. Федотова**, доцент кафедры лингвистики и международного права Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат филологических наук, доцент*

В статье представлен критический обзор американского профессора Т. Лейча относительно существующих в европейских и американских исследованиях подходов к определению термина «адаптация» в его связи с понятием «интертекстуальность». Рассматривая девять различных подходов, от традиционных до маловероятных, профессор указывает на положительные и отрицательные стороны каждого из них. В обзоре затронуты идеи дуализма кинематографических адаптаций, их интермедиальности, схожести с экфрасисом, переводом и спектаклем. Также рассмотрены вопросы авторства, зрительского восприятия и исключительного права литературы считаться источником для киноадаптаций. Завершают обзор предположения о возможных путях развития теории адаптации в свете изложенных концепций.

Ключевые слова: Томас Лейч; адаптация; экранизация; интертекстуальность; интермедиальность; дуализм; средство коммуникации; экфрасис; перевод.

ADAPTATION AND INTERTEXTUALITY: ACCOUNT BY THOMAS LEITCH

***I. P. Fedotova**, associate professor of the Department of Linguistics and International Law of the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor*

The article comprises the survey by Professor Thomas Leitch of the University of Delaware, the USA. It highlights the existing definitions of adaptation in the intertextual context and assesses nine accounts of it. The accounts are of various nature, from traditional to less expected,

having both advantages and disadvantages. The survey explores the ideas of adaptation dualism, its intermediality, and likeness to ekphrases, translation and performance. It also reveals problems of authorship, audience's acceptance and literature's exclusive right to be the base for adaptations. The concluding section provides three alternatives for the field of adaptation studies.

Keywords: Thomas Leitch; adaptation; intertextuality; screen version; intermediality; duality; media; ekphrases; translation.

Вопросы создания фильмов по литературным произведениям интересуют исследователей различных направлений – от искусствоведов и теоретиков кино до филологов и лингвистов. Традиционно трансформация произведения для кинематографа называется адаптацией, а базирование адаптации на ранее созданном тексте неизменно вовлекает в поле научного исследования и понятие интертекстуальности.

В самом общем смысле безотносительно к какой-либо научной парадигме под адаптацией произведения (литературного, музыкального, художественного) понимается приспособление произведения для адресата методом его переработки. Интертекстуальность же представляет собой существование текста в другом тексте, где под текстом понимается любой коммуникативно значимый, семиотически осложненный дискурс. Таким образом, адаптация, основываясь на исходном произведении, неизменно включает в себя черты интертекстуальности, однако границы этих понятий и их взаимопроникновение и взаимовлияние остаются нечеткими. Следует также отметить, что в российской науке одновременно функционируют два термина: «адаптация» и «экранизация», причем второй часто определяется через первый (экранизация – это адаптация средствами кино произведения другого вида искусства). Зарубежные исследователи оперируют термином «адаптация» (adaptation), подразумевая интерпретацию литературного произведения кинематографическими (и не только) средствами.

В отечественных трудах по искусствоведению мы находим размышления о природе экранизации и ее функциях [2; 5], филологи и лингвисты исследуют интертекстуальные маркеры [6], типы интертекстуальных связей [1] и значение интертекстуальности при экранизации [4]. Как видно, исследования носят больше прикладной характер и не обращаются к фундаментальным основам теории адаптации. Хотя необходимо отметить труды В. И. Мильдона, в которых предпринимается попытка определить экранизацию как общеэстетическое явление [3].

Теория адаптации как новое научное направления развивается в европейских странах и США со второй половины прошлого века. Теоретиками этого направления выступают Дж. Блюстоун, Л. К. Кахир, Д. Картмелл, Л. Хат-

чеон Дж. С. Тиббеттс, Дж. М. Уэлш, Т. Лейч и другие. Исследования носят системный характер и к настоящему моменту оформились в разветвленную концепцию с единым предметом, рассматриваемым с различных точек зрения. Авторы предлагают разнообразные подходы к понятию «адаптация» и ее связи с интертекстуальностью.

Предлагаемый Томасом Лейчем критический обзор представляет, на наш взгляд, самое четкое изложение имеющихся противоречий и содержит наиболее полный перечень спорных моментов, возникающих при рассмотрении понятий «адаптация» и «интертекстуальность».

Такой обзор впервые предлагается на русском языке с целью введения в российское научное обсуждение основных положений теории адаптации.

Томас Лейч является профессором английской филологии Дэлаверского университета в США, сфера его интересов охватывает нарративную теорию и теорию адаптации, а также он является специалистом по работам Альфреда Хичкока. В своем исследовании «Adaptation and Intertextuality, or, What isn't an Adaptation, and What Does it Matter?», опубликованной в коллективной монографии «A Companion to Literature, Film, and Adaptation» [17] профессор Лейч утверждает, что научная литература по теме размыта, а определения исследуемых понятий применимы исключительно к тем исследованиям, в которых они обнаруживаются. Отмечая отсутствие четкого научного определения, ученый задается вопросом, оппонируя, в первую очередь, Линде Хатчеон – где нужно провести разграничительную линию между собственно адаптацией (*adaptation proper*, термин Л. Хатчеон) и несобственно адаптацией (*adaptation improper*, термин Т. Лейча)? Почему мы будем ее проводить именно здесь? И какой смысл в начертании этой линии? Особый интерес и научный смысл исследователь видит в начертании нескольких линий в различных местах; в обнаружении выгодных аспектов, присущих каждой линии; в определении проблем, возникающих возле каждой линии; и в возможности расширить теорию адаптации в целом.

Предваряет рассуждения ученого аксиома о том, что адаптация – это вид интертекстуальности, и очевидно, что каждая адаптация является интертекстом, но далеко не так очевидно, что все интертексты являются адаптациями. Рассматривая девять подходов к понятию «адаптация», исследователь подчеркивает тот факт, что выносимые на обсуждение подходы дискуссионны и не исчерпывают темы. Однако в каждом аспекте присутствуют идеи, весомые для теории адаптации в целом и, рассмотренные вкуче, все подходы составляют более четкую картину, чем взятые по отдельности.

1. Адаптация имеет исключительно кинематографическую природу и относится к фильмам, основанным на романах, рассказах и пьесах. Эта предпосылка являлась доминирующей моделью для исследований в сфере адаптации на протяжении более чем сорока лет, начиная с монографии Джорджа Блюстоуна

«Романы для кино» в 1957 г. [8] до появления в 1999 г. «Адаптации: от текста к экрану, от экрана к тексту» под редакцией Деборы Картмелл и Имелды Вэлхам [7]. Последняя работа, являясь коллективной монографией, потрясает основы теории адаптации, включая в понятие «адаптация» телевизионные программы, фильмы, основанные на комиксах, новеллизации и фильмы, основанные на реальных событиях. И хотя Д. Картмелл и И. Вэлхам выступают против идеи того, что адаптация литературных произведений – это односторонняя трансформация текста (особенно классического) для экранных целей, их интертекстуальный подход к адаптации все-таки остается фундаментально дуалистическим. Он по-прежнему основывается на формулировках вокруг классической модели адаптации и определении отклонений от нее, что относит нас назад к определению Дж. Блюстоуна: «Роман... – это сфера прямо противоположная фильму» [8, с. 23].

Этот дуалистический двухмерный подход к адаптации является достаточно мощным и стойким, поскольку обладает одновременно и концептуальной простотой – кинематографические и телевизионные тексты как адаптации противопоставляются их литературным источникам – и дисциплинарную четкость. Дуализм этого подхода не был ни опровергнут, ни смещен, ни оспорен целым поколением исследователей. Даже в наши дни от учителей и преподавателей, обсуждающих со своими студентами кинематографические адаптации литературных произведений, часто можно услышать: «Было не так как в книге».

Наиболее очевидным недостатком такого подхода является то, что он исключает из сферы рассмотрения адаптации, существующие в других средствах массовой коммуникации. Все, кроме кино, вынесено за рамки исследования – опера, балет, театральные постановки, интернет-страницы, YouTube-видео и др.

Существует большое количество исследований, рассматривающих трансформации «текст → фильм», среди которых одним из наиболее значимых представляется работа Камиллы Эллиот [11]. В своем исследовании она отмечает, что данный подход основывается на восприятии романов как «слов», а фильмов как «образов», что ни с эмпирической, ни с логической точки зрения не является жизнеспособным. Многие романы напрямую зависят от образов, эксплицитных или имплицитных, а многие фильмы бессмысленны без слов, написанных или произнесенных. И фильмы, и литературные произведения связаны с двумя способами выражения смысла. Этот структурный дуализм одновременно и ограничивает исследователей, и дает широкие возможности для изысканий как в области литературы, так и в области искусствоведения. Однако он же [дуализм] всегда будет выступать препятствием на пути полного признания теории адаптации каждой из заинтересованных сторон.

2. Адаптация является исключительно интермедийным, «переходным», продуктом, результатом трансформации повествовательных элементов из одной

системы в другую. Это более обобщенная версия предыдущего подхода, поскольку здесь нет четкого указания на то, что две системы – это литература и кино. Такой подход получил поддержку с самой неожиданной стороны – от Американской академии кинематографических искусств и наук. С 1958 г. Академия делает четкое различие между наградами «За лучший оригинальный сценарий» (Best Original Screenplay) и «За лучший адаптированный сценарий» (Best Screenplay Based on Material from Another Medium). Академия предвосхитила современные исследования, но оставила под вопросом природу источника для адаптированного сценария. Лучшие адаптированные сценарии могут быть основаны на романах, пьесах, рассказах, операх, балетах, комиксах, видеоиграх или знаменитых песнях; и Академия не требует, чтобы источник обязательно имел нарративную структуру. Например, фильмы о Джеймсе Бонде, которые все подпадают под категорию «Лучший адаптированный сценарий», так как первые были основаны на произведениях И. Флеминга, а поздние, хоть и не имеющие литературного основания, основаны на франшизе, которая не позволяет перевести их [фильмы] в категорию «Лучший оригинальный сценарий».

Два основных преимущества интермедиального подхода перед подходом «текст → фильм» заключаются в нейтральности его языка и относительной свободе от догматической оценки. Фактически, теоретики этого подхода имеют возможность выносить категорические суждения, как и все остальные, однако терминология, которой они пользуются, не имеет автоматического догматизма. К тому же, помня, что интермедиальность не сводится к бимедиальности, этому подходу нельзя приписать проблемы дуализма, которые так тяготят первый подход. В след за Американской академией кинематографических искусств и наук интермедиальные исследования приветствуют источники, выраженные любыми коммуникативными средствами и не учтенные в предыдущем подходе: устное творчество, радио, телевидение, гипермедиа. Возможно, из-за нейтральности своего языка интермедиальные исследования очень популярны в Европе; а США остаются единственной из ведущих индустриальных держав мира, где изучении средств коммуникации не входит в обязательную школьную программу. Таким образом, можно предположить, что фокус на интермедиальности поможет объединить все исследования в области адаптации в единую мощную научную дисциплину.

Однако при всех своих положительных сторонах интермедиальный подход сталкивается с двумя фундаментальными проблемами. Первая заключается в сложности дифференциации собственно адаптации и других видов интермедиальных текстов (в широком смысле этого понятия). И вторая – это наличие множества адаптаций, которые по своей природе интра-, а не интермедиальны. Джеффри Чосер позаимствовал сюжеты для «Рыцарской истории» и «Троил и Крессида» у Дж. Боккаччо, не изменяя средства выражения, если только

трансформацию из прозы в поэзию и с итальянского на среднеанглийский не считать интермедиальной. Уильям Шекспир написал свою историческую хронику «Генрих V», позаимствовав сюжет у Р. Холиншера. Бесчисленное множество романов (например, «Унесенные ветром») и фильмов («Последний из могикан», 1992) вдохновлены более ранними литературными или кинематографическими произведениями.

Вопрос о четком статусе адаптации зависает где-то между трансмедиальными, интрамедиальными и интермедиальными текстами (термины Э. Войтц-Вирхова [20]). Ясно одно: интермедиальный подход к определению адаптации позволяет расчленить процесс ее [адаптации] создания на более мелкие действия, что приводит к размыванию самого понятия.

3. Адаптация – это антиэкфрасис. Такая странно звучащая формулировка не очень привлекает исследователей, не спешащих искать выгоду в теории столетней давности. Тем не менее, самые ранние определения экфрасиса относятся к III–IV векам н. э. и дошли они до нас в почти неизменном виде. Экфрасисом считается описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте. Определение фокусируется на выражении произведения, созданного одной художественной системой, средствами другой художественной системы. Например, картина Рембрандта «Аристотель, созерцающий бюст Гомера», и конечно же, литературные репрезентации произведений искусства – «История банки» У. Стивенса, «Греческая урна» Дж. Китса, щит Ахилла из «Илиады» Гомера. Девизом экфрасиса является выражение Горация *Ut picture poesis* – «Поэзия как живопись».

Обращение к истории исследования экфрасиса будет глотком свежего воздуха для теории адаптации, поскольку она [история] представляет собой многовековое признание подчиненного положения литературы по отношению к визуальному искусству. Она расшатывает традиционную предпосылку теории адаптации, утверждая, что именно словам нужно прилагать усилия, чтобы отразить силу образа, но никак не наоборот. Хотя адаптацию и можно определить, как экфрасис в более широком смысле (произведение искусства, имитирующее другое произведение иными средствами), предпочтительным видится принятие более узкого определения адаптации как анти-экфрасиса.

Инверсия в иерархии средств репрезентации информации – вот, пожалуй, самая значительная деталь, которую может предложить аналогия между адаптацией и экфрасисом. Но рассмотрение адаптации как инвертированной версии экфрасиса вызывает ряд вопросов. Мюрэй Крэйгер отмечает, что ни щит Ахилла, ни урна Дж. Китса не существуют в реальности; и это позволяет утверждать, что экфрасис – это иллюзорное представление непредставленного, даже если такое представление выглядит как естественное [16]. Самая близкая параллель в теории адаптации – это фильмы, основанные на реальных событиях,

фильмы, которые создают несуществующие предшествующие тексты, используя их. Такие фильмы не маркируются как адаптации, но обращение к источнику, который текстуализируется обозначением «реальные события» высвечивает процесс определения источника как такового.

В эпохи, когда визуальный знак имел сакральную связь со своим референтом и не нуждался ни в каких вербальных дополнениях, экфрасис одновременно отражал стремление художественного слова / поэзии соединиться с материальным объектом и тщетность этих попыток. Даже при семиотическом анализе, который признает тесную связь вербальных и визуальных знаков, экфрасис по-прежнему остается «стремлением вернуться к идиллии естественного объекта» [16, с. 22]. С такой точки зрения экфрасис приближает нас к тому, что теоретики настойчиво называют гибридной природой адаптации, соединяющей одну систему с другой в попытке отразить неотражаемое.

Каким бы привлекательным не казался этот подход, все-таки нелегко втиснуть адаптацию в рамки не только экфрасиса, но и в рамки анти-экфрасиса. Экфрасис подразумевает уже врезанную в него репрезентацию, а не пошаговое представление ранее существовавшего произведения, которое будет существовать параллельно с новым произведением. Экфрасис по своей природе регрессивен – он останавливает не только само повествование, но и любое рассуждение в угоду детальному описанию. И эта его особенность значительно отдаляет его от адаптации.

И что интересно – сравнение адаптации с экфрасисом было более выгодно в прошлом, где похоронены все упущенные возможности. Еще десять лет назад исследователи теории адаптации могли бы не задумываясь приводить в пример экфрасисы, чтобы опровергнуть превосходство литературы как средства передачи информации. История изучения экфрасиса дала бы ценные доказательства неуловимости визуального образа с помощью слов. Однако все эти годы утверждалась идея превосходства слова без единого намека на существование экфрасиса, и поэтому вряд ли стоит упоминать о тщетности сожалений по этому поводу.

4. Адаптация – это текст, чей статус зависит от того, насколько аудитория готова воспринимать его как адаптацию. Как бы это не казалось удивительным, но преимуществом этого подхода является его схожесть с интермедийным подходом. Фокусируясь на практике создания и анализа адаптаций, этот новый подход смещает акцент с медийного дуализма на отношения между самим текстом и процессом восприятия.

Вопросы, возникающие при таком подходе, отсылают нас к проблеме создания и восприятия. Согласно Л. Хатчеон, чтобы адаптация считалась адаптацией, она должна удовлетворять двум условиям: ее создатели должны подавать ее как адаптацию; и аудитория должна воспринимать ее как таковую [14]. Такое толкование оставляет неясным статус кинематографический ремейков, как то «Жар

тела» (Body Heat, 1981), позаимствовавший большую часть своего сюжета из фильма «Двойная страховка» (Double Identity, 1944), или «На трезвую голову» (Swing Vote, 2008), часто сравниваемый зрителями с «Великий человек голосует» (The Great Man Votes, 1939). В сущности, кинематографические ремейки создают наибольшее препятствие для дальнейшего развития настоящего подхода, поскольку ремейки создают новое измерение в понятии интертекстуальности. Позиционируясь как повторные адаптации известных литературных произведений, ремейки, по сути, многим обязаны ранее созданным экранизациям этих произведений. Если считать все ремейки адаптациями, то справедливо будет спросить – можно ли считать адаптацией ремейк, не признающий себя ремейком?

Еще одна проблема рассматриваемого подхода заключается в следующем. Если аудитория не понимает интертекстуальной соотнесенности конкретной адаптации, она по-прежнему считается адаптацией? Однозначно, что не для этой аудитории. Таким образом, вопрос о том, считать ли адаптацией таковой, находится не в поле характеристик самой адаптации, но ее аудитории – и это было бы правильно, если бы мы только что не пришли к выводу, что на этот вопрос отвечают создатели фильма. Ответом также не является попытка определить статус адаптации через соглашение между создателями и аудиторией, поскольку в этом случае из процесса исключается сам текст адаптации.

Наиболее простым применением данного подхода представляется возможность выделить интертексты, которые не считаются адаптациями. Согласно теории Л. Хатчеон, адаптация не отличается от пародии, попури, сиквела, спектакля, оркестровки, критического комментария или обзора, т. к. все эти разновидности текста являются подвидами адаптации. Автор признает собственно адаптациями в чистом виде два единственных типа интертекста: те, которые в прямом смысле неотделимы от оригинала, подобно фотографическим снимкам; и те, которые обманным путем пытаются выдать себя за оригиналы – плагиат и подделка [15].

Определение адаптации, которое опирается на намерения и восприятие аудитории, фундаментально выгодно, потому что оно неизбежно фокусируется на мотивах и интересах, которые, в свою очередь, добавляют определению юридические, моральные и эстетические оттенки. Однако вместо того, чтобы добиваться нейтральности и однозначности термина, как «интермедияльность», такой подход опирается на метафоричность.

5. Адаптация – это пример специфического вида транстекстуальности. Автором этого подхода является Жерар Женетт, который говорит о пяти видах транстекстуальности, характерных для «литературы во второй степени»: интертекстуальность, отмеченная цитатами и аллюзиями; паратекстуальность, маркируемая так называемыми вторичными сигналами (титры, предисловия, эпиграфы, рекламные аннотации); метатекстуальность комментариев; «молчаливая» архитекстуальность, подразумеваемая в паратекстуальных жанровых

маркерах как, например, подзаголовок в произведении Эдвина Эйботта «Флатландия. Роман во многих измерениях» (1884); и гипертекстуальность, которая соединяет один текст в гипертекст [12]. Приведенная классификация заслуженно привлекает к себе внимание исследователей, однако и здесь пытливый ум увидит вопросы, возникающие перед теорией адаптации.

Самая очевидная из этих проблем это то, что Ж. Женетт не говорит об адаптации как об особом виде транстекстуальности: «Такие явления немного выходят за рамки моего исследования» [12, с. 157]. Не претендуя на исключительность своего подхода, ученый предупреждает, что пять типов транстекстуальности не следует рассматривать как отдельные и абсолютные категории без их взаимодействия и взаимопроникновения.

Единственным фундаментальным различием, предлагаемым автором, является различие между двумя основными видами гипертекста – трансформацией и имитацией. Но эта дифференциация мало пригодна для теории адаптации, т. к. она [адаптация] зависит от обоих этих действий. Более полезной представляется его мысль о двух функциях гипертекста – отвечать на социальный запрос и извлекать прибыль из работы, которую он выполняет. А также мысль об эстетической функции, для реализации которой автор гипертекста опирается на одну или более предшествующие работы для того, чтобы создать нечто, выражающее его собственные мысли или художественные задумки. Такой взгляд согласуется с теорией адаптации, поскольку большая часть экранизаций стремится как к художественному, так и к коммерческому успеху.

6. Адаптация – это перевод. Предлагаая такой подход, Линда Констанзо Кахир четко разграничивает понятия «адаптация» и «перевод»:

Основанные на литературе фильмы традиционно и вполне понятно называются адаптациями, однако термин «адаптировать» означает изменить структуру или функцию так, что она сможет лучше вписаться и умножиться в новой сфере. Адаптировать значит переместить *ту же сущность* в новую среду. В процессе адаптации сущность, подвергшаяся изменению, продолжает существовать, даже претерпев изменения – иногда весьма значительные – в попытке *приспособиться* к новой среде.

«Перевести», в отличие от «адаптировать», значит перенести текст из одного языка в другой. Это *языковой процесс*, а не процесс выживания и приспособления. Через процесс перевода создается новый текст – материально иная сущность, – которая одновременно и неразрывно связана с источником, и полностью независима от него. Скажем проще: мы можем прочесть и оценить перевод, не читая оригинал. [10, с. 9]

С точки зрения Л. К. Кахир, не вполне верно говорить, что адаптация – это перевод. Различие между этими двумя понятиями настолько значительно,

что-то, что мы ошибочно называем адаптацией, точнее описывается термином «перевод».

Такой подход к адаптации, утверждающий текстуальное и эстетическое единство исходного и переводного текстов, имеет два преимущества. Определение адаптации как перевода объединяет ее с литературными переводами Дж. Чосера, У. Шекспира и другими интрамедийными адаптациями и тем самым ставит эту таксономическую проблему в рамки интермедийной теории. А также позволяет рассматривать адаптацию в переводческой парадигме, которая делает особый акцент на достоверности. Однако Л. К. Кахир задается вопросом: «Достоверность чему... должен соблюдать переводчик? Вопрос даже не в достоверности как таковой, а в достоверности чему...» [10, с. 15].

Исследователь отмечает, что «каждый акт перевода одновременно является и актом индивидуальной интерпретации» [10, с. 14]. Но такое утверждение открывает глубокий изъян ее подхода к адаптации: несовместимость с предыдущими концепциями перевода, которые в такой же степени стремятся отвергнуть индивидуальные текстовые проявления, как ее подход стремится их сохранить. Поэтому теория Л. К. Кахира поднимает ряд терминологических вопросов. Если адаптация действительно является переводом, каковы отношения между лингвистическим и иным видом (не только кинематографическим) кодирования и декодирования? Всегда ли кодирование иными средствами предполагает иную цель? А декодирование? Как можно сравнить перевод с помощью языка с переводом с помощью иного средства коммуникации? Однако основная проблема подхода к адаптации как к переводу заключается в том, что все последние концепции перевода, оспаривающие незыблемость оригинального текста, с очевидностью противостоят идее, заложенной в данном подходе.

7. Адаптация – это спектакль. Если адаптация на самом деле является интерпретацией, то, вероятно, можно занять и противоположную Л. К. Кахир позицию, утверждая, что адаптация – это спектакль. Такое утверждение звучит абсурдно, поскольку адаптация – это точно текст того или иного рода, а не реализация текста. Известный список синонимов для термина «адаптация», составленный Робертом Стэмом [18] и включающий все от переписывания до инкарнации, не включает термина «спектакль». И хотя некоторые из ведущих исследователей затрагивали эту тему (Джеймс Гриффитс), например, никто из них не определял адаптацию как спектакль. Даже в работе Л. Хатчеон мы находим, что «живые спектакли ... представляют собой «параллельный» случай, в котором неизбежные изменения от спектакля к спектаклю обусловлены самим процессом производства, а не процессом восприятия, не людьми, непосредственно воспринимающими этот текст» [15, с. 9].

Назвать адаптацию спектаклем выглядело бы менее невероятно, если бы именно пьесы, а не романы, считались источником кинематографических адапта-

ций, как это и происходило в США и Франции в первые сорок лет существования кинематографа. Но было бы правильнее считать адаптации такими работами, чьи источники воспринимаются как тексты для игры (play texts), и не важно, были ли эти источники изначально созданы как таковые. Даже самая «рабская» адаптация имплицитно подразумевает, что ее предшественнику чего-то не хватает, что его нужно реализовать по-другому. В противном случае, зачем вообще создавать адаптации? Даже адаптации внутри одного средства коммуникации, как переводы на другой язык, позиционируются как возрождающие оригинальную работу к новой жизни, обеспечивая ее тем, чего ей не хватало ранее. Такой подход ориентирован на будущие исследования, рассматривая текст для игры как своего рода рецепт для создания нового, а не как зал суда, в котором осуждают и сдерживают любые отклонения.

Хотя все кинематографические адаптации являются спектаклями по киносценариям, Джек Вузер прав, утверждая, что киносценарий повсеместно считается «нарушителем» и скелетоподобной копией в бинарном единстве «роман-фильм» и поэтому не заслуживает серьезного рассмотрения [9]. Рассмотрение адаптации как спектакля перенесет внимание исследователей на киносценарии как тексты для игры и усложнит понятие авторства. Сопутствующим результатом может стать появление нового научного контекста для кинематографических адаптаций, основанного на отношениях между различными адаптациями, зависящими исключительно от манеры подачи и исполняемых текстов: опера и либретто; балет и музыка; песни и слова; литургическая музыка и священные тексты, на нее положенные; радиопрограммы и сценарии, по которым они ведутся; и наконец, в самой дальней части спектра, каждое новое исполнение Пятой симфонии Бетховена.

Однако такая переориентация имеет высокую цену, т. к. все фильмы, не только адаптации, являются спектаклями по своим киносценариям. И такой подход не только сфокусирует внимание исследователей на общих чертах адаптаций, балетов и радиопрограмм, но и внесет путаницу в четко выстроенную и чтимую пятьдесят лет Американской академией кинематографических искусств и наук систему разграничения между фильмами, снятыми по специально написанным для экрана сценариям, и другими. Такой подход откроет дорогу тысячам и тысячам работ, которые раньше никогда не считались адаптациями.

Одним из способов отделить адаптацию от другого рода спектаклей может стать ее определение не как спектакля, а как записи спектакля. Это поможет отделить кинематографические адаптации, музыкальные топы и переводы на другой язык от, например, многочисленных отдельных исполнений «С днем рождения тебя...». К сожалению, это правило также разведет по разные стороны киносpectакли, записи музыки, кинооперы и балеты, которые все будут считаться адаптациями, и живые представления – собственно спектакли, оперы,

балеты, концерты, адаптациями не считающиеся. И, конечно, остается возможность из любого отелного исполнения «С днем рождения тебя ...» сделать адаптацию для конкретных выступающих, слушающих и обстоятельств. И хотя практически невозможно признать адаптацию своего рода спектаклем из-за пока неразрешимых фундаментальных проблем, такая аналогия проливает новый свет на старые вопросы.

8. Адаптация – это квинтэссенция интертекстуальности. Такой подход стремится утвердить адаптацию не просто как шумный мегаполис, но как столицу всего интертекстуального государства. Отличительной чертой этого подхода является акцент на адаптации как на центре всей теории интертекстуальности. В таком свете адаптация становится явлением, определяющим конфигурацию всего поля, в котором она находится, а не его размер или границы. Принятие такой модели будет означать триумф исследователей теории адаптации, чьи постулаты станут основными для многочисленных интертекстуальных изысканий.

Однако зададимся вопросом – что выиграет адаптация от определения ее квинтэссенцией интертекстуальности? Этот подход обосновывает Рошель Херст в своей работе «Адаптация как де-конструкция: достоверность и бинарность от Блюстоуна до Дерриды» [14]. Освещая вопросы достоверности, которые сначала отрицают схожесть с исходным текстом, а затем жестоко критикуют адаптации за непохожесть на источники, исследователь обращается к понятию Ж. Дерриды «не-определенность» – «ложные» вербальные свойства, которые нельзя более включать в философскую (бинарную) оппозицию, но которые, однако, живут в этой оппозиции, де-конструируя ее, никогда не создавая третьего элемента» [14, с. 186]. Для Р. Херст адаптация является примером деконструкции по Ж. Дерриде, которая «живет в двух частях бинарной оппозиции», «каждое упоминание адаптации как версии более раннего текста – каждое утверждение, что это роман, хоть и в кинематографическом виде – подчеркивает статус адаптации как гибрида, сплава различных средств коммуникации, одновременно кинематографического романа и литературного фильма» [14, с. 187].

Безусловно, существует множество других текстов, поднимающих вопрос о подобной бинарной оппозиции. Но что делает адаптацию особенно заметной в этом ряду так это то, что она вводит в обсуждение дихотомии в сфере текстов, текстуальности и культуры; то есть все то, что Джон Тиббетс и Джим Уэлш называли составляющими этой сферы: искусство и коммерция, индивидуальное творчество и совместное производство, культура и массовая культура, вербальное и визуальное [19]. Адаптация – это такой вид интертекстуальности, который с самого своего рождения был признан «трудным ребенком», вид, дифференцирование которого всегда бросает вызов его бинарности, от которой зависят как сторонники, так и противники этого подхода.

9. Адаптация – это яркий, но не центральный и типичный, пример интертекстуальности. Такой подход признает поражение или, по крайней мере, сдает позиции по сравнению с предыдущим. Многочисленные попытки дифференцировать адаптацию, поставить ее в ряд с другими видами интертекстуальности полезны как для теории интертекстуальности в целом, так и для теории жанров. Последняя может выделиться в отдельное направление из-за таких фактов, как текстовая природа адаптации и признанное определение того-же-но-другого.

Этот заключительный подход, ставящий в центр проблему дифференциации адаптации от других видов интертекстуальности, является точкой в обзоре Томаса Лейча. Вместо заключения автор завершает свою работу изложением трех возможных путей развития теории адаптации в зависимости от того, ставят ли ученые адаптацию в центр исследуемого поля или на периферию.

Если начинать с закрепления за адаптацией центрального места, с создания единственного определения, которое объяснит, почему те или иные тексты должны считаться адаптациями, то неизбежно возникает проблема ее [адаптации] когерентности, ее системности и границ с другими исследовательскими парадигмами. Если же, наоборот, начать с того, как отделить адаптацию от других похожих текстов и затем попытаться определить род текста, видом которого является адаптация, тогда границы будут установлены извне. В этом случае задачей исследователя будет рационализировать образовавшееся поле и продемонстрировать его целостность. Помня о бинарности вопроса, Т. Лейч предлагает третью альтернативу, основанную на том, что поле научного исследования было выделено более десяти лет назад отсутствием консенсуса, методологии и четких границ. Опираясь на фундаментальные основы теории адаптации, исследователи могут начать с ответа на вопрос – что не является адаптацией? И неважно, какими будут ответы – каждый из них поставит дополнительные ограничения, в результате чего появится четко выделенное поле для научных изысканий.

Список источников

1. Елисева А. В. Типы интертекстуальных связей при экранизации литературных произведений (на материале фильмов Р. В. Фасбиндера) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2014. С. 13–23.
2. Комаров В. А. Нравственно-эстетическая функция экранизации литературных произведений // Педагог. образование и наука. 2012. № 10. С. 87–90.
3. Мильдон В. И. Что же такое экранизация? // Мир русского слова. 2011. № 3. С. 9–14.
4. Пантелеенко О. А. Роль интертекстуальности в устранении лакун при экранизации художественного текста // Вестн. МГАУ. Сер. 1. 2007. С. 58–63.
5. Симбирцева Н. А. Экранизация как визуализированный текст: к постановке проблемы // Изв. Урал. федер. уни-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 3 (116). С. 148–154.

6. Федотова И. П. Вербальные интертекстуальные маркеры в серии мультфильмов о трех богатырях // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2016. № 4. С. 233–240.
7. Adaptations: From Text to Screen, Screen to Text. Eds. Deborah Cartmell and Imelda Wheleham. London: Routledge, 1999.
8. Bluestone George. Novels into Film: The Metamorphosis of Fiction into Cinema. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1957.
9. Boozer Jack. Introduction: The Screenplay and Authorship in Adaptation // The Screenplay and Authorship in Adaptation. Ed. Jack Boozer. Austin: University of Texas Press, 2008, 1–30.
10. Cahir Linda Constanzo. Literature into Film: Theory and Practical Applications. Jefferson, NC: McFarland, 2006.
11. Elliot Kamilla. Rethinking the Novel/Film Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
12. Genette Gérard. Palimpsests: Literature in the Second Degree. Trans. Channa Newman and Claude Doubinsky. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997.
13. Griffiths James. Adaptations as Imitations. Newark: University of Delaware Press, 1997.
14. Hurst Rochelle Adaptation as Undecidable: Fidelity and Binarity from Bluestone to Derrida // In/Fidelity: Essays on Film Adaptation. Eds. David L. Kranz and Nancy C. Mellerski. Cambridge: Cambridge Scholars Press, 2008. 96–172.
15. Hutcheon Linda. A Theory of Adaptation. New York: Routledge, 2006.
16. Krieger Murrey. Ekphrasis: The Illusion of the natural Sign. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992.
17. Leitch Thomas. Adaptation and Intertextuality, or, What isn't an Adaptation, and What Does it Matter? // A Companion to Literature, Film, and Adaptation. Ed. Deborah Cartmell. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012.
18. Stam Robert. "Introduction: The Theory and Practice of Adaptation." Literature and Film: A Guide to the Theory and Practice of Film Adaptation. Malden, MA: Blackwell, 2005. 1–52.
19. Tibbetts John, and James M. Welsh. Eds. The Encyclopedia of Novels into Films. 2nd edn. New York: Checkmen/Facts on File, 2005.
20. Voigts-Virchow Eckart. Introduction to Media Studies. Struttgart: Klett, 2005.

УДК 372.881.1: 377.1: 378.1

ПРИНЦИП ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ОТ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО К ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

***И. Н. Цюпко**, преподаватель факультета среднего профессионального образования Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;*

***Н. И. Балюк**, преподаватель факультета среднего профессионального образования Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Авторы статьи рассматривают принцип преемственности и непрерывности обучения иностранному языку от среднего профессионального к высшему образованию в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС как неперемное условие достижения эффективности обучения иностранному языку, что будет способствовать развитию интереса к будущей специальности.

Доступность образования понимается как возможность человека получать образование непрерывно, на протяжении всей жизни с тем, чтобы постоянно повышать уровень своих умений и навыков, которые будут способствовать развитию его творческих способностей. Особое место должно отводиться формированию у обучающихся логического и критического мышления и большую роль в этом играет изучение иностранного языка, а именно занятия по работе с иностранными средствами массовой информации. В процессе обучения необходимо делать акцент не на запоминание, а на процесс познания мира, нужно учить студентов ставить проблемы и находить пути их решения. Иностранный язык, следовательно, служит инструментом познания мира.

Авторами статьи сделана попытка выявить эффективные педагогические условия для реализации принципа преемственности обучения иностранному языку в среднем профессиональном учреждении (факультет СПО ДВИУ) и на первом – втором курсах высшего образования (ДВИУ).

Ключевые слова: преемственность обучения; непрерывность обучения; уровень среднего специального образования; профессиональная направленность обучения; мотивация; развитие логического и критического мышления; компетенция.

THE PRINCIPLE OF COMMUNITY OF A FOREIGN LANGUAGE TEACHING: FROM THE LEVEL OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION TO THE LEVEL OF HIGHER EDUCATION

I. N. Tsupko, lecturer of the faculty of secondary professional education of the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation

N. I. Balyuk, lecturer of the faculty of secondary professional education of the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation

The paper considers the problem of continuous professional education in the language teaching at the department of secondary vocational education and at the 1st and 2nd courses of the higher education departments at the Far East Institute of Management.

Access to education is understood as an opportunity to receive education continuously through life to improve knowledge and skills; it will contribute to the development of a person's creative abilities. A special place should be given to the students' logical and critical thinking development through a foreign language teaching.

In the process of education, it is necessary to focus students' attention not on memorizing but on the world cognition process, using a foreign language as a tool for it. Continuity in a foreign language teaching means that every next step of the educational process is a continuation and development of the previous one.

The article is aimed at determining the conditions targeted at promoting the continuity of the process of the students' teaching within a 2-level system; from the secondary vocational education to the higher education and indicating effective ways of achieving the necessary results.

Keywords: continuity of education; secondary vocational education level; professionally oriented education; motivation critical and logical thinking development; competence.

В статье рассматривается проблема преемственности в обучении иностранному языку в процессе непрерывного профессионального образования: колледж (среднее профессиональное образование) – институт (высшее образование).

Целью исследования является выявление эффективных педагогических условий для реализации принципа преемственности обучения иностранному языку в среднем профессиональном учреждении (факультет СПО ДВИУ) и на первом – втором курсах высшего образования (ДВИУ).

Теоретической базой статьи послужили работы Н. В. Кузьминой, Г. В. Костиной, М. В. Комаровой, А. К. Крупченко, А. Н. Кузнецова, М. А. Хлыбовой, которые раскрывают сущность преемственности на общенаучном и на конкретном практическом уровне обучения иностранному языку на стадии школа – среднее профессиональное учебное заведение – вуз.

Современное развитие и совершенствование системы образования в нашей стране предполагает его доступность, а именно, предоставление человеку возможности получать образование непрерывно, на протяжении всей жизни с тем, чтобы постоянно повышать уровень своих умений и навыков, которые будут способствовать развитию его творческих способностей.

Проблема преемственности обучения иностранному языку представляется актуальной, поэтому выбор методов обучения в цепочке: выпускные классы средней школы – колледж, дающий среднее специальное образование, – вуз, предоставляет возможности изучения иностранного языка в профессиональном обучении, последовательно поднимая уровень обучения на более высокую ступень. Это позволяет получить положительный опыт подготовленности к будущей специальности, способствует развитию интереса к профессии и лучшему владению иностранным языком [3].

В целях приведения локальных нормативных актов Российской академии народного хозяйства и государственной службы в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273–63 «Об образовании в Российской Федерации», приказами Минобразования России от 14 июня 2013 г. № 464 «Об утверждении Порядка организации и утверждения образовательной деятельности по программам среднего специального образования» и от 16 августа 2013 г. № 968 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего профессионального образования на основании решения ученого совета от 21 января 2014 г. Протокол № 1» был издан приказ от 31 января 2014 № 01–88 «Об утверждении Положений РАНХиГС о реализации программ среднего профессионального образования», на осно-

вании которого было утверждено Положение об организации и осуществлению в РАНХиГС образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования.

В 2017 г. Хабаровская банковская школа (колледж) Банка России вошла в состав Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) путем преобразования сначала в отделение, а с 2019 г. – в факультет среднего профессионального образования Дальневосточного института управления.

В настоящее время факультет среднего профессионального образования (СПО) осуществляет подготовку специалистов среднего звена по специальностям 38.02.07 «Банковское дело» и 38.02.01 «Экономика и бухгалтерский учет» на базе среднего общего образования (11 классов) и на базе основного общего образования (9 классов).

По окончании факультета студенты имеют возможность продолжить образование в Дальневосточном институте управления (ДВИУ) – филиале РАНХиГС по сокращенной (индивидуальной) программе высшего образования соответствующего направления.

В процессе работы над темой мы посчитали необходимым проанализировать уровень довузовского объема знаний по иностранному языку, а также объем знаний, полученных выпускниками средней школы, которые поступили на факультет СПО.

Для адекватного выбора технологии обучения иностранному языку в СПО и на первом курсе вуза после СПО, мы провели опрос, в котором участвовали 35 студентов 1 курса ДВИУ и 34 студента 1 курса СПО на базе 9 и 11 классов. Им была предложена анкета, в которой содержались вопросы как психологического характера, так и вопросы на выявление уровня знаний по английскому языку, их отношение к данному предмету в средней школе. Студентам, в частности, предлагалось ответить на вопрос, какие знания и умения они хотели бы получить в процессе изучения английского языка. Выяснилось, что у большинства студентов низкая мотивация к изучению иностранного языка, но при этом они хотели бы получить такие знания, которые позволили бы им осуществлять коммуникацию на английском языке, они хотят владеть разговорным иностранным языком.

Студенты отмечают, что плохое знание грамматики и недостаточный запас лексики не позволяют им использовать английский язык для межкультурного общения. При работе со студентами 1 курса СПО и вуза создается впечатление, что они, даже владея определенной лексикой, не могут составить предложение или высказывание, поскольку не могут применить грамматические структуры для построения предложения, то есть слова – отдельно, грамматика – отдельно. Как правило, они говорят, используя клише, которые они заучили наизусть в процессе изучения английского языка в средней школе.

Поэтому самые первые занятия мы вынуждены строить таким образом, чтобы студенты учились составлять собственные высказывания, пусть и простые, используя знакомую или выученную новую лексику, используя правильную грамматическую конструкцию, а не заучивали наизусть клише. Изучая тему «Моя семья», мы предлагали им придумать и рассказать о семье (можно о проблемной). Студенты были вынуждены выучить дополнительную лексику по теме и использовать ее в высказывании. Грамматический материал привязан к теме занятия.

Используя активную лексику для построения грамматически правильного предложения, студент получает возможность понять, что иностранный язык может использоваться для коммуникации и выражения своих мыслей, своей точки зрения. Занятия подобного типа оказались для студентов более интересными, они активнее задавали вопросы о семье и старались отвечать, используя новые слова и словосочетания, и делая попытку осознанно применять грамматические правила. Эти проблемы являются общими и для СПО и для студентов 1 курса вуза.

В цепочке среднее профессиональное образование – высшее образование в Дальневосточном институте управления теперь, когда первая ступень обучения (СПО) является неотъемлемой частью ДВИУ, а значит, и РАНХиГС, у нас имеется хорошая база для осуществления эффективного обучения и английскому языку также, в соответствии с дальнейшей профессиональной направленностью обучения.

Необходимо отметить, что выпускники средней общеобразовательной школы, поступившие после 9 или 11 класса в среднее профессиональное учебное заведение, не имеют никакого опыта учебной деятельности в новых условиях. У них возникает проблема адаптации к новому учебному статусу, что порой становится причиной разочарования первокурсников, если они не смогли успешно пройти адаптационный период. Кстати, эта проблема является не менее острой, если выпускник средней школы поступает в вуз, минуя ступень СПО.

Но система обучения в учебном заведении СПО может быть эффективной, если образовательный процесс организован в соответствии с принципом непрерывности и связанности и обучающихся мотивируют на дальнейшее обучение уже на другом уровне, а техникум является трамплином к получению высшего образования по выбранной специальности. На первый курс института он придет мотивированным, а значит, готовым к продолжению обучения на качественно новом уровне.

Уровни среднего профессионального образования (СПО) и высшего образования (ВО) по структуре и содержанию дисциплины «Иностранный язык» имеют определенное сходство. Суть преемственности в обучении иностранному языку состоит в том, чтобы каждая следующая ступень образовательной системы была бы продолжением и развитием предыдущей. Необходимо учитывать на высшей ступени то, что приобретено на предыдущих ступенях. Поэтому

содержание обучения иностранному языку на высшей ступени и содержание обучения на ступени СПО не должны быть изолированы и существовать сами по себе. Конечно, дисциплина, изучаемая в вузе, отличается от одноименной дисциплины, изучаемой в СПО. Вузовская дисциплина должна обладать большим информационным объемом, а значит, содержание одноименной дисциплины должно содержать дополнительную информацию и дополнительные элементы [1].

Установление сходства и различия состава дидактических единиц, предъявляемых студентам вуза и студентам среднего специального заведения, является необходимым условием осуществления принципа преемственности в обучении иностранному языку на разных ступенях обучения. Преемственность будет осуществляться успешно, если содержание и методы обучения иностранному языку в учебном заведении СПО и в вузе будут приведены в соответствие [2].

В процессе работы над темой мы сделали попытку проанализировать рабочую программу дисциплины по иностранному языку на базе СПО по специальностям 38.02.07 «Банковское дело» и 38.02.01 «Экономика и бухгалтерский учет» а также рабочая программа дисциплины «Иностранный язык»

Выяснилось, что цели, а также знания и умения, сформированные в процессе обучения иностранному языку в среднем специальном заведении и в вузе в основном совпадают, но вузовская программа дисциплины более конкретизирована.

Необходимо отметить также тот факт, что на базе 9 классов иностранный язык изучается в течение двух лет. На первом курсе количество часов составляет 3 часа в неделю и соответственно 52 часа в 1 семестре и 67 часов во втором. В течение первого года обучения студенты изучают дисциплину, которая называется «Иностранный язык», в рамках которой осваивается и закрепляется лексический и грамматический материал. На втором курсе студенты изучают дисциплину «Иностранный язык в профессиональной сфере».

Опыт работы позволяет нам говорить о том, что очень сложно сформировать у студента за один год такие знания в области грамматики, как видо-временные формы английского глагола в действительном и страдательном залоге, синтаксис, неличные формы глагола, инфинитивные, причастные и герундиальные обороты, согласование времен, косвенная речь, модальные глаголы и их эквиваленты. Тем более, что уровень знаний по иностранному языку у выпускников школы часто оставляет желать лучшего и освоить за один год такой объем грамматического материала представляется практически невозможным.

Для подготовки выпускников среднего профессионального образования к продолжению обучения иностранному языку на уровне высшего образования, необходимо на факультете СПО сформировать базу дисциплины «Иностранный язык», на основе которой он мог бы изучать этот предмет, но на более высоком уровне.

Большую помощь в решении этой проблемы могло бы оказать создание учебного пособия, которое опиралось бы на рабочую программу СПО и ВО и было бы профессионально ориентировано на экономическую специальность. Именно с первого курса необходимо изучать грамматику, лексику на несложных, но профессионально ориентированных текстах, тем самым осваивая экономические термины и понятия, которые помогут им в изучении своих специальных дисциплин.

Таким образом, в результате нашего исследования была выявлена проблема, которая на данном этапе развития Дальневосточного института управления представляется актуальной. В процессе исследования мы сделали попытку найти возможные пути ее решения, для чего считаем необходимым приведение в соответствие содержательной и методологической сторон обучения иностранному языку на факультете СПО и на ВО в ДВИУ путем учета и соблюдения преемственности процесса обучения.

Считаем необходимым создание учебного пособия, ориентированного на экономическую специальность. Для того чтобы процесс обучения иностранному языку был эффективными на уровне СПО и на уровне ВО, необходимо пересмотреть отношение к этому предмету у обучающихся и роли преподавателя. Иностранный язык, вне всякого сомнения, должен служить инструментом познания мира.

Список источников

1. Комарова М. В. Преемственность в обучении иностранному языку в средней и высшей школе: дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2002.
2. Крупченко А. К., Кузнецов А. Н. Основы профессиональной лингводидактики: моногр. М: АПК и ППРО, 2015.
3. Хлыбова М. А. Принципы проектирования содержания обучения иностранному языку в процессе непрерывного образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 1 (18).

УДК 81:37

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В. Н. Шашкова, доцент кафедры иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

Статья освещает результаты анализа лексического компонента оформления профессиональной коммуникации при описании референтной области «Задержание подозреваемого» при внимании к семантическим характеристикам номинативных единиц, предопределенным спецификой языкового строя английского и русского языков.

Ключевые слова: концептуальное поле; семантическое поле; референтная область; механизм номинации; метонимия; метафора; конверсия.

LINGUISTIC ANALYSIS OF THE COMPONENTS OF THE CONCEPTUAL FIELD “THE DETENTION OF A SUSPECT” IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

V. N. Shashkova, associate professor of the Chair of the Foreign and Russian Languages of the Lykhanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article elicits the results of the analysis of the lexical component of professional communication when describing the reference zone “The Detention of a Suspect” with regard to semantic characteristics of nominative units predetermined by the specificities of the language structure of English and Russian.

Keywords: conceptual field; semantic field; reference zone; nomination mechanism; metonymy; metaphor; conversion.

Обращение к проблеме выявления структуры концептуального поля «Задержание подозреваемого» на основании функционально-семантического принципа, а также анализ лексического состава соответствующих семантических

полей в разных языках обусловлены практической необходимостью овладения сотрудниками органов внутренних дел профессиональным тезаурусом и развития профессиональной коммуникативной компетенции не только на родном языке, но и на английском до уровня, позволяющего получать информацию из профессионально ориентированных текстов.

Базовым языком исследования для нас был английский, так как русский язык, являясь родным, давал основания для категоризации референтной области и классификации лексики, используемой для ее описания.

В ходе исследования было установлено, что объемные по количеству и гетерогенные по качеству элементов семантические поля «Задержание подозреваемого» и «Detention of a Suspect», представленные номинативными единицами на соответствующих языках, отражающими различные аспекты деятельности сотрудника правоохранительных органов в рамках соответствующей области референции, являются языковым воплощением соответствующего концептуального поля. Именно на этом основании номинативные единицы, относящиеся к соответствующим семантическим полям на двух языках, подлежат категоризации: концепт можно представить языковыми средствами в рамках микрополей, отражающих соответствующие аспекты референтной области.

Исследование опиралось на несколько подходов: на когнитивный, функционально-семантический, семасиологический и ономасиологический подходы к классификации номинативных единиц. При проведении анализа языкового компонента номинативных единиц семантических полей «Задержание подозреваемого» и «Detention of a Suspect» мы, с одной стороны, нацеливались на установление соответствий в плане языкового выражения, а с другой стороны, отмечали нестандартные случаи, которые по той или иной причине вошли в исследуемое семантическое поле.

Категоризация основывалась на тезисе о том, что структура концепта изоморфна структуре пропозиции, то есть включает в себя актантов, или действующих лиц, действия, производимые ими, объекты, на которые направлены действия, обстоятельства правонарушений, их результат в качестве основных «узлов», входящих в структуру пропозиции. Далее обозначенные области профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел получили более детальное освещение в виде лексических кластеров. К таким лексическим кластерам мы отнесли следующие группировки: субъекты (действующие лица); процессуальные действия сотрудников правоохранительных органов; названия оперативно-разыскных мероприятий; действия правонарушителей; документы; доказательства, включая виды законных доказательств, характеристики доказательств и представление доказательств.

Следует отметить тот факт, что при вычленении лексического наполнения поля мы работали с материалами, относящимися к профессиональному

юридическому дискурсу, обслуживающему административно-правовую сферу деятельности сотрудников органов внутренних дел, и оформленными в официально-деловом стиле [5; 6; 7]. Основные черты официально-делового стиля неизменно отражаются в лексическом его компоненте. Речь, в частности, идет о смысловой ясности, предельной точности, объективности, стандартизированнойности, стабильности и лаконизме уже на уровне комплексных номинативных единиц. Языковые черты административно-канцелярского подстиля, доминирующего в исследуемой референтной области, включают в себя особую терминологию, большое количество отглагольных существительных и случаев употребления герундия в английском языке, а также употребление существительных, называющих людей по их действиям и социальным ролям.

Посмотрим на перечисленные черты в их языковом воплощении. Примерами терминологических единиц являются следующие номинативные единицы: *prima facie evidence* – достаточные доказательства; *warrant of caption* – приказ о поимке беглого преступника; *judge's order* – постановление судьи; *search* – обыск; *seizure* – выемка; *detention* – задержание; *to complete a report* – составить протокол; *to clarify the rights* – разъяснить права; *to frisk the suspect* – обыскать подозреваемого.

К существительным, называющим людей по виду деятельности, социальным ролям в ситуации задержания подозреваемого, относятся следующие лексемы, часто формирующие комплексные номинативы: *attorney* – адвокат; *investigating officer* – следователь; *interrogator* – дознаватель; *head of the investigation body* – руководитель следственного органа; *counsel for the Prosecution / Prosecution Attorney* – обвинитель; *counsel for the Defence / Defence Attorney* – защитник; *justice* – судья Верховного Суда; *judge* – судья; *suspect* – подозреваемый; *offender* – правонарушитель; *detained person / detainee* – задержанный; *injured/aggrieved person/victim* – пострадавший / жертва; *physical person* – физическое лицо; *judicial entity* – юридическое лицо.

Отглагольные существительные в семантических полях в обоих языках включают в себя следующие номинативы: *detention* – задержание; *apprehension* – задержание; *order* – постановление; *warrant* – ордер; *decision* – решение; *search* – обыск; *seizure* – выемка; *conviction* – обвинение. Анализ формы английских номинативов позволяет заключить, что используется механизм конверсии, например: *search*, *order*, *warrant*, когда слово из глагола становится существительным, вступая в новую морфологическую парадигму; или слова образуются при помощи словообразовательных аффиксов: *to apprehend* → *apprehension*; *to convict* → *conviction*; *to detain* → *detention*; *to decide* → *decision*; *to seize* → *seizure*.

В номинативном поле концепта «The Detention of a Suspect» на английском языке особую группу представляют отглагольные существительные, а также формы герундия: *to be detained for further questioning* – быть задержанным для

дальнейшего допроса; to be suspected of having committed a crime – подозреваться в совершении преступления. Основанием для их разграничения является разное синтаксическое функционирование и возможность / невозможность принятия прямого дополнения.

Следуя уже разработанной системе выявления и анализа механизмов номинации, мы выделили «две большие группы: механизмы первичной (прямой) номинации, которые ведут к изменению сигнификативного компонента лексического значения, а также механизмы вторичной номинации, основанные на понятии семантической транспозиции, связанной с изменением семантической структуры слова» [1, с. 194; 2, с. 35–36; 3, с. 193–194; 4, с. 170–172].

Среди механизмов первичной (прямой) номинации было выделено уточнение сигнификативного значения слова посредством дополнительной лексической единицы или лексических единиц, формирующих комплексный номинатив. Структура комплексной номинативной единицы может быть вариативной. Самый распространенный вариант представлен добавлением определений к определяемому слову, которые могут иметь разную частеречную выраженность: physical/material evidence – физические / материальные доказательства; exculpatory evidence – оправдательные доказательства; corroborative/solid / cogent evidence – подтверждающие доказательства; circumstantial evidence/presumptive evidence – косвенные доказательства; arrest report/detention protocol – протокол задержания; Counsel for the Prosecution/Prosecution Attorney – прокурор; Counsel for the Defence/Defence Attorney – адвокат защиты; detained person – задержанное лицо.

Второй вариант задействует средства словообразования. Например: injured/aggrieved person – потерпевший (суффиксация выступает способом словообразования); first-hand evidence – непосредственные доказательства (словосложение является способом словообразования).

В рамках вторичной номинации были выявлены следующие механизмы:

1) семантическая транспозиция, включающая в себя:

– метонимию, понимаемую как перенос значения с процесса на результат этого процесса: detention/apprehension – задержание; arrest – арест; custody – взятие под стражу; conviction – осуждение; imposition of the sentence – наложение наказания; questioning/interview/interrogation – опрос/допрос; search – обыск; seizure – выемка/конфискация;

– метафору, трактуемую как перенос значения по схожести признаков: to catch red-handed – застичь на месте преступления; to pat down the suspect/to frisk the suspect – провести личный обыск подозреваемого; burden of evidence – бремя доказывания; preponderance of evidence – перевес доказательств.

Обратимся к анализу примеров. Выражение «to catch smb red-handed» не принадлежит официально-деловому стилю, при этом входит в профессиональ-

ный подъязык сотрудников органов внутренних дел. Оно основано на метафоре образа: поймать кого-то «на горячем», то есть на том, от чего руки становятся красными. Таким образом, можно говорить, что основным механизмом номинации в этом случае выступает метафора, при этом основана эта метафора на метонимическом переносе. Оба выражения для номинации ручного обыска «to pat down the suspect» и «to frisk the suspect» основаны на переносе специфических движений руками на процедуру соответствующего процессуального действия. «Burden of evidence» – бремя доказывания – это правило распределения между участниками уголовного процесса обязанности обосновывать наличие тех или иных обстоятельств, существенных для разрешения дела. Так как эта обязанность входит в их должностные полномочия, лексический эквивалент передается лексемой «burden» – бремя. Не углубляясь в анализ терминов вне нашей референтной области, отметим лишь, что бремя доказывания и обязанность доказывания, которая отмечена в российском законодательстве, не совпадают ни по семантическому наполнению, ни по сфере применения. Последний пример: «preponderance of evidence» характеризуется метафорическим употреблением первой лексемы *preponderance*, которая обычно актуализируется в лексико-семантическом варианте «перевес, преимущество, преобладание», в контексте анализируемой комплексной номинативной единицы в юридическом дискурсе имеет значение критерия доказанности в силу наличия более веских доказательств;

2) семантико-синтаксическая транспозиция, включающая в себя конверсию, которая затрагивает все лексические единицы со значением события, действия или вида деятельности, которые в английском языке подлежат выражению посредством именных групп с герундием и отглагольным существительным в их составе, которые при переводе на русский язык претерпевают семантико-грамматическую трансформацию, приобретая категориальную семантику существительного. Например: *frisking* – личный обыск; *questioning* – допрос.

Проведенный анализ позволил нам сделать заключение о том, что среди компонентов поля «*Detention of a Suspect*» в английском языке и «Задержание подозреваемого» в русском языке были выявлены доминантные механизмы номинации. Среди механизмов прямой номинации мы выделили уточнение сигнификативного значения номинативной единицы за счет введения в ее состав дополнительных лексических единиц. Среди механизмов вторичной, или косвенной, номинации мы выделили семантическую транспозицию, включающую метонимию и метафору, а также, для поля в английском языке, семантико-синтаксическую транспозицию, представленную механизмом конверсии.

Список источников

1. Шашкова В. Н. Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале

- русского и английского языков) // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сб. материалов III междунар. науч.-практ. конф. (26–27 марта 2018 г.) / под ред. О. Ю. Ивановой. Орел: ФГБОУ ВО ОГУ имени И. С. Тургенева, 2018. С. 192–199.
2. Шашкова В. Н. К вопросу о средствах и механизмах номинации лексических единиц в рамках лексико-семантической группы «Преступления» (на материале русского и английского языков) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2018. Т. 15, № 1. С. 33–37.
 3. Шашкова В. Н., Батцэнгэл Б. Синтаксические модели и механизмы номинации в комплексных номинативах, формирующих лексико-семантическую группу «Преступления» (на материале русского, английского и монгольского языков) // Филологический аспект: междунар. науч.-практ. журн. Н. Новгород, 2018. № 3 (35). С. 184–195.
 4. Шашкова В. Н., Баянжаргал Н. Сопоставительный анализ номинативных средств, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского, английского и монгольского языков) // Филологический аспект: междунар. науч.-практ. журн. Н. Новгород, 2018. № 1 (33). С. 161–172.
 5. Kendell John. Regulating Police Detention: voices behind closed doors. NY Publishing, 2018. 287 p.
 6. Police and Criminal Evidence Act 1984 (PACE). Code C. Revised Code of Practice for the Detention, Treatment and Questioning of Persons by Police Officers of November 2016. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/571722/57609_PACE_Code_C_2016_Web.pdf (дата обращения: 05.11.2019).
 7. Sweeny Kevin. Arrest, Detention and Questioning: Law and Practice, 2019. 435 p.

МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АНДРАГОГИКИ»
(11 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА)

УДК 378.1

**ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ПО ЗАОЧНОЙ ФОРМЕ ОБУЧЕНИЯ**

*А. Н. Древаль, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России, доктор
юридических наук, профессор*

Статья посвящена исследованию вопроса, связанного с реализацией права российских граждан на получение высшего образования по заочной форме обучения.

Ключевые слова: законодательство; конституционное право; высшее образование; формы получения образования; заочное обучение.

**ON OPTIMIZING EDUCATION
IN CORRESPONDENCE COURSES**

*L. N. Dreval, professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of
the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor*

The article is devoted to the study of the issue related to the realization of the right of Russian citizens to receive higher education in correspondence courses.

Keywords: legislation; constitutional law; higher education; forms of education; distance learning.

Андрагогика как современная педагогическая наука связана с получением знаний (образованием и самообразованием) взрослого человека, которое должно осуществляться с учетом его физиологических, социально-психологических, национальных и прочих особенностей.

В широком смысле андрагогику следует понимать как науку личностной самореализации человека в течение всей его жизни, поскольку многие люди раскрываются постепенно, накапливая опыт, умения и навыки в течение всей жизни.

Андрагогика способствует раскрытию личности, помогает найти свое место в жизни, реализовать свои скрытые способности. Это отчасти достигается посредством получения образования по заочной форме.

Специальным законом, регулирующим общественные отношения, связанные с реализацией конституционного права граждан на образование [1, ст. 43] и обеспечением гарантий в этой области, является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [2].

Согласно этому документу и иным нормативным правовым актам граждане могут получать высшее образование в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, по очной, очно-заочной, и заочной форме [2, ст. 17].

Как показывает практика, в числе приоритетных форм получения образования среди трудоустроенных граждан и лиц, имеющих семью, считается заочная форма.

Однако в последнее время очень часто в средствах массовой информации обсуждается проблема, лейтмотивом которой является то, что многие вузы некоторое время назад высказали желание от нее отказаться вообще. Обоснование – плохое качество подготовки обучающихся, минимальное получение профессиональных (специальных) знаний и умений.

Толчком к обсуждению исследуемого вопроса послужило выступление главы федерального Рособрнадзора С. Кравцова о ликвидации на перспективу рассматриваемой формы по юридическому, экономическому направлению и государственному и муниципальному управлению. Ее должна будет заменить очно-заочная форма, которая предполагает обязательное посещение занятий в вечернее время. В противном случае грозит отчисление.

Однако согласиться с данной идеей нельзя, поскольку по предлагаемой форме, во-первых, учиться будет сложнее; во-вторых, плата за очно-заочное обучение по предварительным расчетам может возрасти в два и более раза; в-третьих, сократится доступность образования для определенной категории лиц (например, иногородних); в-четвертых, работающие граждане со сменными графиками труда лишатся основного средства для повышения квалификации или изменения профессии.

Конечно, необходимо согласиться с тем, что в настоящее время качество заочного обучения падает. Однако, как утверждают сотрудники органов, работающих на практике, оно страдает и по очной форме.

Сегодня приходится констатировать, что существующая система образования не может обеспечить необходимого уровня профессионализма выпускников. Часто после окончания вузов они приходят на рабочие места неподготовлен-

ными и не знающими специфики той или иной профессии. Поэтому переход на очно-заочную форму не решит имеющуюся проблему.

Не исправит создавшееся положение во всей системе образования и ликвидация заочного обучения. Следовательно, необходимо менять подходы к организации процесса обучения по заочной форме.

Как минимум, нужно обратить внимание на следующее.

Во-первых, следует решить вопрос с составлением расписания учебных занятий. Оно должно быть «удобным» для заочников и учитывать то обстоятельство, что за короткие сроки (в рамках отведенного времени) обучающийся должен усвоить максимально большой объем материала по разным, но необходимым ему для профессии дисциплинам.

Необходимо учитывать, что целесообразней изучать не все дисциплины одновременно, а постепенно. Это значит, что имеется необходимость в изучении и закреплении полученных знаний сначала в полном объеме по одной дисциплине, и только затем по второй, третьей и т. д. в рамках учебно-экзаменационной сессии. При этом чтение лекций следует проводить в ее вначале. И не имеет значения, будут ли читаться лекции сразу по всем дисциплинам (все запланированное количество часов) или сначала по одной или нескольким из них.

Во-вторых, необходимо увеличить количество часов по преподаваемым дисциплинам базовой части рабочего учебного плана, при необходимости может даже за счет уменьшения специальных (мелких) дисциплин, поскольку некоторые из них (а иногда и большая их часть) может детальнее изучаться в качестве разделов (частей) уже имеющихся учебных циклов.

В-третьих, в целях лучшего использования межсессионного времени обучающимися по заочной форме нужно возобновить практику проведения в последние дни предыдущей учебно-экзаменационной сессии установочных лекций, чтобы заочники могли планировать организацию изучения дисциплин на следующий учебный год.

В-четвертых, необходимо установить разумный баланс (соотношение) семинарских и практических занятий. Перевес в сторону занятий, имеющих практическую направленность, установившийся в последнее время в образовательных организациях не всегда влияет на качество получения образования. Ведь не секрет, без хорошего знания теории невозможно приобрести практические навыки.

В-пятых, и, наверное, самое главное, в организации образовательного процесса по заочной форме (как ни в какой иной форме) должна учитываться последовательность прохождения дисциплин.

Более сложные дисциплины и дисциплины, базирующиеся на знаниях других спецкурсов должны изучаться на более поздних сроках или, как минимум, после изучения таковых.

На основании изложенного выше, можно сформулировать следующие выводы:

- 1) получение образования по заочной форме обучения имеет право на существование;
- 2) обозначенные предложения (при условии внедрения их в деятельность образовательных организаций) помогут эффективному взаимодействию между преподавателями и обучающимися по заочной форме и отразятся на результатах (качестве) получения образования по рассмотренной форме.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.12 № 273-ФЗ: ред. от 02.12.19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 37

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ К ОБУЧЕНИЮ ГРАЖДАН СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М. Н. Зинятова, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент;

А. Е. Шелковникова, специалист по учебно-методической работе кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России

Статья посвящена анализу и интерпретации данных, полученных в ходе социологического исследования мотивации к обучению граждан старшего поколения на примере посетителей кружков/клубов – граждан старшего поколения, обучающихся по программам, реализуемым в муниципальном автономном учреждении «Центр работы с населением “Содружество”» г. Хабаровска.

Ключевые слова: геронтопсихология; социализация; мотивация; обучение; методика.

THE PECULIARITIES OF MOTIVATION OF ELDERLY PEOPLE TO STUDY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

M. N. Zinyatova, head of the Department of Social and Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Philosophy, Associate Professor;

A. E. Shelkovnikova, specialist in educational and methodical work of the Department of Social and Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the analysis and interpretation of data obtained during a sociological research of the motivation of elderly people to study in the case of visitors to clubs studding in programmes in the municipal institution «Community service center “Sodruzhestvo”» of Khabarovsk.

Keywords: gerontopsychology; socialization; motivation; learning; method.

Социализация – непрерывный процесс овладения индивидом социальными нормами среды, в которой он существует, правилами, навыками и знаниями, позволяющими реализоваться в обществе будучи его неотъемлемым элементом. Иными словами, каждый из нас на протяжении всей жизни как губка впитывает в себя новую информацию, адаптируется к изменяющимся условиям динамичной социальной среды, получает опыт и выстраивает свою линию поведения, согласно усвоенным знаниям, применяя навыки, полученные в ходе непрерывающегося стихийного и целенаправленного обучения. Даже находясь в возрасте, в котором, казалось бы, все уже давно усвоено, человек продолжает развитие, примеряет новые социальные роли, реагирует на изменение собственного статуса в обществе, подстраивается, ищет новые пути самореализации.

Относительно социализации лиц пожилого возраста у ученых есть концепция, согласно которой существуют два типа социализации пожилых людей. Для первого типа характерно пассивное восприятие жизни. При таком типе социализации у пожилого человека сужается круг интересов, знакомств, пожилой человек закрывается от внешнего мира и отказывается реагировать на его трансформацию. В конце концов это ведет к неудовлетворенности собственной жизнью и к еще большему отчуждению. Второй тип характеризуется тем, что пожилой человек стремится к познанию новых социальных ролей, строит планы, стремится реализоваться в неизведанных жизненных обстоятельствах, принести пользу себе и другим.

Именно на второй тип социализации ориентирует процесс обучения в пожилом возрасте. Целью становится гармонизация отношений человека старшего поколения с окружающим миром и с самим собой.

Сегодня в городе Хабаровске существует достаточное количество учреждений, где люди пенсионного возраста могут пройти обучение по различным направлениям деятельности – от компьютерной грамотности до хорового пения – и то и другое достаточно распространено среди людей пожилого возраста. Особенной популярностью пользуются центры работы с населением города, оказывающие услуги широкого спектра, в том числе обучающие. Всего в городе на данный момент шесть таких центров, расположенных в разных районах. В этих учреждениях предусмотрены образовательные кружки по программам обучения граждан старшего поколения по следующим направлениям: изучение иностранных языков (английский, испанский), обучение работе за компьютером, обучение работе на смартфоне, ментальная арифметика, настольный теннис, шахматы и др. Обучение проводят квалифицированные преподаватели с педагогическим образованием и знаниями в области геронтологии и геронтопсихологии. Спрос

на данные виды услуг достаточно высок, как утверждают сами преподаватели и сотрудники центров работы с населением.

Нами было проведено социологическое исследование, цель которого – выявить причины, влияющие на мотивацию к обучению у лиц старшего поколения. Под мотивацией к обучению понимается совокупность внешних и внутренних движущих сил, побуждающих к целенаправленной познавательной и учебной деятельности. Объектом исследования является мотивация к обучению лиц старшего поколения. Предметом – особенности личной мотивации лиц старшего поколения. В качестве диагностического инструментария была разработана анкета, включающая в себя пять вопросов, касающихся целей и ожиданий от обучения лиц старшего поколения, а также их удовлетворенности процессом. Опрос проводился анонимно, респондентами выступили посетители кружков/клубов – граждане старшего поколения, обучающиеся по программам, реализуемым в муниципальном автономном учреждении «Центр работы с населением «Содружество»». Выборочная совокупность составила 200 человек. Данные исследования могут быть использованы для оптимизации процесса обучения, при разработке программ обучения для лиц пенсионного возраста в центрах работы с населением города Хабаровска.

Вначале респондентам был задан вопрос, касающийся продолжительности их обучения: «В течение какого времени Вы посещаете обучающие занятия в Центре?». Самым распространенным стал ответ «Более 5 лет» – так ответили 62 % опрошенных. Вторым по популярности стал ответ – «1 год – 3 года» – 25 % респондентов ответили так. 10 % выбрали ответ «Менее 1 года», оставшееся количество респондентов – вариант «Более 10 лет».

Исходя из данных, полученных с помощью ответов на первый вопрос анкеты, можно сделать вывод о высоком уровне системы формирования и поддержания мотивации к обучению в Центре, а также об устойчивости мотивации у самих посетителей кружков/клубов. Немаловажно, что большая часть респондентов (72 %), выбравших вариант ответа «Менее 1 года», отвечая на следующий вопрос анкеты, пояснили, что только недавно узнали о существовании Центра и возможности посещения обучающих занятий.

В следующем вопросе респондентам предлагалось ответить: «Что для Вас является основной причиной посещения обучающих занятий в Центре?». Вопрос был открытым для получения широкого спектра ответов и возможности увидеть полную картину. Самыми распространенными ответами стали утверждения о посещении с целью общения и расширения дружественных связей («Возможность общаться с единомышленниками», «Встреча со знакомыми», «Основная причина – общение») – 32 %; менее популярным, но достаточно частым был ответ о непосредственном стремлении к получению новых знаний, расширению кругозора («Хочу учиться новым технологиям, без них сейчас

никуда», «Всегда мечтала выучить иностранный язык, так хоть на старости лет исполню мечту») – 29 %; 15 % респондентов упомянули о стремлении победить скуку и разрушить рутину («Скучно дома, в четырех стенах, вот и пришла», «Не люблю сидеть дома»); 13 % отметили в качестве причины внешние рекомендации знакомых и членов семьи («Пришел за компанию с женой», «Соседка ходит, и я пошла»); 9 % основную причину видят в собственном росте над собой, удовлетворении своих амбиций и стремлении к самоутверждению; 2 % дали иные непопулярные ответы.

Исходя из данных, полученных из ответов на представленный вопрос, можно сделать вывод, что наибольший интерес для большинства респондентов представляет не сам процесс обучения и получения новых знаний в конкретных областях деятельности, а возможность общения и расширения круга социальных контактов. Ощущение принадлежности к социальной группе, формирование новых социальных связей и контактов для людей старшего поколения является ведущим и необходимым. Кроме того, важно отметить высокое стремление людей старшего пенсионного возраста к полноценной интеграции в современное общество и готовность ради этой цели осваивать совершенно новые формы деятельности.

Таким образом, основными факторами, влияющими на мотивацию лиц старшего возраста можно назвать:

- социальные отношения;
- расширение кругозора;
- внешние ожидания;
- личное продвижение;
- стремление избежать рутины.

Далее респондентам был задан вопрос об уровне их удовлетворенности образовательным процессом в Центре: «Насколько вы удовлетворены качеством предоставляемых образовательных услуг?». Большинство опрошенных выбрали вариант ответа «Полностью удовлетворен» – 79 %, 17 % предпочли вариант ответа «Скорее удовлетворен, чем нет», меньшая часть выбрала вариант ответа «Затрудняюсь ответить» или «Скорее не удовлетворен», вариант «Совершенно не удовлетворен» не выбрал ни один участник опроса.

В целом по данному вопросу можно сделать вывод о достаточно высоком уровне удовлетворенности образовательным процессом: практически все участники исследования довольны качеством предоставляемых услуг по части обучения. В этой связи можно говорить о высоком профессионализме педагогов и методиста Центра в создании наиболее благоприятной обстановки для самореализации внутри коллектива и удовлетворения социальных потребностей лиц старшего возраста.

В качестве итога следует отметить сходство и различия мотивации к обучению таких социальных групп, как школьники и студенты с одной стороны и лица старшего возраста – с другой. Безусловно, для обеих групп характерно высокое стремление к налаживанию социальных контактов, расширению круга знакомств, вовлечение и принадлежность к социальным группам. Однако для категории обучающихся школ и высших учебных заведений образовательная деятельность носит обязательный характер, в то время как для лиц старшего поколения – это исключительно добровольный выбор. Основным мотивом обучения у школьников является получение школьного аттестата, у студентов – диплома, который в будущем даст возможность к заработку, у лиц пожилого возраста это способ избежать одиночества и рутины в повседневной жизни. Стремление школьников и студентов к скорейшему окончанию периода обучения лица старшего возраста не разделяют, так как для них обучение – это в первую очередь способ удовлетворения собственных социальных потребностей. В связи с этим и способы формирования мотивации к обучению у лиц старшего возраста достаточно специфичны.

Начало серьезного, теоретического осмысления сущности и роли обучения пожилых людей было положено только в середине 70-х гг. Несмотря на это, на данный момент существуют множество методик обучения лиц старшего возраста, разрабатываются программы, ведется деятельность по усовершенствованию методик и практик. Обучающие клубы/кружки на базе центров работы с населением распространены и пользуются спросом, количество потребителей данных услуг каждый год увеличивается, что говорит о желании лиц старшего поколения быть интегрированными в современную социальную среду, быть ее функциональными элементами и вносить свой вклад. Таким образом, образование выступает для них «социальным лифтом» в полноценную жизнь.

УДК 378

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

***Н. В. Солдаткина**, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат экономических наук*

В статье рассматриваются проблемы и противоречия в образовании взрослых в соответствии с некоторыми их особенностями как отдельной категории обучающихся.

Ключевые слова: образование взрослых; андрагогика; потребности взрослых в образовании; особенности взрослого обучающегося.

PROBLEMS AND CONTRADICTIONS IN THE ADULT EDUCATION SYSTEM

***N. V. Soldatkina**, senior lecturer of the Department of Social and Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Economy*

This article deals with the problems and contradictions in adult education in accordance with some of their features as a separate category of students.

Keywords: adult education; andragogy; the needs of adults in education; features of an adult student.

Неоспоримым является тот факт, что как для общества в целом, так и для отдельной личности образование есть отражение тех изменений, которые характеризуют уровень развития процессов и явлений окружающего мира.

Особое место в системе образования занимает проблема образования взрослого человека, которая в настоящее время обретает особую значимость не только для отдельной личности, но и для общества в целом. Актуальность данной проблемы возрастает в силу таких причин и факторов, как:

- динамичный характер изменений в социально-экономической структуре общества, которые надо понимать, воспринимать и адаптироваться к ним;
- технологичность и новизна современных процессов и явлений, изменение форм, способов деятельности в разных областях и сферах жизни человека;

- формирование «информационного общества», для которого характерно стремительный рост объема и постоянное обновление информации, вследствие этого возникает необходимость приобретения новых навыков для работы с ней;

- возвышение значимости личностных качеств и способностей человека, имеющих направленность на самостоятельность и ответственность, целеустремленность, деятельностный подход в различных сферах жизнедеятельности;

- тенденции к самосовершенствованию и саморазвитию, переосмыслению жизненных ценностей, что характерно при переходе на новый уровень в удовлетворении индивидуальных потребностей в духовной и межличностной сфере.

Указанные факторы не исчерпывают все многообразие изменений в современном обществе, но приводят к возникновению некоторых субъектных противоречий у взрослых, подталкивающих их к осознанному принятию решения о получении или продолжении образования, и проявляются в диспропорции:

- между реальным уровнем знаний субъекта и необходимым для успешной профессиональной деятельности;

- между существующим уровнем знаний и требующимся для освоения социальных условий деятельности, социальных отношений, социальных норм и правил поведения;

- между стремлением глубже разбираться в себе как субъекте профессиональной деятельности и недостаточно развитой способностью к саморефлексии;

- между достигнутым уровне знаний человека и новыми проблемными задачами, выдвигаемыми самой личностью в процессе своего развития [1].

Известно, что потребности общества и личности – это первопричина возникновения всех научных отраслей. В связи с этим в педагогике получило развитие направление, связанное с удовлетворением образовательной потребности у взрослых, учитывающее их особенности в процессе обучения и раскрывающее проблемы организации образовательного процесса, – андрагогика.

Известный отечественный исследователь проблем особенностей образования взрослых М. Т. Громкова выделяет следующие функции научной области андрагогики, направленные на решение выше обозначенных проблем:

- компенсирование недостатков предыдущих уровней образования;
- регулирование отношений со стремительно меняющимся внешним миром (адаптационная функция);

- доступ к необходимой информации, ее поиск, отбор, систематизация, производство, использование (информационная функция);

- овладение новыми методами, способами действий (развивающая функция);

- обеспечение баланса собственно компетентности и современных требований к профессионалу;

- усвоение взрослыми социального опыта [2, с. 26].

Таким образом, предметом андрагогики является образование взрослых как процесс и результат, как деятельность, направленная на обретение образовательных ценностей [2, с. 27]. И на протяжении всего периода изучения и развития системы образования взрослых спорными остаются вопросы «Что значит взрослый?» и «Что значит его образование?».

В нашем обществе взрослым мы называем человека, достигшего физиологической, психологической и социальной зрелости, обладающего определенным жизненным опытом, сформировавшимся и постоянно растущим уровнем самосознания, который выполняет роли, традиционно закрепленные обществом за взрослыми людьми, и принимает на себя полную ответственность за свою жизнь и поведение [3].

Таким образом, в основе теории и практики обучения взрослого человека лежат его специфические черты как субъекта, достигшего определенной зрелости в своем развитии, и эти особенности обуславливают ряд проблем и противоречий в системе образования в целом и в системе высшего заочного образования в частности. Рассмотрим некоторые особенности более подробно.

Особое место в системе образования взрослых занимает удовлетворение образовательных потребностей. Прежде всего отметим ярко выраженные потребности взрослых в обучении, выраженные в целях получения образования и обусловленные внутренней и внешней мотивацией. Как известно, взрослого обучающегося отличает высокая мотивация, связанная с отношением к обучению как средству решения жизненно важной проблемы и достижения конкретной цели в профессиональной деятельности.

В зависимости от контекста жизненного пути и соответствующих ему проблем определяются и цели обучения, которые с условной вероятностью попадают в одну из следующих групп мотивации:

- получение именно высшего образования (профильного), в данном случае самообразовательный процесс как вид деятельности особой ценности не представляет;
- получение новых знаний в профессиональной деятельности, в этом случае особое место отводится повышению квалификации, и как следствие – ориентации на практическую ценность полученных знаний, умений и навыков;
- получение новых знаний, не связанных с профессиональной деятельностью, тогда целью образования выступает саморазвитие, самосовершенствование себя как личности.

Анализ результатов исследований, посвященных изучению удовлетворенности образовательным процессом в высшем учебном заведении, показывает, что среди взрослых обучающихся (результаты опроса обучающихся заочной формы обучения) доминируют первые два мотива, причем они тесно связаны. Это выражено в формулировке ответов на вопрос: «Почему Вы поступили в наш

вуз?»). Около половины респондентов (45 %) ответили, что получение высшего юридического образования рассматривается ими как преодоление барьеров в продвижении по службе, в получении вышестоящей должности. Наряду с этим получение образования, соответствующего профессиональной деятельности, усиливает его прикладную ценность: 76 % опрошенных отметили значимость именно профильного (юридического) образования, а также практически во всех фокус-группах была указана особая роль практических занятий в образовательном процессе¹. В результате снижение ценности самой образовательной деятельности компенсируется усилением значимости ее практической (прикладной) составляющей. Таким образом, образовательные запросы взрослых связаны с потребностями в изменениях в профессиональной сфере и решением конкретных жизненных проблем.

Можно отметить, что проблема прагматизации обучения взрослых, в том числе и его целей, характерна для всей системы образования. К причинам относят:

- дезориентацию человека в мире ценностей и идеалов и в связи с этим снижение значимости гражданской и общественной культуры;
- пассивность потребностей людей в образовательной деятельности;
- подавление, в том числе и средствами массовой коммуникации, духовных и творчески образованных инициатив, снижение роли формального образования и усиление роли информального, имеющего направленность на формирование обыденного сознания и социальных стереотипов [4, с. 61].

Следующая особенность в образовании взрослых – наличие у них определенного жизненного опыта и социальной позиции. Особенность в том, что дети как обучающиеся – это «пустой сосуд», который постепенно наполняется знаниями, а взрослые – это «сосуд, наполненный конкретным социальным опытом». Жизненный опыт не только характеризует человека как взрослую и зрелую личность, но и приводит к некоторым проблемам, решение которых взрослые видят в получении образования.

Во-первых, большинство взрослых, как правило, имеют представление о том, как должна быть организована образовательная деятельность, исходя из собственного опыта получения школьного, профессионального образования. При этом часто можно наблюдать у этой категории обучающихся усвоенные ранее «ученические» модели поведения, связанные с мотивом получения образования «для школы», а не «для жизни». Например, недостаточно осознанное отношение к обучению в школе может в дальнейшем проявиться в учебном процессе в том, что взрослые становятся в психологическую позицию «Я – дитя» и ждут

¹ Социологическое исследование «Удовлетворенность образовательным процессом курсантов и слушателей ФГКОУ ВПО ДВЮИ МВД России», кафедра социально-гуманитарных и экономических дисциплин, 2019 год (5 фокус-групповых интервью слушателей факультета заочного обучения ДВЮИ МВД России, 48 респондентов); научный руководитель – кандидат социологических наук Е. А. Клеймёнов.

указаний для записей на занятия, воздерживаются от высказывания своего мнения или коллективной коммуникации [2, с. 13].

Во-вторых, на младших курсах можно отметить в подготовке к занятиям доминирование репродуктивных методов, сформированных в школе, вместо рефлексивного и деятельностного подхода. Это обусловлено жизненной позицией взрослых, поскольку часто учебный процесс рассматривается ими как вспомогательный, дополнительный вид деятельности. Решение этой проблемы зависит от опыта и профессионализма педагога, способного работать со взрослой аудиторией, находить «точки соприкосновения» изучаемых теоретических понятий, процессов и явлений с повседневными жизненными реалиями взрослого человека. Так, организация и проведение занятий семинарского типа на основе деятельностного подхода может осуществляться в формате круглого стола, где взрослые обучающиеся выступают в роли экспертов по рассматриваемой проблеме.

В-третьих, на почве разных социальных позиций возникают разобщения в учете личностных интересов и потребностей обучающихся, связанных непосредственно с их квалификацией или занимаемой должностью. Педагогу необходимо адаптировать учебный материал таким образом, чтобы учесть специфику разных категорий сотрудников в одной группе, что достаточно проблематично в виду ограниченности учебных занятий по времени.

В-четвертых, можно отметить особенность характера субъект-субъектных отношений в обучении взрослых. Часто опыт взрослого обучающегося в некоторых практических вопросах превосходит опыт преподавателя. Поэтому неуместны такие формы взаимодействия между педагогом и обучающимся, как менторство, наставничество, дидактизм. Взаимодействие должно выстраиваться на основе партнерских отношений, когда педагог организует учебный процесс таким образом, чтобы имеющиеся навыки обучающихся способствовали обогащению учебного материала, а занятия обеспечивали удовлетворение образовательных потребностей исходя из их практической значимости для решения повседневных проблем взрослых.

В целом решение выделенных проблем и противоречий находится в рамках андрагогического подхода, который основывается на особенностях взрослых как отдельной категории обучающихся и создает условия для их профессионального и личностного саморазвития, необходимых для самореализации личности и улучшения ее жизнедеятельности.

Таким образом, образовательные модели андрагогики состоят в предотвращении и разрешении указанных проблем и противоречий. Поскольку одной из задач образования взрослых является реализация их потребности в личностном развитии и самосовершенствовании, система образования взрослых должна быть ориентирована не только на профессиональную подготовку, но и на изменение

ценностно-смысловых установок педагогов, работающих с этой категорией обучающихся.

Список источников

1. Гавриленко Е. Р. Андрагогические условия образования взрослых // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2010. № 2 (4) // Cyberleninka: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/andragogicheskie-usloviya-obrazovaniya-vzroslyh> (дата обращения: 06.02.2020).
2. Громкова М. Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых: учеб. пособие для системы доп. проф. образования; учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 495 с.
3. Базарова Г. Особенности обучения взрослых // Hr-Portal: [сайт]. URL: <https://hr-portal.ru/article/osobennosti-obucheniya-vzroslyh> (дата обращения: 06.02.2020).
4. Шнейдер М. Я. Российское образование – гуманитарный или технократический проект? // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 58–66 // ЭСМ. Федеральный образовательный портал. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/07/13/1266643497/Shneider.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖВУЗОВСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ»
(25 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА)**

УДК 343.13

**НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
О ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ**

***К. А. Костенко**, заведующий кафедрой уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*

В статье рассматриваются процессуальные особенности проведения проверки сообщения о преступлении и расследования уголовного дела по фактам совершения медицинскими работниками неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Автор отмечает, что в числе таких особенностей проведение практически всего спектра процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ; приглашение на большинство следственных и процессуальных действий специалиста-медика и др. При этом на первый план выходит необходимость понимания следователем медицинской терминологии и медицинских нормативных актов.

Ключевые слова: ятрогенное преступление; медицинский работник; Следственный комитет Российской Федерации; расследование преступлений.

**SOME PROCEDURAL FEATURES OF PROCEEDINGS
IN CRIMINAL CASES OF IATROGENIC CRIMES**

***K. A. Kostenko**, head of the Criminal Procedure Department of the Khabarovsk branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

The article deals with the procedural features of verification of a crime report and investigation of a criminal case on the facts of careless crimes committed by medical workers related to improper medical care. The author notes that among these features: conducting almost the entire range of procedural actions provided for by the criminal procedure code of the Russian Federation; inviting a medical specialist to most investigative and procedural actions, etc. At the same time, the need for the investigator to understand medical terminology and medical regulations comes to the fore.

Keywords: iatrogenic crime; medical worker; Investigative Committee of the Russian Federation; investigation of crimes.

Ятрогения (ятрогенная патология) – это дефект оказания медицинской помощи, выраженный в виде нового заболевания или патологического процесса, возникшего в результате как правомерного, так и неправомерного осуществления профилактических, диагностических, реанимационных, лечебных и реабилитационных медицинских мероприятий (манипуляций) [4, с. 19].

Следственная и судебная практика свидетельствует, что наиболее распространенными поводами к возбуждению уголовного дела по факту неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ), или так называемых ятрогенных преступлений, являются:

- поступившие в правоохранительные органы или СК России заявления и жалобы граждан о том, что смерть их родственника (или иного близкого для них лица) наступила в результате одного или нескольких необоснованных действий, медицинского(их) работника(ов): неверной диагностики; неправильно выбранных методов лечения; отсутствия должного внимания к пациенту; передозировки лекарственными препаратами; неоказания или несвоевременном оказании медицинской помощи конкретными медицинскими учреждениями или должностными лицами и др. (как повод следует относить к заявлению о преступлении в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ);

- добровольное письменное или устное сообщение медицинского работника о совершенном им преступлении (явка с повинной) – в качестве повода для возбуждения уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) в практике встречается достаточно редко, между тем в практическом понимании она может быть получена от медицинского работника, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела;

- жалобы в вышестоящий орган здравоохранения о некачественном оказании медицинских услуг, что привело к причинению тяжкого вреда или смерти пациента; сведения из медицинских учреждений (например, из моргов по ре-

зультатам вскрытия трупа, из хирургических отделений по итогам операционных вмешательств и др.); сведения из средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет; сведения из фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС) о некачественном оказании медицинских услуг; сведения, полученные при расследовании других преступлений (убийств и покушений на них, умышленного причинения различной степени тяжести вреда здоровью, дорожно-транспортных происшествий с тяжкими последствиями и т. д.) – следует относить к сообщениям о совершенном или готовящемся преступлении, полученным из иных источников в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ;

– фактические данные, полученные в связи с общенадзорной работой прокуратуры (сведения, полученные при рассмотрении обращений или результаты прокурорских проверок). Являются самостоятельным поводом и в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ оформляются постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Основанием для возбуждения уголовного дела по факту неосторожных преступных действий, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, необходимо относить достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ), при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу.

В общем понимании достаточность данных – это признаки, которые указывают (прямо или косвенно) то, что медицинским работником совершены противоправные, преступные действия. При всем многообразии таких признаков следует привести некоторые из них.

В частности, при получении информации о смерти или получении тяжкого вреда здоровью человека могут быть получены следующие данные:

- о смерти молодого или здорового (по медицинским данным) человека после (или в ходе) плановой хирургической операции;
- об удалении в ходе хирургической операции какого-либо органа, что ранее не планировалось;
- об оказании медицинским работником первичной явно некачественной медицинской помощи;
- о внесении изменений в первоначальные записи истории болезни или уничтожении истории болезни и (или) имеющих значение для операции (лечения) предметов (инструментария, упаковок от медикаментов, предметов, обнаруженных при повторных операциях, и т. д.);
- об употреблении медицинским работником алкоголя или наркотических средств перед проведением хирургической операции;

- об использовании нестерильного инструментария, перчаток и т. п. при оказании медицинской помощи в условиях стационара или поликлиники;
- об обнаружении в морге в ходе вскрытия трупа в теле человека постороннего предмета (в ситуации, когда пациент умер через непродолжительное время после хирургической операции).

Таким образом, основания для возбуждения уголовного дела по случаям ненадлежащего оказания медицинской помощи образуют фактические данные, достаточные для предположения о совершении медицинским работником деяния, подпадающего под признаки преступлений предусмотренных ч. 2 ст. 109 или 118 ч. 2 УК РФ.

Процессуальными особенностями проведения проверки сообщения о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, является то, что при ее проведении следователем могут проводиться практически все процессуальные действия, предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Еще одной особенностью является то, что на первый план выходит необходимость понимания следователем медицинской терминологии и медицинских нормативных актов, в числе которых: протоколы ведения больных, содержащие общее описание действий медицинского работника при том или ином заболевании; медицинские инструкции и методические рекомендации; акты, регламентирующие правила оказания медицинской помощи; стандарты оказания медицинской помощи. Эти документы содержат основные принципы и подходы к профилактике, диагностике и лечению заболевания, а также тактику ведения больных с той или иной патологией [2, с. 10–11].

На первоначальном этапе процессуальной проверки по факту ненадлежащего оказания медицинской помощи необходимо оперативно изъять медицинскую документацию, так как основные объективные обстоятельства рассматриваемого преступления могут быть установлены только по результатам проведения сложных экспертиз и исследований.

Следует учитывать, что информация (сведения) о факте обращения гражданина за медицинской помощью, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. В связи с этим при истребовании такой информации до возбуждения уголовного дела необходимо учитывать и доводить до сведения должностных лиц медицинской организации позицию Конституционного суда РФ, которая заключается в том, что в случае, когда сведения о причине смерти и диагнозе заболевания пациента должны быть доступны заинтересованному лицу в силу закона, сохранение в тайне от него информации о предпринятых мерах медицинского вмешательства, в частности о диагностике, лечении, назначенных медицинских препаратах, не может во всех случаях быть оправдано

необходимостью защиты врачебной тайны, особенно с учетом мотивов и целей обращения за такими сведениями [1].

Между тем в случае затруднений в истребовании медицинской документации до возбуждения уголовного дела следует получить согласие гражданина или его законного представителя (ч. 3 ст. 11 ФЗ-323 от 21 ноября 2011 г.). В иных случаях потребуются возбуждение уголовного дела и производство выемки таких документов на основании судебного решения в соответствии со ст. 165, 183 УПК РФ.

Одним из наиболее ответственных этапов проведения проверки в порядке ст. 144 УПК РФ является назначение и производство экспертизы. Между тем необходимо учесть, что проведение той же комиссионной судебно-медицинской экспертизы при неблагоприятном исходе оказания медицинской помощи на этом этапе работы следователя, как правило, нецелесообразно. Является очевидным, что сроки такой экспертизы превысят максимальный срок, до которого может быть продлен срок проверки (30 суток), а поспешность производства такой экспертизы может отразиться на ее качестве. Поэтому оптимально назначить такую экспертизу после возбуждения уголовного дела. Следует заметить, что это не касается экспертиз трупа и иных биологических объектов, которые быстро изменяются во времени, – в отличие от информации, изложенной в медицинских документах [6, с. 3–4].

Исходя из уголовно-правовой характеристики преступлений (см. § 4.1), содержание предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) по данным уголовным делам образуют следующие обстоятельства [4, с. 18–19]:

- 1) кто источник информации;
- 2) при каких обстоятельствах, как и когда стало известно о причинении смерти или вреда здоровью при оказании медицинской помощи;
- 3) причина смерти и тяжесть причиненного вреда здоровью;
- 4) наличие прямой причинной связи между наступившими последствиями и дефектом оказания медицинской помощи;
- 5) точное место, где был причинен вред здоровью (в амбулаторных условиях, в стационарных условиях, дома, на улице и т. д.);
- 6) объективная характеристика потерпевшего (потерпевших);
- 7) какие события предшествовали моменту оказания/неоказания медицинской помощи;
- 8) непосредственный момент оказания медицинской помощи;
- 9) какие конкретно действия не были совершены, а также какие пункты инструкций или положений нарушены?
- 10) наличие и идентификация материальных и идеальных следов преступления;

11) причастность к причинению вреда здоровью или смерти конкретных медицинских работников;

12) каковы особенности организации работы медицинской организации, силами и средствами которой оказывалась медицинская помощь;

13) должностные лица ответственные за организацию работы медицинского работника, непосредственно причинившего вред здоровью или смерть;

14) наличие (или может еще проводится) врачебной комиссии медицинской организации (ВКМО) по данному факту;

15) не пытались ли виновные скрыть факт преступления;

16) какие основные мотивы действий лиц, участвовавших в сокрытии преступления от учета;

17) наличие изменений в интересующих медицинских документах;

18) конкретные лица, которые должны были или могли находиться во время и в месте совершения преступления;

19) наличие обстоятельств, способствовавшие совершению преступления.

20) имеются ли обстоятельства, исключающие противоправность деяния.

В соответствии с ч. 3 ст. 150 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенном вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 118 УК РФ) расследуются дознавателем. В случае наступления последствий в виде смерти потерпевшего (ч. 2 ст. 109 УК РФ), в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, расследование проводит следователь. В данном случае – это следователь СК России.

Если рассматривать, например, преступление, предусмотренное ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному), то предварительное расследование по таким преступлениям производится, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, следователями органов внутренних дел.

При расследовании преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, особенно важным является использование специальных познаний в области медицины. В связи с этим привлечение соответствующих специалистов при расследовании преступления является обязательным.

Учитывая, что при расследовании неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, следователь нередко сталкивается с фактором противодействия и корпоративной солидарности медицинских работников, то в этих условиях возрастают требования к выбору специалиста-медика.

Специалисты-медики приглашаются: для производства осмотра места происшествия в медицинских организациях; осмотра трупа; производства осмотра, выемки или обыска медицинской документации, медицинских препа-

ратов и инструментария; допроса подозреваемого (обвиняемого) медицинского работника и (или) проведения с ним очной ставки и др.

Такие специалисты дадут следователю консультацию в вопросе установления различий при регламентации медицинской деятельности, в частности, относительно таких видов дефектов оказания медицинской помощи, как несчастные случаи, когда врач действовал правомерно, но не мог предвидеть и предотвратить нежелательное; случайное стечение обстоятельств; врачебные ошибки при отсутствии признаков умышленного или неосторожного преступного деяния и др.

Значительная часть лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, обладает специальными знаниями в области медицины. Поэтому следователю следует учитывать данный фактор при расследовании преступления. Это могут быть врач, фельдшер, медицинская сестра, акушерка. При этом, если мы говорим о ненадлежащем оказании медицинской помощи, в первую очередь следует рассматривать процесс осуществления этими лицами своих профессиональных обязанностей, в период исполнения которых они не являются должностными лицами.

Достаточно распространенная ситуация при расследовании преступлений в отношении медицинских работников – это полное или частичное непризнание вины в смерти пациента или причинении вреда его здоровью. В связи с этим, в случае возможности, следователь должен прибегнуть к производству такого следственного действия, как очная ставка, даже в случаях, когда противоречия в показаниях допрашиваемых лиц отсутствуют.

Необходимо также отметить, что «проведение очной ставки, даже при отсутствии противоречий в показаниях участников на практике положительно сказывалось на дальнейшем расследовании и рассмотрении уголовного дела в суде за счет того, что, таким образом, в том числе, проверялась способность свидетеля или потерпевшего публично дать уличающие показания, а также одновременно реализовывалось право подозреваемого (обвиняемого) на допрос указанных участников процесса» [4, с. 34].

В рассматриваемом случае имеется ввиду реализации положений ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ, когда суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, а также воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, в том числе ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому ранее по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц установленными законом способами (например, задать вопросы потерпевшему или свидетелю в ходе очных ставок и т. д.).

Подводя итоги, необходимо отметить, что проведение проверки и расследование уголовного дела, связанного с ненадлежащим исполнением медицинскими

работниками профессиональных обязанностей, имеет свои процессуальные особенности.

Данные в статье рекомендации могут быть полезны следователю при производстве проверочных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий. Однако разнообразие способов совершения неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками профессиональных обязанностей, диктуют необходимость тщательной подготовки к каждому следственному и иному процессуальному действию и неукоснительного соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства.

Список источников

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зубкова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 2, 3 и 4 статьи 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: определение Конституц. суда Рос. Федерации от 09.06.2015 № 1275-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Багмет А. М., Черкасова Л. И. Процессуальное значение проведения следственного эксперимента по делам о преступлениях, совершенных медицинскими работниками // Рос. следователь. 2014. № 10.
3. Гецманова И. В. Актуальные вопросы правовой оценки и расследования преступлений, связанных с дефектами оказания медицинской помощи // Медицин. право. 2007. № 2.
4. Казачек Е. Ю., Киселёв Е. А. Расследование причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей: учеб.-практ. пособие / Пятый факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровске) ИПК ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», 2016.
5. Костенко К. А. Очная ставка в уголовном процессе России: вопрос о внесении изменений давно назрел! // Рос. следователь. 2018. № 9.
6. Сергеев Ю. Д., Ерофеев С. В. Экспертно-правовые аспекты ненадлежащего оказания медицинской помощи // Медицин. право. 2014. № 6.

УДК 343

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ТЯЖКИХ И ОСОБО ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

***Т. В. Осипова**, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*

В статье рассмотрены процессуальные особенности установления обстоятельств, входящих в специальный предмет доказывания по уголовным делам, совершенным несовершеннолетними и подлежащих доказыванию наряду с общими обстоятельствами, предусмотренными в ст. 73 УПК РФ.

Ключевые слова: специальный предмет доказывания; несовершеннолетний; уровень психического развития; психолого-психиатрическая экспертиза.

PROCEDURAL FEATURES OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES OF SERIOUS AND ESPECIALLY SERIOUS CRIMES COMMITTED BY MINORS

***T. V. Osipova**, senior lecturer of the Criminal Procedure Department of the Khabarovsk branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

The article considers the procedural features of establishing the circumstances included in the special subject of proof in criminal cases committed by minors and subject to proof, along with the General circumstances provided for in article 73 of the criminal procedure code of the Russian Federation.

Keywords: special subject of proof; minor; level of mental development; psychological and psychiatric examination.

Тема о правонарушениях, совершаемых подростками, мало кого оставляет равнодушным. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации показывает, что при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, а также уголовных дел, совершенных в отношении несовершеннолетних, возникают существенные проблемы, а также допускаются ошибки. В основном это ошибки, связанные с решением вопросов психологического содержания. Например, такие, которые связаны с установлением:

- уровня психического развития несовершеннолетнего, совершившего преступление;
- психологических признаков достоверности показаний несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля;
- психологических признаков беспомощного состояния несовершеннолетнего;
- психического состояния подозреваемого, обвиняемого в возрасте старше восемнадцати лет для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройств.

Названная категория дел с 2012 г. расследуется следователями Следственного комитета Российской Федерации. С 26 ноября 2019 г. в главных следственных управлениях Следственного комитета России (с дислокацией в шести городах России), входящих в состав центрального аппарата Следственного комитета России, созданы специализированные отделы. Среди этих отделов создан отдел по расследованию преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних или совершенных несовершеннолетними (штатная численность – девять человек). Такие же специализированные отделы расследуют преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних или совершенные несовершеннолетними, и в следственных управлениях Следственного комитета по субъектам России.

Согласно статистическим данным Следственного комитета по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области, следователями в 2019 г. было рассмотрено 1 164 сообщения о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних (2018 г. – 1 128), по которым было принято 784 решения об отказе в возбуждении уголовного дела (2018 г. – 696). Было возбуждено 340 уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних (2018 г. – 351), из них о преступлениях против жизни и здоровья – 59 (2018 г. – 60), о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних – 183 (2018 г. – 226), о совершении имущественных преступлений – 20 (2018 г. – 16), о преступлениях ятрогенного характера – 13 дел (2018 г. – 14), по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних – 14 (2018 г. – 7) [1]. Анализируя данную статистику, можно отметить незаметное, но снижение преступлений в данном направлении.

Уголовные дела, расследуемые в отношении несовершеннолетних лиц, имеющие особый статус, требуют доказывания специального предмета. Иными

словами, нужно устанавливать особый круг обстоятельств наряду с общими обстоятельствами, предусмотренными в ст. 73 УПК РФ.

Специальный предмет доказывания по делам несовершеннолетних обусловлен установлением различных демографических, правовых, социально-психологических и других данных, имеющих особое значение для применения разумных и гуманных мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. Перечисленные дополнительные обстоятельства устанавливаются требованиями ст. 421 УПК РФ, подлежащими установлению наряду с доказыванием обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Одним из таких обстоятельств является определение уровня психического развития несовершеннолетних (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ).

Требования выявлять специфические обстоятельства, касающиеся психического развития личности несовершеннолетнего, закреплены и в уголовно-правовой норме ст. 89 УК РФ. Следовательно в уголовном деле должны быть собраны сведения об основных чертах характера несовершеннолетнего.

К таким сведениям можно отнести: привычки, интересы и увлечения; способность противостоять соблазнам и негативным влияниям, способность к разумному поведению в конфликтных, в том числе противоправных ситуациях, склонность к подражанию, внушению, фантазированию, жестокости или мстительности. Такие сведения необходимо получать из показаний соучастников преступления, родителей, учителей, тренеров, соседей, характеристик, историй болезни, амбулаторных карт и др. источников доказательств.

Кроме этого, должно быть выявлено состояние здоровья несовершеннолетнего, физические и психические недостатки. Данные сведения должны учитываться следователем в обязательном порядке при избрании такому подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения.

Особенно важным обстоятельством является выяснение данных, свидетельствующих об отставании несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством. Первоначально сведения о возможной психической отсталости следователь получает из допросов родителей, опекунов, педагогов и других лиц. Далее информация подтверждается документально, истребованием выписки из истории болезни и других медицинских документов, в которых могут содержаться данные об уровне интеллектуального развития обвиняемого. Если информация подтверждается, следователь назначает комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу.

Исследования особенностей психики несовершеннолетнего обвиняемого, имеющего такие физические недостатки, как глухота, немота, слепота, определяются также назначением судебной комплексной психолого-психиатрической либо судебной медико-психологической экспертизами.

При оценке заключений судебных экспертиз и других собранных по делу доказательств следует учитывать, что умственная отсталость, не связанная с психическим расстройством, не исключает вменяемости несовершеннолетнего и рассматривается как конкретизация состояния вменяемости, при которой обвиняемый может испытывать затруднения в смысловой оценке своих действий, в прогнозе и учете важных обстоятельств, в выборе, планировании и контроле своих поступков, в осуществлении конкретных мотивов.

Если установлено, что несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного ч. 1, 2 ст. 20 УК РФ, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ), а дело подлежит прекращению по основаниям, указанным в п. 2 ст. 24 и ч. 3 ст. 27 УПК РФ.

Несовершеннолетнему свидетелю, потерпевшему обязательно проведение судебно-психологической экспертизы, когда необходимо установить его психическое состояние ввиду сомнения в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать об этом показания (п. 4 ст. 196 УПК РФ).

Для установления способности потерпевшего, свидетеля давать правдивые показания необходимо привлечение специалистов, как при проведении доследственной проверки, так и в ходе расследования уголовного дела (педагог, психолог). Также требуется проведение судебно-психологической экспертизы несовершеннолетнему потерпевшему, когда необходимо установить беспомощность жертвы как основной элемент составов преступлений, предусмотренных ст. 13, ст. 132 УК РФ, а также квалифицирующих признаков составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 120, 125 УК РФ. По уголовным делам о преступлениях краевой подсудности (ч. 3 ст. 31 УПК РФ) рекомендуется проводить комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу несовершеннолетним обвиняемым во всех случаях [2].

С учетом изложенного отметим, что основной процессуальной формой определения уровня психического развития несовершеннолетних (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ) является назначение различных судебных экспертиз. Следователь, не обладающий психологическими познаниями, не всегда в полном объеме предоставляет материалы, для проведения объективной, всесторонней судебной экспертизы. Органами предварительного следствия не всегда правильно и своевременно назначаются судебные психологические, психиатрические либо комплексные психолого-психиатрические экспертизы по уголовным делам указанной категории.

Учитывая особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, в помощь следователям Следственного управления Следственного комитета по Камчатскому краю разработаны методические указания по сбору материалов для перечисленных судебных экспертиз совместно с прокуратурой Камчатского края и Краевым бюджетным учреждением здравоохранения «Камчатский краевой психоневрологический диспансер».

Список источников

1. Методические рекомендации Следственного управления Следственного комитета РФ по Камчатскому краю. Петропавловск-Камчатский, 2013.
2. Статистические сведения СУ СК РФ по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области. Хабаровск, 2020.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСМОТРЕ СРОКОВ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

*С. А. Петров, старший преподаватель кафедры криминалистики
Дальневосточного юридического института МВД России*

Статья посвящена рассмотрению вопроса о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство по условиям приостановления предварительного следствия. Представляется, что по основаниям, предусмотренными п. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, следователю должно быть предоставлено право приостановить уголовное дело до истечения срока следствия.

Ключевые слова: предварительное следствие; уголовное дело; приостановление; срок следствия; уголовный процесс; следователь; подозреваемый; обвиняемый.

ON THE ISSUE OF REVISING THE TERMS FOR SUSPENDING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

S. A. Petrov, senior lecturer of the Department of Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the consideration of the need to make changes to the criminal procedure legislation on the conditions for suspending the preliminary investigation. It seems that on the grounds provided for in paragraphs 1, 2, part 1 of article 208 of the criminal procedure code, the investigator should be granted the right to suspend the criminal case until the expiration of the investigation period.

Keywords: preliminary investigation; criminal case; the suspension; the period of investigation; a criminal trial; the investigator; the suspect or the accused.

В обстановке проходящих в России правовых преобразований наблюдается постоянный процесс реформирования уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем некоторые уголовно-процессуальные нормы, например устанавливающие порядок приостановления предварительного следствия, вызывают недоразумение по поводу установления законодательной регламен-

тации сроков следствия, по истечении которых возможно принятие решения о приостановлении предварительного следствия.

Согласно УПК РФ, одним из обязательных условий приостановления предварительного следствия, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) или когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), является истечение срока следствия, который составляет 2 месяца.

Если место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), а также при наличии временного тяжелого заболевания подозреваемого или обвиняемого, препятствующего его участию в следственных или иных процессуальных действиях (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), предварительное следствие может быть приостановлено и до окончания его срока.

Проблема заключается в том, что все основания к приостановлению предварительного следствия, указанные в ч. 1 ст. 208 УПК РФ, равнозначны для установления срока, по истечении которого предварительное следствие может быть приостановлено. Дифференциация приостановления предварительного следствия до окончания срока расследования по основаниям, указанными в уголовно-процессуальной норме, необоснованна и не подтверждается следственной практикой.

В научных кругах давно идет полемика о необходимости реформирования института приостановления уголовных дел и, в частности, предусмотрении возможности приостановления предварительного следствия по п. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ до окончания срока следствия. Ряд авторов поддерживают существующую редакцию уголовно-процессуальной нормы, объясняя это тем, что органы предварительного следствия не обеспечат полноту расследования, если им предоставить возможность принимать решение о приостановлении предварительного следствия до истечения срока предварительного расследования.

Так, А. В. Кочетова полагает, что частным условием приостановления производства по уголовному делу по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ представляется требование приостанавливать следствие только по истечении сроков предварительного следствия. Если срок следствия истек, но все необходимые следственные действия осуществить не удалось, то он должен быть продлен в установленном законом порядке [1, с. 22].

Авторы, выступающие за сохранение ч. 4 ст. 208 УПК РФ в прежней редакции, считают, что установленный двухмесячный срок расследования наиболее оптимален для производства всех необходимых и допустимых следственных и процессуальных действий. Например, Е. Г. Ларин объясняет свою позицию тем, что частное условие для приостановления уголовного дела по п. 1 ч. 1 ст. 208

УПК РФ выполняет контрольную функцию, обязывая органы расследования в течение всего срока принимать исчерпывающие меры к установлению лица, совершившего преступление. Его отсутствие может привести к некачественному расследованию, слишком раннему принятию решения о его приостановлении и сужению процессуальных возможностей в раскрытии преступлений [2, с. 43–46].

По нашему мнению, данная позиция несостоятельна и опровергается результатами практической деятельности органов предварительного следствия. Частное условие приостановления предварительного следствия по уголовному делу по основаниям, предусмотренным п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, только по истечении двухмесячного срока не гарантирует установления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемого, а также розыску подозреваемых и обвиняемых, скрывшихся от следствия. Как заметила Г. П. Химичева, нельзя отрицать факта, что по неприостановленному делу следователи работают лучше, чем по приостановленному, однако накопление дел с большими сроками неизбежно будет мешать расследованию других дел [6, с. 187].

На сегодняшний день наибольшее количество уголовных дел, находящиеся в производстве у следователей органов внутренних дел, – это дела небольшой и средней тяжести. Как правило, по нераскрытым преступлениям после возбуждения уголовного дела следователь в кратчайшие сроки выполняет все необходимые действия, включая процессуальные, после чего уголовное дело находится без движения до окончания предварительного следствия и только после его истечения приостанавливается. Такая же ситуация и по уголовным делам, когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия и место нахождения его не установлено. Все это приводит к тому, что в следственных подразделениях на конец отчетных периодов искусственно остается значительное число уголовных дел со сроками следствия, по которым работа фактически не ведется. Такая обстановка дает иллюзию значительной нагрузки на следователей, отвлекает от работы по перспективным делам и в целом наносит вред деятельности органов внутренних дел.

Изучение нераскрытых уголовных дел, находящихся в производстве у следователей, подтверждает позицию автора о необходимости законодательного изменению условия приостановления предварительного следствия по основаниям п. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Так, по уголовному делу, возбужденному 23 ноября 2019 г. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ по факту кражи неустановленным лицом из раздевалки Дальневосточного медицинского университета г. Хабаровска норковой шубы стоимостью 40 тыс. руб., принадлежащей А., следователем в этот же день был произведен осмотр места происшествия, допрос потерпевшей и допрос охранника. Через неделю было дано поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий по установлению лица, совершившего преступление, и вынесено представ-

ление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших его совершению. После этого по уголовному делу следственные и процессуальные действия не проводились, и 23 января 2020 г. срок предварительного следствия был приостановлен [4].

Еще один пример из следственной практики. 20 ноября 2019 г. в СО ОП № 4 г. Хабаровска было возбуждено уголовное дело по п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ по заявлению Т., у которой в автобусе неизвестные лица похитили смартфон стоимостью 11 тыс. руб. По уголовному делу была осмотрена сумка потерпевшей, документы на смартфон, потерпевшая допрошена и признана гражданским истцом, затребована информация о регистрации смартфона в сети абонентских устройств, дано поручение о производстве оперативно-разыскных мероприятий, и на этом весь объем следственных и розыскных мероприятий был исчерпан [5].

Очевидно, что для выполнения всех этих необходимых следственных и процессуальных действий двухмесячный срок является избыточным и вопрос о приостановлении уголовного дела мог быть решен следователем до истечения срока расследования.

По уголовным делам, где подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия и место нахождения его неизвестно, следователь, в соответствии с ч. 2 ст. 210 УПК РФ, может в любое время производства предварительного следствия объявить его в розыск. Возникает вопрос, почему нельзя приостановить предварительное следствие после вынесения соответствующего постановления об объявлении в розыск? Отсутствие подозреваемого или обвиняемого в связи с его розыском равнозначно отсутствию подозреваемого или обвиняемого, когда место нахождения его известно, но отсутствует реальная возможность его участия в уголовном деле или когда у подозреваемого или обвиняемого имеется временное тяжелое заболевание, препятствующее его участию в следственных или процессуальных действиях. В любом из перечисленных случаев следователь обязан выполнить все возможные следственные действия, после чего уголовное дело приостановить.

Законодательное предписание расследования в течение двухмесячного срока нераскрытых уголовных дел или уголовных дел, где подозреваемые или обвиняемые скрылись от следствия или место нахождения их неизвестно, неоправданно и влечет необоснованное использование всего срока расследования, предоставленного УПК РФ. Возобновление предварительного следствия, например, когда возникла необходимость производства следственных действий, которые могут быть осуществлены без участия подозреваемого или обвиняемого, требует от следователя процессуального решения об установлении срока следствия в порядке ч. 6 ст. 162 УПК РФ. Имея в запасе неиспользованный срок следствия, следователь мог бы возобновить производство по делу, выполнить необходимые

следственные или процессуальные действия и приостановить предварительное следствие не выходя за рамки срока расследования, предоставленного УПК РФ.

И следующий аргумент в пользу пересмотра сроков приостановления предварительного следствия по основаниям п. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Следователь вправе до истечения двухмесячного срока окончить предварительное расследование с направлением уголовного дела в суд или принять решение о его прекращении. Соответственно, объем работы по уголовным делам, где имеются обвиняемые, значительно больше, чем по нераскрытым делам. Но следователю запрещено до истечения срока следствия приостановить уголовное дело, если не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого или если подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия и место его нахождения неизвестно при условии, что все следственные действия в его отсутствие выполнены. Данное положение нелогично, и не имеется какого-либо веского объяснения в законодательной регламентации установления сроков расследования по уголовному делу.

Некоторые авторы последовательно выступают за изменение частного условия оснований приостановления предварительного следствия по п. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, с точкой зрения которых мы согласны. Так А. А. Нечаев считает, что трудно согласиться с тем, что проведение всех следственных действий в отсутствие подозреваемого, обвиняемого наиболее эффективно только в совокупности с условием окончания сроков расследования. Очевидно, что лишь по выполнении всех необходимых следственных и оперативно-разыскных мероприятий предварительное следствие может быть приостановлено [3, с. 240–244].

По нашему мнению, имеется необходимость законодательных изменений в ч. 4 ст. 208 УПК РФ – наделение следователя полномочиями приостановления предварительного следствия по п. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ до истечения срока следствия по уголовному делу.

Указанные изменения не повлияют на полноту проведения следствия и не повлекут нарушений законных интересов участников уголовного судопроизводства, так как законность и обоснованность принятия следователем решения о приостановлении предварительного следствия гарантируется ведомственным процессуальным контролем, прокурорским надзором, а также возможностью обжаловать решения должностных лиц в суде.

Список источников

1. Кочетова А. В. Актуальные вопросы института приостановления производства по делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 262 с.
2. Ларин Е. Г. Приостановление предварительного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) // Законодательство и практика. Омск, 2013. № 2 (31). С. 43–46.

3. Нечаев А. А. Приостановление предварительного расследования в связи с неустановлением виновного лица нуждается в совершенстве // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Хабаровск, 2016. Т. 1. С. 240–244.
4. Уголовное дело № 11901080024001511 // Архив ОП № 4 УМВД России по г. Хабаровску.
5. Уголовное дело № 11901080024001497 // Архив ОП № 4 УМВД России по г. Хабаровску.
6. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности / Моск. ун-т МВД России. М., 2003. 352 с.

УДК 343.13

НЕКОТОРЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ УБИЙСТВ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

И. С. Трубчик, директор Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

В статье рассматривается работа аналитических групп по расследованию уголовных дел прошлых лет, тактические особенности допроса подозреваемого.

Ключевые слова: экспертное исследование; производство осмотра места происшествия; обыск.

SOME TACTICAL FEATURES OF SOLVING MURDERS OF THE PAST YEARS

I. S. Trubchik, director of the Khabarovsk branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation

This article discusses the work of analytical groups on the investigation of criminal cases of the past years, tactical features of interrogation of the suspect.

Keywords: expert research; production of inspection of the scene of the accident; search.

Следственным комитетом Российской Федерации уделяется большое значение раскрытию преступлений прошлых лет. Данная концепция закреплена в приказе Следственного комитета Российской Федерации от 31 июля 2017 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел прошлых лет».

В настоящее время во исполнение указанного правового акта в Следственном комитете Российской Федерации созданы и действуют аналитические группы по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет.

Именно указанные аналитические группы, в которые входят наиболее опытные следователи, сотрудники контрольно-следственных отделов и следователи-криминалисты, изучают приостановленные уголовные дела по тяжким и особо тяжким преступлениям и составляют перспективу их раскрытия.

В частности, лица, совершившие убийства (связанные с безвестным исчезновением граждан), находились в близких отношениях с потерпевшим и осознавали, что их связь может стать известна правоохрнительным органам и принимали активные меры к уничтожению либо сокрытию трупа.

В данной ситуации труп мог быть уничтожен полностью или расчленен, а части трупа закопаны в различных местах. И тогда, когда имеются признательные показания подозреваемого или от органа дознания приходит соответствующая информация, необходимо провести комплекс неотложных следственных действий.

Или в ситуации, когда в поле зрения правоохрнительных органов попадает субъект преступления, который уже проходил по делу, однако в силу каких-либо обстоятельств органами предварительного следствия не была доказана его вина, данное лицо повторно должно быть отработано на причастность к совершению преступления.

В рамках работы по делам прошлых лет проводится множество различных экспертиз по сохранившимся вещественным доказательствам, дополнительные осмотры места происшествия, допросы, а также действия по активизации памяти свидетелей.

Кроме того, для раскрытия преступлений применяются инновационные технологии экспертных исследований, что дает положительные результаты и позволяет раскрывать преступления спустя длительное время, что ранее было просто невозможно.

Так, в январе 2019 г. в п. Березовка Хабаровского края возле одного из домов в квартале 40-летия Победы под теплотрассой были обнаружены разрубленные останки трупа мужчины, упакованные в полиэтиленовые пакеты.

В ходе производства оперативно-разыскных мероприятий в поле зрения правоохрнительных органов попала Ж., на квартире которой ранее проживал потерпевший Ш. В ходе расследования уголовного дела по факту безвестного исчезновения Ш. органами предварительного следствия стала параллельно рассматриваться версия о том, что Ж. причастна и к совершению преступления по факту безвестно пропавшей М., которая была ее дальней родственницей и проживала в ее квартире в 2013 г. и безвестно исчезла. Ранее по данному факту было возбуждено уголовное дело и в ходе осмотра квартиры Ж. на обоях были обнаружены следы биологического происхождения.

При допросе Ж. сказала, что они поругались с М. и та ушла из квартиры. Обнаружение следов крови в ходе производства осмотра в ее квартире объяснила тем, что эта кровь принадлежит М., у которой при повышенном давлении были носовые кровотечения. Детальный анализ материалов дел показывал схожесть обстоятельств: лица, которые проживали с Ж., бесследно исчезали. Производство по уголовному делу по факту безвестного исчезновения М. следствием было возобновлено, и перед органами предварительного следствия встала задача

повторного допроса свидетелей, а также заподозренной Ж., которой на тот момент исполнилось 79 лет.

Анализ следственной практики показывает, что допрос является одним из значимых следственных действий и самый распространенный источник информации.

Например, Н. И. Порубов определил допрос как серию логически увязанных между собой вопросов, поставленных в определенной последовательности: хронологической, логической, тактической, обратной, психологической [1, с. 70].

Тактика допроса пожилого человека отличается некоторыми особенностями, и поэтому следователь должен представлять, как необходимо поставить вопрос, чтобы получить значимую информацию и расположить к себе допрашиваемого. Для того чтобы психологически воздействовать на допрашиваемого, главным аспектом является соответствующая информация.

Воздействие в уголовном судопроизводстве неразрывно связано с изучением личности. Их взаимосвязь обусловлена тем, что тактически грамотное, эффективное и необходимое воздействие возможно лишь тогда, когда следователь располагает определенным объемом данных о личности-объекте воздействия. Чем больше этот объем, тем результативнее оказываемое воздействие [2, с. 166].

Следователем обстоятельно была изучена личность подозреваемой Ж., ее образ жизни, взаимоотношения с соседями по месту жительства и, с учетом ее возраста, личности, эмоционального и психологического состояния, проведен допрос.

В ходе допроса, который сопровождался видеофиксацией, подозреваемая Ж. сообщила, при каких обстоятельствах ею было совершено убийство Ш., место, время, способ сокрытие трупа потерпевшего, описала орудие преступления и его местонахождение. На вопрос следователя, что ей известно о пропавшей без вести ее знакомой М., Ж., путаясь в показаниях, нервничая, оправдывая себя, выдвинула версию, что потерпевшая уехала на автомашине: это она увидела через окно. Следователь, реализуя тактический прием, который не выходил за рамки правового поля, дал понять Ж., что следствию известно о криминальном исчезновении М., и прекратил допрос.

В этот же день Ж. обратилась в следственном изоляторе к должностным лицам с заявлением о явке с повинной по поводу того, как совершила убийство М. по месту своего жительства. Детально описала, что нанесла ей несколько ударов топором по голове на почве возникшей ссоры, после чего труп расчленила, разложила по пакетам, вывезла на тележке на улицу и сбросила в мусорный контейнер.

После проведения допроса подозреваемой Ж. было принято решение о безотлагательном производстве обыска по месту ее жительства в п. Березовка Хабаровского края.

В ходе обыска было изъято орудие преступления – топор и кусок линолеума, на котором на тканевой основе был обнаружен след биологического происхождения.

По делу была назначена судебная генотипоскопическая экспертиза, согласно заключению которой следует, что на фрагменте линолеума, изъятом 19 февраля 2019 г. в ходе обыска в квартире Ж., обнаружены следы крови лица женского пола, являющегося биологической матерью Котовой М. В. (М. являлась биологической матерью Котовой М. В.).

В настоящее время уголовное дело обвинению Ж. рассматривается присяжными в Хабаровском краевом суде.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что эффективно спланированная работа органов предварительного следствия, а также высокотехнологичные экспертные исследования позволяют сформировать совокупность доказательств и в дальнейшем направить уголовное дело в суд.

Список источников

1. Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1998.
2. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Следственные действия: учеб. для магистров. М.: Юрайт, 2013.

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА «ПРИАМУРСКИЙ МИНАРЕТ» (26 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА)

УДК 342.92

ПРОФИЛАКТИКА РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ВОПРОСЫ ПРОПАГАНДЫ И ВОСПИТАНИЯ

***К. А. Власов**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук*

В статье на основе анализа содержания отдельных мер пропагандистского и воспитательного характера рассматривается вопрос о потенциале их применения в деятельности органов внутренних дел по профилактике религиозного экстремизма в подростково-молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь; воспитание; пропаганда; предупреждение; профилактика; экстремизм; религиозный экстремизм.

PREVENTION OF RELIGIOUS EXTREMISM IN THE ADOLESCENT-YOUTH ENVIRONMENT BY BODIES OF THE INTERNAL AFFAIRS: ISSUES OF ADVANCE AND EDUCATION

***K. A. Vlasov**, associate professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law*

Based on the analysis of the content of certain propaganda and educational measures, the article considers the potential of their application in the activities of internal Affairs agencies to prevent religious extremism in the adolescent and youth environment.

Keywords: youth; education; propaganda; prevention; prevention; extremism; religious extremism.

Проблема экстремизма в молодежной среде со временем нарастает и в скором будущем может стать катастрофичной, поэтому для решения данного вопроса следует привлечь ряд общих и специальных мер по его предупреждению.

Данное антисоциальное явление – разновозрастное (от 14 до 30 лет), следовательно, меры профилактики и предупреждения экстремистских проявлений должны применяться с учетом возрастного фактора.

Например, для лиц младшего и подросткового возрастов, еще не проникших всецело и полностью идеями экстремизма, фанатично не уверовавших в «правду физической силы», больше подходят профилактические меры общего характера. Использование данных мер позволит не допустить формирования преступного мышления несовершеннолетнего субъекта, то есть использовать меры по предупреждению преступности [8, с. 19–20].

Конечно, следует иметь в виду, что органы внутренних дел в своей повседневной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в большей степени прибегают именно к профилактике, но воспитание и пропаганда не являются основными методами. Воспитательные и пропагандистские методы выступают лишь вспомогательным инструментом воздействия (воспитание индивидуализировано, а пропаганда слишком глобальна).

Положительный опыт применения отдельных мер в различных регионах дает повод задуматься о взятии их на вооружение повсеместно на глобальном уровне.

Среди таких воспитательных и пропагандистских эффективных мер профилактики экстремизма выделим и прокомментируем следующие.

1. Создание мест в образовательных организациях для талантливой молодежи.

В данном случае руководителям территориальных органов следует обратить внимание на выдающихся школьников, студентов.

В некоторых регионах в школах создаются «полицейские классы», где в рамках проведения уроков правовой грамотности преподаватели вузов МВД России, по сути, подготавливают будущих сотрудников полиции, что, несомненно, оказывает воспитательный и профилактический эффект не только на учеников таких классов, но и на остальных.

На помощь приходит привлекательность государственной службы, льготы при поступлении в вузы МВД России, значительная подготовка: ребенок, окончивая школу, по сути, имеет уровень познаний студента второго курса, что дает ему явные преимущества перед сверстниками.

В институтах сотрудникам органов внутренних дел следует обращать внимание на организуемые формальные и неформальные сообщества. Налаживать взаимоотношения, мотивировать на государственную службу, участие в проводимых программах профилактической направленности, конкурсах, конференциях, приглашать на прохождение производственной практики – в общем максимально задействовать и развивать таланты молодых людей в правоохранительных целях.

Во взаимоотношениях с образовательными организациями (школа, техникум, институт) и обучающимися должна присутствовать активная и постоянная профориентационная работа. Проведение сотрудниками со студентами лекториев, выступлений по правовым вопросам резко снижает вовлеченность последних в противоправную деятельность.

2. Усиление роли патриотического воспитания среди молодежи.

Это организация и проведение массовых мероприятий, например: Дня Победы, акций «Георгиевская ленточка» под девизом «Я помню! Я горжусь!», «Помним, гордимся, наследуем!», «Стать первым!», «Первый в армии!», «Солдатское сердце», «Под знаменем Победы!» [4, с. 36].

Это благоустройство мемориалов, памятников, воинских захоронений, обелисков и памятных знаков, проведение митингов, торжественно-траурных церемоний поминовения, возложения венков и цветов к мемориалам и памятникам, тематических встреч ветеранов и молодежи, организация праздничных концертов для ветеранов.

Это установление памятников не только сотрудникам, погибшим во время боевых действий во время войн, контртеррористических мероприятий, но и отдавшим в мирное время свою жизнь охране общественного порядка, проведение ежегодных публичных траурных мероприятий.

Об этом надо говорить и это надо показывать: памятники, плакаты, дни памяти, шествия.

Позитивным является опыт установления по всему городу (совместно с муниципальными органами) огромных информационных щитов с фотографиями людей, прославивших город, и описанием их подвига.

Нет сомнения, что в любом городе найдутся не менее сотни сотрудников полиции, которые спасли чью-то жизнь или совершили невозможное, выполняя свой долг. Это крайне необходимо!

Еще один вариант – организация подготовки молодежи к военной службе и службе в полиции (работа оборонно-спортивных оздоровительных лагерей и военно-патриотических клубов, проведение военизированных эстафет, военно-спортивных игр, соревнований по пулевой стрельбе и т. д.).

Особое место следует отвести изучению истории государства, жизни и подвигам его народа. Например, положительный эффект дало проведение ежегодной олимпиады «Святые воины», в рамках которой студенты и курсанты

подготавливали и проводили публичные выступления, повествующие о помощи веры в делах правых на примере конкретных людей или событий.

3. Учет влияния родственных (общинных, тейповых) связей в воспитательных и профилактических целях.

Данное направление имеет две относительно самостоятельных разновидности по направленности и две разновидности по объекту профилактики [1, с. 80].

Первая характеризуется проведением работы с ближайшим окружением лица, с которым ведется профилактическая работа, а именно с его родителями, опекунами, попечителями, братьями, сестрами.

Вторая группа – это близкое окружение, не имеющее родственных связей, но оказывающее определенное воздействие, а именно друзья, знакомые того же и/или более старшего возраста, лица пользующиеся, у человека авторитетом, например, это могут быть лидеры неформальных молодежных групп и коллективов, наставники, руководители секций и кружков, старейшины или иные почитаемые люди.

С данными категориями следует проводить работу по вовлечению их в профилактическую работу и посредством проводимого ими воздействия добиваться поставленной цели.

Направление осложнено тем, что сотруднику будет необходимо специально подготавливать людей к проведению профилактической работы, мотивировать их к данной деятельности, разъяснять действующее законодательство, обучать основам педагогики и возрастной психологии, риторике и т. д.

Однако вместе с тем подготовленные взрослые уже будут способны осуществлять профилактику не только в отношении конкретного подростка, но и отношении других лиц, причем абсолютно самостоятельно, что резко увеличивает эффект за счет массовости, разноплановости подходов и полного охвата коммуникационных связей.

Второе направление характеризуется осуществлением профилактических мероприятий с окружением молодого человека, чтобы таким образом оберегать его.

Например, это могут быть профилактические беседы с допускающим асоциальное поведение родителем, в семье которого есть несовершеннолетний. Или, например, усиление контроля и проведение работы с молодым человеком, если он стал проявлять действенный интерес к субкультуре, культу экстремистского толка, но при этом он имеет тесные и устойчивые связи с другими с молодыми людьми: друзьями, одноклассниками и т. д.

4. Профилактикой должны заниматься институты гражданского общества.

В органах внутренних дел существуют ветеранские организации, общественные советы. Осуществляется взаимодействие со сторонними организациями подобного рода. Однако их профилактическая деятельность направлена в ос-

новном на профилактику и воспитание сотрудников – она внутринаправленная и весьма слабо используется для профилактики вовне [3, с. 23–24].

Слабо поставлена работа с инициативными группами граждан, общественными правозащитными организациями, иными коллективными образованиями: родительскими комитетами, профессиональными ассоциациями и профсоюзами, добровольными народными дружинами, домовыми комитетами, союзами молодежи, спортивными, религиозными, культурными и другими ассоциациями, клубами по интересам, молодежными движениями.

5. Правовое воспитание молодежи, повышение уровня правовой культуры, преодоление правового нигилизма.

Видится необходимым усиление работы с образовательными организациями: формирование не выборочно, а повсеместно, то есть в каждой школе, «полицейского класса», приглашение не по случаю, а на постоянной основе сотрудников для проведения уроков правовых знаний, о чем упоминалось ранее.

Подготовка и распространение видеоматериалов, брошюр, памяток, как описывалось ранее, ориентированных на восприятие конкретной возрастной группой.

Интересным видится эксперимент по использованию организованных в образовательных организациях системы МВД России юридических клиник в мобильном и дистанционном режимах.

То есть сотрудники, включенные в состав юридической клиники, периодически проводят рейд по образовательным организациям и осуществляют свою работу «на выезде» или путем установки специальных ящиков для письменных обращений, в том числе и в электронной форме. Таким образом значительно повышается доступ к правовой помощи и вероятность того, что подросток может ее получить адресно. Снимаются мешающие барьеры, такие как удаленность, страхи, комплексы, стеснения и т. п.

Наличие ведомственных средств массовой информации не оказывает правового и воспитательного эффекта на граждан в виду изначального ориентирования на узкую по формату аудиторию. Видимо, следует более широко и на постоянной основе осуществлять мероприятия по правовому и профилактическому информированию и просвещению руководителями территориальных органов на базе (с использованием) иных СМИ.

6. Ученые многие годы подтверждают, что подготовка и переподготовка специалистов по работе с молодежью по вопросам профилактики экстремизма и ксенофобии имеет первостепенное значение [5, с. 26].

Данный вопрос рассматривался ранее отдельно, однако напомним, что деятельность по профилактике экстремизма в любых его проявлениях в молодежной среде является задачей не только ППСП, УУП и сотрудников ПДН, знаниями, умениями и навыками в данной деятельности должны обладать все

сотрудники полиции. Важно повышение уровня теологического, педагогического, психологического познания и мастерства.

7. Обновление форм воспитательной работы с молодежью.

Частично данный вопрос был рассмотрен ранее, но вместе с тем работа должна вестись с группами лиц, пребывающими в кризисном возрасте. Важна идея управляемой социализации, когда социально-психологические процессы, происходящие с подростком, профессионально сопровождаются соответствующими специалистами, при чем не всегда являющимися представителями официальных институтов.

8. Организация виртуальных дискуссионных площадок веб-конференций по молодежным проблемам, размещенных на базе порталов правительств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также на популярных и наиболее посещаемых молодежью интернет-ресурсах, предназначенных для детей и с их непосредственным участием [10, с. 28].

В данной связи имеется положительная практика создания студий школьного, студенческого телевидения, радио- и интернет-вещания в образовательных организациях (по формуле «Для детей и руками детей, но под чутким направляющим руководством взрослых»), в рамках которых производится подготовка и транслирование различных передач, диспутов, записей научных форумов, обзоров, профилактических роликов и т. д. Для участия в таких телепередачах приглашаются политические деятели, представители органов государственной власти, представители религиозных организаций и т. д.

9. Снижение негативного влияния уличной контркультуры – движений гот-ов и сатанистов, язычников и неоязычников, антифашистов, национальных или религиозных групп (например «Шариатский патруль», «Славянский фронт»), криминальных сообществ, живодеров и догхантеров, сообществ, основанных на сюжетах кинематографа («Отряд самоубийц», «Бойцовский клуб» и т. д.), которые также относятся к экстремистским по своему содержанию.

Следует находить подобные организации и течения субкультуры, изучать их и принимать меры на снижение привлекательности данных идей, их разрушению и полному искоренению.

10. Развитие института психологической помощи и устойчивости в школах, в вузах.

Сюда входит консультирование детей и координирование преподавательского состава сотрудниками полиции, разъяснение, чем отличаются различные религиозные течения и в чем их особенности, значения обрядов и, конечно же, в чем отличие легитимно существующих от деструктивных: как и в чем это выражается, какие признаки существуют, как и что надо делать, чтобы не попасть под их влияние.

11. Создание и развитие на региональном уровне проблемных групп, занимающихся изучением экстремизма и различного рода проявлений крайних форм нетерпимости, расизма и ксенофобии в условиях конкретного региона.

С этой целью следует совместить деятельность территориальных органов по сбору фактических сведений о состоянии криминогенной обстановки и связанных с ней сведений, деятельность организаций социологических исследований, образовательных и иных организаций по сбору информации, психологов и т. д. и научную деятельность образовательных организаций системы МВД России, пользуясь потенциалом которых, на постоянной основе проводить мониторинг изменения обстановки и эффективности принимаемых мер по профилактике экстремизма, выработке научно обоснованных предложений по улучшению работы.

12. Широкое информационное обеспечение проводимой профилактики.

Нужно не ограничиваться анонсированием проводимого мероприятия, а осуществлять детальное его освещение в средствах массовой информации, таким образом расширяя аудиторию и заостряя проблематику.

Стараться делать любые мероприятия максимально анонсированными и открытыми для аудитории.

Освещать результаты деятельности территориального органа, давать разнообразные интервью, через средства массовой информации, сайты и информационные стенды органов государственной власти и органов местного самоуправления, социальных учреждений: например, поликлиник, библиотек, школ, детских садов, больниц и пр. – указывать на то, что есть, где и как взять и, конечно же, предоставлять всевозможные памятки, листовки как на бумажном носителе, так и в электронном виде.

Например: «Как понять, что материал экстремистский?», «8 признаков вербовщика», «Памятка для родителей: «группы смерти», «Как пожаловаться на противоправный контент» [1, с. 61].

Интересными и весьма полезными видятся идея открытого бесплатного кинофестиваля, показа соответствующих художественных фильмов для школьников и студентов, установление в населенных пунктах, преимущественно в местах отдыха, колонн библиотек по Wi-Fi, где вместе с художественной и научной литературой будет предлагаться и литература пропагандистского и просветительского толка.

13. Доработка действующего антиэкстремистского законодательства.

Конечно, ученые-правоведы констатируют факт незаконности формирования понятийного аппарата, механизма правоприменения.

К тому же было бы хорошо с профилактической точки зрения расширить систему санкций на весь спектр экстремистских проявлений.

14. Долгое время идет обсуждение замечательных полезных свойств приложений на мобильные устройства связи, например приложения «Чистый

город». Оно направлено на борьбу с правонарушениями в сфере благоустройства, чистоты и порядка на территории. Подобное приложение должно быть разработано и распространено МВД России в целях привлечения граждан к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, повышения раскрываемости и т. д.

15. Усиление работы по дискредитации экстремистских групп.

Нужно рассказывать о истинной сущности, о том вреде, который они несут. В допустимых формах, не влияющих на психику, показывать отрицательные последствия.

Надо помнить, что ничто так не способно повлиять на человека, как осознание грядущей боли! Эту боль и надо показать таким образом, чтобы подросток почувствовал ее близость, и тогда у него сформируются четкие желаемые установки.

Устраивать выставки и панорамы, бесплатные кинофестивали, открытые публичные выступления и программы, концерты памяти и т. д. [8, с. 19–24].

16. Проведение индивидуальных бесед.

Ознакомительные предназначены для сообщения молодому человеку / группе о действующем законодательстве, о видах и содержании религиозных учений, отличиях от деструктивных культов и экстремистских учений и идей; разъяснительные подскажут, как определять и отграничивать плохое от хорошего, как поступать в определенных ситуациях; профилактические в основном сочетают в себе первые два вида, но направлены на укрепление познаний и формирование четкой устойчивой позитивной позиции, положительных ценностей, а также диагностику субъекта профилактики; корректирующие – на изменение, исправление мировоззрения, ценностного поля.

17. Организация факультативных занятий.

Это могут быть, например, лекции семейного воспитания, ознакомление с религиями.

Исторические лекции очень популярны у подростков, они любят разные истории. Об устройстве государства, органов государственной власти, о социальных связях и основах построения общества, различном положении людей в нем.

По существу, это комплекс профилактических мероприятий, реализуемых во всех образовательных, культурных и научных учреждениях на обслуживаемой территории, включающий единый урок солидарности в борьбе с терроризмом, классные часы, открытые уроки, родительские собрания, инструктажи, направленные на развитие у детей бдительности, ответственности и толерантности, неприятия терроризма и экстремизма, а также обучающие семинары для должностных лиц муниципальных органов власти [6, с. 29], конкурсы и встречи с представителями религиозных конфессий, международный фестиваль мусульманского кино, многие другие мероприятия. И все это сопровождается активным

информационно-пропагандистским освещением в СМИ, что очень важно, так как позволяет значительно расширить аудиторию [7, с. 13].

Положительной практикой стало проведение Дальневосточным юридическим институтом МВД России, а впоследствии и другими вузами под эгидой полномочного при Президенте по правам ребенка по Хабаровскому краю уроков информационной безопасности. Курсанты и студенты вместе с преподавателями рассказывали школьникам, как обезопасить себя в сети Интернет от вредного контента и злоумышленников.

18. Организация и проведение научно-практических конференций, симпозиумов, тренингов, круглых столов, экскурсий, тематических вечеров, спортивных мероприятий и др.

Несмотря на то, что количество их высоко, но проводимые конференции, «круглые столы», семинары, встречи и т. д. носят номинальный характер, недостаточно эффективны в целях профилактики, но в плане разъяснения и разоблачения сущности и целей религиозного экстремизма и терроризма весьма полезны.

Рекомендуется отдавать предпочтение научно-представительским мероприятиям, предназначенным для участия в них молодежи. Осуществлять их масштабно, охватывая не только муниципальное образование, но и субъект Российской Федерации, расширять круг и число участников. Практиковать ежегодные тематические олимпиады школьников, студентов.

19. Своевременное выявление неблагополучных семей, информирование о них центров социальной помощи семье и детству, комиссий по делам несовершеннолетних, выявление несовершеннолетних, нуждающихся в социальной профилактике и реабилитации.

Одним из вопросов, стоящих достаточно остро, является проведение адаптационных и профилактических мероприятий с семьями и детьми эмигрантов, прибывших в Россию.

Следует разъяснять различия в понимании тех или иных поступков, культурных символов, правовых, культурных, религиозных ценностей. Организовывать программы развития интеркультурной коммуникации, адаптационно-образовательные программы, интегрировать детей-мигрантов в общество посредством образования, обеспечения взаимосвязи социальной, культурной и языковой адаптации, учитывать двуязычность и двукультурность в образовании детей-мигрантов [9, с. 57].

Такая же проблема стоит и с неблагополучными семьями коренного населения. Алкоголики, наркоманы, бывшие осужденные и пр. не могут воспитать нормально своего ребенка, следовательно, это должно сделать государство, но в первую очередь следует устранить причину необходимого вмешательства.

20. Создание и использование уже имеющихся молодежных объединений по интересам, институтов ресоциализации социально дезадаптированных

подростков (известные – «Юные помощники полиции», «Юнармия», военно-спортивные клубы, созданные во многих общеобразовательных организациях детские объединения; студенческое самоуправление; развитие молодежного парламентаризма; спортивные и творческих союзы; правовые и дискуссионные клубы, секции, площадки.

21. Воспитание толерантности и культуры межэтнического общения.

Без должного корректирующего наблюдения и профилактики с детьми, проявляющими признаки агрессии, асоциализации, детьми эмигрантов, подростками – представителями различных субкультур и др. возрастают случаи феномена «самовербовки», когда идеологические воззрения пользователей Интернета, не находящих общения, удовлетворения социальных и материальных потребностей в окружающем их обществе, быстро радикализуются в общем фоне распространяемой пропаганды, что в результате приводит их в ряды экстремистских и террористических организаций.

Конечно, проведенный анализ отдельных мер не является окончательным. Положительный эффект могут принести и иные меры, оставляемые на данный момент без должного внимания. Причиной тому может быть несовершенство технологии, метода, его недооцененность или невысокая результативность. Однако, принимая во внимание особенности объекта противодействия, следует констатировать, что должны использоваться абсолютно все доступные средства (учитывая пределы разумности и законности) и большей степени профилактического характера.

С учетом особенностей деятельности органов внутренних дел (полиции) по профилактике и предупреждению религиозного экстремизма в молодежной среде как, по сути, ведущего субъекта профилактики предлагаемые в данной статье теоретические и практические рекомендации, основанные на современных научных взглядах широкого круга специалистов, современном законодательстве и окружающих реалиях, могут позволить наметить не только пути дальнейшей научной разработки проблемы комплексного профилактического воздействия, но и фактические действия по профилактике данного деструктивного социального явления.

Вместе с тем обозначенные меры, качественно дополняющие имеющийся инструментарий действующей системы профилактической работы органов внутренних дел, могут быть воплощены в конкретные профилактические мероприятия только на основе соответствующих федеральных и региональных нормативных правовых актов, нормативных программных документов, целевых программ и планов. Конечно, данная работа должна строиться на основе сложения усилий органов внутренних дел, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций различного вида, институтов гражданского общества и личного участия граждан.

В таких условиях, с нашей точки зрения, снижение деструктивного потенциала экстремизма в Российской Федерации становится вполне ощутимым.

Список источников

1. Абдулаев А. А. Некоторые особенности молодежной экстремистской преступности в республиках Северного Кавказа // Юрид. вестн. ДГУ. 2013. № 1. С. 77–82.
2. Быкадорова А. С. Проектный подход в профилактике распространения экстремизма и идеологии терроризма в сети Интернет // Обзор НЦПТИ. 2017. № 1 (10). С. 60–61.
3. Гаджиева А. А. К вопросу о классификации жертв преступлений террористической и экстремистской направленности (региональный аспект) // Рос. следователь. 2010. № 8. С. 23–24.
4. Гапонова Г. И. О воспитании культуры толерантности и профилактике экстремизма в студенческой среде // Вестн. КСЭИ. Экономика. Право. Печать. 2014. № 2 (62). С. 31–37.
5. Довгяло В. К. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Вестн. Перм. гуманитар.-педагог. уни-та. Серия № 3, Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 21–30.
6. Ковалев А. И. Актуальные формы противодействия идеологии терроризма: практический опыт и меры по совершенствованию деятельности федеральных органов исполнительной власти и антитеррористических комиссий // Современные системы безопасности – антитеррор: материалы конгресс. части XIII всерос. специализир. форума (24–25 мая 2017 г.). Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. 288 с.
7. Ковалев А. И. Противодействие идеологии терроризма должно стать обязательной составляющей в повседневной деятельности всех заинтересованных субъектов // Обзор НЦПТИ. 2017. № 1 (10). С. 8–15.
8. Кубякин Е. О. Особенности профилактики молодежного экстремизма в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1. С. 19–24.
9. Малюченко Г. Н. Особенности социализации детей из семей мигрантов // Профилактика религиозного экстремизма и противодействие его проявлениям в молодежной среде: материалы I всерос. науч.-практ. конф., г. Балашов, 21 окт. 2010 г. Балашов: Николаев, 2010. С. 55–58.
10. Новикова Г. А., Новикова Л. А. Профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде: методические рекомендации. Архангельск, 2014. 44 с.

УДК 340:37.013

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСЛАМА

Е. А. Дьяченко, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат педагогических наук

В нашей стране под образованием понимается целенаправленный и единый процесс воспитания и обучения, осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства. Выполняя социальный заказ общества в части развития личности, ее самоопределения и социализации, основанных на духовно-нравственных ценностях и правилах поведения, принятых в обществе, стоит обратить внимание на воспитательный потенциал ислама как гуманистического учения, способного повысить эффективность образовательной деятельности.

Ключевые слова: образование; воспитание; Ислам; воспитательный потенциал ислама; гуманистическое воспитание.

THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF ISLAM

E. A. Dyachenko, deputy head of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy

In our country, education is understood as a purposeful and unified process of education and training carried out in the interests of a person, family, society and the state. Fulfilling the social order of society in terms of personality development, self-determination and socialization, based on spiritual and moral values and rules of behavior accepted in society, it is worth paying attention to the educational potential of Islam as a humanistic teaching that can increase the effectiveness of educational activities.

Keywords: education; upbringing; Islam; the educational potential of Islam; humanistic education.

Национальное законодательство нашего государства позволяет гражданам получать религиозное образование по своему выбору как индивидуально, так и в коллективе [2]. Кроме того, религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные организации [2].

Вместе с тем в целях формирования и развития личности в соответствии с семейными и общественными духовно-нравственными и социокультурными ценностями в основные образовательные программы могут быть включены учебные предметы, курсы, дисциплины (модули), направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировых религий [3].

Под образованием в нашей стране понимается единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства [3]. Частью 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода преподавания [1]. В этой связи педагогическим работникам стоит обратить внимание и на воспитательный потенциал ислама как гуманистического учения.

Потенциал ислама можно применить, например, в таком важном направлении деятельности государственных, муниципальных и частных образовательных учреждений, как патриотическое воспитание.

В соответствии с положениями ислама Родина и Отечество даруются человеку Богом, Родина представляется как опыт многих и многих поколений предков, как жизнь, труд, переживания и смерть отцов и матерей, каждый обязан любить и почитать родителей, оберегать их, заботиться о них. Труд и созидание предков, их духовное и материальное наследие обеспечивает жизнь последующих поколений. Культура как опыт предшествующих поколений в условиях определенного географического пространства становится для мусульманина в такой же степени дорогими и жизненно необходимым, что и собственные родители, семья, родственники.

«Заповедовали Мы человеку хорошо относиться к родителям. Мать носит ребенка в чреве в муках и рождает в муках, а от зачатия до отлучения от груди проходит тридцать месяцев... О, Аллах! Внуши мне чувство благодарности за милость, которую оказал Ты мне и моим родителям. Внуши, чтобы творил я добро, угодное Тебе. И пусть моё потомство будет праведным...» (Коран, 46:15) [4].

Ислам воспитывает в человеке любовь к Родине, родителям, семье, да и всему человечеству вообще. Каждый мусульманин должен выполнять свой долг по отношению к Родине, Отечеству, родителям и семье, защищать их, оберегать и укреплять.

В качестве одних из педагогических категорий в исламе выступают понятия «знание» и «образование». В Коране указано на необходимость обогащения знаниями: «И говори: О Господи! Умножь мое знание!» (Коран, 20:114); «Скажи: Разве сравниются те, которые знают, и те, которые не знают?» (Коран, 39:9); «Читай! Во имя Господа твоего, который сотворил человека из того, что прищепляется. Читай! И Господь твой щедрейший, который научил писать

калямом, научил человека тому, чего он не знал» (Коран, 96:1–5) [4]. Стремление к знанию выступает в качестве священной обязанности мусульманина, обязанности учиться и приобретать новые знания до конца своей жизни.

В современных условиях кризиса современной семьи как социального института целесообразно воспользоваться догмами ислама о семье. О супругах в Коране говорится: «Верующие мужчины и женщины являются помощниками и друзьями друг другу. Они велят совершать одобряемое и запрещают предосудительное» (Коран 9:71) [4]. В соответствии с Кораном брак выступает институтом, обеспечивающим спокойствие, взаимную любовь и стабильность обоим супругам: «Среди Его знамений – то, что Он сотворил из вас самих жен для вас, чтобы вы находили в них успокоение, и установил между вами любовь и милосердие. Воистину, в этом – знамения для людей размышляющих» (Коран 30:21) [4]. Чувства любви и милосердия связывают супругов на всю жизнь, и нигде эти чувства так ярко не проявляются, как в супружеской жизни.

Таким образом, воспитательный потенциал ислама целесообразно рассматривать как совокупность ценностных средств, позволяющих оказывать воспитывающее воздействие на людей. Ценностные средства здесь выступают в качестве условий для развития цивилизации на основе содействия миру и процветанию.

Ислам выступает как организованная система, цель которой, помимо преданности Всевышнему, состоит в продвижении человека по правильному, совершенному и надежному пути на всех уровнях жизнедеятельности (личностный, семейный и общественный).

Целью исламского гуманистического воспитания выступает необходимость формирования таких личностных качеств человека, которые не позволят причинить вред другим людям и всему окружающему. Обладатель таких качеств относится к людям и миру так, как если бы он жил вечно и был готов предстать перед Всевышним как праведник в любой момент времени.

«О, сын мой! Читай намаз, призывай к добру, отвращай людей от зла и будь терпелив в том, что постигнет тебя, – воистину, всё, что ниспосылается тебе Аллахом, предрешиено. Не являй на лице презрения к людям и не шествуй по земле горделиво, – воистину, не любит Всевышний гордецов всяких, хвастливых. Ходи поступью умеренной и умирйай голос» (Коран, 31:17–19) [4].

Воспитательный потенциал ислама как гуманистического учения в содержательном плане представляет собой комплекс духовно-нравственных и волевых качеств человека, которыми, согласно исламскому вероучению, обязан обладать истинный мусульманин, а также способы его неконфликтного взаимодействия в основных сферах индивидуальной, семейной и общественной жизни.

«О, Аллах! Даруй нам отраду глаз в супругах наших и потомках. И сделай нас образцом для благочестивых» (Коран, 25:74) [4].

Принцип гуманизма в исламе обусловлен содержанием ислама как религиозного гуманистического учения, в котором человек и его жизнь представлена как абсолютная ценность. Ислам выступает и как руководство к всестороннему гармоничному развитию личности человека, основанное на нравственных категориях добра, способное обеспечить пожизненное духовно-нравственное развитие личности, жизнедеятельность человека, основанные на принципах гуманизма. Таким образом, гуманизм в исламе подчеркивает необходимость плодотворного и взаимообогащающего сотрудничества мусульман с другими людьми, построенного на доброжелательности, независимо от их национальной и религиозной принадлежности.

Процесс реализации в образовательном процессе принципов гражданственности и патриотизма может стать более эффективным при использовании воспитательного потенциала ислама, так как последний сочетает в себе чувства любви к своей малой родине и к Российскому государству в целом. Кроме того, ислам, как гуманистическое учение, способен содействовать всестороннему развитию личности гражданина России, способного пользоваться своими гражданскими правами без ущерба другим и достойно нести обязанности гражданина Российской Федерации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ: ред. от 02.12.2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ: ред. от 06.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Коран. Ростов н/Д.: Феникс, 2020. 537 с.

УДК 347.6

КВАЛИФИКАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО БРАКА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

О.А. Ищенко, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются особенности заключения брака в двух правовых традициях, при этом акцентируется внимание на восприятии мусульманского брака в романо-германской правовой системе на примере регулирования правоотношений с участием иностранных граждан по семейному законодательству Российской Федерации.

Ключевые слова: условия заключения брака, признание брака, хромающий брак.

QUALIFICATION OF MUSLIM MARRIAGE IN THE ROMANO-GERMAN LEGAL TRADITION

O. A. Ishchenko, associate professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article analyzes the features of marriage in two legal traditions, and focuses on the perception of Muslim marriage in the Romano-German legal system by the example of the regulation of legal relations involving foreign citizens under the family legislation of the Russian Federation.

Keywords: conditions of marriage; recognition of marriage; limping marriage.

Всемирная интеграция, распространение дистанционных способов взаимодействия, объединение государств в союзы, отмена или упрощение визовых режимов позволяют людям из разных стран свободно общаться, встречаться и создавать интернациональные семьи. В связи с этим достаточно актуальными становятся вопросы нормативно-правовой регламентации семейных отношений, осложненных иностранным элементом.

Сложность их правового регулирования заключается в том, что семейные отношения с участием иностранцев и лиц без гражданства связаны сразу с двумя, а иногда и с несколькими государствами и, соответственно, с несколькими правовыми системами, в которых часто по-разному решаются вопросы брака и семьи: возраста и других условий вступления в брак, допустимости развода, распределения супружеского имущества, определения условий взыскания алиментов и т. п.

В современном мире насчитывается около 200 государств. Регулирование отношений внутри страны, как и взаимодействие ее с другими государствами, в большей степени зависит от сложившейся правовой системы. Комплекс согласованных, взаимосвязанных и взаимодействующих правовых средств, которые регулируют отношения в обществе, а также структурных элементов, которые характеризуют уровень юридического развития того или иного государства, принято называть принадлежностью к определенной правовой семье. По классификации Рене Давида выделяют четыре вида правовых семей: романо-германскую, англо-саксонскую, религиозную и обычную [5].

Рассмотрим особенности регистрации брачных союзов и восприятие института брака в романо-германской и религиозной (на примере мусульманской) правовых семьях.

В нашей стране законодательство построено по романо-германской правовой системе, в которой к институту брака принято относиться как к договору. В исламской же правовой традиции брак прежде всего это священный союз, основывающийся на нормах Корана.

Существующие различия в правовых системах, национальных и религиозных традициях государств обусловили наличие сложностей и особенностей, возникающих при регулировании брачно-семейных отношений лиц с разными гражданствами.

Они начинают проявляться при заключении брака, предъявлении дополнительных требований к брачующимся либо осложнении процедуры регистрации таких отношений.

В некоторых случаях брак, заключенный в одном государстве, может быть не признан в другом. Такие союзы в международном праве принято именовать хромающими браками. Например, будучи второй женой подданного Саудовской Аравии, гражданка Российской Федерации в нашей стране не будет считаться официально замужней, так как в ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) содержится запрет на вступление в брак с лицом, уже состоящим в браке, а в стране «мужа» их союз будет считаться законным.

Исходя из норм семейного законодательства нашей страны, браки с иностранцами могут заключаться тремя способами.

Во-первых, их можно заключить в Российской Федерации по правилам, действующим для ее граждан. Согласно ст. 156 СК РФ при заключении такого брака форма и порядок заключения определяются законодательством Российской Федерации, то есть регистрация осуществляется в органах записи актов гражданского состояния, причем в любом загсе по выбору брачующихся. А условия заключения брака определяются законодательством государства, гражданином которого лицо является в момент заключения брака. В случае с апатридами будут применяться условия законодательства той страны, где данное лицо имеет место жительства или определенный статус, например беженца, переселенца.

Кроме того, в отношении обоих молодоженов будут действовать ограничения, установленные ст. 14 СК РФ. Соответственно, при принятии заявления от пары, в которой мужчина или женщина является гражданином другого государства, сотрудники загса должны истребовать с них справки о дееспособности, об отсутствии другого зарегистрированного брака, установить, не являются ли лица, вступающие в брак, близкими родственниками и не имеют ли отношений усыновителя и усыновленного. Затем установить содержание иностранного семейного законодательства в части условий заключения брака и при необходимости запросить иные документы, переведенные на русский язык и заверенные в установленном законом порядке (нотариально или при помощи апостилирования) [4, с. 146–147].

Таким образом, для гражданина Египта, которому в соответствии с положениями мусульманского права разрешено вступать в брак, находясь в другом зарегистрированном браке, подобный вариант будет недоступен при регистрации брака в нашей стране.

Во-вторых, если граждане Российской Федерации проживают за пределами страны, они могут заключить брак в дипломатическом или консульском учреждении Российской Федерации (консульский брак). Также и иностранные граждане, проживающие на территории Российской Федерации, могут заключать браки в своих консульских (дипломатических) органах.

Консульские браки между иностранными гражданами на территории России признаются на условиях взаимности, установленной внутренним законодательством либо международным договором, если эти лица в момент заключения брака являлись гражданами иностранного государства, назначившего посла или консула в Российской Федерации (п. 2 ст. 157 СК РФ). Принцип взаимности состоит в том, что в государстве, которое назначило посла или консула, зарегистрировавшего брак, признаются действительными браки, заключенные в российских дипломатических представительствах или консульских учреждениях. С целью закрепления всех процедур, которые могут осуществляться при дипломатических представительствах, между странами заключаются консульские конвенции [1].

И, в-третьих, в соответствии с п. 1. ст. 158 СК РФ браки между гражданами РФ, между гражданами нашей страны и иностранцами или лицами без гражданства, заключенные за рубежом с соблюдением законодательства той страны, на территории которой они были зарегистрированы, признаются действительными в России с соблюдением норм ст. 14 СК РФ.

Следовательно, будет признан брак, заключенный в религиозной форме в тех странах, где такая форма приравнивается к государственной регистрации (например, в Италии, на Мальте и др.) или является единственной формой признания брака государством (Израиль, Ирак, Иран, Греция), но при этом не будет считаться действительным брак, заключенный в государстве, признающем полигамию, с мужчиной, уже находящимся в браке, даже если будут соблюдены все правила, установленные законодательством страны, в которой такой брак заключался.

Подобные правила легализации браков существуют практически во всех странах романо-германской правовой семьи. В некоторых случаях узаконение брака, заключенного в другой стране, происходит путем апостилирования документов [2], а порой никакой легализации и вовсе не требуется. Например, брак, заключенный гражданами ФРГ в Дании, для граждан Германии признается законным без легализации согласно Немецко-датскому соглашению об удостоверении документов от 23 июня 1936 г. [3, ст. 3 ч. 2].

Кроме того, гражданские (семейные) кодексы данных государств, как правило, признают браки иностранцев, заключенные ими в своей стране по действующим там законам, вообще без отсылок к национальному законодательству. Такое правило, например, установлено ч. 2 ст. 158 СК РФ, что указывает на принятие любых видов браков, существующих в мире, если это не касается граждан РФ, для которых и предусмотрены рассмотренные ранее оговорки.

Таким образом, можно заключить, что в странах романо-германской правовой группы в законах четко закреплены условия признания тех или иных браков действительными, в связи с чем становится возможным признание браков с иностранцами, лицами разных вероисповеданий и даже заключенных за пределами государства по иным законам, а также толерантное отношение к иным формам браков, не предусмотренных национальным законодательством, если это касается иностранцев.

Список источников

1. Венская конвенция о консульских сношениях: заключена в Вене 24.04.1963: документ вступил в силу для СССР 14.04.1989 // Сб. междунар. договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 124–147.

2. Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов: заключена в Гааге 05.10.1961: вступила в силу для России 31.05.1992 // Бюл. междунар. договоров. 1993. № 6.
3. Германо-Датское соглашение об удостоверении документов: заключено в Берлине 23.06.1936 // Германия по-русски. germany.ru: [сайт]. URL: <https://www.germany.ru/wwwthreads/files/561-4876796-law-1-2.pdf> (дата обращения: 03.02.2020).
4. Ищенко О.А. Семейное право: курс лекций. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2019.
5. Рене Давид. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988 // Lib.Ru: библиотека Максима Мошкова: [сайт]. URL: <http://lib.ru/PRAWO/rene.txt> (дата обращения: 03.02.2020).

УДК 342.724

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ КАК СРЕДСТВО ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

***А. С. Лада**, доцент кафедры публичного и частного права Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Статья посвящена проблемам правового регулирования трудовых отношений работников, различной конфессиональной принадлежности. На основе анализа трудового законодательства автор приходит к выводу, что в Трудовом кодексе Российской Федерации недостаточно учтены особенности трудовых отношений работников различной конфессиональной принадлежности. В результате предложены изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: трудовые отношения; религиозный праздник; религиозный обычай; межконфессиональный конфликт.

RELIGIOUS ASPECT IN LABOR RELATIONS AS A MEANS OF PREVENTING INTERFAITH CONFLICTS

***A. S. Lada**, associate professor of the Department of public and private law of the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation*

The article is devoted to the problems of legal regulation of labor relations of employees of various confessions. Based on the analysis of labor legislation, the author comes to the conclusion that the Labor code of the Russian Federation does not sufficiently take into account the peculiarities of labor relations of employees of various confessions. As a result, changes to the current legislation are proposed.

Keywords: labor relations; religious holiday; religious custom; interfaith conflict.

Согласно ст. 28 Конституции РФ каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или

совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [1]. В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединений» в Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [3].

Некоторые авторы отмечают, что в указанном законе не совсем некорректно сформулирована преамбула об особом вкладе православия в историю России и в формирование и развитие русской духовности и культуры [10, с. 15].

Одной из причин возникновения конфессионального конфликта может являться дискриминация в трудовых отношениях. Это может быть дискриминация как на законодательном уровне, так и в процессе трудовых правоотношений.

В Конституции РФ термин «дискриминация» в трудовых отношениях употребляется только применительно к вознаграждению за труд (ч. 3 ст. 37). В Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ) имеется гл. 54, регулирующая труд работников религиозных организаций, которая допускает регулирование труда церковными канонами [2].

На законодательном уровне споры вызывает норма ст. 112 ТК РФ, устанавливающая в качестве нерабочего праздничного дня 7 января – Рождество Христово, которое отмечается как православный праздник, однако нерабочие праздничные дни для иных религий ТК РФ не предусмотрены.

По этому поводу даже было обращение в Конституционный суд РФ, который вынес по этому поводу определение от 29 мая 2012 г. № 999-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Веселова Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав абзацем третьей части первой статьи 112 Трудового кодекса Российской Федерации» [5]. В качестве обоснования своей позиции Конституционный суд разъяснил, что не может рассматриваться оспариваемое положение и как нарушающее требования ст. 14, 28 и 29 Конституции Российской Федерации, так как оно не ограничивает возможности гражданина исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать религиозные и иные убеждения и правомерно действовать в соответствии с ними.

Следует отметить, что празднование 7 января помимо религиозного характера имеет еще и исторический аспект.

Кроме того, поскольку трудовое законодательство находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ, то это не препятствует субъектам РФ устанавливать свои нерабочие праздничные дни, в том числе религиозные.

Такой же позиции придерживается Верховный суд РФ в своем постановлении от 21 декабря 2011 г. № 20-ПВ11, в котором он признал право субъектов РФ устанавливать выходные дни в религиозные праздники в дополнение к федеральным нерабочим праздничным дням [6].

Таким правом воспользовались субъекты РФ, большинство населения которых исповедует иную религию, например, Республика Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкарская и другие, где установлены выходные дни во время празднования Курбан-байрама и Ураза-байрама. В Краснодарском крае, Саратовской, Брянской, Волгоградской, Оренбургской областях Радоница объявлена выходным днем.

Что касается атеистов, то в некоторых странах им также предоставляется выходной день. В качестве примера авторы приводят опыт Болгарии, где неверующий гражданин может получить выходной день в другое время [10, с. 16]. В российском трудовом законодательстве такая практика не реализована.

Помимо установления нерабочих праздничных дней в связи с необходимостью осуществления религиозных обрядов возникает проблема и в отношении выходных дней, а также перерывов течение рабочего дня.

В христианстве выходным днем является воскресенье, в иудаизме – суббота. Пятничный день в мусульманском вероучении является выходным, праздничным днем. В этот день мусульмане совершают праздничную, коллективную молитву в мечети, пекут сладости, раздают милостыню, ходят друг к другу в гости. Согласно ст. 111 ТК РФ общим выходным днем является воскресенье.

Что касается перерывов в течение рабочего дня, то среднее время, необходимое для исполнения ежедневной ритуальной молитвы мусульманами, колеблется от 10 до 15 минут [9, с. 12].

В зарубежных странах, например в США, дискриминацией является отказ предоставлять перерывы и выходные дни работникам, придерживающимся определенных религиозных взглядов, для отправления ими необходимых религиозных обрядов. Отказать им в этом можно только в случае если предоставить им перерывы и выходные дни невозможно в связи со спецификой работы [8, с. 110].

Аналогичное положение следует закрепить в ч. 2 ст. 111 ТК РФ, дополнив, что второй выходной день для работников, исповедующих религию, должен быть, по возможности, установлен согласно их религиозным канонам.

Кроме того, нужно ввести в ТК РФ ст. 108.1, в которой установить для работников, исповедующих ислам, перерывы в течение рабочего дня для исполнения религиозных обрядов. Указанные перерывы не должны включаться в рабочее время и не подлежат оплате, так как это будет являться дискриминацией по отношению к работникам, исповедующим другие религии и атеистам. Продолжительность таких перерывов должна устанавливаться локальными нормативными актами, коллективным договором.

Что касается дискриминации при применении труда, то в ст. 64 ТК РФ установлен запрет дискриминации при приеме на работу. Так, например, будет явной дискриминацией если в описаниях вакансий указана следующая информация: «требуется водитель, который является христианином» [11, с. 24].

В судебной практике нет решений по спорам о незаконном отказе в приеме на работу в связи дискриминацией по религиозным мотивам. Это связано с тем, что работодатель в объявлениях о вакансиях не указывают дискриминационные пункты, а резюме, не подходящие по тем или иным параметрам, просто не рассматриваются. Доказать, что кандидата не приняли на работу по дискриминационному признаку, практически невозможно.

За распространение информации о вакансиях, которая содержит сведения и ограничения дискриминационного характера установлена административная ответственность по ст. 13.11.1 КоАП РФ.

Также является дискуссионным вопрос о внешнем виде работника, в частности, ношение религиозной одежды.

Авторы приводят пример, когда в процессе работы сотрудница-мусульманка подвергалась постоянным оскорблениям и ущемлению своих прав в связи с ее вероисповеданием и нестандартным внешним видом. В конечном итоге руководитель уволил женщину [11, с. 24].

В отношении возможности ношения на работе такой одежды нет единой практики, она существует только в отношении образовательных учреждений.

Так, Министерство образования и науки РФ обосновывает запрет на ношение религиозной одежды необходимостью устранения признаков социального, имущественного и религиозного различия между обучающимися [7]. Судебная практика подтвердила запрет на ношение в образовательных учреждениях религиозной одежды, одежды с религиозными атрибутами и (или) религиозной символикой, головных уборов в помещениях образовательных учреждений [4].

За дискриминацию установлена административная ответственность (ст. 5.62 КоАП РФ).

Р. Н. Алиев предлагает расширить состав преступления, предусмотренный ст. 148 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», в частности указать, что «Под незаконным воспрепятствованием в данной диспозиции следует понимать вмешательство в деятельность религиозных организаций или в совершение религиозных обрядов и молитв верующими в процессе их трудовой, служебной и иной деятельности, производимое в нарушение законодательства РФ о свободе вероисповедания» [9, с. 13].

Представляется, что такое предложение неприемлемо, поскольку может привести к необоснованному привлечению работодателей и их представителей к уголовной ответственности даже в случае, когда по объективным причинам они

не смогут обеспечить совершение религиозных обрядов и молитв верующими в процессе их трудовой деятельности.

Таким образом, представляется, что для предотвращения дискриминации в трудовой деятельности по религиозным мотивам достаточно ограничиться внесением дополнений в ТК РФ.

В частности, закрепить в ч. 2 ст. 111 ТК РФ, дополнив, что второй выходной день для работников, исповедующих религию, должен быть, по возможности, установлен согласно их религиозным канонам.

Ввести в ТК РФ ст. 108.1, в которой установить для работников, исповедующих ислам, неоплачиваемые перерывы в течение рабочего дня для исполнения религиозных обрядов.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ: ред. от 16.12.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ: ред. от 02.12.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об оставлении без изменения решения Ставропольского краевого суда от 22 марта 2013 г., которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими в части Основных требований к школьной одежде и внешнему виду обучающихся в государственных общеобразовательных учреждениях, утвержденных Постановлением правительства Ставропольского края от 31 октября 2012 г. № 422-п: определение Верхов. суда Рос. Федерации от 10.07.2013 № 19-АПГ13–2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Веселова Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав абзацем третьей части первой статьи 112 Трудового кодекса Российской Федерации: определение Конституц. суда Рос. Федерации от 29.05.2012 № 999-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Верхов. суда Рос. Федерации от 21.12.2011 № 20-ПВ11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об установлении требований к одежде обучающихся: письмо Минобрнауки от 28.03.2013 № ДЛ-65/08 // Вестн. образования России. 2013. № 8.
8. Актуальные проблемы трудового права: учеб. для магистров / отв. ред. Н. Л. Лютов. М., 2017. 688 с.

9. Алиев Р. Н. К вопросу об обеспечении уголовно-правовой защиты свободы исполнения обязательных религиозных предписаний человеком и гражданином РФ // Рос. следователь. 2008. № 8. С. 11–13.
10. Некрасов М. А. Некоторые проблемы реализации светскости государства в России // Гос. власть и мест. самоуправление. 2016. № 10. С. 13–17.
11. Пастушкова Л. Дискриминация в трудовых отношениях // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2017. № 6. С. 19–35.

УДК 342.724

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО ИСЛАМА

***Р. Р. Мазитов**, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России*

Статья посвящена анализу современного образования с учетом воззрений представителей различных традиционных религиозных конфессий Российской Федерации, в частности ислама, в контексте Социальной доктрины российских мусульман, принятой в 2015 г., основанной на положениях Корана и хадисов пророка Мухаммеда.

Ключевые слова: образование; ислам; социально-правовая доктрина российских мусульман; светская концепция образования.

MODERN EDUCATION IN THE LIGHT OF THE SOCIAL AND LEGAL DOCTRINE OF RUSSIAN MUSLIMS AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF TRADITIONAL ISLAM

***R. R. Mazitov**, senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article is devoted to the analysis of modern education in its interaction with the views of representatives of various traditional religious denominations of the Russian Federation, in particular Islam, in the context of the Social doctrine of Russian Muslims adopted in 2015, based on the provisions of the Koran and hadith of the prophet Muhammad.

Keywords: education; Islam; social and legal doctrine of Russian Muslims; secular concept of education.

Вот уже пять лет в нашей стране действует Социальная доктрина российских мусульман [2], подписанная в 2015 г. в Булгаре лидерами мусульманской уммы России.

Как отметил заместитель директора Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования Али Полосин, этот документ не является вероучительным – он отражает трактовку исламом социальных, политических и экономических

вопросов и дает возможность мусульманам «заявить о своей гражданской позиции, о своих социальных приоритетах» [3].

В положениях доктрины нашли отражение многие сферы жизни современных российских мусульман. Этот документ является своеобразным руководством к действию для тех, кто относит себя к приверженцам пророка Мухаммеда в нашей стране. В ряду жизненно актуальных вопросов в ней обращено внимание на отношения мусульманина к такому важному аспекту, как образование, просвещение и духовное самосовершенствование.

Ислам побуждает людей к получению знаний, воспитывая мусульман в почтении и уважении к учителям, даже если они не мусульмане. В Коране 720 раз сказано о необходимости изучения наук, интеллектуального самосовершенствования и самообразования.

Что представляет собой современное образование? Чаще всего, как мы можем видеть в официальных документах и транслирующих, как правило, этот подход в средствах массовой информации, оно обозначает социально-временную характеристику образования. При этом главную нагрузку несет первое слово, показывающее, на какой период времени мы пытаемся обратить внимание, а также состояние социального воспроизводства новых поколений [5].

В соответствии с законом понятие «образование» трактуется как целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства [1].

Используя знания, полученные в ходе их приобретения, современные обучающиеся должны иметь возможность для «включения» в соответствующую им временную структуру, поэтому происходящее в современной российской системе образования ставит перед обществом массу вопросов, необходимость разрешения которых давно уже назрела. В первую очередь это анализ и на его основании организация качественного образовательного процесса, соответствующего духу времени, в рамках которого должно быть сформировано единое органично взаимосвязанное образовательное пространство, с возможностью сотрудничества всех элементов современного общества: семьи, государства, четкой системы образования, религиозных и общественных организаций, формирующих устойчивые духовные традиции.

Современная система образования, исходя из веления времени, становится большей частью техникоориентированной, уделяя больше времени в своих учебных программах техническим и естественно-научным дисциплинам, в то же время испытывая дефицит времени, отводимого на гуманитарное, скорее даже духовное, воспитание обучающихся.

Это связано с попыткой уйти от рассмотрения воспитательных аспектов, основанных на формировании отношения к нравственному идеалу, проблемам духовности, отношении к ближнему, в том числе и к Богу.

Выделяют определенный набор проблем, связанных с религиозным и светским образованием, их взаимной интеграцией, которые делят на теоретические и практические.

В группу теоретических проблем входят вопросы возможного цивилизованного взаимопонимания светского и духовного в образовании, восстановления преемственности культур и религий народов, населяющих нашу страну, а также прекращения полного отторжения использования в учебном процессе элементов традиционных религий.

Обращаясь к практическим проблемам, можно выделить следующие: это возможность взаимодействия религиозного и светского типов образования в рамках функционирования национальной системы образования; предельно аккуратное взаимодействие светского и религиозного на фоне профилактики религиозного экстремизма и нетерпимости представителей разных культур.

Говоря об отношении религии к получению знаний и образованию, необходимо отметить, что важной составляющей в жизни каждого человека любого вероисповедания является его отношение к наукам – мирским и духовным. Беря в качестве примера ислам, мы можем с уверенностью утверждать, что это одна из религий, уделяющих большое внимание получению знаний, образованию и в первую очередь грамотности.

Так, согласно суре «Аль-Алак» (Коран, сура 96:1–5) [4] ангел Джабраил (Гавриил) обратился с требованием к Пророку Мухаммаду – «Читай!», чтобы тот начал читать. И пророк, не умеющий ни читать, ни писать, в итоге смог сделать то, что от него требовалось. Этим аятом Аллах призывает всех людей искать знания, работать над собственным интеллектом, стремиться быть грамотными. Последователи ислама были убеждены, что слова Корана даны свыше, и поэтому их сохранение – главная задача. С самых ранних дней ислама сподвижники пророка начали записывать слова Корана. Они писали на коре, шкурах животных и даже на камнях. Это привело к открытию новой эры грамотности [6].

Согласно постулатам ислама вера делает людей праведными и чистыми в жизни этой и будущей, а знания поднимают их на высокое место, ибо в Коране сказано: «Воистину, Аллах поднимает тех из вас, кто уверовал и кому даны знания на высокие ступени» (Коран, 58:11) [4].

Поиск и распространение приносящих общественную пользу знаний обладает свойством, которое позволяет их открывателю пополнять свой список добрых дел и после смерти. «Когда умирает человек, закрывается книга его деяний. Только три вещи продолжают приносить ему пользу и пополняют список хороших дел – результаты его благотворительной деятельности, открытие знаний,

приносящих пользу людям, и набожный ребенок, который будет молиться за спасение его души» (хадис от Муслима) [7].

Пророк Мухаммад в одном из своих известнейших хадисов говорит: «Поиск знаний является обязанностью для каждого мусульманина и мусульманки» (Табарани) [7]. То есть в данном случае получение знаний, освоение новых умений характеризуется посланником Всевышнего как обязательное дело для всех уверовавших в его миссию людей.

Подводя итоги, можно сказать, что знания в исламе принято делить на два типа. Первый – это знание своей религии. Второй тип представляет собой специализированное образование, посредством которого можно стать специалистом в конкретной сфере и приносить тем самым пользу обществу и государству.

Необходимо отметить, что в основе рассматриваемой доктрины лежит текст Корана, основываясь на котором, богословы дают рекомендации о различных аспектах жизни мусульман в светском государстве. Разъясняются некоторые религиозные понятия, приемлемые для светского общества, предлагается целая система развития общества, основанная на стимулировании получения знаний и образования.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ: ред. от 06.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Социальная доктрина российских мусульман. М.: Алтын Мирас, 2017. 96 с.
3. Исламское сообщество РФ разработало социальную доктрину мусульман // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/amp/20150527/1066787463.html> (дата обращения: 15.02.2020).
4. Коран. М.: Феникс, 2016. 537 с.
5. Куликова Л. Н. Гуманизация образования и саморазвитие личности. Хабаровск, 2001. 333 с.
6. Опыт и перспективы исламского образования в современной России // Ислам в России. Наука и образование: сб. материалов конференции. 2013 // Ислам и общество: [сайт]. URL: http://islamio.ru/news/education/opyt_i_perspektivy_islamskogo_obrazovaniya_v_sovremennoy_rossii/ (дата обращения: 15.02.2020).
7. Хадисы пророка / пер. Иман Валерии Пороховой. М: Рипол-Классик, 2016. 320 с.

УДК 34

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСЛАМА: КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФОРМЫ

М. А. Мусинова, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России

В статье анализируется политизация ислама на современном этапе развития общества, диалектическая связь между исламом и властью в России и, в частности, на Дальнем Востоке. Автор выделяет конструктивные и деструктивные формы политизации ислама и показывает их влияние на политическую и социальные сферы жизни российского общества. На основе анализа причин и форм политизации ислама резюмируется необходимость более тщательного изучения процесса вовлечения ислама в политический дискурс России.

Ключевые слова: политизация, ислам, фундаментализм, политический дискурс, экстремизм, религиозная политика, исламофобия.

ISLAM POLITIZATION: CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE FORMS

М. А. Musinova, lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the politicization of Islam at the present stage of the development of society, the dialectical connection between Islam and power in Russia and the Far East. The author identifies constructive and destructive forms of politicization of Islam and their influence on the political and social spheres of life in Russian society. Based on an analysis of the causes and forms of politicization of Islam, the author summarizes the need for a more thorough study of the process of involving Islam in the political discourse of Russia.

Keywords: politicization; Islam; fundamentalism; political discourse; extremism; religious politics; Islamophobia.

Религия всегда являлась важным фактором, влияющим на все сферы жизни общества. Одним из религиозных направлений, все глубже проникающих во все сферы жизни общества (и особенно в политическую), можно назвать ислам. На рубеже XX–XI вв. ислам превратился в фактор, влияющий в большей или

меньшей степени на различные процессы как в национальном политическом поле, так и на международном уровне. Однако политизация ислама не только является мощным связующим фактором упрочнения исламских государств, но и создает в определенных своих формах проблемы и конфликты, которые особенно негативно отражаются на развитии молодежи современной России.

Вовлечение чего-либо нового в уже устоявшийся политический дискурс всегда вызывает волнения, напряженность, а иногда – при самых неблагоприятных исходах – ксенофобию, что как раз демонстрируют нам политические реалии России сегодняшнего дня. Исламофобия, сопровождающая политический ислам, может детерминировать ужасающие последствия, выражающиеся в вопиющих нарушениях конституционных прав мусульман и, как вариант негативного исхода разрешения подобного конфликта, в деструктивных насильственных ответных действиях ортодоксальных исламистов.

При проведении тщательного объективного анализа следует резюмировать, что политизация ислама – это более широкое и достаточно многоаспектное явление, нежели единая идеология политических действий и изменений. В качестве общего определения ее можно сформулировать как «исламистский проект изменений (ислаимзм)» – политический проект, основанный на религиозной легитимности, в котором одним из основных аспектов является диалектическая связь между исламом и властью, ключевым фактором, включенным в исламистский дискурс и практику путем переосмысления герменевтики Корана и идеологических интерпретаций исламского права [4].

Одной из основных предпосылок активной политизации ислама специалисты называют «объективно большую простоту и скорость» «в отличие от других мировых религий». Причины этого – в особенностях ислама как идеологии, которая не предполагает разделение светского и религиозного, так как ислам представляет собой «нерасторжимое единство» веры, государственно-правовых установлений и определенных форм культуры [8].

В идеологии современного исламизма можно выделить несколько основных тезисов:

1) универсальность исламских принципов (сознательная любовь к божественному, преданность идеалам истинности и справедливости, почитание монотеизма и вытекающего из него равновесия, поддержание которого есть задача каждого верующего человека) [7];

2) утверждение, что западное общество находится в духовном тупике, и только ислам, ранее освободивший общество от колониализма, способен защитить от экспансии неоколониализма [1] и помочь восстановить утраченные ценности;

3) необходимость создания единого исламского государства (о нем заявляли в той или иной форме все современные исламистские идеологи, на-

чина от исламистов-модернистов, заканчивая фундаменталистами и даже ваххабитами-фундаменталистами).

Если рассматривать возможные формы проявления политизированного ислама, то следует резюмировать постоянную дихотомию конструктивной и деструктивной форм любого социального явления. Политизированный ислам (исламизм) не является исключением и также может проявляться в законных (конструктивных) и радикальных незаконных (деструктивных) формах. В своих радикальных формах исламизм отрицает законность прав конкретного человека и тех социальных групп, которые традиционно дискриминируются в ряде исламских стран: женщин и немусульманских меньшинств, призывает к насильственному достижению политических и религиозных целей, решению социальных и конфессиональных конфликтов с помощью воинствующего джихада и актов терроризма.

Конструктивный исламизм представлен умеренными религиозно-политическими течениями, к которым принадлежат большинство сторонников политизации ислама, отвергающих практику политического террора.

«Умеренный» исламизм существует практически во всех арабских и многих других мусульманских странах в форме легально действующих политических партий либо общественно-просветительских, благотворительных, правозащитных организаций, выступающих за сохранение и распространение мусульманской культуры. Причем политические партии, стоящие на позициях умеренного исламизма, не декларируют в качестве своей политической цели создание исламского государства (использование религии в политических целях запрещено в конституциях почти всех мусульманских стран), но проповедуют сохранение «исламских ценностей» как неперемнное условие дальнейшего развития мусульманского общества.

Представители конструктивного политического ислама организуют участие мусульман в решении инфраструктурных вопросов, касающихся отправления религиозных ритуалов (например, строительство мечетей в г. Биробиджане, Благовещенске, Хабаровске; организация и законное функционирование молитвенных домов в Амурской, Магаданской областях, республике Саха (Якутия); организация функционирования молитвенных комнат в исправительных колониях (ИК-7, ИК-3, ИК-6 на территории Якутии) [6].

Конструктивное вовлечение религии в политический дискурс может принимать различные формы:

- создание представительных организаций и учреждений, отстаивающих права, в том числе и политические, мусульман – на Дальнем Востоке это Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ), Духовное управление мусульман Азиатской части России (ДУМАЧР), независимые мусульманские

общины (исламская умма), Духовное управление мусульман Дальнего Востока (ДУМ ДВ);

– деятельность городских медресе, призванных решать проблему кадров для исламской уммы и вовлечение молодежи в процессы конструктивной исламской политизации [5].

На сегодняшний день представители умеренных мусульманских религиозных организаций активно принимают участие в обсуждении взаимодействия как по социальным, правовым, так и по образовательным вопросам. Так, в Дальневосточном юридическом институте МВД России ведется активная работа по коммуницированию с представителями конструктивного исламизма: проводятся брифинги, круглые столы, конференции с заслушиванием докладов на соответствующую тематику.

Представители ДУМ ДВ осуществляют масштабную работу по организации политической и религиозной мысли мусульман Дальнего Востока. Так, главной идеей для них является организованное централизованное управление всеми мусульманскими структурами и общинами, что позволит систематизировать имеющиеся мусульманские организации, объединить их и направить все усилия на развитие Ислама в ДФО.

Усиление традиционного ислама, поднятие уровня религиозной грамотности и контроль над ранее раздробленными общинами позволят эффективно прививать местному этническому мусульманскому населению понимание истинного ислама, несущего мир и созидание, а также препятствовать развитию экстремистских настроений среди местного и иностранного населения.

За короткое время своего существования ДУМ ДВ уже успело сделать большую работу: наладило контакты с региональными общинами и смогло объединить под своим контролем религиозные организации Приморского, Хабаровского краев, Сахалинской, Магаданской, Амурской и Еврейской автономной областей. К образовательно-просветительской работе ДУМ ДВ также относятся: контроль уровня квалификации имамов; налаживание контактов с ведущими исламскими университетами России; проведение курсов повышения квалификации имамов; работа по возведению мечетей и молельных домов. К религиозно-политической деятельности ДУМ ДВ можно отнести: установление связей с региональными властями; подписание соглашений о сотрудничестве; поддержание тесных взаимоотношений с духовенствами и областными епархиями; работа над консолидацией разрозненных мусульманских диаспор и разрешению внутренних проблем мусульманской общины Дальнего Востока [2].

Проанализированные формы политизации ислама позволяют сделать вывод, что на территории Дальнего Востока России мусульмане активно участвуют в религиозных и политических процессах и событиях и ставят перед собой созидательные, конструктивные, «диалоговые» цели. Однако, помимо

положительных и социально одобряемых форм проявления исламизма, существуют и противоположные им деструктивные, вызывающие страх и напряжение в обществе, формы политизации мусульман.

К радикальным проявлениям политизации ислама (джихадистскому исламизму) относятся экстремистские группировки, провозглашающие джихад как единственный способ создания исламского государства.

Если анализировать дальневосточный аспект проявления радикального исламизма, то следует отметить, что в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) действуют несколько радикальных организаций, состоящих как из мигрантов, так и из местного татарского населения. В их числе запрещенные на территории России Исламская партия Туркестана (ИПТ, прежнее название – Исламское движение Узбекистана – ИДУ), «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Приморский джамаат». Также представители политически деструктивного ислама попадают в поле зрения правоохранителей в г. Владивостоке, Уссурийске, Южно-Сахалинске, где ведутся разработки подобных криминальных «звеньев» и производится последующая экстрадиция и привлечение к соответствующей юридической ответственности приверженцев запрещенных исламских организаций.

Таким образом, исходя из проанализированной информации, можно говорить об актуальности вопроса политизации и контроле за данным процессом на Дальнем Востоке России.

Политизация ислама проходит неравномерно (во временном и территориальном отношении) в различных регионах Российской Федерации. Это связано прежде всего с концентрацией мусульманского населения в регионе, количественным преобладанием среди мусульманского населения религиозных фундаменталистов и политических активистов, степенью вовлеченности молодежи в политические процессы.

Можно с уверенностью констатировать, что оплотом активной политизации ислама стал такой сложный, неоднозначно воспринимаемый регион РФ, как Северный Кавказ, где процессы политизации мусульманской религии были спровоцированы различными утилитарными целями заинтересованных должностных лиц и общественных организаций в решении блока социально-экономических проблем. Однако в эпоху всеобщей глобализации, в том числе и информационной, и развития средств передачи информации нельзя не принимать во внимание влияние даже порой очень отдаленных регионов друг на друга. Вышеупомянутая Чеченская республика и проводимая ее органами власти политика влияет и влечет ответную реакцию политически активного населения Дальнего Востока, особенно в части религиозного реформирования и связанных с исламом правоотношений, транслируя и ретранслируя подобный информационный взаимообмен через сеть Интернет.

Следующая сложность, связанная с процессами активной политизации ислама связана с тем, что в местах наслоения политики и религии возникают «особые формы международной напряженности, искусственно раздуваемые средствами массовой информации до уровня исламофобии, ксенофобии и антисемитизма, в результате чего региональные проблемы раздуваются до уровня глобальных». Лидеры мусульманских стран неоднократно на разных уровнях выступали против однобокого представления ислама в СМИ, на сценах театров и в литературе [3].

В качестве примера можно привести активные резонансные дискуссии вокруг аббревиатуры «ИГ» или «ИГИЛ», расшифровывающейся как «Исламское государство Ирака и Леванта», которое признано многими странами и международными организациями, в том числе и Лигой арабских государств, как террористическая структура исламских фундаменталистов.

Ряд российских имамов считают, что использование наименования «Исламское государство» в отношении данной организации некорректно, поскольку дискредитирует ислам, создает о нем неверное представление в глазах молодежи. Использовать для группировки именованная «ИГ» и «Исламское государство» представляется недопустимым, поскольку когда «ИГ» расшифровывается как «Исламское государство», тут же происходит очернение Ислама и мусульман в целом, что порождает исламофобию и религиозную нетерпимость.

Принимая во внимание вышеизложенную информацию, можно смело констатировать, что только на основе серьезного глубокого многоаспектного анализа данного явления можно будет сделать качественные выводы, которые помогут в урегулировании конфликтов (будь то юридические конфликты, разрешаемые на законном уровне, с представителями умеренного исламизма, или социально-политические конфликты, решаемые путем уголовного преследования, со сторонниками исламистского терроризма).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Политизация ислама – процесс двойственный, неоднозначный, но в силу специфичности мусульманской религии – необратимый и поступательный. Вместе с развитием общества, с научно-техническим прогрессом, с развитием государственности и правовой мысли поступательно реформируется и ислам, находя все более разнообразные дискурсы проявления, даже далекие от духовной сферы – политику, например.

В зависимости от выбора способов достижения своих политических целей, методов борьбы за власть политизация ислама может иметь как положительные, так и отрицательные результаты, а также сопровождаться соответствующими настроениями, например исламофобией, ксенофобией, враждебностью.

Экстремистские организации, стремящиеся к завоеванию власти всевозможными способами, пытаются показать силу, мощь, влияние и авторитет ислама,

подменяя понятия, фальсифицируя факты и категории. Поэтому вытекающая отсюда цель мирового научного сообщества – формирование адекватного эффективного ответа на политику агрессии и насилия, обмен международным опытом и стремление к позитивным переменам.

Исследования политизации ислама на Дальнем Востоке обнажают связанные с ней проблемы и противоречия, демонстрируя актуальность и перспективность изучения данного явления с учетом региональных особенностей.

Список источников

1. Долгов Б. В. Исламизм в контексте межкультурного взаимодействия // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2007. № 4. С. 85–99.
2. Духовное управление мусульман Дальнего Востока // ДУМДВ. Духовное управление мусульман Дальнего Востока: [сайт]. URL: <http://dumdv.ru/index.php/about-us> (дата обращения: 02.02.2020).
3. Зинченко М. С. Политизация ислама как фактор современного политического процесса: на материалах Северного Кавказа: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. Пятигорск, 2010.
4. Ислам // Геополитика.ru: [сайт]. URL: <https://www.geopolitica.ru/islam> (дата обращения: 12.11.2019.).
5. Ислам на Дальнем Востоке // Ruisworld.com: [сайт]. URL: <http://ruisworld.com/regiony/islam-na-dalnem-vostoke> (дата обращения: 25.01.2020).
6. Малашенко А., Старостин А. Ислам на Российском Дальнем Востоке // Россия в глобальной политике: электрон. журн. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Islam-na-rossiiskom-Dalnem-Vostoke> (дата обращения: 25.01.2020).
7. Права человека и основные принципы исламского закона // Уніан. Информационное агентство: [сайт]. URL: <https://religions.unian.net/islam> (дата обращения: 12.02.2020).
8. Семедов С. А. Причины политизации ислама в современном мире // Государство, религия, церковь в России и за рубежом / ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». 2009. С. 230–232.

УДК 340

РЕЛИГИОЗНО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЧЕВОЙ ФОРМУЛЫ ОБРАЩЕНИЯ К СУЛТАНУ МЕХМЕДУ II ФАТИХУ (ПОСЛЕ 1453 ГОДА)

***К. Г. Салтыков**, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматривается вопрос о речевых формулах в титулатуре главы государства, который сохраняет актуальность на протяжении всего периода развития отечественной юридической науки. Последний византийский император Константин XI попытался лишить захватчиков юридической возможности констатировать смерть главы государства. Оценивая романский компонент в речевой формуле обращения к османским султанам, уместно вспомнить, что титулатура есть преимущество верховной власти, которое выражается в совокупности юридических условий и внешних отличий. Связь титулатуры с административно-территориальным устройством страны неоднократно упоминалась в юридической литературе. Использование после 1453 г. в отношении турецкого султана речевой формы обращения «Цезарь Рима» как имело религиозный смысл, так и способствовало популяризации турецкой государственной службы среди представителей бывшей греческой знати.

Ключевые слова: титул; речевая формула; юридический язык; административное устройство; Христианство; государственная служба; Ислам.

RELIGIOUS AND LEGAL SIGNIFICANCE OF THE SPEECH FORMULA FOR ADDRESSING SULTAN MEHMED II FATIH (AFTER 1453)

***K. G. Saltykov**, head of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article deals with the question of speech formulas in the title of the head of state, which remains relevant throughout the period of develop-

ment of domestic legal science. The last Byzantine Emperor, Constantine XI, tried to deprive the invaders of the legal opportunity to state the death of the head of state. When evaluating the romanesque component in the speech formula for addressing the ottoman sultans, it is appropriate to remember that titulature is an advantage of the supreme power, which is expressed in a combination of legal conditions and external differences. The connection of the titulature with the administrative-territorial structure of the country has been repeatedly mentioned in the legal literature. The use of the «Caesar of Rome» speech form for the Turkish Sultan after 1453 had both a religious meaning and contributed to the popularization of the turkish civil service among members of the former greek nobility.

Keywords: title; speech formula; legal language; administrative structure; Christianity; public service; Islam.

Вопрос о речевых формулах в титулатуре главы государства сохраняет актуальность на протяжении всего периода развития отечественной государственно-правовой науки. Для подтверждения этого достаточно вспомнить положения Указа царя Алексея Михайловича 1667 г. «О титуле царском и о государственной печати», впервые законодательно определившего юридическое значение титула и государственной печати, или Указ Петра I от 11 ноября 1721 г. «О императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах», которым определялись общие характеристики и территориальные пределы власти российского императора, а также порядок использования титула в отдельных правовых актах внутри государства и в дипломатической сфере [8, с. 85–87].

Указанные обстоятельства объясняют причины исследовательского внимания к религиозно-юридическому значению речевых формул обращения к султану Мехмеду II Фатиху как к главе Османского государства.

Итак, к моменту турецкого нашествия Византийская империя была крайне слаба. Император сохранял контроль лишь за столицей, ее предместьями, Пелопоннесом и несколькими островами.

В далекой, но все еще признававшей первенство цареградского царя Москве по распоряжению Великого князя Василия Дмитриевича были прекращены молитвенные поминовения византийского императора. Это вызвало отрицательную реакцию Константинопольского патриарха Антония IV, которая свидетельствовала о религиозном и дипломатическом разобщении между Русью и Византией [9, с. 192–193].

С другой стороны, несмотря на утверждение унии, помощь католического мира была незначительной и выражалась в прибытии в город малочисленных отрядов генуэзских и венецианских наемников, доставлявших скромные в стра-

тегическом отношении партии еды и оружия. Вскоре торговые пути были вовсе перекрыты войсками султана.

В ночь на 29 мая 1453 г. по приказу султана на приступ бросились иррегулярные турецкие части – башибузуки, венгерские, немецкие и итальянские наемники. За ними в бой вступили основные силы армии захватчиков. Городские стены были частично разрушены, а защитники города измотаны. Именно в этот момент Мехмед II ввел в бой янычар, которые заслуженно считались лучшими воинами Османской империи.

Над башнями городских стен один за другим взвиваются стяги султана. Защитникам столицы византийского государства становится ясно, что пятидесятидневная осада города завершилась победой турецкой армии. Император Константин XI срывает с себя регалии и, ничем не отличаясь от рядового воина, бросается в самую жестокую часть боя, где принимает героическую смерть [5].

Данный поступок императора не был случайностью. Лишая захватчиков юридической возможности констатировать смерть главы государства и идентифицировать тело (большинству вражеских трупов турецкие воины немедленно усекали голову), Константин XI формально оставался легитимным правителем города и остатков империи.

Прекрасно понимая это, Мехмед отдал приказ отмыть множество трупов с целью опознать императора. Опознанную по ряду косвенных признаков голову своего главного противника султан повелел водрузить на колонну, стоявшую на Форуме Августа, после чего забальзамировать и представить для обозрения ко двору наиболее могущественных правителей мусульманского мира. Оценивая подобные действия с государственно-правовой точки зрения, можно констатировать, что для их характеристики более всего подойдет словосочетание «легитимизация власти».

Мехмед II был сыном султана Мурада II, при котором получил прекрасное образование, включавшее изучение грамматики, истории, географии, богословия, поэзии и иностранных языков.

Историческая роль наследника Римской империи всегда привлекала амбициозного и образованного Мехмеда II, который незамедлительно после покорения города на Босфоре выступил в качестве римского базилиевса – приемника византийского императора. Формально это выразилось в принятии титула Цезарь Рима и включении в титулатуру султана, понимаемую нами в качестве набора титулов, используемых правителями Османской империи, речевой формулы обращения «Кайзер-и-Рум», которая использовалась турецкими султанами вплоть до окончания Первой мировой войны [4].

Оценивая романский компонент титулатуры османских султанов, уместно вспомнить научную позицию русского профессора права А. Д. Градовского, который отмечал, что титулатура есть преимущество верховной власти, ко-

торое выражается в совокупности юридических условий и внешних отличий, цель которых – сделать главу государства, как представителя верховной власти, выше всех других членов одного и того же юридического сообщества. Вместе с этим титул указывает на права монарха и объем его владений [1, с. 153–155].

Отвечая на вопрос о религиозном и юридическом значении указанной речевой формулы обращения, необходимо отметить, что ее употребление в языковом и административно-правовом отношении соответствовало делению государства на две половины – Анатолию и Румелию.

Связь титулатуры с административно-территориальным устройством страны неоднократно упоминалась в юридической литературе [2, с. 14–17] как форма реализации правового принципа единства земли [3]. Содержание титула расширяется по мере включения в состав страны новых территорий, титулатура государей при этом рассматривается как отражение величия государства.

Кроме того, издание декрета о «предоставлении свободы всем, кто остался в живых», необходимость сохранения численности городского населения, нехватка профессиональных скульпторов, архитекторов и специалистов, владеющих европейскими науками и мастерством, обусловили принятие на себя Мехмедом II общего руководства многочисленными христианскими общинами посредством назначения нового патриарха Геннадия II Схолария, ответственного перед султаном. Личная неприкосновенность Геннадия, уважение его сана и вечное освобождение всех подчинившихся ему епископов от налогообложения гарантировались султанским указом.

Титул «Кайзер-и-Рум» в таких обстоятельствах приобретал дополнительное содержание.

Одновременно с этим Римский папа провозгласил активного участника обороны города Византийского Митрополита Исидора патриархом Константинопольским «in partibus infidelium», что также требовало адекватного религиозно-юридического противопоставления [6].

К тому же это умиротворяло участвовавших в осаде христианских вассалов Мехмеда, сохранивших несколько из великого множества церквей, и соответствовало его личному достаточно толерантному для того времени отношению к христианской культуре. Известно, что, оказавшись перед храмом Святой Софии (построен при императоре Юстиниане в 532–537 гг. н. э.), Мехмед II спешился, упал на колени и осыпал себя горстью пыли, показывая этим свою смиренность, так как мусульмане почитали великий храм не менее, чем христиане.

После издания в 1476 г. Мехмедом II основанного на тексте Корана свода законов, подробно регламентировавшего права и обязанности правителей, духовенства, отношение к иноверцам, столичный патриарх получил положение «милет-баши» и возглавлял православных Османской империи как в духовном, так и в светском отношении [4].

Помимо этого, использование после 1453 г. в отношении турецкого султана речевой формы обращения «Кайзер-и-Рум» способствовало популяризации османской государственной службы среди представителей бывшей греческой знати. Изменение титулатуры Мехмеда II естественным образом оказало влияние на восприятие его в народе и способствовало поддержанию его авторитета, а также стало проявлением стремления к единоначалью в государственной власти, что, естественно, отразилось на организации кадрового обеспечения государственной службы.

Так, назначенный летом 1454 г. великим визирем Махмуд-паша в прошлом был знатным византийцем, принявшим ислам и в течение двух десятков лет верно служившим султану. Великими визирями Османской империи были принявшие ислам сыновья брата последнего византийского императора Теодора Палеолога Хас Мурат-паша и Месих-паша [7].

Таким образом, во-первых, употребление такой речевой формулы обращения к султану Мехмеду II Фатиху, как «Кайзер-и-Рум» в языковом и административно-правовом отношении соответствовало устройству Османского государства. Во-вторых, рассматриваемый элемент титулатуры имел религиозное, политическое и дипломатическое значение в связи изменением сфер канонического влияния, произошедшим после падения Константинополя.

Рассматриваемая речевая формула обращения к турецкому султану также указывала на выполнение им функции по руководству христианскими общинами, осуществлявшемуся через Патриарха Константинопольского Геннадия II.

Кроме того, использование титула «Цезарь Рима» главой Османской империи способствовало популяризации турецкой государственной службы среди населения покоренных территорий.

Список источников

1. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. 1.
2. Губашева С. А., Гумашвили А. Э. Федеративное устройство Чечни в XVI – XVIII вв. // История государства и права. 2014. № 18. С. 14–17.
3. Исаев М. А. История Российского государства и права: учеб. / МГИМО (Университет) МИД России. М.: Статут, 2012. 840 с.
4. Мехмед II Завоеватель // Энциклопедический словарь // Словари и энциклопедии на Академике: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/82526/MEXMED> (дата обращения: 18.05.2019).
5. Падение Константинополя – одно из самых пафосных событий в истории // Disgusting men: [сайт]. URL: <http://disgustingmen.com/history/collapse-of-constantinople> (дата обращения: 08.02.2019).
6. Падение Константинополя (29 мая 1453 года) // LiveInternet: [сайт]. URL: <http://liveinternet.ru/users/4403733/post390157820/> (дата обращения: 08.02.2019).

7. Тайны Османского двора. Частная жизнь султанов (Джон Фрили, 2004) // Карта-слов.ру – Карта слов и выражений русского языка: [сайт]. URL: https://kartaslov.ru/книги/Фрили_А_Тайны_Османского_двора_Частная_жизнь_султанов/2 (дата обращения: 10.02.2019).
8. Ширинкина Н. М. Основные государственные законы Российской империи и правовое оформление внешних атрибутов верховной государственной власти и государства (1832–1906 гг.) // Рос. юрид. журн. 2013. № 4. С. 85–87.
9. Miklosich Fr. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1862. V. II.

УДК 342.731

СВОБОДА СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РОССИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Н. В. Трофимчук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

В статье автор рассуждает о становлении и развитии права на свободу совести и вероисповедания в России. В статье проведен анализ нормы источников права на различных исторических этапах развития правовой мысли в России.

Ключевые слова: религия; право; свобода совести; свобода вероисповедания.

FREEDOM OF CONSCIENCE AND CONFESSION IN RUSSIA (HISTORICAL ASPECT)

N. V. Trofimchuk, associate professor of the department of civil and legal disciplines of the far eastern law institute of the ministry of internal affairs of russia, kandidat nauk, degree in law

In the article, the author discusses the formation and development of the right to freedom of conscience and religion in Russia. The article analyzes the norm of sources of law at various historical stages in the development of legal thought in Russia.

Keywords: religion; law; freedom of conscience; freedom of religion.

Статья 28 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. каждому гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [1]. Сегодня данное право мы воспринимаем, как данность, но как это было еще полвека назад? Прежде чем стать гарантированным правом, свобода совести и вероисповедания в России прошла сложный и долгий путь.

Первые шаги законодательного оформления этого права в России относятся ко временам еще Петра I. Так, с целью обеспечения интересов ино-

странных специалистов, въезжающих в Россию, принимается «Манифест о вызове иностранцев в Россию, с обещанием свободы вероисповедания» от 16 апреля 1702 г., гарантирующий свободу вероисповедания. Вместе с тем в отношении своих подданных самодержец не проявлял такой веротерпимости. Петр I проводил политику укрепления положения русского православия, а именно русской православной церкви, ущемляя положение старообрядцев, облагая их различными платежами: «...за оный раскол всякие платежи вдвое платить».

Дальнейшее развитие законодательства в отношении свободы совести и вероисповедания шло по пути государственных ограничений, не допуская быть «вне религии», атеистом или свободно менять веру, за небольшим исключением. Имело место «вмешательство государства в жизнь религиозных организаций; неравенство конфессий; значительное влияние религиозной идеологии на правосознание российского общества; наделение религиозных учреждений функциями государственных и судебных органов; тесное взаимодействие религиозных и правовых норм; недопущение законами вневероисповедного состояния граждан и права свободного религиозного самоопределения...» [9, с. 23].

Государство и церковь тесно взаимодействовали, привлекая на сторону государственной религии новых сторонников (например, снятие ограничений с евреев после крещения), поддерживая переход иноверцев, особенно язычников, в православную веру. Если вновь обращенные желали вернуться в свою веру либо уклонялись от исполнения православных обрядов, то к ним применялись наказания (публичное покаяние, заключение в местные монастыри и конфискация имущества и даже отобрание детей [12]). Действовавший Свод законов Российской империи не допускал и возможности смены веры для тех, для кого это была вера его предков [5, ст. 28, 46–49, 51–53].

Кроме того, материальное право подкреплялось и уголовно-исполнительным. В частности, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало жесткие наказания за преступные деяния против православного вероисповедания. Например, за непубличное богохульство полагалась ссылка в Сибирь или телесные наказания (ст. 183), а за ненасильственное отвлечение от веры (когда один побуждает отступить от веры другого) отправляли в ссылку до 10 лет, телесно наказывали, клеймили (ст. 190). Отступление же от веры каралось лишением всех прав на время отступления [8].

В 1903 г. было принято Уголовное уложение, которое также включало составы религиозных преступлений. Перечень последних был несколько уменьшен, в сравнении с перечнем в предшественнике [6].

Дальнейшие исторические события привели к ослаблению позиций православной церкви. Под давлением обстоятельств, социальной напряженности и вспыхнувшей в январе 1905 г. революции Николай II принимает Указ от

17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Данный документ отменял преследование и иные невыгодные последствия для лиц, отказавшихся от православной веры в пользу другого христианского исповедания или вероучения [3, ст. 1]. Однако указ не давал права вообще не исповедовать никакую религию.

Результатом социальных и политических веяний того периода стало появление манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», который даровал свободу слова, совести, собраний и союзов [4]. В 1906 г. некоторые послабления были сделаны и для старообрядцев (например, упрощение деятельности старообрядческих общин и отмену части поражений в правах). В то же время сохранялось уголовное преследование в отношении «нетерпимых вероучений», за «поношением в адрес верующих», «ересь» (иными словами – пропаганда атеизма. самого понятия «атеизм» в законодательстве не существовало).

В 1917 г. результатом революционных достижений стало в том числе и объявление свободы совести. 14 июля 1917 г. было принято Постановление Временного правительства «О свободе совести», в первом пункте которого провозглашалось: «каждому гражданину Российского государства обеспечивается свобода совести» [10]. Таким образом, гарантированность гражданских и политических прав не ставилась в зависимость от вероисповедания. Однако объявляемая свобода совести, как в царской России, носила незаконченный характер. Она распространялась лишь на определенные законом вероучения, а при Временном правительстве – и на непринадлежность к ним, сохранялось уголовное наказание в рамках уложений 1845 и 1903 гг., например, за публичное богохульство. Таким образом, понимание «свободы совести» было довольно узким. По нашему мнению, более подходящим понятием относительно описываемого времени было бы понятие «свобода вероисповедания».

После Великой Октябрьской Социалистической революции Декретом «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января (2 февраля) 1918 г. в ст. 3 было провозглашено: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие правонарушения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры отменяются» [2].

В сравнении с аналогичным положением, закрепленным в Постановлении «О свободе совести» Временного правительства, понимание свободы совести в декрете стало носить более широкий характер. Поэтому именно после начала перехода к коммунистической общественно-экономической формации впервые в истории России была реализована свобода совести в том ее понимании, которое дошло до наших дней.

Гарантом ее соблюдения стала гл. III Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Согласно ст. 121 преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или иных частных учебных заведениях и школах каралось принудительными работами на срок до одного года. А статья 125 за воспрепятствование исполнению религиозных обрядов, если они не нарушали общественного порядка и не сопровождалась посягательствами на права граждан, устанавливала наказание в виде принудительных работ на срок до 6 месяцев [7]. Данный пример хорошо показывает основной принцип свободы: там, где начинается свобода одного, заканчивается свобода другого.

Без сомнения, становление свободы совести и вероисповедания в России прошло немалый путь. Но обществу предстоит еще многое понять и переоценить.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. О свободе совести, церковных и религиозных обществах: декрет от 20.01.1918 (02.02.1918) // История России: мультимедиаучебник [сайт]. URL: <http://www.history.ru/content/view/1114/87> (дата обращения: 05.02.2020).
3. Об укреплении начал веротерпимости: указ от 17.04.1905 // История России: мультимедиаучебник [сайт]. URL: <http://www.history.ru/content/view/1114/87> (дата обращения: 13.02.2020).
4. Об усовершенствовании государственного порядка: манифест // История России: мультимедиаучебник [сайт]. URL: <http://www.history.ru/content/view/1114/87> (дата обращения: 12.02.2020).
5. Свод законов Российской империи. 1842. Т. 14 // Руниверс: [сайт]. URL: <https://runivers.ru/lib/book7372/> (дата обращения: 12.02.2020).
6. Уголовное уложение 1903 года // История России: мультимедиаучебник [сайт]. URL: <http://www.history.ru/content/view/1114/87> (дата обращения: 12.02.2020).
7. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // История России: мультимедиаучебник [сайт]. URL: <http://www.history.ru/content/view/1114/87> (дата обращения: 14.02.2020).
9. Кулиев Ф. М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // Изв. СОИГСИ. 2015. Вып. 15 (54).
10. Дорская А. А. Законодательное закрепление свободы совести Временным правительством // Библиофонд. Электронная библиотека студента. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=68094> (дата обращения: 12.02.2020).

11. Зеньковский С. А. Петр I и раскол // Credo press: [сайт]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=2012> (дата обращения: 01.02.2020).
12. Пол Верт. Православие, инославие, иновение. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи // Электронная библиотека по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека: [сайт]. URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/69450/chitat_knigu.shtml#r23 (дата обращения: 12.02.2020).

УДК 347.6

СООТНОШЕНИЕ СВЕТСКИХ И ДУХОВНЫХ ОСНОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

О. В. Турчина, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье автор рассуждает о существовании взаимосвязи и определенном влиянии религиозных норм на нормы и категории, в том числе оценочные, действующего гражданского и семейного законодательства. Проанализированы нормы, содержащие такие понятия, как «обычай», «традиции», «религиозные нормы», и их место в системе оценочных понятий наследственного и семейного права.

Ключевые слова: религиозные нормы; обычай; традиция; семейное право.

CORRELATION OF SECULAR AND SPIRITUAL FOUNDATIONS IN RUSSIAN LEGISLATION

O. V. Turchina, associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

In the article the author discusses the existence of a relationship and a certain influence of religious norms on the norms and categories, including evaluative ones, of the current civil and family legislation. The norms containing such concepts as customs, traditions, and religious norms and their place in the system of evaluation concepts of inheritance and family law are analyzed.

Keywords: religious norms; custom; tradition; family law.

Значимость законодательства как исходного определяющего элемента правовой основы государственной и общественной жизни не подвергается сомнению. В юридической науке толкование права имеет несколько подходов, в том числе и широких. Речь идет о том, какие компоненты составляют право.

Традиционным является подход о рассмотрении права как регулятора общественных отношений. Возникающие различного рода правоотношения невозможно «оторвать» от норм права. Миссия права заключается в регуля-

тивным воздействии на поведение в обществе во взаимодействии с другими ценностно-нормативными установками.

Исторический процесс становления права шел от отношения к норме и в качестве верного аргумента можно привести слова А. М. Васильева, обосновывающего, что причины процесса первоначального образования права – экономические, а его истоки заключены в повторяющихся фактических отношениях, участники которых оказывались вынуждены силой обстоятельств действовать одинаково [3, с. 191].

Нормы права как мысленные модели поведения формулируют общие модели поведения. На основе норм права создаются индивидуальные модели, содержание которых не может расходиться с содержанием общей модели, а отличается лишь своим индивидуальным характером. В ответ на возникающий вопрос «Что явилось моделью такого поведения?» следует согласиться с существующей точкой зрения о формировании правил поведения на основе сложившихся норм, правил и традиций религиозного характера.

Нормы семейного права, как никакие другие, берут начало в традициях, обычаях, и религиозных обрядах. Семейное законодательство отличается от других отраслей права наличием тонкой взаимосвязи и теснейшим взаимодействием норм морали, нравственности и духовных ценностей с нормами права с их традиционной регулятивной функцией. Основой семейных отношений являются духовно-нравственные ценности. Длительное время основными источниками в сфере брачно-семейных отношений был Закон Божий и правила Священного Писания. Церковь могла решать большую часть вопросов, связанных с браком и семьей.

В философском словаре понятие «религия» (лат. religio – «благочестие, набожность, святыня») представлено как мировоззрение, миропонимание, мироощущение, а также сопряженное с ними поведение людей, определяемое верой в существование сверхъестественной сферы, артикулируемой в ее зрелых формах [4].

С течением времени урегулирование вопросов совместного проживания мужчины и женщины, ведения ими общего хозяйства становилось неизбежной необходимостью, нуждающейся во вмешательстве со стороны государства.

Религиозные нормы, заключающие в себе основные идеи нравственности, морали, духовности, являются еще и мощным потенциалом для развития гармоничной личности в отдельности и человечества в целом. На протяжении многих тысячелетий именно религия оказывала определяющее воздействие на формирование мировоззрения человека, определяя глубинный смысл его поступков, формируя их повседневную мотивацию [6, с. 33–38]. Некоторые из этих норм находят воплощение в законодательстве. Светский характер Российской Федерации – как государства, так, соответственно, и права – закреплен в отечественной

Конституции. В то же время мы можем проследить как традиции, обычаи, а кроме того нормы религии и духовно-нравственные ценности оказывают влияние на индивидуальные правоотношения, возникающие в гражданском и семейном законодательстве.

Религиозная идеология подчас серьезным образом оказывает влияние не только на правосознание граждан, но и на некоторые нормы права, а также на светские суды. Напрямую законодатель не указывает на применение религиозных норм, но присутствие этой взаимосвязи прослеживается в некоторых законоположениях семейного и гражданского права.

Отличительной особенностью данной составляющей рассматриваемой взаимосвязи можно назвать опосредованный характер присутствия (упоминания) религиозных норм в оценочных понятиях отечественного законодательства.

В первую очередь можно обозначить, что принципы международного права направлены на запрещение насильственных мер воздействия на личность, на уважение человеческих свобод, чести, достоинства, семейных прав и религиозных обрядов [2].

Следует отметить, что в основном соотношение духовных основ с государственно-правовыми наблюдается в сфере гражданского и семейного законодательства. Правительство Российской Федерации, формулируя основные направления семейной политики, делает акцент на формировании благоприятной, дружественной атмосферы в семейных отношениях, содействии развитию культуры семейного воспитания детей на основе традиционных семейных духовно-нравственных ценностей [1]. Закон, естественно, не может этого потребовать, но создать условия для существования здоровой в физическом и моральном понимании семьи он обязан.

Нормы семейного законодательства запрещают любую дискриминацию лиц в области брачно-семейных отношений по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Предписывая меру должного поведения, Семейный кодекс устанавливает, что супруги должны строить свои отношения на основе взаимной любви, уважения, согласия, стремясь к укреплению семьи и детей.

Большинство традиционных религий предписывают уважительное и почтительное отношение детей к родителям: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» (пятая заповедь Божья). Аналогичную норму мы встречаем и в семейном праве, где совершеннолетние трудоспособные дети обязаны заботиться о родителях и поддерживать их материально в необходимом на то случае.

Развивая далее мысль о взаимосвязи духовных (оценочных) понятий законодательства и права с вероучительными положениями религии, следует отметить также и нормы гражданского права, в частности то, что имеет место

быть в нормах наследственного права. Например, статья 1174 ГК РФ содержит правило о возмещении расходов на достойные похороны наследодателя, что, несомненно, относится к культовым объектам и религиозным установлениям. Исходя из судебной практики, возмещению подлежат расходы: на «покупку иконы и креста в руку», «поминальную трапезу», «установку креста и услуги священника», «поминальные обеды на 9-й (7-й) и 40-й день с момента смерти наследодателя», «лампаду и отпевание». В некоторых случаях суды прямо указывают, что та или иная вещь, используемая при похоронах, непосредственно к процедуре погребения не относится и «в силу закона», иного нормативного акта или религиозных норм не требуется.

В контексте рассматриваемого вопроса нельзя не упомянуть и о норме п. 1 ст. 123 СК РФ, согласно которой при устройстве ребенка, оставшегося без попечения родителей, должны учитываться его этническое происхождение, принадлежность к определенной религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения преемственности в воспитании и образовании.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии определенной взаимосвязи между религиозными (духовными) нормами и действующим гражданским и семейным правом.

Список источников

1. Об утверждении Стратегии развития и воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.05.2015 № 996-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 23, ст. 3357.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20.12.2006 61/177 // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: <http://www.un.org/ru/ga/61/docs/61res2.shtml> (дата обращения: 12.02.2020).
3. Васильев А. М. Правовые категории. М., 1976.
4. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Минск, 1999.
5. Немытина М. В. Традиции в правовых культурах, правовых системах // Правовые традиции: Жидковские чтения: материалы междунар. науч. конф. Москва, 29–30 марта 2013 г. / под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Немытиной. М., 2014.
6. Пашенцев Д. А. Взаимодействие правовых и религиозных норм: историко-теоретический аспект // История государства и права. 2015. № 17.

УДК 34.07

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Д. А. Шабловская, студентка юридического факультета Хабаровского государственного университета экономики и права

В статье рассматриваются способы позитивного воздействия религиозных объединений на процесс формирования компетенций у сотрудников органов внутренних дел. Раскрываются способы взаимодействия по конкретным компетенциям, закрепленными в ФГОС ВО по направлению 40.03.01.

Ключевые слова: деятельность религиозных объединений; взаимодействие органов внутренних дел и религиозных объединений; сотрудничество; формирование профессиональных компетенций.

WAYS OF INTERACTION OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS AND BODIES OF INTERNAL AFFAIRS IN THE PROCESS OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCES

D. A. Shablovskaya, student of the Faculty of Law of the Khabarovsk State University of Economics and Law

This article discusses the ways of positive influence of religious associations on the process of forming competencies among employees of internal affairs bodies. Methods of interaction are revealed for specific competencies enshrined in the Federal State Educational Standard of Higher Education in the direction of 40.03.01.

Keywords: activities of religious associations; interaction of internal affairs bodies and religious associations; cooperation; formation of professional competencies.

Молодое поколение для общества и государства – стратегический ресурс, имеющий большую ценность с точки зрения «чистоты» взглядов, отсутствия стереотипности мышления. Благодаря этому появляется возможность воспитать

новое поколение сотрудников органов внутренних дел в соответствии с требованиями, предъявляемыми федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (далее – ФГОС).

Данный вопрос является актуальным в связи с тем, что существующие радикальные группировки активно пропагандируют различные формы нетерпимости, в том числе религиозной, а также активно привлекают в свои ряды молодежь. Именно поэтому необходимо установить сотрудничество между религиозными объединениями и органами внутренних дел непосредственно, а также высшими учебными заведениями, осуществляющими подготовку по направлению «Юриспруденция».

ФГОС закрепляет следующие компетенции, которыми должен обладать выпускник, в том числе [2]:

1) способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (общекультурная компетенция ОК-6);

2) способность соблюдать законодательство Российской Федерации, в том числе Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы, а также общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры Российской Федерации (общепрофессиональная компетенция ОПК-1).

Данные компетенции можно и нужно развивать, обращаясь к представителям различных религиозных объединений.

Общекультурная компетенция ОК-6 подразумевает наличие у сотрудника внутренних дел знаний хотя бы о тех религиях, которых придерживается население России, их сути. Для этого могут быть организованы, в том числе, встречи с представителями религиозных объединений в целях просвещения, так как именно последователи этих религий могут рассказать более точно, что представляет их религия, раскрыть основные понятия, традиции, обычаи, иерархию внутри религиозного объединения и т. д.

Можно сказать, что в некотором роде данная компетенция основана на содержании преамбулы Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – ФЗ № 125-ФЗ), в которой закрепляется необходимость содействия достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания [1].

Кандидат исторических наук П. Б. Чуриков очень точно отмечает, что на данный момент вопросы безопасности касаются среди прочего осмысления и осознания хотя бы классических религиозных текстов, основных богословских понятий. Он выделяет следующие проблемы: толкование заповедей блаженства

для христиан (например, «нищета духом» понимается как духовное богатство), понимание джихада для мусульман («большой джихад» в классическом понимании – это борьба с собственными страстями) [4, с. 315].

Общепрофессиональная компетенция ОПК-1 прямо не предусматривает возможность взаимодействия с религиозными объединениями, однако соблюдение ряда статей Конституции РФ (например, ст. 14, 28, 59), а также ФЗ № 125-ФЗ будет более эффективно, если изучать их, применяя комментарии от представителей религиозных объединений. Например, более понятным будет механизм получения разрешения проведения религиозных обрядов в общественных местах, предусмотренный п. 5 ст. 16 ФЗ № 125-ФЗ, если представители религиозных объединений будут рассказывать конкретные случаи проведения ими таких обрядов, какие документы они подготавливали для получения данного разрешения.

С. Н. Сухов отмечает, что в сети Интернет активно развернули свою деятельность в целях вербовки новых членов, распространения деструктивной идеологии среди молодого поколения радикальные группировки. На вооружение следует взять то, что религиозные объединения, в свою очередь, также могут использовать известные интернет-площадки в целях просвещения населения в целом и сотрудников внутренних дел в частности [3, с. 318].

Таким образом, можно наладить устойчивое взаимодействие между религиозными объединениями и сотрудниками внутренних дел, которые, помимо повышения уровня культуры и образованности, помогут также более точно толковать законодательство, касающееся деятельности таких объединений.

Список источников

1. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ: ред. от 02.12.2019 // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 23.10.2019).
2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1511: ред. от 11.01.2018 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210457/ (дата обращения: 23.10.2019).
3. Сухов С. Н. Влияние информатизации российского общества на взаимодействие органов внутренних дел с представителями традиционных религиозных конфессий // Юрид. наука и практика: вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2017. № 4 (40). С. 317–318.
4. Чуприков П. Б. К вопросу о теологической составляющей во взаимодействии органов МВД и религиозных организаций // Юрид. наука и практика: вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2017. № 4 (40). С. 315–316.

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ» (24 МАРТА 2020 ГОДА)

УДК 343. 241; 343.43

НАКАЗУЕМОСТЬ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

***И. М. Антонов**, доцент кафедры уголовного права и криминологии Хабаровского государственного университета экономики и права, кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматриваются вопросы наказуемости за такое преступление против свободы личности, как торговля людьми. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательной пенализации торговли людьми, изменении и оптимизации конструкций уголовно-правовых санкций.

Ключевые слова: наказуемость; пенализация; законодательная пенализация; практическая пенализация; условное осуждение; принудительные работы; лишение свободы; иные меры уголовно-правового характера; торговля людьми.

PURPOSE OF HUMAN TRAFFICKING: QUESTIONS OF THE THEORY AND LEGISLATIVE REGULATIONS

***I. M. Antonov**, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Khabarovsk State University of Economics and Law, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article considers the issues of punishability for such a crime against individual freedom as human trafficking. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve the legal penalization of trafficking in persons, to change and optimize the constructions of criminal sanctions.

Keywords: penalties; penalties; legislative penalties; practical penalties; probation; forced labor; imprisonment; other criminal law measures; human trafficking.

Статья 127¹ УК РФ, регламентирующая уголовную ответственность за торговлю людьми, состоит из трех частей и двух примечаний. Деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 127.1 УК РФ, относятся к категории тяжких преступлений и наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до шести лет. Квалифицированные виды торговли людьми (ч. 2 ст. 127.1 УК РФ) также являются тяжкими преступлениями и наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Особо квалифицированные виды торговли людьми (ч. 3 ст. 127.1 УК РФ) законодатель отнес к категории особо тяжких преступлений, установив за их совершение наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Кроме того, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ к лицам, осужденным по ст. 127¹ УК РФ, может применяться иная мера уголовно-правового характера в виде конфискации имущества.

Законодательная пенализация (то есть установление характера наказуемости преступления законодателем, или установление в уголовном законе санкции за запрещенное деяние [1]) такого преступления как торговля людьми представляется неоптимальной и требующей совершенствования.

По нашему мнению, одним из существенных недостатков санкций ст. 127.1 УК РФ является то, что они предусматривают лишь два вида основного наказания – лишение свободы на определенный срок и принудительные работы. Думается, данное обстоятельство не способствует индивидуализации ответственности при назначении наказания за торговлю людьми в судебной практике.

Принудительные работы в качестве наказания за торговлю людьми суды не применяют, а лишение свободы далеко не всегда необходимо для достижения целей наказания. Указанное обстоятельство не редко вынуждает суды прибегать к условному осуждению за торговлю людьми. В результате тяжкие или даже особо тяжкие преступления остаются *de facto* безнаказанными.

Сказанное подтверждается данными судебной статистики. Так, в 2015–2018 гг. наказание в виде принудительных работ за торговлю людьми в Российской Федерации не назначалось ни разу. В 2015 г. из тридцати девяти осужденных за торговлю людьми восьмерым (20,51 %) было назначено условное осуждение, в 2016 г. из двадцати семи – восьмерым (29,63 %), в 2017 г. из двадцати шести – шестерым (23,08 %), в 2018 г. из восемнадцати – пятерым (27,8 %) [2].

Представляется, что достаточно высокий уровень применения условного осуждения за совершение настолько опасного для личности преступления, каким является торговля людьми, может свидетельствовать о неудачной конструкции санкций ст. 127.1 УК РФ, в частности, о недостаточности наличия в них только двух видов основного наказания.

Еще одним недостатком рассматриваемых уголовно-правовых санкций являются чрезмерно широкие границы между низшими и высшими пределами наказания в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 127.1 УК РФ – до шести лет, ч. 2 ст. 127.1 УК РФ – от трех до десяти лет, ч. 3 ст. 127.1 УК РФ – от восьми до пятнадцати лет). Такие широкие санкции, на наш взгляд, не способствуют единообразию практической пенализации (процессу назначения уголовного наказания в судебной практике [1]) торговли людьми. Широкие пределы наказания позволяют назначать существенно различающиеся по тяжести наказания за аналогичные по характеру и степени общественной опасности преступления.

Кроме того, широкие пределы санкций, предусмотренных за торговлю людьми, заставили законодателя применить неудачное, по нашему мнению, конструктивное решение. Санкции ст. 127¹ УК РФ как бы «нахлестывают» друг на друга. Несмотря на то, что преступления, предусмотренные различными частями указанной правовой нормы, несомненно, обладают различной степенью общественной опасности, санкции позволяют назначить одинаковое (от трех до шести лет лишения свободы за основной и квалифицированный составы, от восьми до десяти лет лишения свободы за квалифицированный и особо квалифицированный составы торговли людьми) наказание за их совершение.

В связи с изложенным необоснованно низким представляется минимальный предел наказания в виде лишения свободы в санкциях, установленных за торговлю людьми. Деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 127¹ УК РФ, относятся к категории тяжких преступлений, однако, установленные за их совершение санкции позволяют назначать наказание, равное наказанию за преступления средней и даже небольшой тяжести. Необоснованно низкой можно считать и нижнюю границу (восемь лет лишения свободы) санкции ч. 3 ст. ст. 127.1 УК РФ, позволяющую назначить за особо квалифицированные виды торговли людьми менее строгое наказание, чем предусмотренное ч. 2 этой же правовой нормы.

Обращает на себя внимание, что санкция ч. 2 ст. 127.1 УК РФ содержит два вида дополнительных наказаний, в том числе лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет. В тоже время санкция ч. 3 ст. 127.1 УК РФ, регламентирующая наказание за те же деяния, но совершенные при особо отягчающих обстоятельствах, такого наказания не содержит. Указанное обстоятельство свидетельствует, на наш взгляд, о явной ошибке законодателя.

Думается, к недостаткам санкций, установленных за торговлю людьми, следует отнести и их несогласованность с санкциями некоторых других статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за преступления против личной свободы человека, в частности с санкциями ст. 126 и 128 УК РФ. Остается неясным, почему торговля людьми наказывается более строго, чем похищение человека и незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Сказанное в равной степени относится к санкциям всех названных статей уголовного закона.

Считаем возможным сделать вывод о необходимости совершенствования законодательной пенализации торговли людьми, изменении и оптимизации конструкций уголовно-правовых санкций, предусмотренных за совершение этого преступления, устранения имеющихся в них недостатков.

Список источников

1. Антонов И. М. Пенализация преступлений против здоровья: учеб. пособие. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. 140 с.
2. Отчет Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации о видах по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2015 г.; за 12 месяцев 2016 г.; за 12 месяцев 2017 г.; за 12 месяцев 2018 г. Форма № 10.3.

УДК 343.6

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОМАШНЕЕ СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

***Е. Ю. Антонова**, завкафедрой уголовного права и криминологии Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, доцент*

В статье рассматриваются проблемы сексуального насилия как разновидности домашнего насилия и ответственности за него по российскому уголовному законодательству. Автор дает определение домашнего сексуального насилия, определяет основные негативные последствия, которые оно влечет за собой.

Ключевые слова: домашнее насилие; сексуальное насилие; расстройство сексуального предпочтения; инцест.

RESPONSIBILITY FOR DOMESTIC SEXUAL VIOLENCE UNDER THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

***E. Yu. Antonova**, chair head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Khabarovsk State University of Economics and Law, Doctor of Law, Associate Professor*

The article discusses the problems of sexual violence as a form of domestic violence and responsibility for it under Russian criminal law. The author gives a definition of domestic sexual violence, defines the main negative consequences that it entails.

Keywords: domestic violence; sexual abuse disorder of sexual preference; incest.

В последние годы активнее начали обсуждаться вопросы домашнего насилия. В 2019 г. на законодательном уровне даже обсуждался вопрос о принятии Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», дискуссия о необходимости которого вызвала интерес со стороны общественности. И, несмотря на то, что законопроект принят не был, важность

изучения данного негативного явления очевидна, как и необходимость совершенствования правовых, в том числе уголовно-правовых, мер воздействия на него.

Отметим, что отечественное законодательство не делает различия между внесемейным и внутрисемейным насилием. Кроме того, в связи с отсутствием соответствующего статистического учета, точных сведений о количестве совершаемых насильственных актов в рамках семейно-бытовых отношений нет. Но даже те данные, которые имеются, не отражают истинной картины и масштаба проблемы, поскольку насилие в целом и домашнее насилие, в частности, является высоколатентным. Потерпевшие от домашнего насилия не заявляют в правоохранительные органы о совершенном в отношении них противоправном акте (по подсчетам некоторых ученых только 2 % жертв внутрисемейного насилия заявляют о случившемся [6, с. 51]), в силу, например, материальной зависимости жертвы от насильника, зависимости ребенка от взрослого члена семьи, психологического шантажа или, так называемого «внутрисемейного права», которое отражает «страх перед внешним миром и запрещающее выход за пределы семейной группы». Как отмечается в научной литературе, семейная общность воспринимается как взаимная принадлежность друг другу, которая распространяется и на половые отношения включительно. Такое функционирование семьи требует тайного поведения, сохранение же тайны в первую очередь необходимо для того, чтобы вина не упала на весь дом [4, с. 69]. Часто это приводит к тому, что домашнее насилие (в отличие от внесемейного насилия, которое, как правило, заключается в однократном эпизоде) приобретает систематический (продолжительный) характер. Нередко о таковом становится известно только после того как совершается убийство. Причем убийство может совершаться как лицами, допускающими насилие (по данным ВОЗ до 38 % убийств женщин в мире совершается их интимными партнерами мужского пола [8]), так и жертвами такого насилия.

В рамках настоящей работы будут рассмотрена такая разновидность домашнего насилия как сексуальное насилие. Актуальность данного аспекта подтверждается целым спектром тех негативных последствий, которые оно влечет за собой:

– потерпевшим от домашнего сексуального насилия причиняется серьезный, иногда непоправимый физический и психический вред. К такому можно отнести, например, развитие у потерпевших психических расстройств, в том числе различных расстройств сексуального предпочтения; возникновение посттравматического кратковременного стрессового или затяжного депрессивного состояния, которые могут повлечь за собой самоубийства, покушения на самоубийства, злоупотребление алкоголем, наркотиками и иными психоактивными веществами. Это подтверждается исследованиями психологов, согласно которым домашнее сексуальное насилие оказывает «дезорганизирующее влияние

на психическую деятельность ребенка, надолго остается в его памяти, влияя на самооценку, развитие и характер будущих межличностных отношений» [7, с. 3]; дети-потерпевшие обнаруживают посттравматические личностные изменения, суицидальные мысли и ограничение социальных контактов [10, с. 19];

– возможны негативные генетические последствия, поскольку нередко домашнее сексуальное насилие связано с инцестом [12, с. 210–214] (кровосмешение, сексуальные контакты между кровными родственниками, например между отцом (или отчимом) и дочерью, братом и сестрой, дедом и внуками, дядей и племянниками, матерью и сыном). Специалисты отмечают, что «при длительном инцесте, начавшемся в раннем возрасте, у потерпевших возникают характерные психические расстройства с определенной динамикой, которые укладываются в рамки своеобразных психогенных и патохарактерологических развитий личности. В основе психогенных развитий лежит дистресс, перерастающий в депрессию с аффективным истощением, которая сопровождается формированием личностных и психосексуальных расстройств» [7, с. 6].

Как правило, инцест осуждается общественностью, в некоторых странах даже влечет за собой уголовную ответственность. Вместе с тем не любые сексуальные отношения между членами семьи являются насильственным и противоправным. Например, российское уголовное законодательство предусматривает ответственность только за насильственные инцестные действия, подпадающие под признаки ст. 131–133 УК РФ, а также половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет (ст. 134 УК РФ) и развратные действия (ст. 135 УК РФ). Если же лица, вступающие в инцестные отношения, достигли так называемого возраста согласия, и добровольно (без применения насилия, зависимости и т. д.) вступают в сексуальную связь, уголовная ответственность исключается;

– ребенок, наблюдавший с детства насильственные семейно-бытовые отношения и сексуальное насилие, в том числе сам подвергшийся такому насилию может воспринять данное поведение нормой и есть вероятность того, что он будет допускать его в будущем в своей семье. Кроме того, возможно возникновение недоверия и негативного отношения к родителям (иным близким родственникам), следствием чего может стать насилие в отношении последних со стороны подросткового ребенка, в том числе их убийство.

Последнее подтверждается различными научными исследованиями, исходя из которых, следует, что многие дети-жертвы сексуального насилия сами впоследствии совершают преступления против половой неприкосновенности малолетних/несовершеннолетних лиц.

Отметим, что лица, страдающие таким расстройством сексуального предпочтения как педофилия, чаще всего совершают сексуальные действия со знакомыми детьми (детьми друзей, родственников, соседей). Министерство юстиции

США приводит данные о том, что 90 % жертв изнасилования в возрасте до двенадцати лет знали преступника [14, р. 352, 357–358]. В Великобритании, по данным научных исследований, от 10 до 30 % взрослых женщин сообщают врачам о сексуальных посягательствах в отношении них, имевших место в детстве, причем в 75 % случаев субъект, совершивший сексуальные действия, был известен потерпевшей, а в 45 % случаев был членом семьи [1, с. 74].

Важно иметь в виду, что сексуальное насилие может быть контактным и бесконтактным. Контактное сексуальное насилие включает в себя принуждение к сексуальным отношениям, в том числе в неприемлемой для партнера форме, с применением физического или психического насилия, шантажа и др., сексуальное злоупотребление (как правило, сексуальные действия между ребенком и взрослым, от которого первый находится в состоянии зависимости, либо, когда ребенок в силу возраста не понимает характера совершаемых с ним действий) или эксплуатацию (например, использование потерпевшего в проституции, порнографических постановках и др.). Сексуальное бесконтактное насилие будет иметь место, когда ребенок, например, вынужден наблюдать сексуальную активность взрослых или порнографию. Это могут быть нежелательные взгляды, сексуальные комментарии и оскорбления; демонстрация половых органов (экспозиционизм); подглядывание (вуайеризм).

Более того, сексуальное насилие будет иметь место не только в тех случаях, когда действия сексуальной направленности осуществляются против воли потерпевшего, но и когда насилие в прямом смысле слова не применяется и потерпевшая сторона внешне добровольно вступает в эти отношения, а в случае пролонгированных отношений может даже быть их инициатором. Например, когда в качестве потерпевшего выступает лицо с психическим расстройством или ребенок, не понимающие характер совершаемых с ними действий и в силу этого, не способные дать осознанного согласия на сексуальные отношения. Насилие (принуждение) будет иметь место и при использовании виновным своего авторитета перед потерпевшим (обычно ребенком) или подкупа.

Так, «отчим в туалете приставал падчерице, пытался засунуть свой половой орган в заднепроходное отверстие, и просил ее не рассказывать об этом матери, тогда он будет дарить ей подарки» [5].

Обращает на себя внимание и тот факт, что в научной литературе, а также в процессе обсуждения данной проблемы общественностью, как правило, уделяется внимание домашнему сексуальному насилию только в отношении женщин и девочек. Вероятнее всего, это обусловлено статистическими данными, свидетельствующих о том, что сексуальное насилие, в том числе совершаемое в рамках семейно-бытовых отношений, совершается чаще всего в отношении данной категории лиц. По данным о глобальной распространенности насилия, опубликованным ВОЗ, каждая третья женщина (35 %) в мире на протяжении

своей жизни подвергается физическому или сексуальному насилию со стороны интимного партнера, либо сексуальному насилию со стороны другого лица [8].

Проблемы сексуального насилия в отношении мужчин, а также несовершеннолетних и малолетних лиц мужского пола практически не исследуются. В первую очередь это связано с тем, что мужчины реже, чем женщины сообщают правоохранительным органам о фактах сексуального насилия над ними. Как правило, это обусловлено социальными установками и стереотипами о мужчинах и мужественности. С детства мужчинам внушают мысль о том, что они не должны быть слабыми и уязвимыми. Как результат над мужчинами довлеют такие психологические доминанты как стыд, чувство вины, страх, что им не поверят или осудят за то, что произошло. Именно поэтому мужчины крайне редко обращаются за помощью. Вместе с тем сексуальное насилие против мужчин и мальчиков является большой проблемой. Так, исследования, проведенные в развитых странах, показывают, что только 5–10 % мужчин сообщают о перенесенном сексуальном насилии в детстве [9, с. 161]. При этом согласно ежегодным отчетам США, каждый год 834700 тысяч мужчин являются жертвами сексуального и/или физического насилия, совершенного интимными партнерами жертв [13, р. 5].

Исследования показывают, что девочки, а не мальчики подвергаются более высокому риску сексуального насилия (на двух-четырех девочек приходится один мальчик, подвергшийся сексуальному насилию). По некоторым данным одна из четырех девочек и один из восьми мальчиков подвергались сексуальному насилию в возрасте до 18 лет. Сексуальному насилию в возрасте до 14 лет обычно подвергаются 20–30 % девочек и 10 % мальчиков. Мальчики чаще, чем девочки, подвергаются насилию в более раннем возрасте. Хотя в общей сложности сексуальное насилие над мальчиками встречается в 3–4 раза реже, чем над девочками [11, с. 16]. Несмотря на эти данные, считается, что именно мальчики могут подвергаться большему риску сексуального насилия [14, р. 358].

Как мы уже отмечали, российское уголовное законодательство не делает различия между внесемейным и внутрисемейным сексуальным насилием. Вместе с тем уголовно-правовой механизм защиты половой неприкосновенности и половой свободы личности от противоправных внутрисемейных (насильственных и ненасильственных) действий сексуального характера существует.

В частности, в главе 18 УК РФ предусматриваются различные варианты противоправных действий сексуальной направленности. Кроме того, лицам, совершившим преступления сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, сегодня может быть назначено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы (ч. 1 ст. 57, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134 УК РФ), к ним не могут применяться условное осуждение (п. «а» ч. 1 ст. 73 УК РФ) и отсрочка отбывания наказания (ч. 1 ст. 82

УК РФ), увеличен срок фактического отбывания наказания для условно-досрочного освобождения (п. «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ) и замены неотбытой части наказания на более мягкий вид наказания (абз. 6 ч. 2 ст. 80 УК РФ).

Но говорить о совершенстве и эффективности соответствующих норм уголовного законодательства пока нельзя.

К примеру, нельзя исключать факт того, что часть лиц, допускающих сексуальное, в том числе внутрисемейное, насилие могут страдать психическими расстройствами или расстройствами сексуального предпочтения (как не исключаящими вменяемости, так и исключаящими ее). Российский же законодатель предусмотрел самостоятельное основание для назначения принудительных мер медицинского характера (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ) только в отношении лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), достигших восемнадцатилетнего возраста. Но расстройство сексуального предпочтения не сводятся только к педофилии, поэтому употребление словосочетания «расстройство сексуального предпочтения (педофилия)» является некорректным. Кроме того, такое расстройство сексуального предпочтения как педофилия может диагностироваться и у лиц, достигших 16–17 лет, но при буквальном толковании ст. 97 УК РФ принудительные меры медицинского характера к ним применяться не будут.

Представляется излишним выделение самостоятельного основания для назначения принудительных мер медицинского характера (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ), поскольку такое расстройство сексуального предпочтения как педофилия, не исключаящее вменяемости, является разновидностью психических расстройств. Наличие же психического расстройства, не исключаящего вменяемости, предусматривается в качестве основания для назначения принудительных мер медицинского характера в п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ. Представляется, что выделение в качестве самостоятельного основания применения принудительных мер медицинского характера отдельно взятого расстройства сексуального предпочтения представляется не корректным, нарушающим правила законодательной техники. В связи с этим предлагаем исключить из УК РФ п. «д» ч. 1 ст. 97 [2, с. 865–873].

Различные исследования показывают, что педофилия – не самый опасный и жестокий вид из более ста видов парафилий. Лица, страдающие таким расстройством сексуального предпочтения, как педофилия, крайне редко применяют к своим жертвам физическое насилие. Но законодатель почему-то криминализировал лишь уклонение лица, страдающего педофилией, от применения к нему принудительного лечения (ч. 3 ст. 314 УК РФ). Уклонение же от принудительных мер медицинского характера лицами, страдающими иными формами парафилий (например, сексуальным садизмом) остается без правовой оценки. В связи с этим представляется более логичным изложить диспозицию ч. 3 ст. 314 УК РФ

в следующей редакции: «Уклонение лица, страдающего психическим расстройством, не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера» [3, с. 82–89].

Итак, домашнее сексуальное насилие – это умышленное сексуальное воздействие на одного или нескольких членов семьи или сексуальное принуждение (злоупотребление, эксплуатация) со стороны члена семьи по отношению к другому с целью достижения либо удовлетворения своих сексуальных потребностей, демонстрации силы и господства над жертвой. Считаем, что в целом в российском законодательстве норм, регламентирующих ответственность за насилие, в том числе сексуальное достаточно. Представляется излишним разделение насилия на внесемейное и внутрисемейное в рамках норм уголовного законодательства. Такое деление необходимо только в рамках криминологии при выработке мер по профилактике и предупреждению насильственных действий, в том числе в рамках семейно-бытовых отношений.

Список источников

1. Аномальное сексуальное поведение / под ред. А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенского. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. 657 с.
2. Антонова Е. Ю. Педофилия – лечить или наказывать? // Всерос. криминолог. журн. 2018. № 6. С. 865–873.
3. Антонова Е. Ю., Кириллов М. А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления сексуальной направленности в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц: анализ законодательных новелл // Юрид. наука и практика: вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2018. № 4 (44). С. 82–89.
4. Антонян Ю. М. Отрицание цивилизации: каннибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм. М.: Логос, 2003. 256 с.
5. Дело № 1–193/2016 // Архив Первомайского районного суда г. Владивостока.
6. Ильюк Е. В. Инцест: латентен и опасен // Вестн. Следствен. комитета Рос. Федерации. 2016. № 4. С. 49–54.
7. Комплексная оценка последствий сексуального насилия у детей и подростков: аналит. обзор / Е. В. Макушкин, В. Д. Бадмаева, Е. Г. Дозорцева, И. А. Чибисова, Д. С. Ошевский, Е. В. Нуцкова. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2013. 23 с.
8. Насилие в отношении женщин // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> (дата обращения: 15.03.2020).
9. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под ред. Этьенна Г. Круга [и др.]; пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003. 376 с.
10. Нуцкова Е. В. Психологические аспекты последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении девочек: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2019. 26 с.
11. Свечникова А. С. Феномен насилия над детьми в семье // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 9, Исследования молодых ученых. 2008. № 7. С. 14–17.

12. Якоб Е. И. Уголовная ответственность за инцест: сравнительно-правовое исследование // Проблемы обеспечения прав личности при разрешении уголовных дел: практика и механизмы Совета Европы по борьбе с торговлей людьми и домашним насилием: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (12 марта 2019 года, г. Хабаровск) / под ред. С. В. Складорова, К. А. Волкова; Совет Европы; Дальневост. фил. Рос. гос. ун-та правосудия. Хабаровск, 2019. С. 210–214.
13. Aldona Kipāne. Criminological problems of sexual violence: summary of Doctoral Thesis for obtaining the degree of a Doctor of Law. Speciality – Law. Subfield – Criminal Law. Riga, 2015. 59 p.
14. Castrating Pedophiles Convicted of Sex Offenses against Children: New Treatment or Old Punishment / W. Winslade, T. H. Stone, M. Smith-Bell, D. M. Webb // SMU Law Review. 1998. Vol. 51. P. 349–412. URL: <http://scholar.smu.edu/smulr/vol51/iss2/4> (дата обращения: 15.03.2020).

УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА: «СОПУТСТВУЮЩИЕ» ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КОНКУРИРУЮЩИЕ НОРМЫ

*Ю. И. Базарова, адъюнкт Дальневосточного юридического института
МВД России*

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ. Изложена авторская точка зрения на то, каким образом следует квалифицировать деяния в случае, если криминальному банкротству «сопутствуют» иные преступления, исходя из анализа объекта, способа, обстановки, цели и мотива их совершения.

Ключевые слова: банкротство; мошенничество; присвоение и растрата; подделка документов; злостное уклонение; превышение должностных полномочий; конкуренция норм; совокупность статей; уголовное право.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD OF BANKRUPTCY: "ACCOMPANIED" CRIMES AND CONFLICT NORMS

*Yu. I. Bazarova, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

This article discusses some of the problematic issues of qualifying crimes provided for in Articles 195–197 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author's current of view on how to qualify acts in case criminal crimes is "accompanied" by other crimes based on an analysis of the object, method, situation, purpose and motive for their commission are set out.

Keywords: bankruptcy; fraud; embezzlement and embezzlement; falsification of documents; malicious evasion; abuse of power; competition of norms; set of articles; criminal law.

Успешное развитие экономики является одним из ключевых аспектов, которому уделяет внимание все мировое сообщество, в том числе и Россия. Наступивший экономический кризис указывает на определенные просчеты в сфере развития экономики, и каждая страна по-своему пытается их исправить. Одним из путей улучшения состояния экономики является надлежащая уголовно-правовая защита общественных отношений, возникающих в экономической деятельности. Поэтому проблема совершенствования уголовно-правовых норм не теряет своей актуальности. В данной статье мы предлагаем рассмотреть некоторые вопросы, имеющиеся в уголовно-правовом законодательстве России в сфере регулирования процедур несостоятельности (банкротства), так как правильное функционирование хозяйствующих субъектов является одним из столпов, поддерживающих экономическую систему в целом.

Если рассматривать уголовно-правовые нормы об ответственности в сфере банкротства (ст. 195–197 УК РФ), становится заметна проблема недостаточной проработанности вопроса разграничения криминальных банкротств между собой и отграничения их от схожих составов преступлений, таких как мошенничество; присвоение и растрата; превышение должностных полномочий; злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности; подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей и бланков и т. п.

В этой связи следует напомнить и о том, что одна из проблем разграничения подобных преступлений, а соответственно, и их составов заключается в наиболее четком понимании сути право-охраняемых отношений, интересов и благ, которым причиняется вред тем или иным преступлением [8].

Одной из главных трудностей применения ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство», согласно изученным приговорам, является сложность доказывания самой преднамеренности. В ходе предварительного следствия необходимо установить, что управляющее лицо (лица) или физическое лицо (в случае банкротства граждан) при осуществлении своих действий должны были предвидеть вероятность наступления последствий в виде банкротства и намеренно осуществлять их [7]. Однако в ходе допросов подозреваемые чаще всего говорят о том, что не намеревались приводить предприятие к банкротству и все это лишь их профессиональные просчеты и ошибки. В таком случае, при невозможности доказать намеренность банкротства, следователь вынужден квалифицировать, например, неправомерное отчуждение имущества хозяйствующего субъекта как неправомерные действия при банкротстве или как присвоение и растрату.

Такое положение вещей представляется крайне неверным, поэтому мы поддерживаем идею о том, что преднамеренность умысла – не единственное условие квалификации деяния по ст. 196 УК РФ.

Ключевым моментом, на наш взгляд, является момент совершения данных действий. Сутью преднамеренного банкротства является *доведение* финансового состояния компании или физического лица до банкротства, при этом к началу осуществления преступного умысла финансовое состояние компании (физического лица) должно быть удовлетворительным и не иметь признаков несостоятельности, в то время как неправомерные действия при банкротстве могут осуществляться по смыслу закона только в случае, если компания (физическое лицо) уже заявила о своем банкротстве и вступила в банкротный процесс. Таким образом, на наш взгляд логичнее всего применять следующую схему:

а) если банкротный процесс еще не был начат в арбитражном суде, то преступные действия управляющего (физического лица) следует квалифицировать по ст. 196 УК РФ;

б) если преступные действия были совершены после начала банкротного процесса, то деяние следует квалифицировать по ст. 195 УК РФ;

в) если преступление совершалось и до, и после начала процесса, то деяния следует квалифицировать по совокупности ст. 195 и 196 УК РФ.

Следующим затруднением, с которым сталкиваются органы предварительного следствия при расследовании криминальных банкротств, является вопрос квалификации «сопутствующих» преступлений. Следовательно необходимо выяснить, являются ли они способом совершения преступления или самостоятельными преступлениями, и решить, как квалифицировать эти деяния.

При решении данного вопроса следует опираться на объект преступления. В случае если криминальному банкротству «сопутствует», например, мошенничество, образуется конкуренция общей и специальной нормы. Объектом преступления при мошенничестве являются охраняемые законом общественные отношения по поводу имущества, а объектом «криминальных банкротств» – общественные отношения, возникающие по поводу нормативно-правового порядка процедуры банкротства и удовлетворения имущественных обязательств должника. То есть мошенничество направлено против собственности, а криминальные банкротства – против экономической деятельности.

В данной ситуации снова нужно обратить внимание на направленность умысла и на момент наступления банкротства. Если лицо совершает мошеннические действия, например, заключает сделку, заведомо невыгодную для юридического лица, но выгодную для самого преступника, и именно после совершения такой сделки наступает банкротство, то данное деяние следует квалифицировать по ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство), так как в данном случае мошенничество выступает способом преднамеренного банкротства. Если же лицо многократно совершало мошеннические действия, и все вместе они постепенно создали негативный дисбаланс в финансовом состоянии

компаний и привели компанию к банкротству, то это образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 196 и 159 УК РФ.

Однако не все ученые придерживаются такого мнения [См., например: 6, с. 20] и споры уже долгое время существуют в научном сообществе. Разрешить этот вопрос и дать окончательный вердикт сможет лишь соответствующее Постановление Пленума Верховного суда.

Еще одним часто «сопутствующим» криминальным банкротствам (безотносительно физических лиц) преступлением является злоупотребление полномочиями, предусмотренное ст. 201 УК РФ.

Ключевым различием этих составов является субъект. Для злоупотребления полномочиями субъектом является лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях. Для криминальных банкротств субъектом признается руководитель юридического лица, его учредители (участники) либо частный предприниматель.

Таким образом, следует обратить внимание на то, был ли преступник представителем какого-либо коллегиального органа на момент совершения преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ. Если своими полномочиями злоупотребил, например, один из членов совета директоров и его действия привели к банкротству или были совершены в процессе банкротного процесса, то такое деяние следует квалифицировать по совокупности с преступлениями по ст. 195 (196) и 201 УК РФ. Если же злоупотребление полномочиями исходило единолично от руководителя юридического лица, то это признается способом совершения криминального банкротства и дополнительной квалификации по ст. 201 УК РФ не требует.

Также следует различать криминальные банкротства и подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ).

Согласно ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве» фальсификация отчетных документов охватывается диспозицией статьи и не требует дополнительной квалификации. Однако ст. 327 УК РФ содержит ч. 4, которая предусматривает ответственность за подделку документов, если она была совершена с целью скрыть или облегчить совершение иного преступления [9]. Таким образом, в случае, если умысел преступника был направлен на преднамеренное банкротство и с этой целью он фальсифицировал бухгалтерские и иные документы, по совокупности со ст. 196 УК РФ ему должна вменяться ч. 4 ст. 327 УК РФ.

Еще одним проблемным вопросом является конкуренция ст. 195 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве) и ст. 177 УК РФ (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности).

В письме Федеральной службы судебных приставов «О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации» [4] разъясняется, что кредиторской задолженностью является любой вид неисполненного обязательства должника кредитору (ст. 309 ГК РФ), включая денежные обязательства (ст. 317 ГК РФ). Таким образом, задолженность банкрота перед его кредиторами также подпадает под действие ст. 177 УК РФ.

Термин «злостное уклонение» официально не определен в законодательстве и является оценочным. Согласно указанному выше официальному письму, о злостности уклонения говорит в первую очередь наличие реальной возможности у должника погасить свой долг, и оно может выражаться в следующих действиях (бездействии) должника:

- имея в наличии или на банковском счете денежные средства, позволяющие погасить кредиторскую задолженность полностью либо частично, умышленно не выплачивал (не перечислял) их кредитору;
- умышленно скрывал от судебного пристава-исполнителя факт открытия нового расчетного счета в кредитной организации;
- имея в личной (долевой) собственности имущество и предметы (за исключением перечня, определенного ст. 446 ГПК РФ), совершал сделки по отчуждению этого имущества, а полученные за него денежные средства не передал кредитору в погашение задолженности, скрыл или использовал в иных целях по собственному усмотрению;
- имея дополнительные источники дохода, скрывал их либо представлял судебному приставу-исполнителю заведомо ложные сведения о своих доходах, имуществе;
- занимаясь предпринимательской деятельностью, производил кредитные операции (оформлял кредитные договоры и получал по ним денежные средства, рассчитывался с иными кредиторами, выступал в качестве кредитора, уступал права требования по долгам, то есть заключал договоры цессии, и т. д.);
- передавал движимое имущество на хранение родственникам или знакомым;
- вводил в заблуждение судебного пристава-исполнителя по поводу порчи, хищения или уничтожения имущества в силу стихийного бедствия, пожара, несчастного случая;
- по неуважительным причинам не являлся по вызовам судебного пристава-исполнителя, осуществляющего принудительное исполнение судебного

акта о взыскании кредиторской задолженности, препятствовал совершению исполнительных действий;

- оказывал незаконное воздействие на кредитора;
- с целью создания препятствий к обеспечению возможности взыскания кредиторской задолженности, не ставя в известность судебного пристава-исполнителя, изменял место жительства или место работы.

Как раз такое злостное уклонение может наблюдаться в действиях банкротящегося лица, которое, с целью избежать выплаты кредиторам причитающихся им денег, скрывает, передает третьим лицам, уничтожает или отчуждает имеющиеся на его балансе активы. Поэтому, на наш взгляд, подобные действия хозяйствующего субъекта или физического лица, заявившего о банкротстве, необходимо квалифицировать по совокупности ст. 177 и 195 УК РФ.

Рассмотренные в статье случае конкуренции между статьями 195–197 УК РФ и другими статьями УК РФ не являются исчерпывающими. Наличие большого количества спорных вопросов квалификации преступных деяний свидетельствует о недостаточной проработанности и неточности формулировок диспозиций статей, посвященных «криминальным банкротствам». Все это подтверждает необходимость принятия соответствующего Постановления Пленумом Верховного суда, который бы разрешил имеющиеся затруднения и значительно облегчил бы работу органам предварительного следствия, что отразится на повышении уровня раскрываемости и качества доказывания преступлений, совершаемых в сфере банкротства.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 19.02.2018 // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 13.12.2019).
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 13.12.2019).
3. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума Высшего арбитраж. суда Рос. Федерации от 23.12.2010 № 63 // Федеральные арбитражные суды Российской Федерации: [сайт]. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/32759.html (дата обращения: 13.12.2019).
4. О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации: письмо Федерал. службы судеб. приставов от 29.05.2010 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257324/> (дата обращения: 13.12.2019).

5. Жалинский А. Э. Уголовная ответственность за преступления, связанные с банкротством кредитных организаций // Закон. М.: Известия, 2005. № 9.
6. Колб Б. И. Банкротство и преступление // Законность. 1996. № 9.
7. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 1999.
8. Никитенко И. В. Распространительное толкование некоторых положений ст. 108 УПК России: проблемы законодательства и юридической практики // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 30–31 мая 2013 г. Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2013. С. 246–248.
9. Яни П. С. Уголовная ответственность за преступления, связанные с банкротством. М., 2000.

УДК 34

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК НОВАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ УГРОЗА

А. А. Брюхнов, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

П. В. Морунова, курсант факультета подготовки специалистов по программам высшего образования Ростовского юридического института МВД России

В статье рассматриваются вопросы информационной безопасности в условиях угроз, создаваемых киберпреступностью.

Ключевые слова: киберпреступность; криминальная угроза; информационная безопасность.

CYBER CRIME AS A NEW CRIMINAL THREAT

A. A. Bryunow, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

P. V. Borunova, student of faculty of training of specialists in programs of higher education of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with the issues of information security in the context of threats created by cybercrime.

Keywords: cybercrime; criminal threat; information security.

Мир живет в эпоху, когда информационные технологии и кибернетический мир стали неотъемлемой частью общества и каждого человека в отдельности. Кибермир – это огромная возможность упростить и улучшить всю человеческую деятельность.

Стремительное развитие информационных технологий и информатизации общества привело к появлению новых видов преступлений и угроз – таких, как киберпреступность, кибертерроризм, кибервойна. Возникает вопрос о защите информации и использовании для этого всех возможных методов защиты.

В современном мире информация является одним из самых ценных ресурсов. Но среди терабайт данных есть также много информации, которая важна для людей, организаций, компаний, стран и способно изменить будущее, судьбу и жизнь, необходимо защищать такую информацию, используя все возможные формы защиты.

«Киберпреступники своими действиями ставят под угрозу развитие России как передовой державы и препятствуют формированию информационного общества», – заявил начальник БСТМ МВД России на 15-м Национальном форуме информационной безопасности «Инновационные решения для безопасности России». Статистика показывает, что темпы роста числа преступлений в IT-секторе по-прежнему высоки.

В статье рассматриваются вопросы информационной безопасности в условиях угроз, создаваемых киберпреступностью.

Киберпреступность возникла несколько десятилетий назад с активным развитием информационных систем. На международном уровне этот термин впервые был использован в 1986 году [1].

Понятие киберпреступности означает совершаемые людьми преступления, в процессе которых информационные технологии используются в преступных целях. Уровень развития этого вида преступлений напрямую зависит от степени развитости информационных технологий и глобальных сетей, а также открытости доступа к ним. Киберпреступность охватывает и компьютерную преступность в целом и связанные с ней события. Так, к событиям, связанным с киберпреступлением, можно отнести ситуации, при которых компьютер – орудие для совершения преступлений, совершаемых с целью нарушения авторских прав, общественной безопасности, прав собственности или нравственных норм.

Причиной увеличения количества киберпреступлений полиция считает развитие компьютерных технологий и массовое использование электронных платежных средств. В то же время рост числа подобных преступлений характерен для всей страны.

Генеральная прокуратура РФ называет рост киберпреступности «очень значительным». Если сравнивать с данными, которые ведомство предоставляет по другим видам преступлений, то темпы роста в этом сегменте самые высокие. Динамика прироста преступлений в сфере информационных технологий за прошедшие три года составила 165 %. Так, в 2017 г. их было совершено 66 тыс., в 2018 г. – 175 тыс., в 2019 г. – уже более 300 тыс. [2].

Количество киберпреступлений в России выросло в шесть раз с 2013 г., о чем сообщил генеральный прокурор Ю. Чайка. Он обратил на это внимание в августе 2017 г. на встрече генеральных прокуроров стран БРИКС в Бразилии. По данным Сбербанка, количество киберпреступлений к концу 2020 г. по срав-

нению с 2018 г. может вырасти в 4 раза, при этом возможные потери России составят около двух трлн рублей [4].

Основной массив таких преступлений составляют различные виды мошенничества, на долю которых приходится около половины всех зарегистрированных преступлений. Расклад таков: более половины таких преступлений совершается с использованием Интернета, более трети – с использованием мобильной связи, а каждое десятое – с использованием банковских карт.

Каждый год преступники изобретают новые способы виртуального снятия наших денег с кредитных карт. Злоумышленники, как обычно, пользуются доверчивостью граждан.

Число преступлений, совершаемых в киберпространстве, растет пропорционально числу пользователей компьютерных сетей. Поэтому государства прибегают к различным методам борьбы, одним из которых является привлечение хакеров для борьбы с киберугрозами.

Джейми Грейвс, генеральный директор ZoneFox cybersecurity, высказал мнение о привлечении хакеров, согласно которому, несмотря на то, что киберпреступность продолжает наносить ущерб компаниям, а более 2/3 предприятий не имеют достаточных возможностей для защиты своих компаний от киберугроз, необходимо задаться вопросом, как можно привлечь талантливых молодых хакеров к борьбе с преступностью, а не способствовать ей [3]. Такая позиция была высказана в ответ на исследование Национального агентства по борьбе с преступностью (NCA), которое затронуло изучение личности преступного хакера среди подростков. Исследование показало, что уважение и популярность среди сверстников являются одним из основных мотивирующих факторов для молодых киберпреступников. Преступники начинают свою незаконную деятельность с участия в игровых чатах и форумах, а затем переходят на хакерские форумы или вовлекаются в преступную деятельность.

Киберпреступность представляет повышенный риск именно потому, что область кибернетики и защиты информации в образовании не является не только приоритетной, но и вообще развивается медленнее, чем развитие технологий. Компании также сталкиваются со многими внутренними угрозами из-за недобросовестности сотрудников. Известны случаи серьезных нарушений правил информационной безопасности даже в серьезных структурах, ответственных за безопасность государства, которые проявляются в распространении так называемых неучтенных программ и программ с просроченными сертификатами, что несет потенциальную угрозу безопасности и национальной инфраструктуре в целом [5].

Чтобы избежать случаев несоблюдения требований информационной безопасности, подростку необходимо с раннего возраста прививать культуру работы с компьютерными устройствами, Интернетом.

Изучение ситуации показывает, что основной мерой противодействия киберпреступности на государственном уровне является правовое регулирование: совершенствование законодательства, криминализация новых деяний, ужесточение ответственности за существующие преступления в сфере киберпространства.

Несмотря на существующее законодательство разных стран, для киберпреступников нет ни границ, ни юрисдикции. Киберпреступники совершают преступления по совершенно разным мотивам и с разными целями. Однако стоит отметить, что киберпреступники, получив доступ к конфиденциальным данным или управлению ИТ-системами, порой даже не понимают, что делать с полученной информацией [6].

Особенно важно для пользователей и компаний соблюдать хотя бы основные правила информационной безопасности, ведь если определенные данные попадут к злоумышленникам, это может повлиять на будущее граждан и корпораций.

Ответственность за киберпреступность в России предусмотрена главой 28 УК РФ и касается только компьютерных преступлений.

В зависимости от тяжести преступления и размера причиненного ущерба ст. 272, 273 и 274 УК РФ предусматривают наказание в виде штрафа в размере 100 тыс. рублей, исправительных или принудительных работ от 6 месяцев до 5 лет, ограничения свободы или лишения свободы на срок до 7 лет. Возможна комбинация наказаний.

Как уже отмечалось, киберпреступность не признает ни границ и не ограничивается рамками одного государства, а, следовательно, эффективное противодействие ей возможно только на уровне международного сотрудничества.

Разработка национальных систем борьбы с этим видом преступлений, безусловно, необходима, но локальное расследование киберпреступлений затруднено по нескольким причинам:

- 1) требуется специальное образование и опыт;
- 2) часто преступник и жертва находятся в разных странах, а следственные действия правоохранительных органов просто ограничены границами одного государства;
- 3) преступники имеют возможность выбрать наиболее лояльную правовую систему.

Помимо проведения работы по расследованию совершенных преступлений и привлечению виновных лиц к ответственности, ведомством проводится широкая профилактическая работа, а также информирование населения о существующих угрозах.

Список источников

1. Бутусова Л. И. Характеристика и сущность киберпреступлений // Алтайск. юрид. вестн. 2016. № 3. С. 28–31.
2. Воруют виртуально. Ущерб от киберпреступлений превысил 10 миллиардов рублей // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2019/12/10/mvd-ushcherb-ot-kiberprestuplenij-prevysil-10-milliardov-rublej.html> (дата обращения: 10.03.2020).
3. Если вы не можете победить их, вербуйте: привлекайте молодых хакеров к борьбе с киберпреступностью // Security news: [сайт]. URL: <https://www.security-news.today/esli-vy-ne-mozhete-pobedit-ih-verbujte-privlekajte-molodyh-hakerov-k-borbe-s-kiberprestupnostyu/> (дата обращения: 10.03.2020).
4. Киберпреступность в России выросла в шесть раз с 2013 года // РИА «Новости»: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20171129/1509843675.html> (дата обращения: 10.03.2020).
5. Проблемы противодействия компьютерной преступности // Securitylab.ru: [сайт]. URL: <http://www.securitylab.ru/contest/382194.php?ref=123> (дата обращения: 10.03.2020).
6. Типология киберпреступности // Банк России: [сайт]. URL: http://www.cbr.ru/today/anti_legalisation/evraz/Tipologiya_kiber_EAG_2014.pdf (дата обращения: 10.03.2020).

УДК 343.359.2

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАНТАХ НАЛОГОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

*С. А. Дряглина, адъюнкт Дальневосточного юридического института
МВД России*

В статье рассматриваются некоторые причины и проблемы противодействия налоговой преступности. Автор отмечает, что причины могут быть разделены на правовые, политические, экономические и психологические. Уделяется внимание путям совершенствования законодательства в сфере налогов.

Ключевые слова: налог; налоговая преступность; неуплата налогов; причины налоговой преступности; налогоплательщик.

TO THE QUESTION ABOUT DETERMINANTS OF TAX CRIME

*S. A. Dryaglina, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

The article discusses some of the causes and problems of combating tax crime. The author notes that the reasons can be divided into legal, political, economic and psychological. As well as ways to improve tax legislation.

Keywords: taxes; tax crime; tax evasion; reasons of tax crime; taxpayer.

Налоговый – это один из древнейших финансовых институтов. Как и в прошлом, так и настоящем налогообложению подлежит большая часть социума. Чем больше функций реализует государство, тем больше налогов оно вынуждено собирать.

Закрепленная конституционная обязанность носит всеобщий и безусловный характер, распространяется на всех без исключения налогоплательщиков, независимо от гражданства и места нахождения.

Кроме налогов у государства по существу нет иных методов привлечения доходов в бюджет. В России в общие доходы федерального бюджета поступает более 90 % налогов.

В условиях развития информационных технологий, расширения криптовалютных операций, интернационализации предпринимательской среды современная налоговая преступность актуализируется, создавая реальную угрозу

экономической безопасности как России, так и ее зарубежных партнеров. Это, в свою очередь, причиняет существенный вред бюджетным системам и социальным программам этих стран.

Кроме того, оценке подлежит в основном материальный ущерб, моральный же вред состоит в разложении предпринимательского сообщества, снижении авторитета государства и социальной ответственности бизнеса.

Возрастает опасность того, что скрытые от налогообложения средства будут использованы в противоправных целях: подкуп коррумпированных чиновников, незаконное обогащение, незаконный вывод за границу, финансирование преступной деятельности и т. п. Так, по мнению И. В. Никитенко, желание некоторых налогоплательщиков скрыть реальные доходы от фискальной нагрузки обуславливает стремление некоторых недобросовестных предпринимателей совершать иные преступления, посредством которых создаются условия для нелегальной экономической деятельности [3, с. 22].

Одной из самых острых проблем в криминологии является проблема причин преступности.

Причины преступности – это те социально-психологические факторы, от которых непосредственно зависит совершение преступлений, которые воспроизводят преступность и преступления как свое закономерное следствие [1, с. 168].

Неуплата налогов в бюджет России – это крупнейшая экономическая проблема. В связи с тем, что в последние годы российская экономика достаточно нестабильна, все ее отрасли медленно развиваются. Люди из-за закрытия государственных и частных предприятий, оставшись без работы, вынуждены «уйти в тень» и осуществлять свою деятельность без исчисления налогов и сборов в бюджет страны. Это приводит к социальной напряженности и недовольству правительством.

Как отмечает В. Н. Кудрявцев, «социальная напряженность представляет собой эмоциональное состояние в группе или обществе в целом, вызванное давлением природной или социальной среды, продолжающееся, как правило, в течение более или менее продолжительного времени. Напряженность может быть вызвана отнюдь не только стремлением достичь какой-либо цели, но и разного рода ошибками и некомпетентностью лидеров» [2, с. 43].

Основные причины, которые порождают возникновение налоговой преступности, можно разделить на группы: правовые, политические, экономические и психологические.

Правовые причины обусловлены достаточно сложной, на наш взгляд, налоговой системой, которая, помимо высоких процентных ставок, имеет множество пробелов, с помощью которых облегчается процесс уклонения от уплаты налогов. Также можно отнести недостаточную защищенность должностных лиц налоговых органов при исполнении ими служебных обязанностей, так как

достаточно часто они подвергаются давлению со стороны недобросовестных налогоплательщиков.

Политические причины заключаются в негативном отношении к государственной власти и зависят от политической ситуации в стране. Как отмечают эксперты, в периоды кризиса государственной власти снижается собираемость налогов и наблюдается повсеместно неисполнение налогоплательщиками своих обязанностей.

Экономические причины зависят от финансового состояния налогоплательщика, так как если польза от налогового преступления большая, то вероятность его совершения повышается.

Психологические причины характеризуются, на наш взгляд, российским менталитетом, который отражает недоверие граждан к налоговой политике, проводимой государством. Также недостаточная экономическая образованность населения и низкий уровень налоговой культуры способствуют совершению преступления, потому что люди не понимают цели уплаты налогов и тем самым воспринимают налоги как отобранный у них доход.

В совокупности все эти причины в определенной мере способствуют росту налоговых правонарушений, позволяя преступникам изыскивать и применять различные способы занижения объема своих налоговых обязанностей, использовать разнообразные схемы совершения налоговых преступлений и т. д. Образующийся дефицит федерального бюджета из-за ухудшения ситуации с формированием доходной части приходится покрывать за счет увеличения внешнего долга и расходования средств резервного фонда Российской Федерации.

Необходима, по нашему мнению, комплексная государственная политика по повышению правовой культуры населения, а также «воспитанию» у налогоплательщика конституционной обязанности платить установленные законом налоги и сборы. То есть необходимо менять отношение людей к самим налогам, так как в последнее время сбор налогов осуществляется неоправданными силами и средствами.

Таким образом, устранив все причины, которые вынуждают налогоплательщика уклоняться от уплаты налогов и сборов, мы придем к решению проблемы с налоговой преступностью.

Список источников

1. Криминология: учеб. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ВолтерсКлувер, 2005. 640 с.
2. Кудрявцев В. Н. Юридическая конфликтология. М.: РАН ЦКИ, 1995. 43 с.
3. Никитенко И. В. Преступления в сфере налогообложения: некоторые уголовно-правовые и криминологические вопросы // Органы внутренних дел в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке: сб. науч. тр. по материалам межвуз. науч.-практ. конф., 18–19 апреля 1997 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 1998.

УДК 343.352

ОБЕЩАНИЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ КАК ФОРМЫ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

***О. В. Ермакова**, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент*

В работе рассматривается обоснованность включения в уголовный закон такой формы преступного деяния, как обещание и предложение посредничества во взяточничестве. Автор детально анализирует лексическое значение данных терминов, направления судебной практики, а также положения Конвенции ООН против коррупции, в результате делает вывод о необоснованности включения ч. 5 ст. 291.1 в УК РФ.

Ключевые слова: взяточничество; обещание и предложение посредничества во взяточничестве.

PROMISE AND OFFER OF MEDIATION IN BRIBERY AS FORMS OF CRIMINAL ACTION

***O. V. Ermakova**, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The work examines the validity of the inclusion in the criminal law of such a form of criminal act as a promise and offer of mediation in bribery. The author analyzes in detail the lexical meaning of these terms, areas of jurisprudence, as well as the UN Convention against Corruption, as a result, it is concluded that the inclusion of part 5 of art. 291.1 in the Criminal Code.

Keywords: bribery; promise and offer of mediation in bribery.

Состав посредничества во взяточничестве был введен в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ в результате проводимой государством политики по предупреждению взяточничества. Прошедшее с момента такой новации уголовного закона время позволяет на основе распространенности данной формы

преступного деяния, сложившейся судебной практики, высказанных в научном сообществе мнений оценить обоснованность законодательного решения и проблемы реализации уголовно-правовой нормы в правоприменительной деятельности.

Статистические данные по распространенности деяния, предусмотренного ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, свидетельствуют о том, что она весьма небольшая. Так за 2018 г. было зарегистрировано 979 преступлений, а в 2019 г. – 1297. При этом на территории Алтайского края деяний, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ, выявлено не было.

Анализ конкретных приговоров, вынесенных в отношении лиц, признанных виновными в обещании или предложении посредничества во взяточничестве, показывает, что чаще всего совершенное преступление сводится к тому, что лицо обещает или предлагает помощь в решении какого-либо вопроса, при этом для передачи взяткополучателю принимает предмет взятки.

Например, К., имея преступный умысел, направленный на обещание посредничества во взяточничестве, сообщил Ф., что обладает возможностью получения водительского удостоверения на право управления автотранспортным средством категории «В», без соблюдения порядка, установленного законодательными актами РФ, путем дачи взятки одному из сотрудников РЭО ГИБДД О МВД России, и обещал Ф. посредничество во взяточничестве, оговорив при этом, что размер суммы взятки, подлежащей передаче сотруднику РЭО за водительское удостоверение категории «В», составит 35 тыс. рублей. 3 марта 2017 г. К., в продолжение реализации своего преступного умысла, направленного на обещание посредничества во взяточничестве, осознавая фактический характер и общественную опасность своих противоправных деяний, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, получил от Ф. копию паспорта, а также денежные средства в сумме 35 тыс. рублей для дальнейшей их передачи неустановленному следствием сотруднику РЭО ГИБДД О МВД России по г. Самаре в качестве взятки, за получение водительского удостоверения на право управления автотранспортным средством категории «В», без сдачи соответствующих экзаменов [4].

Очевидно, что в представленной судебной практике обещание и предложение посредничества связывается с фактически совершенным принятием предмета взятки или иными действиями.

Такое направление практики выглядит неудивительным в свете внесения изменений в постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 следующего содержания: «Обещание или предложение посредничества во взяточничестве считается оконченным преступлением с момента совершения лицом *действий* (выделено нами – О. Е.), направленных на доведение до сведения

взяткодателя и (или) взяткополучателя либо лица, передающего и (или) получающего предмет коммерческого подкупа, информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве либо в коммерческом подкупе [2].

Подобные требования расширенного толкования обещания и предложения не согласуются с лексическим значением представленных терминов, означающих «согласие что-либо выполнить». Вместе с тем используемые термины при создании уголовного закона должны основываться на общеизвестных значениях. Соответственно, руководствуясь лексическим значением, ч. 5 ст. 291.1 УК РФ должна применяться даже в тех случаях, когда посредник предложил свои услуги или пообещал соответствующую помощь, не подкрепляя это никакими действиями.

Однако согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением может признаваться только деяние в форме действия либо бездействия. В свою очередь, обещание и предложение, не подкрепленные какими-либо действиями, по своей сути выступают разновидностями обнаружения умысла [5, с. 59]. Именно поэтому Верховный суд РФ в вышеназванном постановлении и дал абсолютно верные разъяснения о том, что если в последствие, после обещания либо предложения посредничества, лицо фактически выполнило такую функцию, то квалификация по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ не требуется. Данное положение полностью соответствует классической теории стадий совершения преступления, а именно, поглощением последующей стадии действия предыдущей.

Таким образом, ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, юридически противоречит понятию преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Конвенция ООН против коррупции, принятая резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи 31 октября 2003 г., не содержит указания на обещание и предложение посредничества, в ст. 15 приведена совершенно иная формулировка: «обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей» [1]. Очевидно, что речь идет об обещании и предложении дачи взятки, а не посредничества.

Существование данной нормы противоречит многим институтам уголовного права. В частности, теория уголовного права в качестве стадий совершения преступления, влекущих наказание, традиционно выделяет приготовление к преступлению и покушение на преступление [3, с. 6–8]. Не используя понятия стадий, о таких разновидностях неоконченного преступления говорит и ч. 2 ст. 29 УК РФ.

Объявление обнаружения умысла уголовно наказуемым противоречит данной теории и является необоснованным.

К тому же, криминализация обещания и предложения посредничества во взяточничестве нивелирует возможность добровольного отказа от совершения данных преступлений, поскольку намерение, объективизированное в действительность, уже признается преступлением.

Таким образом, следует констатировать необоснованность введения в УК РФ уголовной ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Это противоречит таким институтам уголовного права как преступление, а также стадии совершения преступления.

В свете представленного вывода следует дать оценку изменениям в постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24, а именно в п. 13.1, согласно которому обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами. Очевидно, что Верховный суд РФ приравнивает обещание и предложение к созданию условий как разновидности приготовительных действий. В результате этого деятельность взяткодателя либо взяткополучателя в виде обещания фактически объявляется преступной (без внесения изменений в ст. 290 и 291 УК РФ). Однако, во-первых, наблюдается противоречие между данными разъяснениями Пленума Верховного суда РФ и ч. 5 ст. 291.1 УК РФ; во-вторых, обнаружение умысла, каким и является обещание и предложение, нельзя признать приготовлением к преступлению, объективно представляющему собой конкретные действия.

Список источников

1. Конвенция ООН против коррупции: принята резолюцией 58/4 Ген. Ассамблеи от 31 окт. 2003 г. // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 07.03.2020).
2. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 09.07.2013 № 24 // Бюл. Верхов. суда Рос. Федерации. 2013. № 9.
3. Ермакова О. В. Законодательные конструкции составов преступлений и их влияние на определение момента окончания преступления. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2017. 132 с.

4. Приговор № 1–96/2017 Куйбышевского районного суда г. Самары // Юр консульт: сервис юридической помощи: [сайт]. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-291.1-uk-rf-posrednichestvo-vo-vzjatochnichestve/prigovor-suda-po-ch.-5-st.-291.1-uk-rf-1–962017-posrednichestvo-vo-vzjatochnichestve.html> (дата обращения: 07.03.2020).
5. Ткачев И. О. Ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 1 (27). С. 53–57.

УДК 343.3/.7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ФРАНЦИИ

*С. В. Замалева, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат
юридических наук*

В статье анализируются преступления против жизни и здоровья по уголовному законодательству Франции. Автор приходит к выводу, что они не только сохранили классические виды уголовно-правовых запретов, но включают и ряд новых составов преступлений, неизвестных российскому законодательству, что может оказаться полезным в процессе совершенствования отечественного уголовного законодательства.

Ключевые слова: вред жизни и здоровью; телесное повреждение; умышленное убийство; насильственные действия; уголовная ответственность; наказание.

CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH BY CRIMINAL LAW OF FRANCE

*S. V. Zamaleeva, associate professor of the Department of Criminal Law
and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law*

The article analyzes crimes against life and health under the French criminal law. The author concludes that crimes not only preserved the classic types of criminal law prohibitions, but also included a number of offenses unknown to Russian law, which may be useful in improving the domestic criminal law.

Keywords: harm to life and health; personal injury; intentional homicide; violent acts; criminal liability; punishment.

Преступления против жизни и здоровья по степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий превосходят многие другие общественно опасные деяния. Они наносят огромный, порой непоправимый, ущерб обществу.

Статистика последних лет показывает, что преступления против жизни и здоровья имеют стабильную распространенность и типичность как в России,

так и за рубежом. В связи с этим зарубежный опыт законодательной регламентации преступлений, посягающих на жизнь и здоровье, может оказаться полезным в процессе совершенствования отечественного уголовного законодательства.

Проведем анализ уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья по уголовному законодательству Франции.

С 1 марта 1994 г. во Франции действует новый Уголовный кодекс [1] (далее – УК Франции), включающий 8 книг.

Общая часть УК Франции сосредоточена в книге I и регламентирует основания наступления и ненаступления уголовной ответственности, виды наказаний, применяемые к физическим и юридическим лицам, и другие вопросы.

Особенная часть кодекса открывается в книге II, и далее в последующих книгах устанавливается ответственность за преступления и проступки.

Каждая книга включает в себя разделы, главы, отделы, статьи.

Нумерация статей законодательной и регламентационной частей не является сквозной и технически различается.

Нормы законодательной части имеют обычное обозначение: «art. 131–132», при этом первая цифра соответствует номеру книги, вторая раздела, третья – номеру главы, следующие цифры соответствуют порядковому номеру статьи в данной главе. Статьи регламентационной части включают дополнительное обозначение в виде буквы «R» (от слова «регламент»): «art. R131–132» [2, с. 10–11].

Особенная часть УК Франции, аналогично УК РФ, построена исходя из приоритета интересов личности над интересами государства.

Во французском законодательстве *преступления против жизни человека* делятся на умышленные и неумышленные.

В книге II «О преступлениях и проступках против личности», главе «О посягательствах на жизнь человека» УК Франции содержится отдел I «Об умышленных посягательствах на жизнь», в котором выделяются следующие преступления против жизни:

1) умышленное причинение смерти другому лицу (*meurtre*) (ст. 221.1); наказание в виде 30 лет тюремного заключения;

2) умышленное убийство, предшествующее другому преступлению (ст. 221.2); наказывается пожизненным уголовным заключением;

3) заранее обдуманное убийство (*assassmat*) (ст. 221.3); наказывается пожизненным уголовным заключением;

4) умышленное убийство (*meurtre*) (ст. 221.4), совершенное при отягчающих обстоятельствах: в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 15 лет; в отношении законного или естественного родственника по восходящей линии; в отношении заведомо уязвимого лица и др.; предусмотрено пожизненное уголовное заключение;

5) отравление (*empoisonnement*) (ст. 221.5); наказывается 30 годами уголовного заключения.

Глава I «О посягательствах на жизнь человека» УК Франции содержит отдел II «О неумышленных посягательствах на жизнь», в котором выделяются следующие преступления против жизни – причинение смерти другому человеку по оплошности, неосторожности, вследствие невнимания или неисполнения обязанности, возложенной законом (ст. 221.6); основное наказание предусматривается в виде 3 лет тюремного заключения и штрафа, а дополнительное заключается в запрете осуществлять профессиональную или общественную деятельность, в случае умышленного неисполнения обязанности по безопасности, возложенной законом (ст. 221.7), срок тюремного заключения увеличивается до 5 лет.

Следует отметить, что по УК Франции уголовная ответственность за убийства и другие преступления против жизни распространяется не только на физических, но и на юридических лиц.

Глава II «О посягательствах на физическую или психическую неприкосновенность личности» УК Франции содержит отдел I «Об умышленных посягательствах на неприкосновенность личности», включающий § 1 «О пытках и актах жестокости», в котором выделяются следующие *преступления против здоровья* – применение к лицу пыток или актов жестокости (ст. 222.1); наказание – 15 лет уголовного заключения.

В случае совершения указанного деяния при отягчающих обстоятельствах наказание увеличивается до 20 лет уголовного заключения (ст. 222.3).

Наказание может быть увеличено до 30 лет уголовного заключения, если преступное деяние, определенное в ст. 222.1:

- совершено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 15 лет, законным, естественным или приемным родственником по восходящей линии;
- если оно совершалось систематически в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 15 лет, или в отношении заведомо уязвимого лица (ст. 222.4);
- если оно повлекло увечье или хроническое заболевание (ст. 222.5).

Пожизненное заключение предусмотрено в случае, если деяние повлекло смерть потерпевшего без намерения ее причинить (ст. 222.6).

В § 2 «О насильственных действиях» французский законодатель включает виды насильственных деяний:

1) насильственные действия без намерения причинить смерть (ст. 222.7); наказываются 15 годами уголовного заключения.

Предусмотренное наказание увеличивается до 20 лет уголовного заключения, если оно совершено при отягчающих обстоятельствах;

- насильственные действия, повлекшие увечье или хроническое заболевание (ст. 222.9); наказываются 10 годами тюремного заключения и штрафом.

Наказание за данное деяние увеличивается до 15 лет уголовного заключения, если оно совершено при отягчающих обстоятельствах;

2) насильственные действия, повлекшие полную утрату трудоспособности на срок свыше 8 дней (ст. 222.11); наказываются 3 годами тюремного заключения и штрафом;

3) насильственные действия, повлекшие утрату трудоспособности на срок ниже или равный 8 дням либо не повлекшие вообще утраты трудоспособности; наказываются 3 годами тюремного заключения и штрафом, если они совершены при отягчающих обстоятельствах.

Наказания увеличиваются до 5 лет тюремного заключения и 500 тыс. франков штрафа, если преступное деяние совершено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 15 лет, законным, естественным или приемным родственником по восходящей линии (ст. 222.13);

– систематические насильственные действия в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 15 лет, или в отношении заведомо для исполнителя уязвимого лица, наказываются:

– если они повлекли смерть потерпевшего (п. 1), – 30 годами уголовного заключения;

– если они повлекли увечье или хроническое заболевание (п. 2), – 20 годами уголовного заключения;

– если они повлекли полную утрату трудоспособности на срок свыше 8 дней (п. 3), – 10 годами тюремного заключения и штрафом;

– если они не повлекли полной утраты трудоспособности на срок свыше восьми дней (п. 4), – 5 годами тюремного заключения и штрафом (ст. 222.14);

4) назначение вредных веществ под видом лекарств, причинившее вред другому лицу (ст. 222.15); наказывается в соответствии с различиями, предусмотренными этими статьями;

5) полная утрата трудоспособности другого лица на срок более 3 месяцев (ст. 222.19), по причине оплошности, неосторожности, небрежности или неисполнения обязанности по безопасности, возложенной законом; влечет наказание в виде 2 лет тюремного заключения и штрафа;

6) полная утрата трудоспособности другого лица на срок ниже или равный 3 месяцам (ст. 222.20); по причине умышленного неисполнения обязанности по безопасности или предосторожности, возложенной законом, подлежит наказанию в виде 1 года тюремного заключения и штрафа.

К преступлениям против здоровья по УК Франции можно отнести и иные преступления, которые сосредоточены в различных отделах.

В отделе IV «О производстве опытов на человеке» УК Франции выделяется такое преступление, как проведение или организация проведения на человеке биомедицинского исследования без получения добровольно сделанного,

информированного согласия заинтересованного лица (ст. 223.8); виновный подвергается 3 годам тюремного заключения и штрафу.

В отделе V «О незаконном прерывании беременности» УК Франции выделяются следующие нормы:

1) прерывание беременности без согласия на это беременной женщины (ст. 223.10); наказывается 5 годами тюремного заключения и штрафом;

2) прерывание беременности другого лица (ст. 223.11); наказывается 2 годами тюремного заключения и штрафом, если оно осознанно осуществляется виновным при следующих обстоятельствах:

- по истечении срока, в течение которого оно разрешено законом, за исключением случаев, по медицинским показаниям (п. 1);
- лицом, не имеющим звания врача (п. 2);
- в месте ином, нежели государственный стационар или частный стационар (п. 3).

Интересным для российского законодателя представляется книга 5 «Прочие преступления и проступки» УК Франции, которая содержит раздел I «О преступных деяниях в области здравоохранения». В главу I указанного раздела «О преступных деяниях в области биомедицинской этики» включен отдел I «О защите человеческого вида», который предусматривает ответственность за реализацию евгенетики, направленную на организацию селекции людей (ст. 511.1).

Отдел II «О защите человеческого организма» выделяет следующие преступления: изъятие какого-либо органа у совершеннолетнего живого человека при отсутствии его согласия (ст. 511.3); изъятие ткани или клеток либо сбор продуктов жизнедеятельности совершеннолетнего живого человека, если он не выразил на это своего согласия (ст. 511.5) и др.

Не менее интересным представляется отдел III «О защите человеческого эмбриона» УК Франции, включающий в себя следующие преступления:

1) получение человеческих эмбрионов без соблюдения условий, предусмотренных Кодексом законов о здравоохранении (ст. 511.16);

2) осуществление зачатия *in vitro* человеческих эмбрионов в исследовательских или экспериментаторских целях (ст. 511.18);

3) изучение эмбриона или экспериментирование над ним в нарушение положений Кодекса законов о здравоохранении (ст. 511.19) и др.

Итак, УК Франции выделяет широкий круг преступлений против здоровья. Особый интерес для российского уголовного законодательства представляют составы преступлений с учетом новых веяний медицинской науки, в частности, в сфере биомедицинской этики: «О защите человеческого вида», «О защите человеческого организма», «О защите человеческого эмбриона».

Таким образом, исследуя преступления против жизни и здоровья по французскому законодательству, следует отметить:

1) УК Франции, как и УК РФ, в иерархии охраняемых ценностей личность поставил на первое место;

2) преступления против жизни и здоровья по УК Франции не только сохранили классические виды уголовно-правовых запретов, но содержат и ряд новых составов преступлений, неизвестных российскому законодательству, в частности составы преступлений в сфере биомедицинской этики;

3) уголовно-правовые нормы представлены более детально и уточняют более общую формулировку, в отличие от уголовно-правовых норм УК РФ;

4) уголовной ответственности по УК Франции подлежат как физические, так и юридические лица.

Список источников

1. Уголовный кодекс Франции / пер. с франц. и предисл. Н. Е. Крыловой; науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крылова. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. 159 с.
2. Уголовное право Франции: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Н. Е. Крылова. М.: Юрайт, 2018.

УДК 343.222.1

К ВОПРОСУ ОСОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА УМЫСЛА В УСЛОВИЯХ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

***А. Г. Иванов**, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматривается общественная опасность как категория, используемая в интеллектуальном элементе умысла. На основе положений психологии, нейронауки и философии анализируется возможность осознания данной категории лицом, совершившим преступление.

Ключевые слова: общественная опасность; субъективная реальность; субъективный опыт; сознание; преступление; умысел.

ON THE ISSUE OF AWARENESS OF PUBLIC DANGER AS AN INTELLECTUAL ELEMENT OF INTENT IN THE CONDITIONS OF SUBJECTIVE REALITY

***A. G. Ivanov**, head of the Department of Crime Detection Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article considers public danger as a category used in the intellectual element of intent. Based on the provisions of psychology, neuroscience and philosophy, the author analyzes the possibility of awareness of this category by a person who has committed a crime.

Keywords: social danger; subjective reality; subjective experience; consciousness; crime; intent.

Положения Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующие умысленную форму вины, устанавливают обязательное наличие у виновного лица осознания общественной опасности совершаемых им действий и предвидения общественно опасных последствий. Но вот вопрос: насколько реализуемо данное положение в действительности и каким образом происходит установление умысла в правоприменительной практике?

Как представляется, изначально стоит обратиться к лексическому значению понятия «общественная опасность». В самом простом толковании это есть «опасность для общества». Под обществом в контексте рассматриваемого вопроса необходимо понимать совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями жизни. В итоге, исходя из представленных посылок, лицо, совершившее преступление, должно осознавать опасность своего действия для всей массы людей, объединенных границами общества, и для их взаимоотношений.

Однако, беря во внимание данное определение, нельзя забывать, что общество – понятие многогранное, и его понимание во многом зависит от индивидуальности каждого лица, от его субъективного опыта.

В гиперсетевой теории мозга [1], над которой на сегодняшний день активно работает ряд ученых, возглавляемых К. В. Анохиным, как представляется, наиболее структурированно и обоснованно в связке с разумом дается понимание субъективного опыта. Субъективный опыт не является сформированной неизменной структурой, а подвержен постоянному накоплению, причем процесс этот начинается с раннего детства, на основе врожденных когнитивных систем, которые впоследствии начинают обучаться или накапливать опыт, и так происходит на протяжении всей жизни. Фиксация и аккумуляция накапливаемой информации, представляющей субъективный опыт, происходит в памяти посредством биохимических процессов.

Сознание в приведенной гиперсетевой теории мозга объясняется как процесс, который сопровождается непосредственным обращением к субъективному опыту. Сознание сравнивается с трафиком, который проникает по нейронной сети к самым отдаленным нервным клеткам, хранящим необходимую в конкретный момент работы разума информацию.

Поэтому неслучайно выше был сделан акцент на многогранности понимания (и не только обыденного, но и научного) категории «общество», так как механизм осознания общественной опасности, как того требует законодатель, не может не затронуть субъективного опыта виновного.

Обращаясь к категории субъективного опыта, следует заметить, что этот опыт не ограничивается только лишь познанием внешнего мира посредством органов чувств. Этот опыт включает в себя и информационный компонент. Но качество и объем информации, доступной для отдельно взятого лица, различны по ряду причин, в том числе и объективных. Не следует также забывать об индивидуальности процесса восприятия всего, что поступает в наш мозг из внешнего мира (образы внешнего мира, информация и т. д.) и затем переходит в идеальное, причем не без помощи имеющегося субъективного опыта.

Следуя гиперсетевой теории мозга, необходимо сказать, что для совершения действия необходим некий активатор, или импульс, для того, чтобы

был послан сигнал для функциональных систем, отвечающих за двигательную активность. И именно здесь стоит упомянуть о субъективной реальности как специфическом и неотъемлемом качестве сознания, представляющем собой осознаваемые психические состояния индивида, удостоверяющие для него факт его существования [2]. Субъективная реальность способна вызывать активность функциональных систем посредством информации, закодированной в нейронах. В рамках субъективной реальности в качестве психологического активатора действия в большинстве своем выступают мотив. Все действия, за исключением рефлекторных или бессознательных, мотивированы. Соответственно, как только возникает мотив, или так называемая потребность к действию, происходит активация соответствующего образа и посредством сознания как процесса идет обращение к субъективному опыту. Именно в данный момент происходит осознание лицом всех аспектов совершаемого или готовящегося действия. Ключевую роль в этом процессе играет объем субъективного опыта, который приводит к индивидуальным результатам анализа совершаемых или планируемых действий, в том числе и преступных. Лицо может оценивать свои действия как опасные для конкретного человека, как опасные для отдельной группы людей, как опасные для общества, но в рамках тех границ, которые определены субъективным опытом.

При этом нельзя забывать, что формула умысла, зафиксированная в УК РФ, едина для любого преступления и лиц, совершивших преступление, и требует осознание опасности именно для общества. Но при столь больших границах субъективного отношения к объекту преступного посягательства вряд ли можно говорить об универсальности этой формулы и, в частности, об универсальности ее интеллектуального элемента.

Вот только лишь один пример из судебной практики.

Х., стоит отметить, не признавший в суде вину, был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 2 ст. 162 УК РФ [5]. Он в ходе ссоры нанес потерпевшей удар тяжелым предметом по голове, причинив повреждение в виде тупой травмы. Затем, увидев, что та не подает признаков жизни, поджег складское помещение, в котором находилась и потерпевшая. По заключению судебно-медицинской экспертизы, ее смерть наступила спустя некоторое время после причинения повреждений в результате острого отравления окисью углерода (угарным газом).

Что характерно, суд в причинении вреда в виде смерти видит и умышленную форму вины, и неосторожную. Но в контексте исследуемого вопроса обратим внимание на осознание общественной опасности виновным. Большие сомнения вызывает то, что он в первом преступлении (причинение вреда здоровью) осознавал опасность своих действий для общества. А вот во втором преступлении, где виновный с помощью пожара пытался уничтожить следы

первого преступления, совсем не поддается восприятию тот момент, что он даже задумывался об имеющейся опасности для общества. С большей долей уверенности можно утверждать, что его субъективной реальностью был активирован процесс осознания того, что он совершил запрещенное деяние и того, как в этом случае избежать ответственности. Более того, неслучайно был сделан акцент на том, что Х. вину не признал. Тогда вопрос: как было установлено, что оно осознавал опасность действий для общества? Факт того, что виновный, как говорится «заметал следы», неукоснительно свидетельствует о том, что он осознавал противоправность и последующую наказуемость своего деяния.

Имеющаяся в формуле умысла категория «общественная опасность», подлежащая обязательному осознанию виновным, представляться весьма абстрактной и часто приводит к искаженному установлению умысла.

Так, виновным в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 105 УК РФ, был признан Н. [6], который, разозлившись на своего знакомого, отказавшего ему в помощи, кухонным ножом нанес потерпевшему один удар в область левого плеча и ключицы. После удара ножом потерпевший согласился помочь, но перед тем как пойти на улицу употребил с виновным алкоголь, затем взял топор и вышел. Потерпевшего обнаружили мертвым спустя некоторое время. Причиной смерти послужило данное ножевое ранение, в результате которого было повреждено легкое. При данных обстоятельствах весьма трудно говорить об умысле Н. причинить смерть, так как виновный, при наличии реальной возможности, не довел и даже не предпринял попытку довести до конца умысел убить.

И подобных примеров, вызывающих сомнения в наличии осознания опасности для общества именно в той интерпретации, которая заложена в положении ч. 2 ст. 25 УК РФ, предостаточно.

Например, в современной действительности очень большое внимание со стороны государства уделено искоренению коррупционных преступлений. Но, невзирая на это, их совершают и, как свидетельствует статистика, очень часто. Наиболее распространенной в этой группе преступлений является взятка. Так вот, при совершении данного преступления вряд ли можно говорить, что лицо осознавало именно опасность для общества. Единственное, что с уверенностью было понятно ему, – это недозволённость действий, за которые наступает ответственность, что «вынуждает» взяткополучателя принимать все меры к сокрытию деяния.

Неслучайно был приведен данный пример, так как подобные преступления совершают в большинстве лица, имеющие соответствующее образование, что не позволяет допускать ограниченность их субъективного опыта, но при этом трудно заявлять об осознании ими общественной опасности совершаемых действий.

Здесь нелишним будет вспомнить Н. С. Таганцева, который сказал, что способность к вменению предполагает прежде всего способность действовав-

шего познавать условия и свойства совершенного им поступка, познать его отношение к окружающему нас внешнему миру, правам и интересам других лиц, способность уразумевать веления и запреты [8, с. 176].

Во главу угла в приведенном утверждении ставится способность познавать. Не лишним в этой связи будет обратиться к соотношению терминов «сознание» и «осознание». Кажущиеся, на первый взгляд, тождественными представленные термины различны.

В психологии осознанность как способность сознания выражается в фокусировании текущих, происходящих в настоящий момент реальной действительности переживаний, при этом мысли о событиях прошлого или будущего не вовлекаются. Это интроспекция собственной деятельности [4].

Известный советский психолог и философ С. А. Рубинштейн рассматривает осознание и знание как два психических явления, способных быть отражением одного и того же внешнего явления или факта [7, с. 14].

Не менее известный психолог советского времени А. Н. Леонтьев говорил, что «осознание явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых извне «готовых» значений – знаний, понятий, взглядов, которые получаются в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации» [3, с. 57].

Следовательно, если, согласно гиперсетевой теории мозга, сознание – это процесс, то можно сказать что осознание – результат этого процесса, а знания являются предпосылкой осознания. И тогда «осознавать» это значит «понимать». Но еще раз хочется подчеркнуть, что осознание происходит на основе имеющихся знаний. В контексте рассматриваемого вопроса категория «общество» относится к области знаний, и здесь возникает вопрос, насколько эти знания глубоки у лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. И уже далее встает вопрос о понимании опасности совершаемых ими действий.

Исходя из научных объяснений категорий «сознание» и «осознание», представляется возможным все-таки рассмотреть осознаваемость виновным дозволенности и недозволенности. Но в этом разрезе «дозволено» – «не дозволено» необходимо ограничиться рамками права. Это ограничение объяснимо тем, что нормы морали и нравственности, также устанавливающие дозволенность и недозволенность, не обладают качеством репрессивности, что часто именно по этому признаку, приводит к ситуации оставления этих норм без внимания.

В этой связи хотелось бы еще раз обратиться к гиперсетевой теории мозга. Сознание как процесс, по утверждению К. В. Анохина [1], способно проникать весьма глубоко в память и «доставать» оттуда образы, информацию, причем полученную весьма давно. Процесс формирования субъективного опыта свойствен любому человеку без психических отклонений, а именно такого необхо-

димо рассматривать в контексте настоящей статьи, так как в противном случае разговор о преступлении становится бессмысленным.

Процесс воспитания и образования в цивилизованном государстве предполагает донесение до каждого субъекта основных канонов добра и зла, плохого и хорошего, дозволенного и запрещенного. И в эти границы обязательно попадает понимание неприкосновенности высших человеческих ценностей: его жизни, здоровья, свободы, собственности и т. д. Поэтому понимание того, что убивать, причинять вред здоровью, насиловать, грабить, красть и т. д. находится за рамками дозволенного, закладывается в объем субъективного опыта именно в процессе получения первичного воспитания и образования. Но вот сознание запрещенности других преступлений, требующих осознания четко установленных правил для совершения отдельных действий, приходит в дальнейшем, и только лишь при специальном познании этих правил. И здесь уже другой вопрос: а входила ли данного рода информация в границы субъективного опыта конкретного лица, выполнившего объективную сторону преступления? И если нет, то сознанию как процессу просто неоткуда «доставать» субъективный опыт, что бы сопоставить с субъективной реальностью. Следовательно, нет возможности осознать запрещенность, недозволенность. И уж точно при таких условиях нельзя говорить об осознании опасности для общества.

Вышеприведенные рассуждения приводят к выводу о том, что наличие знаний позволяет говорить об осознании дозволенного или запрещенного, а при рассмотрении этих категорий в рамках права – об осознании противоправности.

Но это было бы слишком просто. Поэтому в рамках осознания противоправности нельзя исключать предположения, то есть не четкие, не уверенные знания, а сделанные на основе каких-либо посылок либо других знаний умозаключения о возможности или допустимости противоправности. Ведь это есть оттенки осознания, которые, как говорил Таганцев, не влияют на вменяемость [8, с. 177].

Таким образом, использование формулировки «общественная опасность» в уголовно-правовой формуле умысла приводит к весьма расплывчатым границам для охвата ее разумом, широкой абстракции, и в большей части к неспособности найти свое место в субъективном опыте конкретного лица, совершившего объективную сторону преступления. Возможно, это есть одна из причин сложности установления умысла или его установления по объективной стороне, чтограничит с объективным вменением.

Список источников

1. Анохин К. В. Гиперсетевая теория мозга и сознания: Лекция № 2 межфакультет. учеб. курса МГУ «Сознание и мозг: последний рубеж» // YouTube: [сайт]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sj_OCPv_uSc (дата обращения: 12.03.2020).
2. Дубровский Д. И. «Трудная» проблема сознания (перспективы решения): лекция № 7 межфакультет. учеб. курса МГУ «Сознание и мозг: последний рубеж» //

YouTube: [сайт]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=MkG6JQLyO9s/> (дата обращения: 12.03.2020).

3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 303 с.
4. Осознанность // Википедия – свободная энциклопедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Осознанность> (дата обращения: 12.03.2020).
5. Приговор Анапского городского суда (Краснодарский край) от 18.03. 2016 № 1–38/2016 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: sudact.ru/regular/doc/pom10zmvKTHR/ (дата обращения: 12.03.2020).
6. Приговор Чудовского районного суда (Новгородская область) от 06.04.2016 № 1–40/2016 // sudact.ru/regular/doc/C0UrTSu2x3mN/ (дата обращения: 12.03.2020).
7. Рубинштейн С. А. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 1. М., 1989. 488 с.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: в 2 ч. Ч. 1. М., 2019. 414 с.

УДК 343

ОРГАНИЗАТОР КАК ВИД СОУЧАСТНИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЕМ (ЧАСТЬ 1 СТАТЬИ 33 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

***И. Г. Корзун**, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук*

Статья посвящена уголовно-правовому анализу проблемы квалификации действий лиц, совершивших преступление, через призму принятия ими участия и распределения функций на примере организатора.

Ключевые слова: виды соучастников; понятие организатора преступления; функции организатора; вид организационной деятельности, осуществляемой организатором.

ORGANIZER AS A TYPE OF PARTICIPANTS OF THE CRIME PROVIDED BY THE LEGISLATOR (PART 1 OF ART. 33 OF THE CRIMINAL CODE)

***I. G. Korzun**, deputy head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law*

The article is devoted to the criminal law analysis of the problem of qualifying the actions of persons who have committed a crime through the prism of their participation and distribution of functions, using the organizer as an example.

Keywords: types of partners; concept of the organizer of a crime; organizer functions; type of organizational activities carried out by the organizer.

Понятие организатора преступления закреплено в ч. 3 ст. 33 УК РФ: это лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество либо руководящее им.

Деяния организатора преступления, в зависимости от действия, которые он совершает, могут квалифицироваться по-разному. Например, лицо может выполнять функции организатора, но при этом непосредственно не выполнять объективной стороны состава преступления, например при найме другого лица в целях совершения убийства за плату. Ответственность в данном случае наступает по Особенной части УК РФ, со ссылкой на ст. 33. В том случае, если организатор одновременно является исполнителем преступления или в случае, когда он действует в составе организованной группы, если такая деятельность предусмотрена в качестве квалифицирующих признаков совершения преступления или обязательного признака основного состава, предусмотренного ст. 208–210 УК РФ, ответственность определяется исходя из норм Особенной части и не требует дополнительной ссылки на ст. 33 УК РФ.

Если лицо совмещает в своей деятельности функции организатора, подстрекателя или пособника, то такие действия квалифицируются как действия организатора.

Например, у Т. сложились устойчивые личные неприязненные отношения со знакомым Ф. в связи с тем, что тот пообещал продать свою автомашину ВАЗ–2106, однако впоследствии передумал и вернул Т. деньги, полученные за данную машину. В связи с этим, испытывая сильную личную неприязнь к Ф., желая отомстить ему за указанные действия, Т. решил организовать убийство Ф.

При этом с целью облегчения совершения данного преступления он решил привлечь кого-либо из знакомых в качестве исполнителей убийства, пообещав им заплатить денежное вознаграждение. В конце декабря 2014 г. Т. встретился с ранее знакомым ему И., а затем через него и с ранее незнакомым О., которым предложил совершить убийство Ф. по найму за денежное вознаграждение. Т. пообещал И. и О. заплатить за совершение преступления деньги, рассчитывая передать на двоих не менее 5900 рублей.

Т., действуя как организатор убийства, принял решение содействовать И. и О. в планировании, подготовке и непосредственном совершении данного преступления, сообщая им всю необходимую информацию о личности Ф., способе убийства, а также доставив их на имеющейся у него в пользовании автомашине к месту совершения преступления.

Реализуя свои преступные намерения, действуя как организатор убийства по найму, Т., оказывая содействие в планировании и подготовке к убийству Ф., сообщил И. и О. известную ему о Ф. информацию, существенно облегчающую совершение убийства, в том числе адрес места жительства, место работы и обучения, а также описал внешность и сообщил иную известную ему информацию о личной жизни Ф. Желая окончательно реализовать свой совместный с И. и О. преступный умысел, направленный на убийство Ф., вечером Т., действуя как организатор убийства по найму, выполняя отведенную ему преступную роль,

привез на автомашине вооруженных металлическими прутами исполнителей планируемого убийства.

В свою очередь И. и О., исполняя отведенные им преступные роли и действуя по найму из корыстных побуждений в качестве исполнителей планируемого убийства, зашли в подъезд указанного дома, где на лестничной площадке стали ожидать Ф.

Тот вышел из квартиры К. и, увидев на лестничной площадке И., и О., вооруженных металлическими прутами, испугался. Поняв, что для его жизни имеется реальная угроза, он пробежал мимо них, выбежал на улицу и, желая спастись, стал убегать.

И., и О. побежали за Ф., догнали его возле ворот детского сада, где напали на него, нанесли многочисленные удары кулаками и имевшимися при себе металлическими прутами сбили с ног, повалили на землю и, применяя имевшиеся при себе металлические пруты в качестве оружия, умышленно, осознавая, что в результате их совместных преступных действий неизбежно наступит смерть, и желая этого, совместно нанесли прутами множественные удары в области локализации жизненно важных органов, а именно: не менее 5 ударов в голову, не менее четырех ударов по спине в область лопаток, а также не менее 4 ударов по рукам, от которых Ф. скончался на месте происшествия [4].

В приведенном примере явственно видно, что Т., организовавший преступление, выполнял не только роль организатора преступления, но и роль, присущую пособнику и подстрекателю. Вследствие того, что данные действия охватываются правовой категорией организатора преступления, нет необходимости квалифицировать его действия как действия подстрекателя или пособника.

В законе выделяют несколько видов организационной деятельности, осуществляемой организатором, таких как:

- 1) организация совершения преступления;
- 2) руководство совершением преступления;
- 3) создание организованной группы или преступного сообщества;
- 4) руководство организованной группой или преступным сообществом.

Первый и третий вид подразумевают под собой этап подготовки к совершению преступления. Если прервать деятельность организатора на данном этапе, то содеянное им будет представлять приготовление к совершению преступления. Деятельность организатора на этом этапе представляет собой действия, выраженные в подборе соучастников преступления, разработке плана совершения преступления, в выборе объекта преступления и ряде других действий.

Особенность второго и четвертого вида организационных действий заключается в том, что они выполняются непосредственно во время совершения преступления, характеризуются построением иерархии участников, определением последовательности действий, совершаемых участниками, обеспечением

прикрытия и т. п. Если деятельность организатора будет прервана на этом этапе, то его действия будут квалифицированы как покушение или приготовление.

Стоит заметить, что организатор при осуществлении своей деятельности не должен выполнять всю совокупность действий, предусмотренных ст. 33 УК РФ. Об этом говорит тот факт, что при семантическом анализе нормы, определяющей организатора, законодатель использует такие союзы, как «либо», «а равно», «или». Вследствие этого для привлечения лица к ответственности как организатора достаточно выполнения одно из представленных в определении действий.

К., играя роль организатора преступления и реализуя раннюю договоренность между ним и П. об убийстве О., предоставил последнему огнестрельное оружие: пистолет марки «ТТ» и пять патронов к нему. П., реализуя договоренность с К., находясь возле гаражного бокса, где О. хранил свой автомобиль, дождавшись, когда О. вышел из него и стал закрывать дверь на ключ, убил О., произведя поочередно в общей сложности 5 выстрелов из предоставленного ему Ф. огнестрельного оружия. О. от полученных повреждений умер [5].

Подводя итог анализу статуса организатора, можно заметить, что его деятельность представляет большую общественную опасность, нежели деятельность других соучастников преступления, хотя он и не выполняет объективную сторону преступления. Особенностью действий организатора является еще и то обстоятельство, что свою деятельность организатор осуществляет только с прямым умыслом. В отдельных случаях, характерных для деятельности преступных сообществ и организованных преступных групп, организатор преступления может даже не знать исполнителей преступления и обстоятельств, при которых оно было совершено.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 18.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Асанов Р. Ф. Соучастие в преступлениях со специальным исполнителем // Уголовное право и современность: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 2000.
3. Гриценко Е. Н. К вопросу о понятии соучастия в российской теории. Классификация соучастников преступления // Междунар. журн. гуманитар. и естеств. наук. 2017. № 3–1. С 135–137.
4. Приговор Ленинского районного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 18.04.2016 Уголовное дело № 1–99/2016 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/sJbdfmFcbWrw/> (дата обращения: 26.11.2019).
5. Приговор Хабаровского районного суда от 20.04.2016. Уголовное дело № 341–9/2016 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/4ULLgkHAucJw/> (дата обращения: 22.12.2019).

УДК 349

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОДСЛЕДСТВЕННЫХ СЛЕДСТВЕННОМУ КОМИТЕТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПУТЕМ МОНИТОРИНГА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

***К. А. Костенко**, заведующий кафедрой уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*

В статье рассматривается одно из наиболее важных направлений взаимодействия следственных органов Следственного комитета Российской Федерации со средствами массовой информации – мониторинг СМИ и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Автор отмечает, что мониторинг СМИ позволяет решать самые сложные задачи по борьбе с преступностью, а использование современных систем онлайн-мониторинга предоставляет возможность своевременно выявлять распространенные в СМИ и сети Интернет сведения о совершенных в отношении граждан преступлениях. После этого уже в условиях полной информированности следует незамедлительно организовывать по выявленным фактам процессуальные проверки или возбуждать уголовные дела.

Ключевые слова: мониторинг СМИ; Следственный комитет Российской Федерации; выявление преступлений; возбуждение уголовного дела.

DETECTION OF CRIMES UNDER INVESTIGATION BY THE IC OF RUSSIA BY MONITORING THE MEDIA AND INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS NETWORK "INTERNET"

***K. A. Kostenko**, head of the Criminal Procedure Department of the Khabarovsk branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

The article considers one of the most important areas of interaction between the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation and the mass media – monitoring of the media and the information and telecommunications network Internet. The author notes that media monitoring allows us to solve the most complex problems in the fight against crime, and the use of modern online monitoring systems provides an opportunity to timely identify information spread in the media and the Internet about crimes committed against citizens. After that, in conditions of full awareness, you should immediately organize procedural checks on the identified facts or initiate criminal cases.

Keywords: media monitoring; Investigative Committee of the Russian Federation; detection of crimes; initiation of criminal proceedings.

Мониторинг средств массовой информации (далее также СМИ) и информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее также Интернет) является одним из наиболее важных направлений взаимодействия следственных органов СК России со средствами массовой информации. Востребованность и актуальность этого, уже далеко не нового инструмента, особенно в наши дни, неоспорима. Потребность в мониторинге СМИ продиктована необходимостью оперативно реагировать на события и принимать решения в условиях полной информированности.

В настоящее время технология мониторинга СМИ претерпела значительные изменения. Успешно используются современные системы онлайн-мониторинга. На смену технологиям полнотекстового поиска информации пришли технологии семантического анализа текстового материала, позволяющие интеллектуальным автоматизированным системам в десятки и более раз быстрее решать задачи по работе с текстовыми документами. В числе таких задач: классификация текстов по совокупности признаков, поиск ключевых слов, выявление контекстных слов (контекста); аннотирование текста, каталогизация текстов и подбор текстов с заданными свойствами и др.

В условиях получения значительного потока информации и необходимости своевременной ее обработки системам профессионального мониторинга в СК России уделяется большое внимание. В частности, следственные органы для мониторинга СМИ и социальных сетей нацелены на использование в этих целях специализированных компьютерных программ.

В следственных органах СК России для обеспечения качественного и своевременного мониторинга СМИ используется программа RSSOwl (позволяющая отслеживать в режиме реального времени сообщения, публикуемые на сайтах новостных порталов), а также используется сайт «Mediametrics.ru», в котором

отражаются новости, наиболее просматриваемые и актуальные на текущий отрезок времени в социальных сетях и блогах.

Акцент на применении автоматизированных систем при осуществлении мониторинга СМИ не исключает так называемый мониторинг в «ручном» режиме, поскольку качественный анализ текста предполагает оценку таких нюансов, как эмоции, угрозы, характер отношений между объектами.

Одним из наиболее важных аспектов мониторинга является оперативность получения информации. И здесь следует учесть, что в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информация появляется гораздо быстрее, чем на радио, ТВ и в печатных СМИ. Это связано с тем, что для размещения информации в сети Интернет практически не существует барьеров, как связанных с необходимостью длительной обработки сообщений, так и с необходимостью согласования такой информации. Все это в совокупности выводит информационно-телекоммуникационную сеть Интернет на первое место среди источников для мониторинга.

Так, например, по итогам 2019 г. более 87 % от общего количества сообщений с упоминаниями СК России было опубликовано на ресурсах Интернета [4].

Мониторинг СМИ и сети Интернет представляет собой определенную систему действий, которая представляет собой весьма трудоемкий процесс. Кропотливость и монотонность – характерные черты работы по мониторингу СМИ. Упустить в потоке информации наиболее важную, свидетельствующую о совершенном преступлении, здесь никак нельзя. В связи с этим сотрудники СК России, ответственные за взаимодействие со СМИ, практически в ежесуточном режиме осуществляют мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет («Яндекс-Новости»), RSS-лент информационных агентств, просмотр социальных сетей «Вконтакте», «Фейсбук», Instagram, видеохостинга YouTube, сайта Change.org.

При осуществлении мониторинга, как правило, первичной информации из нескольких источников уже достаточно для принятия решения об организации проверки. Между тем в некоторых случаях, например при поиске информации по запросу следователя, при изучении конкретного вопроса или в случае, когда нужно просто найти, чем закончилась та или иная озвученная в СМИ информация и становилась ли она вообще предметом упоминаний в СМИ, применяется мониторинг СМИ по заданной тематике.

В СК России проведение мониторинга СМИ, а также сети Интернет позволяет использовать его данные как для реализации управленческих функций, так и для успешного выполнения одной из основных задач по оперативному и качественному расследованию преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством. Выполнение рассматриваемой задачи напрямую связано с своевременным выявлением рас-

пространенных в СМИ сведений о совершенных преступлениях и немедленной организацией их предварительного расследования. Это позволяет оперативно приступить к восстановлению нарушенных прав и законных интересов граждан, потерпевших от преступлений.

Необходимо подчеркнуть, что одна из основных функций мониторинга СМИ в системе СК России – это выявление резонансных происшествий, а также ситуаций, затрагивающих права и законные интересы социально незащищенных категорий граждан и требующих реакции правоохранительных органов [1, п. 13]. Особое внимание здесь уделяется сюжетам и информации о нарушении прав граждан, в особенности детей, инвалидов, ветеранов и других социально незащищенных слоев населения, о чрезвычайных происшествиях и преступлениях, а также об иных вызвавших повышенный общественный резонанс темах.

Наиболее опасны распространяемые в СМИ антиобщественные противоправные лозунги, направленные на подрыв национальной безопасности, потребителем которых являются, в том числе, несовершеннолетние [2, с. 27–30].

Статистические данные по мониторингу СМИ и сети Интернет свидетельствуют о том, что за последние годы в Следственном комитете принципиально изменен подход к организации данной работы. За последние 5 лет (в сравнении с 2015 г. в 2,6 раза увеличилось число организованных по результатам мониторинга СМИ и сети Интернет процессуальных проверок (с 701 до 1874) и на 21 % – среднее число ежегодно возбуждаемых по итогам их проведения уголовных дел (с 257 до 324) [4].

В целях повышения эффективности мер реагирования на сообщения о готовящихся или совершенных преступлениях, отнесенных к подследственности следователей Следственного комитета, распространенных в СМИ, а также информационно-телекоммуникационной сети Интернет, председателем СК России 10 мая 2017 г. было издано распоряжение № 43/206р «О дополнительных мерах, направленных на повышение эффективности проверки сообщений о преступлениях, распространенных в средствах массовой информации» (далее – Распоряжение).

Распоряжением установлен определенный порядок рассмотрения сообщений о преступлениях, выявленных по результатам мониторинга СМИ, который включает в себя мероприятия для старших помощников (помощников) руководителей следственных органов по взаимодействию по СМИ. В частности, им предписано осуществлять непрерывный мониторинг распространения в СМИ и сети Интернет сообщений о преступлениях, уделяя особое внимание информационным материалам о фактах невыплаты заработной платы, совершения ятрогенных преступлений, противоправных действий в отношении несовершеннолетних и иных социально незащищенных категорий граждан,

а также по материалам, возбуждающим национальную или расовую ненависть и побуждающим к различным экстремистским проявлениям.

В соответствии с Распоряжением в случае выявления в СМИ и в сети Интернет сообщений о преступлениях старшие помощники незамедлительно представляют руководителю следственного органа докладную записку с указанием источника информации, даты и времени размещения сообщения о преступлении, а также времени его выявления с приложением (по возможности) его текста или видеозаписи. Докладные записки рассматриваются руководителем следственного органа, которым сначала организовывается предварительная оценка достоверности распространенных в СМИ и сети Интернет сведений, а только лишь после этого, при наличии оснований организовывается их проверка в порядке ст. 144, 145 УПК РФ.

О том, что мониторинг СМИ является одним из приоритетных направлений деятельности следственных органов СК России, свидетельствует принципиальная позиция по данному вопросу председателя СК России А. И. Бастрыкина. В частности, в режиме реального времени председателю СК России докладывается о наиболее резонансных публикациях средств массовой информации, а его поручения оперативно доводятся до руководства следственных органов Следственного комитета, и по ним организовываются доследственные проверки. Кроме того, ежедневно председателю СК России представляются обзор СМИ и социальных медиа с публикациями, имеющими отношение к деятельности Следственного комитета.

В частности, на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации систематически публикуются поручения председателя СК России об организации процессуальных проверок или возбуждении уголовных дел по фактам, распространенным в СМИ и сети Интернет.

Например, по опубликованной 21 января 2020 г. в ряде СМИ информации о ДТП с участием школьного автобуса и легкового автомобиля в Ивановской области, в результате которого пострадали несколько школьников, председатель СК России поручил незамедлительно организовать доследственную проверку по факту нарушения прав детей, в рамках которой выяснить, насколько условия перевозки школьников соответствовали требованиям безопасности их жизни и здоровья. В этот же день по вышедшему в телеэфир сюжету о возможной причастности врачей к смерти несовершеннолетней девушки из Самары и обжаловании ее родителями решения о прекращении уголовного дела в отношении медицинских работников председатель СК России потребовал подробного доклада от руководителя регионального следственного управления о проведенных следственных действиях и причинах прекращения уголовного дела. Помимо этого, председатель Следственного комитета взял под контроль материалы уже возбужденного в СК по Республике Саха (Якутия) уголовного дела по

сообщению в СМИ о происшествии с ребенком в Якутии, который получил тяжкий вред здоровью в результате нападения на него стаи бродячих собак [5].

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что мониторинг СМИ позволяет не только достаточно быстро организовывать проверочные мероприятия по установленным представителями СМИ нарушениям прав незащищенных граждан и детей, но и оперативно подключаться к проверке законности и обоснованности уже принятых процессуальных решений либо контролировать ход и результаты расследования наиболее резонансных дел, если в адрес следственных органов Следственного комитета России звучит критика.

Подводя итоги рассмотрения вопроса, необходимо еще раз подчеркнуть, что «зачастую именно взаимодействие правоохранительных органов со СМИ в современных условиях является мощным фактором в успешном решении задач по борьбе с преступностью» [3, с. 258–259]. При этом актуальность и значимость проводимой в СК России работы по организации мониторинга СМИ и информационно-телекоммуникационной сети Интернет действительно являются важной составляющей всего процесса обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от преступлений.

Список источников

1. Об утверждении Инструкции об организации взаимодействия СК России со СМИ, сайтами в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не являющимися средствами массовой информации, а также с социальными сетями»: приказ председателя СК России от 13.05.2019 № 56. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Арефьева Л. В., Магомедов Г. А. Проблема разжигания национальной и религиозной нетерпимости в современных СМИ // Рос. следователь. 2012. № 19. С. 27–30.
3. Костенко К. А. Роль СМИ в раскрытии преступлений серийных и прошлых лет // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16 марта 2017 года) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Москов. акад. СК России, 2017.
4. Медиалогия: [сайт]. URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 10.02.2020).
5. Председатель Следственного комитета дал ряд поручений по фактам нарушения прав социально незащищенных граждан, в том числе детей, в ряде регионов России // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1430863> (дата обращения: 29.01.2020).

УДК 343.33; 343.91

НЕОНАЦИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РОССИИ

К. М. Кравченко, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В работе рассмотрены факторы, обуславливающие возникновение неонацизма в молодежной среде России. В обоснование актуальности проблемы использованы статистические данные правоохранительных органов, результаты социологических опросов, примеры из судебной практики. Сделан вывод о двойственности характера молодежной преступности экстремистской направленности, характеризующейся совершением насильственных действий, а также общественно опасных деяний посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Ключевые слова: неонацизм; молодежь; преступления экстремистской направленности; реабилитация нацизма; информационно-телекоммуникационная сеть Интернет; насильственные действия; ксенофобия; ненависть; вражда.

NEO-NAZISM IN THE YOUTH OF RUSSIA

K. M. Kravchenko, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The paper considers the factors causing the emergence of neo-Nazism in the youth of Russia. In support of the urgency of the problem, the author used statistical data from law enforcement agencies, the results of opinion polls, and examples from judicial practice were used. The conclusions concerning about the duality of the nature of extremist youth crime, characterized by the commission of violent acts and socially dangerous acts through the information and telecommunication network «Internet».

Keywords: neo-Nazism; youth; extremist crimes; rehabilitation of Nazism; information and telecommunication network «Internet»; violent action; xenophobia; hatred and enmity.

В связи с распадом СССР начался период экономических и политических изменений в Российской Федерации, результат которых существенно отразился на жизни граждан страны.

Кризисное состояние экономики, неконтролируемая миграция, стремительный рост коррупции, идеологический коллапс, вызванный свержением коммунистической идеологии, борьба элит и этнических групп – наиболее значимые факторы, обуславливающие возникновение этнонациональных конфликтов, трансформацию радикальной экстремистской идеологии в субкультуру нацизма [17, с. 63].

Национализм, возникающий при сильной дифференциации общества, обусловленной низким уровнем жизни, способствует появлению агрессивно настроенной молодежи и экстремистских организаций неонацистского толка.

Лица подросткового и молодежного возраста крайне болезненно реагируют на условия бедности, социально-экономического неравенства, нестабильность и предвзятость в виду их психофизиологических возрастных особенностей: эмоциональной возбудимости, вспыльчивости, максимализма, заниженной самооценки, внушаемости [1, с. 36].

Дефицит средств на обучение или невозможность получения образования на бюджетной основе по причине отсутствия «блата», безрезультатность в отыскании работы по профессии и реализации себя как специалиста, низкий уровень жизни могут привести подростка не только к правому нигилизму, но и к аморальному и безнравственному поведению, нередко сопряженному с насилием. Часто идеологи экстремистских сообществ, в том числе профашистского и неонацистского толка, вербуют именно юношей и девушек, не сумевших найти свое место в жизни, так называемых «исключенных», которые ищут способы выхода своего недовольства и злости на окружающих, подыскивают тех людей, на кого можно перенести ответственность за свои нерешенные проблемы [4, с. 69; 18, с. 79]. «Исключенные», или «аутсайдеры», среди молодежи, неудовлетворенные своим низким статусом в обществе, характеризуются постепенной маргинализацией и деградацией личности. Такие молодые люди чаще всего становятся участниками группировок экстремистской и фашистской направленности [14, с. 434]. Кризис идентичности, присущий многим молодым людям, является одной из доминирующих причин беспрепятственного вовлечения молодежи в состав экстремистской организации, так как они испытывают необходимость в обретении социального статуса, отыскании общественной группы, в которой им будет легко выстроить социальные связи [7, с. 77].

Продолжая характеризовать молодежную группу в экстремистской среде, отметим различие взглядов на понимание границ возраста молодежи. Так, основной категорией лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, являются лица в возрасте от 18 до 30 лет [1, с. 36].

В научной литературе также встречается подход, дифференцирующий молодой возраст неонацистов и экстремистов на следующие группы: 14–16 лет, 16–18 лет, 18–20 лет, 20–25 лет, 25–30 лет, 30–35 лет, 35 лет и более. Такая классификация объясняется возрастными ограничениями, при которых в силу психофизиологических особенностей молодых людей разница в несколько лет является существенной [9, с. 119].

Одна из значимых черт, характеризующих экстремистскую деятельность, особенно молодежи, – это наличие «чужих» людей, к которым экстремисты в своей группировке испытывают чувства гнева, зависти, пренебрежения, ненависти или вражды. Чаще всего образ «врага» распространяется на социально незащищенные группы людей: мигрантов, бездомных, представителей национальных меньшинств, лиц нетрадиционной ориентации, идеологических оппонентов и др. [2, с. 78].

В 2000-х проблема нацизма заставила обратить на себя больше внимания, чем раньше, так как молодежные группировки в России в этот период времени стали все более агрессивными, политизированными и организованными, часто находясь под влиянием лидеров организованных преступных сообществ [9, с. 102].

Наиболее ярко выраженным примером радикализма в России стала деятельность скинхедов, ориентированных на уличное насилие, идеологические взгляды которых часто основываются на биологическом расизме, беспринципном национализме, этническом и религиозном экстремизме.

В результате серии громких нападений в 2000-х на лиц «неславянской» внешности, осуществленных скинхедами, их стали называть «русскими фашистами». Сотни слабо оформленных малых групп преимущественно неонацистского толка стали часто использоваться в качестве физической силы легально действующими националистическими организациями (например, «Движение против нелегальной иммиграции») и в последующем стали основой движения русских националистов [3, с. 17–20].

Близкой к скинхедам по идеологическим установкам была молодежная среда футбольных фанатов, имеющая свои особенности группового поведения и специфический язык общения. Фанатские группировки были конфликтны и агрессивны, они нередко участвовали в уличных погромах и актах насилия совместно со скинхедами [14, с. 449].

Важно отметить, что росту насильственных преступлений, совершенных неонацистами, способствовал факт пренебрежения правоохранительными органами установлением в действиях неонацистов мотивации ненависти по расовому, национальному, религиозному признаку [10, с. 11–12]. Как отмечает Я. И. Гишинский, в начале 2000-х насильственные преступления по названным

мотивам квалифицировались чаще всего по основному составу, без ссылки на ксенофобную мотивацию [4, с. 83].

В 2010–2013 гг. в неонацистской среде произошли серьезные изменения. Наметилась тенденция к увеличению преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети Интернет, что было обусловлено увеличением числа их пользователей (по некоторым данным, только в период с 2012 по 2013 г. интернет-аудитория увеличилась на 6 млн людей [6]).

Межэтнические конфликты стали носить всероссийский, а не локальный характер из-за популярности интернет-коммуникаций и социальных сетей. Ярким примером таких событий являлись беспорядки на Манежной площади в 2010 г., возникшие в результате убийства футбольного фаната выходцами с Северного Кавказа, а также массовые выступления в районе Бирюлево Западное г. Москвы по факту убийства местного жителя гражданином Азербайджанской Республики.

Д. А. Лазарев, изучая явление молодежного экстремизма, выделяет понятие «информационный экстремизм» и определяет информационно-телекоммуникационные сети как систему с наибольшими разрушительными ресурсами, чем в многочисленных экстремистских группировках [8, с. 31].

Действительно, используя информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, лидеры неонацистских объединений без труда распространяют ксенофобную идеологию среди пользователей, вовлекают молодых людей – основную интернет-аудиторию – в состав радикальных экстремистских организаций.

Так, 10 мая 2018 г. Центральным районным судом г. Хабаровска несовершеннолетний С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 222, ч. 1 ст. 222 УК РФ, за хранение по месту жительства сигнального пистолета, преобразованного под стрельбу боевыми патронами. В ходе предварительного следствия было установлено, что С., познакомившись в социальной сети «ВКонтакте» с неким лицом, был вовлечен последним в состав националистической экстремистской организации «Штольц». Являясь ее членом, по предложению этого лица С. неоднократно участвовал в тренировках по ножевому бою, в тактических играх в страйкбол, принимал участие в акциях по поимке педофилов [12].

Нашедший С. гражданин, являясь непосредственным руководителем движения «Штольц», для участия в группе и совершения преступлений экстремистской направленности вовлекал несовершеннолетних граждан, призывал их к совершению насильственных действий в отношении лиц неславянской национальности, без определенного места жительства и нетрадиционной сексуальной ориентации. С этой целью С. как участник названной группы хранил сигнальный револьвер, приспособленный для стрельбы боевыми патронами.

1 декабря 2017 г. Центральным районным судом г. Хабаровска общественное движение «Штольц» было признано экстремистской организацией [15].

В настоящее время тенденция информационного воздействия на сознание молодежи такова, что юные пользователи реализуют социальные потребности все чаще в виртуальном мире, чем в объективной действительности. Отстраняясь от реальности, они погружаются в мало контролируемый поток информации, где традиционные ценности часто вытесняются и заменяются демонстрацией насилия, жестокости, хладнокровности, что в последнее время является атрибутами современной медиакультуры.

Согласно данным социологического опроса аналитического центра «Левада-центр», в 2019 г. была выявлена динамика увеличения доли ежедневных интернет-пользователей в сравнении с предыдущим годом среди следующих возрастных групп: доля 18–24-летних пользователей увеличилась на 2 % (всего 94 % опрошенных), 25–39-летних – на 6 % (89 %), 40–54-летних – на 10 % (69 %), 55-летних и старше – на 7 % (34 %). Возрастная группа россиян 18–24 лет является наиболее активными пользователями информационно-телекоммуникационной сети Интернет, поскольку за последние 5 лет доля этой социальной группы имеет самые высокие показатели [5].

Проблема нападений на почве расовой и национальной ненависти, совершаемых членами клубов футбольных фанатов, а также группировками наци-скинхедов в настоящее время не потеряла своей актуальности, что подтверждается материалами судебной практики.

20 февраля 2019 г. Первомайский районный суд г. Кирова осудил Б. за совершение преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, а также П. за совершение преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, ст. 116 УК РФ.

В ходе предварительного следствия было установлено, что П. и Б. являлись членами радикально настроенного неформального молодежного движения скинхедов, поддерживающего идеологию неонацизма, и испытывали ненависть на почве различий в идеологической позиции с двумя другими молодыми людьми, которые, в свою очередь, являлись сторонниками молодежной организации антифашистов. В результате имевшихся идеологических разногласий с антифашистами П., осознавая, что находится в общественном месте совместно с посторонними лицами, проявляя явное неуважение к обществу, желая противопоставить себя окружающим и продемонстрировать к ним свое пренебрежительное отношение, осознанно нарушая общепризнанные нормы и правила поведения, выразил чувство ненависти к одному из них, применив насилие с целью причинения физической боли.

Б., достоверно зная, что его противники придерживаются антифашистской идеологической позиции, и испытывая к ним ненависть в связи с указанным

обстоятельством, действуя с грубым нарушением общественного порядка, демонстративно в общественном месте в присутствии посторонних граждан, желая выразить свое отношение посредством причинения физической боли, нанес ладонью один удар в область лица одного из антифашистов, затем, используя молоток в качестве оружия, нанес им телесные повреждения второму [13].

4 мая 2018 г. судебная коллегия по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда, рассмотрев апелляционное представление заместителя прокурора Приморского района г. Санкт-Петербурга, признала виновным М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, и приговорила к 12 годам лишения свободы, а также признала К. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, и приговорила к 8 годам лишения свободы.

Суд учел доводы стороны обвинения, не нашедшие отражения в обвинительном приговоре первой инстанции, о наличии мотива расовой, национальной ненависти в действиях виновных лиц. Поводом для совершения преступления послужил факт неприязненного отношения М. и К. к лицам азиатской внешности. При этом подсудимые отрицали наличие экстремистского мотива в своих действиях. Вина в инкриминируемом преступлении, совершенном К. по мотиву расовой, национальной ненависти, подтвердилась показаниями свидетелей о националистических взглядах К., ее членстве в объединении болельщиков футбольного клуба «Зенит». К. придерживалась идеи об убийстве лиц «неславянской» внешности, что в ходе судебного следствия было установлено из показаний свидетелей [11].

Согласно статистическим данным, представленным на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры, общее количество преступлений, совершенных лицами мужского пола в возрасте от 18 до 29 лет, незначительно снижается. Так, в 2015 г. было зарегистрировано 7003 преступления, совершенных мужчинами в возрасте 18–24 лет (21,03 % от общего числа зарегистрированных преступлений) и 7284 преступления, совершенных в возрасте 24–29 лет (21,87 %), в 2016 г. – 6105 (возраст – 18–24, 19,83 %), 6710 (возраст – 25–29, 21,80 %), в 2017 г. – 5521 (возраст – 18–24, 19,69 %), 6005 (возраст – 25–29, 21,42 %), в 2018 г. – 5291 (возраст – 18–24, 19,53 %) и 5416 (возраст – 25–29, 19,99 %), в 2019 г. – 4820 (возраст – 18–24, 19,43 %) и 4758 (возраст – 25–29, 19,18 %) [16].

Из представленных данных видно, что в целом о существенной положительной динамике молодежной преступности в сторону ее снижения говорить не приходится.

Предотвращение преступлений экстремистской направленности в молодежной среде является актуальной задачей уголовно-правовой политики Российской Федерации. Деятельность экстремистских молодежных группировок

неонацистского толка в настоящее время заключается не только в осуществлении насильственных действий, но и в распространении экстремистских националистических взглядов посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В целях пресечения опасной тенденции в современном обществе к пропаганде идеологии и практики неонацизма в УК РФ криминализованы общественно опасные деяния, предусматривающие ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ).

Список источников

1. Антонова Е. Ю. Детерминанты инцидентов на почве ненависти (предубеждений) и преступлений экстремистской направленности // Вестн. Дальневост. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 4 (41). С. 32–39.
2. Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России. 2011. № 1. С. 74–87.
3. Верховский А. М. Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестн. общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 1 (107). С. 11–35.
4. Гиалинский Я. И. Социальное насилие: моногр. СПб., 2013. 185 с.
5. Динамика пользования Интернетом // Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады: [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2019/12/05/dinamika-polzovaniya-internetom/> (дата обращения: 12.03.2020).
6. Интернет в России: динамика проникновения. Лето 2013 // ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/posts/11067> (дата обращения: 12.03.2020).
7. Корнеева О. Т., Самыгин С. И., Кротов Д. В. Молодежный экстремизм как угроза национальной безопасности общества: причины распространения и меры противодействия // Гуманитар., социально-экономич. и обществ. науки. 2016. № 10. С. 76–80.
8. Лазарев Д. А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия: дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2018. 172 с.
9. НеОбыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристика) / П. В. Головенков, Г. А. Есаков, И. М. Мацкевич, У. Хелльман; под общ. ред. И. М. Мацкевича. М., 2017. 264 с.
10. Плихун Я. В. Неонацисты в России – кто они? // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 2 (12). С. 11–13.
11. Приговор от 04.05.2018 № 1–69/2018 // Архив С.-Петерб. город. суда.
12. Приговор от 10.05.2018 № 1–160/2018 // Архив Централ. район. суда г. Хабаровска. Дело № 1–160/2018.
13. Приговор от 20.02.2019 № 1–26/2019 // Архив Первомайск. район. суда г. Кирова.
14. Причины преступности в России: моногр. / Ю. М. Антонян [и др.]. М., 2013. 523 с.
15. Решение № 2А-6287/2017 от 01.12.2017 // Архив Централ. район. суда г. Хабаровска.

16. Социальный портрет преступности // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 12.04.2020).
17. Урсул В. И. К вопросу о нацизме в современной России // Армия и общество. 2008. № 3. С. 63–69.
18. Экстремизм и его причины / под ред. Ю. М. Антоняна. М., 2010. 288 с.

УДК 343.79

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИБРЕТЕННОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Р. А. Лащенко, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

Статья посвящена уголовно-правовой и криминологической характеристике преступлений в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем. Механизм эффективного противодействия данному виду преступлений может быть разработан только с учетом изучения современных способов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем. Наиболее широко распространенным способом является использование информационно-телекоммуникационных сетей, который отличается высокой степенью общественной опасности, анонимностью и массовостью.

Ключевые слова: противодействие преступности; легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем; предикатное преступление; использование информационно-телекоммуникационных сетей; состав преступления.

MODERN METHODS OF LEGALIZATION (LAUNDERING) OF MONEY OR OTHER PROPERTY ACQUIRED BY CRIMINAL MEANS

R. A. Lashchenko, senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the criminal-legal and criminological characteristics of crimes in the field of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means. The mechanism of effective counteraction to this type of crime can be developed only taking into ac-

count the study of modern methods of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means. The most widespread method is the use of information and telecommunications networks, which is characterized by a high degree of public danger, anonymity and mass character.

Keywords: counteraction to crime; legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means; predicate crime; use of information and telecommunication networks; crime structure.

Проблема противодействия легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, приобрела в последнее время актуальность во всем мире, особенно в ракурсе борьбы против терроризма и создания препятствий в его финансировании. В настоящее время в связи с развитием научно-технического прогресса подавляющее большинство операций по легализации (отмыванию) происходит с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В связи с этим, учитывая их трансграничность, требуется разработка международной нормативно правовой базы, совершенствование национальных правовых институтов.

Также продолжают научные споры по унификации понятия способов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

В международной практике впервые был раскрыт термин легализации (отмывания) преступных доходов в Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, на шестом пленарном заседании конференции 19 декабря 1988 г. Участники отметили, что в результате преступной деятельности концентрируются финансы и средства, которым впоследствии придается законный вид, что способствует международной организованной преступности влиять на правительственные механизмы, политическую и торгово-финансовую деятельность [2, с. 9].

Также в Конвенции Совета Европы «Об отмывании, поиске, аресте и конфискации доходов, полученных преступным путем» (1990 г.) предусмотрено, что к предикатным преступлениям относят преступление, в результате которого возникли доходы, которые впоследствии могут стать предметом преступления. К способам их совершения, относятся в соответствии со ст. 6 Конвенции:

а) отчуждение или передача имущества, лицом осведомленным о его преступном происхождении, совершенная с целью его скрыть или замаскировать, а также иная помощь другим лицам, подозреваемых в совершении предикатных преступлений, с целью избежать юридических последствий их действий;

б) сокрытие происхождения и местонахождения имущества, приобретенного преступным путем;

в) любая форма соучастия, в том числе покушение на преступление, определенных данной статьей [1, с. 15].

Термин «отмывание» обозначает введение нелегально полученного в легальный оборот. В 1984 г. президентская комиссия США по противодействию организованной преступности сформулировала: что «отмывание денег» – процесс, с помощью которого скрывается незаконное происхождение или использование доходов, в результате которого они имеют вид законно полученного имущества. Законодательство других стран (в частности Италии, Германии) определяло способы совершения таких преступлений, как получение доходов в результате наркопреступлений, фальшивомонетничества, контрабанды и т. п.

Изучению способа совершения преступлений посвящены работы известных юристов: Р. С. Белкина, И. Ф. Герасимова, И. Ф. Пантелеева, М. П. Яблокова, Г. Г. Зуйкова и др.

Так, Г. Г. Зуйков, внесший значительный вклад в изучение способов совершения преступлений утверждал, что «способ совершения преступлений – комплекс действий в целях осуществления преступления, в том числе его сокрытия, определяемых внешними условиями и психическими и физиологическими особенностями личности, связанными с конкретными средствами и орудиями преступления» [6].

Важное дополнение к пониманию сущности этой проблемы сделал Р. С. Белкин, указав на то, что такая система действий должна сочетаться единым преступным умыслом. При отсутствии же умысла, что охватывает все стадии преступной деятельности, она допускает и самостоятельное существование способа сокрытия [3].

А. Е. Жалинский отмечает, что легализация (отмывание) является конечной формой трансформации преступной деятельности в финансовое и технологическое производство, при осуществлении которого наблюдается перегруппирование экономической, а впоследствии политической конъюнктуры в интересах организованной преступности, сокрытие истинного характера, источника материальных ценностей, создание видимости законности владения и распоряжения [4, с. 7].

Профессор М. П. Журавлев определяет способ легализации преступных доходов как систему действий, приемов, операций, направленная на подготовку к легализации и сокрытия, маскировки ее последствий, а также непосредственное введение преступных доходов в легальный сектор, в следующих формах:

– проведение сделок или иных операций с денежными средствами или иным имуществом, полученным преступным путем, в целях легализации (отмывания);

- сокрытие источников происхождения, местонахождения или перемещения преступно добытых средств, а также прав на их владение или распоряжение;

- механизм предоставления правомерности преступно добытым прибылям и имуществу;

- вывод «грязных» средств из сферы обращения теневого капитала с предоставлением видимости их законного происхождения;

- иные технологии преступного обогащения, то есть комплекса взаимосвязанных преступных действий, объединенных в единую цепь преступного поведения, где, собственно, легализация является последним звеном [5, с. 35].

Итак, отмывание (легализация) преступных доходов – это сокрытие существования, незаконного происхождения и использования без идентификации, доходов, полученных незаконно.

К классическим способам, которые используются для отмывания (легализации) преступных активов, относят: продажа недвижимости; недостоверность цен внешнеторговых сделок; сделки с занижением цены; подставные компании и фиктивные кредиты; установление контроля над иностранными банками.

Существуют типичные способы легализации с помощью кредитно-банковской системы:

- вклад, перевод или снятие денег небольшими суммами (структурирование);

- «смешивание» легальных денег с нелегальными на банковских счетах предприятиями, что имеют большие объемы ежедневных доходов наличными;

- обменные сделки («сжатие» денег);

- электронный перевод, контрабанда денег за границу и т. д.

Мировой и отечественный опыт позволяет разграничить способы, используемые преступным сообществом в целях легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем:

1) легализация наличных денежных средств: контрабанда валюты, размещение грязных средств мелкими взносами на депозитные счета, использование предпринимательских структур, которые постоянно осуществляют операции наличными; использование пунктов обмена валюты; приобретение ценных бумаг на предъявителя, получение потребительских кредитов с последующим их досрочным погашением.

2) легализация безналичных средств разными способами: закупка и продажа импортных товаров, структурирование безналичных средств, использование фондовых бирж, заключение сделок для использования денежных средств, полученных преступным путем, в хозяйственной деятельности.

Современное определение основных мер в банковской сфере, направленных на противодействие совершения легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, изложено в Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ

«О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Статья 4 указанного закона к основным мерам относит: обязательный внутренний контроль и ограничение предоставления информации о принимаемых мерах противодействия, за исключением мер по замораживанию (блокированию) средств, приостановления операций, расторжении банковского договора (вклада) и необходимости предоставления документов в соответствии с указанным законом.

Следует сделать акцент на том, что при осуществлении указанных действий принимаются во внимание только операции, являющиеся сомнительными, то есть:

- сделки запутанного или необычного характера, без экономического смысла или законной цели;
- сделки, в которых клиентом отказано в предоставлении запрошенных сведений сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем;
- многократное совершение операций или сделок, характер которых дает основание полагать, что их целью является уклонение от процедур обязательного контроля;
- отказ клиента от совершения разовой операции, подозрение, что она осуществляется в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем;
- операции и сделки на сумму свыше 600 тыс. рублей или сумму в иностранной валюте, эквивалентную данной и т. д.

Результаты анализа рассматриваемых преступлений показывают, что технологический процесс легализации (отмывания) состоит из трех стадий, нередко перекрывающих друг друга: первая заключается в размещении (укладке) преступных активов в легальный оборот; вторая – в маскировке (сокрытии следов и путей распространения) их физического движения; третья – в интеграции (возврате или расходе легитимизированных средств).

Для определения способа совершения указанных преступлений необходимо выявлять следы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, отраженных в различных документах (письменных, электронных). Так, действия, связанные с размещением наличности на банковских счетах, вывозом валюты за границу отражаются в «черной» бухгалтерии и отчетности, средствах оперативного документирования. Маскировка противоправности владения теми или иными средствами влечет за собой появление следов материальной или интеллектуальной подделки. Незаконное открытие и использование валютных счетов за рубежом характеризуется следами, которые отражаются в банковской, налоговой отчетности и специфической документации органов валютного контроля. Открытие депозита в банковском учреждении предусматривает необхо-

димось оформления определенного перечня документов, на которых остаются контрольные подписи лица. При осуществлении электронных платежей следы остаются на сервере банка, провайдера, операции с недвижимостью – в нотариальных документах контор и органе регистрации и технической инвентаризации, а с ценными бумагами в реестре владельцев ценных бумаг.

К современным способам, получившим широкое распространение, относится использование информационно-телекоммуникационных сетей. В свою очередь, данный способ позволяет использовать при совершении преступления криптовалюты, различного рода тотализаторы, лотереи и казино в Интернете, осуществлять операции с обезличенными драгоценными металлами, в целом активно применять в преступных целях электронные банковские технологии. Преступность привлекает высокая степень сетевой анонимности, трансграничность и доступность информационно-телекоммуникационных сетей.

Таким образом, в заключение можно сделать вывод, что использование информационно-телекоммуникационных сетей как способа легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, не зависит от объекта предикатного преступления в определенной сфере преступной специализации (незаконный оборот наркотиков, оружия, корыстно-имущественные преступления, незаконная банковская деятельность и др.) и влечет повышенную общественную опасность. Трансформируясь под влиянием научно-технического прогресса, преступность в целях легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества приобретенного преступным путем активно использует современные информационные и финансовые технологии. Для эффективного противодействия этим угрозам, потребуется консолидация уголовно-правовых и криминологических мер, в том числе международного характера.

Список источников

1. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: заключена Советом Европы в Страсбурге 08.11.1990. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: заключена в Вене 20.12.1988. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. 480 с.
4. Жалинский А. Э. Опыт реализации уголовной ответственности за отмывание доходов от преступлений по УК РФ // Всерос. криминолог. журн. 2010. № 1. С. 5–11.
5. Журавлев М. П. Ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов: закон и судебная практика // Журн. рос. права. 2004. № 3. С. 32–41.

6. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Соц. законность. 1971. № 11. С. 14–19.
7. Янчуркин О.В. Исторические аспекты развития положений о легализации (отмывании) преступных доходов и их влияние на правоприменительную практику. Часть 1 // Genesis: исторические исследования. 2016. № 2. С. 97–107.

УДК 343.7

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 230.1 И 230.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. В. Литовченко, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

Статья посвящена анализу одного из элементов механизма преступления – субъективной стороны деяний по ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, предусматривающим уголовную ответственность за применение в отношении спортсменов запрещенных в спорте субстанций и (или) методов и склонение спортсменов к их употреблению.

Ключевые слова: субъективная сторона; спорт; тренер; специалист; спортсмен; субстанция; метод.

TO THE QUESTION OF THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLES 230.1 AND 230.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. V. Litovchenko, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to one of the elements of mechanism of a crime – the subjective side of the acts provided for the line 230.1 and 230.2 articles of the criminal code providing for criminal responsibility for the respect of the athletes and the inducement to use prohibited substances and (or) methods.

Keywords: subjective side, sport, coach, specialist, athlete, substance, method.

Изменение политической обстановки в мире спорта и, как некоторые ученые отмечают, в области «спортивного правопорядка», увеличение ко-

личества подтвержденных фактов применения запрещенных субстанций или методов в деятельности спортсменов, летальные исходы и непоправимый вред, нанесенный здоровью спортсменов, во всем мире, и в нашей стране в частности, диктуют необходимость проанализировать и дать оценку данному факту и уголовно-правовым нормам, эти случаи регулирующим. Особый интерес в этом плане представляет анализ субъективной стороны преступлений, связанных с использованием запрещенных в спорте субстанций или методов, закрепленных в гл. 25 УК РФ: в ст. 230.1 и 230.2 [1].

Субъективная сторона состава преступления представляет собой его внутреннюю сторону, психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением им преступления.

Основным и обязательным признаком субъективной стороны принято считать вину, факультативными признаками – мотив и цель. При этом в тех составах преступлений, где эти факультативные признаки присутствуют, они, конечно же, необходимы для установления в содеянном составе преступления (например, корыстная цель хищения). Факт того, что исследуемые преступления характеризуются виной в форме прямого умысла, не подлежит оспариванию, если мотивом является посягательство на здоровье спортсмена и достижение спортивных результатов любыми запрещенными способами. Виновными лицами в данных преступлениях и в случае склонения спортсмена к использованию (ст. 230.1 УК РФ) и в случае использования в отношении спортсмена субстанций и методов (ст. 230.2 УК РФ) являются тренеры, специалисты по спортивной медицине и иные специалисты в области физической культуры и спорта.

В ст. 230.1 УК РФ в диспозиции описывается склонение спортсмена к использованию субстанций и методов, не указано на последствия в качестве обязательного признака. Соответственно, это преступление с формальным составом.

Статья 230.2 УК РФ в отличие от предыдущего состава законодательно не уточняет форму вины, а вид умысла определяется конструкцией состава, не имеющего результата в качестве последствий.

Таким образом, форму вины склонения спортсмена к использованию любых субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, следует охарактеризовать так: лицо осознавало общественную опасность своих действий, желало совершения этих действий.

Следует уточнить ситуацию, когда речь идет об использовании в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, но необходимых для использования по медицинским показаниям. В недалеком прошлом существовал уведомительный порядок использования субстанций, и спортсмен имел право заявить об их использовании по медицинским показаниям.

На сегодняшний день сама процедура заключается в заполнении бланка запроса на терапевтическое использование (ТИ) запрещенных в спорте субстанций и методов. К нему прилагаются медицинские документы, которые отражают состояние спортсмена на момент подачи запроса, а также необходимость в применении запрещенной субстанции. Рассмотрение запроса проходит без участия спортсмена; медицинская документация должна быть максимально подробной.

Непосредственно рассмотрением запросов занимается Комитет по терапевтическому использованию (КТИ) антидопинговой организации, в состав которого входят врачи с опытом работы в спорте. Также КТИ может привлекать независимых экспертов.

При принятии решений КТИ должен оценить запрос на соответствие следующим критериям:

- а) запрещенная субстанция или метод необходимы для лечения острого или хронического заболевания, их неприменение приведет к значительному ухудшению состояния здоровья спортсмена;
- б) использование запрещенной субстанции или метода крайне маловероятно может привести к дополнительному улучшению спортивного результата, кроме ожидаемого улучшения состояния здоровья спортсмена;
- в) отсутствие разумной терапевтической альтернативы использованию запрещенной субстанции или метода.

Критерии довольно расплывчаты и могут охватывать широкий диапазон состояний. Однако Всемирное антидопинговое агентство выпустило несколько рекомендаций, которые помогают КТИ максимально точно рассматривать запросы на ТИ [3].

Запросы на ТИ проверяются на соответствие некоторым критериям, в частности тому, имеется ли разумная терапевтическая альтернатива использованию запрещенной субстанции.

В п. «а» ч. 2 ст. 230.1 УК РФ описывается состав деяния, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Данный факт свидетельствует о явном преступлении, подпадающем под функционирование организованного преступного сообщества, специализирующегося на поставках запрещенных субстанций и их распространении [2].

На сегодняшний день данный вопрос не получил должной регламентации и полноценно не отрегулирован в законодательстве.

Заметим, что указание на специальную цель применения запрещенных в спорте препаратов и методов соответствует общемировой практике конструирования уголовно-правовых норм об ответственности в данной сфере.

Среди вопросов, требующих разъяснения, находится, в том числе, вопрос о том, можно ли квалифицировать склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов либо использование в отношении спортсмена субстанций

и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, по данным статьям в случае выявления этого факта задолго до соревнований исключительно внутри спортивной организации, или речь идет о вмешательстве во время проведения спортивных соревнований.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 19.02.2018. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Крутер М. С., Кутуев А. Р. К вопросу о субъективной стороне преступлений, предусмотренных ст. 230.1 УК РФ и 230.2 УК РФ // Уч. тр. Рос. акад. адвокатуры и нотариата. 2017. № 3 (46).
3. Терапевтическое использование запрещенных в спорте субстанций и методов: мифы и реальность // РУСАДА за честный и здоровый спорт: [сайт]. URL: <https://rusada.ru/news/pressreleases/terapevticheskoe-ispolzovanie-zapreshchennykh-v-sporte-substantsiy-i-metodov-mify-i-realnost/> (дата обращения: 13.03.2020).

УДК 343.2

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ: ХАРАКТЕРИСТИКА, ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

***Н. С. Луценко**, адъюнкт Дальневосточного юридического института
МВД России*

В статье рассматривается уголовно-правовой институт судебного штрафа, раскрывается его сущность и цели. Автор исследует недостатки и пробелы законодательной регламентации данной меры уголовно-правового характера, представляет конкретные предложения по урегулированию норм о судебном штрафе, его развитию и совершенствованию.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, иная мера уголовно-правового характера, возмещение ущерба.

JUDICIAL FINE: CHARACTERISTICS, PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND WAYS OF THEIR IMPLEMENTATION

***N. S. Lutsenko**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

The article examines the criminal law institute of a judicial fine, reveals its essence and purpose. The author explores the shortcomings and gaps of the legislative regulation of this criminal-law measure, presents concrete proposals for the regulation of the norms of the judicial fine, its development and improvement.

Keywords: exemption from criminal liability; judicial fine; other measure of a criminal law nature; compensation for damage.

Стремительное развитие социально-экономических отношений, глобализация, определенно, сказываются на российском законодательстве, в том числе вызывая модернизацию уголовного закона и развитие уголовно-правовых отношений в русле гуманизации и либерализации норм. Особенно остро встает необходимость разработки эффективных уголовно-правовых мер, которые бы

являлись альтернативами уголовному наказанию и имели целью не только учет всех интересов участников уголовно-правового конфликта, но и минимизацию затрат в связи с уголовным судопроизводством.

Проблема поиска таких уголовно-правовых мер является, несомненно, актуальной в современных условиях социально-экономического развития общества.

Вышесказанное обусловило введение Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ [2] в уголовное законодательство Российской Федерации (далее – РФ) уголовно-правового института судебного штрафа, который явился «новым продуктом» уголовной политики нашего государства, ориентированной на восстановительное правосудие, гуманизацию уголовно-правовых норм.

Особенность института судебного штрафа заключается в «двухаспектной» правовой природе, имеющей одновременное закрепление в уголовном законе в качестве вида освобождения от уголовной ответственности в ст. 76.2 УК РФ и иной меры уголовно-правового характера в гл. 15.2 УК РФ [1]. Указанные аспекты судебного штрафа представляют собой два взаимосвязанных и взаимозависимых уголовно-правовых института, не имеющих самостоятельной реализации в действующей интерпретации уголовного законодательства.

Положения о судебном штрафе применяются к лицам, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести, возместившим ущерб либо загладившим вред, нанесенный преступлением, посредством освобождения данных лиц от уголовной ответственности.

Институт судебного штрафа соответствует актам международного значения и отвечает следующим целям:

- восстановлению прав потерпевшего, возмещению ущерба (вреда), причиненного преступлением, в полном объеме и в кратчайшие сроки;
- изменению качественной характеристики общества, а именно сокращению судимого населения путем освобождения виновных лиц от уголовной ответственности;
- исправлению лица, совершившего преступление, «рублем» без приведения в действия института судимости и предупреждению совершения новых преступлений;
- привлечению денежных средств в доход государства, частичной компенсации расходов, затраченных на уголовное судопроизводство, а также обеспечению процессуальной экономии.

С 2017 г. институт судебного штрафа занимает второе место по востребованности в правоприменительной деятельности после института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

В 2017 г. судебный штраф был применен к 20692 лицам, что составило 10,6 % от всего числа лиц, освобожденных от уголовной ответственности [6].

В 2018 г. судебный штраф был применен к 33329 лицам, что составило 17,5 % от числа освобожденных лиц [7].

В 2018 г. применение судебного штрафа позволило пополнить государственный бюджет на сумму 581812 794 рубля [5].

Однако, несмотря на соответствие нового уголовно-правового института поставленным целям и востребованность его в следственно-судебной практике, существует ряд практических проблемных вопросов, затрудняющих максимально эффективную реализацию института судебного штрафа. Их выявление позволило разработать предложения по их устранению.

1. С целью исключения злоупотребления нормами о судебном штрафе, основанного на расширенном толковании понятия лица, впервые совершившего преступление, и выраженного в практической возможности применения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа многократно, предлагается установить количественное ограничение применения ст. 76.2 УК РФ в отношении одного и того же лица – не более двух раз.

2. Учитывая, что применение судебного штрафа не предусматривает примирения сторон и согласия потерпевшего на реализацию данных норм, а также запрета на возможность освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений с формальным составом [4], видится необходимым исключить применение судебного штрафа по уголовным деяниям, фактически представляющим высокую общественную опасность, к которым следует отнести:

- преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних (малолетних) лиц, предусмотренные ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135, ст. 240.1 УК РФ;
- преступления террористической направленности, предусмотренные ст. 205.2, ч. 1 и 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ;
- преступления экстремистской направленности, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 280, ч. 1 и 2 ст. 280.1, ч. 1 ст. 282 УК РФ.

3. С целью формирования однозначной судебной практики применения норм о судебном штрафе и реализации принципа справедливости предлагается урегулировать применение ст. 76.2 УК РФ по преступлениям с формальным, двубъектным и неоконченным составами, а также предусмотреть возможность реализации данной статьи в случае отказа потерпевшего от возмещения ему ущерба, о чем внести соответствующие разъяснения в постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19.

4. В целях разрешения вопросов, связанных с конкуренцией ряда норм освобождения от уголовной ответственности, а также эффективной реализации ст. 76.2 УК РФ предлагается ввести новое основание применения исследуемого уголовно-правового института – «если исправление лица может быть достигнуто путем применения данной меры уголовно-правового характера» – и разъяснить в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 [3],

что «в случае возникновения конкуренции норм статей 75, 76, 76¹ и 76² УК РФ суд может освободить от уголовной ответственности лицо по одному из этих оснований, в применении которого лицо выражает свое согласие».

5. С целью недопущения развития и формирования у молодого поколения культуры, допускающей коррупцию, предлагается исключить применение норм о судебном штрафе в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

6. С целью эффективного применения положений о судебном штрафе предлагается устранить ряд выявленных законодательных пробелов, в том числе:

- установить нижнюю границу размера судебного штрафа – не ниже суммы процессуальных издержек по уголовному делу к моменту принятия решения об освобождении от уголовной ответственности, а в случае их отсутствия – не ниже 70 % минимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, либо не ниже 3500 рублей в случае, если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ;

- назначать судебный штраф отдельно за каждое преступление при совершении лицом нескольких преступлений;

- в случае признания судом причины неуплаты судебного штрафа уважительной предоставить суду возможность снизить его размер, а также продлить либо установить новый срок исполнения данной меры уголовно-правового характера до 6 месяцев.

В завершение отметим, что исследование и выявление недостатков и пробелов в законодательной регламентации института судебного штрафа позволило разработать конкретные предложения по урегулированию норм о новой мере уголовно-правового характера, ее развитию и совершенствованию.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 27.12.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. II, ст. 4256.
3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 27.06.2013 № 19: ред. от 29.11.2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 762 УК РФ): утв. Президиумом Верхов. суда Рос. Федерации 10.07.2019 // Верховный суд Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/all/28088/> дата обращения: 15.10.2019).

5. Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 12 месяцев 2018 г. // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 05.02.2020).
6. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2017 г. // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 05.02.2020).
7. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2018 г. // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 05.02.2020).

УДК 343.2/7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧЕЙ И ОБОРОТОМ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

***И. В. Никитенко**, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института МВД России, доктор
юридических наук, доцент*

На основании анализа соответствующих положений уголовного законодательства России, Постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации и некоторых обобщений сложившейся судебной практики, а также федеральных законов «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и «Об охране окружающей среды» представлены толкования квалифицирующих признаков преступлений, связанных с незаконной добычей и оборотом водных биологических ресурсов, а также основных понятий, правовых дефиниций, которыми апеллирует законодатель при конструировании уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 253, 256 и 258.1 УК РФ.

Ключевые слова: биологический ресурс; незаконная добыча; квалификация; континентальный шельф; Красная книга; преступность; уголовное законодательство; экологическое преступление.

CRIMES RELATED TO ILLEGAL EXTRACTION AND TRAFFICKING OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES

***I. V. Nikitenko**, professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law Associate Professor*

Based on the analysis of the relevant provisions of the criminal legislation of Russia, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and some generalizations of court practice, as well as Federal laws «On fisheries and conservation of aquatic biological resources» and «On environmental protection» presents the interpretation of the aggravating circumstances of the crimes connected with illegal produc-

tion and trafficking of aquatic biological resources, as well as the main concepts, legal definitions manipulating the legislator in the design of criminal law under articles 253, 256, and 258.1 of the criminal law.

Keywords: biological resource; illegal mining; qualification; continental shelf; Red Book; crime; criminal law; environmental crime.

Известно, что качественную структуру экологической преступности образуют преступления, причиняющие существенный вред либо создающие угрозу причинения такого вреда отношениям в области рационального использования и охраны окружающей природной среды.

Эффективное же противодействие таким преступлениям – одно из условий обеспечения экологической безопасности в целом, а в итоге и экологических прав отдельных граждан.

С точки зрения особенностей непосредственного объекта и объективной стороны следует выделить отдельную группу преступлений, связанных с неправомерным изъятием из естественной среды обитания и последующим оборотом водных биологических ресурсов. К подобным преступлениям следует отнести: нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации (ч. 2 ст. 253 УК РФ); незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ); незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1 УК РФ).

Анализируя диспозиции указанных норм, следует обратить внимание на весьма широкий перечень подлежащих охране представителей экосистемы, образующих предметы преступных посягательств. Так, в соответствии с Федеральным законом от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (далее – ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов») «водные биологические ресурсы составляют открытый перечень водных животных и растений» [3].

Кроме этого, в положении ст. 1 ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» усматриваются два главных критерия, которые позволяют животных или растения отнести к перечню водных животных и растений. Первый из них определяется средой обитания, второй же соответствует признаку «естественности нахождения» представителей флоры и фауны в этой среде. Наряду с этим в соответствующих нормативных правовых актах различают «ценные, особо ценные, редкие и находящиеся под угрозой исчезновения водные биологические ресурсы». Так, в ст. 2 ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» содержится положение о приоритете охраны особо

ценных и ценных представителей флоры и фауны. В свою очередь, в положении ст. 24 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» определены категории редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного мира, которые занесены в Красную книгу Российской Федерации и (или) красные книги субъектов Российской Федерации [4].

Следует отметить, что названные нормативные правовые акты содержат юридические положения, устанавливающие условия и порядок рационального использования и охраны водных биологических ресурсов. В свою очередь, перечисленные выше нормы уголовного права предусматривают уголовную ответственность за нарушение установленных правил либо причинение экологического вреда при определенных условиях криминализации. Вместе с тем каждая из перечисленных уголовно-правовых норм корреспондирует положениям названных федеральных законов.

В 2018 г. Федеральным законом от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] была принята новая редакция ст. 253 УК РФ.

Причиной же указанных изменений стали проблемы правоприменительной деятельности по противодействию преступлениям, связанным с незаконной добычей и оборотом водных биологических ресурсов. Были изменены редакции ст. 253 и 256 УК РФ, которые в основном уточняли некоторые из положений, заложенных законодателем в прежней редакции. Так, положение ч. 2 ст. 253 УК РФ, включающее перечень альтернативных деяний, характеризующих объективную сторону преступления, было дополнено еще одним альтернативным деянием в виде «добычи (вылова) природных ресурсов континентального шельфа Российской Федерации». В свою очередь, в ч. 1 ст. 256 УК РФ была включена законодательная оговорка «(за исключением водных биологических ресурсов континентального шельфа Российской Федерации и исключительной экономической зоны Российской Федерации)». Указанная новация уточнила пространственно-географический критерий, или, попросту, место возможного преступления [1].

Вероятно, что подобные изменения призваны минимизировать возможность расширенного истолкования положений ч. 2 ст. 253 УК РФ, но при этом оставляют без изменений положения, указывающие на предмет этого преступления, а именно «природные ресурсы». Однако в соответствии с Федеральным законом «Об охране окружающей среды» все природные ресурсы условно делятся на биологические живые и неживые, которые можно отнести к иным природным ресурсам. Очевидно, что для анализируемой группы преступлений имеют значение только лишь живые природные ресурсы как предмет преступных посягательств.

Из содержания комментируемых положений следует, что преступления, направленные на незаконное изъятие водных биоресурсов (за исключением особо ценных их видов, принадлежащих к тем, которые занесены в Красную книгу России или охраняемым международными договорами РФ) из естественной среды обитания, следует квалифицировать как преступления, предусмотренные ст. 256 УК РФ.

В соответствии с признаками состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 253 УК РФ, следует квалифицировать деяния, связанные с научными изысканиями, включая исследование водных биологических ресурсов, проводимые в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации без соответствующего разрешения.

Определяя признаки объективной стороны рассматриваемых преступлений, законодатель указал на незаконность добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Вместе с этим Постановление Пленума Верховного суда РФ № 26 содержит следующие разъяснения: «Суды, решая вопрос о законности или незаконности осуществленной виновным добычи (вылова) водных биологических ресурсов, должны руководствоваться законодательством Российской Федерации, а также положениями международных договоров, действующих на территории Российской Федерации. В случае конкуренции этих правовых актов, когда международные договоры Российской Федерации в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов устанавливают иные правила, чем российские законы, то применяются правила этих международных договоров». Кроме этого, в ранее указанном Постановлении Пленума Верховного Суда содержится рекомендация о том, что «под незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов понимать действия, направленные на их изъятие из среды обитания и (или) завладение ими в нарушение норм экологического законодательства» [2].

Примечательно, что сложившаяся судебная практика, следуя указанным разъяснениям Пленума Верховного суда, в судебных решениях связывает добычу (вылов) с процессом извлечения водных животных и растений из их естественной среды обитания.

На основании исследования ряда уголовных дел можно прийти к выводу, что среди субъектов преступлений, связанных с незаконной добычей (выловом) и оборотом водных биологических ресурсов, преобладают граждане Российской Федерации. А в дальневосточных акваториях среди субъектов подобных преступлений высока доля иностранных граждан и лиц без гражданства.

Национальная принадлежность субъектов таких преступлений самая широкая. Однако наиболее распространены преступления с участием граждан государств Азиатско-Тихоокеанского макрорегиона.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 253, 256 и 258.1 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого умысла.

Однако для преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ, где речь идет о причинении крупного ущерба, наряду с прямым вполне допустим и косвенный умысел.

В исследуемых составах преступлений не упоминается о целях и мотивах соответствующих деяний, следовательно, эти признаки не являются обязательными и не влияют на квалификацию. Вместе с тем, исходя из требований уголовно-процессуального законодательства и руководящих разъяснений Пленума Верховного суда Российской Федерации, цель и мотивы умышленных деяний должны устанавливаться по каждому уголовному делу, поскольку они подлежат оценке судом при назначении наказания виновному. Известно и то, что указанные признаки часто имеют важное доказательственное значение.

Изучение судебной практики и мнений специалистов позволили установить наиболее распространенные цели и мотивы подобных преступлений. Среди целей преобладают получение материальных выгод, так как противоправная добыча водных биологических ресурсов совершаются для последующих реализаций.

Однако имеют место случаи совершения подобных деяний для удовлетворения личных нужд и потребностей, например для использования в пищу и изготовления одежды, одомашнивания диких животных с их последующей эксплуатацией, таксидермии, а также использования биологического материала, полученного от животных, в качестве сырья для ювелирных или художественных целей и др.

Следует отметить, что противоправные добыча и оборот водных биологических ресурсов с целью сбыта для получения материальной выгоды преобладают над другими целями. Относительно же мотивов анализируемых преступлений их следует определять как корыстные в соответствии с весьма широким пониманием корысти Пленумом Верховного суда РФ по отношению к иным преступлениям (например, в отношении хищений и некоторых должностных преступлений).

Преступления, предусмотренные ст. 258.1 УК РФ, совершаются в стремлении лица незаконно обогатиться из-за высокой стоимости особо ценных диких животных, их частей и производных. Этот субъективный признак дает основание рассматривать преступления, связанные с незаконными добычей и (или) оборотом особо ценных диких животных, как разновидность корыстных преступлений.

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27.06.2018 № 157-ФЗ // Рос. газ. 2018. 29 июня.
2. О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258.1 УК РФ): постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 23.11.2010 № 26 // Бюл. Верхов. суда Рос. Федерации. 2011. № 1.
3. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: федер. закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 52, ч. 1, ст. 5270.
4. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.0.2002 № 7-ФЗ: ред. от 27.12.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК: 304.2

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ УГРОЗА

А. В. Путинцева, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

Актуальность настоящей статьи определяется тем, что в условиях глобальной информатизации общества проблема распространения кибербуллинга как формы насилия с каждым днем обретает все большие объемы. Значительную опасность данный феномен несет в отношении наименее защищенного сегмента пользователей глобальной сети – детей и подростков. Несовершеннолетние в силу возрастных, психологических и иных личностных особенностей совершают преступные деяния. Преступность несовершеннолетних представляет собой острую проблему, затрагивающую вопросы защиты не только общества от преступных посягательств, но и самих несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния.

Ключевые слова: Интернет; преступник; кибербуллинг; агрессия; интернет-пространство; глобальная сеть; человек; информация; подросток.

MECHANISMS FOR PERSONAL PROTECTION FROM DESTRUCTIVE INFORMATION INFLUENCE

A. V. Putintseva, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The relevance of this article is determined by the fact that in the context of global informatization of society, the problem of the spread of cyberbullying as a form of violence is gaining new dimensions every day. This phenomenon is particularly dangerous in relation to the least protected segment of users – children and adolescents. Due to age, psychological and other personal characteristics, minors commit criminal acts. Juvenile delinquency is an acute problem for modern Russian society, affecting the protection of not only society from criminal attacks, but also the minors themselves who committed crimes. Since crime of this type, while remaining one of the most important indicators of the criminal situation

in the country, its dynamics and structure largely characterize the social climate, level of development, and moral character of modern society.

Keywords: Internet; criminal; cyberbullying; aggression; Internet space; global network; person; information; adolescent.

Кибербуллинг представляет собой специфическое нападение, которое совершается с целью причинения вреда другому человеку через различные мессенджеры, электронную почту, социальные сети, онлайн-чаты, а также посредством использования мобильной связи. Подобного рода агрессивное поведение базируется на дисбалансе власти и имеет своей целью причинить вред человеку [2, с. 76].

Кибербуллинг принято считать наиболее агрессивной формой девиации. Проводя большое количество времени в социальных сетях, люди тем самым подвергают себя опасности стать жертвой киберпреступлений. При этом детская аудитория более доверчива, наивна и легко поддается манипулятивным уловкам, а также недостаточно информирована об опасностях социальной среды Интернета, где агрессия, травля, мошенничество получают широкое распространение.

Несовершеннолетний возраст накладывает определенный отпечаток на характер противоправных деяний, совершаемых подростками.

Как указывает Е. М. Луничев, несовершеннолетние относятся к числу субъектов уголовно-правовых отношений с особым статусом и современные тенденции становления и развития уголовного законодательства свидетельствуют о том, что их защита является приоритетным вопросом государственной политики России [5, с. 13].

К. Е. Игошев, в свою очередь, говорит, что преступность несовершеннолетних представляет собой одну из относительно самостоятельных сторон такого многосложного явления, как общая преступность [3, с. 13]. Подобная самостоятельность, по утверждению автора, проявляется в особенностях личной стороны, в своеобразии некоторых причин, а также в специфической характеристике динамики преступности несовершеннолетних.

Преступность несовершеннолетних имеет свою специфику и отличительную особенность, а именно: возраст субъекта преступления, установленный ст. 87 УК РФ [1].

Официальная статистика свидетельствует об устойчивой тенденции относительной стабильности и спада криминальной активности несовершеннолетних в последние годы. При этом не стоит недооценивать опасность преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Подростковая преступность оказывает существенное влияние на рецидивную, профессиональную и организованную преступность в связи с тем, что преступность несовершеннолетних сегодня – это своего рода резерв для взрослой преступности завтра.

Становление отрицательной антиобщественной направленности у подростков происходит в постоянном общении с окружающей средой, которая способна порождать различные отклонения в форме преступного поведения. При этом необходимо учитывать и психологический аспект, так называемый психологический статус.

В основе выделения преступности несовершеннолетних лежат в первую очередь социально-демографические и нравственно-психологические особенности личности преступника. Однако не всегда негативное влияние социальной среды приводит к формированию криминогенной личности и, как следствие, обязательно приведет к совершению противоправного деяния. Исходя из этого, для того чтобы подросток сформировался как личность, необходимо функционирование внешних и внутренних факторов, определяющих его поведение.

Подростков чаще всего вовлекают в совершение преступлений взрослые лица либо они совершают противоправные деяния под влиянием сверстников. Основным фактором формирования личности несовершеннолетнего правонарушителя являются отрицательные семейные условия, при этом даже в благополучных семьях невнимание не обладающих достаточной педагогической культурой родителей может привести к формированию личности, совершающей противоправные деяния [4, с. 122].

Таким образом, специфику преступности несовершеннолетних можно рассматривать как обусловленную комплексом взаимосвязанных факторов, относящихся к возрастным, социальным, психологическим особенностям несовершеннолетних, а также специфике его социального статуса.

Как уже отмечалось, в последние годы среди противоправных действий, совершаемых несовершеннолетними, наиболее актуальным является онлайн-агрессия.

Так, по данным подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации, было выявлено более 500 подростков, которые выступали в качестве организаторов онлайн-агрессии.

Так, сотрудники Управления Министерства внутренних дел России по Забайкальскому краю обнаружили, что ученица 9-го класса одного из образовательных учреждений города Читы публиковала в социальной сети материалы, посвященные деструктивному интернет-проекту. Сотрудники управления встретились с учащейся и ее родителями, в ходе встречи девушка пояснила, что неприязненно относится к одноклассникам и испытывает огромное желание причинить им боль. В отношении несовершеннолетней был определен комплекс профилактических мероприятий с привлечением специалистов органов опеки и попечительства, психотерапевтов и других заинтересованных лиц.

Сотрудниками Министерства внутренних дел России по Самарской области была установлена личность ученицы 9 класса, которая публиковала в социальной

сети аналогичные угрозы. Ученица характеризовалась положительно, при этом вела себя замкнуто, дружеские отношения с ровесниками не поддерживала, свободное время проводила в сети Интернет. В отношении несовершеннолетней были проведены профилактические мероприятия и было принято решение о ее помещении в социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних.

Полицейские Управления внутренних дел по Тюменской области передали в отдел по делам несовершеннолетних данные на ученика 11-го класса, который намеревался совершить в отношении одноклассников противоправные действия. По указанному факту была направлена информация в региональный социально-реабилитационный центр с целью оказания учащемуся необходимой психологической помощи.

Сотрудниками Управления внутренних дел по Республике Мордовия была установлена несовершеннолетняя девушка, которая публиковала в сети информацию о насильственных действиях в различных учебных заведениях. Несовершеннолетняя является инвалидом, и ее родителям рекомендовали ограничить посещение подростком Интернета.

Сотрудники Министерства внутренних дел России по Брянской области нашли ученицу, которая в социальной сети заявила о планируемых противоправных действиях в учебном заведении. Полицейские провели встречу с девушкой, на которой она вела себя крайне агрессивно и не осознавала опасности своих действий. Родители девушки не были осведомлены о противоправном поведении своей дочери. Информация о данном подростке была передана в подразделение по делам несовершеннолетних для принятия необходимого комплекса мер.

В настоящее время Министерством внутренних дел Российской Федерации продолжается работа по установлению деятельности лиц, распространяющих в сети Интернет негативный контент. Подобные факты постепенно начинают приобретать «оттенок обыденности», переставая быть чем-то резонансным. При этом основными мерами, которые принимаются в отношении подростков, совершающих противоправные действия в Интернете, являются меры профилактического характера [6, с. 87].

Исследование деятельности специализированных подразделений Министерства внутренних дел России показало, что на сегодняшний день практически отсутствуют данные о возбуждении дел по фактам противоправного поведения в Интернете, имеющем признаки кибербуллинга в отношении несовершеннолетних лиц.

Полученные данные свидетельствуют о высокой латентности данного вида преступности с учетом того, что жертвами кибербуллинга часто становятся дети и подростки, которые наиболее замкнуты по отношению к социуму.

Рассматриваемая проблема усугубляется тем, что правонарушители нередко используют для реализации своих преступных планов возможности социальных

сетей, создавая «группы единомышленников» с целью организации информационных атак в отношении выбранной жертвы. Подобные группы наиболее распространены в социальных сетях, например «ВКонтакте».

Таким образом, кибербуллинг может привести к печальным последствиям у подростков, потому что у них еще не сформировался механизм защиты и они не осознают ценность себя как человека. При этом Министерством внутренних дел России на регулярной основе проводится работа по установлению лиц, распространяющих в сети деструктивный контент. Основными мерами, которые принимаются к подросткам, совершающим противоправные действия в Интернете, являются меры профилактического характера.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 18.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гизатулина А. А. Кибербуллинг как форма интернет агрессии // Современная психология и педагогика: проблемы и решения: сб. ст. по матер. XVII междунар. науч.-практ. конференции № 12 (16). Новосибирск: СибАК, 2018. С. 75–79.
3. Игошев К. Е. Опыт социально-психологического анализа личности несовершеннолетнего правонарушителя. М.: НИиРИО ВШ МООП СССР, 1971. 79 с.
4. Ковалева С.Е. О некоторых актуальных социально-психологических проблемах виртуальной коммуникации в информационную эпоху // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2017. № 5–6 (39–40). С. 122–127.
5. Луничев Е. М. Статус несовершеннолетнего в уголовном праве России. М., 2012. 21 с.
6. Эминов В. Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ. М.: Норма, 2011. 128 с.

УДК 343.533

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ И СБЫТА ПОДДЕЛЬНЫХ И КОНТРАФАКТНЫХ АВТОЗАПЧАСТЕЙ

А. В. Пшеничных, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассмотрены отдельные вопросы, связанные с незаконным производством и сбытом автомобильных товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности. Проведен анализ некоторых показателей нарушений, связанных с изготовлением и продажей поддельных и контрафактных автозапчастей, обозначены возможные пути недопущения правонарушений в данной сфере и уменьшения числа дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: поддельная автозапчасть; контрафакт; дорожно-транспортное происшествие; техническая неисправность; товарный знак; демография; сертификация; недобросовестный предприниматель.

FEATURES OF COUNTERACTION TO OFFENSES IN THE SPHERE OF ILLEGAL PRODUCTION AND SALE OF COUNTERFEIT AND COUNTERFEIT AUTO PARTS

A. V. Pshenichnykh, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with certain issues related to the illegal production and sale of automotive products and products that do not meet safety requirements. The analysis of the main indicators of violations related to the manufacture and sale of counterfeit and counterfeit auto parts, identified possible ways to solve the problem of preventing violations in this area and reducing the number of road accidents.

Keywords: fake auto part; counterfeit; traffic accident; technical malfunction; trademark; demographics; certification; unscrupulous entrepreneur.

Жизнь и здоровье человека признается высшей ценностью и охраняется государством. В январе 2020 г. в послании к Федеральному Собранию Президент Российской Федерации В. Путин поставил проблему решения демографии на первое место. «Судьба России, ее историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет. Мы вступили в сложный, очень сложный демографический период. Число рождений вновь падает. Демография – это сфера, где нет какого-то универсального, тем более узковедомственного решения. Каждый наш шаг, новый закон, государственную программу мы должны оценивать прежде всего с точки зрения высшего национального приоритета – сбережения и приумножения народа России», – заявил Президент [1].

Рассматривая различные аспекты непростой демографической ситуации в России, необходимо выделить видимые причины, влекущие за собой тенденцию к убыли населения. Одной из них является значительное количество дорожно-транспортных происшествий с погибшими и пострадавшими, которое увеличивается из года в год.

Согласно официальным данным, общее количество дорожно-транспортных происшествий за 2019 г. с пострадавшими и погибшими составило 147738. В этих происшествиях погибло 15158 человек, было ранено 189671 человек [2]. Цифры являются просто угрожающими. Даже при общемировых вирусных угрозах, по статистике, гораздо меньшее количество пострадавших. При рассмотрении статистических данных об уровне населения за последние годы наблюдается тенденция к снижению численности России примерно на 100 тыс. человек ежегодно [5].

Сопутствующими причинами дорожно-транспортных происшествий, исходя из статистических данных, является нарушение требований к эксплуатационному состоянию автомобильных дорог, а также эксплуатация технически неисправных транспортных средств. Дорожно-транспортные происшествия, при которых зафиксированы технические неисправности транспортных средств либо условия, при которых запрещена их эксплуатация, составили 4,14 % от общего числа. Всего в стране зарегистрировано 6112 таких дорожно-транспортных происшествий, в которых погибло 1015 человек, было ранено 8924 человека. И эти цифры показывают только официальную (то есть зарегистрированную) статистику, которая не может отражать реальное число происшествий по причине неисправности транспортных средств.

Рассматривая причины неудовлетворительного состояния автомобильного транспорта, необходимо отметить тот факт, что ремонт автомобильной техники несет риск установки на нее поддельных, или контрафактных, запчастей, не отвечающих требованиям безопасности при эксплуатации, что может привести к цепочке неприятных последствий, начиная с поломки и заканчивая трагическими последствиями при дорожно-транспортных происшествиях. Несмотря

на тщетные попытки государства решить проблему контрафакта с помощью принятия ряда запретных мер, они не находят поддержки у официальных производителей автозапчастей, которые готовы лишь подымать цены.

Объемы прибыли для продавцов и производителей на рынке контрафакта автомобильных деталей весьма заманчивы, что подтверждается исследованиями аналитических агентств. Так ежегодный оборот рынка автозапчастей России для легковых автомобилей оценивается в сумму более 1,5 трлн рублей; для сравнения – это более половины финансовых средств, потраченных на покупку новых автомобилей. Доля поддельных автотоваров оценивается специалистами примерно от 20 до 30 % всего рынка.

На мировых торговых площадках доля контрафакта стабильно увеличивается. Согласно докладу Организации экономического сотрудничества и развития, если в 2013 г. его доля составляла около 3 % (\$460 млрд от всех товарных потоков, то за последние годы эта цифра превысила 3,3 % (\$500 млрд). Крупнейшими поставщиками поддельной контрафактной продукции являются Китай и Гонконг, на их долю приходится более 90 % таких товаров. За ними следуют такие страны, как Сингапур, Таиланд и Индия.

В настоящее время трудно определить, каков общий объем контрафакта. Проблема в том, что часто поддельные детали производятся на достаточно высоком уровне. В России в разных регионах активно стали развиваться подпольные заводы по изготовлению автозапчастей «кустарным» способом, которые работают по оригинальной номенклатуре и документации фирменных автокомпонентчиков и, очевидно, не без помощи коллег с официальных заводов штампуют контрафакт. Следовательно, качество автомобильных запчастей не соответствует требованиям стандартов и безопасности, так как продукция производится на непрофессиональном оборудовании и используемый при изготовлении материал не отвечает необходимым требованиям сопромата. Но упаковка, штрихкоды и полиграфия для поддельных автозапчастей изготавливаются на высоком уровне. Отличить подделку от оригинала сможет только профессионал.

Нарушителей закона ловят регулярно. Подпольные цеха закрывают, но через некоторое время они снова начинают работать и производить автомобильную продукцию, не отвечающую требованиям безопасности при эксплуатации. По данным фактам возбуждают уголовные дела, большая часть из которых – по статье «Незаконное использование средств индивидуализации товаров». Нарушителей закона привлекают к ответственности, но они отделываются лишь незначительными штрафами. Принимаемые меры в отношении недобросовестных предпринимателей не приносят эффективных результатов и не останавливают желающих заработать на контрафактной продукции.

В пример можно привести независимое расследование Э. В. Петрова о масштабах производства поддельных автозапчастей в Самарской области, где

выросла целая «гаражная империя» по нелегальному производству автоподделок. Криминальный бизнес приносит организаторам огромные деньги. И мало кого волнует, что поддельные автозапчасти становятся причиной смертельных аварий. Как правило, к нарушителям применяют ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)», квалифицируя преступления как использование чужого товарного знака [4]. Данные меры являются превентивными и не могут адекватно противостоять производству и сбыту поддельных и контрафактных автомобильных товаров, не отвечающих требованиям безопасности при эксплуатации автотранспорта.

Как указывалась ранее, только чуть более 4 % дорожно-транспортных происшествий в России связывают с техническими неисправностями транспортных средств, по сравнению с западноевропейскими странами данная цифра составляет от 25 до 30 %. Причина в том, что в России не принято проводить обследования транспортных средств на месте дорожно-транспортного происшествия. Если дефект в момент дорожно-транспортного происшествия не был выявлен сразу и о нем не было никем заявлено, то установить, что стало истинной причиной аварии, невозможно. Никто, как правило, и не пытается установить оригинальность или контрафактность детали автомобиля, поломка которой из-за ее несоответствия техническим стандартам привела к аварии.

Аналогичная ситуация происходит и с экспертизой, которую проводят только в случае серьезной поломки автомобиля. В настоящее время отсутствует и регламентированный порядок, которым можно было бы определить ответственных за назначение и проведение экспертиз [3].

Большая часть поддельной продукции, поступающей из Китая, реализуется по сниженным ценам. Удешевление некачественных автозапчастей происходит за счет использования неквалифицированной рабочей силы, недоброкачественного сырья, нарушений в технологии производства, отступлении от качества стандарта. Вследствие этого цены на контрафактную продукцию на авторынках в среднем на 40 % ниже, чем на оригинальную.

По данным специалистов крупного российского автогиганта «Автоваз», оборот поддельной продукции на рынке автозапчастей составляет примерно \$3 млрд. При этом под контрафактной продукцией понимаются и восстановленные запчасти, продаваемые под видом новых, и запчасти из разобранных и украденных автомобилей.

Продажа оригинальных автомобильных запасных частей должна подтверждаться обязательной сертификацией соответствия. А для этого должны быть проведены обязательные лабораторные испытания опытного образца, чтобы убедиться в качестве и соответствии принятым нормам производственного процесса.

Официальные производители автомобилей и запасных частей на различных торговых площадках заявляют о том, что именно на государственном уровне в первую очередь необходимо бороться с контрафактом и подделками. Но надеяться исключительно на экономические методы борьбы с незаконным изготовлением и продажей некачественной продукции при многомиллиардных оборотах «серого» и «черного» рынков было бы наивно. Ведь если в случае с дешевой бытовой техникой невмешательство государства хоть как-то оправдано низкими ценами, то в случае с поддельными автомобильными деталями это неприемлемо и приводит к тяжким последствиям. Ежегодно в России в результате распространения поддельных и контрафактных автозапчастей происходят сотни дорожно-транспортных происшествий, на дорогах погибают тысячи людей, тем самым осложняется и так непростая демографическая ситуация в стране.

Хотелось бы отметить, что независимо от того, какие бы законы и меры не принимались для уменьшения количества дорожно-транспортных происшествий, решающим в безопасности движения всегда будет человеческий фактор. В основном именно он определяет причины возникновения и последствия дорожно-транспортных происшествий.

Подводя итог изложенному, учитывая непростую ситуацию, сложившуюся в сфере изготовления и реализации поддельных автозапчастей и контрафакта, влекущую тяжкие последствия и наносящую непоправимый урон государству в сфере экономической безопасности и здравоохранения, необходимо принятие ряда действенных и решительных мер, а именно в части усовершенствования законодательства в области обязательного проведения и назначения автотранспортных экспертиз при дорожно-транспортных происшествиях, а также более качественного расследования аварийных происшествий.

Поднадзорным ведомствам и правоохранительным органам Российской Федерации, с целью эффективности борьбы с преступлениями, связанными с производством и сбытом товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности на автомобильном транспорте, при расследовании уголовных дел нужно квалифицировать состав таких преступлений по п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ как производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерные выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Важно привлекать к уголовной ответственности именно организаторов и владельцев незаконного бизнеса.

Список источников

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15.01.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Госавтоинспекция опубликовала годовую статистику ДТП за 2019 год // 1gai.ru: [сайт]. URL: <https://1gai.ru/publ/524565-gosavtoinspekcija-opublikovala-godovuju-statistiku-dtp-za-2019god.html> (дата обращения: 05.03.2020).
3. Как не попасть: рынок автозапчастей заполнил контрафакт // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/933768/timur-khasanov/kak-ne-popast-rynok-avtozapchastei-zapolonil-kontrafakt> (дата обращения: 05.03.2020).
4. Расследования Эдуарда Петрова. Пираты автопрома // Вести.ru: [сайт]. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/815366/cid/7/> (дата обращения: 05.03.2020).
5. Рождаемость по данным Росстат. Показатели прироста населения // Статистика и показатели. Региональные и федеральные: [сайт]. URL: <https://rosinfostat.ru/rozhdmost/> (дата обращения: 05.03.2020).

УДК 343.359.8:343.3/.7

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УПРАВЛЕНИЮ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

М. Н. Романовская, аспирант Хабаровского государственного университета экономики и права

В статье в уголовно-правовом смысле анализируется сторона, потерпевшая в результате преступлений экономической направленности в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами. Обосновывается, что потерпевшим, как правило, является собственник незаконно израсходованных денежных средств, который определяется целевым назначением данных средств, их конечным получателем и правовым режимом.

Ключевые слова: деятельность по управлению многоквартирными домами; преступление экономической направленности; потерпевшая сторона.

INJURED PARTY IN ECONOMIC CRIME IN APARTMENT BLOCK MANAGEMENT

М. N. Romanovskaya, postgraduate of the Khabarovsk State University of Economics and Law

The article analyzes the injured party in economic crimes in apartment block management in the criminal law sense. It is substantiated that the injured party, as a rule, is the owner of the illegally spent funds, which is determined by the purpose of these funds, their ultimate recipient and the legal regime.

Keywords: apartment block management; economic crimes; injured party.

Широкое распространение криминальных схем в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) ставит задачу поиска эффективных уголовно-правовых средств борьбы с ними. Одним из проблемных вопросов, не

нашедших однозначного разрешения в судебно-следственной практике, является установление потерпевшего от данных деяний.

Основная идея реформы ЖКХ заключается в передаче государственного и муниципального управления эксплуатацией жилищного фонда в руки собственников и частного бизнеса посредством нового вида экономической деятельности по управлению многоквартирными домами. Общие требования и стандарты осуществления данного вида деятельности, источники ее финансирования установлены Жилищным кодексом РФ (далее – ЖК РФ). В частности, ст. 161 ЖК РФ предусмотрен выбор жильцами способа управления многоквартирным домом (управляющей организации), а ст. 153–154 ЖК РФ установлена структура платы за жилое помещение и коммунальные услуги и обязанность граждан и организаций своевременно и полностью ее уплаты. В качестве государственной или муниципальной поддержки могут предоставляться бюджетные средства на проведение капитального ремонта многоквартирных домов (ст. 165, 167 ЖК РФ).

Таким образом, в распоряжение управляющих организаций ежемесячно поступают денежные средства для оплаты жилья и коммунальных услуг. Кроме того, могут выделяться денежные средства соответствующих бюджетов. Неправомерное распоряжение недобросовестными руководителями управляющих организаций находящимися в их ведении средствами не имеет единой концепции правовой оценки ни среди правоприменителей, ни в научном сообществе. При схожих обстоятельствах они могут квалифицироваться как гражданско-правовые деликты, служебные мошенничество и растрата по ч. 3–7 ст. 159, ч. 3–4 ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием по ст. 165 УК РФ, злоупотребление полномочиями по ст. 201 УК РФ и т. д.

Перечисленные преступления подпадают под понятие преступлений экономической направленности, связанных с ЖКХ, учет которых ведется МВД России начиная с 2017 г. Однако к их числу отнесены и должностные преступления, совершаемые лицами, замещающими государственные должности, муниципальные должности, должности государственной и муниципальной службы.

В связи с изложенным возникла необходимость выделить признаки преступлений экономической направленности в сфере ЖКХ, совершаемых руководителями управляющих организаций:

- 1) они совершаются при осуществлении деятельности по управлению многоквартирными домами;
- 2) предметом посягательств являются денежные средства, предназначенные для оплаты жилищно-коммунальных услуг;
- 3) субъект преступления специальный – индивидуальный предприниматель или лицо, уполномоченное действовать от имени управляющей организации и или организации, в силу закона, договора или решения общего собрания

собственников жилых помещений в многоквартирном доме осуществляющей отдельные функции, связанные с управлением таким домом [8, с. 227].

Понятие потерпевшего в уголовном праве в настоящее время находится в стадии осмысления. Считается, что потерпевший, как и предмет преступления, выступает факультативным признаком, если он указан в законе [9, с. 101].

По нашему мнению, причинение вреда общественным отношениям всегда сопряжено с негативным воздействием на потерпевшего, будь то физическое или юридическое лицо, публично-правовое образование, вне зависимости, указан ли таковой в диспозиции нормы. «Понятие вреда, – пишет А. И. Коробеев, – является базовым для определения не только потерпевшего, но и объекта преступления и, стало быть, связи между потерпевшим и объектом при совершении преступления не может не существовать» [7, с. 247]. В отсутствие прямого указания в законе определение потерпевшего происходит через выяснение других элементов, входящих в объект преступления [10, с. 737].

Следовательно, потерпевший в уголовно-правовом смысле и объект преступления взаимосвязаны и установление потерпевшего имеет первостепенное значение.

Для преступлений экономической направленности в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами этот вопрос является наиболее острым. Сложности возникают как на стадии установления потерпевшего, так и на стадии его закрепления в процессуальном плане.

Точкой пересечения статусов потерпевшего в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном значении является причиненный вред. В первом случае вред через потерпевшего причиняется общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона, а во втором случае наличие вреда является единственным условием признания физического или юридического лица потерпевшим (ст. 42 УПК РФ).

Преступления экономической направленности, в том числе в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами, прежде всего связаны с причинением имущественного вреда. Мы не разделяем взгляды, что возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, определяется значением охраны собственности [5, с. 15], поскольку в данном случае имущественный вред отождествляется с посягательством на собственность. Имущественный вред, как правило, это общественно опасные последствия преступлений экономической направленности, однако общественные отношения собственности не всегда являются непосредственным объектом этих преступлений.

В рамках настоящей статьи рассматриваются именно те потерпевшие в результате преступлений в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами, чьи имущественные (экономические) интересы нарушены. В судеб-

но-следственной практике наиболее часто проблемным вопросом становится определение собственника незаконно израсходованных денежных средств.

Напомним, что структура платы за жилье и коммунальные услуги определена жилищным законом и состоит: 1) из платы за наем жилого помещения (для нанимателей); 2) взносов на капитальный ремонт (для собственников); 3) платы за коммунальные услуги; 4) платы за содержание жилья. Из целевого назначения каждого компонента следует, что они подлежат перечислению определенному адресату: 1) собственнику, на котором лежит обязанность капитального ремонта жилого помещения, предоставленного в наем; 2) на счет, определенный собственниками жилых помещений; 3) ресурсоснабжающей организации; 4) управляющей организации.

Следовательно, можно предположить, что право собственности на соответствующий компонент платы определяется его конечным получателем. Еще в 80-е гг. прошлого столетия уголовно-правовой наукой было выработано понимание того, что «имущество, которое должно было поступить государству или общественной организации, становится собственностью последних после того, как оно было фактически передано в установленном порядке специально на то уполномоченным лицам» [6, с. 182].

В то же время в силу ст. 36.1 ЖК РФ собственникам жилых помещений принадлежат права на денежные средства, находящиеся на специальном счете, предназначенном для проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме.

Следовательно, потерпевшим от имущественных преступлений экономической направленности в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами является собственник денежных средств, который законом или договором определен в качестве получателя целевых денежных средств или законом закреплен в качестве собственника денежных средств.

Необходимо учитывать, что право собственности на предмет преступного посягательства может перейти к другому лицу лишь на основании правомерного акта. В том случае, когда имущество изымается путем обмана или злоупотребления доверием, право собственности на него не переходит к виновному [11, с. 36]. Если руководитель управляющей организации изначально не намеревался исполнять обязательства по управлению многоквартирным домом, то собственниками неправомерно полученных им в качестве платы за жилищно-коммунальные услуги денежных средств остаются жильцы.

Вышеизложенное позволяет обобщить, что потерпевшими от преступлений экономической направленности в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами могут выступать собственники (наниматели) жилых помещений, ресурсоснабжающие организации, управляющие организации, иные поставщики жилищно-коммунальных услуг, публично-правовые образования

(Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования) в зависимости от целевого назначения денежных средств, их конечного получателя и правового режима.

Список источников

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ: ред. от 06.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 18.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 18.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении и о введении в действие формы федерального статистического наблюдения № 1-Э «Сведения о преступлениях экономической направленности и лицах, их совершивших»: приказ Ген. прокуратуры Рос. Федерации от 29.03.2017 № 219: ред. от 20.12.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Ашкатова К. В. Содержание понятия имущественного вреда как основания признания лица в качестве потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2011. № 3. С. 15–18.
6. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю. Д. Северина. М.: Юрид. лит., 1985. 528 с.
7. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I: Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. 1133 с.
8. Романовская М. Н. Понятие и признаки нецелевого расходования денежных средств в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами // Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики: материалы междунар. науч.-практ. конф. (30–31 мая 2019 г.). Хабаровск, 2019. 460 с.
9. Уголовное право. Общая часть: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2008. 560 с.
10. Фаргиев И. А. О соотношении объекта преступления и потерпевшего от преступления // Lex russica: науч. тр. Москов. гос. юрид. акад. 2004. № 3. С. 734–742.
11. Яни П. С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. 2017. № 2. С. 32–37.

УДК 343.61

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ БОЛГАРИИ

***Н. В. Самойлюк**, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат
юридических наук*

В статье с учетом анализа положений действующего уголовного законодательства Болгарии выделяются отличительные особенности признаков преступлений против жизни и здоровья.

Ключевые слова: преступление; уголовная ответственность; Болгария; убийство; повреждение.

CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH UNDER THE LEGISLATION OF BULGARIA

***N. V. Samoylyuk**, associate professor of the Department of Criminal Law
and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law*

In the article, taking into account the analysis of the provisions of the current criminal legislation of Bulgaria, the distinguishing features of the signs of crimes against life and health are highlighted.

Keywords: crime; criminal liability; Bulgaria; murder; damage.

Действующий Уголовный кодекс Республики Болгария 1968 г. [1] (далее – УК Болгарии) отражает основные направления ее государственной политики. Он является кодифицированным источником права. Формирование уголовного законодательства Болгарии явилось результатом длительных преобразований ее общества и государства. УК Болгарии свойственны преемственность германского и российского законодательства, усовершенствование институтов уголовного права. По своей структуре кодекс состоит из Общей и Особенной частей, которые, в свою очередь, делятся на главы, разделы и статьи.

Исходя из построения разделов кодекса Особенной части констатируем, что УК Болгарии не дифференцирует преступления по степени их общественной опасности. Особенная часть начинается с преступлений против республики. При этом уже в ч. 1 ст. 1 регламентируется, что кодекс направлен на решение

задачи по защите от преступных посягательств личности, прав граждан и установленного правопорядка в стране.

Итак, преступления против жизни и здоровья по УК Болгарии предусмотрены в главе второй «Преступления против личности» Особенной части, которая, в свою очередь, делится на восемь разделов, из которых первые три и регулируют отношения, связанные с посягательствами на жизнь и здоровье. Разделы объединяют в себе составы преступлений, посягающих на конкретный объект. Раздел первый «Убийство» включает в себя тринадцать статей (ст. 115–127), при этом не имеющих самостоятельных названий.

Статья 115 предусматривает уголовную ответственность за простое убийство, под которым, согласно диспозиции статьи, понимается умышленное причинение смерти другому лицу. Санкцией предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 10 до 15 лет.

Часть 1 ст. 116 УК Болгарии предусматривает более строгое наказание, в том числе пожизненное лишение свободы за убийство:

1) должностного лица, представителя общественности, а также военнослужащего, в том числе военнослужащего союзного или дружественного государства или армии при исполнении или в связи с исполнением им служебных обязанностей или функций, или лица, пользующегося международной защитой.

Статья 93 раскрывает признаки должностного лица, под которым понимается такое лицо, на которое за плату или бесплатно, временно или постоянно возложено исполнение:

а) служебных обязанностей в государственном учреждении, за исключением деятельности, связанной лишь с выполнением технических функций;

б) руководящей работы или работы, связанной с обеспечением сохранности или управлением чужим имуществом на государственном предприятии, в кооперации, в общественной организации, у другого юридического лица или на индивидуальном предприятии, а также работы частного нотариуса или помощника нотариуса.

Под представителем общественности понимается лицо, выделенное общественной организацией для выполнения основанных на законе или другом нормативном акте определенных функций.

Международной защитой пользуются лица, для которых такая защита предусмотрена в международном договоре, одной из сторон которого является Республика Болгария.

В рамках данного признака отметим, что УК Болгарии содержит раздел, охватывающий преступления против деятельности государственных и общественных организаций, но специальные составы, предусматривающие ответственность за посягательства на лиц, осуществляющих соответствующую деятельность, в них отсутствуют;

2) совершенное должностным лицом, представителем общественности или лицом из состава полиции при исполнении или в связи с исполнением им своих служебных обязанностей или функций.

Указанный признак свидетельствует о том, что наказание идентично как за убийство таких лиц, так и если они сами являются субъектами преступления. Кто входит в состав полиции, в УК Болгарии не уточнено;

3) отца или матери либо родного сына или родной дочери;

4) беременной женщины, малолетнего лица или более одного лица.

Малолетним признается лицо, не достигшее 14 лет;

5) лица, находящегося в беспомощном состоянии;

6) способом или средствами, опасными для жизни многих, особо мучительным для убитого способом или с особой жестокостью.

Данные признаки в законе не раскрываются, однако в УК Болгарии выделяется гл. 11 «Общепасные преступления», где сосредоточены статьи, предусматривающие уголовную ответственность, в том числе, за совершение пожара, наводнения, представляющих опасность для чьей-либо жизни, а также наступление смерти указанными способами по неосторожности;

7) с корыстной целью;

8) с целью облегчения совершения или сокрытия другого преступления;

9) совершенное предумышленно.

Вызывает интерес данный признак. Так, УК Болгарии выделяет две формы вины – умысел и неосторожность, не выделяя их виды. Убийством по УК Болгарии признается лишь умышленное причинение смерти. Причинение смерти по неосторожности убийством не признается. Предполагается, что законодатель имел в виду заранее обдуманный умысел. Такой умысел не наблюдается более ни в одной статье УК Болгарии;

10) совершенное из хулиганских побуждений;

11) представляющее опасный рецидив или совершенное лицом, ранее совершившим другое умышленное убийство, предусмотренное предыдущей или настоящей статьей, по которому не был вынесен приговор.

Уголовному закону Болгарии известен институт множественности преступления, где, в том числе, выделяется рецидив и опасный рецидив.

Отметим, что ч. 2 ст. 116 УК Болгарии предусмотрено еще более строгое наказание за убийство судьи, прокурора, следователя или лица из состава Министерства внутренних дел при исполнении или в связи с исполнением ими служебных обязанностей или функций.

УК Болгарии не регулируются вопросы института обстоятельств, отягчающих наказание, в Общей его части не содержится перечня таких обстоятельств, а также вопросов, регулирующих назначение наказания при совершении преступлений при наличии таких обстоятельств, что, по нашему мнению, является

большим упущением законодателя. Перечень квалифицирующих признаков не предусматривает совершение рассматриваемого преступления группой лиц. Мы согласны с тем, что в целях совершенствования кодификации уголовного законодательства Болгарии нужно дополнить общую часть статьями, которые бы содержали перечень наиболее распространенных отягчающих обстоятельств и степень их влияния на общественную опасность и назначаемое уголовное наказание, исключив при этом соответствующие признаки из Особенной части [3, с. 131].

Статья 117 УК Болгарии предусматривает ответственность и идентичное наказание за приготовление к убийствам, предусмотренным ст. 115 и 116, а также за подстрекательство к ним.

Под приготовлением, согласно УК Болгарии, понимается подготовка средств, подыскание соучастников, создание условий для совершения задуманного преступления до того, как началось его исполнение.

Подстрекателем признается тот, кто умышленно склонил другое лицо к совершению преступления.

Далее группу убийств в УК Болгарии представляют его привилегированные составы. К ним относятся убийство в аффекте, при превышении пределов необходимой обороны, убийство матерью своего новорожденного ребенка.

Выделяется убийство новорожденного уродливого ребенка, совершенное родителем (ст. 121). Особенностью дифференциации уголовной ответственности за такое убийство является то, что его субъектом выступает как мать, так и отец. УК Болгарии содержит норму с пониженной ответственностью за это преступление [2, с. 334].

Если говорить об убийстве в аффекте (ст. 118 УК Болгарии), то отличительными его признаками являются предшествующие преступлению действия со стороны потерпевшего исключительно противозаконного, но не аморального характера, которые повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких.

Убийство матерью своего ребенка (ст. 120) ограничивается временем родов или непосредственно после родов и никакими иными обстоятельствами. В ст. 125 УК Болгарии указано, что, если такие действия матерью причинены по неосторожности, она не подлежит наказанию.

Статья 122 предусматривает ответственность за простое (ч. 1) и квалифицированное (ч. 2) причинение смерти по неосторожности. Квалифицирующим признаком признается причинение смерти с применением огнестрельного оружия или сильнодействующего ядовитого вещества либо двум или более лицам.

Статья 123 предусматривает ответственность за причинение смерти по неосторожности (вследствие незнания или небрежности) для лица, исполняющего профессиональную деятельность. В ч. 3 указанной статьи предусмотрено более

строгое наказание, если указанное лицо находилось в состоянии опьянения или смерть была причинена более чем одному лицу. Часть 4 содержит основание для назначения более мягкого наказания – совершение виновным всех действий для спасения потерпевшего.

Часть 1 ст. 124 УК Болгарии предусматривает ответственность за причинение смерти по неосторожности вследствие умышленного причинения вреда здоровью разной степени тяжести: тяжкого, среднего, легкого.

Часть 2 предусматривает наказание для виновного, совершившего указанное преступление в состоянии аффекта, часть 3 – если преступление является опасным рецидивом, часть 4 – если было совершено при превышении пределов необходимой обороны.

Уголовное законодательство Болгарии включает сравнительно большое число норм аффектированного состояния [4, с. 256].

Статья 126 УК Болгарии содержит ответственность за аборт для лица, которое совершит указанные действия с согласия беременной женщины вне лечебного заведения или в нарушение установленных правил. Квалифицирующими признаками преступления являются – в отношении двух или более женщин, повторно. Часть 4 предусматривает отсутствие ответственности самой женщины даже в случаях подстрекательства и пособничества. Часть 5 указанной статьи предусматривает ответственность за аборт без согласия женщины, часть 6 – если вследствие таких действий наступила смерть беременной.

Заключает раздел об убийствах статья 127, предусматривающая ответственность за доведение до самоубийства, самоубийство или покушение на него путем содействия или склонения к нему. Квалифицирующими признаками признаются совершение таких действий в отношении несовершеннолетнего или невменяемого, путем жестокого обращения или систематических унижений, материальной или иной зависимости. Часть 4 регламентирует ответственность, если последние действия были совершены по неосторожности.

Разд. II Особенной части УК Болгарии «Телесное повреждение» содержит 9 статей, предусматривающих уголовную ответственность за причинение различного рода вреда здоровью. Так, статьи 128, 129, 130 УК Болгарии предусматривают наказание за причинение без смягчающих и отягчающих обстоятельств тяжкого, среднего, легкого вреда здоровью соответственно. Признаки таких деяний содержат сходства с аналогичными деяниями УК РФ.

Статья 131 предусматривает уголовную ответственность за причинение вреда здоровью при квалифицирующих признаках, аналогичных ст. 116 УК Болгарии.

В отдельный состав (ст. 131а) выделено деяние, заключающееся в причинении тяжкого и среднего вреда здоровью при опасном рецидиве.

Статья 132 содержит наказание за причинение вреда здоровью, совершенного в аффекте и при превышении пределов необходимой обороны.

Уголовно наказуемым по УК Болгарии являются причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью и средней тяжести (ст. 133), при этом наказание строже при совершении таких деяний, если виновный совершил их вследствие небрежного отношения к своим служебным обязанностям (ст. 134); квалифицирующими признаками признаются состояние опьянения, причинение вреда более чем одному лицу.

Статья 135, заключающая анализируемый раздел, предусматривает уголовную ответственность для лица, знающего о наличии у него венерической болезни и заразившего ею другое лицо. При этом уголовной ответственности подлежит это лицо в случае совершения указанных деяний как умышленно, так и по неосторожности, а также в случае не заражения, а уже поставления в опасность заражения, хотя наказания за указанные деяния различны исходя из их общественной опасности. Примечательно, что указанная статья также содержит положения о наказании лица, которое страдает венерической болезнью и отказывается от лечения.

Интересным в рамках нашего исследования представляется разд. III Особенной части УК Болгарии «Оставление в опасности». В нем содержатся нормы, имеющие объектами охраны не только жизнь и здоровье, но и другие интересы.

В частности, статья 136 УК Болгарии предусматривает ответственность за оставление в опасности при нарушении правил охраны безопасности труда; статья 140 – водителя после совершенной аварии; статья 141 – лица, занимающегося медицинской практикой без уважительных причин. Статья 138 УК Болгарии имеет аналогичные признаки с деянием, предусмотренным ст. 125 УК РФ, при этом статья 137 предусматривает уголовную ответственность за оставление в опасности для любого человека, имеющего только возможность оказать помощь.

Нормы, регулирующие общественные отношения в сфере охраны жизни и здоровья по уголовному законодательству Болгарии, охватывают собой все преступные посягательства, известные и российскому законодательству.

Проведенное исследование признаков деяний, посягающих на жизнь и здоровье по УК Болгарии, позволило прийти к выводу об особенностях их законодательной конструкции, наиболее существенные из которых следующие. Преступления против жизни и здоровья не стоят на первом месте в структуре Особенной части УК Болгарии. Квалифицированные составы преступления, как правило наряду с привилегированными, закреплены в самостоятельных статьях. Некоторые признаки преступлений раскрываются в нормах общей части УК Болгарии. Покушение на преступление, а также деяния соучастников предусматриваются самостоятельными статьями Особенной части УК Болгарии. Упущением законодателя, бесспорно, является отсутствие института

обстоятельств, отягчающих наказание, что затрудняет возможность учета степени общественной опасности преступления, личности виновного, а значит, обеспечения индивидуализации наказания.

Список источников

1. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А. И. Лукашов. СПб., 2000. 298 с.
2. Иванова О. С. Особенности дифференциации уголовной ответственности за насильственные преступления в отношении родственников в законодательстве стран романо-германской правовой системы // Государство и право. 2014. № 1. С. 332–336.
3. Петрушенков А. Н. Композиция уголовно-правовых норм общей и особенной части в законодательстве Украины, Латвии и Болгарии // Пробелы в рос. законодательстве. 2014. № 3. С. 127–132.
4. Чучелов Е. Н. Привилегированные преступления против здоровья человека по зарубежному постсоветскому уголовному законодательству, совершенные в состоянии сильного душевного волнения // Пробелы в рос. законодательстве. 2016. № 3. С. 255–257.

УДК 343.296

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШИМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

***Н. К. Сливко**, адъюнкт Дальневосточного юридического института
МВД России*

Статья посвящена анализу содержания международно-правовых стандартов возмещения вреда жертвам преступлений. Автор обращает внимание на прогрессивный характер данных стандартов и целесообразность их закрепления в отечественном законодательстве.

Ключевые слова: международно-правовой стандарт; возмещение вреда; фонд жертв преступлений; восстановительное правосудие; восстановление прав потерпевших.

INTERNATIONAL-LEGAL STANDARDS OF THE COMPENSATION OF DAMAGE TO THE VICTIMS OF CRIMES

***N. K. Slivko**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

The article is devoted to the content of the international-legal standards of the compensation of damage to the victims of crimes. The author draws attention to the progressive nature of these standards and expediency of their fixation in domestic legislation.

Keywords: international-legal standard; compensation of damage; crime victims fund; restorative justice; restoration of victim's rights.

Как известно, защита прав жертв противоправных деяний является одним из ключевых направлений международно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина. Своевременное и максимально полное возмещение вреда лицам, ставшим жертвами преступлений, небезосновательно возведено в ряд наиболее значимых проблем не только отдельных стран, но и всего человечества в целом.

В той или иной мере целый ряд актов в области международного права касается регулирования проблемы эффективного обеспечения возмещения

вреда потерпевшим. Данные нормативные правовые акты содержат в себе ряд международно-правовых стандартов обеспеченности защищенности прав лиц, ставших потерпевшими в результате преступлений. О содержании данных стандартов и пойдет речь в настоящей научной статье.

Начиная с 1948 г. благодаря подписанию Всеобщей декларации прав человека в международном праве закрепилось положение, согласно которому каждый человек имеет право на эффективное и своевременное восстановление прав и законных интересов, предоставленных ему конституцией или иными законами, в случае их нарушения, компетентными национальными судами [1, ст. 8].

Следующим важным шагом в формировании гарантий защиты прав потерпевших на международном уровне стало принятие Комитетом министров Совета Европы резолюции от 28 сентября 1977 г. № 77 (27) «О компенсации потерпевшим от преступлений», которая рекомендовала правительствам государств-членов принять во внимание принципы:

- обеспечения государственной компенсации преступного вреда потерпевшим в случае невозможности возмещения вреда за счет лица, совершившего преступление;

- учета характера и последствий преступления для обеспечения максимально полной и справедливой компенсации;

- учета потерь прошлого и будущего заработков потерпевшего, понесенных им медицинских расходов, расходов на профессиональную реабилитацию.

Освещая содержание международно-правовых гарантий восстановления прав потерпевших, нарушенных противоправными деяниями, следует выделить и Европейскую конвенцию о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений от 24 ноября 1983 г., установившую, что если возмещение вреда потерпевшим в результате умышленных насильственных преступлений не может быть обеспечено правонарушителем, то данную функцию на себя должно взять государство.

В соответствии со ст. 4 Европейской конвенции компенсационные выплаты со стороны государства должны покрывать потерю заработка потерпевшего, затраты на приобретение лекарств и расходы на возможное лечение [8, с. 84]. Статья 8 Европейской конвенции устанавливает, что итоговая сумма, подлежащая возмещению, может быть уменьшена, а также потерпевшему может быть и вовсе отказано в государственной компенсации преступного вреда в связи с его поведением либо в связи с его участием в деятельности организованной преступной группы [4, с. 29–37].

Интерес для исследования международно-правовых стандартов возмещения вреда потерпевшим представляет также рекомендация Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R (83) 7 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса». В отличие от Европейской конвенции

о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 г., содержащей значительное количество положений, касающихся необходимости развития механизмов государственной поддержки жертв преступных деяний, данная рекомендация в большей степени закрепляет принципы важности создания в национальном законодательстве государств – членов Совета Европы правовых средств, которые смогли бы стимулировать самого преступника к позитивному постпреступному поведению, выражающемуся в скорейшем возмещении вреда потерпевшему. Так, например, п. 13 рекомендации определено, что при решении судом вопроса об отсроченном или условном наказании значительное внимание должно уделяться всем предпринятым преступником действиям по заглаживанию причиненного им вреда [6, с. 23].

Немаловажным шагом в вопросе развития гарантий обеспечения своевременного и максимально полного возмещения вреда потерпевшим в результате преступлений на международном уровне стало закрепление принципа отправления справедливого уголовного правосудия не только по отношению к преступникам, но в первую очередь по отношению к жертвам преступных деяний. Первым международно-правовым актом, отразившим в своем содержании данный принцип, стала Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. [5, с. 8].

По мнению А. Н. Фоменко, принятие данной декларации имело принципиальное значение, так как впервые страны – делегаты ООН сменили традиционный приоритет защиты прав лица, совершившего преступление, на приоритет защиты прав потерпевшего [7, с. 36–40]. Как отмечает Д. А. Иванов, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью стала для мирового сообщества первым международным нормативным правовым актом, который был посвящен исключительно вопросам обеспечения прав и законных интересов потерпевших, восстановления их нарушенных прав и законных интересов. Пункт 4 Декларации закрепил положение о том, что лица, которым в результате преступления был причинен какой-либо вред, имеют право на скорейшее восстановление их прав в соответствии с национальным законодательством [6, с. 23].

Положения Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью также указывают на необходимость создания, укрепления и расширения системы национальных фондов для обеспечения компенсационных выплат жертвам преступлений. Компенсация, предоставляемая фондами, должна покрывать потерю дохода потерпевшего, его затраты на лекарственные средства и возможное лечение, затраты на похороны и – относительно иждивенцев – алименты [2, ст. 12–13].

Раскрывая сущность международно-правовых стандартов определения прав потерпевших на возмещение причиненного преступлением вреда, следует также упомянуть Римский статут Международного уголовного суда, вступивший в законную силу 1 июля 2002 г.

Статья 75 настоящего статута закрепляет такие способы возмещения ущерба потерпевшим, как реституция, компенсация и реабилитация. На этой основе суд может в ответ на поступившую просьбу или, в исключительных случаях, по своей собственной инициативе определить в своем решении масштабы и размер любого ущерба, убытков и вреда, причиненных потерпевшим или в их отношении. Статья 79 статута закрепляет положение об учреждении целевого фонда в интересах потерпевших от преступлений, бюджет которого должен формироваться за счет конфискованного имущества лиц, совершивших преступления, а также за счет взимаемых с них штрафов [3].

Одним из важнейших событий в развитии международно-правовых гарантий возмещения вреда потерпевшим стало проведение X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, прошедшего в 2002 г. в Вене. В рабочем документе, подготовленном секретариатом конгресса, была предложена модель реституционного (восстановительного) правосудия, предполагающая максимально полное возмещение вреда потерпевшему, а также восстановление в прежнем состоянии жертвы преступления и лица, это преступление совершившего. Для эффективной реализации вышеотмеченной декларации Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией от 31 января 2002 г. 26/261 был принят план действий по ее осуществлению, предусматривающие создание фондов для жертв преступлений (п. 30b), а также использование средств примирения сторон путем посредничества или соглашений, на основании которых преступник предоставляет компенсацию потерпевшему (п. 47с) [5, с. 10].

Существенный вклад в развитие международно-правовой поддержки жертв преступлений также внесло принятие директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 25 октября 2012 г. № 2012/29/ЕС «Об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений, а также о замене Рамочного решения 2001/220/ПВД Совета ЕС». В соответствии с указанной директивой государства – члены Европейского Союза должны гарантировать, что всем потерпевшим будет предоставляться возможность бесплатного обращения в конфиденциальные службы поддержки жертв преступлений, которые, согласно положениям директивы, должны:

- предоставлять информацию, консультации и поддержку потерпевшим, содействовать в реализации их права на доступ к системе государственной компенсации преступного вреда;
- оказывать жертвам преступлений психологическую поддержку;

– стимулировать лиц, совершивших преступления, к своевременному и максимально полному возмещению вреда потерпевшему [4, с. 29–37].

Подводя итог анализу международно-правовых стандартов возмещения вреда потерпевшим, представляется возможным сделать вывод о том, что данные стандарты напрямую направлены на улучшение состояния защищенности прав и свобод граждан, ставших жертвами преступных деяний. Считаем, что наиболее прогрессивными положениями норм международного права в области защиты прав потерпевших, которые было бы целесообразно развивать в рамках отечественной правовой системой, являются:

1) обеспечение компенсационных выплат потерпевшим за счет государства в случаях невозможности получения возмещения от лица, совершившего преступление, в частности посредством специально учрежденных для этих целей фондов помощи потерпевшим;

2) развитие элементов реституционного (восстановительного) правосудия в области уголовного правосудия, способствующих более эффективному решению проблемы возмещения вреда жертвам преступлений, стимулированию позитивного постпреступного поведения правонарушителей, повышению качества вовлеченности потерпевшего и преступника в процесс примирения, а также их скорейшему возвращению к нормальной жизни в обществе;

3) развитие возможностей создания специализированных служб поддержки потерпевших, основными направлениями деятельности которых стало бы предоставление на конфиденциальной основе консультативной и психологической помощи жертвам преступлений, а также взаимодействие с государственными органами для решения вопроса о предоставлении последним своевременной и максимально полной компенсации.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Ген. Ассамблеи ООН 10.12.1948 // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 23.11.2019).
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: принята резолюцией 40/34 Ген. Ассамблеи ООН 29.11.1985 // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 23.11.2019).
3. Римский статут Международного уголовного суда: принят в Риме Дипломат. конф. полномоч. представителей под эгидой ООН по учреждению Междунар. уголов. суда 17.07.1998 // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 23.11.2019).

4. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование: науч.-практ. пособие / А. С. Автономов [и др.]; отв. ред. С. П. Кубанцев. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации: Юрид. фирма «Контракт», 2016. 304 с.
5. Дубровин В. В. Международно-правовые основы возмещения вреда, причиненного преступлением / науч. редактирование А. Г. Волеводза // Вопросы правоведения: межвуз. сб. науч. тр. / Ереван. гос. ун-т. Ереван, 2009. № 1–2. С. 8–19.
6. Иванов Д. А. Современный взгляд на международные правовые стандарты возмещения вреда, причиненного преступлением и необходимость их имплементации в российское законодательство // Вестн. экономич. безопасности. 2017. № 3. С. 22–25.
7. Фоменко А. Н. К вопросу о правовом положении жертвы преступления в международно-правовых актах // Бизнес в законе. 2012. № 5. С. 36–40.
8. Шигуров А. В., Калигина А. Ю. Возмещение государством потерпевшему ущерба от преступления: международные стандарты и российское законодательство // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2015. № 5 (51). С. 84–86.

УДК 34

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Н. С. Сорокун, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук;

О. А. Трофимова, слушатель факультета подготовки специалистов по программам высшего образования Ростовского юридического института МВД России

В статье рассматривается ряд психологических особенностей несовершеннолетних, влияющих на совершение ими преступлений. Предлагается комплекс мер по совершенствованию системы профилактики правонарушений среди подростков.

Ключевые слова: психология; преступность несовершеннолетних; преступление.

PSYCHOLOGY OF CRIME OF MINORS

N. S. Sorokun, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law;

O. A. Trofimova, cadet of the Faculty of Training Specialists in Higher Education Programs of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses a number of psychological characteristics of minors that affect their commission of crimes. A set of measures is proposed to improve the system of crime prevention among adolescents.

Keywords: psychology; juvenile delinquency; the crime.

Несовершеннолетними по законодательству РФ признаются лица в возрасте от 14 до 18 лет, они же обладают частичной дееспособностью. По нашему мнению, этот период в жизни подростка является самым важным, потому что ставятся приоритеты для дальнейшего развития личности. Именно на этом этапе и происходит самостоятельный выбор жизненного направления подростка, от того, какое он примет решение, и будет зависеть его дальнейший путь.

Есть личности подростков, которые правильно расставили приоритеты перед собой. Например, в возрасте от 14 до 15 лет активно участвуют в спортивной деятельности, ставят рекорды, занимают призовые места. Также отлично учатся в школе, не имеют никаких проблем с законом и обладают высоким правосознанием. В 16–17 лет они осознанно выбирают будущую, вполне престижную, профессию, активно подготавливаются к экзаменам для поступления в вуз. В 18 лет с большой радостью поступают в университет и начинают самостоятельную взрослую жизнь. Это вполне обычные этапы выбора направления жизненной дороги для среднестатистического несовершеннолетнего гражданина.

Но почему же существуют лица, которые сходят с верного пути? По статистическим данным, рост преступности среди несовершеннолетних с каждым годом все больше и больше, с чем же это связано?

В настоящее время преступления, совершаемые несовершеннолетними, составляют большой процент от всей преступности в целом, – все это обусловлено различными причинами.

Существует целый ряд психологических особенностей несовершеннолетних.

1. Одним из самых распространенных факторов, влияющих на становление личности несовершеннолетнего, является неблагополучная семья. Родитель или оба родителя злоупотребляют спиртными напитками, наркотическими или же психотропными веществами, тем самым оказывают негативное воздействие на формирование мировоззрения ребенка. Например, большое количество денег у родителей уходит на алкогольные напитки, на детей не оказывают никакого воспитательного воздействия, часто ребенок предоставлен сам себе. Отец с матерью очень часто находятся в нетрезвом состоянии, на предметы первой необходимости у детей нет денег. В результате этого в основном старшие братья или сестры 14–15 лет пытаются найти способ заработать хоть какие-нибудь деньги. Они начинают попрошайничать или бродяжничать, сбегают с дома, и в дальнейшем это перерастает в мелкие кражи, в последующем становятся преступниками и даже рецидивистами.

Домашнее насилие – один из факторов развития преступности среди несовершеннолетних. Тирания среди членов семьи довольно распространённая ситуация, чаще всего выражается в насилии, складывающемся между родителями или же между родителями и детьми.

Например, родился нежеланный ребенок – родители всячески оскорбляют его, часто дело доходит до рукоприкладства и возможны действия сексуального характера в отношении детей. Сломанная в раннем возрасте детская психика со временем оставляет глубокий след на психическом развитии ребенка в будущем. С возрастом только лишь накапливаются отрицательные эмоции, которые в последующем могут выразиться в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Еще одним опасным моментом является то, что подростки проецируют получен-

ный «детский опыт», не представляя другую схему поведения, и неосознанно перекалывают полученный опыт на свою будущую семью [1].

Предположим, если отец-тиран избивает жену и у них есть сын и дочка, то сыну уготована роль домашнего деспота в будущем, а дочке – роль жертвы, потому что она будет искать такого же садиста мужа, как и ее отец.

Но существуют и такие случаи, когда в неблагополучной семье ребенок не становится преступником, потому что обладает крепкой психикой и устойчивым самосознанием, подростки будут пытаться делать все, чтобы не стать такими же, как их родители.

2. У несовершеннолетнего имеются психические отклонения (врожденные или приобретенные в процессе социального взаимодействия).

Не стоит забывать, что одной из главных причин отклоняющегося от нормы поведения является психическое расстройство. Например, современные видеоигры целиком погружают подростков в виртуальную реальность, они становятся зависимыми от этих игр и полностью неуправляемыми, проявляется это и в агрессии с окружающими, неадекватном поведении и переносом компьютерной жизни в реальную. Данное явление уже давно имеет название – лудомания.

3. Ребенок попал в плохую компанию.

В силу своего маленького возраста подросток думает, что взрослый человек никогда не будет учить его плохому, и делает все, что скажет ему старший. Допустим, несовершеннолетний попал в компанию взрослых людей, они его подстрекают к совершению преступления, заставляют его украсть с прилавка в магазине пачку сигарет, при этом убеждая его, что за это ему ничего не будет. Подросток слушает их и совершает кражу, а в дальнейшем это может привести к более тяжким последствиям. Наивность, неспособность адаптироваться к определенным обстоятельствам существования, потерянности в остроконфликтных актуальных моментах часто становятся факторами совершения несовершеннолетними правонарушений под влиянием мастеровитых злоумышленников.

4. Малолетний – из обеспеченной семьи.

Есть такие случаи, когда родители с детства дали понять ребенку, что ему все дозволено и он останется безнаказанным за любое совершенное деяние. Конечно же, такое воспитание ни к чему хорошему не приведет: разбалованность дает толчок к совершению любых необдуманных, а иногда и незаконных поступков. В данной ситуации очень важно, чтобы родители вовремя оказали психологическое воздействие на своего ребенка.

5. Неустойчивая гормональная система значительно повышает нервную возбудимость подростка, экспрессивность, часто вызывает вспыльчивость, резкость.

Очень часто мы слышим словосочетание «переходный возраст», с чем оно ассоциируется? Такой возраст часто характеризуют недовольство, выплеск

эмоций, ссоры и истерики. Хотя эти явления и кратковременные вспышки агрессии, но эти факторы могут стать поводом для совершения преступления.

6. Повышенная конформность, внушаемость, способствующая появлению копии поведения [2].

Отсутствие жизненного опыта в связи с небольшим возрастом и недостаточной сформированностью адаптивных поведенческих навыков способствуют развитию зависимости дублировать поведение так называемых авторитетов, кумиров, которые порой показывают себя не лучшей стороны, а иногда и демонстрируют девиантное поведение. Подростку уже не важны моральные ценности, он будет делать так, как все, даже если это поведение влечет за собой уголовную ответственность.

7. Психологическая зависимость от предметного мира может побуждать к зависти и агрессии. Не у всех родителей есть возможность покупать дорогие айфоны и прочие гаджеты. На этой почве дети крадут дорогие вещи у своих сверстников.

8. Стереотипы несовершеннолетних о том, что курение, распитие алкогольных напитков и нецензурная брань – это круто. Направление этого мировоззрения присуще политическим и террористическим группировкам или даже экстремистским движениям. Безрассудное отношение к людским порокам и пристрастиям, желание попробовать «все» имеет все шансы послужить причиной различных девиаций.

9. Синдром расстройства воли и желание свободы имеют все шансы подтолкнуть не достигших совершеннолетия из благоприятных семей к маргинальному поведению (у подростков появляется стремление сделать «наперекор» отцу с матерью, обосновать собственную самостоятельность от них). При этом подростковый негативизм, дерзость, упорство считаются разными конфигурациями неповиновения вопреки доминирования старших, которые не стремятся считаться с мнением несовершеннолетних (ценить достоинства личности и т. д.). В результате ребенок обретает комфортную для себе сферу, где его понимают и принимают таким, какой он есть, и в случае, если данная сфера антисоциальная, ребенок копирует поведение компании.

10. Дерзость, стремление к опасным поступкам, желание приключений, любознательность – это черты, присущие не достигшим совершеннолетия, имеют все шансы спровоцировать совершение личностями этой возрастной группы правонарушения из-за «заражения» преступной романтикой [3].

11. Подражание героям фильмов и сериалов.

Разве можно назвать современную киноиндустрию примером должного поведения подростка? Ответ очевиден: конечно же, нет. На телеэкранах героем становится тот, кто совершает как можно больше плохих действий, причем с особой жестокостью и хладнокровием. Почему нельзя снимать и показывать

такие фильмы, которые будут пробуждать в подростках чувство патриотизма, любви, героизма и т.д.? Неудивительно, что подростки, насмотревшись ужасных фильмов, бегут грабить или убивать людей.

12. Отсутствие разъяснительных бесед с родителями о том, что такое «хорошо», а что такое «плохо» и недостаток должного государственного контроля по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних.

Почему же именно несовершеннолетние подвержены такому большому количеству факторов, влияющих на мировоззрение, склоняющих к совершению преступления? Психологи и социологи доказали, что несовершеннолетний человек, как губка, впитывает в себя все то, что его окружает.

Также необходима самореализация, так как несовершеннолетнему однозначно нужно найти себе социальную роль, которая окажется ему по душе.

13. Если рассматривать весь комплекс причин и условий совершения преступления несовершеннолетними, то, конечно, значимую роль играет сама личность, с присущими ей особенностями поведения. Причем всегда совершению преступлений предшествует делинквентное поведение.

Обязательно нужно изучать мотивы, причины и условия совершения преступления, чтобы не принимать данный факт как он есть, а исследовать закономерности возникновения и становления девиантного поведения несовершеннолетних.

По нашему мнению, необходимо введение комплекса мер по совершенствованию системы профилактики правонарушений среди подростков:

- привлечение молодежи к общественным работам;
- 2) организация кружков и секций по различным направлениям на безвозмездной основе как в городе, так и в отдаленных поселениях;
- 3) пропаганда здорового образа жизни;
- 4) формирование культурных досуговых мест;
- 5) фильтрация запретных материалов, которые в любом виде могут навредить психике молодого поколения.

В современной России остается высоким уровень детской преступности: иногда это выражается в вынужденном поведении несовершеннолетних, а в некоторых случаях психологические отклонения играют большую роль в формировании девиантного поведения личности.

На наш взгляд, данную проблему нужно решать в комплексе со специалистами разного профиля. К сожалению, на данный момент отсутствует единая координационная система учреждений по профилактике и предупреждению преступлений среди несовершеннолетних. Поэтому в кратчайшие сроки необходимо предпринять действия по совершенствованию системы оказания помощи несовершеннолетним правонарушителям.

Список источников

1. Еникеев М. И. Общая, социальная и юридическая психология: учеб. СПб., 5-е изд. 2004.
2. Немов Р. С. Психология: в 2 ч. Ч. 1: учеб. для академ. бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017.
3. Макаренко И. А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования: моногр. М.: Юрлитинформ, 2006.

УДК 343.59

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ВАНДАЛИЗМОМ

***В. П. Тепляков**, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье проанализированы основные результаты расследования актов вандализма в сравнении с хулиганством и преступностью в целом, на основе которых сделан вывод, что борьба с актами вандализма осуществляется недостаточно эффективно и одной из причин этого являются проблемные вопросы квалификации вандализма. Автором проанализированы наиболее существенные уголовно-правовые признаки указанных преступлений и приведены конкретные рекомендации по решению выявленных проблемных вопросов квалификации.

Ключевые слова: вандализм; хулиганство; общественный транспорт; общественное место; осквернение; порча; общественный порядок

THE EFFICIENCY OF CRIMINAL-LEGAL MEANS OF COMBATING VANDALISM

***V. P. Teplyakov**, senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia*

The article analyzes the main results of the investigation of acts of vandalism, in comparison with hooliganism and crime in General, on the basis of which it is concluded that the fight against acts of vandalism is not carried out effectively enough and one of the reasons for this is the problematic issues of vandalism qualification. The author analyzes the most significant criminal -legal features of these crimes and provides specific recommendations for solving the identified problematic issues of qualification.

Keywords: vandalism; hooliganism; public transport; public place; desecration; damage; public order

Вопросам охраны общественного порядка традиционно уделяется пристальное внимание, что связано с его значимостью для общества, так как именно общественный порядок поддерживает в местах возможного массового нахождения людей такой режим их взаимоотношений, в ходе которого все члены общества, как физические лица, так и различные социальные группы людей, общественные организации и юридические лица, имеют возможность осуществления своих законных прав, интересов и обязанностей в условиях общественного спокойствия и взаимного соблюдения интересов оппонентов.

Значимость общественного порядка подтверждается тем, что о результатах работы полиции по его обеспечению ежегодно на расширенном заседании коллегии МВД России докладывает министр внутренних дел Российской Федерации [6; 7], так как одной из многочисленных обязанностей полиции, согласно ст. 12 Федерального закона «О полиции», является обязанность обеспечивать общественный порядок на улицах, площадях, в парках, на транспортных магистралях, вокзалах и в других общественных местах [3]. Соответственно, при выполнении указанной обязанности сотрудники полиции сталкиваются с различными преступлениями, посягающими непосредственно на общественный порядок, в том числе и с актами вандализма, признаки совершения которого мы можем наблюдать практически в любом общественном месте.

С целью противодействия таким формам девиантного поведения государственные органы применяют различные виды уголовно-правовых средств борьбы с преступностью, в том числе законодательное установление уголовно-правового запрета в форме описания конкретного преступного деяния с указанием соответствующих видов и размеров наказаний за совершение преступления. Соответствующий запрет на совершение актов вандализма закреплён в диспозиции ч. 1 ст. 214 УК РФ [2], установившей уголовную ответственность за такие общественно опасные деяния, как осквернение зданий или иных сооружений, а также за порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Согласно форме федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС [5] за 12 месяцев 2019 года территориальными органами внутренних дел зарегистрировано 2024 337 преступлений (см. таблицу), из них 2498 – по фактам вандализма, что составило 0,12 % от общего числа зарегистрированных преступлений. За аналогичный период прошлого года (далее – АППГ) сотрудниками органов внутренних дел зарегистрировано 1991 532 преступления, из них 2482 – по фактам вандализма, что также составило 0,12 % от общего числа зарегистрированных преступлений.

О количестве зарегистрированных преступлений и основных результатах их расследования согласно отчету формы № 4-ЕГС

Преступления	Год	Зареги-стриро-вано	Направ-лено в суд	Прекра-щено	Приостановлено по ч. 1 ст. 208 УПК РФ			
					п. 1	п. 2	п. 3	п. 4
Всего преступлений	2019	2024337	812735	232441	895020	16816	3368	2272
	АППГ	1991532	864353	218321	839890	16317	4201	2436
Ванда-лизм	2019	2498	290	528	1925	14	2	0
	АППГ	2482	271	195	1915	6	4	2
Хули-ганство	2019	2005	793	196	846	31	7	9
	АППГ	1833	791	198	929	31	9	12

Согласно данным таблицы, из указанного количества зарегистрированных актов вандализма в суд направлены уголовные дела по 291 преступлению (АППГ – 270), прекращено производство по нереабилитирующим основаниям по 528 преступлениям (АППГ – 195) и приостановлено производство по 1941 преступлению (АППГ – 1927), тем самым по результатам расследования вандализма в 77,1 % (АППГ – 77,2 %) принимается решение о приостановлении уголовного дела в связи с неустановлением лица, совершившего преступление (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ [1]), в то время как данный показатель по хулиганству гораздо ниже и составляет 42,2 % (АППГ – 50,7 %), что сопоставимо с общим показателем по всем преступлениям, который составляет 44,2 % (АППГ – 42,2 %). Значительный уровень принимаемых решений о приостановлении производства по уголовным делам, возбужденным по фактам совершения актов вандализма, свидетельствует не только о достаточно низкой раскрываемости этого вида преступлений, но и о его повышенной латентности.

Из этого следует, что правоохранительными органами недостаточно эффективно используются уголовно-правовые средства борьбы с актами вандализма, и одной из причин этого являются проблемные вопросы квалификации вандализма и отличия его от других преступлений [8], в первую очередь от хулиганства, так как непосредственным объектом указанных преступных посягательств является общественный порядок.

Анализируемые уголовно-правовые признаки хулиганства закреплены в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ, которая описывает указанный состав преступления как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу [2]. Обращает на себя внимание то, что описание хулиганства по своему содержанию гораздо шире и многообразнее, чем описание вандализма, который может быть совершен только в двух формах: это или «осквернение

зданий или иных сооружений», или «порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах».

Однако законодателем установлено, что хулиганство может быть совершено только при обязательном наличии хотя бы одного из трех квалифицирующих признаков:

- а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;
- б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- в) на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования [2].

Таким образом, усматривается, что законодательное описание уголовно наказуемого хулиганства, совершаемого на транспорте общего пользования, схоже с описанием вандализма, совершаемого в форме порчи имущества на общественном транспорте.

Например, если правонарушитель умышленно разобьет оконные стекла (разрежет обивку сидений) в салоне пассажирского автобуса, то как квалифицировать действия виновного лица: хулиганство или вандализм?

Чтобы ответить на этот вопрос, предлагается обратиться к постановлению Пленума Верховного суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45, согласно которому «хулиганскими действиями выражается явное неуважение к обществу, которое проявляется через умышленное нарушение общепризнанных правил поведения в обществе, связанное с желанием этого лица противопоставить себя окружающим лицам и показать пренебрежительное отношение к обществу» [4]. Также в указанном постановлении разъясняется, что хулиганские действия могут быть совершены виновным лицом в отношении как неопределенного круга лиц, так и в отношении конкретного человека.

Таким образом, для хулиганства характерно открытое, то есть публичное, совершение преступных действий, что отличает его от вандализма, который может быть совершен как тайно, так и публично. Из этого следует, что если вышеуказанный правонарушитель действовал тайно от окружающих, то его действия необходимо квалифицировать как вандализм, а если он действовал в присутствии других лиц, то есть публично, то его действия полагается квалифицировать как хулиганство, потому что его действия несут явно демонстративный характер с выражением пренебрежительного отношения к окружающим лицам.

Однако, если правонарушитель выполнит такие же действия, но в здании учебного заведения, его действия, вне зависимости от тайности или публичности их совершения, следует квалифицировать как вандализм, и это связано с тем, что диспозицией ст. 213 УК РФ не предусмотрена уголовная ответственность за хулиганство вне транспорта общего пользования при условии отсутствия

квалифицирующих признаков, предусмотренных п. «а» и «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в отличие от диспозиции ст. 214 УК РФ, которая устанавливает наказуемость за акты вандализма не только на транспорте общего пользования, но и в общественных местах.

Подводя итог, следует сказать, что эффективность борьбы правоохранительных органов с вандализмом зависит не только от законодательного установления уголовно-правового запрета, нарушение которого влечет уголовную ответственность за вандализм (ст. 214 УК РФ), но и от правильного определения обязательных признаков указанного состава преступления, что позволяет решить проблемные вопросы квалификации вандализма и его отграничения от хулиганства.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 18.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 18.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 06.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 15.11.2007 № 45. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении форм федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС, № 2-ЕГС, № 3-ЕГС, № 4-ЕГС: приказ Генпрокуратуры России от 02.07.2012 № 250: ред. от 27.12.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Выступление министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Рамблер: [сайт]. URL: <https://news.rambler.ru/other/41792742-vystuplenie-ministra-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii-general-politsii-rossiyskoy-federatsii-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kolleгии-mvd-rossii/> (дата обращения: 26.02.2020).
7. Заседание коллегии МВД России // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (дата обращения: 01.03.2020).
8. Тепляков В. П. Отличие вандализма от умышленного повреждения чужого имущества по объективным признакам преступления // Рос. следователь. 2019. № 6.

УДК 349.6

К ВОПРОСУ ОБ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ, ОПАСНЫХ ДЛЯ ИХ ЖИЗНИ

*Е. И. Цыганова, адъюнкт Дальневосточного юридического института
МВД России*

В статье рассматриваются основания введения уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 151.2 УК РФ, определяются проблемы правоприменения указанной нормы.

Ключевые слова: несовершеннолетний; уголовная ответственность; действия, опасные для жизни; вовлечение.

ON THE QUESTION OF THE CONDITIONALITY OF CRIMINALIZATION OF INVOLVEMENT OF MINORS IN THE COMMISSION OF ACTIONS DANGEROUS FOR THEIR LIFE

*E. I. Tsyganova, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

The article considers the grounds for introducing criminal liability for a crime under article 151.2 of the criminal code of the Russian Federation, and defines the problems of law enforcement of this norm.

Keywords: minor; criminal liability; actions dangerous for life; involvement.

Федеральным законом от 7 июля 2017 г. № 120 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» (далее – федеральный закон) были внесены поправки в УК РФ [2].

Так, гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» была дополнена новой статьей, устанавливающей ответственность за вовлечение

несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни (ст. 151.2 УК РФ) [1].

Из пояснительной записки к закону следует, что целью данных изменений является предупреждение и сокращение суицидов и фактов вовлечения несовершеннолетних в опасные для их жизни действия.

Введение уголовной ответственности по исследуемой норме обуславливается в том числе тем, что согласно экспертизам специалистов Роспотребнадзора, проводимым с 2012 г., в социальных сетях в Интернете обнаружено множество ссылок на страницы с суицидальной информацией. В 2016 г. было обнаружено 4358 ссылок, из них 4241 – с информацией о том, как и каким образом совершить самоубийство [10].

Примерами опасной деятельности, в частности, являются факты вовлечения несовершеннолетних в «зацепинг» (передвижение на поезде при помощи зацепа за поручни, подножки вагонов и т. д.), «трейнсерфинг» (проезд на крыше поезда), «руфинг» (незаконное проникновение на высотное здание) либо в иные занятия, в том числе игры по типу «Беги или умри», когда ребенку предлагается перебежать дорогу как можно ближе к движущемуся транспорта, «Фея огня Винкс», целью которой является поджечь себя [3].

Кроме того, известны сообщества, деятельность которых направлена на моральное, психологическое, в некоторых случаях даже на физическое подавление одного из группы подростков. Такая деятельность получила название «буллинг».

Также негативное влияние на психику несовершеннолетнего оказывают интернетные движения «Скулшутинг» и «Колумбайн». Идея данных направлений заключается в том, чтобы совершить вооруженное нападение на учебное заведение (обычно это школа или колледж, в котором учится или учился преступник). Нападение совершается с применением оружия, а также взрывчатых средств. По окончании действий злоумышленник совершает суицид.

Примером таких действий является преступление, совершенное в октябре 2018 г. в Керчи, когда совершеннолетний расстрелял из огнестрельного оружия случайных людей, а также заранее заложил в учебном заведении, в котором учился, взрывное устройство, которое спустя некоторое время сдетонировало. Следствием было установлено, что раненных оказалось около 50 человек, 18 человек погибли. После выполнения всех преступных действий несовершеннолетний покончил жизнь самоубийством [6, с. 6].

В последнее время подобные действия участились и на территории Хабаровского края. Так, 22 февраля 2019 г. О. А. К. планировал устроить стрельбу в хабаровской школе № 30. Преступник хотел расстрелять учеников и учителей указанной школы. Следствию он сообщил, что он был вдохновлен норвежским террористом, который в 2011 г. убил около 77 человек. Обрез двуствольного оружия и 95 патронов к нему подросток смог приобрести через Интернет, а в со-

циальных сетях он нашел инструкцию для изготовления взрывного устройства, что вновь указывает на общедоступность такой информации. С единомышленниками он обычно общался через фейковые страницы в «ВКонтакте». В своем аккаунте О. А. К. публиковал записи, в которых оправдывались действия тех людей, которые совершали расстрелы в школах и других учебных заведениях. Свои действия он мотивировал ненавистью к тем людям, которые издевались над ним на протяжении его обучения в этом учебном заведении.

В феврале 2020 г. произошел очередной случай суицида в городе Советская Гавань. С одной из высоток на улице Советской упала школьница 17 лет, на личной страничке которой в соцсети «ВКонтакте» был статус на английском языке «I was just playing the game» («Я просто играла в эту игру»). Есть мнение о том, что игра «Синий кит» модифицировалась и теперь имеет название «Красная сова». Согласно условиям, участники игры не должны спать 12 дней, все время быть онлайн в социальной сети «ВКонтакте» и отвечать на все сообщения кураторов (ведущих игры) [9].

В подобные опасные группы входит игра «Пропади на 24 часа», которая также распространяется через социальные сети. Суть ее заключается в том, чтобы покинуть свой дом на сутки, при этом не выходить на связь и не сообщать никому о своем месте положения и что ты являешься участником данной игры.

Новый тренд в сервисе «ТикТок» – «Skull-breaker challenge» в переводе «Проломи череп». Существует второе название этого «челленджа» (вызова) – «Tripping jump challenge», что можно перевести как «Падение в прыжке». Сущность этой игры заключается в том, что три человека становятся в ряд и договариваются прыгнуть одновременно. Но прыгает только тот, кто стоит посередине, а два других участника (которые договорились заранее) своими ногами делают «подсечку», в результате чего жертва падает, ударяясь головой, спиной или затылком. Все происходящее снимают на видео и выкладывают в «ТикТок».

Опасность такого челленджа заключается в том, что он приводит к травмам, а в отдельных случаях даже к смерти и подразумевает, что жертва розыгрыша не догадывается, что ее снимают на видео, чтобы выложить ролик в Интернет с целью публичного унижения.

В Интернете много примеров того, когда размещается информация о зацеперской путевой части (ЗЦПЧ), где есть инструкция для несовершеннолетних, как совершать зацеп с помощью велосипеда.

По сводке МВД России, в 2019 г. травмы после этого опасного развлечения получили 254 человека, из них летальный исход наступил для 118 подростков. Если же рассматривать статистику 2015 г., то пострадавших было 219, из которых смертельный исход наступил для 99 несовершеннолетних. Исходя из данной статистики, мы можем наблюдать тенденцию роста случаев вовлечения

несовершеннолетних в опасные для их жизни действия, что часто приводит к крайне негативным последствиям [5, с. 12].

Принимая во внимание, что данные действия имеют латентный характер и часто воспринимаются как несчастный случай, указанные выше цифры не отражают полной картины происходящего [10].

Цели перечисленных выше групп – дестабилизировать психику несовершеннолетних, вывести их психологического равновесия, ввести в заблуждение, вовлечь в опасные действия для их жизни, довести до суицида.

Вышеуказанные факты свидетельствуют о распространенности таких случаев, высокой степени общественной опасности, а значит, целесообразности введения уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни. При этом введение уголовной ответственности за указанное преступление уже сегодня вскрывает некоторые проблемы теоретического и практического характера.

Отметим, что преступление по ст. 151.2 УК РФ относится к преступлениям средней тяжести. Однако в силу общественной опасности, где потерпевшим выступает несовершеннолетний, недопустимо относить это преступление к деяниям такой категории [8, с. 4].

Мы согласны с Р. Д. Шараповым в том, что следует определить одну категорию для всех преступлений против несовершеннолетних, рассматривая их как тяжкие и особо тяжкие [11, с. 5]. Лицо, не достигшее 18 лет, независимо от вида насилия (физическое, психическое), уже может признаваться как находящееся в беспомощном состоянии в силу своего возраста, исходя из этого преступление в отношении несовершеннолетнего должно признаваться насильственным, а сроки наказания существенно увеличиваться соответственно степени общественной опасности преступления.

Далее заметим, что Постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [4], не дает ответов на многие вопросы по поводу квалификации по ст. 151.2 УК РФ.

Так, о сложности состава рассматриваемого преступления свидетельствует тот факт, что законодательная конструкция в ст. 151.2 УК РФ содержит большое количество оценочных понятий, например, таких: «склонение», «вовлечение», «действия, представляющие опасность для жизни». Перечисленные понятия не закреплены в законе.

Кроме того, разъяснений Верховного суда Российской Федерации о толковании признаков преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, в настоящий момент также не существует [7, с. 9]. Так, дискуссионным

является вопрос о моменте окончания рассматриваемого преступления, отличиях от смежных составов.

Итак, очевидно, что криминализация деяния, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, продиктована реалиями развития современного общества в исследуемой сфере. При этом ввиду новизны указанной нормы требуется решение вопросов теоретического характера в целях эффективного ее применения.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 18.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федер. закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 24, ст. 3489.
3. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: указ Президента Рос. Федерации от 01.06.2012 № 761 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N23, ст. 2994.
4. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 01.02.2011 № 1: ред. от 29.11.2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Густова Э. В. Новеллы уголовного законодательства: проблемы конструирования и применения // Журн. рос. права. 2018. № 11.
6. Дремлюга Р. И., Крипакова А. В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // Актуал. проблемы рос. права. 2019. № 3.
7. Коровин Е. П. Некоторые теоретические и практические проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ // Уголов. право. 2018. № 6.
8. Коровин Е. П. Особенности субъективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни // Рос. следователь. 2019. № 4.
9. Красная сова пришла к детям: как их уберечь // Inforesist: [сайт]. URL: <https://inforesist.org/ne-spat-i-pokonchit-s-soboy-pochemu-deti-vedutsya-na-opasnyie-igryi-i-kak-ih-uberech/> (дата обращения: 18.03.2020).
10. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» от 09.03.2017 № 118634–7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Шарапов Р. Д., Дидрих М. П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Электрон. прил. к Рос. юрид. журн. 2017. № 6.

УДК 343.3/.7

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СТАТЬИ 312 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*А. О. Швейгер, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат
юридических наук*

В статье рассматривается актуальный вопрос современной практики применения ст. 312 УК РФ. Отмечается необоснованное отождествление несовпадающих понятий правоприменителем. Делается вывод об игнорировании субъективной стороны при квалификации.

Ключевые слова: растрата; арестованное имущество; неправомерные действия.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ARTICLE 312 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

*A. O. Shveyger, associate professor of the Department of Criminal Law and
Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Af-
fairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law*

The article considers the current issue of modern practice of applying Art. 312 of the Criminal Code. An unreasonable identification of inconsistent concepts by the inquiry officer is noted. The conclusion is made about ignoring the subjective side in qualifications.

Keywords: embezzlement; seized property; illegal actions.

Статьей 312 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации.

Институт обеспечения иска – значимый механизм в реализации деятельности органов правосудия. Одним из таких механизмов выступает арест имущества.

Для правильной квалификации важным условием является уяснение точного значения всех признаков преступления, вменяемого виновному. Однако, как показывает практика применения данной нормы, правоприменитель не всегда правильно оценивает содержание состава преступления и фактические признаки совершенного деяния.

Так, Х., являясь ответственным хранителем арестованного имущества – сотового телефона, подвергнутого описи и аресту 18 августа 2017 г. на основании постановления об аресте имущества должника по исполнительному производству, возбужденному на основании решения мирового судьи Центрального судебного участка Биробиджанского судебного района ЕАО от 14 октября 2016 г., и оставленного ей судебным приставом-исполнителем на ответственное хранение, будучи надлежащим образом уведомленной о режиме и условиях хранения данного имущества, а также об уголовной ответственности за его растрату, отчуждение или сокрытие, умышленно выбросила указанный телефон в мусорный ящик, что привело к невозможности изъятия арестованного имущества [7].

Согласно объективной стороне состава преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ, преступные действия виновного выражаются в растрате, отчуждении, сокрытии или незаконной передаче имущества.

В Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьями 312 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации», утвержденных ФССП России 25 апреля 2012 г. (№ 04–7), разъясняются формы совершения этого преступления:

- отчуждение означает изъятие и передачу арестованного имущества в пользование или собственность другого лица (продажа, дарение, передача в залог, оплата долга и др.);

- незаконная передача имущества, подвергнутого описи или аресту, означает его перевод, вручение незаконному владельцу (юридическому или физическому лицу) без согласия органов правосудия, уполномоченных органов исполнительной власти. Она характеризуется двумя признаками: переводом имущества во владение или пользование третьих лиц; противоправностью этих действий;

- под растратой понимаются любые формы израсходования имущества (например, реальное потребление) лицом, которому оно было вверено. Кроме того, возможны случаи обращения имущества и последующее его израсходование не только в свою пользу, но и в пользу других лиц: друзей, родственников, участников коммерческой организации и т. п. [6].

Исходя из содержания данных признаков, в действиях Х. формально есть признаки растраты.

Естественным является вопрос об объеме содержания понятия растраты. Ученые задаются вопросом: идентична ли растрата, содержащаяся в качестве признака рассматриваемой нормы, и растрата, указанная в ст. 160 УК РФ.

Некоторые авторы считают, что данные понятия не совпадают [4, с. 28], другие – что они идентичны по содержанию, но относятся к разным видам правоотношений, регулируемых УК РФ [5, с. 207].

В ст. 160 УК РФ под растратой имущества необходимо понимать его потребление, расходование или передачу другим лицам [1]. Можно встретить более детальное описание содержания признаков растраты, к которым относят действия, обеспечивающие незаконное распоряжение вверенным имуществом (отчуждение, продажа или передача третьим лицам, израсходование, потребление, дарение и т. п.) [3, с. 422].

Аналогично содержание данного признака раскрывается в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором указывается, что «как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам. Растрату следует считать окончанным преступлением с момента начала противоправного издержания вверенного имущества (его потребления, израсходования или отчуждения)».

Несмотря на то, что действия Х. хотя формально и подпадают под признак растраты, предусмотренный данной нормой, для привлечения к уголовной ответственности виновной необходимо установить в ее действиях наличие всех признаков состава преступления, к которым относятся объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

В ходе расследования было установлено, что ее ребенок плакал, в связи с чем она, чтобы успокоить ребенка, дала ему смартфон, так как запрет на пользование наложен не был. Во время игры со смартфоном ребенок уронил его, в результате чего смартфон был сильно поврежден: на осколки разбился дисплей. Х., понимая, что смартфон уже непригоден для использования, так как сильно поврежден, выбросила его в мусорное ведро.

Согласно ст. 312 УК РФ предметом данного состава преступления является арестованное имущество, за счет которого должно произойти обеспечение исполнения решения суда по удовлетворению имущественных требований взыскателя. То есть имущество по своим потребительским качествам должно соответствовать требованию возможности удовлетворения за счет него имущественных требований взыскателя. Однако поврежденные остатки имущества, утратившего полностью потребительские качества в результате повреждения или уничтожения, не могут быть предметом преступления. Опасность данного состава преступления заключается в том, что лицо, понимая, что это имущество может быть реализовано и за счет него должны быть удовлетворены требования потерпевшей стороны, вопреки имеющемуся решению суда расходует это имущество, причиняя тем самым вред потерпевшему, который не получает по решению суда компенсации. Если оно выбрасывает непригодное имущество, то общественная опасность таких действий отсутствует. Действия лишь фор-

мально подпадают под признаки объективной стороны ст. 312 УК РФ. Часть 2 ст. 14 УК РФ такие действия расценивает как малозначительные, не являющиеся составом преступления.

Кроме того, субъективная сторона данного преступления выражена в прямом умысле, то есть лицо осознает, что растрчивает имущество вопреки запрету, понимает, что за счет этого имущества должно произойти обеспечение имущественных требований взыскателя, желает его растратить, в данном случае совершить расходование.

Однако, исходя из материалов дела, в действиях Х. не усматривается растраты. Такие действия подпадают под утрату имущества, что этимологически не равнозначно растрате. Закон, используя одинаковые термины в разных составах преступлений, в силу их отраслевого единства вкладывает в них одинаковое значение, или в противном случае законодатель использует иную терминологию при конструировании состава. Поэтому одинаковые признаки в разных составах должны толковаться одинаково, если иное не указано самим законодателем в норме или не разъяснено Верховным судом. Поэтому растрата в ст. 160 УК РФ и в ст. 312 УК РФ должны толковаться одинаково. И, соответственно, умысел по отношению к действиям носит схожий характер. Однако, согласно практике применения ст. 160 УК РФ, никогда не привлекают к ответственности лиц, которые случайно повредили вверенное имущество и поэтому выбросили его. Такие действия не признаются растратой в силу отсутствия субъективной стороны преступления.

Кроме того, виновное лицо должно понимать, что причиняет вред объекту преступления – реализации судебного решения, направленного на удовлетворение иска, а также желает воспрепятствовать его исполнению.

Исходя из материалов дела, Х. понимала, что телефон сильно поврежден, поэтому за счет него не может быть произведено удовлетворение имущественных требований взыскателя. Поскольку он утратил полностью свои потребительские качества, он не может быть реализован, так как не соответствует рыночным требованиям к данному имуществу, чтобы оно было предметом рыночных отношений.

Так, согласно определению Конституционного суда Российской Федерации от 17 июля 2007 г. № 626-О-О, «установленный ст. 312 УК РФ уголовно-правовой запрет направлен на охрану интересов правосудия и обеспечение исполнения судебных решений. По смыслу данной нормы ответственность за незаконные действия в отношении вверенного лицу имущества, подвергнутого описи и аресту, может наступать только при условии доказанности, что лицо знало о наличии у него обязанности обеспечить сохранность имущества, имело для этого реальную возможность и умышленно совершило запрещенные законом действия в целях воспрепятствовать исполнению решения суда» [2].

Однако, исходя из объяснений Х., умысла воспрепятствовать исполнению решения суда у нее не было, поскольку она понимала, что телефон поврежден до такой степени, что затраты на его восстановление по стоимости будут нецелесообразны по отношению к стоимости самого телефона. Поэтому выбросила то, что осталось от телефона, считая, что он не может быть реализован в последующем. Указанное выше позволяет прийти к выводу об отсутствии в действиях Х. состава преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ.

К сожалению, такие примеры не единичны. Правоприменительная практика прочно встала на путь признания вины в подобных ситуациях, что требует немедленного вмешательства со стороны Верховного суда, которому необходимо дать соответствующие разъяснения по аналогичным случаям.

Список источников

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 30.11.2017 № 48 // Бюл. Верхов. суда Рос. Федерации. 2018. № 2.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жигарева Романа Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 312 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституц. суда Рос. Федерации от 17.07.2007 № 626-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
4. Друзин А. Диспозиция ст. 312 УК РФ требует уточнения // Законность. 2002. № 10.
5. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: моногр. Владивосток, 2007.
6. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьями 312 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации»: утв. ФССП России 25.04.2012, № 04-7 // Бюл. Федерал. службы судеб. приставов. 2012. № 6.
7. Приговор мирового суда Центрального судебного участка Биробиджанского судебного района ЕАО от 18.09.2018 по делу № 1–49/2018 // Архив УФССП по Хабаровскому краю и ЕАО.

УДК 343.6

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ

Е. И. Якоб, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Хабаровского государственного университета экономики и права

Проблемы домашнего насилия затрагивают интересы всего общества и требуют дополнительного изучения. В статье домашнее насилие рассматривается как социально-правовое явление, предлагаются меры по его предупреждению.

Ключевые слова: домашнее насилие; семейно-бытовое насилие; семейное насилие; уголовная ответственность; предупреждение.

PROBLEMS OF COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE

E. I. Yakob, senior of the Department of Criminal Law and Criminology of the Khabarovsk State University of Economics and Law

Problems of domestic violence affect the interests of the entire society and require further study. The article considers domestic violence as a social and legal phenomenon and suggests measures to prevent it.

Keywords: domestic violence; domestic violence; family violence; criminal responsibility; prevention.

Опыт развития цивилизации показывает, что многие проблемы невозможно решить полностью, но вместе с тем можно выработать эффективные меры по их сдерживанию и удержанию в контролируемых государством рамках. Одной из таких проблем является домашнее (семейно-бытовое) насилие.

Отметим, что в разные исторические периоды отношение общества к домашнему насилию было разным.

В настоящее время домашнее насилие является серьезной проблемой, требующей конкретных мер противодействия, для выработки которых необходимо осмысление целого ряда вопросов – определение самого термина «домашнее насилие», изучение психологии жертвы и насильника, личности последнего, выявление причин, детерминирующих домашнее насилие, разработка мер по его профилактики и предупреждения и др.

Начнем с того, что термин «домашнее насилие» впервые был употреблен Национальной ассоциацией социальных работников США (НАСР) в 1983 г. [2, с. 130].

По нашему мнению, домашнее насилие включает в себя различные виды насилия, совершенного внутри семьи членами семьи в отношении иных членов семьи либо знакомыми лицами этой семьи.

По данным Организации Объединенных Наций (ООН), 75 % мужей хотя бы раз ударили свою жену, четверо из пяти мужей на одном ударе не останавливаются. Одна из трех женщин в мире в течение своей жизни хотя бы раз была избита, принуждалась к сексуальному контакту или иным образом подвергалась жестокому обращению [1, с. 128].

В связи с тем, что в процессе домашнего насилия в качестве способа совершения общественно опасного деяния выбирается, как правило, физическое или психическое воздействие на жертву, оно является разновидностью насильственной преступности. Отметим, что доля преступлений, относящихся к домашнему насилию, достаточно велика.

Так, К. Д. Титаев, рассматривая насильственную преступность в России, представляет следующие данные: 9 из 10 преступлений (88,6 %) совершаются в жилье и рядом с ним (например, лифты, подъезды, придомовая территория) [4, с. 3]. Автор, подводя итоги по времени совершения насильственных преступлений, приходит к выводу о том, что 59,7 % преступлений совершаются с 18:00 до 03:59 [2, с. 13]. Это косвенно подтверждает и точку зрения о том, что в России насильственная преступность – это бытовая преступность, а соответственно, включает в себя и домашнее насилие.

Современная жизнь людей, образ жизни семьи претерпели очень серьезные изменения. Ценность семьи в настоящее время в России снизилась среди молодого поколения. Возраст вступления в брак увеличивается. В настоящее время в России средний возраст вступления в брак у мужчин составляет 31,5 года, у женщин – 27,5 года [3].

Кризис в семье влияет на общение членов семьи. Во многих семьях становится нормальным применение насилия (в различных его формах, в том числе и психическое) над детьми со стороны родителей, родителями между собой и иными членами семьи. Хотя современная тенденция заключается в том, что в семье в большинстве случаев живут два поколения: дети и их родители. Большие семьи утрачивают актуальность.

На наш взгляд, основная проблема противодействия домашнему насилию в России – это две крайности. Первая: считается, что в случае отсутствия телесных повреждений нет статьи уголовного закона, а значит, и нет ответственности и возможности воздействия на агрессора. Вторая: если есть телесные

повреждения и их причинение видели иные лица, то возможно наступление ответственности, в том числе уголовной.

Несмотря на существенные различия в культуре, многие страны мира пришли к единой точке зрения, касающейся противодействия домашнему насилию в семье.

Если обратиться к российскому законодательству, то можно без труда увидеть, что оно предусматривает достаточно широкий круг правовых норм, закрепляющих различные виды юридической ответственности за совершение противоправных деяний (например, ст. 6.1.1 КоАП РФ, ст. 105, 106, 110, 110.1, 119, 111, 112, 115, 116.1, 127.2, 131, 132, 135 УК РФ и др.). Таким образом, спектр составов правонарушений и преступлений широкий и достаточный для защиты жизни и здоровья, свободы, половой неприкосновенности и половой свободы человека. Вопрос необходимо ставить об эффективности правоприменительной деятельности.

Кроме того, считаем, что последствия домашнего насилия следует оценивать не только с уголовно-правовой, но и социальной, психологической и криминологической позиций.

Уголовно-правовая позиция включает в себя оценку общественно опасных деяний и их последствий в процессе семейно-бытового насилия, требующих уголовно-правовых мер воздействия.

Социальная позиция позволяет оценить последствия домашнего насилия не только для одного конкретного потерпевшего, но и в целом для общества, а также выработать социальные меры по его предупреждению.

Психология позволяет изучить причины и условия домашнего насилия (психологию жертвы и насильника) и на этой основе выработать индивидуальные меры воздействия на преступника.

И, наконец, криминология позволяет исследовать домашнее насилие комплексно как разновидность уголовно-правового и социального явления, изучить личность виновного, виктимологическую характеристику жертвы домашнего насилия, и выработать общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения.

Представляется, что особое внимание в процессе выработки мер по предупреждению домашнего насилия должно быть обращено:

1) на психолого-педагогическое сопровождение семьи, в том числе и в школах. На данный момент в образовательных учреждениях к этому относятся достаточно поверхностно и формально. Тем самым вовремя не выявляются случаи домашнего насилия и профессиональная помощь потерпевшим оказывается несвоевременно;

- 2) искоренение виктимблейминга (обвинение жертвы насилия, термин используется в виктимологии) в нашей стране. Чаще всего жертвами виктимблейминга становятся жертвы-женщины, подвергающиеся домашнему насилию;
- 3) криминализацию побоев в отношении близких лиц;
- 4) выработку единого понятия домашнего, семейного, семейно-бытового, бытового и иных разновидностей насилия;
- 5) принятие федерального закона «О противодействии домашнему насилию»;
- 6) разработку специальной программы помощи жертвам домашнего насилия;
- 7) введение квалифицирующего признака в гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» – «совершение преступления членом семьи или близким лицом»;
- 8) рассмотрение вопроса об изменении санкции вышеназванных норм УК РФ, в частности исключение из них такого вида наказания, как штраф. Данный вид наказания, на наш взгляд, не позволяет достичь целей наказания, так как чаще всего при домашнем насилии и потерпевший, и преступник являются членами одной семьи;
- 9) проведение повсеместной психологической и правовой работы среди населения для снижения высокого уровня латентности преступлений, совершаемых в рамках домашнего насилия.

Список источников

1. Домрачева Т. В., Низова А. М. Семья как зона риска домашнего насилия женщин // Конфликтология. 2017. № 12 (3). С. 122–132.
2. Саламова С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 129–138.
3. Статистика разводов и браков // Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/> (дата обращения: 20.03.2020).
4. Титаев К. Д. Насильственная преступность в России: жертвы и преступления: аналитический обзор. СПб.: Ин-т проблем правоприменения при Европейс. ун-те в Санкт-Петербурге, 2019. 120 с.

**МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ
И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ»
(27 МАРТА 2020 ГОДА)**

УДК 343.98

**ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ
«ПРОВЕРОЧНАЯ ЗАКУПКА» ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ
И РАСКРЫТИИ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ КУПЛИ-ПРОДАЖИ
АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

***Я. П. Велюев**, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье рассматривается деятельность оперативных подразделений по борьбе с мошенническими посягательствами при оформлении сделок купли-продажи автотранспортных средств. Поднимаются проблемные вопросы организации проведения оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка» и реализации материалов оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: автотранспорт; мошенничество; сделка; проверочная закупка; купля-продажа.

**PROBLEMS OF CONDUCTING THE OPERATIONAL
SEARCH EVENT "VERIFICATION PURCHASE"
WHEN DETECTING AND DISCLOSING
FRAUD IN THE FIELD OF PURCHASE
AND SALE OF MOTOR VEHICLES**

Ya. P. Veliev, senior lecturer of the Department of Crime Detection Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the activities of operational units to combat fraud in the execution of transactions of sale of vehicles. The problematic issues of organizing the operational-search event "test purchase" in the implementation of materials of operational-search activities are raised.

Keywords: autotransport; fraud; deal; test purchase; sale.

В настоящее время мошеннические посяательства в различных формах остаются одной из острейших проблем современного общества, в связи с чем правоохранительные органы уделяют особое внимание данным противоправным деяниям. В управлениях уголовного розыска по субъектам созданы специализированные подразделения, занимающиеся выявлением, пресечением и раскрытием преступлений, связанных с мошенническими действиями.

Необходимость таких подразделений в структуре управлений уголовного розыска подтверждают статистические данные в рассматриваемой криминальной сфере. Так, в 2014 г. было зарегистрировано 160214 преступлений, что составило 7,3 % от общего числа зарегистрированных преступлений, в 2015–200598, что составило 8,3 %, в 2016 г. – 208926, что составило 9,7 %, в 2017–222772 преступления, что составило 10,8 %, в 2018–215036, что составило 10,8 %, в 2019–257187 преступлений, что составило 12,7 % [3].

Одним из видов совершаемых мошенничеств являются преступления в сфере купли-продажи автотранспорта. В Российской Федерации, как и в других развитых странах, транспорт является одной из крупнейших базовых отраслей хозяйства, важнейшей составной частью производственной и социальной инфраструктуры. Количество автомобилей, поставленных на государственную регистрацию в подразделениях ГИБДД, выросло за последние 10 лет, и в 2019 г. этот показатель составил 52,4 млн единицы, где 61 % – иностранные автомобили [2].

По данным Федеральной таможенной службы (далее – ФТС), с 2016 г. отмечается рост приобретенных иностранных автомобилей: в 2016 г. их было 257589 единиц, в 2017 – 263276 единиц, в 2018 – 472693 единицы, в 2019 – 482396 единиц. Также отмечается рост приобретенных кузовных частей автотранспорта иностранного производства: в 2018 г. ФТС зарегистрировала при ввозе на территорию России 10873 единиц кузовных частей, в 2019 – 11059 единиц [1].

В рассматриваемых преступлениях автотранспортное средство используется как предмет сделки, с помощью которого происходит обман добросовестного покупателя и завладение его денежными средствами. В процессе оформления

сделки купли-продажи автотранспортного средства покупатель приобретает по факту предмет (автомобиль), не соответствующий указанному в документах.

При анализе уголовных дел и дел оперативного учета можно сделать вывод, что в рассматриваемых преступлениях нелегальным автотранспортным средством является:

- автомобиль, похищенный на территории иностранного государства;
- автомобиль, похищенный на территории РФ;
- автомобиль-«распил» или «конструктор»;
- автомобиль, находящийся в обременении у третьих лиц;
- автомобиль, находящийся в залоге у кредитной организации.

Также могут возникнуть обстоятельства, при которых автотранспортное средство непосредственно не передается покупателю, то есть преступление совершается на стадии оформления сделки при внесении аванса или полной суммы за автомобиль. Такие обстоятельства могут возникнуть в следующих ситуациях:

- заключение сделок купли-продажи автомобиля с автосалонами, которые в дальнейшем прекращают деятельность;
- заключение сделок с юридическими и физическими лицами, которые занимаются оформлением заказов на поставку автомобилей с территории иностранного государства.

Одним из способов борьбы с мошенническими посягательствами в сфере оформления сделок купли-продажи автомобилей является оперативно-разыскное мероприятие «Проверочная закупка». Данное мероприятие наиболее эффективно при документировании деятельности преступных групп, занимающихся сбытом нелегального автомобиля – «распила» или «конструктора». Указанные мошеннические действия особенно распространены на территории Дальневосточного федерального округа.

В общетеоретическом смысле под проверочной закупкой в оперативно-разыскной¹ деятельности понимается «совокупность действий по созданию оперативным подразделением (оперативником) ситуации сделки (мнимой), в которой с ведома оперативно-разыскного¹ органа и под оперативным контролем понимается возмездное приобретение товара или предмета (без цели потребления или сбыта) у лица, обоснованно подозреваемого в совершении преступления в сфере финансовой, хозяйственной, предпринимательской или торговой деятельности, с целью получения информации о вероятной преступной деятельности, а также решения иных задач ОРД» [4, с. 95].

¹ Различия в написании одного и того же слова обусловлены тем, что слово «оперативно-разыскной» с безударным «а» в приставке в соответствии с правилами орфографии современного русского языка пишется через «а». Не соответствующее современным нормам написание через «о» сохранено в официальных названиях нормативных документов (законов, инструкций и др.) как традиционное на момент их принятия, в прямых цитатах из этих документов и из научных, учебных и других изданий, а также в их названиях в списке источников. – Прим. составителя.

Порядок проведения проверочной закупки регламентируется ведомственными нормативными актами.

В рассматриваемых мошеннических посягательствах использование оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка» необходимо с целью документирования противоправных действий преступных групп, в том числе установления умысла совершить сделку купли-продажи нелегального автомобиля.

Основными проблемами проведения оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка» являются:

- неправильный выбор тактических действий оперативными подразделениями, а именно проведение иных оперативно-разыскных мероприятий: наблюдения или оперативного эксперимента. В дальнейшем возникают проблемы при реализации материалов, полученных в результате проведения подобных мероприятий в процессуальном поле;

- отсутствие норм оперативно-разыскного права о регламентации задержания мошенников при проведении «Проверочной закупки». Как правило, после совершения сделки вызывается следственно-оперативная группа, которая в рамках осмотра места происшествия изымает денежные средства и «нелегальный» автомобиль;

- возникновение организационных вопросов при выделении денежных средств на проведение проверочной закупки с целью документирования сделки купли-продажи нелегального автотранспортного средства. Выделение денежных средств регламентируется ведомственными нормативными правовыми актами;

- нарушения в документальном оформлении материалов на проведение проверочной закупки и проведение мероприятий без участия представителей общественности;

- совершение провокационных действий сотрудниками оперативных подразделений при осуществлении сделки купли-продажи автотранспортного средства;

- недостаточное техническое оснащение оперативных подразделений, при использовании видео- и (или) аудиозаписи, фотосъемки с целью фиксации и документирования преступной деятельности мошенников;

- недостаточное взаимодействие между оперативными и следственными подразделениями как на стадии доследственной проверки, так и в ходе расследования уголовного дела.

Обозначенные проблемы являются дискуссионными и требуют более полного исследования.

Список источников

1. Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» // Федеральная таможенная служба: [сайт]. URL: <http://customs.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 10.03.2020).
2. Статистические данные аналитического агентства «Автостат» // Автостат: аналитическое агентство: [сайт]. URL: <https://www.autostat.ru/> (дата обращения: 02.03.2020).
3. Статистические данные ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России» // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 19.03.2020).
4. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия / авт.-сост.: А. Ю. Шумилов. М.: Шумилова И. И., 2004.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННЫМИ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ТЕХНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ

В. В. Гирйчук, доцент кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

В статье рассмотрены актуальные вопросы применения специальных технических средств в оперативной деятельности. Автором проанализированы основные способы получения оперативной информации для оптимизации процесса раскрытия преступлений при помощи специальных технических средств.

Ключевые слова: специальное техническое средство; оперативная информация; раскрытие и выявление преступлений; современное техническое средство.

PROBLEMATIC ISSUES OF OBTAINING OPERATIONAL INFORMATION BY MODERN SPECIAL TECHNICAL MEANS

V. V. Giryuchuk, associate professor of the Department of Crime Detection and Administrative Activities of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

This article discusses current issues of the use of special technical means in operational activities. The author analyzes the main ways of obtaining operational information to optimize the process of solving crimes using special technical means.

Keywords: special technical mean; operational information; disclosure and detection of crimes; modern technical mean.

Выявление противозаконной деятельности лиц, совершающих преступления, неразрывно связано с получением информации оперативного характера, значимой для направления хода раскрытия преступления и в будущем закрепле-

ния в качестве доказательств. Обращая внимание на состояние преступности, а также учитывая ее раскрываемость, оперативные подразделения всегда находятся в поиске средств, способных оптимизировать выявление и повысить эффективность раскрытия преступлений.

Руководство МВД России постоянно обсуждает вопросы раскрываемости преступлений. Так, в феврале 2020 г. на расширенном заседании коллегии МВД России на текущий год одной из приоритетных задач было определено «повышение уровня раскрываемости преступлений» [1].

Достичь этого возможно, как мы считаем, при активном использовании в оперативной деятельности современных специальных технических средств, в том числе предназначенных для негласного получения информации.

В современных условиях применение специальных технических средств сопровождается проблемами, а их перспективы зависят от рассматриваемых в данной статье технических средств.

Во-первых, предоставление информации, запечатленной на носителе информации в электронном виде о преступнике и самом событии преступления, сейчас очень популярно и информативно, осуществляется при помощи специальных технических средств информационного обеспечения. Рассматриваемые специальные технические средства с целью раскрытия преступлений позволяют осуществлять прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации, размещенной на любом устройстве.

При этом данные формируются, обрабатываются и хранятся при помощи «больших данных», и все это соединено в компьютерную сеть с подключением различной компьютерной техники и телевизионных систем видеонаблюдения, расположенных непосредственно на улицах и предоставляющих сведения в постоянном режиме.

В оперативных целях при помощи компьютерной техники и современных систем видеонаблюдения можно получить информацию о разыскиваемом лице. Так, в октябре 2019 г. на Международном полицейском саммите в Сеуле министр внутренних дел России В. А. Колокольцев заявил о том, что в настоящее время созданы и успешно используются в рамках аппаратного и программного комплекса «Безопасный город» «интеллектуальные» видеокамеры (около 3 тыс. в Москве, планируется 160 тыс.), которые при подключении к нейросети и при помощи «больших данных» осуществляют распознавание лиц. Также было отмечено, что внедрение инновационных процессов в правоохранительной деятельности позволит повысить эффективность предупреждения и раскрытия преступлений, а также упростить управление этой деятельностью по поиску решений. Кроме этого, использование специальных технических средств позволит преодолеть

противодействие при использовании современных технологий в преступной сфере [2].

Однако проблемным остается технический и финансовый вопрос, связанный с приобретением оборудования и дорогого программного обеспечения и его установкой, и конечно же, наиболее важным является обеспечение соблюдения прав и свобод граждан, при осуществлении этой деятельности.

Во-вторых, стали распространенными специальные технические средства, позволяющие получить оперативную информацию из уст самого человека, а также при помощи регистрации и оценки его психофизиологического состояния и параметров, сопровождающих деятельность его организма. В ходе раскрытия преступления оперативные сотрудники должны учитывать психические и физиологические особенности проверяемых и разрабатываемых лиц, совершивших преступления.

В статьях ранее мы указывали на проблемы применения полиграфа, которые сопровождались недостаточными распространенностью прибора и методическим обеспечением его применения. В настоящее время рассматриваемые приборы широко распространены в органах внутренних дел. Хотя их показания и носят ориентирующий характер, а полученная информация обладает вероятностным характером, они все равно остаются эффективной оперативной техникой.

Проблемными остаются вопросы подготовки полиграфологов, специалистов, способных работать на полиграфах. К их профессионализму предъявляются самые серьезные требования, так как они должны уметь не просто пользоваться прибором, а интерпретировать его показания и ответы опрашиваемых лиц. Их опыт и навыки в первую очередь следует направить на объективную оценку функционального состояния исследуемого лица и его пригодность к опросу, а не выяснять преступные и негативные факты [3, с. 21].

К категории проблемных вопросов относится и возможность опрашиваемого лица противодействовать процессу исследования, а также добровольность согласия на проведение этого мероприятия от проверяемого лица, выраженная в письменном виде.

Несмотря на имеющиеся проблемные вопросы, внедрение в оперативно-разыскную деятельность специальных технических средств продолжается постоянно. В современных условиях применяются специально разработанные технические средства, с соответствующей тактикой и методикой их использования, что предъявляет повышенные требования к оперативным сотрудникам по самосовершенствованию готовности к возникающим новым вызовам.

Список источников

1. В Москве состоялось расширенное заседание коллегии МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://мвд.рф/news/item/19641761> (дата обращения: 01.03.2020).
2. Владимир Колокольцев выступил на Международном полицейском саммите в Сеуле // Версия: [сайт]. URL: <https://versia.ru/vladimir-kolokolcev-vystupil-na-mezhdunarodnom-policejskom-sammite-v-seule> (дата обращения: 01.03.2020).
3. Иванов Р. С. Общая оценка пригодности исследуемого лица к применению полиграфа // Юрид. психология. 2011. № 2. С. 14–21.

УДК 34

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «НАВЕДЕНИЕ СПРАВОК»

Н. А. Карпенко, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Статья посвящена проблемным вопросам, возникающим в нормативно-правовом регулировании и правоприменительной деятельности органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, при проведении оперативно-разыскного мероприятия «Наведение справок». Проанализированы нормативные правовые акты, регламентирующие правовые вопросы получения необходимой информации, в частности связанной с банковской тайной. В статье сделан акцент на необходимости приведения в соответствие нормативных правовых актов в части наведения справок о банковской тайне в целях исключения различных толкований норм закона.

Ключевые слова: банковская тайна; орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность; оперативно-разыскное мероприятие; наведение справок; судебное решение; кредитная организация.

PROBLEMATIC ISSUES OF REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY "REFERRAL OF INQUIRIES"

N. A. Karpenko, associate professor of the Department of Crime Detection Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law

The article is devoted to problematic issues arising in the regulatory and legal regulation and law enforcement activities of agencies carrying out operational and search activities during the operational and search activity – asking. Regulatory and legal acts regulating legal issues of obtaining the necessary information, in particular related to bank secrecy,

have been analysed. The article emphasizes the need to bring regulations into line with banking secrecy inquiries in order to exclude different interpretations of the law.

Keywords: the bank secrecy; body which are carrying out operational search activity; investigation and search operation; targeting of references; the judgment; credit institution.

В ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), которая направлена на защиту жизни и здоровья человека и гражданина, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств, соответствующим оперативным подразделениям в целях получения оперативной информации необходимо обращаться к различным базам данных, в соответствующие учреждения, государственные органы, подразделения, организации, к юридическим и физическим лицам.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной¹ деятельности» [3] (далее – ФЗ об ОРД) проводится оперативно-разыскное¹ мероприятие (далее – ОРМ) – наведение справок. В самом ФЗ об ОРД определения такого ОРМ не дано, однако в теории существуют различные точки зрения на этот счет.

В. М. Аتماжитов утверждает: «Каждое оперативно-розыскное мероприятие, независимо от того, каким органом оно выполняется, обладает определенными свойствами, носящими общий характер. Их правовое регулирование – это дело законодательного уровня» [5].

Другие ученые определяют наведение справок как ОРМ, которое направлено на получение информации о физических лицах, фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения задач ОРД, с помощью непосредственного изучения документов, материалов, баз данных, направления запросов [6].

В учебной литературе под наведением справок понимается изучение оперативной информации, получаемой путем ознакомления с содержанием ее имеющих носителей, либо направления запросов о предоставлении оперативной информации юридическим и (или) физическим лицам, возможно ею располагающим, с последующим ознакомлением с ответами на запросы, либо введения поисковых запросов в электронных, информационных сетях в целях решения тактических задач ОРД [8, с. 6].

¹ Различия в написании одного и того же слова обусловлены тем, что слово «оперативно-разыскной» с безударным «а» в приставке в соответствии с правилами орфографии современного русского языка пишется через «а». Не соответствующее сегодняшним нормам написание через «о» сохранено в официальных названиях нормативных документов (законов, инструкций и др.) как традиционное на момент их принятия, в прямых цитатах из этих документов и из научных, учебных и других изданий, а также в их названиях в списке источников. – Прим. составителя.

Некоторые ученые считают, что необходимо законодательное закрепление содержания понятий ОРМ, перечисленных в ст. 6 ФЗ об ОРД [4, с. 122]. Они основываются на том, что отсутствие таких определений может привести к различиям в правоприменительной практике, что за собой повлечет нарушение принципа единства закона на территории нашего государства.

Есть и другая точка зрения по поводу целесообразности закрепления на законодательном уровне понятия ОРМ, так как это закрепление никаких существенных изменений не даст.

Полагаем, что закрепления в законе определений понятий ОРМ не требуется: они достаточно регламентированы в ведомственных правовых актах, так как регламентация единого определения оперативно-разыскного мероприятия может повлечь разную правоприменительную практику.

Важным моментом для проведения данного ОРМ является тот факт, что при его проведении необходимо учитывать действующий правовой режим, который ограничивает свободный доступ к получению информации. Если искомая информация будет содержать сведения, которые относятся к защищенным, то для ее получения требуется соблюдать определенный порядок, указанный в соответствующем нормативном правовом акте.

Однако при анализе различных нормативных правовых актов также встречаются противоречия в порядке проведения ОРМ. Рассмотрим их на примере наведения справок в банковские организации.

В ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее – ФЗ «О банках и банковской деятельности») говорится о банковской тайне и определяется круг субъектов, к которым относится Банк России, кредитная организация, иная организация, которая осуществляет функции по обязательному страхованию вкладов и их обязанности по сохранности тайны об операциях, о счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов, а также об иных сведениях, устанавливаемых кредитной организацией, если это не противоречит федеральному закону [2].

Как следует из положений ФЗ «О банках и банковской деятельности» (ч. 2, 4 ст. 26), сведения в виде справок по счетам и операциям по ним по юридическим лицам и физическим лицам без образования юридического лица выдаются как им самим, так и определенным субъектам, к которым относятся суды, в том числе арбитражные суды (судьи), Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Счетная палата РФ, органы принудительного исполнения судебных актов, также по запросам других органов и должностных лиц, когда основания указаны в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность указанных выше субъектов. Обязательным условием для предоставления сведений по вкладам, счетам, операциям по ним таким субъектам, как органам предварительного следствия, по делам, находящимся в их производстве, в отно-

шении юридических лиц, физических лиц без образования юридического лица, просто физических лиц является согласие руководителя следственного органа.

Анализ данной нормы определяет четкий перечень субъектов, выполняющих определенные функции и обладающих правом получать необходимую информацию в силу нормативного регулирования оснований предоставления сведений о банковских операциях в отношении физических и юридических лиц. Одними из перечисленных органов являются органы предварительного следствия.

Обратим внимание на то, что ч. 5 данной статьи отдельно регламентирует процесс получения информации органами, осуществляющими ОРД, которая предусматривает предоставление кредитной организацией справок по операциям и счетам на основе судебного решения при выполнении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений. По нашему мнению, органы, осуществляющие ОРД, также необходимо включить в перечень субъектов, указанных в ч. 4 рассматриваемой статьи. Если в ФЗ «О банках и банковской деятельности» называют одним из субъектов органы предварительного следствия, тогда почему забывают об оперативных подразделениях?

Согласно ФЗ об ОРД и УПК РФ деятельность оперативных и следственных подразделений направлена на достижение главной цели – это изобличение виновного в совершении преступления и привлечение его к ответственности. Возникает вопрос: почему следственные органы могут получить информацию по запросу, подписанному руководителем органа предварительного следствия, а органы, осуществляющие ОРД, – только по судебному решению?

Кроме того, при анализе ст. 8 ФЗ об ОРД предусмотрен порядок получения информации, составляющей банковскую тайну, в ходе осуществления ОРД уполномоченными на то органами с получением судебного решения. При анализе данной статьи выявлено, что судом осуществляется рассмотрение материалов только об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также на неприкосновенность жилища. При этом ограничения права гражданина на банковскую тайну ст. 8 ФЗ об ОРД не содержит.

Нет прямого указания о праве гражданина на банковскую тайну и в гл. 2 Конституции РФ [1]. Данное право можно отнести к личной тайне, которая гарантирована ст. 23 Конституции РФ, поэтому должен обеспечиваться государственный механизм ее защиты. В ходе анализа ФЗ об ОРД и ФЗ «О банках и банковской деятельности», регламентирующих получение сведений, которые составляют банковскую тайну, выявлено их несоответствие.

При этом, если изменить порядок проведения ОРМ «Наведение справок», бесконтрольной деятельностью сотрудников оперативных подразделений не останется, так как действующее законодательство содержит административную

и уголовную ответственность за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих банковскую тайну, что и будет гарантом конфиденциальности информации, ее составляющей.

Полагаем необходимым исключить ч. 5 ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности», которая обязывает сотрудников органов, осуществляющих ОРД, получить судебное решение для сбора информации, составляющей банковскую тайну, и предоставить одинаковые основания получения информации о банковской тайне как органам предварительного следствия, так и органам, осуществляющим ОРД, то есть включить в ч. 4 ст. 26 органы, осуществляющие ОРД, в качестве субъектов получения сведений о банковской тайне.

Как отмечает В. В. Гордиенко, «если государство наделяет правоохранительные органы полномочиями по раскрытию и расследованию преступлений, то оно должно предоставить им и необходимый правовой инструмент для эффективного выполнения данных функций» [7].

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 02.12.1990 № 395-1: ред. от 27.12.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ: ред. от 02.08.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Аграков А. В. Содержание оперативно-розыскного мероприятия «наведение правок» в современных условиях» // Вестн. Кузбас. ин-та 2018 № 2.
5. Аتماжитов В. М. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: науч. доклад. М., 2003.
6. Вагин О. А., Исиченко А. П., Шабанов Г. Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: моногр. М., 2006.
7. Гордиенко В. В. О проблемах применения УПК Российской Федерации в оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная работа. 2003. № 3.
8. Холопова Е. Н. Служебная тайна при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» // Оперативник (сыщик). 2018. № 3.

УДК 34.07

ПРЕДЕЛЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***М. О. Котельвин**, преподаватель кафедры специальных дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического инсти-
тута МВД России*

В статье проводится анализ законодательного и ведомственного регулирования вопроса осуществления прокурорского надзора за оперативно-разыскной деятельностью органов внутренних Российской Федерации.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность; прокуратура; надзор; оперативно-разыскное мероприятие; дело оперативного учета; права человека и гражданина.

LIMITS OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OF OPERATIVELY-SEARCH ACTIVITY OF INTERNAL AFFAIRS AUTHORITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

***M. O. Kotelvin**, lecturer of the Department of Special Disciplines of the
Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of In-
ternal Affairs of Russia*

The article analyzes the legislative and departmental regulation of the issue of Prosecutor's supervision of the operational-search activities of the internal affairs authority of the Russian Federation.

Keywords: operatively-search activity; prosecutor; supervision; operational search activity; case of operational accounting; human and civil rights.

Основное предназначение прокурорского надзора, в том числе и в сфере осуществления оперативно-разыскной деятельности, – обеспечение соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения законов, действующих на территории Российской Федерации, государственными органами.

Прокурорский надзор за оперативно-разыскной¹ деятельностью вполне логично регламентируется Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [2] и Федеральным законом «Об оперативно-разыскной¹ деятельности» [3] (далее – ФЗ об ОРД). В соответствии со ст. 29 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» относительно оперативно-разыскной деятельности предметом прокурорского надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнение оперативно-разыскных мероприятий, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Что касается полномочий прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, то вышеуказанный федеральный закон отсылает нас к ФЗ об ОРД, в ч. 2 ст. 21 которого сказано, что по требованию генерального прокурора Российской Федерации и уполномоченных им прокуроров руководители органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, представляют им оперативно-служебные документы, включающие в себя дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-разыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-разыскных мероприятий [3].

Из названных оперативно-служебных документов, представляемых прокурору, хотелось бы выделить дела оперативного учета (далее – ДОУ). Возникает вопрос о том, должны ли ДОУ представляться прокурору в полном объеме? В ч. 1 ст. 21 ФЗ об ОРД сказано, что прокурорский надзор осуществляется за исполнением данного федерального закона. Исходя из этого, можно сделать вывод, что для осуществления надзора за оперативно-разыскной деятельностью прокурору должны представляться следующие сведения:

- в соответствии со ст. 8 ФЗ об ОРД – сведения о соблюдении условий проведения оперативно-разыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации), ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища;

- в соответствии со ст. 8 ФЗ об ОРД – сведения о соблюдении условий проведения так называемых оперативно-разыскных мероприятий ведомствен-

¹ Различия в написании одного и того же слова обусловлены тем, что слово «оперативно-разыскной» с безударным «а» в приставке в соответствии с правилами орфографии современного русского языка пишется через «а». Не соответствующее сегодняшним нормам написание через «о» сохранено в официальных названиях нормативных документов (законов, инструкций и др.) как традиционное на момент их принятия, в прямых цитатах из этих документов и из научных, учебных и других изданий, а также в их названиях в списке источников. – Прим. составителя.

ного санкционирования: проверочной закупки, контролируемой поставки, оперативного эксперимента и оперативного внедрения;

- в соответствии со ст. 10 ФЗ об ОРД – сведения о наличии оснований для заведения ДОУ, предусмотренные п. 1–6 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД, а также сведения, в связи с которыми ДОУ было прекращено;

- в соответствии со ст. 11 ФЗ об ОРД – сведения об использовании результатов оперативно-разыскной деятельности;

- в соответствии со ст. 15 ФЗ об ОРД – сведения об изъятии документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий.

По нашему мнению, сложившаяся в настоящее время практика представления прокурору для осуществления надзора всех материалов ДОУ не совсем верна. Вполне целесообразным было бы разделение материалов ДОУ на две части, при этом в части, предназначенной для представления прокурору, находились бы следующие материалы:

- материалы о заведении и прекращении ДОУ (постановление о заведении ДОУ, первичные материалы, послужившие основанием для заведения ДОУ, постановление о прекращении ДОУ и материалы, на основании которых ДОУ было прекращено);

- постановления, на основании которых проводятся или уже были проведены оперативно-разыскные мероприятия судебного и ведомственного санкционирования (за исключением постановления о проведении оперативного внедрения, так как в соответствии со ст. 12 ФЗ об ОРД предание гласности сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, допускается лишь с их согласия в письменной форме);

- постановление руководителя органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, о представлении результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд;

- документы, отражающие проведение гласных оперативно-разыскных мероприятий, в ходе которых производилось изъятие документов, предметов, материалов.

Во второй части ДОУ (не предназначенной для представления прокурору) должны храниться все остальные оперативно-служебные документы, в том числе планы проведения проверок и разработок, оперативная информация, поступившая от конфиденциальных источников и результаты оперативно-разыскных мероприятий, в том числе судебного и ведомственного санкционирования (за исключением результатов гласных оперативно-разыскных мероприятий, в ходе которых производилось изъятие документов, предметов, материалов). Все вышеперечисленные оперативно-служебные документы, которые, по нашему мнению, должны содержаться во второй части ДОУ, не предназначенной для

представления прокурору, касаются вопросов организации, тактики, методов и средств осуществления оперативно-разыскной деятельности. В соответствии с совместным указанием Генпрокуратуры и МВД России указанные сведения в предмет прокурорского надзора не входят [4].

При этом стоит отметить, что в ходе надзора у прокурора фактически остается возможность ознакомиться с оперативно-служебными документами, включенными во вторую, «непредставляемую», часть ДОУ, но только не в ходе осуществления планового надзора, а в ходе проверки по конкретному обращению или жалобе гражданина на действия должностных лиц органов внутренних дел. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 5 ФЗ об ОРД лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность, прокурору или в суд.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-: ред. от 27.12.2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об оперативно-разыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ: ред. от 02.08.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»: указание Генпрокуратуры России № 215/69, МВД России № 1/7818 от 29.09.2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.3/7.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

***И. И. Крапива**, начальник кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук;*

***И. В. Прудникова**, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье рассматривается нормативная правовая составляющая киберпреступности. Авторы приходят к выводу, что правовая регламентация «киберпреступлений» в настоящее время отсутствует. Преступления в сфере компьютерной информации обеспечивают защиту «компьютерной тайны» как составляющей, с одной стороны, «информационной безопасности», с другой – конституционных прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну. Удельный вес преступлений в сфере компьютерной информации среди всех преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, составляет около 1 %. В основе большинства из них лежат корыстные мотивы.

Ключевые слова: преступление; компьютерная информация; тайна компьютерной информации; компьютерные и телекоммуникационные технологии; информационно-телекоммуникационная сеть.

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTIC CYBER CRIME

***I. I. Krapiva**, head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law;*

***I. V. Prudnikova**, senior lecturer of the Department of Crime Detection and Administrative Activities of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article discusses the regulatory legal component of cybercrime. The authors conclude that the legal regulation of «cybercrime» is cur-

rently absent. Crimes in the field of computer information ensure the protection of “computer secrets” as a component on the one hand of “information security”, on the other hand a component of the constitutional rights of a person and a citizen to privacy, to personal and family secrets. The proportion of crimes in the field of computer information among all crimes committed using computer and telecommunication technologies is about 1 %. Most crimes committed using computer and telecommunication technologies are based on selfish motives.

Keywords: crime; computer information, secret of computer information; computer and telecommunication technologies; information and telecommunication network.

Стремительное развитие компьютерных и телекоммуникационных технологий не могло не остаться неостребованным для совершения преступлений. В 2017 г. с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [3] и резким всплеском преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий в официальные данные статистической отчетности МВД России были введены сведения о 90587 таких преступлениях с их раскрываемостью 24,4 % [8]. В то же время в сфере компьютерной информации, согласно тем же отчетам, было совершено 1883 преступления, динамика составляла 7,7 % с раскрываемостью 38,6 % [8].

В настоящее время прослеживается стремительный рост преступлений данного вида. По официальным данным МВД России, в 2019 г. было зарегистрировано 294409 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, при этом раскрываемость составила 24 % [9]. В сфере компьютерной информации в 2019 г., согласно тем же отчетам, было совершено 2883 преступления, динамика составила 15,3 % с раскрываемостью 26,1 % [9].

Интенсивный рост преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, и складывающиеся трудности в их раскрытии и формировании доказательственной базы диктуют необходимость изменения методики и тактики раскрытия и расследования преступлений данного вида, определения их уголовно-правовой характеристики.

Следует признать, что в научной среде достаточно давно сложились понятия, которые определяют круг этих преступлений: «информационные преступления» [6], «киберпреступления» [11], «компьютерные преступления» [10], «сетевые компьютерные преступления» [7], «ИТ-преступления» [5]. Но в правоохранительной деятельности необходимы нормативные правовые акты, которые устанавливают четкие правовые границы. Каким образом за-

конодатель выделяет такого рода преступления? Надо признать, что правовое понятие «киберпреступление» в нормативных правовых актах не закреплено.

В Уголовном кодексе преступления, посягающие на безопасность производства, хранения, использования либо распространения компьютерной информации регламентированы в гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Законодатель тем самым обеспечивает защиту «компьютерной тайны» как составляющей, с одной стороны, «информационной безопасности» [3], с другой – конституционных прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну [1].

К преступлениям в сфере компьютерной информации законодатель относит четыре состава (ст. 272–274.1 УК РФ).

Примечание к ст. 272 УК РФ раскрывает понятие компьютерной информации: «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи».

Но необходимо отметить, что в УК РФ можно выделить 7 составов преступлений, где совершение преступления с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий выступает факультативным признаком объективной стороны преступления: ст. 138.1, ст. 159.3, ст. 159.6, ст. 171.2, ст. 185.3, ст. 187, ст. 282 УК РФ.

И в то же время в УК РФ можно выделить еще 15 составов преступлений, где установлен квалифицирующий признак совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: ч. 2 п. «д» ст. 110 «Доведение до самоубийства», ч. 3 п. «д» ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ч. 2 ст. 110.2. «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» и др.

Но совершенно очевидно, что данные составы преступлений не в состоянии охватить все многообразие преступных деяний, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий. Повышенная общественная опасность использования современных информационно-телекоммуникационных систем при совершении указанных выше составов преступлений привела к необходимости их отдельного регламентирования в УК РФ.

В связи с этим для определения круга киберпреступлений следует обратиться к приказу «О едином учете преступлений» [4].

Согласно данному приказу преступления, совершенные с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, определяются в соответствии с реквизитами учетных документов, основанных на материалах уголовного дела.

В частности, приказом регламентируется порядок заполнения и представления статистической карточки на выявленное преступление, где в реквизите 28

«Преступление совершено с использованием» «указываются предметы, устройства и другие средства, которые умышленно использовались для совершения преступления» [4]. Если преступление совершено с применением поддельных кредитных карт; поддельных расчетных (пластиковых) карт, компьютерной техники, программных средств, машинных носителей, фиктивных электронных платежей, сети Интернет, то мы можем обоснованно говорить о нормативном правовом выделении киберпреступлений.

Исходя из официальных данных, в 2019 г. было совершено:

- с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет – 157036 преступлений, динамика составила 53,3 %;
- с использованием средств мобильной связи – 116154 преступления, динамика составила 39,4 %;
- с использованием расчетных (пластиковых) карт – 34383 преступлений, динамика составила 11,7 %;
- с использованием компьютерной техники – 18261 преступление, динамика составила 6,2 % [5].

Надо признать, что список перечисленных способов совершения преступлений несколько «отстает» от преступного опыта использования современных компьютерных и телекоммуникационных технологий. Но до настоящего времени других правовых критериев выделения киберпреступлений законодатель пока не предоставил, что, конечно, не способствует их предотвращению.

О состоянии преступности в данной сфере свидетельствуют следующие статистические данные. Наибольший удельный вес среди киберпреступлений занимает мошенничество (ст. 159 УК РФ): всего в 2019 г. было зафиксировано 119903 фактов, прирост составил 32,2 %. Далее по нисходящей идут:

- кражи (ст. 158 УК РФ): всего в 2019 г. было зафиксировано 98798 фактов, прирост составил 202,4 %;
- незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств... (ст. 228.1 УК РФ): всего в 2019 г. было зафиксировано 24677 фактов, прирост составил 31,2 %;
- мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ): всего в 2019 г. было зафиксировано 16119 фактов, прирост составил 280 %;
- неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ): всего в 2019 г. было зафиксировано 2420 фактов, прирост составил 37,4 %;
- вымогательство (ст. 163 УК РФ): всего в 2019 г. было зафиксировано 2090 фактов, прирост составил 28,9 %;
- незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ), всего в 2019 г. было зафиксировано 972 факта, прирост составил 34,1 %;

– незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ): всего в 2019 г. было зафиксировано 842 факта, снижение составило 3,8 %;

– изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ): всего в 2019 г. было зафиксировано 704 факта, прирост составил 28,5 % и т. д. [5].

Но необходимо отметить:

– использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ): в 2019 г. было зарегистрировано 455 факта, снижение составило 37,9 %;

– нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ): в 2019 г. было зарегистрировано 4 факта, снижение составило 20 %;

– неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ): в 2019 г. было зафиксировано 4 факта, прирост составил 300 % [5].

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод, что удельный вес преступлений в сфере компьютерной информации среди всех преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, составляет около 1 %.

В основе большинства преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, лежат корыстные мотивы. Современные компьютерные и телекоммуникационные технологии обеспечивают высокую латентность и анонимность, а последние преступные разработки позволяют совершать преступления не выходя из дома лицам, не обладающим никакими технологическими познаниями или преступным опытом, когда преступные действия воспринимаются как способ времяпрепровождения и легкого заработка. А стремление самоутвердиться в глазах сверстников как «продвинутого пользователя» в мире компьютерных технологий используется как яркая приманка криминальных структур или враждебных спецслужб.

К сожалению, надо признать тот факт, что говорить о совершении преступлений с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий правоохранные органы могут только при установлении механизма преступления, что не всегда возможно на первоначальном этапе и требует проведения как оперативно-разыскных мероприятий, так и следственных действий.

Учитывая неизбежность в дальнейшем роста преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, было бы обоснованно законодательно регламентировать правовые критерии выделения киберпреступлений.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 18.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О едином учете преступлений: приказ от 29.12.2005 Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399: ред. от 15.10.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития: аналит. обзор / Науч.-исслед. центр № 1 ФГКУ ВНИИ МВД России, 2020.
6. Гребеньков А. А. Понятие информационных преступлений, место в уголовном законодательстве России и место признаков информации в структуре их состава // Lex russica. 2018. № 4. С. 108–120.
7. Осипенко А. А. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: моногр. Омск: Омская акад. МВД России, 2009.
8. Основные показатели деятельности МВД России // Сайт МВД России ... Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/> (дата обращения: 02.03.2020).
9. Основные показатели деятельности МВД России // Сайт МВД России ... Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 02.03.2020).
10. Турышев А. А. Уголовно-правовые инструменты защиты информационного общества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 19–23.
11. Халиуллин А. И. Подходы к определению киберпреступления // Рос. следователь. 2015. № 1. С. 34–39.

УДК 349

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКОГО ХАРАКТЕРА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДИСТАНЦИОННЫМ МОШЕННИЧЕСТВАМ

***Е. О. Наливайко**, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье анализируются вопросы противодействия дистанционным мошенничествам, совершенствования мер оперативно-разыскного характера, реализуемых при организации деятельности оперативных подразделений по противодействию мошенничествам, совершаемым с использованием мобильных средств связи и возможностей сети Интернет.

Ключевые слова: дистанционное мошенничество; средство сотовой связи; оперативно-разыскная мера.

IMPROVEMENT OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE MEASURES AS ONE OF THE MAIN DIRECTIONS OF COUNTERING REMOTE FRAUD

***E. O. Nalivaiko**, lecturer of the Department of Crime Detection Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article analyzes the issues of countering remote fraud, improving the measures of operational investigative nature implemented in the organization of the activities of operational units to counter fraud committed using mobile communications and the capabilities of the Internet.

Keywords: remote fraud; mobile communication; operational search measure.

На проходившем в феврале 2020 г. расширенном заседании МВД России министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Александрович Колокольников в своем докладе сообщил, что с внедрением в деятельность право-

охранительных органов современных технологий и средств видеонаблюдения, обладающих широким перечнем функций, в том числе с распознаванием лиц в потоке, возможности разыскной работы становятся шире. Особо было отмечено, что в настоящее время растет количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в связи с чем их выявлению, раскрытию и расследованию уделяется повышенное внимание. К таким преступлениям относятся среди прочих дистанционные мошенничества. Под ними понимаются противоправные деяния, совершаемые путем обмана и злоупотреблением доверием, при которых преступники активно используют средства сотовой связи и возможности сети Интернет. Рассматриваемая проблема актуальна для большинства развитых стран мира в связи с простотой реализации преступного умысла, обусловленной отсутствием необходимости непосредственного личного контакта преступника и потерпевшего. Также, по данным ООН, в последние годы она приобрела глобальный характер в связи с цифровизацией всех сфер жизнедеятельности человека [2].

Активное развитие и совершенствование преступных схем реализации дистанционных мошенничеств, динамика роста криминальных деяний данного вида оказала значительное влияние на структуру преступности в целом. В настоящее время, согласно представленным на официальном сайте Генпрокуратуры РФ статистическим данным, удельный вес преступлений рассматриваемой категории (мошенничеств) составляет 12,7 % от общего числа зарегистрированных в 2019 г. в России преступлений [5].

Тенденция увеличения количества дистанционных мошенничеств прослеживается с 2015 г., когда данный вид противоправных деяний был выделен в отдельную учетную категорию. Это способствовало принятию ряда мер реагирования со стороны правоохранительных органов.

В частности, были инициированы изменения в законодательство, в соответствии с которыми мошенничества с использованием ИТ-технологий были переведены в категорию тяжких составов, что позволило существенно расширить используемый арсенал правовых и оперативно-разыскных инструментов, активно прорабатывались меры своевременного реагирования на киберпреступления, включающие в себя различные направления и тактические формы. Положительно отразились на состоянии борьбы с дистанционными мошенничествами меры по развитию взаимодействия с кредитными организациями, провайдерами, операторами связи и владельцами интернет-сервисов, без сведений и ресурсов, имеющихся в распоряжении которых, невозможно оперативное реагирование на факты противоправной деятельности.

При этом было отмечено, что, «учитывая масштабы распространения киберпреступлений, разнообразие схем и методов их совершения, отсутствие единых алгоритмов выявления и раскрытия, мерами исключительно организаци-

онного и оперативно-розыскного характера добиться кардинального улучшения ситуации невозможно» [2].

Важное значение для обеспечения эффективного противодействия рассматриваемому виду преступности имеет формирование специализированных подразделений, которые должны быть не только укомплектованы профессионально подготовленными кадрами, но и оснащены современным высокотехнологичным оборудованием.

Важно отметить, что меры противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием мобильных средств связи, необходимо рассматривать исключительно как целостный процесс, осуществляемый с учетом оперативно-розыскных сил, средств и методов органов внутренних дел.

С оперативно-розыскной точки зрения считаем целесообразным выделить такие меры противодействия, как организация взаимодействия с иными субъектами, в частности привлечение специалистов для осуществления оперативно-розыскных мероприятий. Необходимо использовать возможности различных компаний, так как ими задействовано значительное количество квалифицированных специалистов, имеющих серьезную подготовку в области применения информационно-телекоммуникационных технологий [3]. Таким образом, с их помощью возможна реализация предусмотренного Федеральным законом «Об оперативно-розыскной¹ деятельности» [1] права на участие специалиста в осуществлении оперативно-розыскных¹ мероприятий, что позволяет обнаруживать важные источники оперативно значимой информации. Процессуальную форму полученные сведения могут приобрести в виде показаний специалиста, оформленных надлежащим образом.

Безусловно, очевидным является положение о том, что одной из основных мер противодействия дистанционным мошенничествам, как и иным преступлениям, совершаемым с использованием ИТ-технологий, является взаимодействие оперативных подразделений с ИТ-предприятиями. Специфика профессиональной деятельности предопределяет наличие в их распоряжении технических возможностей, которые отсутствуют у правоохранительных органов, что, в свою очередь, оказывает определяющее значение в процессе сбора цифровых доказательств и следов преступлений, образующихся в Интернете при реализации преступного умысла.

Еще одной из мер оперативно-розыскного характера, на наш взгляд, является мониторинг киберпространства. Данное мнение разделяют многие авторы.

¹ Различия в написании одного и того же слова обусловлены тем, что слово «оперативно-розыскной» с безударным «а» в приставке в соответствии с правилами орфографии современного русского языка пишется через «а». Не соответствующее сегодняшним нормам написание через «о» сохранено в официальных названиях нормативных документов (законов, инструкций и др.) как традиционное на момент их принятия, в прямых цитатах из этих документов и из научных, учебных и других изданий, а также в их названиях в списке источников. – Прим. составителя.

В частности, А. Л. Осипенко в своих работах говорит о том, что «особое место в формировании системы выявления в киберпространстве оперативно значимой информации занимает организация комплекса мероприятий, объединяемых понятием “мониторинг сетевых информационных ресурсов”» [3]. При этом постоянный мониторинг обеспечивает, помимо прочего, сбор максимально полной информации об объектах оперативного интереса с формированием «электронного досье» на потенциальных преступников, выявление новых способов и инструментов совершения [4].

Таким образом, при раскрытии высокотехнологичных видов преступлений, организации противодействия дистанционным мошенничествам важным направлением является совершенствование мер оперативно-розыскного характера, включающих в себя широкий спектр организационно-тактических форм и методов. Мониторинг сетевых ресурсов, привлечение к процессу сбора оперативно значимой информации специалистов предприятий, организаций, учреждений, осуществляющих профессиональную деятельность в высокотехнологичных сферах, способно существенно повысить качество и эффективность принимаемых мер.

Список источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ: ред. от 02.08.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Выступление министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://мвд.рф/news/item/19639138/?year=2020&month=2&day=2> (дата обращения: 09.03.2020).
3. Осипенко А. Л. Государственно-частное партнерство в сфере противодействия киберпреступности // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2016. № 4.
4. Осипенко А. Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2016. № 3.
5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 03.03.2020).

УДК 342.9

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: БАЛАНС УБЕЖДЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛИ

В. Е. Полушин, заместитель председателя совета Приморского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», председатель комитета Союза «Приморская торгово-промышленная палата» по безопасности предпринимательской деятельности и противодействию коррупции

Статья посвящена анализу применения в сфере законодательства об административных правонарушениях методов убеждения и принуждения. Автор приходит к выводу о необоснованном преобладании принуждения (излишнего насилия) и недооценке способов, средств, методов убеждения (воспитания, социально-позитивной мотивации), предлагает восстановить заложенный в Конституции РФ баланс мер убеждения и принуждения в сфере административного законотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: административное правонарушение; задачи законодательства об административных правонарушениях; соотношение (баланс) мер убеждения и принуждения.

LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENCES: THE BALANCE OF PERSUASION AND COERCION IN ACHIEVING THE GOAL.

V. E. Polushin, deputy chairman of the council of the Primorsky regional branch of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia», chairman of the Committee of the Union «Primorsky Chamber of Commerce and Industry» on business security and anti-corruption

The article analyzes the application of methods of persuasion and coercion in the sphere of legislation on administrative offenses. The author concludes that there is an unjustified prevalence of coercion (excessive violence) and underestimation of ways, means, and methods of persuasion (education, social-positive motivation), and suggests restoring

the balance of measures of persuasion and coercion laid down in the Constitution of the Russian Federation in the sphere of administrative lawmaking and law enforcement.

Keywords: administrative offense; tasks of legislation on administrative offenses; the ratio (balance) of measures of persuasion and coercion.

В соответствии с основополагающими положениями КоАП РФ важнейшими задачами законодательства об административных правонарушениях являются:

- защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина,
- предупреждение административных правонарушений.

Административное законодательство в достижении своей цели – установление режима законности и обеспечение состояния правопорядка в стране – предусматривает определенный баланс использования мер убеждения и принуждения, то есть предоставляет право выбора мер воздействия к правонарушителю. Правоприменитель не обязан применять репрессии, административное наказание, если есть хоть малейшая возможность ограничиться мерами убеждения.

Это вполне корреспондирует с положениями Конституция Российской Федерации, которая установила, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1].

КоАП РФ в развитие этих положений предусматривает конкретные нормы, подлежащие применению (ст. 2.9, 3.4, 4.1, 4.1.1, 4.2) [2]. В то же время кодекс, по нашему мнению, упускает большой пласт общественных отношений, связанных с необходимостью профилактики с целью исключения совершения административных правонарушений в будущем. Урегулирование такого комплекса мер усилило бы позитивную составляющую административного законодательства. Например, при установлении массового типового административного нарушения в определенной области (на определенном участке) правоприменитель должен выявить причину и принять системные меры к ее устранению, вплоть до вынесения правовых актов об изменении регулирования по конкретному случаю.

В этой части, по нашему мнению, нужна большая корреспонденция с нормами Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – закона № 182-ФЗ) [3]. Целесообразна широкая реализация и развитие указанных норм. Например, пора на основании ст. 7 закона № 182-ФЗ рассмотреть вопрос о разработке и принятии государственных программ Российской Федерации и Приморского края в сфере профилактики правонарушений в сферах отношений, вызывающих наибольшую тревогу (благополучие и здоровье граждан, экология и природоохрана, безопасность людей).

Сейчас же правоприменитель больше мотивирован не на устранение причин правонарушений, а на применение мер наказания, на насилие. Следует отметить,

что даже при наличии в КоАП РФ указанного выше баланса мер убеждения и принуждения в сфере правоприменения сформировался и развивается обвинительный уклон, нивелирующий возможности предупреждения нарушений, воспитания граждан, развития правовой культуры и позитивного правосознания. Массовое безальтернативное привлечение граждан к административной ответственности в повседневной жизни вызывает негативные последствия. Известно, что из любого гражданина можно сделать злостного правонарушителя, если при наличии административного запрета сделать невозможными (или затруднительными) условия его соблюдение. В итоге снижается порог чувствительности к соблюдению требований закона и прав граждан у правоприменителя, наступает правовая апатия у широкого круга граждан, развивается правовой нигилизм, а ещё хуже – у граждан возникает желание не соблюдать закон, а обходить его, придумывать технологии видимости соблюдения норм права с целью в действительности их не соблюдать.

Самый доступный и простой пример – административная практика в сфере соблюдения Правил дорожного движения (далее – ПДД). В городе Владивостоке единственная мера, применяемая со стороны органов ГИБДД, муниципального образования города Владивостока для регулирования дорожного движения на фоне стагнации дорожной сети, уменьшение парковок. В результате значительная часть автовладельцев превратилась в злостных правонарушителей, не соблюдающих правила стоянки/остановки автомашин, поворотов/разворотов, перемещения по полосам движения. Никакого риск-ориентированного подхода патрули ДПС ГИБДД не применяют (в городе общеизвестны места, где в часы пик происходят массовые нарушения ПДД, но сотрудников ГИБДД там нет).

Субъекты правонарушения все шире применяют незаконные приемы ухода от ответственности: делают государственные номера нечитаемыми, неразличимыми для видеокамер и фотоаппаратуры (прикрывают их различными предметами), имитируют поломку машины, включая безосновательно знаки аварийной остановки и т. п.

В данном случае сотрудники ГИБДД также начинают игнорировать требования административного законодательства. Например, при эвакуации автомобилей не выполняются требования ч. 8 ст. 27.13 КоАП РФ о составлении в отсутствие водителя протокола о задержании транспортного средства. Протоколы об административном правонарушении составляются и даже изменяются в отсутствии лиц, привлекаемых к ответственности. В лучшем случае уже составленные протоколы предъявляются гражданам с целью получения их подписи. К сожалению, подобные нарушения адекватно оцениваются в основном высшими судами [4].

Атмосфера всеобщего запрета, который, в свою очередь, не обеспечивается органами власти, и роботизации отношений создают коррупциогенный фактор – выборочность правоприменения, когда правоприменитель по своему

усмотрению может выбрать жертву, сознавая, что в целом правило поведения не исполняется. Ситуация развивается в сторону усиливающегося антагонизма и это прямо влияет на степень доверия населения к органам власти.

Действующий КоАП РФ содержит и иные принципиальные позиции, отрицающие гуманизацию административного производства.

Например, это нормы о сроках давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП РФ), об административной ответственности юридических лиц (ст. 2.10 КоАП РФ).

Действующие нормы предусматривают за различные виды правонарушений сроки давности привлечения к административной ответственности в 1 месяц, 3 месяца, 1 год, 3 года и совсем уж несоразмерные 6 лет со дня совершения административного правонарушения. При этом сроки давности, исчисляемые годами, вряд ли можно обосновать фактическими уважительными обстоятельствами. Скорее такие сроки выполняют роль «дамклова меча».

Можно ли найти административные производства, длящиеся годами, в ходе которых регулярно (ежедневно, еженедельно, ежемесячно) проводились бы процессуальные действия, сбор информации, доказательств, проводились исследования и экспертизы? Подобный анализ мы не видели.

Много критики было высказано и в отношении возможности привлекать к административной ответственности за одно правонарушение одновременно юридическое лицо и его должностное лицо (как правило, его руководителя). К сожалению, эта возможность широко используется правоприменителем, однако известно, что юридическое лицо само по себе является юридической фикцией, это лишь формальная неодушевленная структура, способ для реализации конкретными гражданами их права осуществлять экономическую (предпринимательскую) деятельность, общественную, политическую деятельность и т. п. Юридическое лицо не обладает собственным сознанием, все его действия совершаются посредством действий его учредителей, руководителей, представителей. По сути, в итоге наказанию подвергается одно и то же лицо – руководитель юридического лица. Налицо признаки объективного вменения. Поэтому в широком конституционном понимании привлечение к административной ответственности за одно и то же правонарушение одновременно юридического лица и его должностного лица является нарушением нормы ст. 50 Конституции Российской Федерации.

Вдобавок, как правило, наказаниям в виде штрафов сопутствует выдача предписания об устранении нарушения, что не совсем логично. По логике процесса надо давать возможность исправить ситуацию до момента наказания. Логичнее и принципиально правильнее выдавать предписание об устранении нарушения (его причин и условий) вместе с замечанием (или предупреждением), чтобы привлекаемое лицо не чувствовало себя сразу по другую сторону баррикад

с государственным аппаратом (правоприменителем). Иначе административная юрисдикция перерастает в кару, возмездие.

В рамках совершенствования административной практики пора задуматься и о восстановлении баланса мер принуждения и убеждения (предупреждения) в сфере административного правоприменения.

Интересный подход предложен известными правоведами В. А. Номоконовым и Т. М. Судаковой, согласно которому правовая сфера не должна удаляться от воспитательных задач, от решения социальных проблем. Авторы полагают, что назрела необходимость поиска и обоснования принципиально новых подходов как к объяснению закономерностей современной преступности (правонарушений), так и предложений по оптимизации антикриминальной политики [10, с. 30].

В числе таких подходов можно назвать личностный подход, в отличие от преобладающего упрощенного взгляда на личность преступника (правонарушителя). Начинает преобладать мнение о том, в самой природе человека заложена склонность к преступлениям, и совершит или не совершит преступление конкретный человек, зависит прежде всего от случайного стечения обстоятельств, поэтому разницы между теми, кто совершает преступления, и законопослушными гражданами не существует.

Нельзя не согласиться с мнением вышеуказанных авторов о возможности применения государством и обществом мер, альтернативных принудительным; о необходимости создания нового концепта, с теми базовыми тактическими и стратегическими принципами, которые были бы стройно вплетены в контекст будущего общества [10, с. 29].

С учетом высказанного социально-позитивного подхода неоднозначными представляются проекты кодифицированных законов в области административных правонарушений, призванные заменить действующий КоАП РФ: новый Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [5] и Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [6].

Одним из оснований для разработки новых законов послужило неудобство действующего КоАП РФ: внутренняя противоречивость, бессистемность, перегруженность составами и процедурами, сложность восприятия.

Но представленные проекты не преодолели этих недостатков. В частности, после оценки адвокатского сообщества вице-президент Федеральной палаты адвокатов Геннадий Шаров отметил, что «проекты нового КоАП и Процессуального кодекса чрезвычайно большие по объему, что усложнит работу юристов, сделает их (законы) практически недоступными для граждан и вряд ли приведет к кардинальному улучшению борьбы с административными правонарушениями» [9].

По мнению председателя комитета Государственной думы по государственному строительству и законодательству Павла Крашенинникова, представленный

Минюстом «проект КоАП противоречит экономической политике России, он предполагает усиление репрессивных мер, что “вызывает недоумение”» [8].

Интересна в этой части работа Института государственного и муниципального управления Высшей школы экономики по оценке сложности формулировки российских законов в динамике.

Согласно выводам Института, российские законы становятся все сложнее для понимания. В целом интегральный индекс сложности текста российских законов неуклонно растет, отметили исследователи. В 1991 г. он составлял 30,8, а сейчас уже – 40 [7]. К сожалению, КоАП РФ не лишен этого недостатка.

Действительно, законодательство об административных правонарушениях всегда страдало сложностью изложения своих правовых конструкций, излишней «зарегулированностью». В итоге сложность правовых конструкций становится самостоятельным фактором «принуждения» в отношении граждан, которые удаляются от реального участия в административном производстве.

К сожалению, преодолеть барьер презумпции принуждения, репрессий при конструировании нового законодательства об административных правонарушениях, добиться переоценки концепции не удастся.

Отдельным и важнейшим остается вопрос, насколько идеи законодателя будут соответствовать практика правоприменителей, в частности судов и полиции.

В любом случае, при обсуждении и разрешении всех указанных вопросов главной задачей остается – развернуть законодателя и правоприменителя лицом к гражданам, к человеку.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 18.03.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23.06.2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Верхов. суда Рос. Федерации от 08.11.2019 № 18-АД19-64. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: проект федерального закона № 957581-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: проект федерального закона № 957620-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Винокуров Андрей. Слишком нормативный русский // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4291932> (дата обращения: 19.03.2020).
8. Крашенинников назвал проект КоАП слишком репрессивным // Правову: [сайт]. URL: <https://pravo.ru/news/218106/> (дата обращения: 19.03.2020).
9. Нагорная Марина «Адвокаты проанализировали проект нового Процессуального КоАП // Адвокатская газета: [сайт]. URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/advokaty-proanalizirovali-proekt-novogo-protsessualnogo-koap/> (дата обращения: 19.03.2020).
10. Номоконов В. А., Судакова Т. М. Криминология будущего – позитивная криминология? // Lex Russica. 2018. № 9. С. 29–38.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

М. Н. Ситкина, начальник кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье последовательно обосновывается позиция автора по криминализации действий водителя, связанных с совершением административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, если он подвергнут административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Предлагается авторская редакция ч. 2 ст. 264.1 УК РФ.

Ключевые слова: административная преюдиция; криминализация; водитель; уголовная ответственность; состояние опьянения; дорожно-транспортное происшествие.

ADMINISTRATIVE PREDUCTION AS A MEASURE OF PREVENTION OF CRIMES IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC

M. N. Sitkina, head of the Department of Crime Detection and Administrative Activities of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

The article consistently substantiates the author's position on the criminalization of an act related to the commission of administrative offenses under Part 3 of Art. 12.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, if the driver is subjected to administrative punishment for driving while intoxicated or for failure to comply with the legal requirement to undergo a medical examination for the state of intoxica-

tion. The author's edition of part 2 of article is proposed. 264.1 of the Criminal Code.

Keywords: administrative prejudice; criminalization; driver; criminal liability; state of intoxication; traffic accident.

Дорожно-транспортный травматизм является одной из острых социально-экономических и демографических проблем, которые представляют угрозу национальной безопасности и требуют активизации усилий государства в воздействии на основные факторы аварийности, оказывающие влияние на гибель людей в дорожно-транспортных происшествиях.

Статистика свидетельствует, что в 2019 г. было зарегистрировано 164358 дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), в результате которых погибло 16981 человек, было ранено 210877 человек. Число ДТП, совершенных из-за неправомерных действий водителей легковых автомобилей, составило 119026. Причиной 12040 ДТП стало состояние опьянения водителя транспортного средства [1]. И, несмотря на снижение данных показателей по сравнению с показателями за аналогичный период прошлого года, цифры остаются значительными.

В последние годы нашим государством принимаются законодательные акты, направленные на противодействие управлению транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения. Среди них значимым, на наш взгляд, является Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ [2], которым в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 264.1, установившая ответственность за нарушение правил дорожного движения водителем, подвергнутым административному наказанию.

Несмотря на то, что прошло уже несколько лет с момента вступления в силу федерального закона, в научной литературе до сих пор нет единой точки зрения относительно необходимости и своевременности установления уголовной ответственности за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 КоАП РФ. Некоторые авторы полагают, что криминализация деяния произошла без учета его общественной опасности, малозначительность правонарушения не требовала вести борьбу с ним уголовно-правовыми средствами [6, с. 129].

Вместе с тем нет сомнений в том, что водитель, который уже лишен права управления транспортным средством по ст. 12.8 КоАП РФ и вновь совершает аналогичное правонарушение, более социально опасен. Поэтому главная цель криминализации управления транспортным средством в состоянии опьянения – сократить число лиц, позволяющих себе сесть за руль автомобиля в нетрезвом виде. Как отмечают отдельные авторы, пусть и незначительно, но количество преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, ежегодно снижается

[5, с. 171], что говорит об актуальности и целесообразности принятой нормы права.

Однако профилактический эффект ст. 264.1 УК РФ достигается не в полной мере в силу некоторых недостатков действующей редакции статьи. Законодатель при определении уголовно-правового запрета с использованием административной преюдиции опирается прежде всего на КоАП РФ. Часть 3 ст. 12.27 КоАП РФ устанавливает ответственность водителя за употребление алкогольных напитков, наркотических средств и психотропных веществ после ДТП, в случае его причастности к этому, а также после остановки транспортного средства до проведения освидетельствования.

Таким образом, если водитель автомобиля в момент остановки транспортного средства употребил алкоголь или сообщил сотруднику полиции, что выпил после ДТП, то доказать факт того, что лицо в момент управления транспортным средством находилось в состоянии опьянения, практически невозможно. В настоящее время это лазейка, чтобы избежать уголовной ответственности, для тех правонарушителей, которые были подвергнуты административному наказанию по ст. 12.8 или 12.26 КоАП РФ.

Если изучить судебную практику по данному вопросу, наше суждение подтверждается принятыми решениями по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ.

В качестве примера следует привести постановление судебного участка № 1 Багаевского судебного района Ростовской области от 13 июля 2017 г. о привлечении гр. Б. к ответственности по ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ. Так, Б. 30 мая 2017 г., управляя автомобилем, стал участником ДТП, после чего употребил алкогольный напиток. В процессе производства по делу об административном правонарушении было установлено, что Б. 26 января 2017 г. привлекался к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ [3].

Для иллюстрации высказанной точки зрения уместно привести еще одно решение судебного органа. Мировой судья судебного участка Ребрихинского района Алтайского края определил Ш. виновным в совершении административного правонарушения по ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, признав в качестве доказательства протокол об административном правонарушении, в котором Ш. собственноручно написал, что употребил алкогольный напиток после ДТП. Отягчающим административную ответственность обстоятельством в данном деле было признано повторное совершение однородного правонарушения (ранее привлекался по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ) [4].

Анализируя правоприменительную практику сотрудников Госавтоинспекции, можно сделать вывод, что в большинстве случаев, когда затруднительно доказать управление транспортным средством водителем, находившимся в состоянии алкогольного опьянения и совершившим ДТП, его действия квалифи-

цируются по ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ. Возможно, поэтому законодатель в равной мере признает общественную опасность административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, и правонарушений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 12.8, ч. 1 12.26 КоАП РФ. Санкции данных норм идентичны и включают административный штраф размере 30 тыс. рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет.

Водитель, который употребляет алкогольные напитки, наркотические средства, психотропные вещества после остановки транспортного средства или после ДТП, должно осознавать, к чему могут привести его действия. Учитывая, что такое противоправное деяние является общественно опасным, российскому законодателю следует предусмотреть уголовную ответственность в отношении водителя, употребившего алкогольные напитки, наркотические или психотропные вещества после ДТП, к которому он причастен, либо после того, как транспортное средство было остановлено, при наличии у него так называемой административной судимости за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

С учетом предложенных изменений полагаем целесообразным дополнить ст. 264.1 УК РФ соответствующей частью:

«Употребление водителем, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, алкогольных напитков, наркотических или психотропных веществ после дорожно-транспортного происшествия, к которому он причастен, либо после того, как транспортное средство было остановлено по требованию сотрудника полиции, до проведения освидетельствования».

Список источников

1. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения // Госавтоинспекция: [сайт]. URL: <http://www.gibdd.ru/stat> (дата обращения: 03.03.2020).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения: федер. закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ст. 81.
3. Постановление мирового судьи Багаевского района Ростовской области от 13.07.2017 по делу № 5–306/2017 // URL: <http://www.sudakt.ru> (дата обращения: 12.03.2020).
4. Постановление мирового судьи Ребрихинского района Алтайского края по делу № 5-366/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <http://www.sudakt.ru> (дата обращения: 12.03.2020).
5. Демина М. С. Об отдельных проблемах правового регулирования уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения

- // Проблемы реформирования российской государственности: сб. материалов XIII всерос. конф. Екатеринбург, 2018. С. 170–173.
6. Кострова М. Б. Парадоксы российской уголовной политики усиления ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения // Lex Russia. 2017. № 7. С. 127–129.

УДК 343.1

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

И. А. Филимонов, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

Статья посвящена функционированию института государственной защиты в рамках взаимосвязи уголовно-процессуальных и оперативно-разыскных мер.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная мера пресечения; государственная защита; оперативно-разыскное мероприятие; запрет определенных действий; мера безопасности.

OPERATIVE-SEARCH SUPPORT OF PREVENTIVE MEASURES PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS

I. A. Filimonov, senior lecturer of the Department of Crime Detection and Administrative Activities of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the functioning of the institution of state protection in the framework of the relationship of criminal procedure and operational-search measures.

Keywords: preventive measure; state defense; operational-search measure; prohibition of certain actions; security measure.

Одна из фундаментальных основ существования правового государства – права и свободы человека, соблюдение и защита которых является прямой обязанностью государства. Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации являются высшей ценностью в любой сфере государственной деятельности, в частности в правоохранительной.

Анализ развития криминогенной ситуации в нашем государстве показал, что в процессе уголовного судопроизводства одним из негативных проявлений криминальной среды является оказание давления на участников уголовного судопроизводства, выражающееся в запугивании, причинении вреда здоровью,

имуществу и физическом устранении неудобных. Данный факт необходимо выявлять и пресекать, а также необходимо заранее принимать превентивные меры.

В данной ситуации важная роль отводится деятельности следователя, так как именно в его арсенале имеется совокупность уголовно-процессуальных мер, необходимых для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Достижение целей по обеспечению безопасности лиц является одной из первоочередных задач в области противодействия криминальному миру не только в Российской Федерации, но и остальных странах мирового сообщества.

Эффективное производство по уголовным делам во многом зависит от исполнения гражданами обязанностей, регламентированных уголовно-процессуальным законом. Часто отсутствие показаний о совершенных в отношении них преступлений ведет к тому, что преступления остаются нераскрытыми и лица, виновные в их совершении, избегают наказания и продолжают преступную деятельность [1, с. 110].

Наиболее характерным периодом насильственной активности в отношении участников уголовного судопроизводства являются 90-е гг. XX в. В современном обществе усилению страха перед преступностью способствуют часто транслируемые в средствах массовой информации свидетельства насилия в адрес потерпевших, свидетелей и соучастников преступлений [3, с. 38].

Проблема личной безопасности граждан, содействующих осуществлению правосудия, прежде всего зависит от законодательного регулирования обеспечения безопасных условий участия в уголовном процессе. Обеспечение прав и свобод человека является одним из принципов уголовного судопроизводства и осуществляется путем применения специальных уголовно-процессуальных мер по защите участников процесса, если существует угроза их жизни и здоровью [1].

Нормативным актом, учитывающим основополагающие международные принципы и стандарты в области безопасности участников уголовного судопроизводства, является принятый в 2004 г. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [3].

Согласно его положениям, государство обязано защищать любой субъект уголовно-процессуальных отношений, добросовестно выполняющий свой гражданский долг. Законом регламентированы: 1) лица, подлежащих государственной защите; 2) меры безопасности, применяемые в отношении этих лиц; 3) основания и порядок осуществления государственной защиты, права и обязанности защищаемых лиц и др.

Мерами защиты являются: временное помещение в безопасное место, личная охрана, охрана жилища и имущества; обеспечение конфиденциальности

сведений; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности.

Однако практическая реализация мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства в России пока имеет некоторые проблемы в связи с тем, что институт государственной защиты лиц рассматриваемой категории все еще находится в стадии становления.

Осознавая опасность и реальность угроз, с которыми могут столкнуться лица, осуществляющие сотрудничество с правоохранительными органами, в целях соблюдения их интересов, права и свободы отдельных лиц могут быть законодательно ограничены. В частности, для полноценного обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших меры по их защите необходимо применять в комплексе с мерами пресечения по отношению к подозреваемому.

Меры пресечения – это предусмотренные законом нормы процессуального принуждения, которые применяются по уголовному делу в порядке, установленном УПК РФ, к обвиняемому (подозреваемому), временно ограничивающие их конституционные права и свободы.

Институт мер пресечения является одним из старейших в отечественном уголовном процессе. Согласно ст. 98 УПК РФ мерами пресечения являются: подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу.

Мера пресечения, получившая наименование запрета определенных действий, была введена в Уголовно-процессуальный кодекс Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ [6].

Целью введения запрета определенных действий как меры пресечения является обеспечение правомерного поведения преследуемого лица (в частности, пресечение возможности скрыться от следствия и суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, воспрепятствовать производству по уголовному делу) [2, с. 227].

Применение запрета определенных действий актуально для случаев, когда следователь полагает, что заключение под стражу будет чрезмерно строгой мерой пресечения, а мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении является недостаточной.

Исходя из положений ч. 5 ст. 1051 УПК РФ, можно утверждать наличие факультативной цели обеспечения безопасности участников уголовного процесса: «потерпевшему, свидетелю или иному участнику уголовного судопроизводства направляется копия решения суда, если запрет определенных действий связан с обеспечением безопасности этих лиц». В п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ указано на такое основание применения меры пресечения, как потенциальная возможность угрозы «...свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства...» [7, с. 54].

Новая мера пресечения в виде запрета определенных действий касается только тех, кого подозревают или обвиняют в преступлении, что дает дополнительные гарантии обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Данная мера ограничивает свободу человека.

Действия, которые суд может запретить обвиняемым: 1) выходить из дома в определенное время; 2) находиться в определенных местах или ближе какого-то расстояния до конкретных объектов; 3) посещать определенные мероприятия и участвовать в них; 4) общаться с определенными людьми; 5) отправлять и получать письма и телеграммы; 6) использовать телефон и Интернет; 7) управлять автомобилем, если преступление связано с нарушением Правил дорожного движения.

Для российского законодателя и правоприменительной практики запрет определенных действий является новой мерой пресечения, однако данная практика достаточно эффективно применяется в зарубежных странах.

В Англии действует судебный приказ-запрет – распоряжение магистратского суда, суда графства или канцлерского отделения Высокого суда, который доступен истцу еще до окончания рассмотрения дела по существу и не является окончательным решением суда [7, с. 73].

В Канаде существует «мирный договор» – приказ суда, предписывающий лицу сохранять «мирное поведение» в течение определенного времени, воздерживаться от каких-либо действий и нахождения в определенных местах [4, с. 290].

В США применяется «запретительный приказ» – вид судебного приказа, предписывающий лицу совершить какие-либо действия в отношении другого лица либо, наоборот, воздержаться от определенных действий. За его нарушение предусмотрена гражданско-правовая или уголовная ответственность [5, с. 270].

Контроль за соблюдением установленных запретов входит в компетенцию федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоохранительные функции, а также реализующего контроль и надзор за исполнением уголовных наказаний в отношении осужденных. Несоблюдение запретов определенных действий влечет за собой изменение меры пресечения на более строгую. Такая возможность предусмотрена также в случае отказа подозреваемого или обвиняемого от применения в отношении него технических средств контроля или их умышленного повреждения.

Считаем, что эффективность соблюдения мер пресечения будет выше при их оперативно-разыском обеспечении. Это позволит быстро выявлять и пресекать преступные намерения носителя угроз. С помощью оперативно-разыскных мероприятий есть возможность документировать действия лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий. Это дает возможность проконтролировать, насколько лицо соблюдает установлен-

ные условия, и, соответственно, быстрее принимать превентивные меры для обеспечения безопасности защищаемого лица.

Участники уголовного судопроизводства являются объектами преступного воздействия во всем мире. В каждом государстве их охрана осуществляется по-разному и относится к одной из приоритетных задач в области противодействия криминальному миру. Однако результатом борьбы с преступностью для любого государства является раскрытие преступления и отправление правосудия. Получение доказательственной базы о событии совершенного преступления – ключевой критерий для применения мер по обеспечению безопасности участников процесса и членов их семей, в том числе использования запрета определенных действий в отношении подозреваемого.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 18.02.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 17, ст. 2421.
3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ: ред. от 07.02.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Андреева О. И., Зайцев О. А., Епихин А. Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 436. С. 225–229.
5. Бекетов А. О. Запрет определенных действий как новая мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2018. № 2. С. 52–54.
6. Лупов Д. В. О понятии выполнения общественного долга // Тр. Акад. упр. МВД России. 2017. № 1. С. 109–113.
7. Краснова К. А. Правовые и организационные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства органами внутренних дел // Рос. следователь. 2015. № 22. С. 37–40.
8. Рустамов А. А. Сравнительно-правовой анализ запрета определенных действий по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и стран англосаксонской правовой системы // Academy. 2019. № 4 (43). С. 72–74.
9. Толманов А. Н. Запрет определенных действий, как средство обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 9. С. 285–292.
10. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. М., 2016. С. 270–272.

УДК 342.92

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

О. Е. Шишкина, доцент кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета

Статья посвящена вопросам реформирования институтов административной ответственности и государственного контроля в Российской Федерации. Автор обращает внимание на проблемы соотношения контрольной и юрисдикционной функций органов исполнительной власти, в частности карательную направленность и недостаточную эффективность государственного контроля, материальную гипертрофию административной ответственности. Анализируются проблемы соотношения судебной и административной юрисдикции, недостаточности процессуальных гарантий для лиц, привлекаемых к административной ответственности. В заключение автор оценивает положительно соответствующие предложения проектов федерального закона о государственном контроле, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Процессуального кодекса об административных правонарушениях, касающиеся усиления профилактической роли государственного контроля и применения риск-ориентированного подхода не только в контрольно-надзорной деятельности, но и в производстве по делу об административных правонарушениях.

Ключевые слова: государственный контроль; административная ответственность; судебный контроль; надзор; административное правонарушение.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY AND CONTROL AND SURVEILLANCE ACTIVITY: TOPICAL PROBLEMS OF REFORM

O. E. Shishkina, associate professor the of Chair of Constitutional and Administrative Law of the Far Eastern Federal University

The article is devoted to the issues of reforming the institutions of administrative responsibility and state control in the Russian Federation. The author draws attention to the problems of correlation of control and jurisdictional functions of executive authorities, in particular, punitive orientation and insufficient effectiveness of state control, material hypertrophy of administrative responsibility. The problems of correlation of judicial and administrative jurisdiction, increase of procedural guarantees are analyzed. In conclusion, the author assesses positively the relevant provisions of the draft Federal Law on State Control, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the Procedural Code of Administrative Offenses regarding the strengthening of the preventive role of state control and the application of a risk-based approach not only in control and supervision activities, but also in production in the case of administrative offenses.

Keywords: state control, administrative responsibility, judicial review, supervision, administrative offense.

В настоящее время институты административной ответственности и государственного (муниципального) контроля (надзора) (далее – государственного контроля) претерпевают процесс реформирования. В Государственной Думе уже находится на рассмотрении проект Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» (далее – проект ФЗ о государственном контроле). Принята Концепция реформирования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – Концепция реформирования КоАП). Проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – проект КоАП) и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – проект ПК) разработаны, однако еще не внесены в нижнюю палату российского парламента.

Одновременное проведение реформ административной ответственности и контрольно-надзорной деятельности неслучайно. Как верно отмечает Е. Дмитрикова в отношении Концепции реформирования КоАП, «принципиально новая характеристика концепции – разработка проекта федерального закона синхронно с реформой контрольно-надзорной деятельности. Такой подход, безусловно, заслуживает поддержки, учитывая тесную взаимосвязь контрольно-надзорного производства и производства по делам об административных правонарушениях» [3].

В науке административного права высказываются различные точки зрения по поводу соотношения юрисдикционной и контрольно-надзорной деятельности государства [2]. Однако не вызывает сомнения, что контрольно-надзорная

и юрисдикционная функции государства тесно связаны. Прежде всего, это обусловлено тем, что один и тот же в институциональном понимании орган исполнительной власти занимается и государственным контролем, и составлением протоколов, и даже привлечением к административной ответственности¹. На практике это приводит к тому, что целью государственного контроля становится не обеспечение соблюдения обязательных требований, а выявление и наказание нарушителей, в то время как граждане и организации продолжают нарушать обязательные требования. Как отмечено в финансово-экономическом обосновании к проекту ФЗ о государственном контроле, «недостаточная эффективность контрольно-надзорной деятельности приводит к значительному ущербу, наносимому охраняемым законом ценностям. В частности, только от дорожно-транспортных происшествий, пожаров и алкогольных отравлений контрафактным алкоголем за год в России погибает более 50000 человек. По предварительным оценкам, общие потери населения от причин, связанных с недостаточной эффективностью государственного контроля (надзора), могут составлять несколько сотен тысяч человек в год» [9].

Более того, часто имеет место злоупотребление объединением контрольной и юрисдикционной функций. Важной гарантией недопущения злоупотреблений со стороны исполнительной ветви власти является, как известно, судебный контроль за деятельностью исполнительной властью. Суд может осуществлять контроль разными способами, в том числе рассматривая дела об административных правонарушениях, возбужденные по результатам контрольно-надзорной деятельности. Поэтому актуальным является вопрос о разграничении юрисдикционных функций между судом и органами исполнительной власти.

В науке административного права на этот счет высказываются прямо противоположные точки зрения [6; 10]. В Концепции реформирования КоАП РФ предлагается «сократить количество составов административных правонарушений, по которым суд (арбитражный суд) является органом, привлекающим к административной ответственности, и ограничить их только теми составами, которые представляют повышенную общественную вредность и по которым административные наказания вправе назначать только суд».

Действительно, с одной стороны, рассмотрение дел об административных правонарушениях в судебном порядке необходимо в тех случаях, когда применяются административные наказания, которые представляют собой такое государственное вмешательство в конституционные права и свободы, которое может быть осуществлено только на основании судебного решения, исходя из конституционных положений об ограничении прав и свобод. В идеале, основная роль суда должна заключаться в рассмотрении жалоб на действия (бездействие)

¹ Например, в сфере безопасности дорожного движения или миграции органы внутренних дел в целом ряде случаев осуществляют и контрольные, и юрисдикционные полномочия.

и решения контролирующих органов, а также на выносимые ими или другими юрисдикционными несудебными органами постановления по делам об административных правонарушениях.

Однако нужно учесть, что административная ответственность в настоящее время тяготеет к материальной гипертрофии, что выражается, в том числе, в увеличении размеров административных штрафов. В этой связи встречаются даже предложения перевести административные правонарушения через институт уголовных проступков в уголовное законодательство с целью распространения на них более высокого уровня процессуальных гарантий для лиц, привлекаемых к административной ответственности [5]. В науке административного права, как правило, данные предложения не поддерживаются [8].

Концепция реформирования КОАП и размещенные для обсуждения соответствующие законопроекты не свидетельствуют о кардинальном изменении подхода к административной ответственности, за исключением того, что процессуальная и материальная части будут отделены друг от друга. Думается, что неотъемлемым элементом реформы административной ответственности должно стать реальное обеспечение принципа объективной беспристрастности и состязательности в судебном рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Как известно, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) распространяет на лиц, привлеченных к административной ответственности, защиту статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство при предъявлении уголовного обвинения. Разработка доктрины «уголовного права в широком смысле» была направлена на то, чтобы государства – члены Совета Европы не могли избежать рассмотрения дела ЕСПЧ введением административных составов вместо уголовных преступлений¹.

В Постановлении по делу «Карелин (Karelin) против Российской Федерации» ЕСПЧ отметил, что Российская Федерация должна создать в своей правовой системе механизм, который обеспечивает достаточные гарантии беспристрастности судов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, путём включения органа обвинительной власти (представителя прокуратуры или другого государственного органа) в те процессы, в которых проводится устное

¹ Первоначально ЕСПЧ изложил свою позицию применительно к дисциплинарным проступкам военнослужащих в Постановлении по делу «Энгель и другие против Нидерландов» от 8 июня 1976 г. Так называемые «критерии Энгеля» получили развитие в других решениях, кратко их можно представить следующим образом: 1) квалификация в государстве, которая, между тем, не имеет принципиального значения; 2) характер правонарушения (необходимо, чтобы данное правонарушение по своему характеру рассматривалось как «уголовное» с точки зрения Конвенции); 3) характер наказания (необходимо, чтобы за совершение данного правонарушения лицо могло быть подвергнуто такому наказанию, которое по своей природе и степени серьезности относится в целом к «уголовной» сфере [5].

слушание, или иные надлежащие меры» [7]. Проект ПК включает лицо, составившее протокол об административных правонарушениях, в состав участников производства по делам об административных правонарушениях.

Другим важным направлением реформирования рассматриваемых в настоящей статье институтов является усиление профилактической роли государственного контроля и расширение риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности и его внедрение в юрисдикционное производство.

Одним из элементов в механизме профилактики выступает такая мера публичного реагирования, как предостережение. Данная мера известна и действующему законодательству, однако в процессе контрольно-надзорной деятельности ее профилактический потенциал не всегда используется, там, где реально это можно было бы сделать.

В проекте ФЗ о государственном контроле более четко определены условия применения предостережения по сравнению с действующей редакцией ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [1].

В частности, предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований может быть направлено контролируемому лицу при одновременном соблюдении следующих условий:

- 1) готовящиеся нарушения или признаки возможных нарушений обязательных требований, сведения о которых получены контрольно-надзорным органом, не соответствуют индикаторам риска причинения вреда (ущерба), установленным для данного вида контроля;
- 2) у контрольно-надзорного органа на момент получения информации о готовящемся или допущенном нарушении обязательных требований отсутствуют данные о том, что такое нарушение причинило вред (ущерб) охраняемым законом ценностям или создало непосредственную угрозу указанных последствий;
- 3) у контрольно-надзорного органа после оценки достоверности сведений отсутствуют доказательства того, что нарушение обязательных требований причинило вред (ущерб) охраняемым законом ценностям и (или) создало непосредственную угрозу указанных последствий;
- 4) контролируемое лицо не привлекалось к ответственности за нарушение обязательных требований, информация о готовящемся или допущенном нарушении которых поступила в контрольно-надзорный орган.

По проекту ФЗ о государственном контроле объявление контролируемому лицу предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований исключает проведение внеплановых контрольно-надзорных мероприятий по тому же поводу в отношении данного лица.

Проекты КоАП и ПК, корреспондируя вышеизложенным положениям проекта ФЗ о государственном контроле, устанавливают, что юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие на законных основаниях деятельность, в отношении которой производится контроль (надзор), привлекаются к административной ответственности за совершение нарушений, влекущих низкий, умеренный, средний или значительный риск причинения вреда (ущерба), только по результатам проведения контрольно-надзорного мероприятия. В случае высокого и чрезвычайного высокого уровня риска лица могут быть привлечены к ответственности до юридического оформления результатов контрольно-надзорного мероприятия. А в случае отсутствия какого-либо риска и при отсутствии других предусмотренных в законе препятствий для вынесения предостережений лицо не понесет административного наказания.

Таким образом, риск-ориентированный подход, как предполагается, должен быть учтен в законодательстве об административных правонарушениях.

Список источников

1. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ: ред. от. 02.08.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: сб. науч. ст. / Р. Ю. Батришин [и др.]; отв. за выпуск А. И. Стахов. М.: РГУП, 2018. 164 с.
3. Дмитрикова Е. КоАП: от концепции к закону // Zakon.ru: [сайт]. URL: <https://zakon.ru/blog/> (дата обращения: 08.01.2020).
4. Европейский Суд по правам человека. Основные положения практики Суда. Критерий Ratio Materiae. 31.12.2006. URL: <http://www.firstmbudsman.org.ua/ru/> (дата обращения: 06.02.2020).
5. Есаков Г. А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста: науч. журн. 2013. № 1 (16). С. 37–45.
6. Женетль С. З. Административный процесс и административные процедуры в условиях административной реформы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 38 с.
7. Карелин (Karelin) против Российской Федерации (жалоба № 926/08): постановление Европейс. суда по правам человека от 20.09.2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Кирин А. В. Еще раз о генезисе административной ответственности (или ответ сторонникам «широкого» уголовного права // Административ. право и процесс. 2013. № 7. С. 53–57.
9. Финансово-экономическое обоснование к проекту Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Фе-

- дерации» (законопроект № 850621–7) // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2020).
10. Шергин А. П. Административная модель системы субъектов административной юрисдикции: миф или реальность // Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: сб. науч. ст. / Р. Ю. Батршин [и др.]; отв. за выпуск А. И. Стахов. М.: РГУП, 2018. С. 18–29.

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ
И СОБСТВЕННОСТИ» (27 МАРТА 2020 ГОДА)**

УДК 343.9

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ
ВРАЧА ИНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
В ОСМОТРЕ ТРУПА НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ**

***Е. В. Дорохова**, старший преподаватель кафедры криминалистики
Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье раскрываются вопросы компетенции и компетентности врача иной специальности при осмотре трупа на месте происшествия. Исходя из анализа нормативных правовых актов и профессиональных стандартов врачей предлагаются пути решения проблемы.

Ключевые слова: врач; судебно-медицинский эксперт; осмотр трупа; компетенция; компетентность.

**TO THE QUESTION OF THE PARTICIPATION
OF A DOCTOR OF A DIFFERENT SPECIALTY
IN THE INSPECTION OF A CORPSE
AT THE PLACE OF ACCIDENT**

***E. V. Dorokhova**, senior lecturer of the Department of Criminalistics of the
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article reveals the issues of competence and competence of a doctor of a different specialty when examining a corpse at the scene of an accident. Based on the analysis of regulatory acts and professional standards of doctors, ways to solve the problem are proposed.

Keywords: doctor; forensic expert; corpse examination; competence.

Осмотр места происшествия является одним из первых весьма важных и ответственных следственно-оперативных действий. Независимо от характера и обстоятельств происшествия осмотр трупа и места происшествия обязателен.

Следует подчеркнуть, что это единственный случай, когда привлечение специалиста-медика для участия в осмотре места происшествия не право следователя, а обязанность. Как показывает практика, успешное расследование дел в значительной мере зависит от своевременного, квалифицированного и полного осмотра. Значение осмотра места происшествия в случае обнаружения трупа трудно переоценить, так как только осмотр дает возможность получить исключительно ценный по своей объективности материал для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Если в протоколе осмотра [1] описание трупа произведено не полностью и поверхностно, то к моменту производства судебно-медицинской экспертизы из-за произошедших трупных изменений решение вопросов о причине и давности бывает весьма затруднительно.

Проблемам осмотра места происшествия и трупа посвящено значительное количество работ криминалистов и судебных медиков. Вместе с тем в литературе вопросы взаимодействия медиков и юристов освещены недостаточно, что вызывает определенные затруднения непосредственно во время осмотра.

Согласно п. 1 ст. 178 УПК РФ, «следователь производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача» [1]. Обязательно участие врача-специалиста и в таких следственных действиях, как наружный осмотр трупа при эксгумации.

Подробнее хотелось бы остановиться на участии врача любой специальности в осмотре трупа на месте происшествия.

Как указывалось, выше, законодателем предусмотрено, что следователь производит осмотр трупа не только с участием судебно-медицинского эксперта, но и при невозможности – с участием врача. То есть в качестве специалиста в области судебной медицины в следственном действии может принимать участие врач любой специальности.

Согласно п. 1 ст. 58 УПК РФ, «специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» [1].

Исходя из понятия, определенного в энциклопедическом словаре: «компетенция (от латинского *competere* – «добиваюсь, соответствую, подхожу»): круг

полномочий, предоставленный законом или иным актом конкретному органу или должностному лицу» [8, с. 621]. То есть это совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица.

С одной стороны, врач иной специальности, не судебно-медицинский эксперт (далее – врач), обладает компетенцией для участия в осмотре трупа на месте происшествия. Это, как указано выше, предусмотрено законодателем. В УПК РФ закреплены права и обязанности участия в данном следственном действии. Некоторые следователи полагают, что процессуально обязательное наличие специалиста гарантируют объективное и полное отражение в протоколе осмотра данных судебно-медицинского характера, забывая о том, что привлекаться может и иной врач.

С другой стороны, лицо, привлекаемое в качестве специалиста, должно отвечать двум неперенным условиям: не быть заинтересованным в исходе дела и быть компетентным. Вот на последнем требовании хотелось бы остановиться подробнее.

Если рассматривать понятие компетентность, то, по Э. Ф. Зееру, это «глубокое доскональное знание существа выполняемой работы, способов и средств намеченных целей, а также наличие соответствующих умений и навыков; совокупности знаний, позволяющих судить о чем-либо со знанием дела» [6, с. 94]. Также в это определение входят квалификационные требования.

Что касается последних, то только должность врача судебно-медицинского эксперта предусматривает осмотр трупа на месте происшествия согласно требованиям профессионального стандарта [3]. Даже у врача смежной специальности, патологоанатома, в квалификационных требованиях не оговорено вышеуказанное следственное действие. Следует учесть, что имеются такие специальности врачей, которые не предполагают осмотра трупа вовсе: врач-кибернетик [3], врач-биофизик [4], – и перечень подобных специалистов достаточно широк.

Необходимо отметить, что врачи всех специальностей изучали судебную медицину, но специализировались по ней единицы. При этом иногда в ходе осмотра трупа на месте происшествия ошибки делают даже судебные медики.

Например, «... в конце 80-х годов прошлого века в украинском Донецке... в судебно-медицинском морге только после срединного разреза выяснилось, что женщина, получившая электротравму, оказалась жива. Принятыми мерами она была спасена» [5, с. 240].

Поэтому не стоит ждать от врача иной специальности при осмотре трупа на месте происшествия соблюдения тактики и методики, с особенностями и юридическими тонкостями которых последний может быть не знаком. Можно

предположить, что врач не владеет информацией о применении всех норм права в подобной ситуации.

Единственное, в чем гарантированно может помочь врач на месте обнаружения трупа, так это в констатации смерти. «В ст. 46 Основ законодательства об охране здоровья граждан на основе положений Сиднейской декларации ВМА относительно констатации факта смерти (1993) в нашем законодательстве подчеркивается необходимость определения момента смерти врачом или фельдшером в соответствии с критериями и порядком, установленными Минздравом России» [5, с. 240]. В российском законодательстве эта норма уже закреплена в ст. 66 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2].

Как видно из изложенного, имеется серьезная компетентностно-нормативная проблема, возникающая при осмотре трупа на месте происшествия врачом иной специальности.

Решить ее возможно следующими путями:

- во-первых, в рамках повышения квалификации врачей (не судебно-медицинских экспертов) необходимо обратить особое внимание на правовую и специальную подготовку в области судебной медицины;
- во-вторых, необходимо предусмотреть во всех профессиональных стандартах врачей возможность осмотра трупа на месте происшествия.

Либо стоит внести поправку в ст. 178 УПК РФ об исключении участия врача иной специальности в таком следственном действии, как осмотр трупа на месте происшествия.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 24.04.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ: ред. от 27.12.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении профессионального стандарта «Врач – судебно-медицинский эксперт»: приказ Минтруда России от 14.03.2018 № 144н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении профессионального стандарта «Врач-биофизик»: приказ Минтруда России от 04.08.2017 № 611н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Акопов В. И. Медицинское право в вопросах и ответах. Ростов н/Д.: Феникс, 2016. 509 с.
6. Зеер Э. Ф. Личностно ориентированное профессиональное образование. Екатеринбург: Изд. РГППУ, 1998. 126 с.

7. Прутовых В. В. Участие специалиста в области судебной медицины в осмотре места происшествия при расследовании убийств: учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во ДВИМП, 2000. 112 с.
8. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
9. Юридический словарь для медицинских работников / под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2018. 288 с.

УДК 343.985

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

***П. А. Жердев**, доцент кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук;*

***А. Д. Белозерова**, слушатель Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье рассматриваются некоторые способы использования виртуальной валюты (криптовалюты, bitcoin) при совершении преступлений. На основе изучения практики, анализа литературы, нормативных правовых актов выявлены проблемы юридической квалификации преступных деяний, связанных с оборотом криптовалюты, обозначены основные направления совершенствования сферы деятельности правоохранительных органов по выявлению сомнительных операций в финансовом секторе экономики.

Ключевые слова: электронные деньги; хищение; виртуальная валюта; криптовалюта; биткоин.

CRYPTOCURRENCY AS A SUBJECT OF CRIME: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

***P. A. Zherdev**, associate professor of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law;*

***A. D. Belozerova**, the cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article discusses some features of the use of virtual currency (Bitcoin cryptocurrency) in the Commission of crimes. Based on the study of practice, analysis of literature, normative legal acts, the problems of legal regulation of criminal acts related to the turnover of cryptocurrencies are identified, and the main directions for improving the sphere of law enforcement agencies' activities to identify suspicious transactions in the financial sphere are outlined.

Keywords: electronic money; theft; virtual currency; cryptocurrency; bitcoin.

На сегодняшний день компьютерные технологии развиваются и проникают во все сферы человеческой жизни. Мы не можем представить нашу жизнь без компьютеров, сотовых телефонов, а также различных других электронных устройств.

В результате развития компьютерных технологий развивается и преступное сообщество в мире киберпреступлений. С появлением «цифровых финансовых активов», в частности криптовалюты, преступники приобрели множество способов совершения различного рода преступлений.

При совершении тех или иных преступлений цифровая валюта может выступать: во-первых, как средство финансирования (например, таких преступлений как терроризм, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми и т. д.); во-вторых, как инструмент или средство совершения преступления (например, при легализации (отмывании) имущества, незаконной банковской деятельности, уклонении от уплаты налогов и т. д.); в-третьих, как предмет хищения.

Сегодня, наверное, нет человека, который бы не слышал и не знал бы, что такое криптовалюта. Данные «электронные деньги» не сравнить ни с какими другими электронными валютами систем типа Webmoney или, к примеру, PayPal. Криптовалюта – это особое электронное платежное средство. По своей сути это математический код, так как при обращении криптовалюты используются криптографические элементы. Единицей криптовалюты являются «сатоши», то есть монеты. Данные «деньги» существуют в цифровом виде, не имеют реального выражения в виде металлических монет или банкнот. Криптовалюта существует децентрализованно, то есть нет централизованного органа, например Центрального банка, который бы занимался ее эмиссией и выпуском. Стоит также сказать, что криптовалюта ничем не обеспечена: ни золотом, ни экономическими финансовыми активами какого-либо государства. Единственное, от чего зависит криптовалюта, так это спрос.

На сегодняшний день наибольшее количество преступлений совершается именно против собственности. Согласно статистическим данным, представленным Главным информационно-аналитическим центром МВД России, за 2019 г. было совершено 51,6 % преступления против собственности [7].

Данная группа преступлений нашла отражение в гл. 21 УК РФ, где ее предметом является имущество или право на имущество. В ряде преступлений против собственности предметом преступного посягательства является и криптовалюта.

Сегодня самым популярным способом хищения криптовалюты является технология «фишинг». По природе фишинг – это один из видов мошенничества, совершаемого в сети Интернет, цель которого – получить прямой доступ к конфиденциальной информации пользователя. Данная технология для злоумышленников хороша тем, что не предусматривается прямой контакт самого злоумышленника и жертвы.

В основе фишинга лежит процесс рассылки электронных писем на почтовый ящик жертвы – владельца криптовалюты. В основном данные электронные письма содержат сведения о том, что владелец криптокошелька стал победителем какого-либо конкурса или участником акции. Данные письма, как правило, содержат ссылку для перехода в криптокошелек жертвы. Жертва, переходя по данной ссылке, автоматически отсылает преступникам данные своего криптокошелька. После этого та криптовалюта, которая хранилась в нем, без согласия потерпевшего перечисляется в криптокошелек злоумышленника. Для того чтобы скрыть сам факт хищения криптовалюты, преступники нередко производят изменение страниц с историей доступного баланса.

Еще один способ хищения «цифровых финансовых активов» используется, когда покупают bitcoin через криптоматы. Сущность данного способа заключается в том, что на сканеры, встроенные в криптоматы, преступники наклеивают двусторонние наклейки с надписью «Сканировать здесь», где указывают на обратной стороне QR-код со своим криптокошельком. В случае если пользователь захочет приобрести криптовалюту через криптомат, то данное устройство считает адрес криптокошелька мошенника, расположенного на оборотной стороне наклейки «Сканировать здесь». Таким образом, если пользователь-жертва не проверит свой криптокошелек, то данные «цифровые финансовые активы» будут отправлены злоумышленникам.

Популярным остается способ хищения криптовалюты с помощью финансовых пирамид. Сущность данной схемы в том, что владельцы «цифровых финансовых активов» вкладывают свои цифровые монеты в пирамиду под предлогом того, что она будет приносить некий процент каждый месяц [9]. В пирамиду можно также привлекать друзей, знакомых, родственников, даже за определенное вознаграждение, которое в дальнейшем будет использоваться, чтобы покрыть определенные обязательства. Затем через какой-то промежуток времени сайт исчезает, а владельцы-инвесторы остаются без криптовалюты.

За время существования криптовалюты было совершено большое количество преступлений, связанных именно с ее хищением.

Самым громким хищением был взлом блокчейн-проекта Nicehash. Nicehash – это площадка, которая объединяет всех пользователей, помогая им получать, а также продавать криптовалюту. Стать ее участником можно, положив на свой счет криптовалюту bitcoin, либо получив разрешение в виде ордера на покупки оборудования для процесса майнинга. Данная площадка пользовалась большим спросом среди пользователей по всему миру, однако 6 декабря 2017 г. на Nicehash были совершены ряд хакерских атак. Сначала среди пользователей появились возмущенные по поводу того, что они не смогли зайти в криптокошелек и совершить операции. Затем пользователям присылали сообщения с информацией, что ведется техническое обслуживание. Позже стало известно, что данная плат-

форма подверглась мощной хакерской атаке, а из кошелька основателей данной площадки была похищена криптовалюта bitcoin [8].

В России также известно немало случаев хищения криптовалюты.

Например, в Санкт-Петербурге было возбуждено уголовное дело о хищении криптовалюты bitcoin в крупном размере. Бизнесмен из Краснодара в ноябре 2019 г. в социальной сети «ВКонтакте» обнаружил объявление о продаже этой криптовалюты. Предполагалось, что криптовалюта должна зачислиться с одного электронного криптокошелька на другой, а бизнесмен, ее покупающий, должен передать продавцу наличные. К декабрю 2019 г. бизнесмен-покупатель прибыл в Санкт-Петербург с 1,5 млн рублей, чтобы приобрести 2 биткойна. С их владельцем бизнесмен-покупатель должен был встретиться в аэропорту, но продавец поставил условие, что переведет криптовалюту на криптосчет покупателя только после перевода денежных средств на его банковскую карту. Переведя денежные средства в размере 1,5 млн рублей, бизнесмен так и не дождался своих 2 биткойнов, а продавец так и не прибыл на встречу [4].

Многие специалисты считают, что и власти, и правоохранительные органы отстали в регулировании цифровой валюты. Сейчас у правоприменителей возникают трудности с процессом расследования преступлений, связанных с использованием цифровой валюты [6, с. 28]. Сегодня следователи сталкиваются с проблемой, связанной с действующим законодательством.

Эта проблема состоит в том, что в настоящее время отсутствуют нормы, которые бы в полной мере охватывали общественные отношения, связанные с оборотом криптовалюты, а также созданием и функционированием соответствующих систем [5, с. 233].

В связи с этим правоохранители не в полной мере готовы противостоять новым видам преступных посягательств, связанных с криптовалютой.

Стоит отметить, что в нашем государстве отсутствует модель правового регулирования в области предотвращения преступлений, связанных с неправомерным оборотом электронных средств платежей.

На сегодняшний день правовой статус криптовалюты не до конца определен, поэтому создаются законопроекты, нормативно определяющие характер данной валюты.

Так, в законопроекте «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» предлагается ввести ст. 141.1 и ст. 141.2, где определялось бы, что признается цифровыми деньгами и какие устанавливаются цифровые права [3].

На сегодняшний день соответствующие изменения в ГК РФ были внесены, а именно была введена Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» ст. 141.1, где дается разъясне-

ние, что признается цифровыми правами [2]. Согласно данной статье, цифровые права представляют собой обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [1].

Предложение о введении в ГК РФ ст. 141.2 не увенчалось успехом. Однако данная статья содержала определение цифровых денег. В соответствии с п. 1 ст. 141.2 ГК РФ в редакции законопроекта № 424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» «цифровыми деньгами может признаваться не удостоверяющая право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданная в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, и используемая пользователями этой системы для осуществления платежей». Данное определение цифровых денег в полной мере отражает содержание понятия «криптовалюта».

Эта статья законопроекта не была введена на основании отзыва Правительства РФ, в котором говорилось, что «...отнесение цифровых денег к законным платежным средствам не соответствует статье 75 Конституции РФ, в соответствии с которой денежной единицей в стране является рубль, а введение и эмиссия других денег на территории государства не допускается».

Следует отметить, что понятие «криптовалюта» и «майнинг» отражены в законопроекте «О цифровых финансовых активах», а именно в ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем федеральном законе». Согласно информационным данным, указанный законопроект Государственная дума РФ может принять в течение 2020 г. Как было отмечено в сообщении депутатского корпуса, «по цифровым активам, к сожалению, пока противоречивые взгляды у компетентных органов и у Банка России».

В связи с этим можно предложить ряд основных направлений, которые необходимы, на наш взгляд, в модели правового регулирования:

- дополнить ст. 128 ГК РФ новым видом объектов гражданских прав – цифровыми деньгами – в контексте совершенствования законопроекта «О цифровых финансовых активах» либо создания нового законопроекта;
- ввести законодательное определение «криптовалюта», «майнинг» в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах»;
- ввести соответствующие статьи в УК РФ, устанавливающие ответственность за совершение преступлений, где предметом или средством совершения преступления является криптовалюта;
- установить режим обмена цифровой криптовалюты в фиатную валюту;
- ввести нормы обязательной идентификации владельцев криптовалюты или иных лиц, которые принимают участие в ее обороте;

– лицензировать деятельность, связанную с получением (майнингом) и оборотом криптовалюты.

Таким образом, криптовалюта – это новая единица в денежной системе общества. Ее появление неслучайно и обусловлено потребностями человека. Хотя цифровые деньги не имеют денежного выражения, а именно не представляют собой монету или банкноту в материальном выражении, они наравне с обычными могут участвовать в различных денежных операциях на рынке.

Следует отметить, что криптовалюта по многим характеристикам схожа с традиционными деньгами, но, как и любое новое явление, имеет свои преимущества и принципиальные отличия. Точно сказать, что будет впереди, очень сложно: можно лишь только прогнозировать и делать анализ текущих тенденций.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 16.12.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: проект федер. закона № 424632-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. В России впервые завели дело о пропаже биткоинов // Lenta.ru: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2017/12/22/nemamont/> (дата обращения: 15.03.2020).
5. Вехов В. Б. Национальные и международно-правовые проблемы противодействия преступлениям в сфере оборота криптовалюты // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. науч. ст., посвящен. 50-летию Юрид. ин-та БФУ им. И. Канта. 2017.
6. Грицаев С. И., Помазанов В. В. Криптовалюта: криминалистическое прогнозирование // Рос. следователь. 2018. № 11.
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 15.03.2020).
8. Пять самых громких краж криптовалют // Криптовалюта.tech: [сайт]. URL: <https://cryptocurrency.tech/pyat-samyh-gromkih-krazh-kriptovalyut/> (дата обращения: 15.03.2020).
9. Семь наиболее распространенных способов хищения криптовалюты. Как уберечь свои активы? // Finansy.name: [сайт]. URL: <https://finansy.name/kriptovaljuta/hishhenie-i-krazha-bitkoinov.html> (дата обращения: 15.03.2020).

УДК 34

ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ ФОНОСКОПИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Д. С. Звягин, преподаватель кафедры криминалистики Воронежского института МВД России

Статья посвящена проблемам, которые могут возникнуть у следственных органов при назначении фоноскопических экспертиз. Представлены примеры вопросов при назначении данного вида исследований.

Ключевые слова: экспертиза; фоноскопия; фонограмма.

TACTICAL FEATURES OF PRODUCTION OF INSPECTION OF A SCENE AT INVESTIGATION OF COMPUTER CRIMES

D. S. Zvyagin, lecturer of the Chair of Criminalistics of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article is devoted to the problems that may arise in investigative bodies when assigning phonoscopic examinations. Examples of questions when assigning this type of research are presented.

Keywords: examination; phonoscopy; phonogram.

В настоящее время в мире имеется множество различных голосовых коммуникаций, которые развиваются и совершенствуются.

Основным средством коммуникации является голосовая речь человека, имеющая многообразие голосовых и звуковых следов. Данные следы являются источниками криминалистической информации, используемые следственными органами для раскрытия и расследования преступлений в различных сферах. Исследованием таких следов занимается отрасль криминалистики – фоноскопия.

Фоноскопическая экспертиза – вид криминалистической экспертизы (специальное исследование), занимающаяся исследованием звуковых следов преступления. Данные следы могут быть зафиксированы на различных носителях, таких как аудиокассеты, компакт-диски, жесткие диски, видеорегистраторы, диктофоны и др.

Акустические сигналы, средства для записи этих сигналов и носители информации являются объектами фоноскопической экспертизы.

Основной задачей фоноскопической экспертизы является отождествление человека по признакам его голоса и речи.

Спорная фонограмма – это фонограмма, из-за которой назначается экспертиза.

Эксперты проводят экспертизы только по звуковой дорожке предоставленного на исследование материала.

При назначении фоноскопической экспертизы необходимо: предоставить оригиналы спорных фонограмм; четко определить границы спорных фонограмм; вынести постановление (задание) о назначении экспертизы отдельно для каждого разговора (спорной фонограммы).

Для решения некоторых вопросов эксперт может послать запрос о предоставлении звукозаписывающего устройства, на котором была произведена запись спорной фонограммы.

В ходе проведения фоноскопической экспертизы решаются как идентификационные, так и диагностические задачи.

Примеры вопросов для проведения идентификационного исследования.

1. Принадлежат ли голос и речь мужчины, участвующего в разговоре со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475, гр-ну Сидорову С. С., образцы голоса и речи которого представлены на аудиокассете марки «Samsung» № 1?

Имеются ли в разговоре со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475, реплики, принадлежащие гр-ну Сидорову С. С., образцы голоса и речи которого представлены на аудиокассете марки Samsung № 1?

Кому принадлежат голос и речь мужчины, участвующего в разговоре со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475: гр-ну Сидорову С. С. (образцы голоса и речи которого представлены на аудиокассете марки «Samsung» № 1), гр-ну Петрову В. В. (образцы голоса и речи которого представлены на аудиокассете марки «Samsung» № 2) или гр-ну Васильеву Н. В. (образцы голоса и речи которого представлены на аудиокассете марки «Samsung» № 2)?

2. Какие реплики в разговоре со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475, принадлежат гр-ну Сидорову С. С., образцы голоса и речи которого представлены на аудиокассете марки «Samsung» № 1?

3. Принадлежат ли голос и речь мужчины, участвующего в разговоре со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475, и мужчины, участвующего в разговоре со слов «Привет, Никита» и до слов: «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Sony» № 13, одному или разным лицам?

4. На представленной ли видеокамере марки «Panasonic VH-30» № 745684 произведена запись разговора со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанного на видеокассету марки «Samsung» № 5475?

Примеры вопросов для проведения диагностического исследования.

1. Сколько лиц принимало участие в разговоре со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475?

2. Какова форма представления речевого материала в разговоре со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475?

3. Каково дословное содержание разговора со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475?

4. Какая акустическая обстановка сопутствовала разговору со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475?

5. Имеются ли на спорной фонограмме, начинающейся со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475, признаки монтажа или какие-либо изменения, внесенные в процессе записи или после ее окончания?

6. Является ли фонограмма разговора со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475, первичной?

7. Можно ли определить номер телефона, акустические следы набора которого зафиксированы на фонограмме со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475?

8. Каковы личностные характеристики диктора, участвующего в разговоре со слов «Привет, Никита» и до слов «До скорой встречи», записанном на видеокассету марки «Samsung» № 5475?

Некачественно проведенная звукозапись и использование неисправной аппаратуры, как правило, не позволяют в полной мере провести исследования спорной фонограммы. Поэтому необходимо, чтобы при записи спорной фонограммы соблюдались следующие условия:

- не допускать технического прерывания звукозаписи (не нажимать кнопку «Stop» или «Pause»);
- исключить или максимально минимизировать фоновые помехи при проведении звукозаписи;
- при записи в помещениях расположить звукозаписывающее устройство так, чтобы максимально качественно отобразить образцы;

- при проведении скрытой звукозаписи расположить микрофон так, чтобы минимизировать трения с одеждой или телом, при этом микрофон следует располагать ближе к внешней поверхности, чтобы запись спорной фонограммы была более качественной. Это касается и маскировки в предметах, не относящихся к одежде;

- использовать выносные микрофоны (если есть необходимые разъемы) при записи на магнитофоны, имеющие встроенные микрофоны;

- следить за скоростью движения ленты, которая при записи на микрокассетный диктофон должна быть 2,4 см/сек (переключатель в положении 2,4), функция активации записи от голоса должна быть выключена.

Для идентификации личности, помимо пригодной спорной фонограммы, необходимы качественные сравнительные образцы. Основными критериями, предъявляемые к отбору сравнительных образцов, являются:

- представительность – качество, объем и содержание речевого материала (длительность должна составлять около 10 минут звучащей речи; слова, словосочетания, предложения не должны быть подготовленными, должен быть свободный текст; запись должна осуществляться при помощи качественных и проверенных средств, в закрытых помещениях, различные фоновые помехи исключены);

- сопоставимость – схожесть речевой контекста (присутствие в сравнительных образцах и спорной фонограмме одинаковых слов и фраз; одинаковое эмоциональное состояние диктора).

Если отбор образцов для сравнительного исследования производится в рамках какого-либо следственного действия (например, очной ставки или допроса), следует устранить факторы, негативно влияющие на качество фонограммы: одновременное произнесение реплик с записываемым лицом, перебивание записываемого лица, а также одновременную с речепроизводством записываемого лица фиксацию показаний с применением клавиатуры компьютера [2].

Список источников

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511: ред. от 27.06.2019.
2. Гармаев Ю.П. Производство судебной экспертизы и проблемы судебно-экспертной деятельности // Курс лекций / Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высшего проф. образования «Кубанский государственный аграрный университет». Краснодар, 2016. С. 35–37.

УДК 343.9

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗРАБОТКУ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ И КОМБИНАЦИЙ

***Н. Е. Мерецкий**, профессор кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации*

На основе закономерностей объективной действительности в статье исследуются проблемы разработки и реализации тактических приемов. Практика показывает, что различные рекомендации по применению в процессе расследования того или иного тактического приема или комбинации должны разрабатываться и исследоваться до возбуждения уголовного дела. В случаях обнаружения преступного деяния их необходимо успешно применять с целью изобличения субъекта, его совершившего.

Ключевые слова: законодатель; криминалистика; закономерность; наказание; тактический прием; тактическая комбинация; правоохранительный орган; уголовное дело; рекомендации; признак.

REGULARITIES OF OBJECTIVE REALITY, INFLUENCING THE DEVELOPMENT OF TACTICAL TECHNIQUES AND COMBINATIONS

***N. E. Meretskiy**, professor of the Department of Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation*

Based on the laws of objective reality, the article examines the problems of developing and implementing tactical techniques. Practice shows that the development of various recommendations for the use of a particular tactic or combination in the investigation process should be investigated before criminal proceedings are initiated. In cases of detection of a criminal act, they must be successfully applied in order to expose the subject who committed it.

Keywords: legislator; criminalistics; laws; punishment; tactical technique; tactical combination; law enforcement agencies; criminal case; recommendations, sign.

При разработке определенных научных предпосылок для раскрытия, расследования преступлений криминалистика исходит из задач, стоящих перед обществом в целом. Разрабатывая какую-либо рекомендацию или тактический прием, необходимо исходить из реалий, которые стоят перед работниками правоохранительных органов в период работы по уголовному делу.

Область общественно опасных деяний значительно шире области наказуемых правонарушений. В силу бурного развития науки и техники преступления и преступность, используя некоторые достижения, применяют их в целях неправомерного обогащения. К сожалению, законодатель прибегает к наказанию лишь в случаях, когда общественная опасность деяния достигает определенной степени и когда именно угроза наказанием и его применением является наиболее эффективным средством борьбы с такого рода правонарушением.

Однако криминалистика, изучая и анализируя то или иное общественно опасное деяние, разрабатывает определенные методические рекомендации по их пресечению, опережая в некоторых случаях предлагаемые законодателем акты. Фиксируя способы, которые разрабатывал и использовал субъект для совершения преступления, отбирая из его действий определенные комплексы фактов и связывая их в единую последовательную цепь, криминалистика изучает именно эту совокупность определенных признаков и пытается на них влиять в процессе расследования.

Мы считаем, что в качестве научных предпосылок в целях разработки научно обоснованных рекомендаций для успешного расследования должны изучаться следующие факторы:

- 1) общая тенденция развития научно-технического прогресса в различных отраслях знания;
- 2) возможность использования достижений науки в расследовании преступлений;
- 3) возможность формирования в системе криминалистики методик, не регламентированных законом;
- 4) опора в разрабатываемых методиках на современный уровень развития системы криминалистических рекомендаций, отвечающих реалиям времени;
- 5) возможность создания в арсенале криминалистических методов реализации нового инструментария [1].

Вокруг нового уголовного состава должны формироваться признаки, относящиеся к объективной и субъективной стороне преступления, к его объекту и субъекту. К объективной стороне состава преступления должны относиться

и последствия преступного деяния, которое причинно связано с действием или бездействием.

Рассматривая вопрос о науке как источнике научных предпосылок в целях разработки научно обоснованных рекомендаций при разработке направлений расследования, мы столкнулись с проблемой, что многие ученые чаще всего ограничивают его исследованием в области применения по результатам информации о совершенном преступлении, не выходя за рамки уголовно-процессуального законодательства.

Нет сомнений, что в этом направлении необходимо субъектам расследования действовать целенаправленно, используя разработанные тактические приемы в рамках соблюдения конституционных и уголовно-процессуальных гарантий. По нашему мнению, всякое неправомерное применение и использование недозволённых приемов в пользу защиты государственных интересов может привести к отрицательным результатам. Однако ни объективно вредное последствие, ни вызвавшее его действие человека недостаточны для того, чтобы обосновать применение неэтичного тактического приема или тактической комбинации.

Устойчивая закономерная связь перечисленных выше элементов означает, что при рассмотрении целостной структуры расследования отдельного преступления должны приниматься во внимание, разрабатываться и реализовываться научные рекомендации для широкого применения работниками правоохранительных органов.

Изучение практики показало, что во всех случаях при разработке тактических приемов исходными данными служила какая-либо информация (доказательственная или ориентирующая), получаемая из различных источников, но только после совершения преступления, которая влияла на их использование. Однако мы считаем, что тактические приемы необходимо разрабатывать до совершения преступления, на основе аналогичных противоправных деяний того или иного субъекта. Думается, что только на этой основе возможно получить положительный результат при раскрытии и расследовании совершенного преступления.

В результате проведенных нами исследований установлено, что успешная реализация тактических приемов или тактических комбинаций предполагает: во-первых, решение отдельных задач расследования путем проведения одного или нескольких следственных действий; во-вторых, опережение действий преступников во времени с учетом характера противоправной деятельности и их личности; в-третьих, создание возможности для сообщения в правоохранительные органы; в-четвертых, налаженное качественное взаимодействие оперативного работника с дознавателем и следователем.

Но разработка и применение различных тактических приемов и комбинаций для успешного проведения следственных действий невозможна без какой-либо

исходной информации о преступлении и преступнике, даже если она собрана и проанализирована по аналогичным правонарушениям. Это подтверждается и практикой расследования преступлений, которая показывает, что способы выявления криминалистически значимой информации могут существенно различаться [2, с. 71].

Для ее получения используются различные методы, отраженные как в Уголовно-процессуальном кодексе, так и в других законах (например, Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»). Предусмотренная в них схема осуществления познавательного процесса, осуществляемого при исследовании вещественных доказательств, предполагает реализовывать информацию о преступлении и преступнике. Но на этом информационный процесс не должен останавливаться или затормаживаться.

В дальнейшем необходимо выделить круг тех информационно значимых доказательств, которые отражают индивидуальные свойства полученной информации о совершенном преступлении. Это позволит сократить путь криминалистического познания предполагаемого способа совершения преступления и предложить конкретный метод реализации тактических приемов или комбинаций, направленных на успешное его раскрытие. Разработанные и используемые тактические приемы и комбинации в процессе расследования должны, по нашему мнению, отрываться от определенного способа и механизма совершения преступлений.

Если проанализировать деятельность следователя, то расследуемое противоправное деяние для него всегда является событием прошлого. Познание всех этапов его деятельности, то есть мысленное воссоздание последовательности действий, совершаемых субъектом, осуществляется опосредованно, но в обязательном порядке на основе непосредственного изучения обнаруженных изменений (идеальных или материальных следов), вызванных данным событием. Необходимость выделения этой информации для разработки тактических приемов и комбинаций становится очевидной, если учесть, что круг субъектов, являющихся носителями этой информации, весьма ограничен.

С этой точки зрения, как нам представляется, предварительное и судебное расследование могут быть определены как сложный, многоэтапный, целенаправленно организованный процесс овладения и оперирования доказательственной и иной информацией, имеющей значение для изобличения субъекта, совершившего противоправное деяние.

Только в этом случае возможно применение заранее разработанных тактических приемов рекомендовать для реализации при проведении следственных действий в период расследования.

Влияние следственной практики на разработку криминалистических рекомендаций обнаруживает сложные двусторонние связи при появлении новых

способов подготовки, совершения и сокрытия преступления, приводящих в действие заранее разработанные новые приемы получения доказательств. Источником формирования рекомендаций (кроме выше перечисленных) в процессе расследования служат как информационно-статистические данные, так и научно разработанные криминалистические концепции об объективных процессах и закономерностях, на изучение которых направлена криминалистика. Это единая компактная система взаимосвязанных положений.

В связи с анализом указанной взаимосвязи нами установлена следующая зависимость: как только следователь переходит от анализа имеющейся информации к решению конкретных задач расследования [3], на первый план выступает необходимость использования в реализации тактических приемов или комбинаций.

Приведенная концепция устанавливает, что необходимым условием использования тактических приемов или комбинаций для успешного проведения следственных действий является правильное понимание значения влияющих на весь ход и результаты закономерностей между механизмом совершения преступления и процессом его установления, где процесс доказывания играет решающую роль.

Но в самом процессе предъявления доказательств должна быть выстроена стройная структурная позиция, состоящая из динамических обоснований роли того или иного субъекта. Такие обоснования, как показывает практика, играют существенную роль, так как в большинстве случаев требуется сочетание следственных действий с оперативно-разыскными и другими мероприятиями, проводимыми по уголовному делу.

В заключение следует отметить, что в настоящее время в практике сложилась такая тенденция: преступление и детали, связанные с его совершением, установлены, лицо его совершившее, задержано, а доказать вину или даже причастность данного субъекта невозможно, так как следователь сталкивается с резко возросшим противодействием со стороны подозреваемого и связанных с ним лиц (соучастники, друзья, знакомые, родители и т. п.). И часто возможности в современных условиях у обозначенных субъектов безграничны.

Изучение проблем, связанных с применением тактических приемов и комбинаций при расследовании преступлений все больше и больше приводит нас к выводу о том, что в криминалистической методике не полностью выявлены, а отсюда и не полностью разработаны проблемы, имеющие важное значение для практической деятельности по установлению лица (лиц), совершившего (совершивших) преступление.

Список источников

1. Жердев П. А. Использование криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений // Вестн. Дальневост. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 3 (36).
2. Мерецкий Н. Е. Влияние исходной информации на расследование преступлений // Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований: материалы всерос. науч-практ. конф. (11–12 ноября 2016 г.). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016.
3. Шурухнов Н. Г., Румянцева М. О. Уголовно-процессуальные условия (требования), обеспечивающие законность, обоснованность и своевременность рассмотрения сообщения о преступлении // Вестн. Дальневост. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 4.

УДК 343.982.323

ЗНАЧЕНИЕ ГАБИТОСКОПИИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

***М. В. Серебрянникова**, заместитель начальника кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук;*

***А. Ю. Драганюк**, слушатель Дальневосточного юридического института МВД России*

В данной статье авторы представили некоторые результаты анализа исторического развития габитоскопии и современные возможности идентификации личности преступника по словесному описанию, которые при внедрении в деятельность сотрудников правоохранительных органов могут способствовать оперативному раскрытию и расследованию преступлений.

Ключевые слова: габитоскопия; преступление; раскрытие; субъективный портрет; фоторобот; идентификация; преступник.

SIGNIFICANCE OF HABITOSCOPY IN THE SOLVE AND INVESTIGATION OF CRIMES

***M. V. Serebryannikova**, deputy head of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law;*

***A. Yu. Draganyuk**, the cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

In this article, the authors presented some results of the analysis of the historical development of gabitoscopy and modern possibilities of identifying the offender according to verbal description, which, when introduced into the activities of law enforcement officials, would facilitate the prompt detection and investigation of crimes.

Keywords: habitoscopy; crime; disclosure; subjective portrait; photobot; identification; criminal.

Как найти преступника среди миллионов людей, проживающих в различных городах? Возможно ли по результатам допросов свидетелей и очевидцев соста-

вить качественные и полные изображения подозреваемого? Есть ли в настоящее время эффективные методы розыска преступника по его изображению или же они были изучены много лет назад и правоохранные органы пользуются ими до сих пор? Эти и многие другие вопросы способствуют развитию такого направления в науке криминалистике, как габитоскопия.

Как известно из истории развития габитоскопии, ранее лиц, причастных к совершению преступлений, разыскивали и опознавали по таким отличительным признакам, как, например, следы от клеймения, шрамы, родинки, особенности физического состояния в виде хромоты, болезненности и т. д. Однако известные данные об особых приметах преступника не позволяли его оперативно отыскать. Изображения рисовались художниками от руки или же составлялись с помощью диапроектора и карточек, на которых были изображены фрагменты лица: губы, волосы, рот, глаза и т. д. Однако все это было недостаточно эффективно, так как выборка элементов анатомических и физических признаков была, во-первых, ограничена, во-вторых, не классифицирована. Идея о предоставлении потерпевшим, очевидцем и свидетелем фотокарточек терпела также неудачи, потому что на составление субъективного портрета уходило немало времени. Кроме того, необходимо было создать единую результативную систему, которой бы пользовались все сотрудники правоохранительных органов.

Со временем лицо, причастное к совершению преступления, научилось не только тщательно скрывать следы преступления, но и изменять внешность, маскировать особые приметы.

Таким образом, до конца XIX в. не было ни одного надежного и эффективного метода идентификации преступника [2, с. 93–96].

Только в конце 70-х гг. XIX в. чиновником французской полиции А. Бертильоном была заложена основа в развитие такого криминалистического учения, как габитоскопия: он предложил свой метод идентификации преступника, используя разработанную им систему антропометрии [3, с. 77–82]. Установив определенный перечень измерений, которые необходимы для точной идентификации человека, он стал фотографировать подозреваемых и обвиняемых в анфас и профиль, формируя соответствующие картотеки. Позже такой метод фотографирования стал называться сигналистической фотосъемкой.

Система идентификации личности, разработанная А. Бертильоном, постоянно совершенствуется и применяется и в настоящее время, при этом буквенные обозначения были заменены на анатомические, физические, функциональные сведения и особые приметы.

Следует заметить, что к субъективному отображению внешнего облика человека относится мысленный образ и словесное описание.

В широком смысле под мысленным образом понимаются сведения о человеке, которые содержатся в памяти другого человека [5, с. 198–201]. В свою

очередь, словесное описание внешности человека осуществляется с использованием единых, общепринятых терминов.

С помощью мысленного образа путем словесного описания создаются субъективные портреты. При этом, составляя субъективный портрет, необходимо правильно построить так называемый «треугольник»: глаза, нос и рот. В этом случае даже если изменить какие-либо черты лица преступника, возможность его опознания велика, поскольку расстояние между основными антропометрическими точками изменить сложно.

В 1968 г. в Научно-исследовательском институте МВД СССР создали первую модель идентификационного комплекта рисунков. Портреты составляли из рисованных элементов вручную на специальном приборе. Параллельно внедрялся японский прибор «Полипроектор» [11], при использовании которого субъективный портрет получался в результате проецирования на экран фрагментов черно-белых фотографий реальных лиц. Сначала выбирались снимки и на них те элементы, которые напоминали очевидцу преступника, после чего из выбранных частей составлялось и проецировалось необходимое изображение.

Только в 1992 г. лабораторией экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД совместно с университетом имени Баумана была создана первая компьютерная система по составлению субъективных портретов – «Фоторобот-С» [11].

Подразделения уголовного розыска и следственных органов до сих пор пользуются такими компьютерными приложениями, как «Фоторобот» и Faces, в основу которых положен принцип «Айденikit» (ИКР-2 – идентификационный комплект рисунков) и его модификации «Портрет». К аналогичным программам следует отнести такие, как, например, «3D Фоторобот», «Облик», «Барс», «Каскад-Фоторобот», «Портрет-Поиск» [4, с. 22]. Среди мобильных приложений для рисования фоторобота можно отметить FlashFace и Police Tool № 1.

В настоящее время существуют различные онлайн-сервисы для отыскания лица или определенного места, например, Google Images, «Яндекс Картинки», Search4faces, в основе которых лежит использование нейронной сети и машинное обучение [8].

В связи с развитием технических устройств и инновационных 3D-технологий, в том числе программы «живого» моделирования трехмерного изображения лица с учетом всех его особенностей, в правоохранительных органах появилась возможность фиксировать полученную от потерпевших, очевидцев или свидетелей информацию, содержащую мысленный образ, более точно и наглядно с помощью криминалистической системы моделирования внешности «Папилон KLIM-3D» и идентификации по фотоизображениям внешности «Папилон Полифейс» [10]. Благодаря такой программе, как «Контур-Фоторобот» появились функции по

прогнозированию возможных изменений внешности преступника, что может быть направлено на дальнейшее использование фоторобота в розыске.

Однако в настоящее время, на наш взгляд, при составлении фотороботов нельзя ограничиваться только специализированными программами. Полагаем, что при составлении субъективного портрета могут быть использованы и иные программы: англоязычные типа FaceGen Modeler, демоверсии таких продуктов, как «Identi-Kit 7» и Facette [7]. При этом, в условиях мобильности населения, а также с учетом способов совершения преступлений, возможно создание 3D-моделей образа человека в программах, разработанных в зарубежных странах (например, ZBrush, Blender, MakeHuman [1]).

Следует отметить, что перечисленные программы по созданию персонажей в 3D-вариациях используются, как правило, для создания кино-, видео-, фотоматериалов, мультимедиа и не рассматриваются правоохранными органами как одно из эффективных средств для создания изображений лица по мысленному образу, что, по нашему мнению, не совсем верно.

Ограничиваться только анатомическими признаками лица при создании фоторобота в целом нецелесообразно. Например, потерпевшие, описывая образ преступника, нередко вспоминают такие анатомические признаки фигуры, как спина, ноги, руки, грудь, кожа, а также функциональные признаки: осанку, мимику, артикуляцию. В типовых программах, используемых правоохранительными органами, такие элементы ограничены, хотя и имеют большую выборку. Используя же более функциональные программы, можно, например, таким элементам, как движения и походка, задать параметры конкретизированной обстановки, спроецировав таким образом определенную модель, изображение. Реалистичность показываемого может помочь потерпевшим, свидетелям или очевидцам вспомнить детали, спроектировать модель и составить фоторобот с некоторыми дополнениями, уточнениями, изменениями или же опровержениями ранее запечатленных в памяти образов.

Но все же есть некоторые недостатки с созданием макетов в этих программах. Во-первых, отсутствие определенных навыков в сфере компьютерных технологий у сотрудников правоохранительных органов влечет за собой необходимость привлекать специалиста к данному процессу. Во-вторых, платформы некоторых программ работают на платной основе или же язык интерфейса – английский, которым также владеют, к сожалению, не все сотрудники правоохранительных органов. Поэтому говорить об оперативном внедрении каких-либо новаций, развитии и создании аналогов данных продуктов, которые бы применялись в целях улучшения расследования и раскрытия преступлений, пока не приходится.

Вышесказанное свидетельствует о том, что, используя разное программное обеспечение, можно добиться желаемого результата и дополнять элементы при составлении субъективных портретов посредством различных программ, после

чего возможно графическое редактирование полученных результатов в таких редакторах, как, например, Adobe Photoshop и Photo Line. Важной особенностью данных программ является возможность создания собственных библиотек путем загрузки новых рисунков, элементов.

Мы приходим к выводу, что составляющие антропометрии присутствуют и в эпоху нанотехнологий в виде основы такого современного направления, как нейронная сеть. Более того, развитие биометрической идентификации личности применяется в правоохранительных органах в аппаратно-программном комплексе «Безопасный город».

Например, российская компания NtechLab, специализирующаяся на решениях в области нейронных сетей на основе технологий распознавания лиц FindFace, реализовала продукт FindFace Security, который успешно интегрирован в систему видеонаблюдения города Москвы. Позже на основе технологий FindFace были установлены видеокамеры в Кемерово, Альметьевске, Рязани и т. д. Также разработаны приложения FindFace Security Mobile [12].

Подобные решения по распознаванию лиц по видеосъемке на основе нейронных сетей открывают новые перспективы для раскрытия преступлений, розыска и задержания подозреваемых лиц [9]. Когда основные данные получены, то их можно успешно реализовать в «Папило Полифейс-3». Данный продукт основан на алгоритме поиска 3DiVi Face SDK, разработанный компанией 3DiVi из группы компаний «Папило». Алгоритм работы построен на основе метода обучаемых нейронных сетей и обеспечивает высокие показатели точности и надежности автоматического сравнения. В базе данных хранятся карты с фотоизображениями лиц, чьи установочные данные известны, и фотоследы с фотоизображениями или субъективными портретами (фотороботами) лиц, чья личность не установлена.

Конечно, в подобных программах и при их реализации имеются и недостатки в виде сбоев, неправильности расчетов и т. д. Однако научное и техническое развитие продолжается, поэтому продукты дорабатываются и совершенствуются.

В заключение следует отметить, что, каждая новая программа дополняет, развивает функции другой, уже зарекомендовавшей себя в работе, опыт в данном направлении перенимается, недостатки устраняются, а достоинства совершенствуются. Необходимо также отметить, что нанотехнологии развиваются каждый день, и в перспективе – создание «генетического фоторобота».

Конечно, никаких официальных источников на этот счет пока не имеется, но результаты экспериментальных проб и научных публикаций подтверждают вероятность успешной реализации данного направления в практической деятельности. Нарботки в области определения пола, роста, возраста, веса, цвета глаз и волос по генам человека имеются и совершенствуются учеными и специалистами [6].

Таким образом, можно предположить, что использование результатов всех этих разработок вместе с показаниями свидетелей, очевидцев и потерпевших будет гораздо эффективнее, так как генетическое моделирование позволит более точно получить черты лица, подозреваемого в совершении преступления.

В качестве предложения отметим, что, учитывая территориальный принцип нашей страны и разную техническую оснащенность в селах, городах, областях и краях, могут появиться случаи, когда не представляется возможным использовать какую-то определенную лицензионную компьютерную программу для составления фоторобота. В связи с этим полагаем возможным привлечение к данной работе представителей общественности, владеющих соответствующими компьютерными программами, что называется, «в совершенстве», которые смогут оказать весомый вклад в расследование и раскрытие преступлений.

В целом же полагаем что при расследовании преступлений в настоящее время, в частности на этапе составления фотороботов преступников, следует заимствовать и внедрять в деятельность системы МВД России разработки и опыт зарубежных стран, что будет способствовать эффективной и оперативной работе по розыску и установлению личности преступника.

Список источников

1. Лучшие программы для 3d-моделирования и промышленного 3d-дизайна // Getfab.ru: [сайт]. URL: <https://getfab.ru/post/47793/> (дата обращения: 02.03.2020).
2. Маркичев В. Н., Дударь А. И., Хусяинов Т. М. Использование субъективного портрета в работе правоохранительных органов: теория и практика // Наука. Мысль. 2016. № 5–1.
3. Набиев Р. Ф., Горяев Э. Э. Бертильонаж: славное прошлое и возможные перспективы // Уч. зап. казан. юрид. ин-та МВД России. 19. № 2 (8).
4. Отаров А. А., Карданов Р. Р., Кангезов М. Р. Тема 1. Словесный и субъективный портреты в профессиональной деятельности полицейского // Практикум по основам криминалистической техники. Начальник: Принт Центр, 2016. С. 7–37.
5. Пичугин С. А. Антропологический тип человека как фактор, влияющий на полноту и достоверность восприятия криминалистических признаков внешности // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2011. № 7. С. 198–201.
6. Попов В. В. Об одной из перспектив ДНК-анализа // Юристь-Правовец. 2019. № 2 (89). С. 220–225.
7. Программы для составления фоторобота // Сделайкомп: [сайт]. URL: <https://sdelaicompu.ru/programmy/programmy-dlya-sostavleniya-fotorobota.html> (дата обращения: 01.04.2020).
8. Распознавание лиц по фото онлайн // Lumpics: [сайт]. URL: <https://lumpics.ru/facial-recognition-on-photos-online/> (дата обращения: 03.03.2020).
9. Результат сотрудничества // Findface: [сайт]. URL: <https://findface.pro/success-stories/dit/> (дата обращения: 03.03.2020).

10. Система идентификации по изображениям лица Папилон полифейс-3 // Папилон: [сайт]. URL: <https://www.papillon.ru/rus/229> (дата обращения: 01.03.2020).
11. Составитель фотороботов: «Моя задача – вытащить мысленный образ и сделать из него картинку» [Электронный ресурс] //Диалог: интервью-агентство: [сайт]. URL: <https://topdialog.ru/2019/07/12/sostavitel-fotorobotov-moja-zadacha-vytashhit-myslennyj-obraz-i-sdelat-iz-nego-kartinku/> (дата обращения: 20.02.2020).
12. FindFace Security // Tadviser: портал выбор программ и поставщиков. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Продукт: FindFace_Security (дата обращения: 03.03.2020).

УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

***О. В. Усенко**, старший преподаватель кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье рассмотрены сложности, связанные с проведением следственного эксперимента по делам о дорожно-транспортных преступлениях. В частности, особенности постановки целей, выяснения условий и выбора места проведения следственного эксперимента. Предлагаются авторские рекомендации по проведению данного следственного действия.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие; следственный эксперимент; место происшествия.

FEATURES OF THE INVESTIGATIVE EXPERIMENT IN THE INVESTIGATION OF TRAFFIC ACCIDENT CRIMES

***O. V. Usenko**, senior lecturer of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article considered the difficulties conducting an investigative experiment in cases of traffic accident. In particular: the features of setting the aims, conditions and location of the investigative experiment. It contains the author's advices for conducting this investigative action.

Keywords: traffic accident; investigative experiment; place of incident.

Одним из следственных действий, часто производимых при расследовании дорожно-транспортных преступлений, является следственный эксперимент. Он позволяет получить значительный объем информации о событии совершенного преступления. В связи с этим от качественного производства следственного эксперимента зависит эффективность расследования дорожно-транспортных преступлений.

Е. В. Подуянова совершенно верно считает следственный эксперимент весьма трудоемким процессуальным действием, указывая, что его производ-

ство целесообразно лишь тогда, когда интересующие следствие данные нельзя проверить в ходе дополнительных допросов, осмотров, обысков, судебных экспертиз и др. [4, с. 102].

Решение о проведении следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений принимается только после тщательного изучения материалов уголовного дела. В частности, должны быть изучены: протокол осмотра места происшествия, материалы, отражающие результат применения дополнительных средств фиксации (фототаблицы, видеозаписи и др.), а также имеющиеся распоряжении вещественные доказательства; протоколы допроса свидетелей, потерпевших и подозреваемых; материалы экспертиз и очных ставок.

На основе изученных материалов следователь формулирует предположения и версии, ставит вопросы, на которые потребуется получить ответ для принятия решения по делу, определяет, какие из ранее полученных сведений и показаний предполагаемых участников эксперимента, а также какие предположения и версии надлежит подтвердить или опровергнуть. При необходимости следователь должен получить консультации экспертов и специалистов.

Цели следственного эксперимента обычно определяются в соответствии с выдвигаемой следователем версией происшедшего события. В то же время, определяя цели следственного эксперимента, следователь обязан учитывать, что весь эксперимент будет состоять из нескольких опытов. Поэтому он обязан предусмотреть все их возможные варианты и поставить частную цель для каждого из них [6, с. 628].

Выяснение условий, в которых будут проводиться опыты, предусматривает внимательное изучение следователем обстановки местности: участка дороги, где было совершено дорожно-транспортное преступление, времени и погодных условий проведения следственного эксперимента.

Следует отметить, что следственный эксперимент по делам о дорожно-транспортных преступлениях далеко не всегда проводится непосредственно на месте совершения преступного деяния. Он может быть произведен и в иных местах, где могли быть видны обстоятельства совершения преступления.

Так, по одному из изученных нами уголовных дел местом проведения следственного действия являлся балкон жилого дома, с которого обзревалась проезжая часть. Следственный эксперимент проводился в вечернее время, городское освещение работало исправно. Следователь предложил участнику, показания которого проверялись, занять место на балконе, где он находился в момент ДТП, свидетелем которого он являлся. Понятному было предложено называть, какой сигнал светофора, расположенного напротив дома, горит в тот или иной момент. Другой понятой был в очках. Все сигналы были названы третьим понятым правильно. После этого понятым было предложено поочередно

занять место свидетеля и убедиться, что сигналы светофора отчетливо видны, также называть их [5].

При производстве следственного эксперимента по делам о дорожно-транспортных преступлениях возникают сложности, связанные с воссозданием обстановки проверяемого события. После совершения преступления могут произойти определенные изменения на месте совершения преступления (например, вестись дорожные работы), что также не позволяет полностью воссоздать проверяемое событие в первоначальном виде. В связи с этим следователь, выбирая способы проведения следственного эксперимента, должен знать: какие именно факты необходимо воспроизвести; с какой точностью необходимо воспроизвести исследуемый факт; какое влияние на точность опытов оказывают условия проведения следственного эксперимента; какова зависимость точности воспроизведения исследуемого факта и достоверности полученных результатов [7, с. 287]. С учетом указанных обстоятельств лицо, ведущее производство по уголовному делу, сможет определить, насколько точно необходимо воссоздать обстановку проверяемого события и какое влияние на полученные результаты может оказывать разница в условиях проведения следственного эксперимента и проверяемого события.

Необходимость предварительного выезда на место проведения следственного эксперимента есть далеко не всегда. Как правило, в распоряжении следователя имеются достаточно полные материалы осмотра места происшествия, позволяющие ему ориентироваться на местности. В то же время непосредственный выезд на место предоставляет возможность не только более подробно ознакомиться с обстановкой, но и наметить тактические приемы проведения эксперимента.

При определении последовательности производства следственного эксперимента следует учитывать последовательность протекания исследуемых фактов. Отсюда последовательность опытов напрямую зависит от последовательности действий, для проверки которых проводится следственный эксперимент. В то же время во время следственного эксперимента необходимо также соблюдать следующие условия:

- обстановка, в которой проводится следственный эксперимент, не должна быть статична, а должна характеризоваться постепенным изменением условий (например, уровень шума или расстояние, с которого осуществляется обзор определенного места) для максимального приближения условий проведения следственного эксперимента и реальных условий, в которых протекало исследуемое событие;

- при производстве следственного эксперимента его непосредственные участники должны выполнять действия только по прямому указанию следователя, дознавателя, после чего проверяемые лица подробно поясняют результаты совершенных ими действий (например, возможность слышать или видеть что-либо);

– в ходе следственного эксперимента следует засекают время, в течение которого проверяемые лица совершили определенные действия (например, преодолели определенное расстояние, открыли дверь, запертую на замок, выполнили определенные работы), а полученные результаты должны быть зафиксированы в протоколе следственного действия;

– параллельно производству опытов необходимо фиксировать их ход и результаты, применяя при этом технические средства фиксации, измерения расстояния, времени, температуры и т. д. [2, с. 131].

Неоднократность проведения аналогичных (однородных) опытов при производстве следственного эксперимента необходима для того, чтобы исследуемый факт был наиболее тщательно воспроизведен в конкретных условиях. Это позволяет более точно изучить проверяемые явления и получить наиболее корректные результаты.

Следственный эксперимент в большинстве случаев рекомендуется проводить во время суток, при котором уровень освещения и иные факторы (например, положение солнца и т. д.) наиболее сходны с условиями, в которых происходило исследуемое событие. Это является ключевым условием для получения достоверных результатов. Можно себе представить ситуацию, когда следственный эксперимент для установления возможности водителя видеть пешехода в ночное время суток проводится днем. В такой ситуации нельзя говорить о достоверности полученных результатов, так как условия данного следственного действия совершенно не схожи с условиями исследуемого факта [3, с. 65].

Важно проводить следственный эксперимент в климатических условиях, приближенных к существовавшим непосредственно в момент совершения дорожно-транспортного происшествия. Это позволяет достичь большего сходства факторов (видимость, слышимость и др.), зависящих от погодных условий (влажность, температура, ветреность и т. д.). Следует учитывать, что на зону горизонтальной видимости влияют туман, снег, дождь, а на вертикальную – высота и характер облачности. Скорость движения человека, транспортных средств, звука зависят от скорости встречного, попутного или бокового ветра, силы дождя или густоты тумана. На работу механизмов и сохранность следов на местности влияет температура окружающей среды [1, с. 239].

Таким образом, при расследовании дорожно-транспортных преступлений следственный эксперимент чаще всего выступает в качестве источника информации о характеристиках события, получить которые иными способами часто нет возможности. Спецификой следственных экспериментов по дорожно-транспортным преступлениям является то, что их результаты наряду с другими сведениями служат исходными данными для решения задач автотехнической расчетной экспертизы и экспертом оцениваются однозначно, то есть как бесспорно установленный факт.

Список источников

1. Александров В. С. Производство следственного эксперимента до возбуждения уголовного дела // Конституционные гарантии правового статуса личности в России: теория и практика: материалы науч.-практ. конф. М., 2016. С. 239.
2. Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964. 214 с.
3. Кузьмин С. В. Следственный эксперимент: тактические приемы. Часть I // Правда и Закон. 2018. № 1 (3). С. 63–66.
4. Полуянова Е. В. Следственные действия в уголовном процессе Российской Федерации: понятие, классификация и порядок производства: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2014. 180 с.
5. Приговор Индустриального районного суд г. Хабаровска от 20.06.2018 по делу № 1–33/2018 по обвинению Гурбанова Р. Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/hYnLDfhUrPLu/> (дата обращения: 22.01.2019).
6. Цуцкова Е. К. Следственный эксперимент // Проблемы современ. рос. права. 2014. № 5. С. 626–630.
7. Чекулаев А. Г. Проверка показаний на месте и следственный эксперимент: проблема разграничения // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. 2017. Вып. 2. С. 284–290.